

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 (21)

2017

Главный редактор

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков**

Заместители главного редактора:

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**

доктор исторических наук **Ю.А. Зеленев**

Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:

Р.С. Хакимов – вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)

Х.А. Амирханов – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)

И. Бальдауф – доктор наук, профессор (Берлин, Германия)

С.Г. Бочаров – кандидат исторических наук (Симферополь, Россия)

П. Георгиев – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)

Е.П. Казаков – доктор исторических наук (Казань, Россия)

Н.Н. Крадин – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)

В.С. Синика – кандидат исторических наук (Тирасполь, Молдова)

А. Тюрк – PhD (Будапешт, Венгрия)

И. Фодор – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)

В.Л. Янин – академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)

М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)

И.Л. Измайлов – доктор исторических наук (Казань, Россия)

С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)

А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)

Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

Ответственный за выпуск:

Б.Л. Хамидуллин – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Адрес редакции:

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

Индекс 80425, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2017

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2017

© Журнал «Поволжская археология», 2017

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

- R. S. Khakimov** – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)
Kh. A. Amirkhanov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)
I. Baldauf – Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)
S. G. Bocharov – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation)
P. Georgiev – Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)
E. P. Kazakov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)
N. N. Kradin – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)
V. S. Sinika – Candidate of Historical Sciences (T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Moldova)
A. Türk – PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)
I. Fodor – Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)
V. L. Yanin – Doctor of Historical Sciences, Professor (Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

- A. A. Vybornov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue – Candidate of Historical Sciences **B. L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2017

© Mari State University, 2017

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования и публикации

Измайлова С.Ю. (Казань, Россия).
Исследования А.Ф. Лихачева и начальный этап изучения первобытных древностей Казанского Поволжья 8

*Митрошин Е.Н., Лычагина, Е.Л. (Пермь, Россия),
Цыгвинцева Т.А. (Ижевск, Россия), Поплевко Г.Н. (С.-Петербург, Россия).*
Комплексный анализ каменного инвентаря мезолитической стоянки Чашкинское Озеро XI 26

Карманов В.Н. (Сыктывкар, Россия), Галимова М.Ш. (Казань, Россия).
Намеренная фрагментация кремнёвых изделий в неолите (по материалам стоянки Пезмогты 3А на Средней Вычегде, Республика Коми) 48

*Морозов В.В., Лыганов А.В. (Казань, Россия),
Капленко Н.М. (Н.Челны, Россия).*
Поздненеолитический комплекс Гулюковской I стоянки в Нижнем Прикамье 70

*Эсакия К.М. (Тбилиси, Грузия),
Скаун Н.Н., Терехина В.В. (С.-Петербург, Россия).*
Скребки из поселения Арухло I, Грузия (к вопросу о соответствии формы и функций древних орудий)..... 89

Лыганов А.В. (Казань, Россия).
Коминтерновский курган № 1 луговской культуры в Приустьевом Закамье..... 97

Оруджов Э.И. (Казань, Россия).
Система расселения носителей ананьинской культурно-исторической области в бассейне рек Вятка и Ветлуга..... 117

Синика В.С. (Тирасполь, Молдова).
Новые находки предметов звериного стиля на левобережье Нижнего Днестра..... 141

*Байпаков К.М. (Алматы, Казахстан),
Авизова А.К. (Шымкент, Казахстан).*
Тамгообразные знаки на керамике с памятников Отрарского оазиса доарабской эпохи 155

Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 60-летию образования Марийской археологической экспедиции «Проблемы сохранения и популяризации археологического наследия» (13-16 августа 2016 г., Республика Марий Эл, п. Юрино)

Никитин В.В. (Йошкар-Ола, Россия).
Итоги изучения каменного века в Марийском Поволжье 168

Березина Н.С. (Чебоксары, Россия).
Памятники финального палеолита и мезолита Чувашского Поволжья: к вопросу о культурной интерпретации..... 190

<i>Казаков Е.П. (Казань, Россия).</i> К проблеме хронологии памятников меллятамакского культурного типа	211
<i>Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А. (Казань, Россия), Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. (Москва, Россия).</i> Оборонительные сооружения городища Гремячий Ключ.....	221
<i>Ставицкий В.В. (Пенза, Россия).</i> К вопросу о хронологии и периодизации памятников писеральско-андреевского горизонта.....	244
<i>Дроздова Г.И. (Казань, Россия).</i> Участие казанских археологов в работе Марийской археологической экспедиции.....	259

**Материалы II Международной научно-практической конференции
«Археологический костюм: реставрация, реконструкция, репрезентация»
(20–22 апреля 2016 г., Казань)**

<i>Куприянова Е.В. (Челябинск, Россия).</i> Мелкие аксессуары головного убора женщины эпохи бронзы Южного Зауралья: методы исследования и реконструкции	272
<i>Умеренкова О.В. (Кемерово, Россия).</i> Металлические украшения одежды и головных уборов эпохи бронзы Западной Сибири (проблемы изучения и реконструкции)	280
<i>Усманова Э.Р. (Караганда, Казахстан).</i> Презентация андроновского костюма в экспозиции музея (по материалам могильника Лисаковский эпохи бронзы)	289
<i>Файзуллина Д.Ф. (Казань, Россия).</i> Костюм населения Волго-Камья ананьинского времени в контексте развития костюмных комплексов Евразии раннего железного века	305
<i>Бусова В.С. (Москва, Россия).</i> Текстиль из курганов скифского времени в долине реки Ээрбек (Центральная Тува)	318
<i>Лысенко С.С., Лысенко С.Д. (Киев, Украина).</i> Погребальные комплексы и клады как источники для реконструкции парадного убранства носителей комаровской культуры	329

Хроника

<i>Бугров Д.Г., Вязов Л.А., Ситдинов А.Г. (Казань, Россия).</i> Всероссийская научная конференция «I Старостинские чтения».....	351
<i>Федотова Ю.В., Файзуллина Д.Ф., Ситдинов А.Г. (Казань, Россия).</i> II Международная научно-практическая конференция «Археологический костюм: реставрация, реконструкция, репрезентация»	357
Список сокращений.....	361
Правила для авторов.....	363

CONTENTS

Researches and Publications

Izmaylova S.Yu. (Kazan, Russian Federation).
 Research by A.F. Lihachev and the Initial Stage of Studying
 the Prehistorical Antiquities of the Kazan Volga Region..... 8

*Mitroshin E.N., Lychagina E.L. (Perm, Russian Federation),
 Tsygvintseva T.A. (Izhevsk, Russian Federation),
 Poplevko G.N. (Saint Petersburg, Russian Federation).*
 Complex Analysis of the Stone Inventory
 from the Chashkinskoe Ozero XI Mesolithic Site 26

*Karmanov V.N. (Syktyvkar, Russian Federation),
 Galimova M.Sh. (Kazan, Russian Federation).*
 Intentional Fragmentation of Flint Products During the Neolithic (according
 the Pezmogty 3A site on the Middle Vychegda river, Komi Republic)..... 48

*Morozov V.V., Lyganov A.V. (Kazan, Russian Federation),
 Kaplenko N.M. (Naberezhnye Chelny, Russian Federation).*
 Late Neolithic Complex of the Gulyukovo I Site in the Lower Kama Region 70

*Esakiya K.M. (Tbilisi, Georgia),
 Skakun N.N., Terekhina V.V. (Saint Petersburg, Russian Federation).*
 Hide-Scrapers from Arukhlo I Settlement in Georgia (on correspondence
 of the shape and function of prehistoric implements)..... 89

Lyganov A.V. (Kazan, Russian Federation).
 Komintern 1 Burial Mound of Lugovskaya Culture in the Kama Mouth Region 97

Orudzhov E.I. (Kazan, Russian Federation).
 Settlement System of the Representatives of Ananyino Cultural
 and Historical Areal in Viatka and Vetluga Basins 117

Sinika V.S. (Tiraspol, Moldova).
 Newly Discovered Items of the Zoomorphic Style
 from the Left Bank of the Lower Dniester 141

Baipakov K.M. (Almaty, Kazakhstan), Avizova A.K. (Shymkent, Kazakhstan).
 Tamga-Shaped Symbols on Ceramics from the Sites of Otrar Oasis
 of the Pre-Arabic Period 155

**Proceedings of the All-Russian Research Conference dedicated
 to the 60th Anniversary of the Establishment of Mari Archaeological Expedition
 "Issues of Preservation and Popularization of Archaeological Heritage"
 (August 13–16, 2016, the Mari El Republic, Yurino village)**

Nikitin V.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).
 Results of Studying of the Stone Age Period of the Mari Volga Region..... 168

Berezina N.S. (Cheboksary, Russian Federation).
 Sites of Final Paleolithic and Mesolithic from the Chuvash Volga Region:
 the issue of cultural interpretation 190

<i>Kazakov E.P. (Kazan, Russian Federation).</i> The Issue of Chronological Classification of Monuments of the Mellia-Tamak Type	211
<i>Chizhevsky A.A., Khisiametdinova A.A. (Kazan, Russian Federation), Spiridonova E.A., Aleshinskaya A.S., Kochanova M.D. (Moscow, Russian Federation).</i> Defensive Structures of the Gremiachy Kliuch Hillfort	221
<i>Stavitsky V.V. (Penza, Russian Federation).</i> The Issue of Chronology And Periodization of Sites from the Piseraly-Andreevka Horizon	244
<i>Drozdova G.I. (Kazan, Russian Federation).</i> Kazan Archaeologists Participate in Mari Archaeological Expedition.....	259

**Proceedings of the 2nd International Research and Practical Conference
"Archaeological Costume: restoration, reconstruction, representation"
(April 20–22, 2016, Kazan)**

<i>Kupriyanova E.V. (Chelyabinsk, Russian Federation).</i> Small Accessories of Women's Headwear of the Bronze Age in the Southern Urals: research and reconstruction techniques	272
<i>Umerenkova O.V. (Kemerovo, Russian Federation).</i> Metal Adornments of Clothing and Headwear in the Bronze Age of Western Siberia (issues of research and reconstruction)	280
<i>Usmanova E.R. (Karaganda, Kazakhstan)</i> Presentation of Andronovo Costume in Museum Exposition (on materials from Lisakovsk burial ground of the Bronze Age).....	289
<i>Fayzullina D.F. (Kazan, Russian Federation).</i> Costume of the Volga-Kama Population of the Ananyino Period in the Context of the Development of Costume Complexes in the Early Iron Age Eurasia	305
<i>Busova V.S. (Moscow, Russian Federation).</i> Textile from the Barrows of the Scythian Period in the Valley of the Eerbek River (Central Tuva)	318
<i>Lysenko S.S., Lysenko S.D. (Kyiv, Ukraine)</i> Burial Complexes and Hoards as Sources for the Reconstruction of Ceremonial Adornments of the Representatives of Komarovo Culture	329

Chronicle

<i>Bugrov D.G., Vyazov L.A., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation)</i> All-Russian Research Conference "1 st Starostin Readings"	351
<i>Fedotova Yu.V., Fayzullina D.F., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation)</i> 2 nd International Research and Practical Conference "Archaeological Costume: Restoration, Reconstruction, Representation".....	357
List of Abbreviations	361
Submissions.....	363

Исследования и публикации

УДК 902/904

DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.3.21.8.25>

ИССЛЕДОВАНИЯ А.Ф. ЛИХАЧЕВА И НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ КАЗАНСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2017 г. С.Ю. Измайлова

*К 185-летию со дня рождения археолога,
нумизмата и коллекционера А.Ф. ЛИХАЧЕВА*

Автор рассматривает начальный этап изучения ранних периодов истории человечества в России, где первобытные древности начинают изучаться с 1860-х гг. В Казани одним из первых, кто обратился к этой теме, был коллекционер, археолог и нумизмат А.Ф. Лихачев. Знакомство с трудами западноевропейских и российских археологов, позволило А.Ф. Лихачеву обратить внимание на орудия из камня, имевшиеся в его коллекции. Постепенно от сборов и изучения приобретенных предметов он перешел к археологическим изысканиям, увенчавшимся открытием стоянок неолита и бронзового века в окрестностях Казани. Это позволило А.Ф. Лихачеву выступить с несколькими докладами на российских археологических съездах и подготовить несколько научных статей по этой теме. Автор делает вывод о том, что А.Ф. Лихачев является ярким представителем начального этапа изучения первобытных древностей в Казанском Поволжье.

Ключевые слова: археология, история науки, Русское археологическое общество, А.Ф. Лихачев, П.И. Лерх, археологические коллекции, рукописное наследие, праистория, каменный век, бронзовый век, Национальный музей Республики Татарстан.

Начало изучения ранних периодов истории человечества является чрезвычайно интересным и волнующим этапом не только развития археологии как основной науки о далеком прошлом, но и становления современного научного мировоззрения, осознания человечеством своего места в истории Земли. Осознание и принятие общественностью того факта, что человек не является творением Божьим, а является продуктом длительной эволюции, протекало мучительно и трудно, сопровождаясь попытками сохранить привычную библейскую картину мира или подчинить ей новые науч-

ные открытия. Наука о праистории, вооруженная методами археологии, с трудом пробивала себе дорогу к признанию научным сообществом, и к умам образованной общественности. Можно сказать, что практически весь XIX в. прошел под знаком постепенной, но неумолимой смены научной парадигмы, становления основ археологии как науки не только об античных древностях, но и как основной дисциплины, изучающей праисторию – далекое и бесписьменное прошлое человечества.

Как представитель дворянской интеллигенции А.Ф. Лихачев имел

широкое образование, владел несколькими иностранными языками, был знаком с новейшей литературой и горел стремлением принести пользу своему Отечеству. Он относился к немногочисленному прогрессивному слою просвещенных любителей старины, стремившихся спасти от забвения памятники истории, которые могли бы дать достоверные сведения о древних эпохах и народах. Становление его как ученого и коллекционера происходило в то время, когда в Европе были сделаны открытия, изменившие представления о древнем периоде человеческой истории и превратившие Лихачева в убежденного эволюциониста, свободного от консервативных предубеждений.

Исследования европейских ученых оказали решающее влияние на развитие археологической науки, что было связано с введением новых методов и становлением эволюционных концепций в биологии, геологии и палеонтологии относительно систематики животного мира, происхождения и развития жизни на Земле («теория катастроф» Ж. Бюффона, А. Д'Орбиньи, Ж. Кювье). Они позволили соотнести останки древних вымерших животных с хронологией геологических пластов Земли, что привело к началу изучения геостратиграфии и геохронологии (Н. Стенон, В. Смит и др.). Нововведения в биологии и геологии совершили настоящий прорыв в неизведанное, открыв впечатляющую картину истории древнейшего прошлого Земли и самого человечества. Открытия утвердили господство теории эволюционизма в естественных и гуманитарных науках и близких к ним по методам исследования, в первую очередь, в археологии

(подробнее см.: Лебедев, 1992, с. 51; Клейн, 2011, с. 315–341).

Начальный этап развития европейской археологии, как известно, был связан с искусствоведением и изучением классических древностей античности. Другие страны и эпохи оставались объектом лишь случайного внимания, но именно первая половина XIX в. стала новой эпохой в истории науки, – археология сделала мощный рывок вперед, соединив новейшие теории естественных наук с вещественными памятниками. Решающую роль в этом развитии сыграли ученые Франции, Дании и Швейцарии. Используя методы геологии и биологии (теорию стратиграфии и систематику живых организмов), исследователи вещественных древностей Европы превратили археологию в действенный метод изучения прошлого человечества. Новые методы и теория эволюции сделали ее независимой от классических древностей (Лебедев, 1992, с. 47–48; Клейн, 2011, с. 261–286).

Достижения европейской науки оказали огромное влияние на российскую научную общественность. В России все чаще стали говорить о значимости первобытной археологии и писать о находках древних орудий, которые находили при разработке горных шахт, вспашке земли или на размытых берегах рек. Постепенно «доисторические древности» становятся объектом коллекционирования, но собирали их в большей степени коллекционеры-любители и краеведы. Так, судя по всему, начиналось изучение праистории и в Поволжье (Измайлова, 1997, с. 95–98; Измайлова, Назипова, 2005, с. 55–67; Чижевский, 2013, с. 45–46).

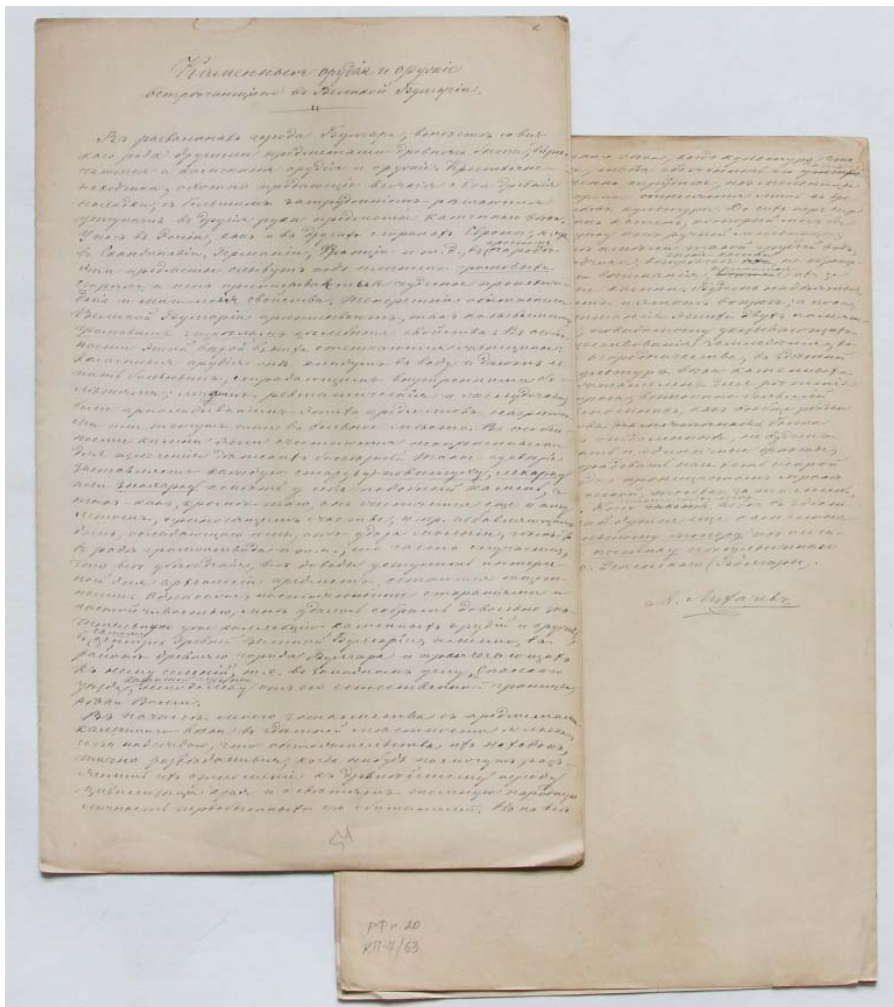

Рис. 1. Страницы рукописи А.Ф. Лихачева «Каменные орудия и оружие встречающиеся в Великой Болгарии». НМ РТ.

Fig. 1. Pages of the manuscript by A. F. Likhachev "Stone Implements and Armament Encountered in Great Bulgaria". National Museum of the Tatarstan Republic.

Тем не менее, до 1860-х гг. в России не было издано ни одной статьи или монографии об ископаемых людях и каменном веке (Формозов, 1983, с. 12). Во многом причиной отсутствия отечественных работ и исследований по первобытной истории был жесткий контроль над деятельностью профессиональных ученых со стороны Академии наук и Министерства внутренних дел. Однако достижения и потребности развития российской

науки, рост культуры общества постепенно разрушали непреложность библейских преданий о сотворении человека богом. С 60-х гг. XIX в. в России стали появляться переводные иностранные работы об эволюции животных, ископаемом человеке и культуре древнего общества. В столичных газетах и журналах начинают печатать переводы статей о пещерных палеолитических стоянках и обзоры открытий в области первобытной ар-

Рис. 2. Находки периода каменного века из собрания А.Ф. Лихачева. НМ РТ.

Fig. 2. Findings of the Stone Age Period from A. F. Likhachev's collection.
National Museum of the Tatarstan Republic.

хеологии, сделанные в Западной Европе (Формозов, 1983, с. 17).

Российские ученые все чаще стали говорить о том, что развитие первобытной археологии в России крайне необходимо не только для национальной, но и для мировой науки как доказательство эволюции человеческой цивилизации. Одним из первых, кто начал поиски ранних памятников человечества на территории России, был академик Карл Максимович Бэр (Клейн, 2014, с. 261–280). В 1859 г. он выступил в Географическом обществе с лекцией, ознакомив слушателей с европейскими открытиями в первобытной археологии и указав на вероятность подобных открытий в России. Начинания Бэра были продолжены работами ученых-естественников – К.И. Гревингга, К.С. Мережковского, И.С. Полякова, А.А. Иностранцева и др. (Формозов, 1986, с. 60–62; Клейн, 2014, с. 411–428). Постепенно находки подобных древних орудий стали считаться важнейшими свидетельствами существования периода каменного века, что привлекло внимание ученых

различных научных областей и краеведов.

Начались поиски доказательств того, что и в России могут существовать многочисленные памятники первобытной древности. Одним из активных исследователей нового направления стал Петр Иванович Лерх. Ему было поручено составление обзора открытий в области каменного и бронзового веков в Европе. В 1865 г. он подготовил для Археологической комиссии «Соображения об археологической поездке в северные губернии» и с целью изучения находок каменных орудий объехал Олонецкую, Вологодскую и Вятскую губернии (Клейн, 2014, с. 279–280). В том же году П.И. Лерх посетил Казань, встретился с А.Ф. Лихачевым и познакомился с его коллекцией.

Этот приезд сыграл важную роль в начале изучения древней истории нашего края, и эти начинания связаны с деятельностью Андрея Федоровича Лихачева. Этот ученый и собиратель древностей известен, прежде всего, богатейшей коллекцией, включаю-

Рис. 3. Находки из Бакалдинской стоянки приказанской культуры из собрания А.Ф. Лихачева. НМ РТ.

Fig. 3. Findings discovered at Bakalda site of the Prikazanskaya culture from A. F. Likhachev's collection. National Museum of the Tatarstan Republic.

щей в себя художественные полотна, предметы быта народов Поволжья, собранием египетских и европейских раритетов, а также многочисленные древности Волго-Уральского региона от каменного века до позднего средневековья, которая позднее положила начало двум существующим ныне музеям – Национальному музею и Музею изобразительных искусств Республики Татарстан. Однако значение деятельности А.Ф. Лихачева определяется не только его собранием, но и трудами в области археологии, истории, этнографии и нумизматики (Измайлова, 1997, с. 95–98; Измайлова, Назипова, 2006).

Для изучения научного творчества А.Ф. Лихачева необходимо использовать не только опубликованные труды, но и его обширное архивное собрание, которое ныне хранится в архивах различных учреждений Казани, Санкт-Петербурга и Москвы. Это его

письма к различным адресатам, включая ведущих археологов и нумизматов своего времени (Измайлова, 1994), и архив его научных трудов, который ныне хранится в Отделе редких книг и рукописей Казанского федерального университета (Архив А.Ф. Лихачева, ед. хран № 154, 157, 161, 162, 164, 166). Все эти материалы позволяют понять творческую лабораторию и круг идей А.Ф. Лихачева, изучить его труды на поприще археологии Поволжья и выявить его вклад в науку (Измайлова, 2004, с. 75–100).

Ознакомившись с коллекцией древностей А.Ф. Лихачева и увидев бескорыстные стремления молодого человека к изучению древней истории, П.И. Лерх поддержал его начинания. К его удивлению и радости, в коллекции Лихачева и в музеях Казанского университета нашлись предметы, которые были целью его поисков – кремневые орудия труда. Они стали

Рис. 4. Находки периода каменного века из окрестностей Казани из собрания А.Ф. Лихачева. НМ РТ.

Fig. 4. Findings of the Stone Age period discovered on the outskirts of Kazan from A. F. Likhachev's collection. National Museum of the Tatarstan Republic.

темой для разговоров двух молодых людей, увлеченных древностями.

В лице столичного археолога начинающий свой путь в науку провинциальный ученый А.Ф. Лихачев нашел не только понимание единомышленника, но и душевное понимание. *«Не нахожу слов, чтобы выразить Вам вполне мою душевную признательность за участие, оказанное Вами к моей скромной деятельности. Уже более десяти лет, как я занимаюсь собиранием древностей из Болгар, и до сих пор моя деятельность почти ни в ком не встречала себе ни поддержки, ни сочувствия»*, – писал Лихачев в ответном письме П.И. Лерху (А.Ф. Лихачев, письмо от 9 ноября 1865 г.).

По возвращении в Петербург П.И. Лерх при содействии директора Мюнцкабинета Императорского Эрмитажа А.А. Куника стал ходатайствовать об избрании А.Ф. Лихачева в

Императорское Русское археологическое общество, и 11/23 октября 1865 г. он стал членом-корреспондентом этого общества, объединявшего многих ведущих археологов Петербурга (Известия, 1868, с. 339).

Встреча с П.И. Лерхом оказала большое влияние на дальнейшие изыскания Лихачева. Он стал обращать особое внимание на поиски орудий людей доисторической эпохи. Обо всех известных фактах и новых поступлениях в коллекцию находок каменного века А.Ф. Лихачев сообщал своему новому другу и коллеге: *«... буду всеми силами отыскивать в здешних местах «громовые стрелы», и даже уже, прежде получения Вашего письма, писал к некоторым своим родным и знакомым, живущим по деревням, об этом предмете»* (А.Ф. Лихачев, письмо от 9 ноября 1865 г.).

Сам Лерх имел весьма значительную коллекцию слепков с археологи-

ческих предметов, и Лихачев подготовил и переслал ряд копий с каменных и бронзовых предметов своей коллекции и музея университета не только для него, но и для собрания Археологической комиссии в Петербурге.

В письме от 3 февраля 1867 г. А.Ф. Лихачев пишет, что отправляет Лерху слепки – «...очень желаю, чтобы Вы остались ими довольны, а также и моего горячностью к описанию предметов каменного периода ... Вы уведомили меня, что сами не храните у себя подлинных древностей и довольствуетесь составлением коллекции слепков [подчеркнуто А.Ф. Лихачевым. – С.И.]; подлинные же предметы, которые Вам достаются, Вы передаете в одно из публичных собраний. Это обстоятельство побудило меня изменить мое прежнее намерение послать Вам оригинал того каменного орудия, о котором я Вас уведомлял, как о первом, добытом мною... Для Вас лично, я бы с ним расстался без особого сожаления: я был бы вознагражден мыслю, что сделал Вам приятное. Но жертвовать его в какое-либо публичное собрание мне не хочется, во-первых, потому, что там и без него уже много подобных предметов; во-вторых, что в моей коллекции местных древностей оно играет хорошую роль, и в – третьих потому, что с тех пор, как я его добыл, я успел собрать еще несколько подобных предметов, и все они найдены в Болгарах и в окрестностях Болгар, так что у меня успела образоваться небольшая коллекция из одних предметов каменного периода» (Архив А.Ф. Лихачева, письмо от 3 февраля 1867 г.).

По рукописному архиву А.Ф. Лихачева можно видеть, что в эти годы

он углубился в изучение трудов западноевропейских и российских ученых, занимавшихся изучением каменного века. Он целенаправленно начинает выписывать книги, тщательно составляет конспекты с обширными выдержками из работ Д. Леббока, Э. Тайлора, Ч. Лайеля, Г. Мортилье, Л. Буржуа, Э. Картальяка и др. Его внимание привлекают работы также и российских ученых – К.И. Гревинга, И.С. Полякова, Н.А. Головкинского, А.С. Уварова, Ф.И. Каминского (Архив А.Ф. Лихачева, ед. хран № 162).

В конце 1860-х гг. А.Ф. Лихачев с удовольствием отмечал, что «постоянными стараниями и настойчивостью удалось собрать довольно значительную коллекцию каменных орудий в самом центре прежней Великой Булгарии, именно в районе древнего Булгара и прилегающих к нему селений, т.е. в западном углу Спасского уезда Казанской губернии» (Архив А.Ф. Лихачева, ед. хран № 157). При сравнении предметов своей коллекции его поражали простота и грубость некоторых находок, которые «европейскими археологами обыкновенно относятся к каменному и бронзовому периодам народной культуры» (Архив А.Ф. Лихачева, ед. хран № 166).

Широкое изучение первобытных древностей в России получило развитие после I Всероссийского археологического съезда, состоявшегося в Москве в 1869 г. В качестве особого гостя был приглашен знаменитый датский археолог И. Ворсо, ученик Х.Ю. Томсена, который убежденно говорил об отсутствии следов палеолита в России (Труды, 1871, с. LXXXII). Это заставило руководство Археологического съезда представить обзор изучения остатков каменного века в

России Н.Ф. Бутенева с предложением активизировать поиски местонахождений этой эпохи на территории России (Бутенев, 1871, с. 184–186).

На II Археологическом съезде, проходившем в Санкт-Петербурге в 1871 г., общие вопросы повторяли тематику Первого съезда, а на обсуждение по-прежнему выносились вопросы, связанные с необходимостью активизации научных поисков «древностей трех веков» и взаимодействия археологии с естественными науками. В программу съезда был включен вопрос о необходимости изучения в Казанской губернии добулгарских древностей, а именно: «Все ли памятники, находимые в местности древнего Булгара, относятся к мусульманскому периоду, и не встречается ли между ними таких памятников, которые могут быть отнесены к более древнему периоду?» (Труды, 1876, с. X).

Знакомство с рисунками первобытных орудий Западной Европы позволило А.Ф. Лихачеву провести сравнение с местными древностями, которые были достаточно разнообразными, но все же сходными с предметами, найденными в других странах. Из числа наиболее часто встречаемых он первоначально выделил долота разнообразных форм, наконечники копий и стрел. К II Археологическому съезду А.Ф. Лихачев подготовил реферат, где, опираясь на состав своей коллекции, высказал предположение о существовании в Среднем Поволжье каменного и бронзового веков, когда древние народы еще не знали секрета обработки металлов и для своих нужд изготавливали орудия из камня, кости, рога или дерева (Архив А.Ф. Лихачева, ед. хран № 162).

Изучая древности, А.Ф. Лихачев стал интересоваться находками каменных орудий, которые попадались крестьянам при обработке земли. Чаще всего это были так называемые «громовые стрелы», которыми в простонародье называли кремневые наконечники стрел треугольной или листовидной формы. Среди крестьян бытовали поверья, что они появлялись в земле в том месте, куда ударила молния. Ученый с удивлением констатировал тот факт, что «крестьяне-находчики, охотно продающие свои древние находки, с большим затруднением расположены уступать в другие руки предметы каменного века, так как приписывают громовым стрелам целебные свойства» (Архив А.Ф. Лихачева, ед. хран № 157). Следует подчеркнуть, что подобные поверья, которые иногда называют «народной археологией» бытовали не только в России, что зафиксировано даже текстом «Домостроя», но и у многих народов Европы (Уваров, 1881, с. 14–15; Высоцкий, 1911, с. 146; Клейн, 2011, с. 48–52; Клейн, 2014, с. 32).

На все вопросы относительно местонахождения «громовых стрел» он получал в ответ либо выдуманные рассказы, либо уверения об их местонахождении вместе другими предметами более поздних эпох. Понимая шаткость аргументов в виде отдельных находок в пользу наличия каменного века в той или иной местности, Лихачев справедливо полагал, что подлинность и датировка первобытного археологического памятника должны подкрепляться комплексными полевыми исследованиями (Архив А.Ф. Лихачева, ед. хран № 162).

По его мнению, археологи прежних лет ранее работали, опираясь лишь

на письменные свидетельства, но задачи развивающейся первобытной археологии должны заключаться *«в собирании и записывании одних фактов; в сравнительном изучении памятников древнего быта, находимых в одной местности, с таковыми же, встречающимися в другой. Эта подготовительная работа со временем, при обильном накоплении фактов, без сомнения, даст возможность из сравнительного рассмотрения и анализа всех фактов дать правильные выводы и верные заключения не только по отношению к хронологии, но также и в этнографическом отношении»* (Архив А.Ф. Лихачева, ед. хран № 154).

Возрастанию интереса к изучению каменного века в Поволжье во многом способствовал IV Всероссийский археологический съезд, состоявшийся в Казани в 1877 г. Во многом благодаря деятельности А.Ф. Лихачева в программу съезда был включен вопрос о наличии в пределах Казанской губернии пещер, служивших жилищами в первобытную эпоху (Труды, 1884, с. X).

Пещерных стоянок в России было больше, чем свайных построек, характерных для Западной Европы, и поэтому внимание было обращено на поиски именно таких жилищ. В дни работы съезда его участники совершили ряд экскурсий для осмотра достопримечательностей Казанской губернии и Казани. 14 августа группа участников выбрала для осмотра собрание болгарских древностей и мюнцкабинета А.Ф. Лихачева (Труды, 1884, с. CXL).

Проблемы первобытной истории все более стали привлекать к себе внимание ученых и краеведов Казани, объединившихся в 1878 г. в Общество

археологии, истории и этнографии (ОАИЭ). В Казанском университете памятники эпохи неолита и бронзы стали изучать профессор геологии А.А. Штукенберг и профессор хирургии и терапии Н.Ф. Высоцкий, внесшие важный вклад в изучение археологии Поволжья (Штукенберг, Высоцкий, 1885, с. 3–126; Высоцкий, 1908, с. 436–447). Первобытные древности стал собирать купец В.И. Заусайлов, и в конце XIX в. его коллекция приобрела значительные размеры и большую известность.

Но Лихачев, хорошо знакомый с западноевропейскими и российскими научными изданиями по каменному веку и предлагаемой в них методикой полевых исследований, стал первым, кто всерьез занялся доисторическим периодом именно как археолог. В 1878 и 1879 годах он совершает разведки с целью поиска следов каменного века в окрестностях Казани и делает выдающиеся открытия, – следы каменного века были им обнаружены на заливной долине Волги близ Казани. Это уже были не случайные и единичные находки. Так, на дюнном всхолмлении поймы р. Волги им была обнаружена настоящая стоянка, где были найдены многочисленные первобытные орудия. Она получила название «Вороний куст», хотя сам автор открытия А.Ф. Лихачев назвал ее «Безымянное озеро». По его наблюдениям, стоянка имела культурный слой до 35 см. Среди находок был обнаружен большой набор изделий из кремня: наконечники стрел листовидной и ромбической формы, крупные скребки, долота, проколки и ножевидные пластины и другие изделия. По наличию значительного количества и разнообразию найденных предметов

Лихачев предположил, что этот археологический памятник следует отнести к типу «мастерской», где происходило изготовление каменных орудий. В современной археологии она названа Бакалдинской I стоянкой и отнесена к эпохам неолита и бронзы (Археологическая карта, с. 61, № 216).

На том же дюнном всхолмлении им была обнаружена еще одна стоянка с культурным слоем (Бакалдинская II стоянка), где были найдены каменные орудия: грубо оббитый молоток из диорита, долота, ножи с краевой ретушью, скребки различной формы, проколки, песты и шлифованные плиты, обломки кости с зарубками и фрагменты плоскодонных сосудов. Лихачев отнес датировку этой стоянки также к эпохе неолита, что подтвердили последующие исследования нескольких поколений археологов (Археологическая карта, с. 61, № 215).

Тогда же была открыта Кукушкинская стоянка, расположенная к западу-юго-западу от деревни Кукушкино. А.Ф. Лихачев профессионально подметил тот факт, что новооткрытый памятник, как и предыдущие стоянки, также располагался на дюнном всхолмлении поймы, недалеко от северной окраины деревни. Находки разнообразных кремневых орудий, нуклеусов и многочисленных обломков позволили ему сделать предположение о том, что здесь также находилась мастерская по выделке каменных орудий.

Сходство найденных орудий и местоположения памятников позволили ученому отнести их к одному периоду древней истории края, к *«той эпохе, которая характеризуется названием неолитического периода, обнимающего собой то время доисторического*

существования человека, когда вошла в употребление шлифовка и даже полировка каменных орудий, которые встречаются в верхнем слое почвы» (Архив А.Ф. Лихачева, ед. хран № 161).

Из найденных материалов в коллекцию Лихачева вошли каменные долота и тесла, скребки, наконечники стрел, фрагменты керамики (Археологическая карта, с. 63). Кроме того, он сообщал и о находках костяных предметов. Собранные предметы древнейшего времени он систематизировал и оформил на шести таблицах.

До открытий, сделанных Лихачевым на территории Казанской губернии, каменные орудия встречались, но в основном на поверхности земли после земляных работ, и они мало привлекали внимание гуманитариев, сосредоточенных в основном на изучении «классических» для Среднего Поволжья болгарских древностей. Можно сказать, что именно А.Ф. Лихачев одним из первых сделал первобытные древности объектом пристального внимания, научного изучения и коллекционирования.

Сейчас сложно говорить о том, по какой методике велись археологические раскопки и изучение объектов. Судя по сохранившемуся письму и рукописям, Лихачев привлек к археологическим раскопкам посторонних лиц, которые фиксировали найденные предметы. О находках стало известно более широкому кругу, и он вынужден был обратиться к членам Общества археологии, истории и этнографии с уведомлением о сделанном открытии и бесцеремонных действиях «некоторых лиц»: *«Спешу уведомить гг. сочленов, сочувству-*

ющих успехам археологии доисторической, что мне удалось открыть близ г. Казани местность, несомненно, свидетельствующую, что на ней некогда существовало производство каменных орудий [подчеркнуто А.Ф. Лихачевым. – С.И.]. По открытию ученых занятий Общества в первое же заседание его я надеюсь иметь честь представить сообщение об этом интересном и важном для науки открытии, проливающим свет на доисторический период обитателей здешнего края.

Я нахожусь вынужденным сделать теперь же заявление о своем открытии, потому что некоторые лица, воспользовавшись неосторожной словоохотливостью того лица, которому поручено мною было произвести предварительные разведки, и, узнав от него, какое важное значение в ученом отношении я придаю вышеупомянутой местности и находкам в ней встречающимся, тоже проникли в эту местность, ранее того им вовсе неизвестную, и собирали там находки. Действовали они совершенно бесцеремонно, вовсе не справляясь о том, привел ли я к концу мое исследование этой местности и якобы тоже с целью опубликования этого открытия. Судя по тому, как действовали эти лица, я вправе заключать, что они намерены приписывать себе же и честь открытия интересного для науки факта. Но такое загрэбание жара чужими руками [подчеркнуто А.Ф. Лихачевым. – С.И.], хотя и практикуется иногда в жизни людьми, не слишком разборчивыми на средства, не может быть допустимо в деле науки, в чем, я уверен, согласятся со мною все уважаемые сочлены нашего Общества» (Архив А.Ф. Лихачева).

В ноябре 1879 г. Лихачев представил результаты своих исследований на рассмотрение общего собрания членов ОАИЭ, где выступил с докладом «О двух новооткрытых местах на заливной долине р. Волги близ Казани, где находятся следы «каменного века» (Архив А.Ф. Лихачева, ед. хран № 161). В своем сообщении он отметил, что «открытие следов каменного века на заливной долине р. Волги близ гор. Казани, кроме того, что дает нам возможность ближе познакомиться с ходом дела обработки каменных орудий, служит еще и важным пополнением общих сведений о здешнем каменном веке» (Архив А.Ф. Лихачева, ед. хран № 161).

Имея обширную коллекцию и полагая, что следует дорожить «каждой искрой света», он подчеркивал важность нахождения и изучения именно целостного археологического памятника. По его убежденному мнению, несмотря на то что отдельно взятые каменные орудия представляют известную степень интереса для исследователя и доказывают существование каменного века в той местности, где оно найдено, точная датировка предмета может быть определена только «характеристической обстановкой». Он утверждал, что «только геологические и палеонтологические исследования в связи с археологией могут доказать действительную давность на земле человеческого рода» (Архив А.Ф. Лихачева, ед. хран № 164).

Выводы, сделанные ученым по открытым стоянкам, были во многом подтверждены позднейшими работами по изучению археологических памятников эпохи неолита и бронзового века (Археологическая карта, 1981, с. 7), поэтому А.Ф. Лихачева по пра-

ву считают первооткрывателем стоянок приказанской культуры (Халиков, 1980, с. 165). Слабая разработанность данного направления археологии, уникальность исследований первобытных стоянок и неразработанность самой методики систематизации находок в крае не позволили автору определить границы существования каменного века в Среднем Поволжье и сформулировать цельный взгляд на ранние этапы праистории в Казанском Поволжье. Впрочем, это не удалось даже его ближайшим последователям (Н.Ф. Высоцкий, А.А. Штукенберг) и было реализовано только в трудах археологов, работавших почти век спустя, в совершенно другой эпохе и в другой научной парадигме, реализуя комплексный подход и обобщая материалы многочисленных археологических исследований, в первую очередь, полевых (см.: Халиков, 1969).

По мнению А.Ф. Лихачева, бронзовый век в Поволжье, как почти везде, начался с освоения самородной меди и, прежде чем древние народы узнали о возможности плавления металла, они делали орудия, выковывая их методом холоднойковки из кусков медного колчедана. Незначительные находки бронзовых орудий, даже по сравнению с каменными предметами, привели его к скоропалительному выводу, что в Поволжье бронзовый век был кратковременным и «цивилизация бронзового века» в Казанской губернии получила распространение только на левом берегу реки Камы и на правый берег не переходила (Архив А.Ф. Лихачева, ед. хран № 166). В 1880 г. Н.П. и А.Ф. Лихачевы производят раскопки Полянского I могильника, часть погребальных комплексов которого была впоследствии отнесена

к финалу бронзового века и считаются первым исследованным научными раскопками некрополем эпохи бронзы (Чижевский, 2014, с. 46).

Определенный вклад внес А.Ф. Лихачев и в осмысление периода раннего железного века. Начало этим исследованиям было положено археологическими раскопками Ананьинского могильника, проведенными в 1858 г. П.В. Алабиным и И.В. Шишкиным (Чижевский, 2014, с. 42–44, 48–49; Чижевский, 2014а, с. 64–98). Его изучение положило начало серьезным археологическим изысканиям отечественных и зарубежных исследователей. А.Ф. Лихачев имел свою точку зрения на датировку этого памятника и полагал, что его следует датировать переходной эпохой от бронзового к железному веку. В качестве аргументов он приводил сходство форм предметов из железа и бронзы, найденных при раскопках могильника, что позволило ему говорить о том, что на примере Ананьинского могильника бронзовый век «едва, так сказать, начавшись и еще не успев пережить своих первоначальных форм, он уже переходит в железный век» (Лихачев, 1884, с. 48). С самого начала Ананьинский некрополь был загадкой для археологов, которые не могли проследить его связи с историей местных народов. Некоторые из них связывали его происхождение со скифами Сибири и Алтая. А.Ф. Лихачев также пребывал в сомнениях по этому поводу, но причину видел в слабом и крайне несистематическом исследовании могильников Волго-Уральского региона. Вместе с тем он определенно указывал, что в Ананьинском могильнике встречались находки, которые можно было соотносить с культурой

финно-угорского населения края (Лихачев, 1891).

Судя по его трудам и письмам, Лихачев являлся сторонником эволюционной теории, так как при сравнении археологических находок опирался на сохранение и развитие форм предметов, и на основании этих результатов выводил преемственность той или иной культуры, предполагал развитие орудий труда от грубых каменных орудий до более сложных в изготовлении бронзовых предметов.

Попытка А.Ф. Лихачева создать исторический очерк каменного и бронзового веков была одной из первых в истории местной археологии. Он привлек для исследований данные смежных и профильных научных дисциплин – археологию, геологию и палеонтологию, использовал данные антропологии. Не располагая большим количеством фактов и совершенной методикой, он сделал целый ряд важных и интересных наблюдений. Интерес к прошлому родного края и знакомство с современным уровнем европейских знаний привело его к стремлению открыть следы каменного и бронзового веков в Казанском Поволжье. Непосредственное знакомство с древностями и изучение

археологических материалов – подлинных исторических свидетельств, – позволили ему стать одним из первых, кто начал изучать археологические памятники первобытной истории края.

Можно сказать, что научный поиск самого А.Ф. Лихачева повторил всю историю становления археологии как науки о древностях. Начав с коллекционирования различных раритетов, он пришел к пониманию того, что они позволяют раскрыть не только средневековые, «классические» для Поволжья периоды истории, но и самые древнейшие ее пласты. Собирая различные предметы прошлого, он понял необходимость их изучения в контексте древностей не только России, но и всей Европы и Азии. Коллекционируя древности, он постепенно стал настоящим ученым, начав самостоятельно проводить полевые изыскания, и которые увенчались открытиями не просто новых находок, но и стоянок каменного и бронзового веков. Все это заставляет считать, что А.Ф. Лихачев является одним из передовых ученых своего времени, одним из ярких представителей начального этапа изучения первобытных древностей в Казанском Поволжье.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Черновик письма А.Ф. Лихачева членам Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1878-79 гг.¹

Г-м Членам
Общества Археологии, Истории и Этнографии
при Императорском Казанском Университете

Спешу уведомить гг. сочленов, сочувствующих успехам археологии доисторической, что мне удалось открыть близ г. Казани местность, несомненно, свидетельствующую, что на ней некогда существовало производство каменных орудий. По открытии ученых занятий Общества в первое же заседание

¹ Датировка письма приблизительная.

его я надеюсь иметь честь представить сообщение об этом интересном и важном для науки открытии, проливающим свет на доисторический период обитателей здешнего края.

Я нахожусь вынужденным сделать теперь же заявление о своем открытии, потому что некоторые лица, воспользовавшись неосторожной словоохотливостью того лица, которому поручено мною было произвести предварительные разведки, и, узнав от него, какое важное значение в ученом отношении я придаю вышеупомянутой местности и находкам в ней встречающимся, тоже проникли в эту местность, ранее того им вовсе неизвестную, и собирали там находки. Действовали они совершенно бесцеремонно, вовсе не справляясь о том, привел ли я к концу мое исследование этой местности и якобы тоже с целью опубликования этого открытия. Судя потому, как действовали эти лица, я вправе заключать, что они намерены приписывать себе же и честь открытия интересного для науки факта. Но такое загрэбание жара чужими руками, хотя и практикуется иногда в жизни людьми, не лишком разборчивыми на средства, не может быть допускаемо в деле науки, в чем, я уверен, согласятся со мною все уважаемые сочлены нашего Общества.

В видах устранения впредь могущих встретиться недоразумений по поводу сделанного мною открытия я нахожусь вынужденным прибегнуть к помощи гласности. Я не присваиваю себе чужих открытий, но пусть же и другие, сделанных мною открытий, не выдадут за свои.

А. Ф. Лихачев

2. Письмо П.С. Уваровой к А.Ф. Лихачеву от 9 августа 1888 г.

Милостливый государь

Андрей Федорович!

Императорское Московское Археологическое Общество, желая получить более полное и верное понятие о численности и распределении доисторических древностей России, пришло к заключению о необходимости составления и издания археологических карт губерний с нанесением на эти карты имеющихся в губерниях курганов, городищ, древних могильников, валов, засек, а также с обозначением мест находок кладов, древних монет, каменных или медных изделий и т.п.

Вполне осознавая, что для составления таких карт необходимо иметь прежде всего возможно большее число сведений из первых рук, т.е. от местных жителей, Московское Археологическое общество обращается с просьбою о содействии в этом отношении к Вам, Милостливый государь, и будет премного Вам обязано, если Вы найдете возможным сами или через посредство других лиц собрать и доставить ему по возможности не позже трех месяцев, сведения по прилагаемым при сем вопросным пунктам, которые и послужат Обществу материалами для указанной выше цели.

Председатель графиня Уварова

Секретарь В. Трутовский

Его высокородию А.Ф. Лихачеву.

9 августа 1888 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1981. 211 с.
2. Архив А.Ф. Лихачева / Фонд письменных источников Национального музея Республики Татарстан.
3. *Бутенев Н.Ф.* Об исследовании остатков каменного века в России // Труды I Археологического съезда в Москве. М.: Синодальная типография, 1871. С. 184–186.
4. *Высоцкий Н.Ф.* Каменный век в Казанской губернии // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете. Т. XXIII, вып. 6. Казань, 1908. С. 436–447.
5. *Высоцкий Н.Ф.* Очерки народной медицины // Записки Московского Археологического института / Ред. А.И. Успенский. Т. XI. М.: печатня А.И. Снегиревой, 1911. С. 1–168.
6. Известия Императорского Российского археологического общества. Т. 6. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1868. 456 с.
7. *Измайлова С.Ю.* Письма А.Ф. Лихачева в фондах Государственного объединенного музея Татарстана. Казань: Изд-во ГОМРТ, 1994. 44 с.
8. *Измайлова С.Ю.* Собираем и храним // Родина. 1997. № 11. С. 95–98.
9. *Измайлова С.Ю.* Творческая лаборатория провинциального ученого (по материалам переписки казанского археолога и нумизмата А.Ф. Лихачева) // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 75–100.
10. *Клейн Л.С.* История археологической мысли. В 2-х томах. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 688 с.
11. *Клейн Л.С.* История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: Евразия, 2014. 704 с.
12. *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. 1700–1971 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.
13. Лихачев А.Ф. Авторы для следов каменного века. Рукопись / Отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки КФУ. Архив А.Ф. Лихачева. Инв. № 162.
14. Лихачев А.Ф. История Великой Булгарии / Отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки КФУ. Архив А.Ф. Лихачева. Ед. хр. 166.
15. Лихачев А.Ф. Каменные орудия и оружие, встречающиеся в местности прежней Великой Болгарии / Отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки КФУ. Архив А.Ф. Лихачева. Инв. № 157.
16. Лихачев А.Ф. Несколько новых археологических фактов, представляемых древностями Великой Булгарии / Отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки КФУ. Архив А.Ф. Лихачева. Ед. хр. № 154.
17. Лихачев А.Ф. О двух новооткрытых местах на заливной долине р. Волги близ г. Казани, где находятся следы «каменного века» / Отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки КФУ. Архив А.Ф. Лихачева. Инв. № 161.
18. Лихачев А.Ф. О следах каменного века в окрестностях Казани / Отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки КФУ. Архив А.Ф. Лихачева. Ед. хр. № 164.
19. Лихачев А.Ф. Письмо П.И. Лерху от 3 февраля 1867 года / Фонд письменных источников Национального музея Республики Татарстан. Архив А.Ф. Лихачева.
20. Лихачев А.Ф. Письмо П.И. Лерху от 9 ноября 1865 года / Рукописный Отдел Института Русской Литературы. Ф. 152. № 53. 1–33 л.
21. *Лихачев А.Ф.* Скифский след на Билярской почве // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете. Т. V. Казань, 1885. С. 1–33.
22. *Лихачев А.Ф.* Следы бронзового века в Казанской губернии // Тр. VII АС. Т. 2. М., 1891. С. 125–168.

23. Назипова Г.Р., Измайлова С.Ю., «Казанский антиквариум». Казань: Фолиантъ, 2006. 200 с.
24. Труды I Археологического съезда в Москве. Т. I. М.: Синодальная типография, 1871. 318 с.
25. Труды II Археологического съезда в Санкт-Петербурге. Т. I. СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1876. 403 с.
26. Труды IV Археологического съезда в Казани. Т. I. Казань: Типография Имп. ун-та, 1884. 652 с.
27. Уваров А.С. Археология России. Каменный период. Т. I. М.: Синодальная типография, 1881. 477 с.
28. Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России. М.: Наука, 1983. 127 с.
29. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.
30. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.
31. Халиков А.Х. Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука. 1980. 128 с.
32. Чижевский А.А. Начальный этап изучения археологии бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Полевые исследования // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 40–63.
33. Чижевский А.А. Начальный этап изучения археологии бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Кабинетно-аналитические исследования // Поволжская археология. 2013а. № 2 (4). С. 64–103.
34. Штукенберг А.А., Высоцкий Н.Ф. Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии // Труды Общества естествоиспытателей при Казан. ун-те. Т. XIV, вып. 5. Казань, 1885. С. 3–126.

Информация об авторе:

Измайлова Светлана Юрьевна, заместитель генерального директора, Национальный музей Республики Татарстан (г. Казань, Россия); svetlis@inbox.ru

RESEARCH BY A.F. LIKHACHEV AND THE INITIAL STAGE OF STUDYING THE PREHISTORICAL ANTIQUITIES OF THE KAZAN VOLGA REGION

S. Yu. Izmaylova

*Dedicated to the 185th Anniversary of Archaeologist,
Numismatist and Collector A. F. LIKHACHEV*

The author considers the initial stage of studying the early periods of human history in Russia, where the research of primeval antiquities began in the 1860s. The first Kazan citizen to study this subject was a collector, archaeologist and numismatist A. F. Likhachev. As a result of studying publications by West-European archaeologists and his Russian colleagues, he turned his attention to stone implements available in his collection. He gradually proceeded from collecting and studying the acquired items to archaeological surveying, which resulted in the discovery of Neolithic and Bronze Age settlements on the outskirts of Kazan. It allowed A. F. Likhachev to present a number of reports at Russian Archaeological Congresses and prepare several scientific papers on this subject. The author concludes that A. F. Likhachev is an outstanding representative of the initial stage of studying the primeval antiquities in the Kazan Volga Region.

Keywords: archaeology, history of science, Russian Archaeological Society, A. F. Likhachev, P. I. Lerkh, archaeological collections, manuscript heritage, prehistory, Stone Age, Bronze Age, National Museum of the Tatarstan Republic.

REFERENCES

1. Khalikov, A. Kh (ed.). 1981. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoj ASSR. Predkam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Cis-Kama River area)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. *Arkhiv A.F. Likhacheva (A.F. Likhachev Archive)*. In: Fond pis'mennykh istochnikov Natsional'nogo muzeia Respubliki Tatarstan (Collection of Written Sources of the National Museum of the Republic of Tatarstan).
3. Butenev, N. F. 1871. *Trudy I Arkheologicheskogo s"ezda v Moskve (Proceedings of the 1st Archaeological Congress in Moscow)*. Moscow: "Sinodal'naja tipografija" Publ., 184–186 (in Russian).
4. Vysotskii, N. F. 1908. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XXIII (6). Kazan, 436–447 (in Russian).
5. Vysotskii, N. F. 1911. In Uspenskii, A. I. (ed.). *Zapiski Moskovskogo Arkheologicheskogo instituta (Bulletin of Moscow Archaeological Institute)*. XI. Moscow: "Pechatnia A.I. Snegirevoi" Publ., 1–168 (in Russian).
6. *Izvestiia Imperatorskogo Rossiiskogo arkheologicheskogo obshchestva (Reports of the Imperial Russian Archaeological Society)* 6. 1868. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).
7. Izmaylova, S. Yu. 1994. *Pis'ma A.F. Likhacheva v fondakh Gosudarstvennogo ob"edinennogo muzeia Tatarstana (Letters by A.F. Likhachev in the Funds of the United State Museum of Tatarstan)*. Kazan: United State Museum of the Tatarstan Republic (in Russian).
8. Izmaylova, S. Yu. 1997. In *Rodina (Homeland)* 11. Moscow: "Rodina" Publ., 95–98 (in Russian).
9. Izmaylova, S. Yu. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 75–100 (in Russian).
10. Klein, L. S. 2011. *Istoriia arkheologicheskoi mysli (History of Archaeological Thought)*. 1. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
11. Klein, L. S. 2014. *Istoriia rossiiskoi arkheologii: ucheniia, shkoly i lichnosti (History of Russian Archaeology: Teachings, Schools and Personalities)* 1. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
12. Lebedev, G. S. 1992. *Istoriia otechestvennoi arkheologii. 1700–1971 gg. (History of National Archaeology)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
13. Likhachev, A. F. *Avtory dlia sledov kamennogo veka. Rukopis' (Authors for Traces of the Stone Age)*. Kazan: Rare Manuscript Department of the Scientific Library of Kazan (Volga Region) State University. A.F. Likhachev Archive. Inv. no. 162 (in Russian).
14. Likhachev, A. F. *Istoriia Velikoi Bulgarii (History of Great Bulgaria)*. Kazan: Rare Manuscript Department of the Scientific Library of Kazan (Volga Region) State University. A.F. Likhachev Archive. Inv. no. 166 (in Russian).
15. Likhachev, A. F. *Kamennye orudiia i oruzhie, vstrechaiushchiesia v mestnosti prezhnei Velikoi Bulgarii (Stone Implements and Armament Encountered in the Area of Former Great Bulgaria)*. Kazan: Rare Manuscript Department of the Scientific Library of Kazan (Volga Region) State University. A.F. Likhachev Archive. Inv. no. 157 (in Russian).
16. Likhachev, A. F. *Neskol'ko novykh arkheologicheskikh faktov, predstavliaemykh drevnostiami Velikoi Bulgarii (Several New Archaeological Facts Represented by Antiquities of Great Bulgaria)*. Kazan: Rare Manuscript Department of the Scientific Library of Kazan (Volga Region) State University. A.F. Likhachev Archive. Inv. no. 154 (in Russian).
17. Likhachev, A. F. *O dvukh novootkrytykh mestakh na zalivnoi doline r. Volgi bliz g. Kazani, gde nakhodiatsia sledy "kamennogo veka" (Two Newly Discovered Sites in the Floodplain of the Volga River near Kazan with Traces of the "Stone Age")*. Kazan: Rare Manuscript Department of the Scientific Library of Kazan (Volga Region) State University. A.F. Likhachev Archive. Inv. no. 161 (in Russian).

18. Likhachev, A. F. *O sledakh kamennogo veka v okrestnostiakh Kazani (Traces of the Stone Age on the Outskirts of Kazan)*. Kazan: Rare Manuscript Department of the Scientific Library of Kazan (Volga Region) State University. A.F. Likhachev Archive. Inv. no. 164 (in Russian).
19. Likhachev, A. F. *Pismo P. I. Lerkhu ot 3 fevralia 1867 goda (Letter to P. I. Lerkh dated February 3rd, 1867)*. Kazan: Fund of Written Sources of the National Museum of the Republic of Tatarstan. A. F. Likhachev Archive (in Russian).
20. Likhachev, A. F. *Pismo P. I. Lerkhu ot 9 noiabria 1865 goda (Letter to P. I. Lerkh dated November 9th, 1867)*. Saint Petersburg: Manuscript Department of the Institute of Russian Literature. Fund 152, no. 53, sheet 1-33 (in Russian).
21. Likhachev, A. F. 1885. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* X. Kazan, 1–33 (in Russian).
22. Likhachev, A. F. 1891. In *Trudy VII arkheologicheskogo s"ezda v Iaroslavle v 1887 g. (Proceedings of the 7th Archaeological Congress in Yaroslavl)* 2. Moscow, 125–168 (in Russian).
23. Nazipova, G. R., Izmaylova, S. Yu. 2006. *Kazanskii antikvarium (Kazan Antiquarium)*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).
24. *Trudy I Arkheologicheskogo s"ezda v Moskve (Proceedings of the 1st Archaeological Congress)* I. 1871. Moscow: "Sinodal'naia tipografiia" Publ. (in Russian).
25. *Trudy II Arkheologicheskogo s"ezda v Saint Petersburg (Proceedings of the 2nd Archaeological Congress in Saint Petersburg)* I. 1876. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).
26. *Trudy IV Arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th Archaeological Congress in Kazan)* I. 1884. Kazan: Imperial Academy of Sciences (in Russian).
27. Uvarov, A. S. 1881. *Arkheologiya Rossii. Kamennyi period (archaeology of Russia. The Stone Period)* I. Moscow: "Sinodal'naia tipografiia" Publ. (in Russian).
28. Formozov, A. A. 1983. *Nachalo izucheniiia kamennogo veka v Rossii (Origins of Stone Age Studies in Russia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
29. Formozov, A. A. 1986. *Stranitsy istorii russkoi arkheologii (Pages of the History of Russian Archaeology)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
30. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
31. Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) B1-24. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
32. Chizhevsky, A. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 40–63 (in Russian).
33. Chizhevsky, A. A. 2013a. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 64–103 (in Russian).
34. Shtukenberg, A. A., Vysotskii, N. F. 1885. In *Trudy Obshchestva estestvoispytatelei pri Kazanskom Universitete (Proceedings of the Society of Natural Scientists under Kazan University)* XIV (5). Kazan, 3–126 (in Russian).

About the author:

Izmaylova Svetlana Yu. National Museum of the Republic of Tatarstan. Kremlyovskaya St., 2, Kazan, 420111, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; svetlis@inbox.ru

Статья поступила в номер 03.05.2017 г.

УДК 903.2

DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.3.21.26.47>

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ЧАШКИНСКОЕ ОЗЕРО XI¹

© 2017 г. Е.Н. Митрошин, Е.Л. Лычагина,
Т.А. Цыгвинцева, Г.Н. Поплевко

Стоянка Чашкинское Озеро XI – новый мезолитический памятник на восточном берегу озера. В ходе раскопок был получен однородный каменный инвентарь, который позволил отнести памятник к кратковременной стоянке охотников. Авторами исследования был проведен типологический, технологический и трасологический анализы инвентаря памятника. В результате технологического анализа было установлено, что для каменной индустрии стоянки характерно контролируемое расщепление с преобладанием ударной техники, основной прием оформления ударной площадки – редуцирование карниза. Первичного расщепления на стоянке не проводилось, нуклеусы приносились уже в готовом виде. Другие характерные черты каменной индустрии: высокий уровень пластинчатости, небольшие размеры заготовок, наличие разнообразных форм орудий при ведущей роли мясных/рыбных ножей, значительная роль резчиков по твердым материалам. К особенностям коллекции можно отнести отсутствие нуклеусов и небольшое количество отходов производства. Почти половина найденных предметов использовалась в качестве орудий труда. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в ходе дальнейшего изучения мезолита Прикамья в качестве образца для стоянок такого типа.

Ключевые слова: археология, Прикамье, мезолит, камская культура, технологический анализ, типологический анализ, трасологический анализ, кратковременная стоянка.

Чашкинское озеро является старичным образованием левобережья р. Кама. В административном отношении оно находится в пределах пригорода г. Березники и Соликамского района Пермского края.

На сегодняшний день на восточном берегу Чашкинского озера известно 5 памятников эпохи мезолита (рис. 1). Это стоянки Запоселье, мезолитический комплекс поселения Запоселье, Чашкинское Озеро X, Чашкинское Озеро V, Чашкинское Озеро XI (Лычагина, Митрошин, 2016, с. 93).

Стоянка Чашкинское Озеро XI была открыта в 2014 г. Е.Н. Митро-

шиним в ходе археологической разведки (Митрошин и др., 2016, с. 120). Она расположена в пригородной зоне на расстоянии 10,6 км к северо-западу от г. Березники. Находится на надпойменной террасе, высотой 11 м в лесном массиве в отдалении от берега озера, что отличает ее от других мезолитических памятников микрорегиона Чашкинского озера, которые расположены непосредственно на берегу водоема (рис. 1).

В качестве объекта исследований была выбрана коллекция каменного инвентаря, собранная в результате шурфовки памятника в 2015–2016 гг. Раскопанная площадь 20 м².

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 17-11-59004а/У.

Рис. 1. Схема расположения мезолитических памятников на восточном берегу Чашкинского озера: 1 – стоянка Запоселье; 2 – поселение Запоселье; 3 – стоянка Чашкинское Озеро X; 4 – стоянка Чашкинское Озеро V; 5 – стоянка Чашкинское Озеро XI.

Fig. 1. Layout of Mesolithic sites on the eastern shore of Chashkinskoe Lake: 1 – Zaposelye site; 2 – Zaposelye settlement; 3 – Chashkinskoe Ozero X site; 4 – Chashkinskoe Ozero V site; 5 – Chashkinskoe Ozero XI site.

В ходе полевых работ проводилась 3-х мерная фиксация всего собранного материала. Весь грунт просеивался на специальном сите, отверстия которого не превышали 0,5 см. Грунт представлял собой песчаную, влажную супесь с галькой. Артефакты в основном располагались в северо-восточной части раскопа в виде скопления площадью примерно 3 м². Наибольшая мощность консолидации находок пришлась на уровень 0,3–0,4 м от современной по-

верхности. Каких-либо следов сооружений зафиксировано не было.

Благодаря полному просеиванию грунта во время раскопок, удалось собрать 309 каменных артефактов, относящихся к эпохе мезолита. Артефактов других эпох обнаружено не было (Лычагина, Митрошин, 2016б, с. 96–97).

При изучении материальной культуры мезолитических памятников, расположенных в лесной полосе на

Метрическая характеристика ширины пластин

Рис. 2. График распределения пластин по ширине.

Fig. 2. Graph of distribution of the blades in width.

песчаных почвах, где органические материалы практически не сохраняются, особое значение приобретает комплексный анализ каменного инвентаря.

Методика комплексного анализа каменных индустрий была предложена и опробована Г.Н. Поплевко на памятниках различных регионов. Данная методика включает в себя типологический, технологический, трасологический и планиграфический анализ каменных индустрий. Как показывают исследования Г.Н. Поплевко, использование комплексного анализа может существенно увеличить количество информации, получаемой с каждого памятника (Поплевко, 2007, 2014, с. 42–76). В первую очередь, данная методика позволяет реконструировать хозяйственные занятия населения, оставившего тот или иной археологический объект.

Типологический анализ

Основным сырьем (82%) для изготовления орудий служил кремь

разных оттенков (в основном темно-коричневый полупрозрачный, серый и сургучный) галечникового происхождения. Остальные 18% изделий сделаны из других пород – кремневого известняка, доломита, халцедона и кварцито-песчаника.

Особенностью коллекции является большое количество обожженных предметов (73 экз. – 24%). В их расположении не выявлено закономерности ни по горизонтали, ни по вертикали раскопа. Мы полагаем, что большинство предметов было подвергнуто воздействию высоких температур уже после окончания функционирования стоянки.

Коллекция каменного инвентаря представлена следующими технологическими формами: мелкие отщепы, средние пластинчатые отщепы, мелкие пластинчатые отщепы, крупные пластины, средние пластины, мелкие пластины, микропластинки, сколы с нуклеусов, чешуйки (табл. 1).

Таблица 1.

Характеристика продуктов расщепления

Продукты расщепления:	Количество	
	экз.	%
Отщепы:	15	5
мелкие (10-30 мм)	15	5
Пластинчатые отщепы:	10	3
средние (30-50 мм)	1	0,3
мелкие (10-30 мм)	9	2,7
Пластины:	221	71
крупные (16-20 мм)	4	1,3
средние (11-15 мм)	50	16
мелкие (6-10 мм)	157	50,7
микропластинки	10	3
Нуклевидные сколы	4	1,3
Чешуйки	59	19,7
Всего	309	100

Всего пластин в коллекции 221 экз. (71%), в то время как отщепов – 25 экз. (8%). Соотношение пластин и отщепов – 90:10. Следовательно, можно говорить о том, что для данного памятника характерна пластинчатая индустрия.

Изученные отщепы имеют в основном вытянутые очертания. Они были получены при подправке рабочих лезвий орудий или при оформлении нуклеусов.

Если объединить микропластины и мелкие пластины, то получится, что ширину до 1 см имеют 76% пластин (рис. 2). Это свидетельствует о достаточно высоком уровне микролитиза-

ции каменного инвентаря. Подобное распределение пластин характерно для камской мезолитической культуры (Мельничук, 1989, с. 244–249; Волокитин, Косинская, 1995, с. 25–44; Волокитин, 2012, с. 372; Волокитин и др., 2015, с. 34, рис. 12).

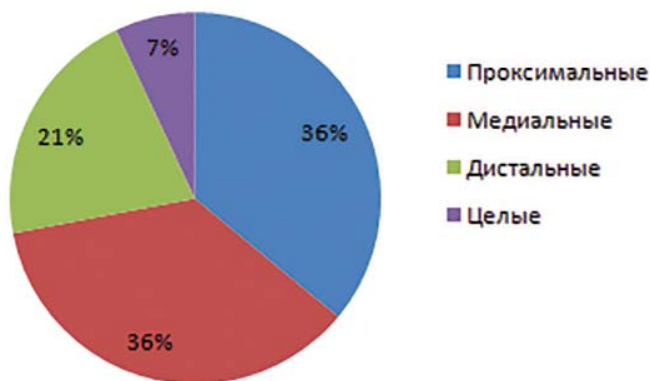
При анализе частей пластин были выявлены следующие закономерности. Чаще всего встречались проксимальные части (80 экз. – 36%) и медиальные части (80 экз. – 36%), за ними следуют дистальные концы (45 экз. – 21%) и целые пластины (16 экз. – 7%) (рис. 3 а). Пластины с треугольной (106 экз. – 48%) и трапециевидной (105 экз. – 48%) формой

Таблица 2.

Характеристика вторичной обработки

Вторичная обработка	Число орудий	
	экз.	%
Краевая ретушь:	37	82
- дорсальная	23	51
- вентральная	9	20
- противоположащая	5	11
Двусторонняя обработка	1	2
Резцовый скол	5	11
Резцовый скол + ретушь	2	5
Всего	45	100

Фрагменты пластин

Сечение пластин

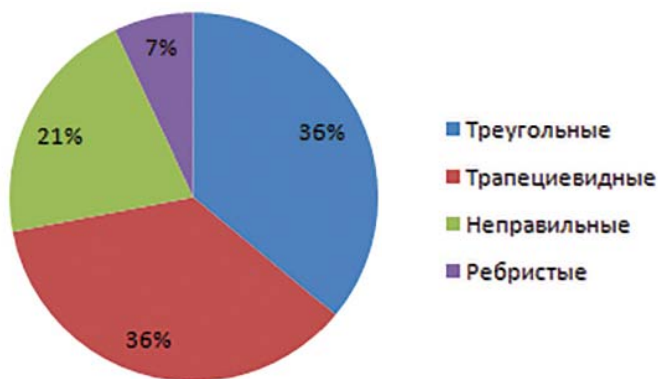

Рис. 3. Характеристика пластин: а – части пластин; б – сечения пластин.

Fig. 3. Features of the blades: a – the blade parts s; b – the blade sections.

сечения встречаются в одинаковом количестве. Также в коллекции представлены неправильные – 5 экз. и ребристые пластины – 5 экз. (рис. 3 б).

К изделиям со вторичной обработкой было отнесено 45 предметов.

Анализ характера вторичной обработки позволил выявить следующие особенности. Большинство составляли орудия с краевой ретушью – 37 экз. (82%). Из них более полови-

ны орудий имели дорсальную ретушь (23 экз., 51%). Значительно реже применялись вентральная 9 экз. (20%) и противоположащая ретушь 5 экз. (11%). На сечении крупной пластины была зафиксирована двусторонняя краевая ретушь. Помимо краевой ретуши для оформления орудий использовался резцовый скол – 5 экз. (11%), иногда в комбинации с ретушью – 2 экз. (5%) (табл. 2).

Таблица 3.

Основные категории орудий по данным типологического анализа

Категории орудий	Данные типологии	
	экз.	%
Микроскрёбки	8	18
Скрёбки	5	11
Сверло	1	2
Проколка	1	2
Резцы	4	9
Резчики	12	26,5
Резец + резчик	1	2
Наконечники	2	5
Пластины с ретушью	11	24,5
Всего	45	100

Из пластин было изготовлено 40 инструментов, а из отщепов – 2 экз. Остальные орудия были сделаны из обломков оснований нуклеусов и сколов с них. Соотношение орудий из пластин и отщепов – 95:5 %.

Одной из ведущих групп орудий являются пластины с ретушью – 11 экз. (рис. 4: 1–4). Все пластины были изготовлены из кремня, в основном темно-коричневого и серого цвета. Более половины орудий имеют ширину свыше 1 см. В частности, к данной группе относится 3 крупных

изделия шириной 1,5–2,0 см и 4 средних шириной 1,0–1,5 см (табл. 3).

Основную категорию составили медиальные части пластин. В большинстве случаев встречается краевая дорсальная ретушь. Средняя ширина пластин с ретушью больше, чем у пластин без ретуши. Это можно объяснить удобством использования их в качестве вкладышей.

Многочисленную категорию орудий составляют резчики – 12 экз. (рис. 4: 5–6). Из них 3 предмета относятся к многолезвийным. Для их изго-

Таблица 4.

Следы расщепления на ударных площадках

способ расщепления	каменный отбойник	не определено	мягкий отбойник	отжим-ретуширование	удар через посредник	повреждены огнем	фрагментация		усиленный отжим	всего	%
							давление	удар через посредник			
отщепы и чешуйки	4	1	4	29	36	10	-	-	-	84	27
пластины	-	19	2	14	69	20	18	70	4	216	70
нуклевидные сколы, ребристые пластины	-	1	-	-	6	-	-	2	-	9	3
всего	4	21	6	43	113	30	18	72	4	309	-
%	1,5	6,5	2	14	36,5	9,5	5,5	23	1,5	-	100

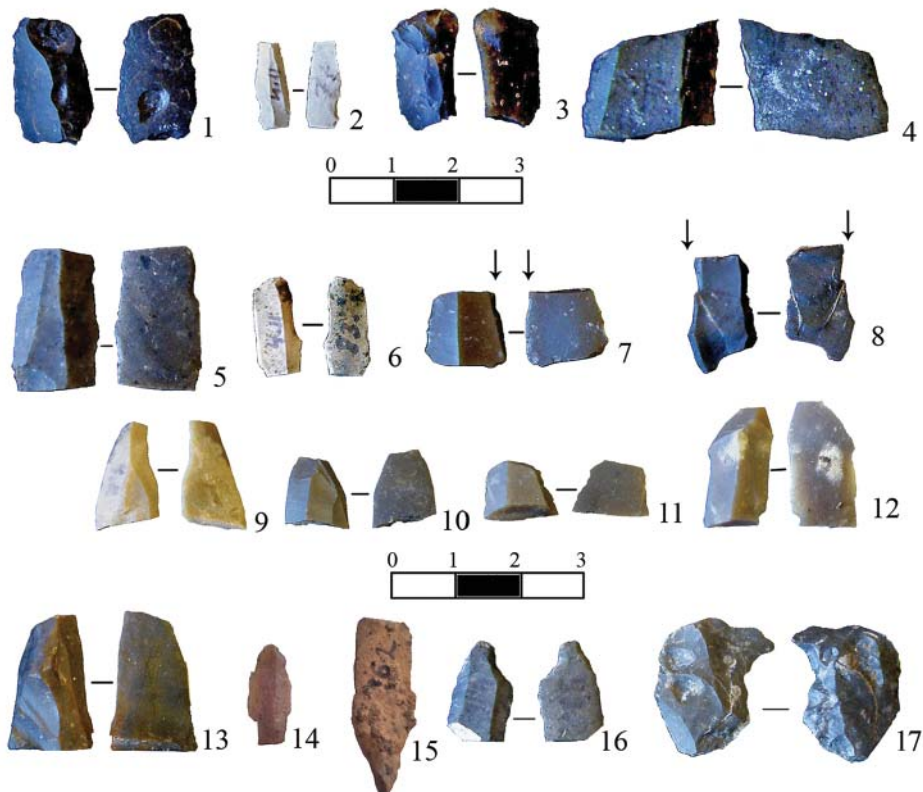

Рис. 4. Каменный инвентарь стоянки Чашкинское Озеро XI:

1–4 – пластины с ретушью, 5–6 – резчики, 7–8 – резцы, 9–13 – микро-скребки, 14 – наконечник, 15 – черешок наконечника, 16 – сверло, 17 – проколка.

Fig. 4. Stone inventory from the Chashkinskoe Ozero XI site: 1–4 – retouched blades; 5–6 – small burins; 7–8 – burins; 9–13 – micro-scrappers; 14 – arrowhead; 15 – stem of the arrowhead; 16 – drill; 17 – borer.

товления использовался темно-коричневый или серый кремь (9 экз.). По одному орудю сделано из доломита, окремелого известняка и халцедона. В качестве заготовок использовались мелкие (6 экз.) и средние (6 экз.) пластины (табл. 3).

Все резцы относятся к типу «на углу сломанной пластины», один резец был комбинирован с резчиком (рис. 4: 7–8). Для их изготовления использовались мелкие и средние пластины из кремня, доломита и окремелого известняка (табл. 3).

Следующую категорию составляют скребки (13 экз.). Основным сырьем для их изготовления служил темно-коричневый полупрозрачный кремь (10 экз.). Ведущей формой были микроскретки (8 экз.), которые изготавливались на узких торцовых частях пластин и, как правило, имели скошенное лезвие (рис. 4: 9–13). Ряд исследователей называет подобные орудия долотцами (Волокитин и др., 2015, с. 19). Однако мы полагаем, что термин «долотца» не отражает функцию этих изделий. Последующий тра-

сологический анализ подтвердил, что данные изделия в основном использовались в качестве скребков по различным материалам.

Большая часть лезвий микроскребков была оформлена дорсальной ретушью и только два – вентральной. Остальные скребки изготовлены на обломках дистальных частей трапециевидных пластин (2 экз.) и сколах с нуклеусов (3 экз.). Из них 3 относятся к скребкам со скошенным лезвием, 2 – к боковым формам (табл. 3).

В коллекции имеется 1 миниатюрный наконечник стрелы с листовидным пером и чуть намеченным черешком, оформленным с брюшка, и фрагмент черешка наконечника (рис. 4: 14–15).

Единичными экземплярами представлены сверло и проколка. Рабочие части проколки и сверла выполнены на ударных бугорках заготовок (рис. 4: 16–17). У сверла часть лезвия выделена резовым сколом (табл. 3).

К характерным чертам каменного инвентаря памятника можно отнести: использование кремня разных оттенков (темно-коричневый полупрозрачный, серый, сургучный и др.) в качестве основного сырья. Орудия представлены фрагментами микро- и мелких пластин с частичной краевой

ретушью, скребками, среди которых ведущую роль играют микроскребки, резчиками и угловыми резцами.

Технологический анализ

Для проведения анализа были использованы авторские методики по определению техники расщепления Е.Ю. Гири и Г.Н. Поплевко, адаптированные на каменный инвентарь Прикамья (Гиря, 1997; Поплевко, 2007; Лычагина и др., 2014, с. 15–27). Методика микроанализа ударных площадок всех сколов позволила определить следы применения различных отбойников, способы оформления зоны расщепления, что существенно расширило наши представления о процессе и целях расщепления кремня на стоянке.

Техника расщепления камня на памятнике была ударной (табл. 4). Основной массив заготовок был сколот ударом через посредник (36,5%). Этим же приемом происходила и фрагментация пластин (23%). В то же время следы от использования каменного или мягкого отбойника напрямую наблюдаются в единичных случаях, в основном на отщепах и нуклевидных сколах (табл. 4). Дополнительным аргументом в пользу ударной техники расщепления служат окончания скалывающихся на заготовках, главным об-

Таблица 5.

Виды обработки ударных площадок при подготовке зоны расщепления

способы оформления ударных площадок	редуцирование	редуцирование и абразив	без обработки	уплощенные	уплощение и редуцирование	абразив	всего	%	в т.ч. желвачная корка на площадке
пластины	54	12	11	6	10	3	96	55	6
отщепы и чешуйки	11	4	43	13	6	1	78	45	10
всего	65	16	54	19	16	4	174	-	16
%	37,5	9	31	11	9	2,5	-	100	9

Рис. 5. График распределения заготовок по толщине.

Fig. 5. Graph of distribution the blanks according to their thickness.

разом ступенчатые (43,09%) и петлеобразные (9%).

На памятнике не было найдено ни одного целого или обломка нуклеуса, но обнаружено 9 нуклеидных сколов (из них 5 ребристых пластин, сколотых при оформлении ребра нуклеуса). Видимо, первичное расщепление происходило вне памятника, на поселении только оформляли и подрабатывали почти готовые нуклеусы.

В рассматриваемой коллекции наблюдается некоторая стандартизация заготовок по толщине (рис. 5). Основная масса пластин и отщепов имеют толщину 2 мм (32,54%), 1,5 мм у 19,66% заготовок и 3 мм – у 14,92%. Сами ударные площадки по ширине укладываются в следующие диапазоны: 2 мм (15,46%), 2,5–2,8 мм (14,43%), 3 мм (18,56%), 3,5 мм (10,31%), 4 мм (15,46%). Глубина ударных площадок варьируется от 1 мм (45,36%), до 1,5–1,8 мм (28,87%), реже фиксируются площадки глубиной 2 мм (15,46%). Определенная ширина и глубина ударных площадок,

почти стандартная толщина заготовок могут свидетельствовать о контролируемом процессе расщепления с применением посредника при ударе по нуклеусу.

У большинства отщепов край ударной площадки не обработан 43 экз. (55%). Для оформления зоны расщепления, как правило, применяли редуцирование карниза (37,5%), иногда сочетая этот прием с легкой пришлифовкой (9%). Часто встречается уплощение площадки (11%). В некоторых случаях площадку уплощали, а карниз снимали редуцированием с легкой пришлифовкой (9%). Остальные способы оформления карниза встречаются эпизодически (табл. 5). Следует отметить некоторые моменты. На памятнике в незначительном количестве встречаются заготовки со следами желвачной корки рядом с ударной площадкой – 16 экз. (9%), что также указывает на первичное расщепление вне памятника. Прием уплощения площадки фиксируется чаще всего на отщепах и ребристых пластинах (ско-

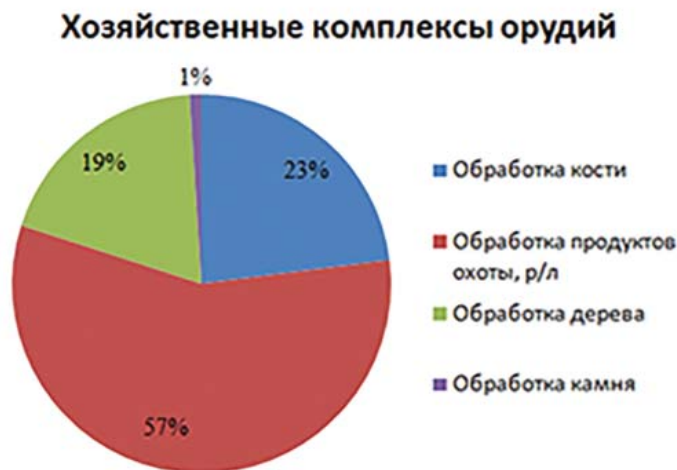

Рис. 6. Характеристика хозяйственных комплексов.

Fig. 6. Characteristics of economic complexes.

лах оформления ребра нуклеуса), которые представляют собой, вероятнее всего, отходы от оформления ядрищ.

По итогам проведенного анализа мы пришли к выводу, что для данного памятника характерно контролируемое расщепление с преобладанием ударной техники, основной прием оформления ударной площадки – редуцирование карниза. Первичного расщепления на стоянке не

проводилось, нуклеусы приносились уже в готовом виде. Приемы редуцирования карниза в сочетании с пришлифовкой, расщепление пластин ударом через посредник встречаются и на более поздних памятниках этого региона (Лычагина и др., 2014, с. 16–17). Дальнейшее изучение каменного инвентаря по единой методике позволит с большей долей вероятности говорить о преемственности техноло-

Таблица 6.

Хозяйственный комплекс орудий стоянки Чашкинское Озеро XI

Обработка кости (рога)		Обработка продуктов охоты, р/л: мяса, шкур		Обработка дерева		Обработка камня	
сверло	1	проколки	8			ретушеры	2
строгальные ножи	4	ножи для мяса (рыбы)	94	строгальные ножи	6		
резчики	24	наконечники	2	резчики	25		
скребки	6	скребки	2	скребки	6		
микро-скребки	4	микро-скребок	1				
резчики-скобели	6	вкладыши мет. ор.	6	резчик-скобель	1		
пилка	1						
Итого:	46		113		38		2
100%	23		57		19		1

гии расщепления камня от мезолита к неолиту.

Трасологический анализ

В ходе рассмотрения всей коллекции каменных артефактов (включая предметы, отнесенные к отходам производства) были обнаружены следы работы на пластинах, отщепах, сколах с нуклеусов и чешуйках, не имевших следов вторичной обработки. Следы работы были зафиксированы на 148 предметах, однако количество рабочих поверхностей увеличилось до 199 (за счет наличия нескольких лезвий у части орудий). Таким образом, почти половина обнаруженных предметов использовалась в качестве орудий труда. Из них – 125 пластины и только 10 отщепов. Соотношение орудий на пластинах и отщепах – 92,5:7,5% – близко к соотношению, выявленному в ходе типологического анализа.

Благодаря трасологическому анализу стало возможным выделить такие категории орудий, как строгальные ножи, резчики-скобели, вкладыши составных метательных орудий, ретушеры, пилку. Ведущими категориями орудий являлись мясные/рыбные ножи и резчики по различным материалам (дерево, кость) (табл. 6).

После распределения выделенных в ходе трасологического анализа орудий по хозяйственным комплексам, основную группу образовали изделия, связанные с обработкой продуктов охоты и рыболовства (57%). Вторую по значимости группу составили орудия, относящиеся к обработке кости (23%). Предметы, применявшиеся для обработки дерева, вошли в третью группу (19%). И самый незначительный комплекс составили орудия по обработке камня (1%) (табл. 6; рис. 6).

Среди орудий, связанных с обработкой продуктов охоты и рыболовства, преобладают ножи для разделки мяса/рыбы – 94 экз. (рис. 7: 3). В этом качестве чаще всего использовались мелкие пластины без ретуши (табл. 7). Как правило, это были проксимальные и медиальные части (табл. 8). Необходимо отметить, что ножи для разделки мяса/рыбы являются самой массовой категорией орудий как в данном комплексе, так и среди всех категорий орудий.

Вторую по численности группу составили проколки – 8 экз. Для этих целей использовались углы мелких пластин (медиальных частей) и чешуек (табл. 7). Практически все орудия были выделены трасологически и не имели следов специальной подработки. Одна проковка комбинировала с резчиком-скобелем по кости.

К этому же хозяйственному комплексу относятся скребки по шкуре, в том числе и один микроскребок – 3 экз. Два орудия были определены и в ходе типологического анализа. Еще один скребок был выделен трасологически.

Также подтвердили свое типологическое определение оба наконечника стрелы.

Интересную группу орудий составили вкладыши составных метательных орудий (гарпунов?) – 6 экз. Как уже отмечалось, эта группа была выделена исключительно трасологически. В этом качестве использовались мелкие и средние пластинки без ретуши. У одного изделия рабочая поверхность была оформлена резцовым сколом.

В целом набор орудий и их соотношение между собой (в частности, преобладание ножей над другими катего-

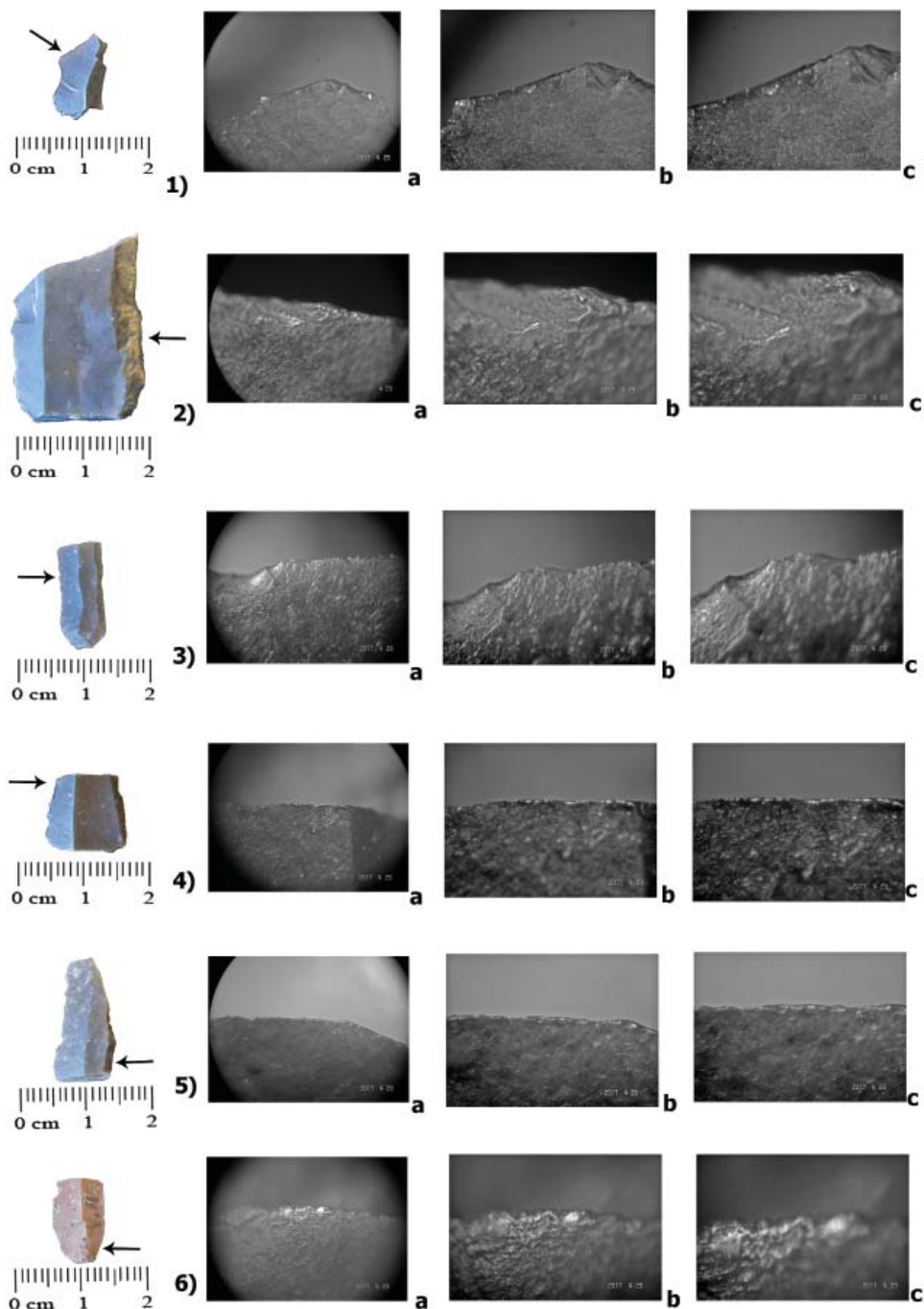

Рис. 7. Кромки рабочих лезвий: 1 – резчик по дереву, 2 – ретушер, 3 – мясной/рыбный нож, 4 – резчик по кости, 5 – скребок по дереву, 6 – строгальный нож по кости.

Увеличение: 1–6 – А x 80; В x 160, С x 240.

Fig. 7. Working edges: 1 – small burin for wood-working, 2 – retoucher, 3 – knife for meat/fish, 4 – small burin for bone-working, 5 – scraper for wood-working, 6 – planing knife for bone-working. Magnification: 1–6 – A x 80; B x 160, C x 240.

риями) характерны для памятников каменного века Верхнего и Среднего Прикамья (Лычагина и др., 2017; Митрошин и др., 2017, с. 18–19).

Вторую по численности группу составляют орудия по обработке кости и рога (табл. 6).

Среди них ведущую роль играли резчики – 24 экз. (рис. 7: 4). Встречаются как однолезвийные, так и многолезвийные орудия. Из всех типологически выделенных резчиков следы работы по кости/рогу были зафиксированы только на 3 предметах. Все остальные были определены на разных фрагментах пластин со следами сработанности. В большинстве случаев основой для орудий служили средние (14 экз.) и мелкие (8 экз.) пластины (табл. 7). Как правило, это были медиальные части пластин (табл. 8).

Следующую по численности группу занимают скребки по кости (10 экз.). Из них почти половину (4 экз.) составляют микроскребки. Большинство орудий было изготовлено на мелких и средних пластинах (8 экз.). Для половины выделенных скребков подтвердилось трасологическое определение и типологическое (в первую очередь, это относится к микроскребкам).

Отдельную интересную группу составляют резчики-скобели – 6 экз. Эта группа была выделена исключительно трасологически. Основой для резчиков-скобелей служили мелкие и средние пластины (5 экз.). У части орудий углы были оформлены вентральной ретушью (2 экз.). У остальных изделий рабочая поверхность была оформлена дорсальной (2 экз.) или противоположающей ретушью (1 экз.). В качестве еще одного резчи-

ка-скобеля использовался мелкий отщеп без вторичной обработки.

Следы строгания кости/рога зафиксированы на 4 мелких пластинах, представленных различными фрагментами (рис. 7: 6). Одно орудие типологически было определено как микроскребок с дорсальной ретушью, остальные видимых следов обработки не имели (табл. 6–8).

Следы использования в качестве сверла зафиксированы на мелкой пластине с резцовым сколом, которая и типологически определялась как сверло. В качестве пилки использовалась мелкая пластина без ретуши (табл. 7).

Таким образом, данный комплекс отличается большим разнообразием, что может свидетельствовать о полном цикле работ по обработке кости/рога на памятнике.

Третья по численности группа орудий связана с обработкой дерева. В ней набор орудий более ограничен и представлен 4 видами (табл. 6). Лидирующее положение занимают резчики – 25 экз. (рис. 7: 1). Встречаются и многолезвийные орудия (до 4 лезвий на одной заготовке). Из всех типологически выделенных резчиков, следы работы по дереву были зафиксированы только на 3 предметах. Все остальные фиксировались на разных фрагментах пластин со следами сработанности. В большинстве случаев основой для орудий служили средние (13 экз.) и мелкие (7 экз.) пластины (табл. 7). Чаще всего это были медиальные фрагменты пластин (17 экз.) (табл. 8).

Одну из ведущих категорий орудий составляют строгальные ножи, основой для которых служили пласти-

Таблица 7

Распределение трасологически выделенных орудий стоянки Чашкинское Озеро XI по технологическим заготовкам

трасологически выделенные орудия / продукты расщепления	Резчик-скобель кость	Резчик-скобель дерево	Ножи для масса, рыбы	Наконечники	Сверла	Проколки	Строгальные ножи по кости	Строгальные ножи по дереву	Резчики по дер.	Резчики по кости	Пилка по кости	Вкл. гарпуна	Скребок шкур.	Скребок кость	Скребок дерево	Ретушер	Всего
Отщепы:	1	-	2	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	2	-	-	7
Мелкие (10-30 мм)	1	-	2	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	2	-	-	7
Пластинчатые отщепы:	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	2
Мелкие (10-30 мм)	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	2
Пластины:	5	1	85	2	1	5	4	6	23	23	1	5	3	8	2	2	176
крупные (15-20 мм)	-	-	1	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	1	4
средние (10-15 мм)	2	-	17	-	-	1	-	2	13	14	-	2	1	2	1	1	56
мелкие (6-10 мм)	3	1	63	2	1	3	4	3	7	8	1	3	1	6	1	-	107
Микропластинки	-	-	4	-	-	1	-	-	3	-	-	-	1	-	-	-	9
Чешуйки	-	-	6	-	-	3	-	-	-	-	-	1	-	-	1	-	11
Сколы	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	3
Всего:	6	1	94	2	1	8	4	6	25	24	1	6	3	10	6	2	199
%	3	0,5	47,5	1	0,5	4	2	3	12,5	12	0,5	3	1,5	5	3	1	100

ны разных размеров – 6 экз. (табл. 7). Вторичная обработка зафиксирована только у двух орудий – двусторонняя краевая ретушь на крупной пластине и дорсальная ретушь на мелкой.

Такую же по численности группу занимают скребки – 6 экз. (рис. 7: 5). Интересным является то, что в данном комплексе не представлены

микроскребки, в отличие от комплексов, связанных с обработкой продуктов охоты/рыболовства и кости/рога. Меньше половины орудий были изготовлены на пластинах (2 экз.), а остальные на разных сколах с нуклеусов. Только в половине скребков подтвердилось типологическое определение.

Таблица 8

**Распределение трасологически выделенных орудий
стоянки Чашкинское Озеро XI по частям пластин**

Части пластин	Трасологически выделенные орудия на пластинах																
	Резчик-скобель кость	Резчик-скобель дер.	Ножи для масса, рыбы	Наконечники	Сверла	Проколки	Строгальные ножи по кости	Строгальные ножи по дереву	Резчик по дереву	Резчик по кости	Пилка по кости	Вкл. гарпуна	Скребок шкур.	Скребок кость	Скребок дерево	Ретушер	Всего
Целая	-	1	12	-	-	-	1	1	-	-	-	1	-	-	-	-	16
Проксимальная	2	-	31	-	-	-	1	1	2	5	-	2	-	-	-	-	44
Медиальная	2	-	26	1	1	4	1	3	17	14	1	2	1	4		2	79
Дистальная	1	-	16	1	-	1	1	1	4	4	-	-	2	4	2	-	37
Всего:	5	1	85	2	1	5	4	6	23	23	1	5	3	8	2	2	176
%	3	0,5	48	1	0,5	3	2	3,5	13,5	13,5	0,5	3	1,5	4,5	1	1	100

Единичным экземпляром представлен резчик-скобель, изготовленный на целой пластине без ретуши. Таким образом, орудия по обработке дерева были связаны с 2 основными функциями – резания и скобления.

В коллекции имеются 2 ретушера, которые были отнесены к комплексу по обработке камня (рис. 7: 2). В этом качестве использовались крупная и средняя пластины с ретушью по краю и на торце (типологически микро-скребок) (табл. 6).

По итогам проведенного трасологического анализа нами были выделены следующие характерные черты каменного инвентаря стоянки Чашкинское Озеро XI: господство трасологически выделенных орудий на пластинах над орудиями на отщепах; небольшие размеры заготовок, которые в основном представлены мелкими фрагментами пластин; наличие разнообразных форм орудий при ве-

дущей роли мясных/рыбных ножей; значительная роль резчиков по твердым материалам.

Из 221 пластины следы работы были зафиксированы на 125 изделиях. Из 15 отщепов, которые представлены на памятнике, следы зафиксированы лишь на 8, из 10 пластинчатых отщепов следы есть только на 2 и из 57 чешуек следы зафиксированы на 11 предметах. В силу того что большинство следов работы на орудиях были зафиксированы на пластинах, можно сделать вывод, что отщепы разных форм и чешуйки в работе использовались эпизодически. В случае с чешуйками мы часто можем говорить о подживлении рабочей поверхности, в результате чего часть старого лезвия удалялась. Также мы видим, что в качестве орудий чаще всего использовались мелкие пластины. Однако для таких орудий, как резчики по кости/рогу и дереву, широко при-

менялись пластины средних размеров (табл. 7).

Интересную информацию дает анализ частей пластин, которые использовались в качестве орудий. Так, например, для ножей по разделке мяса/рыбы нередко брались проксимальные части пластин, которые имели выраженные ударные бугорки и только вторую по численности группу составляют медиальные части.

Иная картина наблюдается среди резчиков. Для этих орудий чаще использовались медиальные фрагменты пластин. Возможно, это связано с наличием удобной площадки для орудия (свежий скол, в результате которого образовывался прямой или острый угол заготовки). Большинство многолезвийных (от 2 до 4 лезвий) резчиков были изготовлены именно на медиальных частях средних пластин (табл. 8).

При сравнении данных типологического и трасологического анализа выяснилось следующее. Большинство скребков (9 из 13) подтвердили свое типологическое определение. Два микроскребка использовались в качестве строгальных ножей, по одному типологическому микроскребку – в качестве ретушера и резчика по кости. Соответствие формы и функции является характерной чертой такого типа орудий, как скребки. Схожие показатели мы можем наблюдать и на других мезолитических памятниках Волго-Камья (Галимова, 2007, с. 64; 2010, с. 35–36; Митрошин и др., 2017, с. 18–19).

Единственное типологически определенное сверло трасологически было определено как сверло по кости/рогу. То же самое можно отметить и для типологической проколки. Одна-

ко количество проколок резко возросло после трасологического анализа за счет предметов, не имевших следов вторичной обработки. Для обоих наконечников, как уже упоминалось, подтвердилось типологическое определение.

Из 5 резцов (включая комбинированное с резчиком), одно изделие оказалось вкладышем гарпуна, одно – мясным ножом. Остальные следов работы не имели. В качестве резчиков ни один из типологических резцов не использовался. В то время как половина типологических резчиков использовалась в качестве резчиков по твердым материалам. Типологические резчики также применялись в качестве резчиков-скобелей по кости (3 экз.).

Пластины с ретушью использовались в качестве строгальных ножей по дереву (2 экз.), резчиков-скобелей по кости (2 экз.), скребков по кости (2 экз.), резчика по кости, ретушера, проколки и мясного ножа. Таким образом, в эту группу попали самые разнообразные орудия как по функции, так и по типу обрабатываемого материала. Использование пластин с ретушью и без для проведения широкого круга хозяйственных операций является характерной чертой мезолита Волго-Камья (Галимова, 2003, с. 214–222; Митрошин и др., 2017, с. 19).

Так как размеры исследованной площади памятника незначительны, а большинство находок концентрировалось на одном участке, планиграфический анализ не проводился.

Несмотря на незначительность раскопанной площади, накопленной информации достаточно для определения типа памятника и его культурной принадлежности. Мы полагаем, что стоянка Чашкинское Озеро XI

может быть атрибутирована как кратковременный охотничий лагерь и отнесена к развитому этапу камской мезолитической культуры (Бадер, 1966, с. 194–205). В пользу этого говорит расположение памятника в лесном массиве на определенном расстоянии от водных источников, незначительная мощность культурного слоя и компактное расположение находок, отсутствие нуклеусов и высокий процент орудий в коллекции, высокая степень микролитизации каменного инвентаря. Похожая картина была зафиксирована на таких памятниках, как Нижнее Адищево (Бадер, 1951, с. 14–32), Новожилово (Мельничук, 2001, с. 19–36) и др. О.Н. Бадер предлагал выделить памятники с микролитическим инвентарем в отдельный этап камской мезолитической культуры (Бадер, 1966, с. 194–205). Современные исследователи относят стоянку с микролитическим инвентарем к огурдинскому этапу камской мезолитической культуры, связывая их особенности с типом памятника, а не с хронологическими различиями (Лычагина, 2009, с. 145–153).

К сожалению, на сегодняшний день комплексный анализ каменного инвентаря ни для одного мезолитического памятника камской культуры не проведен. Трасологическому анализу была подвергнута только небольшая коллекция со стоянки Огурдино (раскопки 2002 г.) (Митрошин и др., 2017, с. 16–25). Поэтому база для сравнительного анализа ограничена.

К общим чертам коллекций стоянок Огурдино и Чашкинское Озеро XI мы можем отнести: пластинчатую индустрию, широкое применение мелких пластин в качестве основы для всех категорий орудий, распростране-

ние краевой дорсальной ретуши, ведущую роль комплекса, связанного с разделкой добычи, при преобладании ножей по мясу/рыбе. Номенклатура выделенных орудий труда тоже в целом совпадает.

В то же время мы можем отметить и некоторые отличия. Они заключаются в более высоком уровне пластинчатости коллекции стоянки Чашкинское Озеро XI. Для примера, на стоянке Огурдино соотношение орудий на пластинах и отщепах составляет 70:30 по итогам типологического анализа и 77:23 по итогам трасологического. При рассмотрении основных хозяйственных комплексов также фиксируются определенные отличия. В частности, на стоянке Огурдино второй по значимости комплекс связан с обработкой дерева, а не кости, как на исследуемом памятнике. Также можно отметить наличие разнообразных орудий, связанных с обработкой камня (сверло, резчик, скребки).

При сравнении трасологически выделенных орудий обращает на себя внимание наличие большой группы резчиков по твердым материалам на стоянке Чашкинское Озеро XI и незначительность группы скребков. В то время как на стоянке Огурдино ситуация прямо противоположная – скребки преобладают над резчиками.

Мы полагаем, что отмеченные различия связаны с разными типами памятников. Если Огурдино – это базовый лагерь, где проходила самая разнообразная деятельность, то Чашкинское Озеро XI – кратковременная стоянка, где осуществлялась деятельность по подготовке охотничьего вооружения и разделке добычи.

В этой связи интересно сравнить материалы стоянки Чашкинское Озе-

ро XI с результатами исследований других памятников, определенных как сезонные охотничьи стоянки. Примером таких памятников могут быть стоянки Южный Олений остров I (ЮОО I) и Южный Олений остров II (ЮОО II) на Онежском озере (Поплевко, 2014, с. 42–76).

Выборочный трасологический анализ материалов памятников (исследовались все типологически выраженные орудия, а также часть пластин, пластинчатых отщепов, мелких отщепов) показал, что ведущую роль играла обработка кости – более 60%. Основными формами орудий были скребки, скобели, резчики, резчики-скобели. Вторым по значимости был комплекс по обработке продуктов охоты и рыболовства. В нем ведущую роль играли ножи для мяса/рыбы. Среди орудий для обработки дерева преобладали скребки, скобели, сверла, строгальные ножи. Орудия для обработки камня не составляли сколь угодно значимой группы (Поплевко, 2014, с. 43–50).

При сравнении с материалами стоянки Чашкинское Озеро XI можно отметить сходство по таким параметрам, как: широкое распространение изделий для обработки кости, превалирование мясных/рыбных ножей в группе орудий для обработки продуктов охоты и рыболовства, незначительность комплексов по обработке дерева и камня. Основное отличие касается соотношения комплексов по обработке кости и продуктов охоты и рыболовства. Возможно, такое резкое превалирование изделий для обработки кости на стоянках ЮОО I и ЮОО II связано с выборочностью просмотренных материалов и при увеличении выборки доля орудий по обработке продуктов охоты/рыболовства увеличится.

Мы полагаем, что в дальнейшем выделенные нами черты каменной индустрии стоянки Чашкинское Озеро XI можно будет рассматривать в качестве образца при характеристике такого вида памятников, как кратковременная охотничья стоянка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадер О.Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые вопросы изучения мезолита // У истоков древних культур (эпоха мезолита) / МИА. № 126 / Ред. Н.Н. Гурина. М.: изд-во АН СССР, 1966. С. 194–205.
2. Бадер О.Н. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое Озеро I // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. 2 / МИА. № 22 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: АН СССР, 1951. С. 14–32.
3. Волокитин А.В. Краткий обзор истории первоначального освоения Севера и Северо-востока Русской равнины // Первобытные древности Евразии. К 60-летию А.Н. Сорокина / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: ИА РАН, 2012. С. 366–377.
4. Волокитин А.В., Волокитина Н.А., Карманов В.Н. Мезолитический памятник Пезмогты VI в среднем течении реки Вычегды // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в Северном Приуралье / МАЕСВ. Вып. 19 / Ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1995. С. 16–38.
5. Волокитин А.В., Косинская Л.Л. К проблеме культурогенеза мезолита Европейского Северо-Востока // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в Северном Приуралье / МАЕСВ. Вып. 13 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. С. 25–44.

6. *Галимова М.Ш.* О соотношении формы и функции каменных орудий // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки, Т. 153. Кн. 3. Ч. 1. Казань: изд-во КГУ, 2010. С. 30–41.

7. *Галимова М.Ш.* Развитие технологии производства каменных орудий и проблемы реконструкции сырьевой стратегии и охотничье-хозяйственной деятельности первобытного населения Волго-Камья // Проблемы изучения первобытности и голоцена в Волго-Камье / Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Алма-Лит, 2007. С. 48–92.

8. *Галимова М.Ш.* Функциональная типология кремневых пластин Алан-Бексерской стоянки // Петербургская школа и изучение древних культур Евразии / Отв. ред. В.М. Массон. СПб: ИИМК РАН, 2003. С. 214–222.

9. *Гиря Е.Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. Методика микромакроанализа древних орудий труда. Ч. 2. Археологические изыскания. Вып. 44. СПб: ИИМК РАН, 1997. 198 с.

10. *Лычагина Е.Л.* Вопросы периодизации камской мезолитической культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2009. С. 145–153.

11. *Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н.* Предварительные итоги исследований мезолитических памятников на восточном берегу Чашкинского озера // Вестник Пермского Научного Центра. 2016. № 3. С. 92–99.

12. *Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н., Поплевко Г.Н.* Сравнительная характеристика каменного инвентаря неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 3. В печати.

13. *Лычагина Е.Л., Поплевко Г.Н., Цыгвинцева Т.А.* Комплексный анализ каменного инвентаря поселения Чернушка (раскоп II, 2003 г.) // Вестн. Пермского университета. 2014. № 1. С. 15–27.

14. *Мельничук А.Ф.* Материалы мезолитического Огурдинского поселения // СА. 1989. № 4. С. 244–249.

15. *Мельничук А.Ф.* Промысловые стоянки мезолитических охотников в бассейне р. Зырянки близ города Березники Пермской области // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4 Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. С. 19–36.

16. *Митрошин Е.Н., Лычагина Е.Л., Батуева Н.С., Демаков Д.А.* Предварительные итоги изучения раннеголоценовых памятников, расположенных на восточном берегу Чашкинского озера // Экология древних и традиционных обществ: материалы V Международной научной конференции. Вып. 5. Ч. 2. / Ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТГУ, 2016. С. 117–121.

17. *Митрошин Е.Н., Лычагина Е.Л., Поплевко Г.Н.* Комплексный анализ каменного инвентаря поселения Огурдино (по материалам раскопок 2002 г.) // Вестник Пермского Университета. 2017. № 1. С. 16–25.

18. *Поплевко Г.Н.* Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 388 с.

19. *Поплевко Г.Н.* Методика комплексного исследования каменных индустрий Европейского Севера (на материалах стоянок ЮОО1 и ЮОО2) // Материалы и исследования по археологии России и Беларуси: Культурное взаимодействие древних сообществ конца VII–II тыс. до н. э. верховьев Западной Двины и Днепра (технологические и хозяйственные аспекты) / Отв. ред. Г.Н. Поплевко. СПб.: Инфинити, 2014. С. 42–76.

Информация об авторах:

Митрошин Евгений Николаевич, старший инженер, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (г. Пермь, Россия); mitroshindjon@yandex.ru

Лычагина Евгения Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент, Пермский государственный гуманитарный педагогический университет (г. Пермь, Россия); LychaginaE@mail.ru

Цыгвинцева Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, ответственный секретарь, член Президиума УРО ВОО «ВООПИиК». (г. Ижевск, Россия); tzigven@gmail.com

Поплевко Галина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); poplevko@yandex.ru

COMPLEX ANALYSIS OF THE STONE INVENTORY FROM THE CHASHKINSKOE OZERO XI MESOLITHIC SITE

E. N. Mitroshin, E. L. Lychagina, T. A. Tsygvintseva, G. N. Poplevko

Chashkinskoe Ozero XI site is a new Mesolithic monument on the eastern shore of the lake. A homogeneous inventory discovered at its excavations allowed to identify the site as a temporary hunter settlement. The authors of research conducted typological, technological and traceological analyses of the site inventory. It was determined by technological analysis that the stone industry of the site was characterized by controlled knapping with the predominant use of chopping tools and reduction of the platform edge as the primary technique of platform formation. No initial knapping was conducted at the site, and the nuclei were supplied to the site in ready form. Other features of the stone industry are as follows: high level of the blade production, small dimensions of blanks, availability of implements with various shapes, leading role of meat/fish knives and significant role of solid material cutters. The characteristic features of the collection include the absence of cores and a small amount of production waste. Almost half of discovered items have been used as implements. The results of this study can be used in further research of the Mesolithic of the Kama region as a pattern for this type of sites.

Keywords: archaeology, the Kama region, Mesolithic, Kama culture, technological analysis, typological analysis, traceological analysis, temporary settlement.

REFERENCES

1. Bader, O. N. 1966. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Research in Archaeology)* 126. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 194–205 (in Russian).
2. Bader, O. N. 1951. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Research in Archaeology)* 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 14–32 (in Russian).
3. Volokitin, A. V. 2012. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Pervobytnye drevnosti Evrazii. K 60-letiiu A.N. Sorokina (Primeval Antiquities of Eurasia. Dedicated to the 60th Anniversary of A.N. Sorokin)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 366–377. (in Russian).
4. Volokitin, A. V., Volokitina, N. A., et al. 1995. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Etnokul'turnye kontakty v epokhu kamnia, bronzy, rannego zhelezного века i srednevekov'ia v Severnom Priural'e (Ethnocultural Contacts in the Stone, Bronze, Early Iron and Middle Ages in the Northern Ural Region)*. Series: Materials on the Archaeology of Northeast 19. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 16–38 (in Russian).
5. Volokitin, A. V., Kosinskaia, L. L. 2015. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Etnokul'turnye kontakty v epokhu kamnia, bronzy, rannego zhelezного века i srednevekov'ia v Severnom Priural'e (Ethnocultural Contacts in the Stone, Bronze, Early Iron and Middle Ages in the Northern Ural Region)*. Series:

The work was conducted with the support of a grant by the Russian Foundation for Humanities, project No. 17-11-59004a/Y.

Materials on the Archaeology of Northeast 13. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 25–44 (in Russian).

6. Galimova, M. Sh. 2010. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 152. Book 3. Kazan: Kazan State University, 30–41 (in Russian).

7. Galimova, M. Sh. 2007. In Galimova, M. Sh. (ed.). *Arkheologiya i estestvennye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan)* 3. Kazan: “Alma-Lit” Publ., 48–92 (in Russian).

8. Galimova, M. Sh. 2003. In Masson, V. M. (ed.). *Peterburgskaia shkola i izuchenie drevnikh kul'tur Evrazii (Petersburg School and Studies of Ancient Eurasian Cultures)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 214–222 (in Russian).

9. Giria, E. Yu. 1997. *Tekhnologicheskii analiz kamennykh industrii. Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudii truda (Technological Analysis of Stone Industries. Methodology of the Microanalysis of Ancient Implements)* 2. Series: Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological Surveys) 44. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).

10. Lychagina, E. L. 2009. . In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 7. Tver: Tver State United Museum, 145–153 (in Russian).

11. Lychagina, E. L., Mitroshin, E. N. 2016. *Vestnik Permskogo Nauchnogo Tsentra (Bulletin of Perm Scientific Center)* 3, 92–99 (in Russian).

12. Lychagina, E. L., Mitroshin, E. N., et al. 2017. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 3. In print (in Russian).

13. Lychagina, E. L., Poplevko, G. N., et al. 2014. *Vestnik Permskogo universiteta (Bulletin of Perm University)* 1, 15–27 (in Russian).

14. Mel' nichuk, A. F. 1989. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 244–249 (in Russian).

15. Melnichuk, A. F. 2001. *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniia na Srednem Urale (Salvage Archaeological Research in the Middle Urals)* 4. Ekaterinburg: “Bank kul'turnoi informatsii” Publ., 19–36 (in Russian).

16. Mitroshin, E. N., Lychagina, E. L., et al. 2016. In Matveeva, N. P. (ed.). *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv (Ecology of Ancient and Traditional Societies)* 5, part 2. Tyumen: Tyumen State University, 117–121 (in Russian).

17. Mitroshin, E. N., Lychagina, E. L., et al. 2017. *Vestnik Permskogo Universiteta (Bulletin of Perm University)* 1, 16–25 (in Russian).

18. Poplevko, G. N. 2007. *Metodika kompleksnogo issledovaniia kamennykh industrii (Methodology of the Complex Research of Stone Industries)*. Saint Petersburg: “Dmitrii Bulanin” Publ. (in Russian).

19. Poplevko, G. N. 2014. In Poplevko, G. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii i Belarusi: Kul'turnoe vzaimodeistvie drevnikh soobshchestv kontsa VII–II tys. do n.e. verkhov'ev Zapadnoi Dviny i Dnepra (tekhnologicheskie i khoziaistvennye aspekty) (Materials and Studies on the Archaeology of Russia and Belarus: Cultural Interactions of Ancient Communities of Late 7th-2nd Millennium B. C. in the Upper Reaches of the Western Dvina and Dnieper: Technological and Economic Aspects)*. Saint Petersburg: “Infiniti” Publ., 42–76 (in Russian).

About the Authors:

Mitroshin Evgeny N. Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina St., Perm, 614014, Russian Federation; mitroshindjon@yandex.ru

Lychagina Evgenia L. Candidate of Historical Sciences. Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya St., 24, Perm, 614990, Russian Federation; LychaginaE@mail.ru

Tsygvintseva Tat'ana A. Candidate of Historical Sciences. Russian Society for Protection of Historical and Cultural Sites, Udmurtian Branch. Lomonosov St., 4, Izhevsk, 426004, the Udmurt Republic, Russian Federation; TZigven@gmail.com

Poplevko Galina N. Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; poplevko@yandex.ru

Статья поступила в номер 30.06.2017 г.

УДК 902.01

DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.3.21.48.69>

НАМЕРЕННАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ КРЕМНЁВЫХ ИЗДЕЛИЙ В НЕОЛИТЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ ПЕЗМОГТЫ ЗА НА СРЕДНЕЙ ВЫЧЕГДЕ, РЕСПУБЛИКА КОМИ)

© 2017 г. В.Н. Карманов, М.Ш. Галимова

В статье анализируются данные, свидетельствующие о применении неолитическим населением крайнего Северо-Востока Европы технического приема намеренной фрагментации кремневых изделий, изготовленных и использованных прежде. Каменная индустрия стоянки Пезмогты ЗА с ямочно-гребенчатой керамикой среднего неолита была нацелена на производство т.н. «тонких бифасов» – двусторонне обработанных наконечников стрел, ножей и перфораторов. Для выявления особенностей техники намеренного разделения на части готовых орудий и сколов-заготовок было проведено комплексное исследование кремневого инвентаря, включавшее изучение морфологии артефактов, трасологический (функциональный) анализ их поверхности, а также ремонтаж и технологический анализ. Функциональное назначение 33% от общего количества вторичных рассеченных орудий выяснить не удалось. Из функционально определенных вторичных орудий большинство составляют резцы и резчики (44%), меньше оказалось скобелей и стамесок (8,4–8,5%), перфораторы и скребки единичны. Авторы полагают, что технический прием намеренной фрагментации орудий и сколов-заготовок не может служить культуроопределяющим, либо хронологическим признаком, однако немаловажен для изучения динамики каменных индустрий и в целом систем жизнеобеспечения коллективов каменного века.

Ключевые слова: археология, неолит, крайний Северо-Восток Европы, каменная индустрия, технология, технический прием, трасологический анализ, ремонтаж.

Введение

Прием намеренной фрагментации кремневых изделий как способ получения новых форм заготовок орудий и их переоформления широко применялся в камнеобработке, начиная с эпохи мустье, что было отмечено исследователями палеолита (Сулейманов, 1966; Любин, 1969; 1978; Ерицян, 1972). Палеолитическими людьми применялись сравнительно сложные, комбинированные приемы рассечения и полочки сколов и орудий (Ерицян, 1972, с. 55–58). Сравнительно простые способы фрагментации пластин и орудий из них широко практиковались для производства вкладышей составных орудий и резцов на углу

сломанных заготовок. На памятниках крайнего северо-востока Европы техника намеренного рассечения представлена в материалах парчевской культуры мезолита (Волокитин, 1997, с. 109–113) и в инвентаре стоянки раннего неолита Дутово 1 (Волокитин и др., 1999; Карманов, 2008). Так, для индустрии парчевской культуры характерны фрагментация пластин и рассечение скребловидных орудий и скребков, а также дальнейшее использование получившихся частей в качестве орудий (Волокитин, 1997, с. 109). В коллекции стоянки Дутово 1 все пластины, за редким исключением, были фрагментированы. Их части без вторичной обработки использова-

лись как скобели и резчики, а после нанесения резцового скола в качестве резцов, иногда в комбинации с ножами. Примечательно, что все скребки, за исключением одного, оказались намеренно сломанными (Волокитин и др., 1999, с. 13–14).

Не столь выражено, но бесспорно применение преднамеренной поломки пластин в индустриях приуральной традиции мезолита (Волокитин, 1997, с. 106–109) и на ряде памятников раннего неолита, например, на стоянках Черная Вадья (Косинская, 2002; Карманов, 2008, с. 29–31), Эньты 1А (Логонова, 1978; Карманов, 2002), Ревью 1 (Косинская, 1997, с. 165–168). В рамках этих индустрий сравнительно тонкие пластины нередко были фрагментированы для получения вкладышей составных орудий, резцов на углу сломанных заготовок (памятники средневыходской культуры мезолита и Черная Вадья) и геометрических микролитов (Эньты 1А, Ревью 1). Вместе с тем свидетельства использования намеренной поломки сколов и орудий в бифасиальных индустриях среднего неолита не настолько очевидны и, в целом, оказались за пределами внимания исследователей культур этого периода. Это связано не только с ориентацией исследований на изучение керамики как «наиболее массового и информативного источника», но и с состоянием источниковой базы.

Цель настоящей статьи – ввод в научный оборот первичных данных о техническом приеме намеренной фрагментации кремневых изделий, который практиковался в нацеленной на производство бифасов индустрии стоянки среднего неолита Пезмогты 3А на р. Вычегде (Республика Коми)

(рис. 1), а также определение историко-культурного места данного приема в контексте материалов каменного века северо-востока Европы. В задачи исследования входит: доказательство намеренности поломки сколов и орудий; характеристика особенностей этой техники и попытка определения необходимости ее применения в изучаемом контексте. Для этого авторами были изучены морфология изделий, микро- и макроследы утилитарного износа и вторичной обработки изделий, а также проведен ремонт.

Материал и методика

В 2001–2009 гг. В.Н. Карманову удалось получить на р. Вычегде (крайний северо-восток Европы, Республика Коми) (рис. 1) материалы, позволяющие представить конкретные характеристики каменной индустрии памятников с гребенчато-ямочной керамикой среднего неолита¹. Раскопками в полной мере были изучены шесть одномоментных комплексов без примеси материалов других периодов и культур: Пезмогты 1А, 1Б, 3А, 3Б, 4А, 5. Они содержат однотипную керамическую посуду (рис. 3), которая в коллекциях сравнительно немногочисленна и представлена обломками от трех до семи сосудов на комплекс.

¹ Необходимо отметить, что аналогичные одномоментные комплексы изучались на р. Вычегде (Эньты 1Б, Эньты III, -VI) и р. Мезени (Кыстырью) и ранее – в 1975–89 гг. (Логонова, 1978; 1989; Стоколос, 1977). Однако намеренная сортировка коллекций, проведенная исследователями в поле, в ходе которой производился подсчет «отходов камнеобработки» и их погребение в засыпанном раскопе, не позволяет в настоящее время представить корректную характеристику особенностей каменной индустрии, представленной на этих памятниках.

Рис. 1. Местоположение стоянок Пезмогты 1, 3, 4, 5.

Fig. 1. Location of the Pezmozgty 1, 3, 4, 5 sites.

Посуда изготовлена из глины с добавлением дресвы и органики. Сосуды крупных и средних размеров имеют простую открытую или слегка закрытую форму. Морфология венчика варьируется: найдены емкости с простыми венчиками с прямым срезом, с внутренним бортиком и внутренним напылом. Сплошная орнаментация представлена, как правило, чередованием горизонтальных рядов ямок и рядов вертикальных или наклонных отпечатков гребенчатого штампа. Характерны угловые отпечатки гребенки, а для керамических сосудов некоторых комплексов – ее плотно поставленные отпечатки. На основании технико-типологических показателей керамики и имеющейся радиоуглеродной даты стоянки Пезмогты 1А

(5840±100 С¹⁴ л.н. (ГИН-11914), комплексы с этим типом посуды могут быть сопоставлены с керамикой архаичного или раннего этапа льяловской культуры (Сидоров, Трусов, 1980; Сидоров, 1986; Сидоров, 1992; Энгватова, 1997, с. 56–62; Никитин, 1996, с. 48–75; Ставицкий, 1999, с. 124–173) или с керамикой т.н. «северного типа» (Жилин и др., 2002, с. 43–45) в рамках второй-третьей четвертей V тыс. до н. э. (с учетом калиброванных значений радиоуглеродных дат).

Благодаря боковой эрозии рек на крайнем Северо-Востоке Европы в позднем каменном веке были доступны выходы кремнистых пород, связанные с обнажениями морен, флювиогляциальных или валунно-галечных аллювиальных отложений, а

Рис. 2. Стоянка Пезмогты 3. Жилище 1 (Пезмогты 3А). Поверхность раскопа.

Fig. 2. Pezmogty 3 site. Dwelling 1 (Pezmogty 3A). Surface of excavated area.

также расположенные на бечевниках, косах и береговых обрывах (Майорова, Волокитин, 2005, с. 118–119). Как правило, это разноцветные, разноразмерные и разнообразные по формам и качеству конкреции, куски, гальки и валуны. Выходы кремня, в том числе залегания сырья одной разновидности в виде пластов, в регионе пока не выявлены. Специфика кремневого сырья и непостоянный доступ к нему обусловили разнообразие кремня в коллекциях всех археологических периодов. Изделия из некремнёвых пород – сланцев, туфов, алевролитов, песчаников, кварцитопесчаников и т.п. – сравнительно малочисленны в коллекциях упомянутых памятников и, как правило, составляют не более 1% от общего числа предметов из камня.

Каменная индустрия изученных памятников характеризуется производством двусторонне обработанных

изделий, а конкретнее, технологией вторичного бифасиального утончения. В ее рамках производились наконечники стрел, ножи, резе перфораторы (рис. 4, 5). Обоюдоострые наконечники стрел имели ромбовидную или листовидную форму (рис. 4: 1–5). Ножи представлены асимметричными в плане тонкими бифасами со сравнительно прямым обухом и выпуклым лезвием (рис. 5: 1–5). Основная масса продуктов расщепления, среди которых диагностируются преимущественно бифасы на различных стадиях расщепления, сколы бифасиального утончения и сколы снятия межнегативных ребер, была связана с этой технологией. Нуклеусы для создания сколов определенного вида в коллекциях отсутствуют. Этому соответствуют значительная вариативность морфометрии пластин и отсутствие серий стандартных сколов этого вида. Эта особенность объясняется

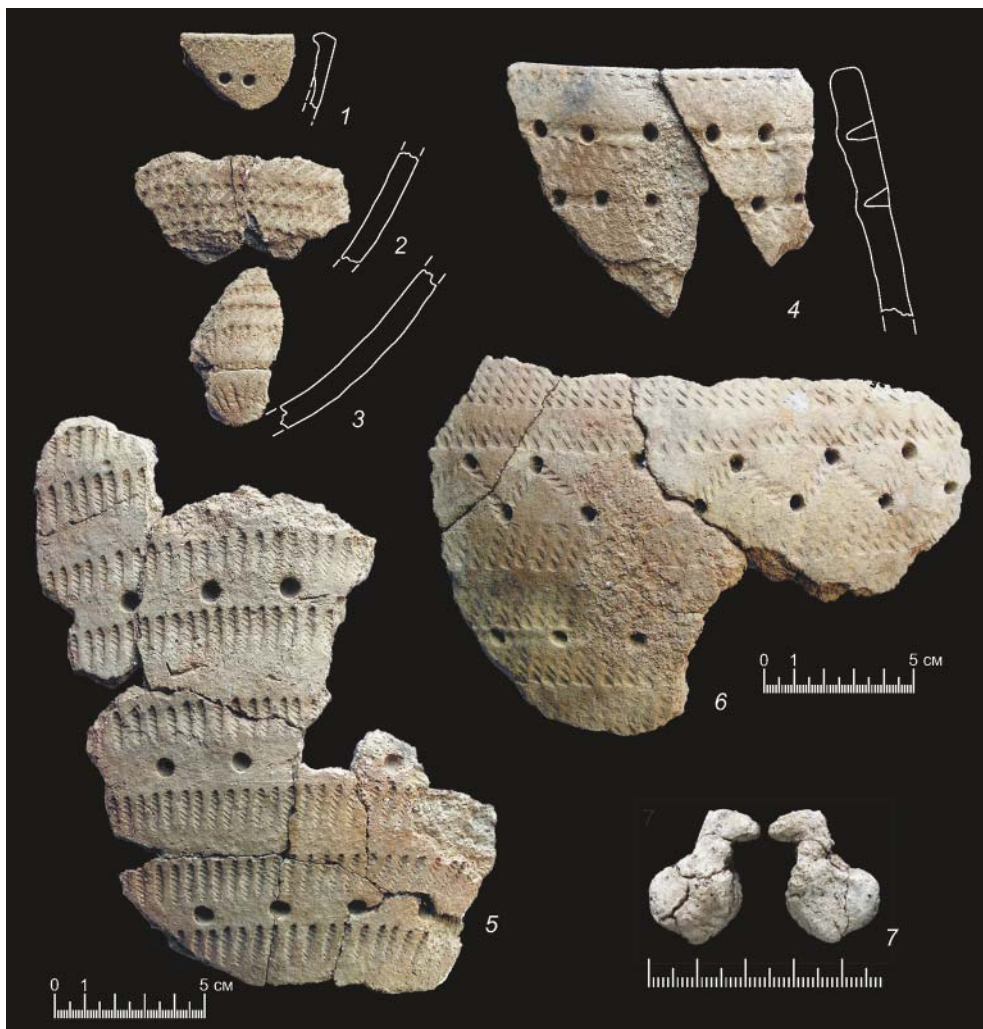

Рис. 3. Пезмогты 3А. Фрагменты керамических сосудов (1–6), керамическая фигурка утки (7).

Fig. 3. Pezmozgy 3A. Fragments of ceramic vessels (1–6), ceramic figure of a duck (7).

тем, что данные сколы являлись побочным продуктом в рамках бифасиального расщепления на разных его стадиях, например, на стадии скалывания крупных отщепов для преформ бифасов, а затем на стадии дальнейшего уточнения преформ и удаления межнегативных ребер на их поверхности. Следовательно на стадии таких сколов отбор для дальнейшей вторичной обработки был ситуативным. Поэтому доля таких сколов в каменных

инвентарях разных контекстов варьирует от 1,5 до 5,5%.

Эти показатели рассматриваемой бифасиальной кремнёвой индустрии не уникальны и имеют аналогии в материалах памятников с гребенчатоямочной керамикой лесной зоны Восточной Европы. Вместе с тем изученные коллекции стоянок Пезмогты 1, 3, 4 и 5 отличает применение тепловой обработки кремнёвых изделий для подготовки их к дальнейшему расще-

Пезмогты 3А. Состав кремневого инвентаря

Состав коллекции	Общее кол-во
Изделия без вторичной обработки	
Чешуйки	6422
Отщепы, в т.ч.:	3123
<i>Мелкие</i>	3054
<i>Средние</i>	44
<i>Крупные</i>	25
<i>Сколы бифасиального утончения</i>	1781
Пластины	28
Резцовые отщепки	36
Осколки	776
Бифасы на разных стадиях расщепления	52
Унифас (преформа бифаса?)	1
Плитка	4
Галька	2
Кусок	4
Итого:	10448
Орудия (по данным морфологии)	
Отщепы с краевой ретушью и ретушью утилизации	101
Пластины с краевой ретушью и ретушью утилизации	25
Отщепы с ретушью на конце	13
Пластины с ретушью на конце	3
Отщепы с ретушированными выемками	5
Ножи, в т.ч.	48
<i>Тонкие бифасы</i>	12
Наконечники стрел, в т.ч.	39
<i>Тонкие бифасы</i>	36
Перфораторы	2
Резцы	28
Скребки	9
Скобель	1
Орудия неопределимые (фрагменты)	38
ВСЕГО	312

плению (Карманов, 2015). В ходе изучения этих материалов была выявлена еще одна предположительная технологическая особенность – использование намеренной фрагментации кремнёвых предметов для создания новых основ для орудий (Карманов, 2008, с. 53–54).

Наиболее информативным источником по этой теме являются материалы стоянки Пезмогты 3А. Памятник открыт Э.С. Логиновой в 1989 г. и исследовался в 2003 г. В.Н. Кармановым на площади 153 кв. м. В естествен-

ной ложбине между двумя золовыми дюнами разной высоты была изучена впадина размерами 13,5 × 5,5 и глубиной до 0,30 м. В результате раскопок установлено ее соответствие остаткам котлована слабо углубленной жилой постройки размерами 5,5 × 9 м и площадью около 50 кв. м (рис. 2). Вход-выход в процессе раскопок не выявлен, хозяйственные ямы и очаги не обнаружены. Однако на возможное наличие очага (или очагов), которые не были конструктивно оформлены, указывали скопления обломков каль-

Таблица 2.

Пезмогты 3А. Функции орудий по данным трасологии

Функция	Количество
Резчик	220
Скобель	171
Резец	147
Нож	83
Наконечник стрелы	51
Стамеска	39
Скребок	11
Сверло	7
Проколка	6
Нож-ложкарь	4
Рубящее орудие	4
Перфоратор	2
Микрорезец	1
Развертка	1
Долотце	1
Пилка или скобель	1
Пилка или нож	1
Резчик или нож	1
Стамеска или скребок	1
ВСЕГО:	752

цинированных костей животных и пережженные кремни. Подавляющее число находок на стоянке Пезмогты 3А залегало в виде пятна подпрямоугольной формы площадью около 40 кв. м. Данное пятно согласовывалось, в целом с очертаниями котлована постройки, за пределами которого находки были единичны. Возможно, залегание находок исключительно в пределах постройки свидетельствует об ее функционировании в холодный период года.

Комплексное изучение каменной индустрии стоянки Пезмогты 3А было осуществлено с применением традиционных для археологии каменного века методов – морфолого-типологического и планиграфического в сочетании методом ремонтажа. Вместе с тем, важную роль в исследовании сыграли технологический и трасолого-функциональный анализы всех каменных артефактов (включая чешуй-

ки), выполненные авторами в русле методики, разработанной в результате исследований представителей Санкт-Петербургской (Ленинградской) экспериментально-трасологической школы (Коробкова, Щелинский, 1996; Гиря, 1997; Поплевко, 2007), что позволило «проследить судьбу» сколов, орудий и их фрагментов. Трасологический анализ проведен с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10, фотофиксация (микрофотографирование) выполнено посредством цифровой камеры-окуляра для микроскопа DCM900.

Благодаря многолетним экспериментально-трасологическим работам, проведенными европейскими и отечественными исследователями, были получены данные о диагностических признаках намеренного характера фрагментации сколов, а также о различиях в этих признаках в связи с использованием древними людьми различных инструментов и приспособлений

Таблица 3

Пезмогты 3А. Кремневые изделия, подвергшиеся намеренной фрагментации
(с учетом данных трасологии)

Изделие	Количество
Отщепы	64
Ножи	49
Бифасы на разных стадиях	26
Скобели	21
Орудие неопределимое	9
Ножи-бифасы	8
Скребок	7
Наконечник стрелы, бифас	4
Нож+скобель	1
Нож+скребок	1
Не определено	1
Пластина	1
Плитка	1
Стамеска?	1
Сверло	1
ВСЕГО:	195

Таблица 4

Пезмогты 3А. Функции фрагментов, полученных в результате рассечения
(с учетом данных трасологии)

Функция	Количество
Резец	50
Резчик	45
Скобель	18
Стамеска	17
Перфоратор	3
Переоформление	3
Скребок	2
Развертка	1
Сверло	1
Долото	1
Рубящее орудие	1
Не определено	72
ВСЕГО:	214

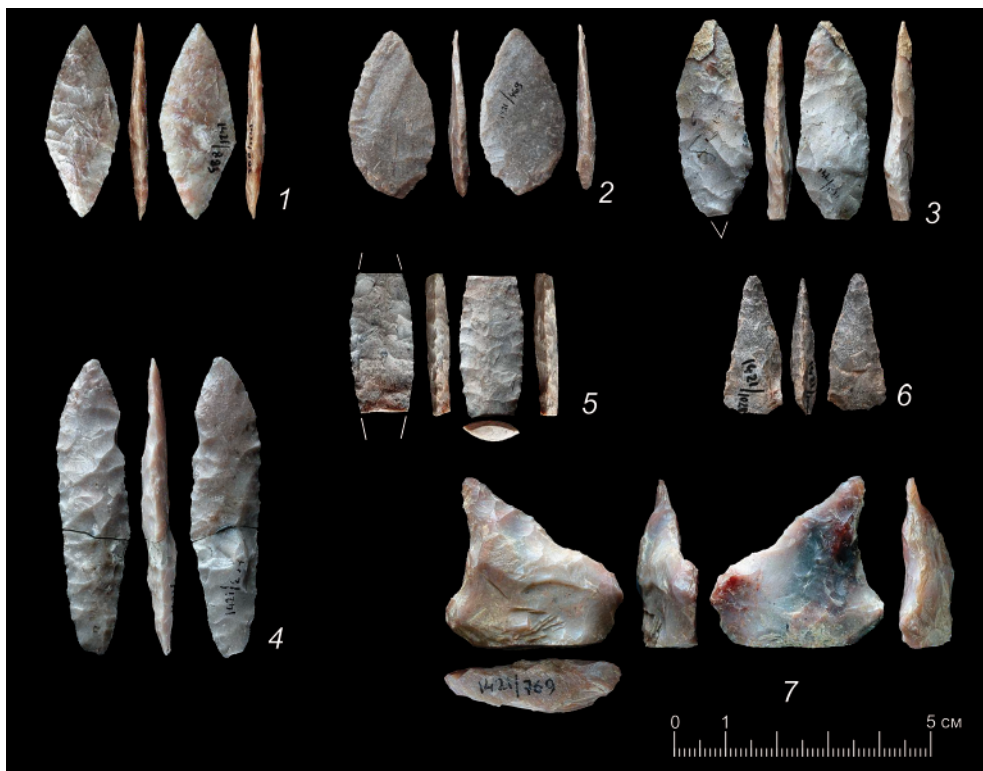

Рис. 4. Пезмогты 3А. Бифасы: 1–5 – наконечники стрел; 6, 7 – перфораторы.

Fig. 4. Pezmozgty 3A. Bifaces: 1–5 – arrowheads; 6, 7 – perforators.

(Щелинский, 1983, с. 89–91; Матюхин, 1994; Anderson-Whymark, 2011).

Аспекты морфологии, технологии и функции

Количественные и качественные характеристики кремнёвого инвентаря стоянки Пезмогты 3А представлены в таблицах 1 и 2. На предмет намеренной фрагментации были изучены 1145 предметов. В эту выборку не включены чешуйки, мелкие отщепы (менее 3 см) – сколы бифасиального утончения, а также термические осколки. В результате по степени достоверности свидетельств намеренной поломки, были выявлены две группы изделий: 1) предметы с признаками намеренной фрагментации – 195 экз. (17,0% от общего числа в выборке); 2) обломки предметов, которые

могли быть получены как в результате специальной поломки, так и случайной (при эксплуатации орудия, случайного надавливания и т.п.) – 151 экз. (13,2%). Кроме того, не удалось определить позицию незначительного числа предметов (8 экз., 0,07%), которые могут быть интерпретированы в изучаемом контексте и как неудачные (нырнувшие) резцовые отщепы, унесшие значительную часть сколаосновы, и как специально продольно рассеченные изделия. В дальнейшем для корректной оценки изучаемого нами явления привлекаются данные изучения первой группы изделий.

Среди свидетельств намеренной поломки, наблюдавшихся на 41 предмете из стоянки Пезмогты 3А, были зафиксированы остатки кольцевых

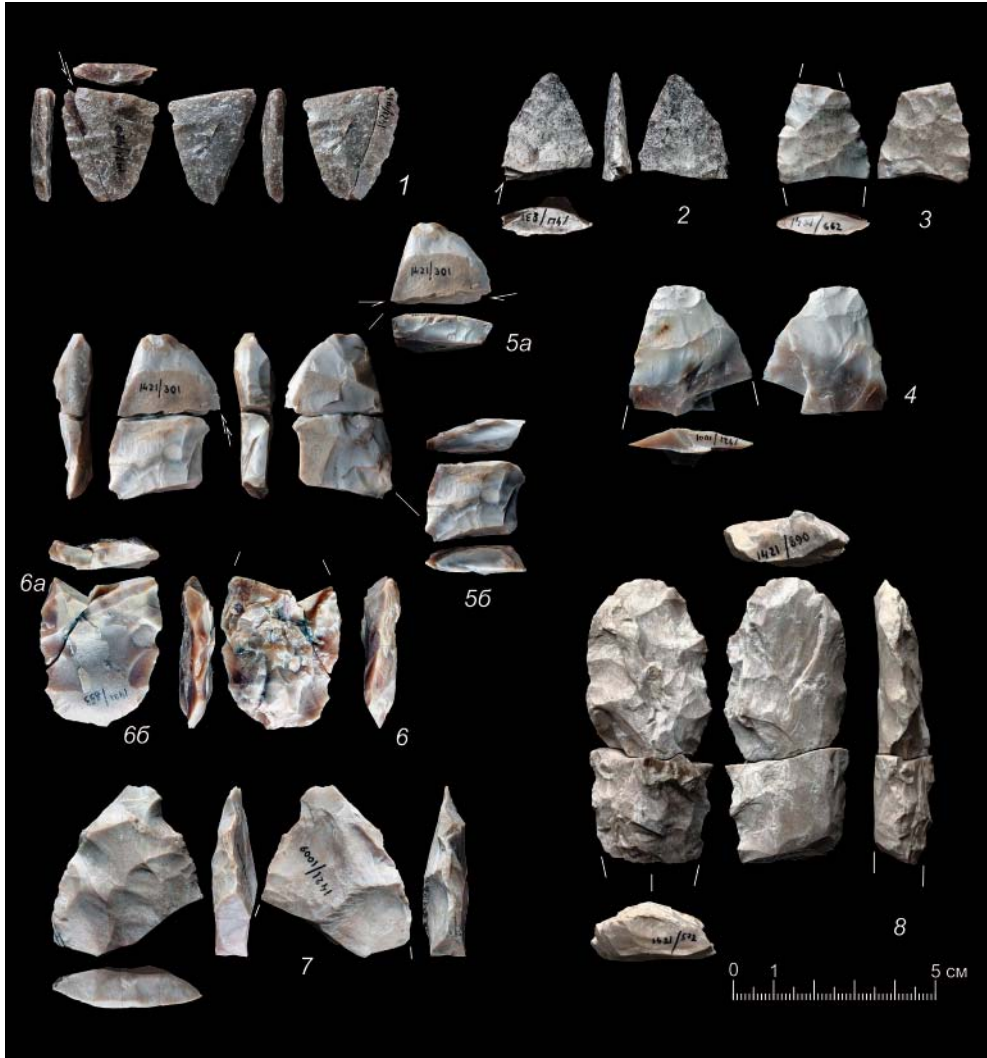

Рис. 5. Пезмогты 3А. Фрагментированные орудия, изготовленные на бифасах: 1 – нож-бифас, после фрагментации и снятия резцового скола – резец; 2, 3 – ножи-бифасы, после фрагментации – резчики; 4 – нож-бифас, после фрагментации – не определено; 5 – бифас в начальной стадии расщепления, после фрагментации: 5а – резец по мягкому материалу; 5б – скребок с очень узким лезвием и резец по мягкому материалу; 6 – бифас в начальной стадии расщепления, после фрагментации: 6а – сверло и резчик; 6б – не определено; 7 – бифас незавершенный, после фрагментации – рубящее орудие; 8 – бифас незавершенный, фрагментирован с целью переоформления.

Fig. 5. Pezmogty 3A. Fragmented tools made from the bifaces. 1 – knife-biface, after fragmentation and removal a burin spall – burin; 2, 3 – knives-bifaces, after fragmentation – the small burins; 4 – knife-biface, after fragmentation – undefined; 5 – biface at the initial stage of knapping, after fragmentation: 5a – burin for soft material; 5b – scraper with very narrow working edge and burin for soft material; 6 – biface at the initial stage of knapping, after fragmentation: 6a – drill and small burin; 6b – undefined; 7 – biface unfinished, after fragmentation – chopping tool; 8 – biface unfinished, fragmented in order to be reshaped.

Рис. 6. Пезмогты 3А. Фрагментированные орудия, изготовленные на пластинах и отщепках: 1 – строгальный нож на отщепе, после фрагментации: 1а – резец по твердому материалу, 1б – не определено; 2 – нож на отщепе, после фрагментации – резцы на углах; 3 – комбинированное орудие: концевой скребок и нож, после фрагментации – интенсивное использование в качестве резцов; 5 – нож на отщепе, после фрагментации: 5а и 5б – резцы; 6 – строгальный нож по твердому материалу с двумя рабочими лезвиями, после фрагментации: 6а – скребок, 6б – не определено; 7 – нож на пластине с двумя рабочими лезвиями (сильно сработанными), после фрагментации – резцы на углах обломков; 8 – нож на пластине с двумя рабочими лезвиями (сильно сработанными), после фрагментации – не определено.

Fig. 6. Pezmozgy 3A. Fragmented tools made from the blades and flakes: 1 – planing knife on the flake, after fragmentation: 1a – burin for hard material, 1b – undefined; 2 – knife on the flake, after fragmentation – burins on the angles; 3 – combined tool: end-scraper and knife, after fragmentation – the burins intensively used; 5 – knife on the flake, after fragmentation: 5a and 5b – the burins; 6 – planing knife with two working edges for hard material, after fragmentation: 6a – scraper, 6b – undefined; 7 – knife on the blade with two working edges intensively used, after fragmentation – burins on the angles; 8 – knife on the blade with two working edges intensively used, after fragmentation – undefined.

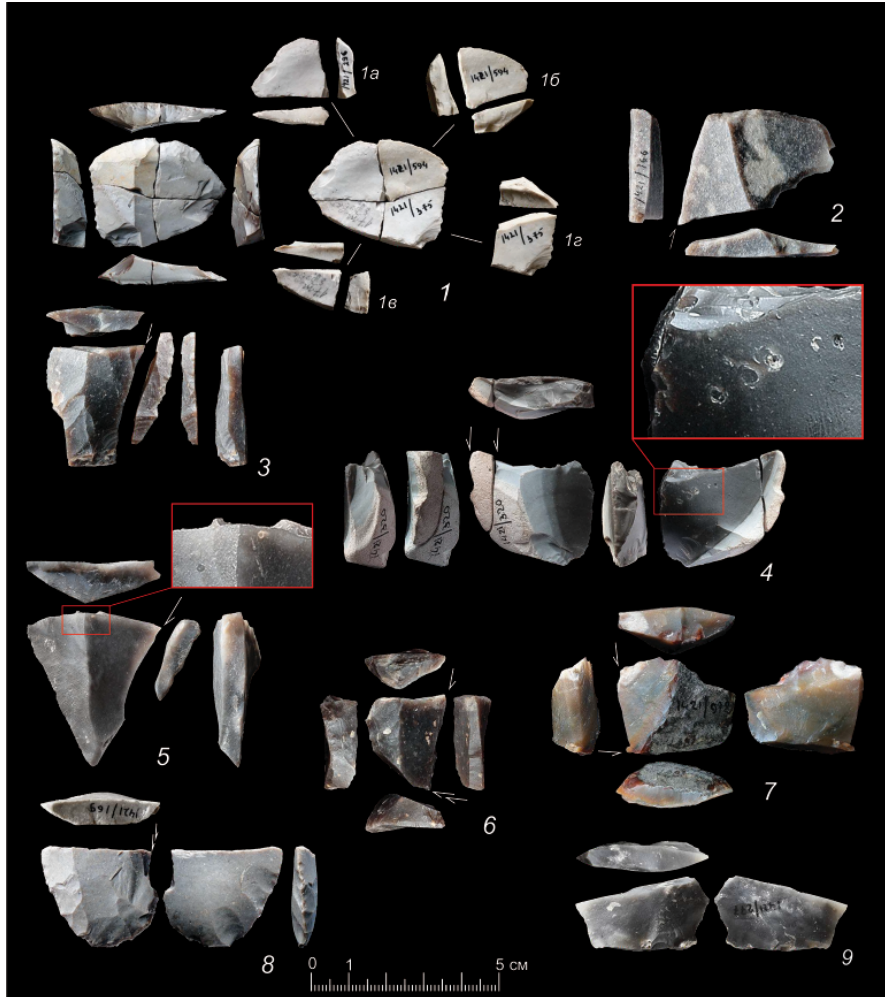

Рис. 7. Пезмогты 3А. Фрагментированные изделия и орудия, оформленные из них: 1 – скребок-нож по мягкому материалу, после фрагментации – резчики-скобели и скребок; 2 – скребок концевой по шкуре, на отщепе, после фрагментации – резец по дереву (?); 3 – нож на отщепе, после фрагментации – резец на углу; 4 – скребок боковой на отщепе, после фрагментации – резец по дереву; 5 – разделочный нож на отщепе, после фрагментации – резцы на углу и дистальном конце; 6 – скобель на отщепе (?), после фрагментации – резцы на углах, скобель на торце фрагмента; 7 – отщеп, после фрагментации – угловые резцы по мягкому материалу; 8 – обушковая часть орудия на отщепе, возможно, ножа по мягкому материалу, после фрагментации – резец по мягкому материалу; 9 – скобель, после фрагментации – не определено.

Fig. 7. Pezmogty 3A. Fragmented objects and tools made from them: 1 – scraper-knife for soft material, after fragmentation – the small-burins and scraper; 2 – end-scraper on the flake for hide-working, after fragmentation – burin for wood (?); 3 – knife on the flake, after fragmentation – burin for wood; 4 – side-scraper on the flake, after fragmentation – burin for wood; 5 – butchering knife on the flake, after fragmentation – burins on the angle and distal end; 6 – scraper on the flake (?), after fragmentation – burins on the angles and scraper in the butt; 8 – hafted part of tool on the flake, probably of the knife for soft material, after fragmentation – burin for soft material; 9 – scraper, after fragmentation – undefined.

трещин либо конусообразные лунки на прикраевых участках. Также на удалении от места слома наблюдались выкрошенность края (рис. 6: 1) и кольцевые трещины на поверхности, которые возникли вследствие неудачных попыток фрагментации (рис. 7: 4, 5). В прикраевых зонах на 19 изделиях выявлены радиальные трещины, направленные от места приложения импульса силы вглубь материала (рис. 6: 1, 7: 6). Торцы сломов у 52 образцов демонстрировали такие диагностирующие признаки намеренного расщепления, как расходящиеся от одной точки или участка «лучики», «язычки», «реснички» (Матюхин, 1994, с. 69). На всех предметах ударная волна однонаправлена и четко выражена.

Кроме того, ремонтаж некоторых предметов позволяет утверждать, что они могли быть сломаны только в результате намеренного удара по центру изделий (рис. 5: 6, 7; 6: 1, 2, 5, 7; 7: 1; 8: 1, 5). В итоге предметы ломались не на две части, как это происходит вследствие непреднамеренной поломки, например, орудия в рукояти, а на три-четыре фрагмента. Следы, расположенные на противоположных фасах и кромках торцов сломанных предметов, присутствуют всего на двух фрагментах (рис. 7: 7, 9). Сравнительно большое число изделий с явными признаками их расщепления свидетельствует о целенаправленном использовании такой техники в рамках изучаемой индустрии. Особенности следов неудачных попыток фрагментации, морфология отдельных частей сколов и ярко выраженные, преимущественно однонаправленные, следы приложения импульса силы на торцах и кромках сломанных предметов, указывают на то что, поперечное расщеп-

ление предметов могло производиться твердым отбойником. Возможно, это происходило на деревянной наковальне, земле или ноге мастера. Для расщепления сколов с выраженной огранкой удар наносился по межнегативному ребру на дорсальном фасае, а для поломки широких отщепов и бифасов – по центру предмета. В результате предметы ломались на две и более части, каждая из которых могла быть использована без дополнительной обработки в качестве орудия.

Намеренной поломке (табл. 3) подвергались как отщепы и пластины без вторичной обработки (93 экз. или 47,7% из 195 сломанных артефактов), так и морфологически выраженные орудия (102 экз. или 52,3%). Среди всей совокупности изделий с вторичной обработкой и следами утилизации (102 экз.) фрагментированными оказались преимущественно режущие орудия (57 экз. или 55,8%), включая тонкие бифасы (8 экз.). В меньшей мере фрагментации подвергались скребки (21,4%) и скребки (0,07%). Среди 39 наконечников стрел, найденных как в целом виде, так и обломках, четыре экземпляра (0,04% от всей совокупности орудий) несут явные следы намеренной поломки. Возможно, специально расщепленных орудий этого типа было больше, но в силу незначительной толщины этих изделий, диагностирующие признаки на них могут отсутствовать. Кроме того, при изучении небольшой серии наконечников затруднительно отделить следы целенаправленного расщепления от следов непреднамеренной поломки в ходе их использования в качестве метательного вооружения.

Необходимо отметить, что часть намеренно сломанных ножей и ско-

Рис. 8. Пезмогты 3А. Стамески, в том числе, комбинированные с резцами, изготовленные из фрагментированных отщепов: 1–3 – стамески; 4 – стамеска и скребель по твердому материалу, возможно, резец; 5 – стамеска и резец по твердому материалу; 6 – стамеска и резец по твердому материалу.

Fig. 8. Pezmozgty 3A. Chisels, among them the chisels combined with the burins made from fragmented flakes: 1–3 – chisels; 4 – chisel and scraper for hard material, probably burin; 5 – chisel and scraper for hard material; 6 – chisel and scraper for hard material.

белей с остатками рабочих участков (по крайней мере, 8 экз.) могла выполнять эти функции, как до фрагментации, так и после таковой. В то время как почти все скребки по шкурам были намеренно фрагментированы и уже не могли быть использованы в качестве таковых, за исключением одного вторичного скребка-резчика-скобеля (рис. 7: 1).

Помимо орудий, следы рассечения были выявлены на 93 предметах

без вторичной обработки. Преимущественно это отщепы (64 экз. или 68,8% от всей совокупности изделий без следов использования) и незавершенные двусторонне обработанные изделия (26 экз. или 28%). В результате ремонта установлено, что 195 сломанным предметам в коллекции соответствует 214 обломков (табл. 3, 4). Большая часть изделий ломалась на две-три части, реже – четыре. Фрагменты, получившиеся при

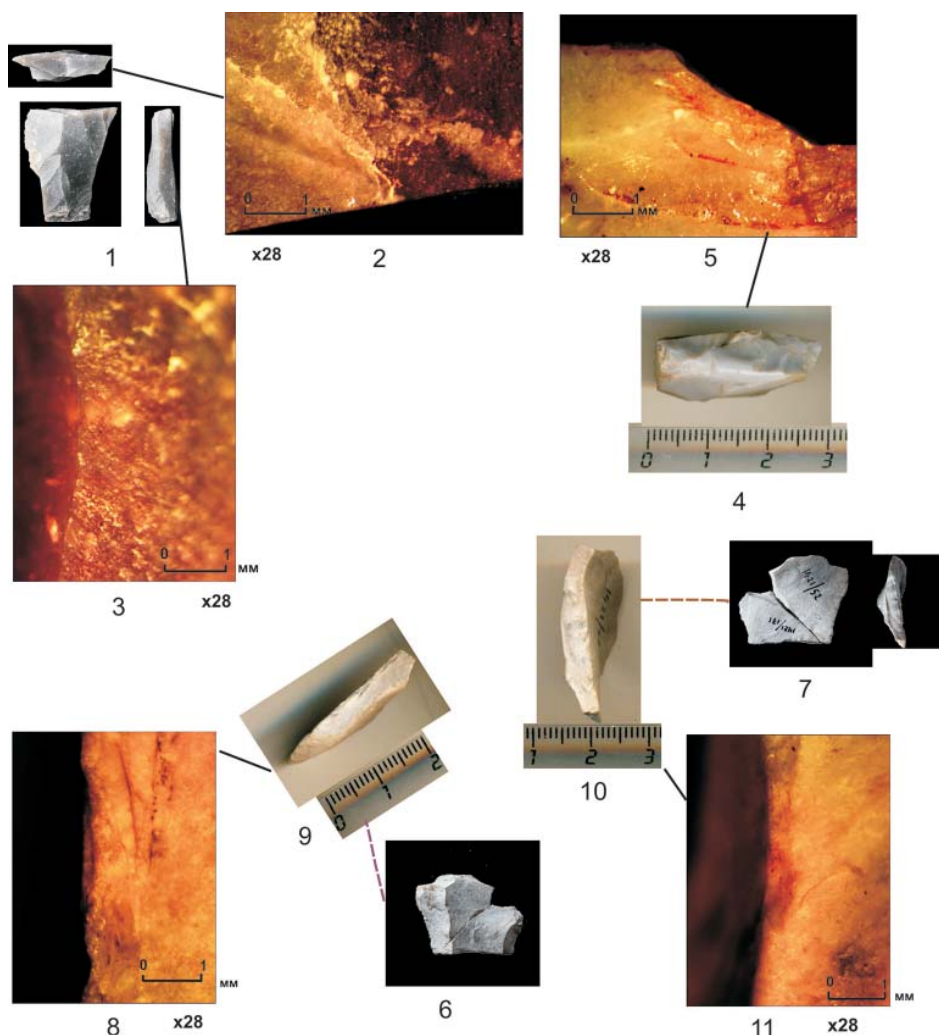

Рис. 9. Пезмогты 3А. Микрофотографии фрагментированных орудий (28-кратное увеличение): 1 – нож, после фрагментации – вторичный угловой резец (копия изображения на рис. 7: 3); 2 – микрофото точки удара при фрагментации данного орудия; 3 – микрофото рабочей кромки данного вторичного резца; 4 – фрагмент бифаса в начальной стадии, после фрагментации – вторичный угловой резец (см. рис. 5: 5); 5 – микрофото рабочей кромки данного вторичного резца; 6, 7 – концевой скребок и нож, после фрагментации – два вторичных угловых резца (копии изображения на рис. 6: 3, шифры 1421/52 и 1421/171); 8 – микрофото рабочей кромки вторичного резца (шифр 1421/52); 9 – вторичный резец (шифр 1421/52); 10 – вторичный резец (шифр 1421/171); 11 – микрофото рабочей кромки вторичного резца (шифр 1421/171).

Fig. 9. Pezmogty 3A. Photomicrographs fragmented tools (28-fold increase): 1 – the knife, after fragmentation – secondarily angled burin (a copy of the image in Fig. 7:3); 2 – photomicrograph the point of impact during fragmentation of this tool; 3 – photomicrograph the working edge of this secondarily burin; 4 – fragment of the biface at the initial stage, after fragmentation – secondarily angled burin (see Fig. 5:5); 5 – photomicrograph the working edge of this secondarily burin; 6, 7 – end-scraper and knife, after fragmentation – two secondarily angled burins (see Fig. 6:3); 8 – photomicrograph the working edge of secondarily burin; 9 – secondarily burin; 10 – secondarily burin; 11 – photomicrograph the working edge of this secondarily burin.

поломке, в большинстве своем использовались в качестве орудий. Среди 214 обломков только 72 образца не имели следов их дальнейшего использования. При этом нужно учесть, что в результате ремонта был восстановлен первоначальный облик крайне незначительной части сломанных изделий. Это обстоятельство указывает на то, что неопределенное количество фрагментов (потенциальных орудий) было унесено из жилища.

Среди обломков с утилитарным износом морфологически выраженными являются 22 резца (рис. 6: 1–3; 7: 2–8) и 17 стамесок подтреугольной и подпрямоугольной форм (рис. 8), использовавшихся, возможно, в рукояти. Остальные фрагменты представлены случайными формами – обломками с макро- и микроследами утилитарного износа. На макроуровне на торцах сломов и частично на фасах изделий наблюдаются участки негативов мелких фасеток со ступенчатым окончанием и сработанные кромки.

Трасологический анализ каменного инвентаря стоянки Пезмогты 3А позволил выявить следы утилизации на 142 обломках (табл. 4). Одновременно установлено, что серии мелких снятий на некоторых фрагментах не являются следами утилитарного износа, а были направлены на удаление острой кромки или карниза с целью комфортного использования орудия. Количество рабочих участков на каждом из обломков составляло от одного до четырех. При этом на одном и том же предмете могут присутствовать участки лезвий со следами как разных (например, резец и резчик), так и однородных функций (например, двойные или тройные резцы). Таким образом, количество функций, опре-

деленных на сломанных изделиях составляет 173.

Форма получаемых при фрагментации частей с острыми углами и кромками определила возможности их использования преимущественно в качестве резцов (50 экз. или 35,2% всей совокупности функций) и резчиков (45 экз. или 31,7%), в меньшей мере, скобелей (18 экз. или 12,7%). При этом среди 50 резцов только 22 изделия были изготовлены при помощи резцового скола. Однако фрагментированных предметов с резцовым сколом в реальности было больше, поскольку в коллекции присутствует 36 резцовых отщепков, из которых лишь пять (рис. 5: 1; 7: 3–5) удалось подобрать к основам.

Намеренное рассечение использовалось также для образования заготовок для 17 стамесок (12%). Предварительно можно говорить о том, что эта серия орудий является особенностью коллекции стоянки Пезмогты 3А по сравнению с синхронными комплексами стоянок Пезмогты 1, 4 и 5.

Поломка незавершенных бифасов с целью их переоформления (например, удаления проблемных участков) зафиксирована всего в трех случаях (0,02%) (рис. 5: 8). Количество таких ситуаций, вероятно, было больше, но они могли не сохраниться в силу особенностей бифасиального расщепления, при котором исходные и промежуточные поверхности могут быть изменены кардинально.

Результаты и перспективы

Намеренная поломка сколов и утилизированных орудий, в т.ч. в комбинации с резцовым сколом, позволяла первобытным мастерам стоянки Пезмогты 3А без дополнительных усилий оперативно получить «свежую»

острую кромку, которую без вторичной обработки можно было использовать в качестве рабочего края. В меньшей мере в коллекции представлены свидетельства фрагментации для создания новых форм заготовок орудий (например, стамесок).

В целом необходимость активной поломки возникает, вероятно, в экстремальных ситуациях, когда применение иных приемов оформления/переоформления орудий ограничено в силу интенсивной утилизации орудий и исчерпания имеющегося сырья. При этом пополнение запасов сырья было невозможно в связи с его удаленностью или недоступностью, например, зимой. В качестве объяснения не исключена и необходимость оперативного решения проблемы обеспечения коллектива новым орудийным набором. Это могло быть обусловлено сменой производимых в жилище хозяйственных операций.

На стоянке Пезмогты 3А в результате ремонта и трасологического анализа удалось установить, что все сравнительно немногочисленные скребки по шкурам были фрагментированы и их части использовались в качестве резцов и резчиков. Из 89 изделий, которые по данным трасологии использовались в качестве ножей, 57 оказались намеренно поломанными. Следы явного рассечения выявлены даже на наконечниках стрел. При этом благодаря фрагментации в орудийном наборе примерно на четверть возросла доля резцов и резчиков. Ситуация казалось бы говорит о кардинальном обновлении орудийного набора. Однако мы не можем установить, в каком именно контексте ломалось то или иное изделие для получения орудия другого типа, с ка-

кой интенсивностью это производилось и в какой последовательности. Например, невозможно установить, как скребки по шкурам выходили из употребления: разово (в связи со сменой хозяйственной деятельности ими просто больше нечего было обрабатывать) или последовательно (по мере утилизации орудий).

Судя по известным нам публикациям, посвященным синхронным и близким в культурном отношении материалам льяловской культуры, намеренная фрагментация сколов и орудий в особый прием камнеобработки исследователями не выделялась. Однако еще в 1965 г. В.П. Левенок указывал на такую особенность каменного инвентаря нижнего и среднего горизонтов Долговской стоянки на верхнем Дону, как «прием реутилизации сломанных орудий в их новом использовании». Он отметил отсутствие в коллекции «крупных кремневых форм и бережное отношение древних обитателей этого поселения к каждому кусочку кремня». Объяснял исследователь такую ситуацию бедностью Верхнего и Среднего Подонья кремнем и отсутствием мелового кремня (Левенок, 1965, с. 235). Кроме того, приводимые в публикациях ряда исследователей данные о количестве резцов на углах сломанных заготовок в коллекциях, и некоторые иллюстрации указывают напрямую на использование техники фрагментации (Левенок, 1965, с. 233–235, рис. 13; Сидоров, Трусов, 1980, с. 132–133, рис. 4: 1–24; Сидоров, 1986, с. 122–123, рис. 4: 5–17; Сидоров, 1992; Энговатова, 1997, с. 85, 86, рис. 100: 17–30). Детальная характеристика этой техники, возможно, дело будущих исследований, хотя на данном этапе бесспорно установлены

факты намеренной поломки в инвентаре памятников не только с гребенчато-ямочной керамикой крайнего северо-востока Европы, но и основного ареала льяловской культуры в Волго-Окском междуречье и к югу от него – на верхнем Дону.

Имеющиеся аналогии в материалах стоянок предшествующих периодов мезолита и раннего неолита (см. выше) позволяют предположить, что активное использование намеренной фрагментации не является культуроопределяющим или хронологическим признаком. Такая интенсивная утилизация кремня и изделий из него, скорее, была своеобразным способом адаптации первобытных коллективов к имеющейся сырьевой базе в регионе или следствием временной недоступности источников минерального сырья. И обращение к этому технологическому приему со стороны первобытных мастеров в разное время, по всей видимости, было ситуативным.

По сути, отличия между разновременными индустриями заключаются только в форме ломаемых намеренно сколов и способах их фрагментации. Это напрямую связано с особенностями технологии расщепления камня. Если в мезолитических и раннеолитических индустриях фрагментировались преимущественно пластины и орудия из них, то в среднем неолите эта база расширяется за счет бифасов на различных стадиях расщепления, а также отщепов и орудий из

них. Кроме того, намеренная поломка сравнительно тонких пластин и микропластин ударом отбойника была нецелесообразна. Например, первобытный мастер стоянки Дутово 1, видимо, применял для этого роговую или деревянную щемилку, а более тонкие пластины мог ломать руками (определения Н.А. Алексащенко) (Волокитин и др., 1999, с. 14). Вместе с тем, широкие отщепы и сравнительно массивные бифасы среднего неолита могли успешно фрагментироваться только ударом отбойником.

Однако ограниченные возможности использования исследователями свидетельств применения приема намеренной фрагментации для решения проблем культурно-хронологической атрибуции не умаляет значения его изучения. Ведь он ярко демонстрирует, что орудийный набор в течение функционирования стоянки/поселения «эволюционировал», качественно и количественно изменялся, по всей видимости, в зависимости от насущных для коллектива хозяйственных операций. А это, в свою очередь, влияет на результаты сравнительного анализа данных статистики по тем или иным коллекциям, на основе которых традиционно решаются проблемы культурной принадлежности памятников и их хронологии. В связи с этим актуально дальнейшее изучение и сравнение контекстов с признаками намеренной поломки кремневых предметов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волокитин А.В. Мезолит // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 91–146.
2. Волокитин А.В., Карманов В.Н., Косинская Л.Л., Сажин И.В. Дутово I памятник раннего неолита на средней Печоре // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и историография) / МАЕСВ. Вып. 16 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1999. С. 4–16.

3. *Гиря Е.Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. СПб.: ИИМК РАН, 1997. 198 с.
4. *Ерицян Б.Г.* Некоторые особенности намеренного рассечения орудий мустерской эпохи (по материалам Ереванской пещерной стоянки) // КСИА. Вып. 131. М.: Наука, 1972. С. 53–60.
5. *Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В.* Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М.: Наука, 2002. 245 с.
6. *Карманов В.Н.* Неолит европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2008. 226 с.
7. *Карманов В.Н.* Памятники с трапециями на европейском Северо-Востоке // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2002. С. 91–98.
8. *Карманов В.Н.* Тепловая обработка кремня по материалам поселения раннего металла Угдым I на средней Вычегде // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2015. С. 313–324.
9. *Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е.* Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 80 с.
10. *Косинская Л.Л.* К проблеме генезиса черноборской археологической культуры (по материалам поселения Черная Вадьа на Нижней Вычегде) // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2002. С. 224–231.
11. *Косинская Л.Л.* Неолит // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 146–212.
12. *Левенок В.П.* Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита // Палеолит и неолит СССР. Т. 5. / МИА. № 131 / Ред. П.И. Борисковский. М.-Л., 1965. С. 223–251.
13. *Логинова Э.С.* Поселение Энты I // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье / МАЕСВ. Вып. 7 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1978. С. 3–23.
14. *Логинова Э.С.* Поселения эпохи неолита на Средней Вычегде // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов. Т. 1. / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: Наука, 1989. С. 66.
15. *Любин В.П.* К методике изучения фрагментированных сколов и орудий в палеолите // Проблемы советской археологии / Ред. В.В. Кропоткин, Г.Н. Матюшин, Б.Г. Петерс. М.: Наука, 1978. С. 23–32.
16. *Любин В.П.* Палеолит Северной Осетии // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе: Книжная типография Управления по печати при Совете Министров СО АССР, 1969. С. 6–46.
17. *Майорова Т.П., Волокитин А.В.* Геохимические особенности кремня древних индустрий и выявление источников сырья // Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы Международного семинара (Сыктывкар, 30 мая – 4 июня 2005 г.). Сыктывкар: Геопринт, 2005. С. 118–119.
18. *Матюхин А.Е.* Технология фрагментации сколов // Экспериментально-трассологические исследования в археологии / Отв. ред. Г.Ф. Коробкова. СПб.: Наука, 1994. С. 62–85.
19. *Никитин В.В.* Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1996в. 180 с.
20. *Поплевко Г.Н.* Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин, 2007. 308 с.
21. *Сидоров В.В.* Кремневые орудия и оружие поселения Воймежное I // Древние охотники и рыболовы Подмосковья (по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы Воймежное I) / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 1997. С. 76–91.

22. Сидоров В.В. Маслово Болото 7 – поселение льяловской культуры // СА. 1986. № 4. С. 116–137.
23. Сидоров В.В. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья / Отв. ред. В.В. Сидоров. М.: ИА РАН, 1992. С. 4–113.
24. Сидоров В.В., Трусков А.В. Луково Озеро I – стоянка льяловской культуры // СА. 1980. № 2. С. 126–143.
25. Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Посурья. Пенза, 1999. 196 с.
26. Стоколос В.С. Первый неолитический памятник на Мезени // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени / МАЕСВ; Вып. 6 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1977. С. 31–36.
27. Сулейманов Р.Х. Об одном техническом приеме изготовления палеолитических орудий // Общественные науки в Узбекистане. Вып. III. Ташкент: Фан, 1966. С. 36–37.
28. Щелинский В.Е. К изучению техники, технологии изготовления и функции орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита / Ред. А.Н. Рогачев. Л.: Наука, 1983. С. 72–133.
29. Энговатова А.В. Керамические комплексы льяловской культуры // Древние охотники и рыболовы Подмосковья (по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы Воймежное I) / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 1997. С. 56–62.
30. Anderson-Whymark H. Intentional breakage in the British Neolithic: some comments and examples // Lithics. 2011. № 32. P. 16–21.

Информация об авторах:

Карманов Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, зав. сектором. Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Россия); vkarman@bk.ru

Галимова Мадина Шакировна, кандидат исторических наук, зав. отделом. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); mgalimova@yandex.ru

INTENTIONAL FRAGMENTATION OF FLINT PRODUCTS DURING THE NEOLITHIC (ACCORDING THE PEZMOGTY 3A SITE ON THE MIDDLE VYCHEGDA RIVER, KOMI REPUBLIC)

V. N. Karmanov, M. Sh. Galimova

The article presents an analysis of information indicating the application of a technique of deliberate fragmentation of previously crafted and used flint objects by the population of the extreme North-East of Europe in the Neolithic. The stone industry of Pezmogty 3 A site with pit-combed ceramics of the Middle Neolithic specialized in the production of the so-called "thin bifaces" – arrowheads, knives and perforators with double-sided retouching. Identification of the characteristic features of a technique involving intentional fragmentation of finished implements and fractured blanks required the execution of a comprehensive study of the flint inventory including the investigation of artifact morphology, traceological (functional) analysis of the surface, as well as remontage and technological analysis. The functional purpose of 33 % of total secondary fractured implements could not be determined, The majority of implements with identified functional purpose are burins and small burins (44 %), followed by scrapers and chisels (8.4–8.5 %) with only a few perforators and hide-scrapers. The authors suggest that the technique of intentional fragmentation of implements and fractured blanks cannot represent a determinant cultural or chronological indicator, but it is rather significant for the investigation of the dynamics of stone industries and general life-support systems of Stone Age communities.

Keywords: archaeology, Neolithic, the extreme North-East of Europe, stone industry, technology, technical method, remontage.

REFERENCES

1. Volokitin, A. V. 1997. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Arkheologiiia Respubliki Komi (Archaeology of the Komi Republic)*. Moscow: "DiK" Publ. 91–146 (in Russian).
2. Volokitin, A. V., Karmanov, V. N., Kosinskaia, L. L., Sazhin, I. V. 1999. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Etnokul'turnye protsessy v drevnosti na Evropeiskom Severo-Vostoke (istochniki i istoriografiia) (Ethnic-Cultural Processes in Antiquity in the European North-East: Sources and Historiography)*. Series: Materials on the Archaeology of Northeast 16. Syktyvkar, 4–16 (in Russian).
3. Giria, E. Yu. 1997. *Tekhnologicheskii analiz kamennykh industrii (Technological Analysis of Stone Industries)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).
4. Eritcan, B. G. 1972. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 131. Moscow: "Nauka" Publ., 53–60 (in Russian).
5. Zhilin, M. G., Kostyleva, E. L., et al. 2002. *Mezoliticheskie i neoliticheskie kul'tury Verkhnego Povolzh'ia. Po materialam stoianki Ivanovskoe VII (Mesolithic and Neolithic Cultures of the Upper Volga Region. On the Materials of Ivanovo VII Settlement)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Karmanov, V. N. 2008. *Neolit evropeiskogo Severo-Vostoka (Neolithic of European North-east)*. Syktyvkar (in Russian).
7. Karmanov, V. N. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 5. Tver: Tver State United Museum, 91–98 (in Russian).
8. Karmanov, V. N. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 10 (I). Tver: Tver State United Museum, 313–324 (in Russian).
9. Korobkova, G. F., Shchelinskii, V. E. 1996. *Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudii truda (Methodology of Micro- and Macroanalysis of Prehistoric Implements)* 1. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).
10. Kosinskaia, L. L. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 5. Tver: Tver State United Museum, 224–231 (in Russian).
11. Kosinskaia, L. L. 1997. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologiiia Respubliki Komi (Archaeology of the Komi Republic)*. Moscow: "DiK" Publ. (in Russian).
12. Levenok, V. P. 1965. In Boriskovskii, P. I. (ed.). *Paleolit i neolit SSSR. (Paleolithic and Neolithic of USSR)* 5. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 131. Moscow-Leningrad, 223–251 (in Russian).
13. Loginova, E. S. 1978. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki epokhi paleometalla v Severnom Priural'e (Archaeological Monuments of the Paleometal Period in the Northern Ural Region)*. Series: Materials on the Archaeology of Northeast 7. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 3–23 (in Russian).
14. Loginova, E. S. 1989. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Materialy VI mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov (Proceedings of the 6th International Congress of Finno-Ugric Researchers)* 1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
15. Liubin, V. P. 1978. In Kropotkin, V. V., Matyushin, G. N., et al. (eds.). *Problemy sovetskoi arkheologii (Issues of Soviet Archaeology)*. Moscow: "Nauka" Publ., 23–32 (in Russian).
16. Liubin, V. P. 1969. *Materialy po arkheologii i drevnei istorii Severnoi Osetii (Materials of the Archaeology and Ancient History of North Osetia)*. Ordzhonikidze: Publishing Office of the Publications Department under the Council of Ministers of the North Osetian ASSR, 6–46 (in Russian).
17. Maiorova, T. P., Volokitin, A. V. 2005. *Arkheomineralogiia i ranniia istoriia mineralogii: materialy Mezhdunarodnogo seminar (Syktyvkar, 30 maia – 4 iunia 2005 g.) (Archaeomineralogy and the Early History of Mineralogy: Proceedings of the International Seminar (Syktyvkar, May 30th – June 4th, 2005))*. Syktyvkar: "Geoprint" Publ., 118–119 (in Russian).

18. Matiukhin, A. E. 1994. In Korobkova, G. F. (ed.). *Eksperimental'no-trasologicheskie issledovaniia v arkhologii (Experimental Use-Wear Studies in Archaeology)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 62–85 (in Russian).
19. Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi vek Mariiskogo kraia (Stone Age of the Mari Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition IV. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).
20. Poplevko, G. N. 2007. *Metodika kompleksnogo issledovaniia kamennykh industrii (Methodology of the Complex Studies of Stone Industries)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).
21. Sidorov, V. V. 1997. In Engovatova, A. V. (ed.). *Drevnie okhotniki i rybolovy Podmoskov'ia (po materialam mnogosloinogo poseleniia epokhi kamnia i bronzy Voimezhnoe I) (Ancient Hunters and Fishermen of the Moscow Region (on the Materials of Voimezhny I Multilayer Settlement of the Stone and Bronze Period))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 76–91 (in Russian).
22. Sidorov, V. V. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 116–137 (in Russian).
23. Sidorov, V. V. 1992. In Sidorov, V. V. (ed.). *Mnogosloinye stoianki Verkhnego Povolzh'ia (Multilayer Sites of the Upper Volga Region)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 4–113 (in Russian).
24. Sidorov, V. V., Trusov, A. V. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 126–143 (in Russian).
25. Stavitskii, V. V. 1999. *Kamennyi vek Primokshan'ia i Posur'ia (Stone Age of the Moksha and Sura Regions)*. Penza (in Russian).
26. Stokolos, V. S. 1977. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Pechory, Severnoi Dviny i Mezeni (Archaeological Monuments of the Pechora, Northern Dvina and Mezen Rivers)*. Series: Materials on the Archaeology of European Northeast 6. Syktyvkar, 31–36 (in Russian).
27. Suleimanov, R. Kh. 1966. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane (Social Sciences in Uzbekistan)* III. Tashkent: "Fan" Publ., 36–37 (in Russian).
28. Shchelinskii, V. E. 1983. In Rogachev, A. N. (ed.). *Tekhnologiia proizvodstva v epokhu paleolita (Manufacturing Technology in the Paleolithic Period)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 72–133 (in Russian).
29. Engovatova, A. V. 1997. In Engovatova, A. V. (ed.). *Drevnie okhotniki i rybolovy Podmoskov'ia (po materialam mnogosloinogo poseleniia epokhi kamnia i bronzy Voimezhnoe I) (Ancient Hunters and Fishermen of the Moscow Region (on the Materials of Voimezhny I Multilayer Settlement of the Stone and Bronze Period))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 56–62 (in Russian).
30. Anderson-Whymark H. Intentional breakage in the British Neolithic: some comments and examples // *Lithics*. 2011. № 32. P. 16–21.

About the Authors:

Karmanov Victor N. Candidate of Historical Sciences. Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Kommunisticheskaya St., 26, Syktyvkar, 167982, Republic of Komi, Russian Federation; vkarman@bk.ru

Galimova Madina Sh. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; mgalimova@yandex.ru

Статья поступила в номер 11.08.2017 г.

УДК 902.2

DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.3.21.70.88>

ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ГУЛЮКОВСКОЙ I СТОЯНКИ В НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ

© 2017 г. В.В. Морозов, А.В. Лыганов, Н.М. Капленко

В статье анализируются неолитическая часть Гулюковской I стоянки – многослойного памятника эпохи неолита и позднего бронзового века. Неолитическая керамика, найденная на стоянке, делится на три группы: гребенчатая керамика камской культуры, накольчатая керамика татарско-азибейского типа, и керамика с насечками (зубчатая), которая широко датируется на протяжении всей эпохи неолита. В результате сопоставления этих групп керамики с аналогичными материалами неолитических стоянок Прикамья и Иско-Бельского междуречья, авторами делается вывод об их поздне-неолитическом возрасте. При этом гребенчатый керамический комплекс Гулюковской I стоянки, по ряду аналогий, может быть датирован началом левшинского этапа камской культуры – серединой – третьей четвертью V тыс. до н. э. в калиброванном значении. Авторы полагают, что комплекс накольчатой керамики татарско-азибейского типа занимает несколько более позднюю хронологическую позицию. По аналогиям его можно датировать концом V – началом IV тыс. до н. э. в калиброванном значении.

Ключевые слова: археология, Иско-Бельское междуречье, неолит, камская культура, левшинский этап, татарско-азибейский тип памятников, керамика, орнамент.

Гулюковская I стоянка эпохи неолита и позднего бронзового века известна с 1979 г. (Археологические памятники..., с. 37, № 262). В середине 1990-х годов разведочным отрядом Министерства культуры Республики Татарстан под руководством А.А. Чижевского на месте стоянки был обнаружен могильник позднесарматского и раннемусульманского времени. Именно могильник, который в целом занимает всю юго-восточную окраину стоянки, стал основным предметом интереса исследователей в дальнейшем (Бугров, Капленко, Ситдииков, 2010). В 1990-х годах раскопки на могильнике вел Н.М. Капленко (раскопы № I–IV на могильнике). В северо-западной части памятника, свободной от поздних погребений, им были исследованы культурные слои и остатки сооружений эпохи бронзы и неолита (раскопы № I–V на стоян-

ке). С 2006 года на могильнике начал работу отряд Нижнекамской археологической экспедиции Национального центра археологических исследований Института истории Академии наук Республики Татарстан. В раскопках, которые имели новую сквозную нумерацию №№ 1–5 помимо погребений могильника была изучена периферийная (юго-восточная) часть неолитической стоянки (раскопы № 1–3). В 2012 г. раскопами №№ 6–7, продолжающими новую нумерацию на памятнике, была исследована разрушающаяся береговой абразией неолитическая часть Гулюковской I стоянки. Частично материал эпохи неолита с памятника введен в научный оборот коллективом авторов, исследовавших стоянку в 2007–2012 гг. (Морозов, 2014; Лыганов и др., 2015). Таким образом, на памятнике нумерация раскопов трижды начиналась

заново. Наибольший интерес представляют раскопы № I–V (согласно нумерации автора данных раскопок Н.М. Капленко) и раскопы № 6–7 (отряда Нижнекамской экспедиции 2012 г.), общей площадью около 320 м², которые захватывают всю центральную часть памятника¹.

Стоянка находится в Мензелинском районе Республики Татарстан (рис. 1) в 1–1,2 км к северу от с. Гулюково Мензелинского района РТ, на краю второй террасы левого берега р. Ик, левого притока р. Кама (ныне – Нижнекамского водохранилища) и занимает северную часть междуречья левых притоков р. Ик – рек Тиргауш и Игат, ближе к устью последней. Памятник находится на надпойменном возвышении, не затопляемом весенними паводками. В древности с севера располагалась обширная пойма р. Ик с системой старичных озер, согласно топографическим картам, составленным до создания Нижнекамского водохранилища. На данный момент памятник подвержен активным абразионным процессам, происходящим на водохранилище. Подъемный материал, происходящий из культурного слоя стоянки, встречался в 1995–2007 гг. у подошвы обрыва и на мелководье, на протяжении 180–200 м от северной границы памятника, при этом концентрация его уменьшается в направлении с северо-запада к юго-востоку, по мере удаления от устья р. Игат. По наличию подъемного материала и залеганию неолитического слоя в раскопах № I–V (по нумерации Н.М. Капленко) и № 1–3, 6–7 (по ра-

ботам Нижнекамской экспедиции) можно предположить, что площадь поздненеолитического поселения могла достигать 8 тыс. м², что хорошо согласуется с данными, полученными исследователями для поздненеолитических памятников Иско-Бельского междуречья. Многослойные поселения, содержащие в том числе и материалы позднего неолита, связанные с болотно-озерной системой Кулегаш в междуречье рек Ик и Белая, достигают размеров от 20 до 40 тыс. м² (II Татарско-Азиевское поселение, Русско-Азиевская, Игимская, II Дубовогривская стоянки) (Габяшев, 2003), а стоянки, расположенные на восточном краю этой обширной (ныне затопленной) поймы, занимают гораздо меньшую площадь – до 8 тыс. м² (Саузовские стоянки, Кюнь II, Старо-Муштинское поселение) (Выборнов, Обыденнов, 1983, с. 40–56; Матюшин, 1972, с. 69, 73; Габяшев, 2003, с. 104). К последним можно отнести и Гулюковскую I стоянку, расположенную на южном краю этой поймы.

С северо-западной части стоянки, в приустьевой части р. Игат, выявлен культурный слой и сооружения, относящиеся к позднему бронзовому веку (срубная КИО и луговская культура – XVII–XIV вв. до н. э.). находки эпохи бронзы массово зафиксированы в раскопе №1, расположенном в самой северо-западной оконечности стоянки. Далее на юго-восток фрагменты керамики позднего бронзового века в раскопах № II–V и в подъемном материале вдоль берега встречаются гораздо реже. Так, в раскопах 6 и 7 было выявлено лишь несколько фрагментов срубной керамики в верхних пластах. При этом керамика и кремневые изделия эпохи неолита встречены во всех

¹ Авторы выражают благодарность Д.Г. Бугрову и М.Ш. Галимовой за предоставленные неопубликованные материалы.

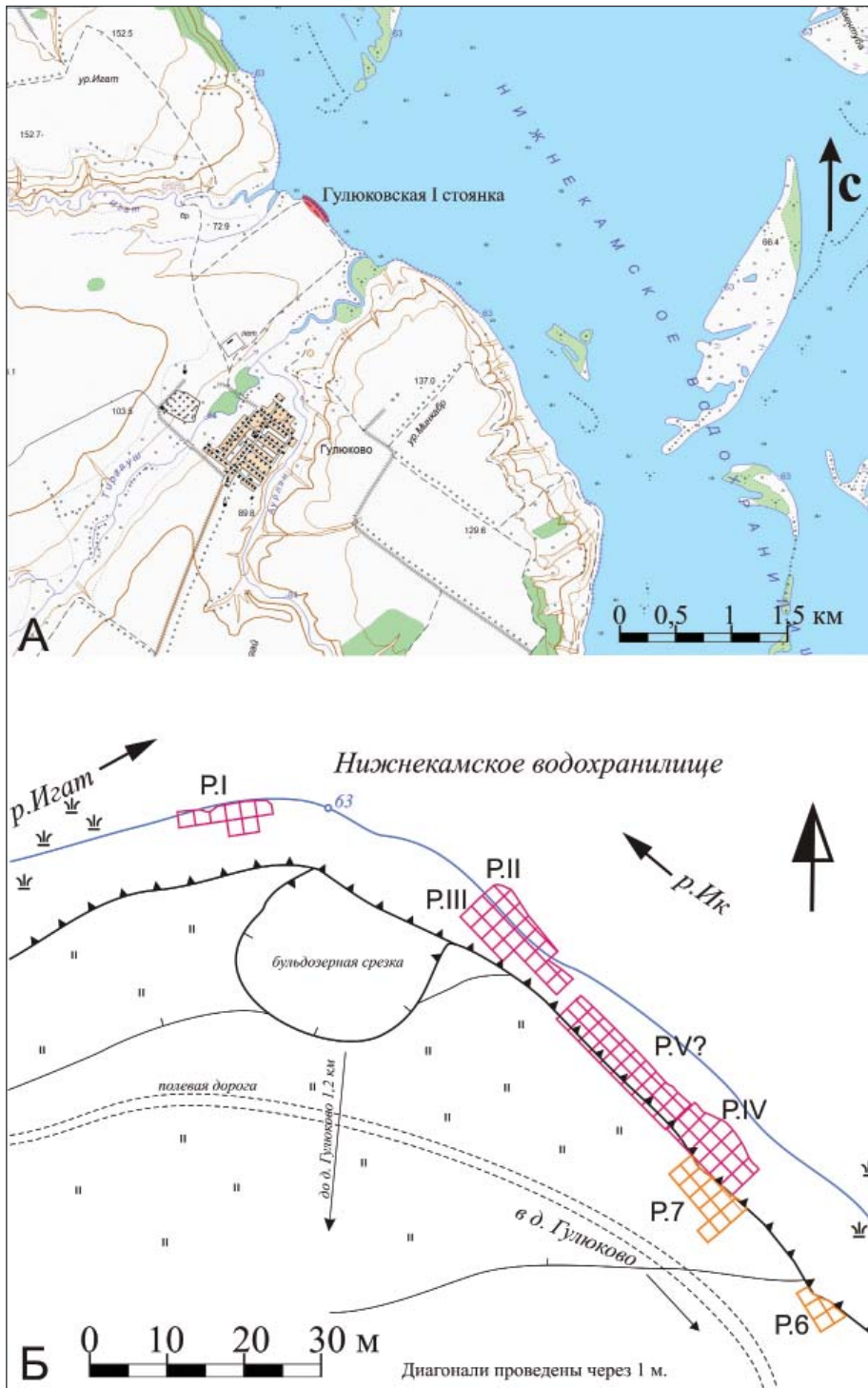

Рис.1, А, Б. План Гулюковской стоянки с раскопами № 1–7.
 Fig. 1. Layout of the Guliukovo 1 site with excavation trenches No 1–7.

раскопах №№ I–V, 6–7, причем в большом количестве. Исходя из этого можно сделать вывод о сравнительно небольшой площади позднебронзового поселения на месте первоначальной Гулюковской стоянки эпохи неолита.

На памятнике зафиксирована следующая стратиграфия:

- 1) дерн – 5–6 см;
- 2) плотная темно-серая супесь, имеющая слоистую («плитчатую») структуру – 3–10 см, иногда до 15 см. Слои, по-видимому, представляет собой погребенный дерн, уплотненный и частично переработанный в 1970–1980-х гг. в процессе функционирования на месте памятника скотного двора. Четко фиксируется данный слой на месте раскопа № IV и раскопов 6, 7;
- 3) плотная серая супесь – 40–50 см;
- 4) плотная серая супесь с включениями красно-коричневого суглинка (переходный слой от плотной темно-серой супеси к материковому красно-коричневому суглинку; граница между ней и вышележащей плотной серой супесью выражена нечетко) – 15–25 см;
- 5) красно-коричневый суглинок (материк).

Сосредоточение основной массы находок керамики и кремневых предметов в слое плотной серой супеси и в верхнем горизонте плотной серой супеси с включениями красно-коричневого суглинка позволяют определить их как поселенческий слой Гулюковской стоянки эпохи неолита. Более детально дифференцировать культурный слой не представляется возможным.

В совокупности с находками в последних раскопах (Лыганов и др., 2015) количество керамического материала эпохи неолита превысило 1,2 тыс. фрагментов керамики, ве-

роятно, от 82 сосудов, что дает нам основания считать данный памятник одним из опорных для характеристики керамического комплекса позднего неолита Нижнего Прикамья

Поздненеолитическая керамика с Гулюковской I стоянки типологически, по характеру и способу нанесения орнамента, подразделяется на три вида – гребенчатая, накольчатая и с насечками (зубчатая) общим количеством 1250 фрагментов: 81 венчик от 59 сосудов с гребенчатой орнаментацией, 31 венчик от достоверно 20 сосудов с накольчатой орнаментацией и 3 венчика от трех сосудов с насечками (или короткими зубчатыми оттисками).

Гребенчатая керамика

Всего из раскопов №№ I–V, 6–7 учтено 816 (65,28%) фрагментов гребенчатой керамики камской культуры.

Гребенчатая лепная керамика характеризуется тестом с примесью шамота, либо шамота с песком. Срезы венчиков сосудов закрытых форм – округлые и скошенные во внутреннюю сторону. На восьми фрагментах венчиков отмечен наплыв с внутренней стороны (рис. 3: 1, 5, 12, 15). Толщина венчиков без наплывов равна толщине стенок. Посуда толстостенная – ширина стенок 0,9–1,3 см. Средняя толщина стенок равна 1,1 см.

Орнамент характеризуется простой мотивов разнонаправленных гребенчатых отпечатков. На фрагментах различных участков посуды фиксируются вторичные вдавления штампом, в результате чего образуется мотив «косой решетки» (рис. 3: 1, 12, 16; 6: 6). Орнамент выполнен коротким, средним и длинным гребенчатым штампом. Не фиксируется тенденция украшения посуды каким-либо одним

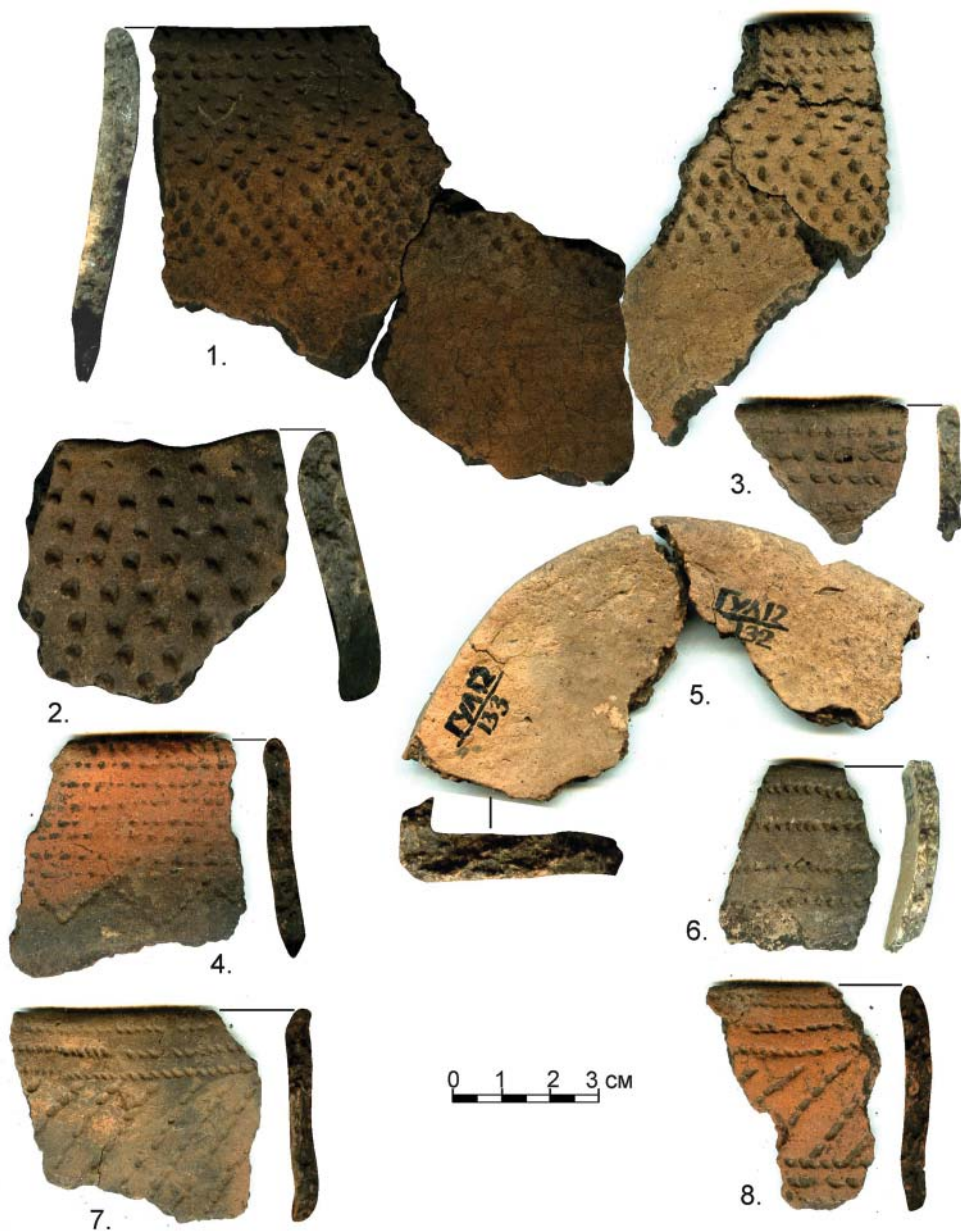

Рис. 2. Керамика Гулюковской I стоянки. Фрагменты керамики: 1 – раскоп 6–7, участка А/2-Б/12, пласт 3; 2 – подъемный материал; 3 – р. 6, уч. А/1, пл. 2; 4 – р. 7, уч. А/10, пл. 3; 5 – р. 7, уч. В/11, пл. 3; 6 – р. 7, пл. 3; 7 – р. 7, уч. В/14, пл. 4; 8 – р. 7, уч. Б/13, пл. 4.

Fig. 2. Ceramics from the Guliukovo 1 site. Fragments of vessels.

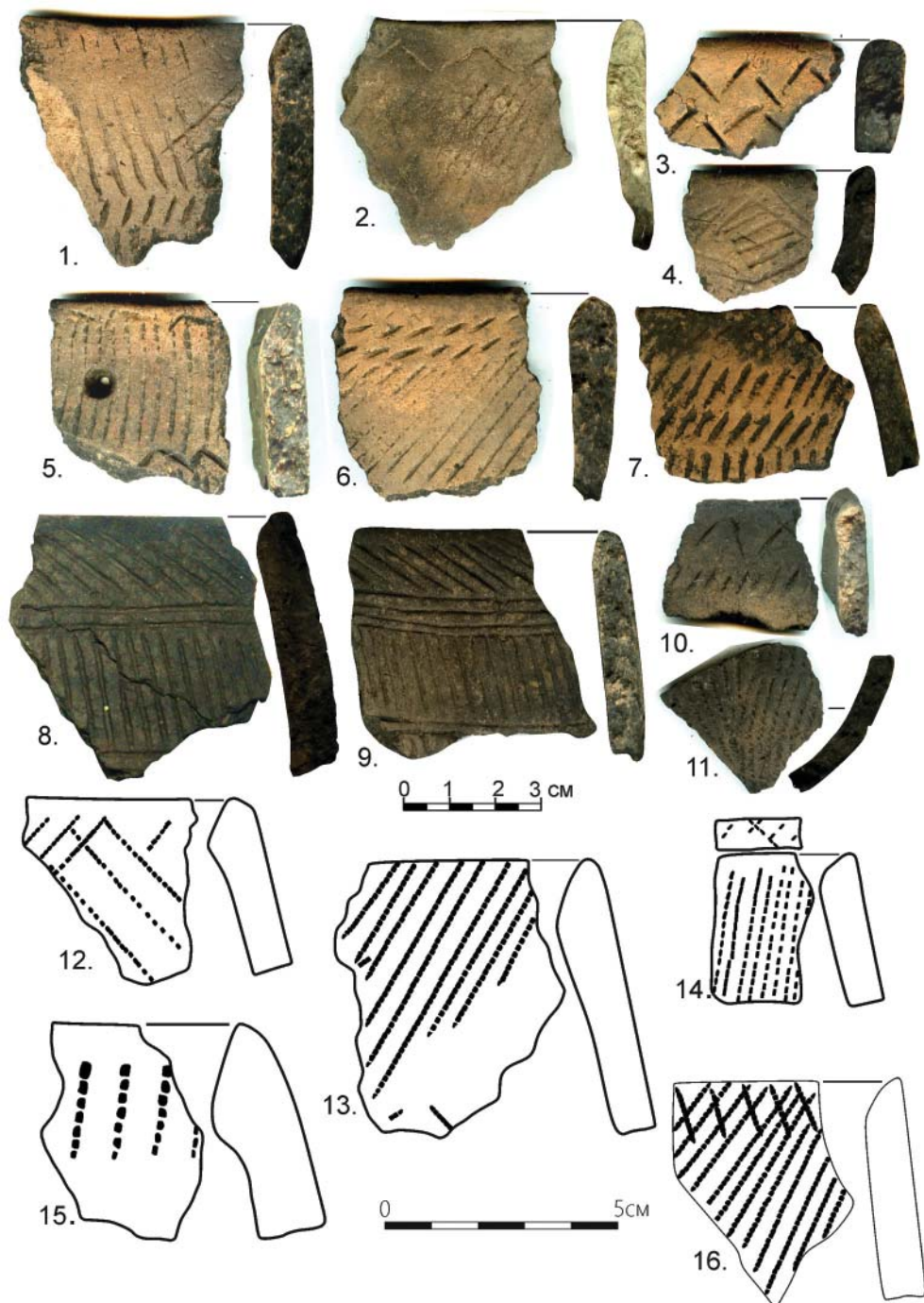

Рис. 3. Керамика Гулюковской I стоянки. Фрагменты керамики.

1 – р. 7, уч. Б/13, пл. 2; 2, 7, 9, 10 – подъемный материал; 3 – р. 7, уч. А/11, пл. 2; 4 – р. 7, уч. В/13, пл. 4; 5 – р. 7, уч. Б/12, пл. 2; 6 – р. 7, уч. Б/12, пл. 3; 8 – р. III, уч. 5, пл. 2; 10 – р. 6; 11 – р. 7, уч. Б/11, пл. 2; 12 – р. IV, уч. 7, пл. 3; 13 – р. IV, уч. 8, пл. 2; 14 – р. IV, уч. 1, пл. 3; 15 – р. IV, уч. 5, пл. 3; 16 – р. IV, уч. 8, пл. 3.

Fig. 3. Ceramics from the Guliukovo I site. Fragments of vessels.

размером штампа, что как бы говорит о разной хронологической позиции гребенчатых материалов. Так, с одной стороны, гребенчатая керамика Гулюковской I украшена мелким гребенчатым штампом. Орнаментальные мотивы состоят из горизонтальных рядов длинных наклонных линий, чередующихся с короткими отпечатками (рис. 3: 1; 5: 3, 4) и «плетенки» (рис. 4; 7 А: 9). Данный вид орнамента имеет аналогии в памятниках развитого неолита Нижнего Прикамья, прежде всего во II Лебединской стоянке (Халиков, 1969, с. 75–81) и поселении Муллино (слой II б, с) (Матюшин, 1996, с. 219–220, рис. 31, 31 а).

С другой стороны, на Гулюковской стоянке присутствует неолитическая керамика, украшенная крупногребенчатым штампом (рис. 5: 10; 6: 11; 7 А: 11, 13), в том числе и гребенкой с косыми зубцами (рис. 6: 11; 7 А: 11, 13). На некоторых фрагментах присутствует разреженное пространство в орнаментальном поле (рис. 3: 15; 7 А: 4–5). Небольшая часть керамики украшена пояском ямок под срезом венчика (рис. 5: 10; 6: 11). Также отмечена керамика с воротничковым утолщением, а именно два фрагмента от двух сосудов (рис. 5: 10; 6: 11), которые являются, на наш взгляд, выразительными признаками левшинского этапа нижнекамского локального варианта камской неолитической культуры. Статистически устойчивые элементы орнамента на стенках посуды представлены на рисунке 7 А. Кроме вышеупомянутых элементов орнамента (чередование длинных и коротких оттисков, «плетенки»), необходимо отметить присутствие мотива «шагающей» гребенки

(рис. 7 А: 12), отмеченного нами на 11 фрагментах стенок сосудов.

На сегодняшний день ряд исследователей придерживается мнения об одновременности памятников левшинского этапа камской неолитической культуры Среднего и Верхнего Прикамья с однотипными памятниками Нижнего Прикамья, содержащими тот или иной процент воротничковой посуды, так называемого русско-азибейского типа (Выборнов, 2008, с. 239, табл. 1). Исследователями были высказаны разные точки зрения на происхождение керамики русско-азибейского типа. Согласно первой, русско-азибейский тип памятников с воротничковой керамикой в лесном камском неолите сформировался под воздействием раннеэнеолитических лесостепных культур (Васильев, Габяшев, 1982). Сходство керамической традиции носителей амарской культуры лесостепного Среднего Поволжья и памятников русско-азибейского типа лесного Прикамья отмечалось неоднократно (Васильев, Овчинникова, 2000; Выборнов, 2008). Иная точка зрения была высказана И.В. Калининой, которая, сопоставив технико-технологические характеристики позднеэнеолитической керамики камской культуры, пришла к выводу о более позднем облике русско-азибейской воротничковой керамики, по сравнению с левшинскими материалами Среднего и Верхнего Прикамья и синхронными флажковому (новоильинскому) раннеэнеолитическому пласту памятников (Калинина, 1976; 1993, с. 7; 2015, с. 13).

Наличие на Гулюковской I стоянке керамики с признаками развитого этапа камской культуры и в качестве

Рис. 4. Развал неолитического сосуда камской культуры (раскоп III, участок 5, пласт 3).

Fig. 4. Fragments of the same vessel of the Kamskaya culture.

основного компонента – посуды левшинского этапа – позволяет датировать гребенчатые комплексы первой фазой левшинского этапа. Об этом говорят несколько факторов: во-первых ограниченное количество посуды с воротничковым утолщением – два венчика от двух сосудов, которые характерны для керамических комплексов русско-азибейского типа финала камского неолита. Стоит отметить,

что количественные показатели воротничковой посуды на известных поздненеолитических памятниках Икско-Бельского междуречья – Дубовогривской II островной, Золотой Пади II, Русско-Азибейской, – составляют от 15 до 50%. Соотношения же воротничковой посуды на Гулюковской I стоянке не достигает и 3%. Это можно объяснить тем, что в данном случае мы имеем дело с самым на-

чалом влияния керамической традиции самарской раннеэнеолитической культуры на камскую культуру. Появление на камской посуде такого специфического приема падает на середину V тыс. до н. э. в калиброванном значении (Выборнов, 2008, табл. 1, с. 243; Моргунова, 2011, с. 100–101), и, по-видимому, этим же временем стоит датировать гребенчатую керамику Гулюковской I стоянки.

На сегодняшний момент по Гулюковской I стоянке получена единственная дата ^{14}C по керамике с вероятностью 1σ (68%) – 4370–4220 кал. лет до н. э. (Выборнов, 2008, с. 243).

Накольчатая керамика

Всего из раскопов №№ I–V, 6–7 учтено 411 (32,28%) фрагментов накольчатой керамики. Абсолютное ее большинство имеет тонкие стенки 0,4–0,6 см. Срез венчиков округлый (рис. 2: 1, 3, 4, 8), или плоский (рис. 5: 6). В тесте отчетливо фиксируются небольшие фракции шамота и песка. Наколы наносились отдельно друг от друга (рис. 2: 1; 5: 6–7), или в отступающей технике (рис. 2: 3–4, 6–8). Формы наколов овальные и подтреугольные. Узоры наносились на верхнюю треть сосуда и придонную (рис. 6: 10) (совместно с донцем) часть, хотя фиксируются донца и без орнамента (рис. 2: 5). Центральная часть тулова была свободна от орнамента (рис. 7 А: 15).

Данный тип посуды по своим технико-типологическим признакам очень близок посуде татарско-азийского типа, который был выделен Р.С. Габяшевым (Габяшев, 1978а с. 40–66; Морозов, 2014; Лыганов и др., 2015). Накольчатая керамика татарско-азийского типа встречается неравномерно на разных раскопах.

Так, единичные фрагменты выявлены в раскопах № I–III, гораздо больше накольчатой керамики в раскопах № IV и V, в раскопах № 6 и 7 эта керамика встречается развалами. Кроме этого, в раскопе № 7 обнаружено единственное сооружение на стоянке, определенно относящееся к позднему неолиту, – неглубокая яма округлой формы, в которой выявлены кремневые изделия, характерные для комплексов с накольчатой керамикой татарско-азийского типа. Итак, судя по планиграфии раскопов, комплексы с накольчатой керамикой занимали обособленное положение на территории стоянки, что, вероятно, говорит о хронологическом разрыве между комплексами с гребенчатой и накольчатой керамикой.

Керамика с насечками (зубчатая)

Всего из раскопов №№ I–V, 6–7 учтено 22 (1,76%) фрагмента керамики. Форма посуды и примеси в тесте объединяет этот тип с камской керамикой (рис. 3: 3, 10; 6: 2). Данная керамика на памятниках Прикамья фиксируется исследователями в культурных слоях раннего неолита в комплексе с гребенчатой и сопровождает ее (Халиков, 1969 с. 55, рис. 13: 5, 10, 18–21; Калинина, 1993, с. 7; Выборнов, 1988, с. 73, рис. 1: 14–15, 17;). Однако наибольшее распространение она получает в позднеэнеолитическое время, представленное памятниками Икско-Бельского междуречья, таких как Сауз II (Выборнов, Обыденнов, Обыденнова, 1984, с. 3–11), II Татарский Азийей (Габяшев, 1978а), Русский Азийей (Габяшев, 1978). Данная керамическая традиция, которая характеризуется короткими насечками (гладкий штамп) или такими же отпечатками, но с зубцами, имеет, вероят-

Рис. 5. Керамика Гулюковской I стоянки. Фрагменты керамики.
1 – р. V, уч. 5, пл. 2; 2 – р. III, уч. 5, пл. 2; 3 – р. III, уч. 6, пл. 3; 4 – р. V, уч. 10, пл. 2;
5 – р. III, в бровке 2; 6 – р. V, уч. 20, пл. 3; 7, 9 – подъемный материал;
8 – р. V, уч. 20, пл. 3; 10 – р. V, уч. 5,

Fig. 5. Ceramics from the Guliukovo 1 site. Fragments of vessels.

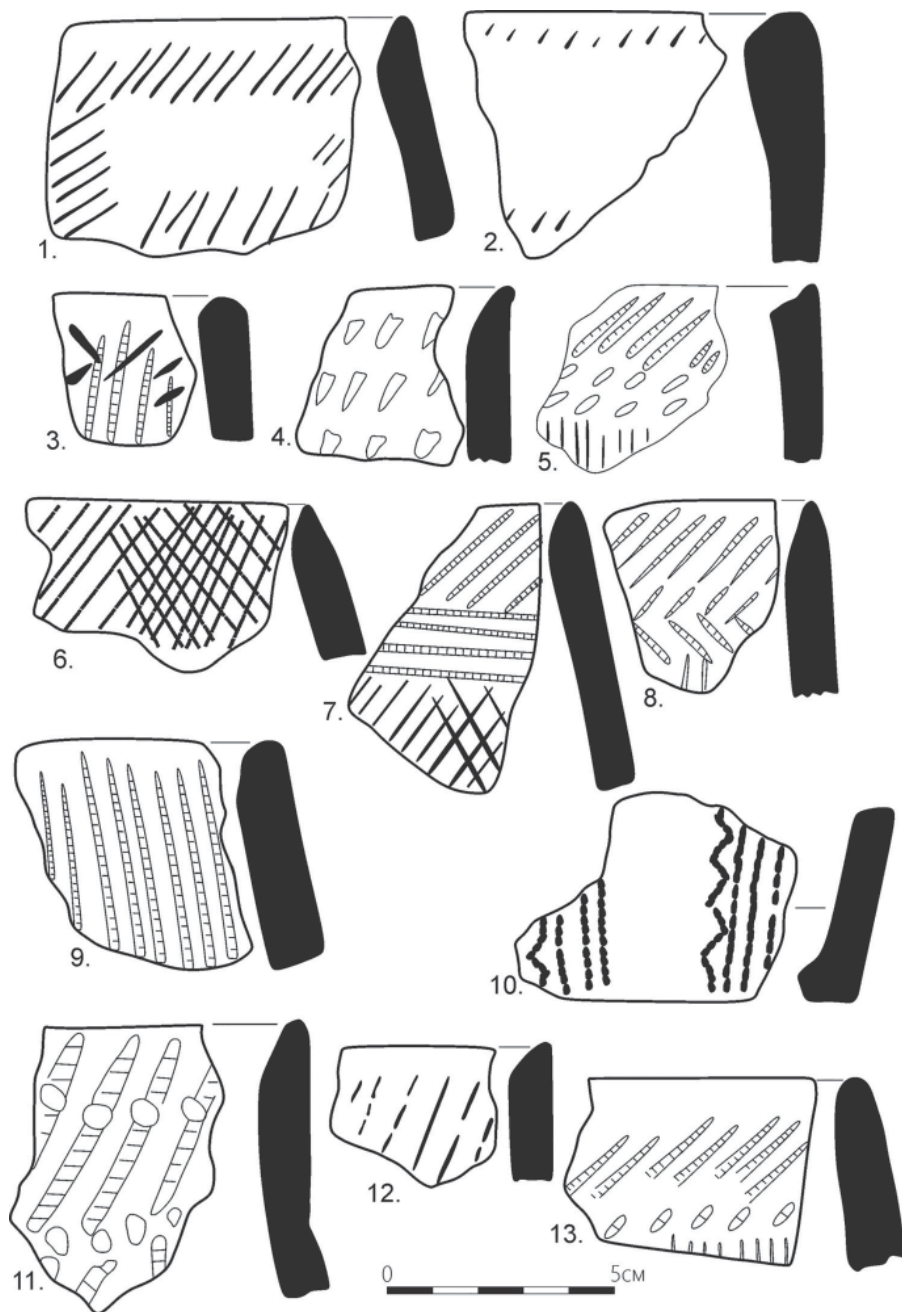

Рис. 6. Фрагменты керамики из раскопа III Гулюковской I стоянки.
 1 – уч. 5, пл. 2; 2 – уч. 1, пл. 3; 3 – уч. 5, пл. 2; 4, 5 – уч. 5, пл. 2; 6 – уч. 7, пл. 2;
 7, 8 – уч. 6, пл. 2; 9 – уч. 2, пл. 3; 10 – уч. 1, пл. 3; 11 – уч. 2, пл. 3; 12 – уч. 1, пл. 2;
 13 – уч. 8, пл. 2.

Fig. 6. Fragments of the vessels from excavation trench III on the Guliukovo 1 site.

но, лесостепное происхождение (Выборнов, 2008, с.190).

Авторы данной работы не ставили цель дать детальную характеристику каменному инвентарю стоянки. Подробно каменный инвентарь, происходящий из раскопов № 6–7 и его соотношение с гребенчатыми и накольчатыми комплексами стоянки, был рассмотрен в специальной статье (Лыганов и др., 2015). Следует обратить еще раз внимание на большое количество наконечников стрел, выполненных на узких пластинах с плечиками и зауженным черешком. При этом краевая ретушь на спинке наконечников, оформляющая черешок и острие, сочетается с пологой либо полукруглой ретушью на брюшке (рис. 8). Такие наконечники большинство авторов связывают с накольчатыми керамическими комплексами эпохи неолита (Габяшев, 2003, с. 70–71; Выборнов, 2008, с. 184). На Гулюковской стоянке наконечники стрел этого типа, как и накольчатая керамика татарско-азибейского типа, выявлены, прежде всего, в раскопах № IV, 6, 7, и в подъемном материале вблизи этих раскопов (рис. 1), что еще раз подтверждает предположение об обособленном залегании комплексов накольчатой керамики на территории стоянки.

Выводы

Таким образом, гребенчатая неолитическая керамика Гулюковской I стоянки, по всей видимости, отражает процесс перехода от хуторского (лебединского) этапа камской культуры к левшинскому. Это проявляется в наличии на исследованном нами памятнике керамики с некоторыми развитыми хуторскими чертами (закрытость сосудов, орнамент и его мотивы). В то же время появляются несколько новых

черт – первые и единичные сосуды с воротничковым утолщением с внешней стороны, ямочно-жемчужные пояски под венчиком, а также такие признаки, как переход к украшению крупнозубым орнаментом (иногда с косыми зубцами). Другим немаловажным наблюдением являются количественные соотношения гребенчатой керамики и керамики с насечками. На поздненеолитических (финально-неолитических) памятниках камской культуры наблюдается увеличение численности керамики с насечками в (Выборнов, 2008, с. 188), а на Гулюковской стоянке это соотношение небольшое и равно только 1,7%.

Остается открытым вопрос о татарско-азибейском типе керамики на изученном памятнике и его хронологическая позиция по отношению к гребенчатым камским материалам. Планиграфические наблюдения по раскопам Гулюковской I стоянки как будто свидетельствуют о хронологическом разрыве между комплексами гребенчатой и накольчатой керамики.

Прямые аналогии накольчатой керамике Гулюковской стоянки, как уже отмечалось выше, фиксируются в материалах II Татарско-Азибейского поселения. Однако сопутствующая керамика на этом памятнике не позволяет в полной мере синхронизировать линию развития керамической традиции Гулюковской I стоянки и II Татарско-Азибейского поселения. Необходимо подчеркнуть, что накольчатая керамика стоянок у озера Азибей залегает совместно с зубчатой керамикой (короткий оттиск, не превышающий 6 зубцов, или штамп без зубцов – т.н. насечки). Процент гребенчатой керамики типично камского облика, выявленной при знакомстве

со всей керамической коллекции II Татарско-Азиевского поселения, не превышает 4%. Как уже отмечалось выше, соотношение различных типов керамики на Гулюковской I стоянке выглядит несколько иначе: доминирует гребенчатая керамика камской культуры, ей сопутствует накольчатая керамика татарско-азиевского типа.

Для решения вопросов, касающихся хронологии комплексов накольчатой керамики, следует провести аналогии с соседними регионами. Так, благодаря исследованиям Т.М. Гусенцовой в Камско-Вятском междуречье были опубликованы обширные материалы неолитических поселений. Некоторые из них очень схожи с накольчатой керамикой Гулюковской I стоянки. Например, на поселении Кочуровское I в жилище в полузакрытых комплексах – хозяйственных ямах – зафиксированы развалы керамических сосудов с накольчатой и гребенчатой орнаментацией (Гусенцова, 1993, с. 88). Процентное соотношение различных типов керамики указывает на сходство с аналогичными материалами II Татарско-Азиевского поселения. Из 1733 фрагментов керамики, найденных на Кочуровском I поселении, 1457 отнесены к накольчатой, 151 фрагмент – к посуде с «насечками» и 125 фрагментов – к гребенчатой керамике (Гусенцова, 1993, с. 89). Гребенчатую керамику и посуду с насечками, исследователь синхронизовала с такими позднеолитическими памятниками, как Сауз I, II, а посуду, украшенную наколами, с Татарско-Азиевским II поселением (Гусенцова, 1993, с. 90) (рис. 7 Б: 9–11).

Радиоуглеродное датирование гребенчатой керамики и посуды с на-

сечками Кочуровского I поселения указывает на конец V тыс. до н. э. (калиброванные значения) (Выборнов, 2008, с. 246), что хорошо вписывается в хронологические рамки левшинского этапа камской культуры. По-видимому, этим же временем должна датироваться и накольчатая керамика с данного поселения, залегающая вместе с гребенчатой в ямах. Поскольку этот материал идентичен керамическому комплексу II Татарско-Азиевского поселения, то, вероятно, рубежом V–IV тыс. кал. до н. э. можно датировать и памятники с накольчатой керамикой татарско-азиевского типа.

На поселении Моторки II в Камско-Вятском междуречье, также прослежена взаимовстречаемость накольчатых и гребенчатых материалов. Исследователем памятника указана близость накольчатой керамики поселения с аналогичными материалами Кочуровского I поселения (Гусенцова, 1993, с. 97).

Также аналогии татарско-азиевскому типу накольчатой керамики присутствуют на Средней Каме на Левшинской стоянке. Судя по описанию левшинской накольчатой керамики, сделанному И.В. Калининой, имеется значительное сходство между указанными комплексами (Калинина, 2015, с. 10–11). Однако, судя по иллюстрациям в публикации (Калинина, 2015, с. 20), это сходство представляется менее очевидным (рис. 7 Б: 14–15). Авторы смущают и радиоуглеродные даты, полученные по нагару с керамики – середина VII тыс. до н. э. (калиброванные значения) (Лычагина, Выборнов, Кулькова и др., 2013). Несмотря на то что анализ проводился в двух независимых лаборатори-

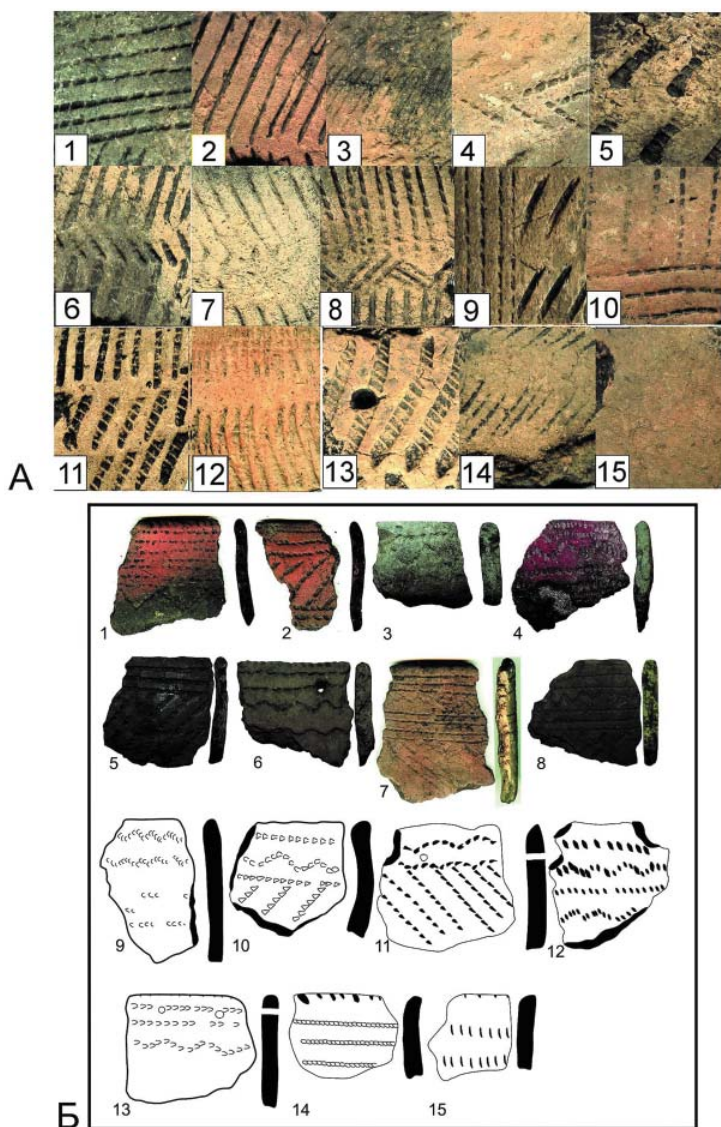

Рис. 7. А – Статистически устойчивые мотивы орнамента на стенках посуды Гулюковской I стоянки. Б – «татарско-азибейский» тип накольчатой керамики в Прикамье. 1, 2 – Гулюковская I стоянка; 3, 4 – Муллино поселение; 5, 6 – II Татарско-Азибейское поселение. 7 – Дубовогривская II стоянка (раскопки А.А. Чижевского и А.В. Лыганова 2013 г.); 8 – Дубовогривская II стоянка (раскопки П.Н. Старостина и Р.С. Габяшева 1971 г.); 9, 11 – Кочуровское поселение (по Т.М. Гусенцовой, 1993); 12 – Моторки поселение (по Т.М. Гусенцовой, 1993); 13 – Кыйлуд IV поселение (по Т.М. Гусенцовой, 1993); 14, 15 – Левшинская стоянка (по И.В. Калининой, 2015).

Fig. 7. A – Statistically stable motifs on the walls of the Guliukovo 1 pottery. B – “Tatarskii Azibey” type of the pit-marked pottery 1, 2 – Guliukovo 1 site; 3, 4 – Mullino settlement; 5, 6 – Tatarskii Azibey 2 settlement; 7 – Dubovaya Griva 2 site (excavation by A.A. Chizhevsky and A.V. Lyganov 2013); 8 – Dubovaya Griva 2 site (excavation by P.N. Starostin and R.S. Gabiashev 1971); 9, 11 – Kochurovskoye settlement (by T.M. Gusentsova, 1993); 12 – Motorki settlement (by T.M. Gusentsova, 1993); 13 – Kyilud 4 settlement (by T.M. Gusentsova, 1993); 14, 15 – Levshino site (by I.V. Kalinina, 2015).

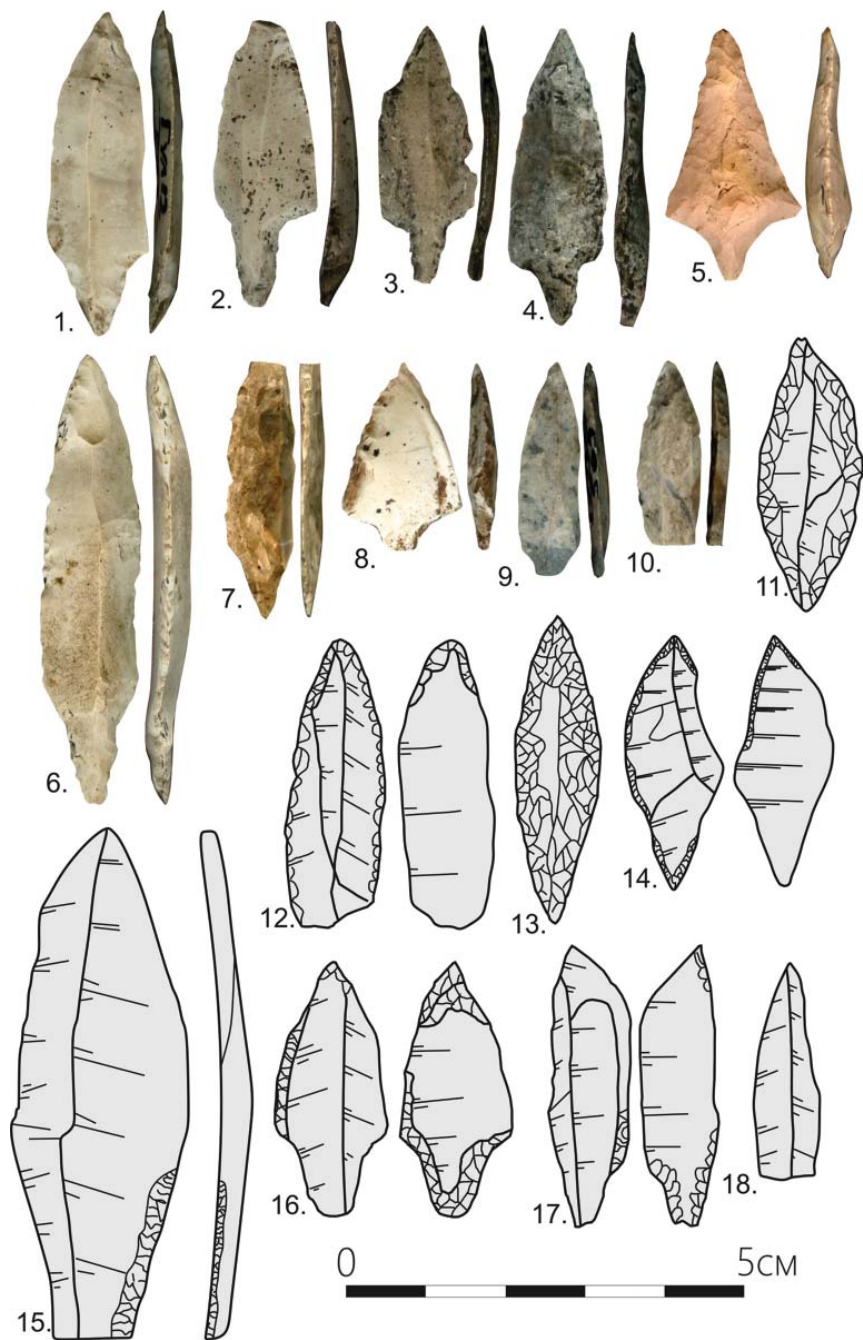

Рис. 8. Кремневые наконечники стрел из Гулюковской I стоянки.
 1, 9 – подъемный материал 2012 г., 2 – р. 6, уч. Б/1, гл. –98 см; 3 – р. 6, отвал;
 4 – р. 6, уч. Б/3, гл. –79 см; 5–7, 10–13, 15–18 – подъемный материал, раскопы IV-V;
 8 – р. 7; уч. Г/10, сооружение 1, гл. –110; 14 – р. 4, уч. 4, гл. –80.

Fig. 8. Flint arrowheads from the Guliukovo 1 site.

ях Хельсинки и Познани, вероятнее всего, даты по нагару в силу каких-то факторов удривлены.

И, наконец, выявлен круг аналогий, уходящих на юг, в самарскую лесостепь. Так, А.А. Выборнов отмечает не только сходство накольчатой керамики татарско-азийского типа с керамическими материалами Виловатовской стоянки, но и сопутствующий керамический материал последней, который, как и в Татарском Азиебе, представлен керамикой с насечками и гребенчатой керамикой лесостепного облика (Выборнов, 2008, с. 186–187). Вызывает некоторые сомнения возраст радиоуглеродных определений накольчатых комплексов Виловатовской стоянки – конец VI – середина V тыс. до н. э. (в калиброванных значениях) (Выборнов, 2008, с. 242), что соответствует раннему/развитому неолиту в лесном Прикамье. Если принять тезис о поздненеолитическом возрасте накольчатой керамики татарско-азийского типа, то с материалами Виловатовской стоянки образуется огромный хронологический разрыв, который не заполнен памятниками переходного времени.

По всей видимости, по наиболее близким аналогиям в Камско-Вятском междуречье, накольчатая керамика татарско-азийского типа Гулюковской I стоянки должна датироваться концом V – рубежом V–IV тыс. до н. э. (в калиброванных значениях).

Вопрос об абсолютных датах накольчатой керамики татарско-азийского типа Икско-Бельского междуречья остается открытым. На настоящий момент имеется одна дата по ^{14}C Татарско-Азийского II поселения по керамике с вероятностью 1σ (68%) – 3660–3510 кал. лет до н. э. (Выборнов, 2008, с. 243), которая своей «молодостью» выбивается из всей серии дат финала неолита Волго-Камья. Эта дата также не укладывается в хронологический диапазон дат, полученных с памятников с накольчатой керамикой.

На момент написания статьи авторами были переданы фрагменты от накольчатых сосудов с Гулюковской I стоянки для радиоуглеродного определения, которое, возможно, внесет некоторые корректировки в абсолютную хронологию накольчатых комплексов татарско-азийского типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. 100 с.
2. Бугров Д.Г., Капленко Н.М., Ситдииков А.Г. К вопросу о начале мусульманизации населения восточной периферии Волжской Булгарии // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 19–25.
3. Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 3–23.
4. Васильев И.Б., Овчинникова Н.В. Ранний энеолит. Самарская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 218–225.
5. Выборнов А.А. Крижевская Л.Я. Раннеэнеолитическая стоянка Зиарат в устье р. Белая // КСИА. Вып. 193. М.: Наука, 1988. С. 71–75.
6. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008. 490 с.

7. *Выборнов А.А.* Стоянка Зиарат I в устье р. Белая // КСИА. Вып. 189. М.: Наука, 1987. С. 104–108.
8. *Выборнов А.А., Обыденнов М.Ф.* Стоянка Кюнь-2 в Нижнем Прибелье // Древние памятники на территории Восточной Европы / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПИ, 1983. С.40–56.
9. *Выборнов А.А., Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Поселение Сауз I в устье р. Белой // Эпоха меди юга восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 3–21.
10. *Габяшев Р.С.* Второе Татарско-Азиебское поселение // Древности Иско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер, Казань: Изд-во: КФАН СССР, 1978а. С. 40–66.
11. *Габяшев Р.С.* Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2003. 226 с.
12. *Габяшев Р.С.* Русско-Азиебская стоянка // Древности Иско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер, Казань: Изд-во: КФАН СССР, 1978. С. 22–39.
13. *Гусенцова Т.М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1993. 237 с.
14. *Калинина И.В.* Гребенчатая керамика неолитических поселений Прикамья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век) / Ред. И.Б. Васильев. Куйбышев: КГПИ, 1976. С. 17–18.
15. *Калинина И.В.* Неолитическая керамика лесной зоны Уральского региона (Подходы и методика изучения). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб, 1993. 23 с.
16. *Калинина И.В.* О левшинском этапе камского неолита // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции ПГГПУ. Вып. 10 / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГГПУ, 2015. С. 4–20.
17. *Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Морозов В.В., Бугров Д.Г.* Керамические и кремневые материалы Гулюковской I стоянки: к проблеме разграничения гребенчатых и накольчатых комплексов Иско-Бельского междуречья // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова / Под ред. В.М. Лозовского, О.В. Лозовской, А.А. Выборнова. Спб.: ИИМК РАН, 2015. С. 71–75.
18. *Лычагина Е.Л., Выборнов А.А., Кулькова М.А., Ойнонен М., Поснерт Г.* Новые данные по абсолютной хронологии раннего неолита Прикамья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 15. № 5. Самара, 2013. С. 247–253.
19. *Матюшин Г.Н.* Неолитические памятники в низовьях р. Белой // Отчеты Нижнекамской экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Знание, 1972. С. 57–74.
20. *Матюшин Г.Н.* Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 331 с.
21. *Моргунова Н.Л.* Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. 220 с.
22. *Морозов В.В.* Проблема соотношения накольчатых и гребенчатых типов керамики в неолите Иско-Бельского междуречья (По материалам стоянки Гулюковская I) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Дервянко. Казань: Отечество, 2014. С. 311–316.
23. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Информация об авторах:

Морозов Виктор Владимирович, аспирант, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); vikromolot@mail.ru

Лыганов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ligaant@rambler.ru

Капленко Николай Михайлович, учитель истории (г. Набережные Челны, Россия); kaplenko777@mail.ru

LATE NEOLITHIC COMPLEX OF THE GULYUKOVO I SITE IN THE LOWER KAMA REGION

V. V. Morozov, A. V. Lyganov, N. M. Kaplenko

The article features an analysis of the Neolithic portion of the Gulyukovo I site – a multilayer monument of the Neolithic and Late Bronze Age periods. The Neolithic ceramics discovered at the site is classified into three groups: comb ceramics of the Kama culture, spindle ceramics of the Tatar-Azibey type, and ceramics with notches (toothed ceramics) dating back to various time periods throughout the entire Neolithic. As a result of comparing these types of ceramics with similar materials from the Neolithic sites of the Kama region and the Ik and Belaya interflaves area, the authors concluded that they correspond to the late Neolithic period. At the same time, the comb ceramic complex from the Gulyukovo I site presumably dates back to the early Levshino stage of the Kama culture – middle or third quarter of 5th millennium B.C., which is evidenced by a series of similar features determined after the dating value was adjusted. The authors suppose that the complex of spindle ceramics of the Tatar-Azibey type corresponds to a later chronological period. On the basis of its analogies it can be dated late 5th – early 4th millennia B.C. after the adjustment.

Keywords: archaeology, Ik and Belaya interfluve, the Neolithic, the Kama culture, Levshino stage, Tatar-Azibey type of monuments, ceramics, ornamentation.

REFERENCES

1. Kazakov, E. P. (ed). 1989. *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnogo Zakam'ia (Archaeological Monuments of the Eastern Trans-Kama Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
2. Bugrov, D. G., Kaplenko N. M., Sitdikov, A. G. 2010. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (4), 19–25 (in Russian).
3. Vasilev, I. B., Gabiashev, R. S. 1982. In *Volgo-Ural'skaia step' i lesostep' v epokhu rannego metalla (Volga-Ural Steppe and Forest-Steppe in the Early Metal Period)*. Kuibyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 3–23 (in Russian).
4. Vasilev, I. B., Ovchinnikova, N. V. 2000. In Vybornov, A. A., et al. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 218–225 (in Russian).
5. Vybornov, A.A. Krizhevskaya, L.Ya. 1988. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 193. Moscow: “Nauka” Publ., 71–75 (in Russian).
6. Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
7. Vybornov, A. A. 1987. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 187. Moscow: “Nauka” Publ., 104–108 (in Russian).
8. Vybornov, A. A., Obydenov, M. F. 1983. In Siniuk, A.T. (ed.). *Drevnie pamiatniki na territorii Vostochnoi Evropy (Ancient Monuments in Eastern Europe)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 40–56 (in Russian).
9. Vybornov, A. A., Obydenov, M. F., Obydenova, G. T. 1984. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Epokha medi iuga vostochnoi Evropy (Copper Age in Southern Part of Eastern Europe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 3–21 (in Russian).
10. Gabiashev, R. S. 1978a. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interflaves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 40–66 (in Russian).

11. Gabiashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam'ia v V–III tysiacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia BC)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzani, Tatarstan Academy of Sciences; “Fän” Publ. (in Russian).
12. Gabiashev, R. S. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 22–39 (in Russian).
13. Gusentsova, T. M. 1993. *Mezolit i neolit Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Mesolithic and Neolithic of the Kama-Viatka Interfluve)*. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).
14. Kalinina, I. V. 1976. In Vasilyev, I. B. (ed.). *Problemy arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (neolit i bronzovyi vek) (Archaeological Issues of the Volga and Ural Regions (Neolithic and Bronze Age))*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 17–18 (in Russian).
15. Kalinina, I. V. 1993. *Neoliticheskaya keramika lesnoi zony Ural'skogo regiona (Podkhody i metodika izucheniia) (Neolithic Ceramics of the Forest Ural Area (Approaches and Research Methodology))*. PhD Thesis. Saint Petersburg (in Russian).
16. Kaliinina, I. V. 2015. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition) X*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 4–20 (in Russian).
17. Lyganov, A. V., Galimova, M. Sh., et al. 2015. In Lozovskii, V. M., Lozovskaia, O. V. (eds.). *Neoliticheskie kul'tury Vostochnoi Evropy: khronologiya, paleoekologiya, traditsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiiu V.P. Tre'tiakova (Neolithic Cultures of Eastern Europe: Chronology, Paleoecology, Traditions)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 71–75 (in Russian).
18. Lychagina, E. L., Vybornov, A. A., Kul'kova, M. A., Oinonen, M., Possnert, G. 2013. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 15, no. 5, 247–253 (in Russian).
19. Matiushin, G. N. 1972. In Bader, O. N. (ed.). *Otchety Nizhnekamskoi ekspeditsii (Reports of the Nizhnekamsk Expedition) 1*. Moscow: “Znanie” Publ., 57–74 (in Russian).
20. Matiushin, G. N. 1982. *Eneolit Iuzhnogo Urala (Chalcolithic of Southern Ural)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
21. Morgunova, N. L. 2011. *Eneolit Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ia (Eneolithic between the Volga and the Ural Rivers)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).
22. Morozov, V. V. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan) IV*. Kazan: “Otechestvo” Publ., 311–316 (in Russian).
23. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Morozov Victor V. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; vikromolot@mail.ru

Lyganov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ligaant@rambler.ru

Kaplenko Nikolai M. Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, Russian Federation; kaplenko777@mail.ru

Статья поступила в номер 06.09.2017 г.

УДК 902/904

DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.3.21.89.96>

СКРЕБКИ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ АРУХЛО I, ГРУЗИЯ (К ВОПРОСУ О СООТВЕТСТВИИ ФОРМЫ И ФУНКЦИЙ ДРЕВНИХ ОРУДИЙ)¹

© 2017 г. К.М. Эсакия, Н.Н. Скакун, В.В. Терехина

В статье анализируется одна из основных категорий орудийного комплекса неолитического поселения Арухло I (Грузия, район Квемо Картли). Каменные орудия из данного памятника отличаются большим разнообразием. Комплексные функциональные исследования, проведенные авторами, показали, что типолого-морфологические характеристики различных категорий каменных инструментов не всегда соответствуют их функциям. Так форма и функция скребков полностью совпали только для 18 из 39 инструментов, остальные изделия использовались в других функциях или не имели следов утилизации. Микроанализ их рабочих лезвий позволил определить виды обрабатываемого сырья, способы обработки, а в некоторых случаях и тип получаемого изделия. Авторы делают вывод о важности всестороннего изучения производственного инвентаря для реконструкции особенностей древнего хозяйства.

Ключевые слова: археология, Грузия, Арухло, неолит, обсидиановые орудия, экспериментально-трасологический анализ.

В 60-х годах прошлого столетия на Кавказе был открыт ряд древнеземледельческих поселений, что позволило считать этот регион одним из древнейших очагов зарождения производящей экономики. На территории восточной Грузии часть объектов в районе Квемо Картли были объединены в единую группу и отнесены к шулавери-шомутепинской культуре, датируемой V–IV тыс. до н. э. (Чубинишвили, 1971, с. 31; Чубинишвили, Кушнарева, 1970, с. 21). Среди этих памятников большой интерес представляют древние поселения – тепе Арухло I–IV, расположенные около с. Арухло (рис. 1).

Археологический материал, обнаруженный в Арухло I, разнообразен: жилые и хозяйственные постройки, рвы, керамический инвентарь, предметы из кости и рога. Каменная индустрия

представлена многочисленными изделиями. Среди них артефакты из кремня и обсидиана: скребки, резцы, проколки, многочисленные ножевидные пластины, имеются также каменные топоры, долота, наковальни, молоты с желобчатым перехватом, овальные и круглые зернотерки, куранты, ступки, песты (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 24).

При изучении производственных комплексов Арухло наряду с традиционными археологическими методами исследований (Челидзе, 1979, с. 19–31) применялся трасологический анализ, основанный на микроскопическом анализе следов утилизации рабочих лезвий орудий труда (Семенов, 1957; 1968). Полученные данные свидетельствуют о том, что типолого-морфологические характеристики разных категорий орудий не всегда

¹ Исследование выполнено при частичной финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-06-00546 А.

Рис. 1. Схема расположения раннеземледельческих поселений в регионе Квемо Картли Восточной Грузии.

Fig. 1. Scheme of the locations of early agricultural settlements in the region Kvemo Kartli, Eastern Georgia

соответствуют их функциональному назначению. Это обстоятельство при моделировании структуры древнего хозяйства существенно корректирует значение тех или иных видов производственной деятельности. В качестве примера можно привести широкое функциональное разнообразие фрагментов пластин, использовавшихся в качестве различных орудий: ножей для мяса; пилкок, скобелей, строгальных ножей по дереву и кости и др. (Коробкова, Эсакия, 1984, с. 38–67; Эсакия, 1984). Кроме того, было зафиксировано употребление ряда орудий в нескольких функциях. Так, в результате исследования коллекции поселения Арухло I оказалось, что из 1339 изделий 299 являлись комбинированными (Эсакия, 1984). К сожалению, современные работы по исследованию производственного инвентаря этого и других памятников Грузии показывают, что многие заключения о функциональном назначении орудий

делаются только на основании изучения типолого-морфологических характеристик. Ошибочность такого подхода хорошо иллюстрируется всесторонним рассмотрением скребков из обсидиана – одной из наиболее четко выраженной типологической группы производственного инвентаря Арухло I. Эти инструменты изготовлены на фрагментах средних пластин (шириной 1,5–2 см) и средних отщепках (3–2,5×1,5–2 см). Нужно отметить, что на обсидиановых изделиях из-за специфических особенностей сырья кроме признаков утилизации обнаруживаются многочисленные следы древних и современных повреждений, что нередко затрудняет определение их назначения. Поэтому только тщательный анализ рабочих поверхностей, привлечение экспериментальных работ дают достоверную информацию об их функциональной принадлежности.

Так, назначение части скребков из раскопок 1983 года поселения Арухло

ло I, несмотря на типологическую однородность, оказалось более разнообразным: форма и функция совпали только у 18 изделий из 39 исследованных предметов. Рабочие части скребков для обработки шкур отличаются хорошо выраженным износом в виде округлой в профиле кромки с четкими линейными признаками и полосой яркого блеска вдоль всего лезвия (рис. 2: 1, 1.1). Степень утилизации этих орудий, при сравнении с экспериментальными инструментами (рис. 2: 2, 2.2), свидетельствует об их длительном употреблении, причем некоторые скребки в процессе работы двигались возвратно-поступательно, а другие – от себя или на себя. Два изделия на обушковых частях сохранили хорошо выраженные следы употребления в рукоятях.

Остальные скребки (21 экз.) использовались в других функциях, были комбинированными орудиями или не имели признаков утилизации.

Концевые лезвия двух орудий на пластинах применялись для обработки шкур, а боковые стороны послужили вкладышами ножей для их разрезания (рис. 3: 5). Признаки износа в этой функции характеризуются микровыкрошенностью, тонкими линейными царапинами, расположенными под углом к рабочей кромке, и тонкой полосой заполированности вдоль нее.

Два скребка, кроме следов скобления шкуры, имеют на специально зауженной обушковой части следы использования в качестве проколов для работы по мягкому материалу, вероятно шкуре (рис. 2: 3, 3.3; рис. 3: 4).

Восемь орудий применялись в качестве скобелей для дерева, причем четыре из них являются скребками на фрагментах пластин (рис. 3: 6), для

других – заготовками являлись отщепы (рис. 3: 2, 3). У первой группы рабочими частями служили как концевые отретушированные лезвия, так и необработанные боковые стороны, на которых в ходе употребления появилась ретушь утилизации. Отретушированные рабочие лезвия орудий на отщепе имеют участки с линейными признаками, типичными для скобелей, причем деформация их кромочной части позволяет предполагать, что они применялись для обработки сухого дерева. На обушках некоторых скобелей удалось обнаружить следы крепления в рукоятях.

Одно орудие употреблялось в качестве скобеля для дерева, а после того как сломалось, было преобразовано в обушковой части в резец для работ по дереву (рис. 3: 1).

Четыре других скребка на пластинах использовались только как вкладыши ножей для мяса, а специально отретушированная скребковая рабочая часть не несет каких-либо следов утилизации.

Один из исследованных инструментов на фрагменте пластины применялся в двух функциях – концевое лезвие и одна из боковых сторон служили скобелями для дерева, другая боковая сторона являлась вкладышем серпа (рис. 2: 4, 4 b).

Два орудия не имели следов износа, функции одного установить не удалось из-за незначительной изношенности.

Итак, в группе из 39 морфологически выраженных скребков из поселения Арухло I, с помощью экспериментально-трассологического анализа были выделены помимо орудий, применявшихся в непосредственно кожеобрабатывающем произ-

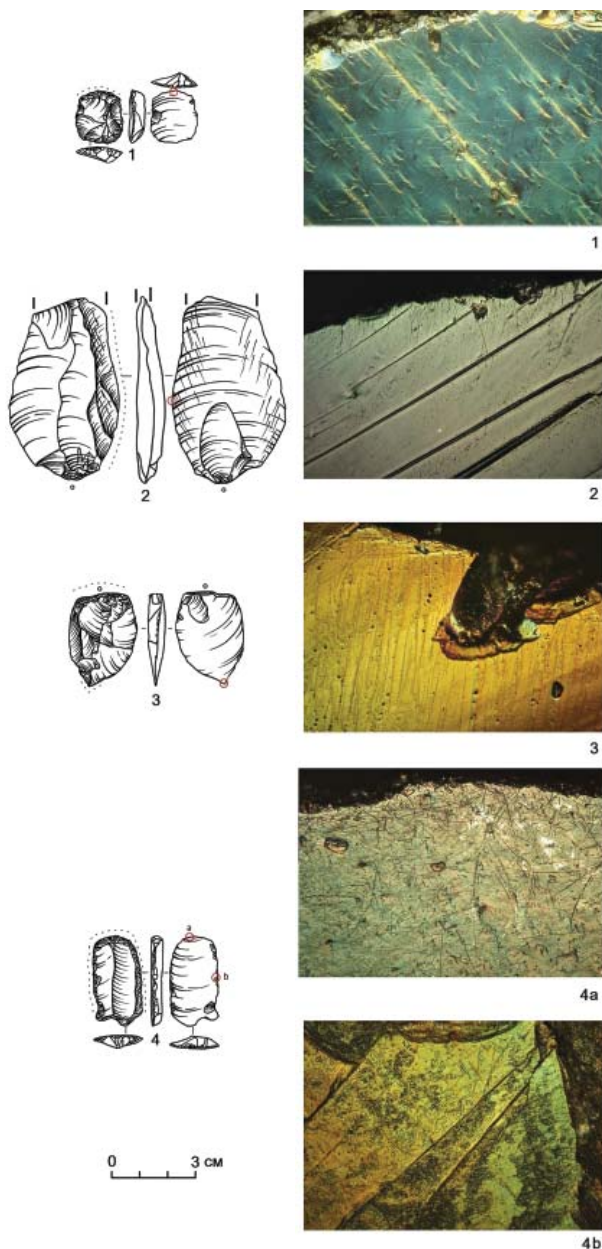

Рис. 2. Скрепки и микрофото следов утилизации на их рабочих лезвиях (Арухло I): 1 – скребок для обработки шкур; 1.1 – микрофото рабочего лезвия скребка для обработки шкур ($\times 200$); 2 – экспериментальный скребок для обработки шкур; 2.2 – микрофото рабочей части экспериментального скребка для обработки шкур ($\times 200$); 3 – проколка для шкур на скребке для шкур; 3.3 – микрофото проколки для шкур ($\times 200$); 4 – скобель для обработки дерева – вкладыш серпа; 4.4a – микрофото скобеля для обработки дерева ($\times 200$); 4.4b – микрофото рабочего лезвия вкладыша серпа ($\times 200$).

Fig. 2. Scraper tools and micrographs the utilization traces on their working parts (the Arukhllo 1 settlement): 1 – scraper for hide-working; 1.1 – micrograph the scraper working part for hide-working ($\times 200$); 2 – experimental scraper for hide-working; 2.2 – micrograph the of the experimental scraper working part for hide-working ($\times 200$); 3 – borer for hide-working made on the scraper for hide-working; 3.3 – micrograph the borer for hide-working ($\times 200$); 4 – scraper for wood-working – the insert into sickle; 4.4a – micrograph the scraper for wood-working ($\times 200$); 4.4b – micrograph working part of the insert into sickle ($\times 200$).

водстве (скрепки, скрепки-проколки, скрепки-ножи для разрезания шкур), инструменты иного назначения (18 экз.): скобели, скобель-резец для дерева, вкладыши ножей для мяса, вкладыш серпа. Эти данные подтверждают наблюдения многих ис-

следователей о частом несоответствии морфологических форм орудий их функциональному назначению, только микроанализ рабочих лезвий инструментов позволяет определить конкретный вид обрабатываемого сырья и способ его обработки (Се-

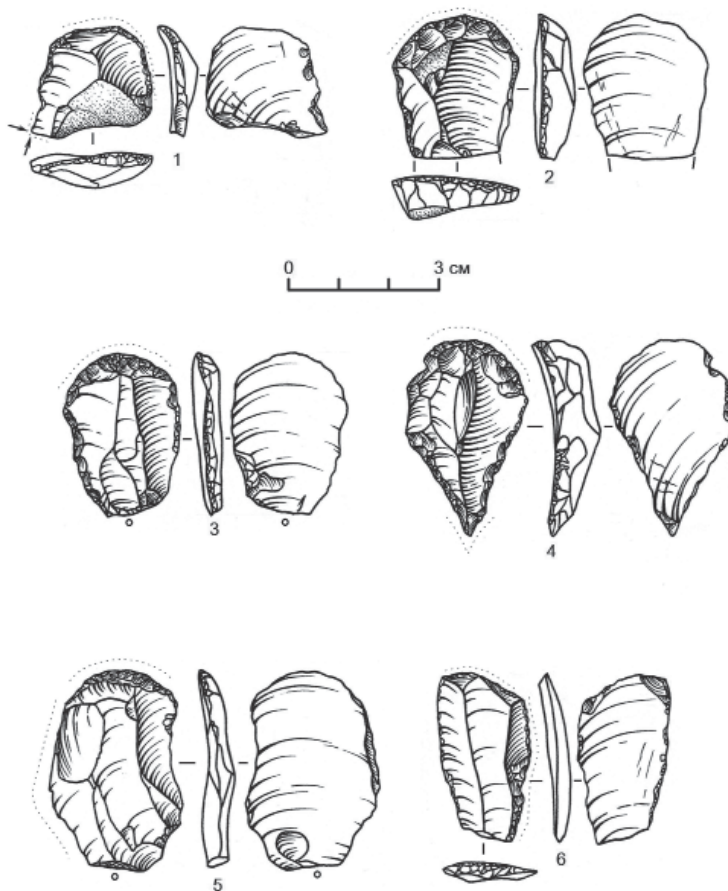

Рис. 3. Скрепки из поселения Арухло I: 1 – скобель – резец для дерева; 2 – скобель для дерева; 3 – скобель для дерева; 4 – скребок – проколка для шкур; 5 – скребок для шкур – нож для разрезания шкур; 6 – скребок для обработки шкур – скобель для обработки дерева

Fig. 3. Scrapers from the Arukhlo 1 settlement: 1 – scraper and burin for wood-working; 2 – scraper for wood-working; 3 – scraper for wood-working; 4 – scraper and borer for hide-working; 5 – scraper and knife for hide-working; 6 – scraper for hide-working and scraper for wood-working.

менов, Коробкова, 1983; Щелинский, 2001; Plisson, 1999). Игнорирование этих возможностей экспериментально-трасологических исследований существенно обедняет источниковедческую базу, что, к сожалению, наблюдается при обработке новых материалов, полученных при современных раскопках поселений Арухло. Судя по публикациям, в настоящее время

происходит увеличение численного объема археологических артефактов без их всестороннего исследования (Чиковани, Абуладзе, Жвания, 2015). В этой связи необходимо еще раз подчеркнуть важность комплексного изучения производственного инвентаря при разработке вопросов, связанных с выяснением особенностей развития систем древнего хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коробкова Г.Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л.: Наука, 1987. 219 с.
2. *Коробкова Г.Ф., Эсакия К.М.* Комплексное изучение каменной индустрии раннеземледельческих поселений Арухло II, III // Человек и окружающая его среда. Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Т. 9 / Человек и окружающая его среда / Ред. Т.Н. Чубинишвили и др. Тбилиси: 1984. С. 38–67.
3. *Кушнарера К.Х., Чубинишвили Т.Н.* Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н. э.). Л.: Наука, 1970. 191 с.
4. *Семенов С.А.* Первобытная техника. М.-Л.: МИА, АН СССР, 1957. 237с.
5. *Семенов С.А., Коробкова Г.Ф.* Технология древних производств. Л.: АН СССР, 1983. 253 с.
6. *Челидзе Л.М.* Орудия труда энеолитического поселения Арухло I (Ракопки Квемо-Картлийской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН ГССР в 1972 г.) // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Вып. VII. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 19–31.
7. *Чиковани Г., Абуладзе Д., Жвания Д.* Поселения раннеземледельческой культуры, изученные Квемо-Картлийской (Арухлинской) археологической экспедицией (1966–1988 гг.). Кн. I. Тбилиси: Национальный Музей Грузии, 2015. 97 с.
8. *Чубинишвили Т.Н.* К древней истории Южного Кавказа. Древняя культура Южной Грузии (V–III тыс. до н. э.) и проблема становления «Куру-Аракесской» культуры на Южном Кавказе. Тбилиси: Мецниереба, 1971, 169 с.
9. *Щелинский В.Е.* О соотношении формы и функции орудий труда нижнего и среднего палеолита // Археологические вести. Вып. 8 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 223–237.
10. *Эсакия К.М.* Производства древних земледельческо-скотоводческих обществ восточной Грузии (по данным экспериментально-трассологических исследований орудий труда). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. 23 с.
11. *Plisson H.* Typologie et fonction: elements pour un débat // Современные экспериментально-трассологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семеновские чтения. Тез. докл. междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. С.А. Семенова (30 янв.–5 февр. 2000, СПб.) / Отв. ред. Г.Ф. Коробкова. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 127–128.

Информация об авторах:

Эсакия Кетеван Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственный Национальный Музей Грузии (г. Тбилиси, Грузия); k.esakia@gmail.com

Скакун Наталия Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); skakunnatalia@yandex.ru

Терехина Вера Владимировна, библиотекарь, Библиотека Российской академии наук, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); terehinavera@mail.ru

HIDE-SCRAPERS FROM ARUKHLO I SETTLEMENT IN GEORGIA (ON CORRESPONDENCE OF THE SHAPE AND FUNCTION OF PREHISTORIC IMPLEMENTS)

K. M. Esakiya, N. N. Skakun, V. V. Terekhina

The article analyses one of the primary categories of the implement complex discovered at Arukhlo I Neolithic settlement (Georgia, Kvemo Kartli Region). The stone implements discovered at the site are characterized by their great variety. Comprehensive functional research conducted by the authors demonstrated that the typological and morphological characteristics of the various categories of stone implements do not always correspond to their functions. Thus, the shapes and functions of the hide-scrappers were fully identical for 18 of 39 implements only, whereas the other tools were used for different purposes and did not feature traces of utilization. A microanalysis of their working parts allowed to determine the types of processed raw material, means of processing, and in certain cases the type of obtained articles as well. The authors made a conclusion on the importance of the comprehensive research of production inventory for the reconstruction of the characteristic features of prehistoric economy.

Keywords: archaeology, Georgia, Arukhlo, Neolithic, obsidian implements, experimental and traceological analysis.

REFERENCES

1. Korobkova, G. F. 1987. *Khoziaistvennyye komplekсы rannikh zemledel'chesko-skotovodcheskikh obshchestv iuga SSSR (Economic Complexes of Early agricultural and Cattle Breeding Societies in the Southern USSR)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Korobkova, G. F., Esakiya, K. M. 1984. In Chubinishvili, T. N., et al. (eds.). *Chelovek i okruzhaiushchaia ego sreda. Materialy po arkheologii Gruzii i Kavkaza (People and the Environment. Materials on the Archaeology of Georgia and the Caucasus)* 9. In *Chelovek i okruzhaiushchaia ego sreda (People and the Environment)*. Tbilisi: "Metsniereba" Publ., 38–67 (in Russian).
3. Kushnareva, K. Kh., Chubinishvili, T. N. 1970. *Drevnie kul'tury Iuzhnogo Kavkaza (V–III tys. do n. e.) (Ancient Cultures of the Southern Caucasus (5th–3rd Millennia B.C.))*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Semenov, S. A. 1957. *Pervobytnaia tekhnika (Primeval Technics)*. Moscow; Leningrad: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)*, the USSR Academy of Sciences (in Russian).
5. Semenov, S. A., Korobkova, G. F. 1983. *Tekhnologiia drevnikh proizvodstv (Ancient Manufacturing Technology)*. Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).
6. Chelidze, L. M. 1979. *Materialy po arkheologii Gruzii i Kavkaza (Materials on the Archaeology of Georgia and the Caucasus)* VII. Tbilisi: "Metsniereba" Publ., 19–31 (in Russian).
7. Chikovani, G., Abuladze, D., et al. 2015. *Poseleniia rannezemledel'cheskoi kul'tury, izuchennye Kvemo-Kartliiskoi (Arukhlinskoi) arkheologicheskoi ekspeditsiei (1966–1988 gg.) (Settlements of the Early Agricultural Culture Studied by the Kvemo Kartli (Arukhlo) Archaeological Expedition (1966–1988))* I. Tbilisi: Georgian National Academy (in Russian).
7. Chubinishvili, T. N. 1971. *K drevnei istorii Iuzhnogo Kavkaza. Drevniaia kul'tura Iuzhnoi Gruzii (V–III tys. do n.e.) i problema stanovleniia "Kuro-Araksskoi" kul'tury na Iuzhnom Kavkaze (Ancient History of the Southern Urals. Ancient Culture of Southern Georgia (5th–3rd Millennia B.C.))*

The study was conducted with partial financial support of the Russian Foundation for Basic Research, grant No.16-06-00546 A.

and the Issue of the Establishment of the “Kura–Araxes” Culture in the Southern Urals). Tbilisi: Metsniereba (in Russian).

8. Shchelinskii, V. E. 2001. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 8. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; “Dmitrii Bulanin” Publ., 153–164 (in Russian).

9. Esakia, K. M. 1984. *Proizvodstva drevnikh zemledel'chesko-skotovodcheskikh obshchestv vostochnoi Gruzii (po dannym eksperimentalno-trasologicheskikh issledovani orudii truda) (Production Facilities of Ancient Agricultural and Cattle Breeding Societies of Eastern Georgia (on the Basis of Experimental and Trasology Studies of Implements))*. PhD. Thesis. Leningrad (in Russian).

10. Plisson H. 1999. In Korobkova, G. F. (ed.). *Sovremennye eksperimental'no-trasologicheskie i tekhniko-tehnologicheskie razrabotki v arkheologii. Pervye Semenovskie chteniia. (The recent archaeological approaches to the use-wear analysis and technical process. The first studies in Honor of S. A. Semenov)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 127–128 (in French).

About the Authors:

Esakia Ketevan M. Candidate of Historical Sciences. Georgian National Museum. Rustaveli Ave, 3, Tbilisi, 0105, Georgia; k.esakia@gmail.com

Skakun Natalia N. Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; skakunnatalia@yandex.ru

Terehina Vera V. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; terehinavera@mail.ru

Статья поступила в номер 01.08.2017 г.

КОМИНТЕРНОВСКИЙ КУРГАН № 1 ЛУГОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИУСТЬЕВОВОМ ЗАКАМЬЕ¹

© 2017 г. А.В. Лыганов

Статья посвящена результатам исследования Коминтерновского кургана № 1. Охранно-спасательные исследования на кургане проводились в связи с разрушительными абразионными процессами, происходящими на Куйбышевском водохранилище. Этот погребальный памятник первоначально входил в курганную группу, состоящую из трех курганов. Курганы № 3 и 2 были исследованы в 1981 и 2008 гг. экспедициями под руководством Е.П. Казакова и А.А. Чижевского. В результате исследований на Коминтерновском кургане № 1 были выявлены два погребения – одно целое и одно разрушенное грабительской ямой, а также два жертвенных комплекса, состоящие из фрагментов керамической посуды. В сохранившемся погребении 1 был выявлен костяк, лежащий на правом боку, в скорченном положении, головой на восток северо-восток. Перед головой погребенного находился горшок, имеющий аналогии в древностях луговской культуры. Обращает на себя внимание тот факт, что могильная яма после совершения погребения 1 была обожжена так, что суглинистая почва превратилась в плотные комья красноватого цвета. На основании погребального обряда и инвентаря Коминтерновский курган № 1, как и курганы № 2 и № 3, отнесены автором к луговской культуре со значительным влиянием на нее поздняяковской культуры и датируется в пределах XV/XIV–XIV/XIII вв. до н. э.

Ключевые слова: археология, Куйбышевское водохранилище, р. Ахтай, курган, погребение, жертвенный комплекс, поздний бронзовый век, луговская культура, поздняяковская культура.

Памятник «Коминтерновские курганы», расположенный в Спасском районе РТ, был открыт в 1979 году экспедицией под руководством Е.П. Казакова (Казаков, 1980, с. 148). На момент открытия курганная группа насчитывала три кургана. Курган № 3 был исследован Е.П. Казаковым в 1981 г. (Казаков, 1983, с. 150). В кургане было выявлено одно разрушенное грабителями погребение, содержащее глиняную посуду, определенную как керамика, характерная для приказанской и черкаскульской культур (Каза-

ков, 1983, с. 150). В археологической карте Татарской АССР сосуд из погребения Коминтерновского кургана № 1 был атрибутирован как относящийся к срубной культуре (Старостин и др., 1986, № 542).

В 2008 г. на Коминтерновском кургане № 2 были проведены археологические охранно-спасательные работы под руководством А.А. Чижевского (Чижевский, Губин, Лыганов, 2011, с. 261–271; Чижевский и др., 2011, с. 336–367). Раскопками было выявлено пять погребений позднего брон-

¹ Исследования осуществлялись в рамках программы «Изучение археологических памятников Спасского района, находящихся в зоне разрушения Куйбышевского водохранилища», финансируемой Республиканским фондом «Возрождение памятников истории и культуры РТ»

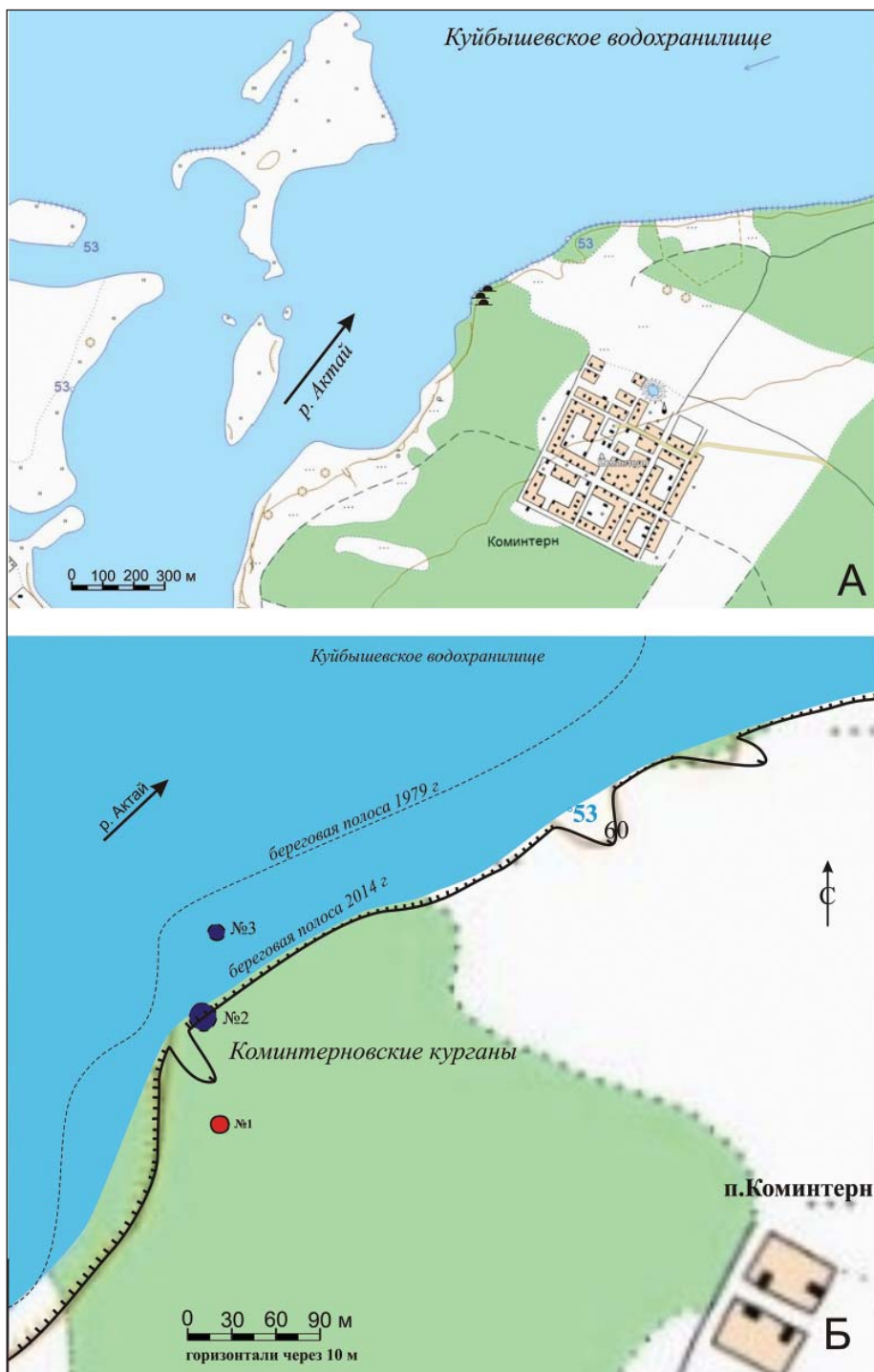

Рис. 1. План Коминтерновских курганов. А – общий план;
Б – план курганов с разрушениями береговой полосы 1979–2014 гг.

Fig. 1. Layout of the Komintern barrows. А – general layout;
Б – layout of barrows with coastline deterioration of 1979–2014.

зового века. При изучении погребального обряда и инвентаря кургана № 2, было обращено внимание на сочетание здесь признаков двух культур позднего бронзового века – луговской и поздняяковской (Чижевский, Губин, Лыганов, 2011, с. 271). Кроме погребений под насыпью кургана № 2 была обнаружена производственная площадка усть-камской культуры эпохи палеолита–мезолита (Чижевский и др., 2011, с. 336–367).

В 2014 г. на Коминтерновском кургане № 1 были проведены археологические охранно-спасательные работы, связанные с разрушением территории памятника в результате абразионных процессов на Куйбышевском водохранилище. Исследования кургана № 1 носили междисциплинарный характер, с привлечением специалистов – геоморфологов и почвоведов². Среди прочего было установлено, что на момент сооружения кургана на данной территории развивались лугово-степные геосистемы, лесной ландшафт сформировался здесь несколько позже (Ломов и др., 2017, с. 567; Lomov et al., 2017, p. 547).

Коминтерновский курган № 1 расположен на поверхности второй надпойменной террасы (абс. выс. 60–65 м) правого берега р. Ахтай, правого притока р. Кама, ныне подтопленно-

го Куйбышевским водохранилищем, в 400 м к северо-западу от поселка Коминтерн, Спасского района РТ (рис. 1, 2 А). Территория, на которой расположен курган, была широко освоена человеком с эпохи палеолита. Стоит отметить, что в радиусе 5 км от Коминтерновских курганов расположено не менее 8 стоянок и 6 грунтовых могильников эпохи поздней бронзы, преимущественно относящихся к срубной КИО и луговской культуре (Старостин и др., 1986).

Покрытая густым смешанным лесом пологой наклонной поверхностью террасы в 30 м к западу от кургана обрывается крутым, почти вертикальным уступом высотой до 17 м, основание которого подмывается водами водохранилища (рис. 2). Курган № 1 находится в 60 м к югу–юго-востоку от кургана № 2, северо-западная часть которого была обрушена в результате подмыва берега еще до 2008 г. (рис. 1).

Коминтерновский курган № 1 представляет собой возвышение диаметром 13 м с севера на юг и 11 м с востока на запад с относительным превышением над поверхностью террасы не более 0,5 м (рис. 2 А, 3). В центральной части кургана зафиксирована яма от грабительского вкопа диаметром 2,5 × 3 м. Судя по правильной изометричной форме, курган предположительно был заложен на поверхности террасы, когда на ней не произрастал лес (Ломов и др., 2017, с. 559). С севера курган обрамляется мелкой рытвиной, ориентированной поперек террасы. Вблизи южной оконечности кургана, наблюдается очень пологий уклон в сторону р. Ахтай. Таким образом, на поверхности террасы было образовано микровозвышение (относительной высотой пер-

² В полевой работе принимали участие почвоведы-географы Пензенского архитектурного и строительного института: д.г.н. С.П. Ломов, ст. преп. Н.Н. Солодков, аспирант И.Н. Спиридонова, почвовед Казанского (Приволжского) федерального университета к.б.н. Л.В. Мельников и геоморфолог Института археологии АН РТ А.А. Хисяметдинова. Автор искренне признателен им за ценные консультации при написании статьи.

А

Б

Рис. 2. А – фото Коминтерновского кургана № 1 до начала работ. Вид с севера: Б – вид на Куйбышевское водохранилище, рр. Актai, Кама, Волга, с террасы, на которой расположены Коминтерновские курганы.

Fig. 2. А – photograph of the Komintern 1 burial mound prior to the beginning of works. View from the north: Б – view of Kuibyshev reservoir, the Aktai, Kama and Volga rivers from the terrace accommodating the Komintern burial mounds.

вые десятки сантиметров), которое в дальнейшем было использовано для возведения курганной насыпи (Ломов и др., 2017, с. 558–559; Lomov et al., 2017, p. 540).

Стратиграфия кургана представлена следующими напластованиями (рис. 3):

Дерновый слой, мощностью 4–6 см, сложенный серым гумусированным суглинком, пронизанным корневой системой травянистой растительности и покровом опада из травянистой растительности. Находок не содержал.

Насыпной слой кургана состоит из переложенной почвы, сложенной **буровато-серым гумусированным суглинком**. Относительно нижележащих слоев имеет хорошую структурность и плотность, увеличивающуюся сверху вниз. Максимальная мощность насыпи – 35–40 см приходится на центральную часть кургана и по радиусу 3–4 м сокращается до 7–10 см. Нижняя граница насыпного слоя заметная – он отличается по структуре, цвету и плотности от нижележащего слоя погребенной почвы. По всем характеристикам данный слой можно уверенно связать с насыпью кургана. В центральной части кургана насыпной слой прорезает грабительский вкоп. В насыпном слое кургана выявлено три фрагмента раннесредневековой керамики именковской культуры и восемь мелких фрагментов керамики неясной культурной принадлежности. Керамика сосредоточена преимущественно у края грабительского вкопа, в центральной части кургана.

Погребенная под насыпью кургана почва – темно-серый гумусированный суглинок. Данный слой, в отличие от насыпного слоя, более

однородный по цвету (без буроватого оттенка), более тяжелый по гранулометрическому составу (более глинистый), цилиндрической структуры, со слабыми признаками лессиважа на структурных гранях, плотный. Толща содержит многочисленные отверстия от сгнившей корневой системы древесных растений, диаметром до 3 см, редкие до 5–10 см. Отдельные отверстия включают полусгнившие остатки и живые древесные корни. Слой почти неотличим от современной лесной почвы вне площадки перекрытой курганной насыпью. Это произошло потому, что погребенная почва в кургане была перекрыта небольшой насыпью и фактически не была исключена из процессов почвообразования. Поэтому ее отличие от окружающих, «фоновых», почв незначительно и фиксируется только специалистами почвоведов.

В слое темно-серого гумусированного суглинка выявлено 11 фрагментов раннесредневековой керамики именковской культуры, 10 фрагментов керамики эпохи бронзы и три неопределенных фрагмента керамики. Керамика именковской культуры сосредоточена вдоль западной и восточной половины насыпи кургана, а также за пределами насыпи кургана. Керамика эпохи бронзы концентрируется у грабительского вкопа. В погребенной почве также выявлены развалы сосудов из жертвенных комплексов эпохи поздней бронзы и пятно могильной ямы погребения 1 (рис. 4). В центральной части кургана всю толщу погребенной почвы прорезает грабительский вкоп.

Почва, преобразованная корневой системой деревьев. Помимо перечисленных основных слоев, находя-

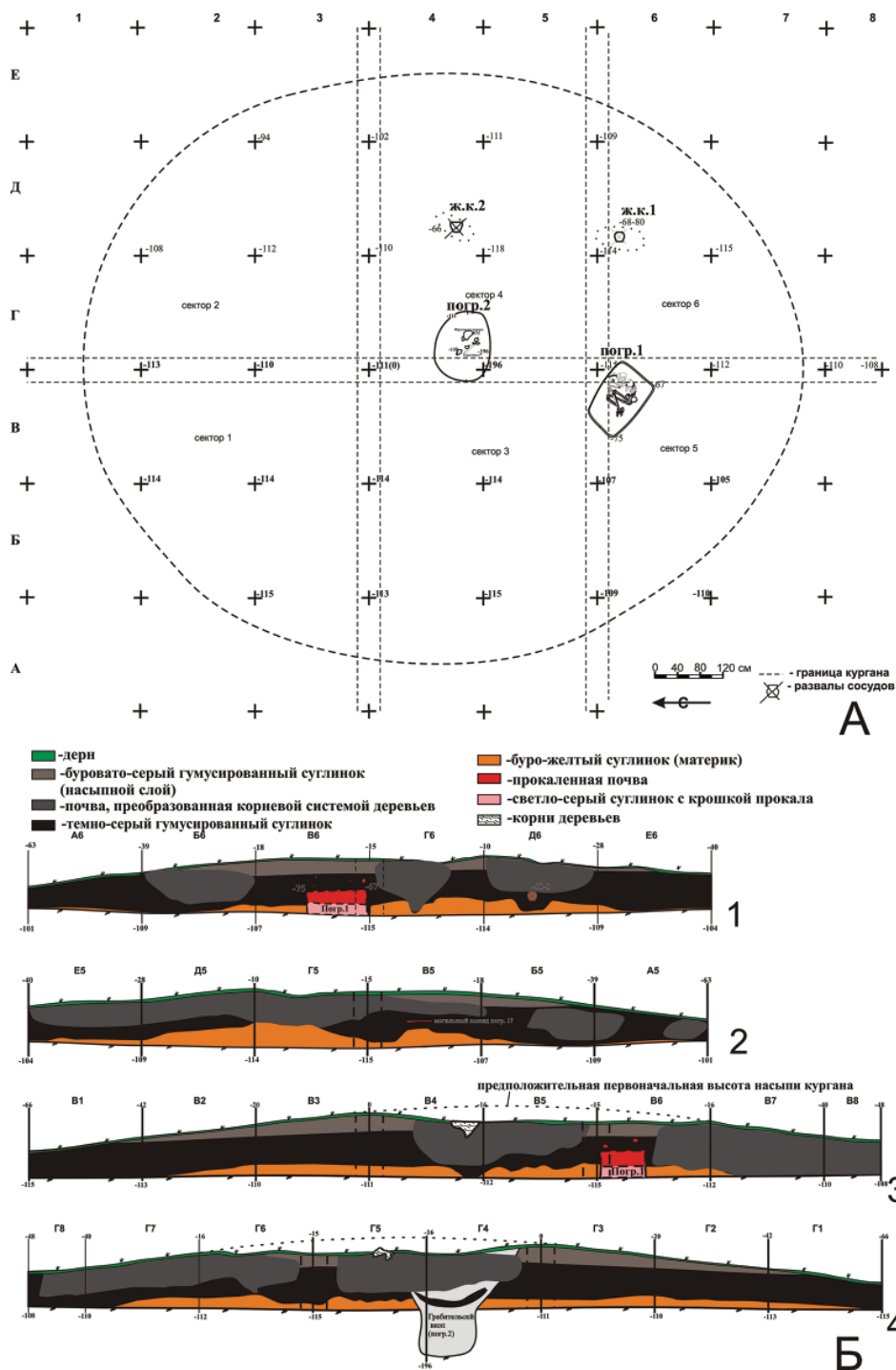

Рис. 3. План и профили Коминтерновского кургана № 1. А – план кургана; Б – профили кургана по линиям – А-Е/6 (1), Е-А/5 (2), В/1-8 (3), Г/8-1 (4).
 Fig. 3. Layout and profiles of the Kominern 1 burial mound. А – layout of the burial mound; Б – profiles of the burial mound in the lines of А-Е/6 (1), Е-А/5 (2), В/1-8 (3), Г/8-1 (4).

щихся в строгой последовательности друг за другом, почва, преобразованная корневой системой деревьев, размещает эти слои таким образом, что четкие границы между ними теряются. Наиболее крупные скопления такой почвы находятся в центральной части кургана, а также в его юго-восточной и южной части, где ранее произрастало наибольшее количество деревьев и кустарника. Данные прослойки почвы читаются только стратиграфически – в бровках.

(Пестроцветный) буровато-желтый суглинок с пятнами и потеками гумуса серого цвета (материк). Материковый слой выявлен первоначально в центральной части кургана, что, вероятно, свидетельствует о том, что уже в древности здесь существовало микровозвышение. С глубины 80 см от 0 этот слой постепенно становится более однородным. Погребение 1 было углублено в материк на 10–15 см. Грабительский вкоп, который разрушил погребение 2, врежется в материк на глубину 90–100 см.

Вещевой комплекс вне погребений и жертвенных комплексов Коминтерновского кургана № 1

Кремень. Кремневые изделия были выявлены в переходном слое от темно-серого гумусированного суглинка (погребенной почвы) к буроватому суглинку с пятнами и потеками гумуса (материку)³.

Выявлено два кремневых изделия: небольшое рубящее орудие-долото на фрагменте конкреции с выпуклым рабочим краем, найдено на уч. Б/6 на расстоянии 2 м к западу от погребения

1 на глубине -89 см. Массивный отщеп с ретушью утилизации по краю (нож или пила?) выявлен на уч. Д/7 на глубине -98 см от 0.

Аналогичные находки кремневых изделий были прослежены в 2008 г. на площадке кургана № 2 (Чижевский, Губин, Лыганов, 2011, с. 261–271; Чижевский и др. 2011, с. 336–367). По своему облику комплекс кремневого инвентаря соответствует материалам усть-камской культуры эпохи верхнего палеолита – мезолита (Галимова, 2001).

Большая коллекция кремневых изделий, также имеющая аналогии в древностях усть-камской культуры, была собрана из размыва берега у основания террасы, на которой расположен Коминтерновский курган № 1.

Многочисленные находки кремневых изделий усть-камской культуры на относительно большой площади (ок. 50×100 м) как в подъемном материале, так и в основании площадок курганов № 1, 2 свидетельствуют о том, что здесь в древности находилась стоянка финального палеолита–мезолита, которая на сегодняшний день продолжает разрушаться Куйбышевским водохранилищем.

Фрагменты керамики, выявленные вне погребений

В процессе работ в насыпи кургана в буровато-сером гумусированном суглинке и в верхней части темно-серого гумусированного суглинка на различных участках кургана была обнаружена керамика именковской культуры (14 фр.), связанная, вероятно, с многочисленными именковскими поселениями, располагавшимися в этих местах. Выявлен 1 фрагмент венчика и 13 фрагментов стенок на глубине от -35 до -70 см от нулевой

³ Автор выражает благодарность М.Ш. Галимовой за проведенное определение кремневых изделий.

отметки. Датировка именьковской культуры определена основными исследователями в пределах V–VII вв. н. э. (Старостин, 1967).

Вся керамика эпохи бронзы находилась в слое темно-серого гумусированного суглинка. На глубине -45-90 см от 0 выявлено 10 фрагментов стенок лепных неорнаментированных сосудов с примесью раковины и органики в тесте. Керамика эпохи бронзы концентрируется на участках, прилегающих к погребениям 1, 2 и жертвенным комплексам 1, 2, и, вероятнее всего, относится к развалам сосудов из жертвенных комплексов и разрушенного грабительской ямой погребения 2.

Описание погребений, грабительского вкопа и жертвенных комплексов

Погребение № 1 (рис. 4, 5). Первые следы могильной ямы появились в слое темно-серого гумусированного суглинка на глубине 65–67 см от 0 в виде пятна красно-рыжего цвета, которое состояло из обожженной почвы (прокала). В верхнем слое темно-серого гумусированного суглинка устье могильной ямы не читалось. Косвенно о том, что дневная поверхность ямы была расположена на уровне погребенной почвы, могут свидетельствовать скопления углей и вкрапленных пережженной земли, расположенных над выраженным прокалом. Глубина дна могильной ямы -110–115 см от 0. Дно плоское, стенки отвесные. Могильная яма на уровне фиксации имела очертания неправильного четырехугольника (118 × 85 см) и была вытянута по оси северо-восток–юго-запад. Контур ямы с глубины – 97–99 от 0 прорезает материковый слой буровато-желтого суглинка.

Прокал, выявленный на уровне -67 см от 0, полностью заполнял могильную яму, толщина его составляла 20–25 см (рис. 4). Далее с глубины -80–85 см от 0 заполнение могильной ямы продолжилось в виде слоя суглинка с мелкой крошкой прокала, в котором и находился костяк погребенного.

На глубине -102–114 см от 0 был выявлен костяк погребенного. Костяк человека лежал на дне могильной ямы скорченно на правом боку, головой на восток–северо-восток. Череп обращен лицом на северо-запад. Кисть правой руки расположена возле лица и находится в устье сосуда, находящегося перед головой погребенного. Кисть вытянутой вперед левой руки согнута вниз, к коленям погребенного. Ноги сильно согнуты в коленях.

В погребении был выявлен один раздавленный чашевидный сосуд (на глубине -107-110 см от 0), находящийся перед головой погребенного. Сосуд лежал набок, горловиной на восток. Размеры сосуда: высота 10,5 см, диаметр горловины 14 см, диаметр дна 8 см. Сосуд украшен орнаментом из 6 рядов горизонтальных линий, проведенных гладкой гребенкой сразу под горлом сосуда, ниже идет ряд из заштрихованных треугольников. Подобная керамика имеет множество аналогий в погребальных и поселенческих древностях луговской культуры: Зуево-Ключевской стоянки, Подгорно-Байларской, Дубовогривской II, Кумысской, Луговской I стоянок, Больше-Отарского (Балымского) I поселения и погребения № 5 на поселении, ряда погребений могильника Такталачук (Ашихмина, 2014, рис. 8, 12, 13, 14; Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, рис. 6: 13, 16; Халиков, 1980, табл. 24; Калинин, Ха-

А

Б

Рис. 4. Фото прокала погребения 1 в плане (А) и в профиле (Б).
Fig. 4. Photographs of the burnt area of burial 1 in plan (A) and profile (Б).

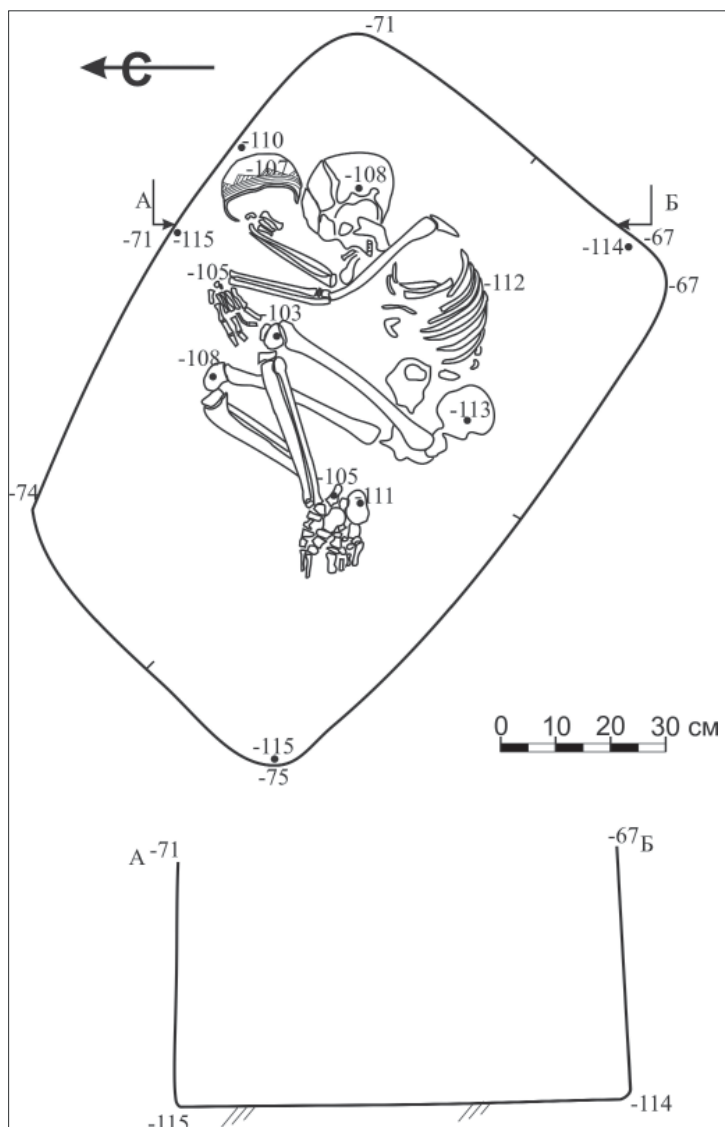

Рис. 5. План погребения 1.
Fig. 5. Layout of burial 1.

ликов, 1954, рис. 33; Казаков, 1978, рис. 14–16), наиболее близкие аналогии прослеживаются в погребениях Мурзихинского II, и Соколовских IV и V могильников (Марков, Чижевский, 2003, рис. 2; Казаков, 1992, с. 35–44).

Памятники луговой культуры, как и памятники сусканского типа, датируется основными исследователями в пределах XV/XIV–XIV/XIII вв. до н. э. (Ашихмина, 2014, с. 39; Колев, 1991, с. 197; Колев, 2000, с. 250).

Грабительский вкоп и разрушенное погребение 2 (рис. 6). Глубина фиксации дна ямы -196 см от 0. Грабительский вкоп отчетливо читался на современной поверхности кургана, в виде воронки глубиной до 15–16 см и диаметром до 2,5 м. Отчетливые очертания грабительской ямы овальной формы 1 × 1,2 м четко проступили на уровне материка на глубине -111 см от 0 в виде пятна однородной темно-серого гумусирован-

ного суглинка. Форма грабительской ямы ниже уровня материка колоколо-видная, дно уплощенное. На глубине -132–135 см от 0 были выявлены кости и фрагменты керамики, разрушенного грабительской ямой погребения 2. Кости человека выявлены в восточной части грабительской ямы и представлены фрагментами черепной крышки. Фрагменты керамики рассеяны бессистемно по всей засыпи грабительской ямы на глубине -132–135 от 0. Ниже отметки в -135 см от 0 и до самого дна ямы -196 см от 0 фрагментов керамики и человеческих костей в засыпи грабительской ямы не выявлено. Судя по размеру грабительской ямы и сопоставляя ее с размерами могильной ямы погребения 1, был сделан вывод о том, что грабительский вкоп очень точно накрыл погребение 2. Также, судя по размерам грабительской ямы, погребение 2 изначально было ориентировано длинной стороной по линии запад–восток. Предположительно голова погребенного была ориентирована в восточном направлении, – судя по скоплению фрагментов черепной крышки в восточной части грабительского вкопа. В целом предположительно можно сделать вывод о том, что погребение 2 по обряду было схоже с погребением 1, только без прокала засыпи могильной ямы.

Выявленную керамику из погребения 2 удалось восстановить в целый сосуд. Это горшковидный сосуд с примесью раковины и органики в тесте. Стенки сосуда толщиной не более 5 см. Размеры сосуда: высота 16 см, диаметр горловины 14 см, диаметр дна 7,5 см. Под горлом сосуда гладкой гребенкой проведена канелюра, далее следует пояс из подтреуголь-

ных вдавлений, далее идет 5 рядов канелюр, затем – еще один пояс из подтреугольных вдавлений, под которыми проведена еще одна канелюра, к которой подцеплены заштрихованные треугольники вершинами вниз, украшенные бахромой. Подобный орнамент также характерен для древностей луговской культуры (Збруева, 1960, рис. 5, 6; Казаков, 1978; Халиков, 1969, рис. 59; Халиков, 1980, табл. 24). Орнаментация сосуда очень сходна по технике и манере исполнения с орнаментацией чашевидного сосуда из погребения 1, что еще раз указывает на относительно короткий срок, за который были совершены погребения 1 и 2.

Время ограбления погребения 2 относится к более позднему периоду, чем устройство насыпи кургана. Об этом говорит то, что устье грабительской ямы по глубине залегания приближается к современной поверхности. Более точно указать время ограбления погребения 2 не представляется возможным. Хотелось бы только отметить точность, с какой грабительский вкоп накрыл погребение 2. Вполне вероятно, что «грабители» знали, где надо копать, что может свидетельствовать в пользу того, что курган был «ограблен» еще в древности. Также в пользу версии об «ограблении» кургана в древности свидетельствует скопление костей и фрагментов керамики на одном уровне на глубине -132–135 см от 0. Это также может свидетельствовать в пользу ритуального «ограбления» могилы в древности. Примеры таких «ограблений» известны – для андроновских культур и также для срубной культурно-исторической общности (Епимахов, 2014, с. 561–563; Новоже-

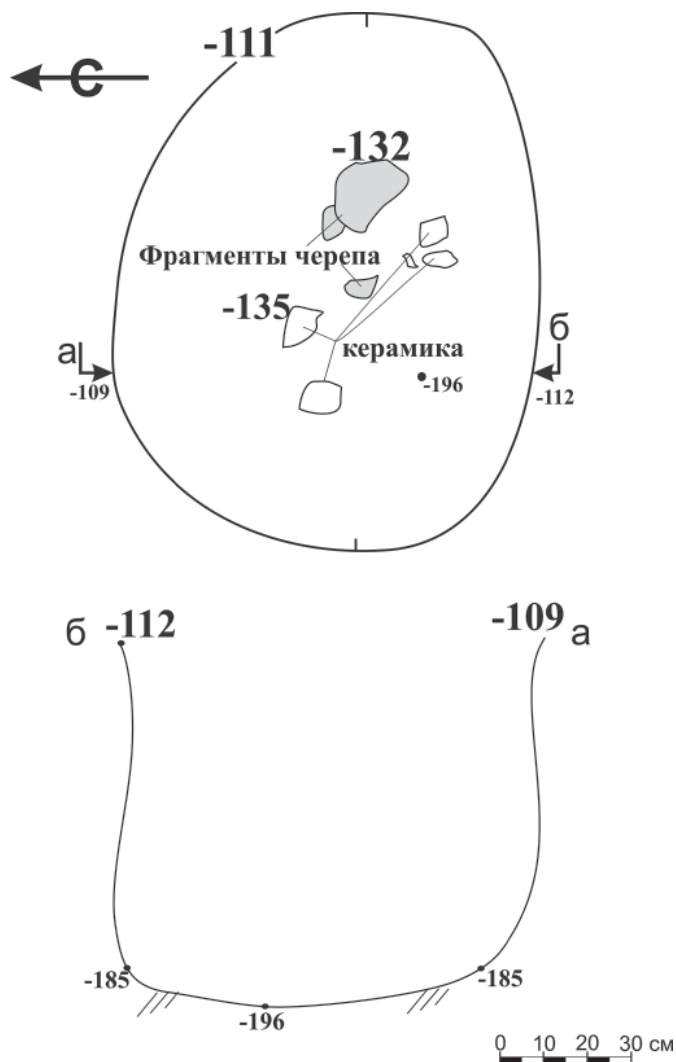

Рис. 6. План грабительского вкопа и погребения 2.

Fig. 6. Layout of graverobber pit and burial 2.

нов, 2014, с. 622–627; Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014, с. 628–631). По мнению исследователей, причины таких ритуальных «ограблений» самые разные: конфликты разных коммуникативных систем (Новоженков, 2014, с. 626), обряды «обезвреживания» и переселение чужих групп населения (Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014, с. 630) и т.д.

На всех трех Коминтерновских курганах присутствуют следы «ограбления» могил – в кургане № 3 были

выявлены остатки единственного и разграбленного захоронения – разбросанные кости человека и фрагменты сосуда (Казаков, 1983, с. 150). В кургане № 2 был выявлен грабительский вкоп и сосуды, расположенные в непосредственной близости от него, которые могут быть отнесены к разрушенному грабителями погребению (Чижевский, Губин, Лыганов, 2011, с. 270). Таким образом, во всех трех курганах были зафиксированы грабительские ямы, которые очень точно

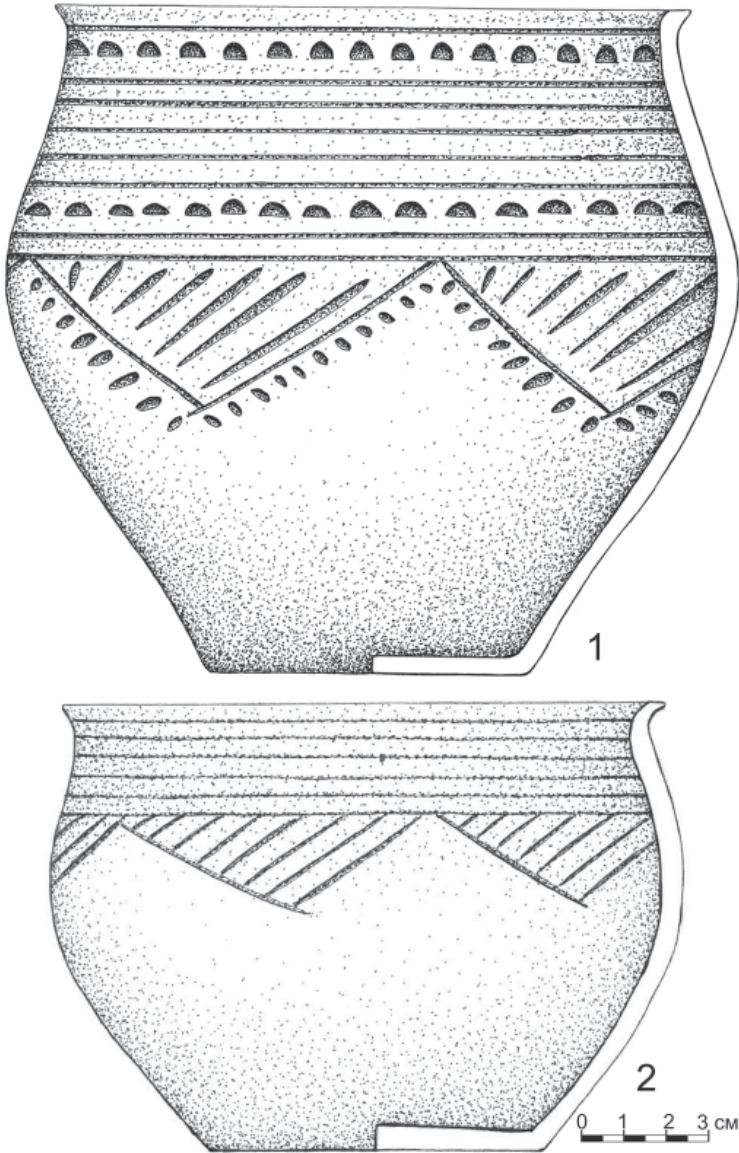

Рис.7. Сосуды из погребения 2 (1), и погребения 1 (2).

Fig.7. Vessels from burial 2 (1) and 1 (2).

были заложены над погребениями. Отмечу еще одну особенность территориально-культурного расположения курганов. Как было сказано выше, в округе памятника зафиксированы срубные и луговские поселения, помимо этого сами курганы поликультурные – в них выделены луговские

и поздняяковские археологические комплексы. В этой связи очень заманчивой выглядит версия об ограблении курганов, как о возможных конфликтах различных культурных групп, которые обитали на одной территории (Новоженков, 2014; Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014). Однако эта версия

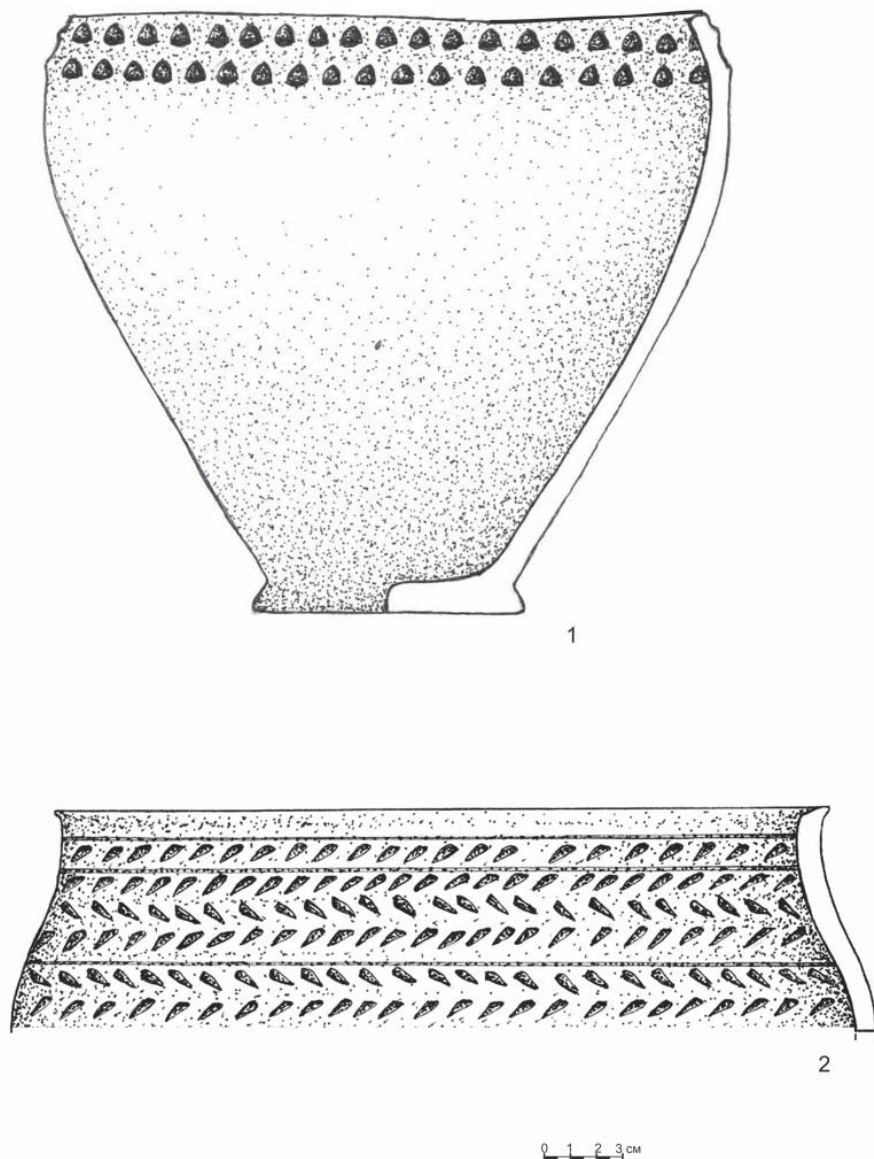

Рис. 8. Сосуды из жертвенного комплекса 2 (1) и жертвенного комплекса 1 (2).

Fig. 8. Vessels from sacrificial complexes 2 (1) and 1 (2).

пока остается в разряде предположений, до появления нового фактического материала.

Жертвенный комплекс № 1 (рис. 8: 2), Уч. Д/6. Следов ямы не выявлено. На глубине -68–70 см от 0 в слое темно-серого гумусированного суглинка был выявлен развал глиняного лепного сосуда. Керамика была

сконцентрирована на уч. Д/6 бесформенной кучей. В профиле бровки выявлено небольшое углубление в материк, в котором и находился развал, однако в плане это углубление не читается. Развал плохо поддается восстановлению. Нет дна сосуда. Сам развал находился на расстоянии 2 м к востоку от погребения 1, четкие кон-

туры которого фиксируются на той же глубине, что и развал. Возможно, жертвенный комплекс № 1 непосредственно связан с погребением 1.

У сосуда из жертвенного комплекса 1, вследствие плохой сохранности, удалось восстановить только верхнюю часть. Это сосуд с примесью шамота и раковины в тесте, с диаметром горла 29 см, орнаментированный клиновидным штампом, образующим ряды горизонтальной елочки, которые разделены каннелюрами. Орнамент в виде рядов горизонтальной елочки характерен для целого ряда андроновидных культур, в том числе и луговской (Колев, 2000; Ашихмина, 2014).

Жертвенный комплекс № 2 (рис. 8: 1), Уч. Д/4. Следов ямы не выявлено. На глубине -66–78 см от 0 в слое темно-серого гумусированного суглинка был выявлен развал глиняного лепного сосуда. Корнями деревьев керамика была разбросана по большой площади примерно $1 \times 0,8$ м. Удалось восстановить сосуд. Сам развал находился на расстоянии не менее чем в 1,2–1,5 м к востоку от разрушенного погребения 2 и, возможно, также связан с этим погребением.

Сосуд из жертвенного комплекса 2 баночной формы с прикрытым устьем, с примесью шамота и органики в тесте, орнаментирован двумя рядами каплевидных вдавлений (тычков) под венчиком. Подобный тип орнаментации, как и закрытая баночная форма сосуда, несколько выбиваются из общего керамического комплекса кургана, имеющего аналогии в древностях луговской культуры. Самые близкие аналогии такой керамике можно проследить в памятниках с так называемой «срубоидной» кера-

микой, залегающей совместно с керамикой поздняяковской культуры (Шокшинское поселение) (Археология Мордовского края..., 2008, с. 256–258, 268, 284, 289). Некоторые аналогии поздняяковской культуре уже были прослежены на керамических комплексах Коминтерновского кургана № 2 (Чижевский, Губин, Лыганов, 2011, с. 261–271).

История создания и последующего существования Коминтерновского кургана № 1 выглядит следующим образом: первоначально в микровозвышение, существовавшее здесь еще до возведения кургана, за небольшой промежуток времени были совершены погребения № 1–2, затем была возведена насыпь кургана. Потом произошло ограбление погребения 2, возможно, в ритуальных целях соплеменниками погребенных, об этом свидетельствует то, с какой точностью грабительский ход накрыл погребение 2 и то, что керамический и антропологический материал во фрагментарном виде находился на одной глубине -132–135 см от 0, а не был раскидан по всей глубине грабительской ямы или сложен на дне. В дальнейшем курганную насыпь в середине I тыс. н. э. посещали носители именьковской культуры, керамика которой обнаружена в слое насыпи кургана и верхней части погребенной почвы.

Погребальный обряд кургана, судя по сохранившемуся погребению, характеризуется наличием обжига могильной ямы погребения 1, положением костяка скорченно на правом боку, головой на восток. Данный обряд имеет аналогии в луговской культуре позднего бронзового века (XV/XIV–XIV/XIII вв. до н. э.). Использование огня в погребальных

ритуалах характерно для поздняяковской культуры и для черкаскульской культуры Южного Зауралья (Бадер, Попова, 1987, с. 132; Стоколос, 1972, с. 87). У носителей луговской культуры огонь в погребальной практике использовался достаточно редко и в финале существования культуры (Балымские погребения со святилищем, Подгорно-Байларский курган) (Калинин, Халиков, 1954, с. 202–213; Казаков, 1987, с. 122).

Сосуды из погребений и жертвенного комплекса 1 по форме и орнаментации имеют аналогии в луговской культуре. Вместе с тем сосуд из

жертвенного комплекса 2 по форме и орнаментации имеет аналогии в древностях поздняяковской культуры. Подобный симбиоз луговской и поздняяковской культур уже был зафиксирован в 2008 г. на материалах Коминтерновского кургана № 2. Датировка луговской культуры лежит в пределах XV/XIV–XIV/XIII вв. до н. э. (Ашихмина, 2014, с. 39; Колев, 2000, с. 250), поздняяковской культуры – XV–XIII вв. до н. э. (Бадер, Попова, 1987, с. 135). Вероятно, в этом же промежутке времени следует датировать и погребения Коминтерновского кургана № 2.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Ч. I / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 112 с.
2. Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы. моногр. / Отв. ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. 552 с.
3. Бадер О.Н., Попова Т.Б. Поздняяковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. С. 131–135.
4. Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. М: Янус-К, 2001. 267 с.
5. Епимахов А.В. Потревоженные погребения бронзового века Южного Урала: факты и интерпретации. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I // Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 561–563.
6. Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. № 80. М.: Наука, 1960. С. 10–95.
7. Казаков Е.П. Исследования Раннеболгарской экспедиции // АО 1981 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. С. 150–151.
8. Казаков Е.П. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья / отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФАН СССР, 1978. С. 67–108.
9. Казаков Е.П. Подгорно-Байларский курганный могильник // Древности Икско-Бельского междуречья / отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФАН СССР, 1978. С. 121–125.
10. Казаков Е.П. Работы Раннеболгарской экспедиции // АО 1979. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1980. С. 148.
11. Казаков Е.П. Соколовские могильники эпохи бронзы и их относительная датировка // Материалы по археологии Южного Урала / Отв. ред. Н.А. Мажитов. Уфа: изд-во БГУ, 1992. С. 35–44.
12. Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1951 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 157–246.

13. Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН. 2000. С. 242–273.

14. Колев Ю.И. Новый тип памятников эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: Изд-во СамГПИ, 1991. С. 162–206.

15. Ломов С.П., Лыганов А.В., Хисяметдинова А.А., Спиридонова И.Н., Солодков Н.Н. Современные и погребенные почвы курганных захоронений лесостепной зоны Среднего Поволжья (на примере Коминтерновского кургана I) // Почвоведение. 2017. № 5. С. 558–568.

16. Марков В.Н., Чижевский А.А. Погребения эпохи бронзы Мурзихинского II могильника // Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе. Древности, издаваемые российским археологическим обществом. Вып. 36. / Под ред. Б.Я.Ставиского и А.А. Бурханова. Москва-Казань: Gumanitarya (Изд-во ТГГИ), 2003. С. 125–133.

17. Новоженев В.А. Разграбление могил как коммуникативный месседж // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II / Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 622–627.

18. Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. «Ограбление» могил в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 628–631.

19. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры / САИ. Вып. Д1-32. М.: Наука, 1967. 97 с.

20. Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972. 168 с.

21. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.

22. Халиков А.Х. Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука. 1980. 128 с.

23. Чижевский А.А., Галимова М.Ш., Мельников Л.В., Хисамутдинова Р.А. Междисциплинарные исследования Коминтерновского кургана № 2 эпохи поздней бронзы и стоянки каменного века // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 4 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фолиант, 2011. С. 336–367.

24. Чижевский А.А., Губин А.С., Лыганов А.В. Коминтерновский курган № 2 // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции V Халиковские чтения / Археология Евразийских степей. Вып.11 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2011. С. 261–271.

25. Чижевский А.А., Лыганов А.В., Морозов В.В. Исследования памятников археологии на острове Дубовая грива в 2009-2010 гг. // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 94–115.

26. Lomov S.P., Lyganov A.V., Khismyatdinova A.A., Spiridonova I.N., Solodkov N.N. Modern and Buried Soils of Kurgans in the Forest-Steppe Zone of the Middle Volga Region (by the Example of Komintern I Kurgan) // Eurasian Soil Science, 2017, Vol. 50, No. 5, pp. 539–548. DOI: 10.1134/S1064229317050106

Информация об авторе:

Лыганов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); liganov.anton@yandex.ru

**KOMINTERN 1 BURIAL MOUND OF LUGOVSKAYA CULTURE
IN THE KAMA MOUTH REGION****A. V. Lyganov**

The article features the results of studying the Komintern 1 burial mound. Salvage and rescue studies were conducted at the burial mound due to the destructive abrasion processes occurring at Kuibyshev reservoir. This funerary monument was originally part of a group consisting of three burial mounds. Burial mounds 3 and 2 were studied in 1981 and 2008 during expeditions headed by E. P. Kazakov and A. A. Chizhevsky. The studies resulted in the discovery of two burials at Komintern 1 burial mounds, one of which was intact, and the other destroyed by a graverobber pit, as well as two sacrificial complexes composed of ceramic dishware shards. A skeleton lying on the right side in the crouched position with its head pointing east-north-east was discovered in the surviving burial 1. A pot was located in front of his head, this vessel has analogies in the ancient traditions of the Lugovskaya culture. Interestingly, after burial 1 was executed, the grave pit was burnt to such degree that the loamy soil was transformed into dense reddish clods. On the basis of the funerary rite and inventory, Komintern 1 burial mound, likewise mounds 2 and 3, were identified by the author as corresponding to the Lugovskaya culture with a significant influence of the Pozdnyakovo culture and dating back to 15th/14th–14th/13th centuries B.C.

Keywords: archaeology, Kuibyshev reservoir, Akhtai river, burial mound, burial, sacrificial complex, late Bronze Age, Lugovskaya culture, Pozdnyakovo culture.

REFERENCES

1. Starostin, P. N. (ed.). 1986. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoj ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Western Trans-Kama Region)* I. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
2. Stavitskii, V. V., Shitov, V. N. (eds.). 2008. *Arkheologija Mordovskogo kraja: Kamennyi vek, epokha bronzy (Archaeology of the Mordva Land: Stone Age and Bronze Period)*. Saransk: Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (in Russian).
3. Bader, O. N., Popova, T. B. 1987. In Rybakov, B. A. (ed.). *Epokha bronzy lesnoj polosy SSSR (Bronze Age in the Forest Belt of USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ., 131–135 (in Russian).
4. Galimova, M. Sh. 2001. *Pamiatniki pozdnego paleolita i mezolita v ust'e reki Kamy (Monuments of Late Paleolithic and Mesolithic in the Mouth of the Kama River)*. Moscow: "Ianus-K" Publ. (in Russian).
5. Epimakhov, A. V. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress at Kazan)* II. Kazan: "Otechestvo" Publ., 561–563 (in Russian).
6. Zbrueva, A. V. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 80. Moscow: "Nauka" Publ., 10–95 (in Russian).
7. Kazakov, E. P. 1983. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1981 g. (Archaeological Discoveries in 1983)*. Moscow: "Nauka" Publ., 150–151 (in Russian).
8. Kazakov, E. P. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 67–108 (in Russian).

The studies were conducted within the framework of the Program "Research of the Archaeological Sites of the Spassk District located in the Destruction Area of "Kuibyshev Reservoir" financed by the Republican Foundation "Revival of the historical and cultural monuments of the Tatarstan Republic".

9. Kazakov, E. P. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 121–125 (in Russian).
10. Kazakov, E. P. 1980. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1979 g. (Archaeological Discoveries in 1980)*. Moscow: "Nauka" Publ., 148 (in Russian).
11. Kazakov, E. P. 1992. In Mazhitov, N. A. (ed.). *Materialy po arkheologii Iuzhnogo Urala (Materials of the Archaeology of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir State University, 35–44 (in Russian).
12. Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* I. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 157–246 (in Russian).
13. Kolev, Yu. I. 2000. In Kabytov, I. S. (ed.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. The Bronze Age)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 242–273 (in Russian).
14. Kolev, Yu. I. 1991. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnosti Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (Antiquities of the East-European Forest-Steppe)*. Samara: Samara State Pedagogical Institute, 162–206 (in Russian).
15. Lomov, S. P., Lyganov, A. V., et al. 2017. In *Pochvovedenie (Soil Studies)* 5, 558–568 (in Russian).
16. Markov, V. N., Chizhevsky, A. A. 2003. In Staviskii, B. Ya, Burkhanov, A. A. (eds.). *Arkheologicheskie issledovaniia i muzeino-kraevedcheskaia rabota v Volgo-Ural'skom regione. Drevnosti, izdavaemye rossiiskim arkheologicheskim obshchestvom (Archaeological Studies, Museum and Local Lore Activities in the Volga-Ural Region. Antiquities Published by the Russian Archaeological Society)* 36. Moscow-Kazan: "Gumanitarna" Publ. (Tatar State Institute for Humanities), 125–133 (in Russian).
17. Novozhenov, V. A. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress at Kazan)* II. Kazan: "Otechestvo" Publ., 622–627 (in Russian).
18. Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan)* I. Kazan: "Otechestvo" Publ., 628–631 (in Russian).
19. Starostin, P. N. 1967. *Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Sites of the Imenkovo Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
20. Stokolos, V. S. 1972. *Kul'tura naseleniia bronzovogo veka Iuzhnogo Zaural'ia (Culture of the Bronze Age Population of the Southern Trans-Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
21. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
22. Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) VI-24. Moscow: "Nauka" Publ., 128 s (in Russian).
23. Chizhevsky, A. A., Galimova, M. Sh., et al. 2011. In Galimova, M. Sh. (ed.). *Arkheologiya i estestvennye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan)* 4. Kazan: "Foliant" Publ., 336–367 (in Russian).
24. Chizhevsky, A. A., Gubin, A. S., Lyganov, A. V. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Uralo-Povolzh'e v drevnosti i srednevekov'e. V Khalikovskie chteniia (Ural and Volga Area in Antiquity and Middle Ages: 5th Khalikov Readings)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 11. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 224–230 (in Russian).
25. Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Morozov, V. V. 2012. In *Povolzh'skaia arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 94–115. (in Russian).
26. Lomov, S. P., Lyganov, A. V., et al. 2017. In *Eurasian Soil Science* 50, No. 5, 539–548.

About the Author:

Lyganov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; lyganov.anton@yandex.ru

Статья поступила в номер 04.08.2017 г.

**СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ АНАНЬИНСКОЙ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ
В БАССЕЙНЕ РЕК ВЯТКА И ВЕТЛУГА**

© 2017 г. Э.И. Оруджов

В статье рассматриваются закономерности размещения поселенческих памятников ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики (АКГШК) ананьинской культурно-исторической области (АКИО) бассейнов рр. Вятка и Ветлуга. Обозначены результаты предшествующих исследований структуры расселения носителей ананьинской культурно-исторической области на данной территории. При помощи картографирования и математических методов построена классификация памятников АКГШК региона, выделено 13 локальных и четыре региональные группы поселений АКГШК в бассейне р. Вятки, а также локальная и две региональные группы памятников в бассейне р. Ветлуги. В результате анализа географического расположения и размера поселений выделены наиболее крупные агломерации памятников (нижне-вятская и средне-вятская). Анализ географических условий расположения поселений позволил автору сделать предположение относительно хозяйственной специализации ананьинских селищ бассейна р. Вятка.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, ананьинская культура гребенчато-шнуровой керамики, ананьинская культурно-историческая область, геопространственный анализ, локальные и региональные группы памятников, «гравитационная модель».

Население, проживавшее в бассейне рр. Вятка и Ветлуга в I тыс. до н. э. принято относить к ананьинской культуре гребенчато-шнуровой керамики (АКГШК) ананьинской культурно-исторической области (Марков, 2007, с. 56; Чижевский, 2008, с. 71; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 35).

Общий хронологический диапазон расселения носителей АКГШК на данной территории приходится на VIII–III вв. до н. э.

В настоящее время одной из проблем, связанных с исследованием культуры АКГШК АКИО, является определение структуры расселения носителей этого культурного образования, которую можно определить методом установления геопространственных связей между памятниками

АКИО в пределах бассейнов рек Вятка и Ветлуга.

Первые попытки обозначить локальные территориальные группы в пределах бассейна р. Вятка были предприняты В.В. Ванчиковым (Ванчиков, 1992, с. 72–94). Он предположил, что по характеру культурного слоя сооружений и находок, городища следует определять как центры хозяйственной, идеологической и, возможно, политической жизни ананьинского населения. По его мнению, выявленные селища примыкают к городищам. На основании данного утверждения им были выделены две территориальные группы: верхневятская (от р. Чепцы до р. Моломы) и средневятская (от р. Пижмы до р. Шошмы) (Ванчиков, 1992, с. 78). Усть-вятская группа го-

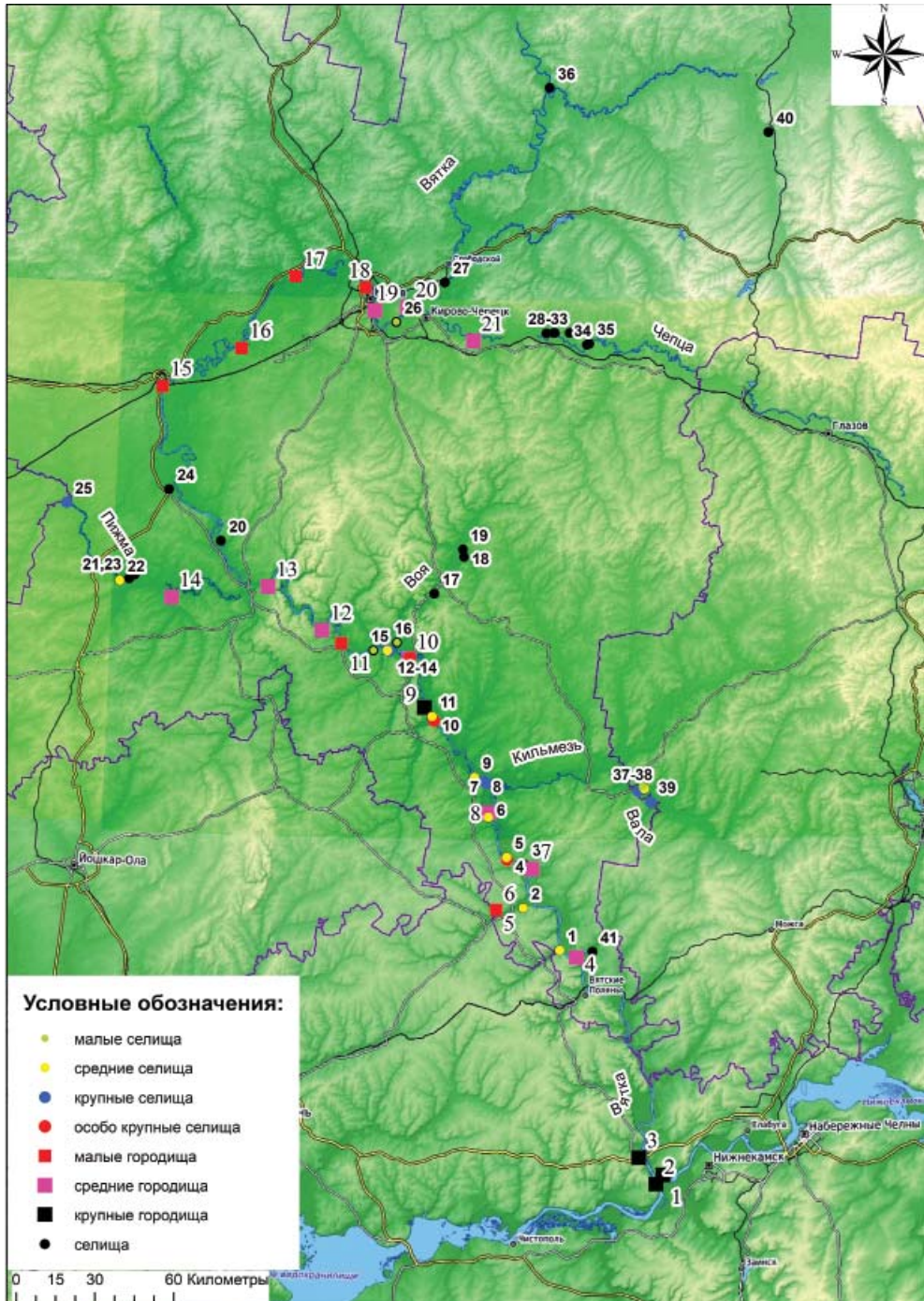

Рис. 1. Поселения АКГШК АКИО, бассейн р. Вятки.

Городища: 1 – Свиногорское; 2 – Грахань; 3 – Мамадышское; 4 – Каракульское; 5 – Чутай I; 6 – Чутай II; 7 – Аргыжское; 8 – Ройское; 9 – Мальковское; 10 – Буйское; 11 – Лебяжское; 12 – Белоглазовское; 13 – Пижемское; 14 – Горское; 15 – Скорняковское; 16 – Истобенское; 17 – Подрельское; 18 – Червяковское(Филейское); 19 – Чижевское; 20 – Никульчинское; 21 – Кривоборское.

Селища: 1 – Старобурецкое; 2 – Малмыжское; 3 – Дмитриевское; 4 – Проходная Лоза; 5 – Усть-Курынское; 6 – Шишкинское; 7 – Тюм-Тюмское III; 8 – Тюм-Тюмское IV; 9 – Черепановский лог; 10 – Цепочкино I; 11 – Цепочкино II; 12–14 – Мысы III–V; 15 – Малиновское; 16 – Ботылинское; 17 – Ключевское; 18 – Слудкинское; 19 – Перебор; 20 – Нижнее Коропово; 21 – Худяковское; 22 – Покста II; 23 – Арбазский Льнозавод; 24 – Боровка I; 25 – Этанцы II; 26 – Концовское селище; 27 – Первомайское; 28 – Мотоус; 29 – Градобоево I; 30 – Градобоево II; 31 – Градобоево III; 32 – Градобоево IV; 33 – Махны; 34 – Яговкинцы; 35 – Дереганцы II; 36 – Грехневское; 37–38 – Муки-Какси I–II; 39 – Моторки II; 40 – Пещера I; 41 – Кордон; 42 – Буй I.

Fig. 1. Settlements of the Ananyino combed and corded ware culture, the Viatka river basin.

Hillforts: 1 – Svinye Gory; 2 – Grakhan'; 3 – Mamadysh; 4 – Karakul'; 5 – Chutai I; 6 – Chutai 2; 7 – Argyzh; 8 – Roiskii Shikhan; 9 – Mal'kovo; 10 – Bui; 11 – Lebiazhie; 12 – Beloglazovo; 13 – Pizhma; 14 – Gory; 15 – Skorniaki; 16 – Istobenski; 17 – Podrelie; 18 – Cherviakovo; 19 – Chizhi; 20 – Nikul'chino; 21 – Krivoi Bor.

Settlements: 1 – Staryi Burets; 2 – Malmyzh; 3 – Dmitrievskoye; 4 – Prokhodnaia Loza; 5 – Ust'-Kuria; 6 – Shishkino; 7 – Tium-Tium 3; 8 – Tium-Tium 4; 9 – Cherepanovskii Log; 10 – Tsepochkino 1; 11 – Tsepochkino 2; 12–14 – Mysy 3–5; 15 – Malinovka; 16 – Botyli; 17 – Kliuchi; 18 – Sludkino; 19 – Perebor; 20 – Nizhnee Koropovo; 21 – Khudiakovo; 22 – Poksta 2; 23 – Arbazhskii L'nozavod; 24 – Borovka 1; 25 – Etantsy 2; 26 – Konets; 27 – Pervomaiskoe; 28 – Motous; 29 – Gradoboevo 1; 30 – Gradoboevo 2; 31 – Gradoboevo 3; 32 – Gradoboevo 4; 33 – Makhny; 34 – Iagovkintsy; 35 – Deregantsy 2; 36 – Grekhnevo; 37–38 – Muki-Kaksi 1–2; 39 – Motorki 2; 40 – Peshchera 1; 41 – Kordon; 42 – Bui 1.

родищ была отнесена к нижнекамскому варианту АКИО (Ванчиков, 1992, с. 77).

Вслед за В.В. Ванчиковым к данной проблеме обратилась Е.М. Черных, проведя анализ археологической карты распространения памятников АКИО в бассейне р. Вятки с учетом их археологической изученности и природно-географического фактора, она выделяет три крупных региональных группы, расположенных в: приустьевой части Вятки, ее нижнем течении (с притоком р. Пижда) и Средней Вятке, указывая на наибольшую плотность населения в среднем и нижнем течении р. Вятки, где заметны сгустки поселений (Митряков, Черных, 2014, с. 148).

Оба исследователя обращают внимание на сложность в выделении «гнезд» памятников АКИО в бассейне р. Вятки, в связи с их слабой археологической изученностью (Ванчиков, 1992, с. 78; Митряков, Черных, 2014, с. 148).

В общей сложности в бассейне р. Вятки известно 78 археологических памятников АКГШК (рис. 1), из 78 – 63 объекта относятся к поселенческим памятникам, остальные – местонахождения. В бассейне р. Ветлуги – 12, из них 8 городищ и 4 селища (рис. 2).

Данная работа основана на методике, разработанной Г. Е. Афанасьевым, И.И. Бахшиевым и т.д. (Афанасьев, 1989, 1990; Енуков, 2005; Бахшиев,

Рис. 2. Поселения АКГШК АКИО, бассейн р. Ветлуги. **Городища:** 1 – Шангское; 2 – Одоевское; 3 – Спасское; 4 – Федоровское (Чортово); 5 – Шилиха; 6 – Богородское; 7 – Троицкое; 8 – Русенихинское. **Селища:** 1 – Нагорское; 2 – Троицкое; 3 – Безводное; 4 – Красноборы VI.

Fig. 2. Settlements of the Ananyino combed and corded ware culture, the Vetluga river basin.
Hillforts: 1 – Shangskoe; 2 – Odoevskoe; 3 – Spasskoe; 4 – Fedorovskoe (Chortovo); 5 – Shilikha;
 6 – Bogorodskoe; 7 – Troitskoe; 8 – Rusenikha.

Settlements: 1 – Nagorskoe; 2 – Troitskoe; 3 – Bezvodnoe; 4 – Krasnobory 6.

2010). Кроме того, для лучшего понимания результатов проведенной работы, эти разработки были дополнены такими понятиями, как локальная и региональная группы.

На этих понятиях основана дифференциация памятников бассейна рек Вятки и Ветлуги по группам иерархически соподчиненных поселений, образующих ряд микрорегионов и отражающих в той или иной степени социально-экономическое и административное районирование данной территории с VIII–III вв. до н. э.

Под локальной группой (ЛГ) подразумеваются памятники, расположенные на небольшом (до 10 км) расстоянии друг от друга, и находящиеся в наиболее тесной степени взаимосвязи между собой, это иерархически соподчиненные населенные пункты. Иерархия в группе определяется наличием главного (центрального) и соподчиненных к нему поселений. Была определена 5-километровая зона хозяйственного освоения для каждого поселения из расчета одного часа спокойного пешего маршрута от границы поселения (Афанасьев, 1989, с. 5). Пересечение зон хозяйственного освоения стало определяющим фактором отношения поселения к локальной группе.

Концентрация памятников локальных групп поселений, расстояние между которыми варьировалось от 15 до 25 км, сосредоточенных на определенной территории, позволила выделить их в региональную группу. Особенностью выделения региональной группы (РГ) является фактор взаиморасположения локальных групп, когда эмпирически рассчитанное расстояние между центрами локальных групп превышает 40-кило-

метровый рубеж. Расстояние между региональными группами должно превышать 25 км. Одиночные памятники, находящиеся вне локальной группы, принимаются за условные центры еще не выявленных локальных групп.

В результате данного исследования была построена классификация памятников АКГШК бассейнов рек Вятки и Ветлуги. Самым низким уровнем этой классификации является отдельное поселение этой культуры. Объединение близкорасположенных поселений отнесено к более высокому уровню классификации – локальной группе. Объединение локальных групп относится к еще более высокому уровню классификации – региональной группе. Самым высоким уровнем типологии является объединение всех памятников АКГШК Вятки и Ветлуги.

Определение степени взаимодействия между поселениями АКГШК АКИО проводилось с учетом слабой археологической изученности бассейнов рек Вятка и Ветлуга и неравномерностью их распределения по данной территории (Клейн, 2010, с. 49).

Памятники АКИО бассейна р. Вятки

Исследование предполагало два этапа:

На первом этапе при выделении локальных групп памятников бассейна р. Вятки, у которых известна площадь, использовалась «гравитационная модель», по которой степень связей между населенными пунктами вычисляется по формуле:

$$M = S_1 S_2 / D^2,$$

где M – величина связи между поселениями, S_1 – площадь одного

поселения, S_2 – площадь второго поселения, D^2 – расстояние между сопоставляемыми поселениями в квадрате (Бахшиев, 2010, с. 75).

Остальные же памятники, площадь которых достоверно на сегодняшний день не известна, распределены как наиболее близкие по местоположению к центру ЛГ.

Если учитывать предположение В.В. Ванчикова о существовании части селищ до появления на данной территории городищ (Ванчиков, 1992, с. 78), то за основу локальной группы при определении гравитационной модели, следует взять наиболее крупные памятники, возле которых вполне могли образоваться «гнезда» ананьинских поселений.

Для выявления иерархической структуры ЛГ необходимо определить главное (центральное) поселение и иерархически соподчиненные. В порядке уменьшения размера по площади, все памятники были распределены на типы (рис. 3):

три типа городищ:

- 1) крупные 10000–5000 м²
- 2) средние 5000–2000 м²
- 3) малые 1000–400 м²

четыре типа селищ:

- 1) особо крупные 10000 м²
- 2) крупные 7000–4000 м²
- 3) средние 3500–1500 м²
- 4) малые 1000–300 м²

В результате мы получили 3 типа городищ (крупные – средние – малые) и четыре типа селищ (особо крупные – крупные – средние – малые). В дальнейшем при исследовании иерархической соподчиненности поселений в локальных группах данная типология была применена для выявления главного и иерархически соподчиненных к нему поселений.

С использованием географического взаиморасположения поселений был проведен расчет величины связи между ними (M), по отношению более крупных (центральных) к поселениям с меньшей площадью (иерархически соподчиненных). При этом условно в каждой локальной группе за центр бралось одно самое крупное по площади поселение. Локальные группы определялись с учетом наличия данных о площади поселения, т.к. это позволяет выделять «центр» данной группы памятников.

Для определения среднего расстояния между поселениями в пределах локальной группы некоторые поселения были объединены в агломерации, т.к. расстояние между этими памятниками является очень незначительным (< 0,5 км), то трудно говорить о них, как о совершенно самостоятельных населенных пунктах (Афанасьев, 1990, с. 55).

В результате измерений у 10 локальных групп памятников (рис. 4) удалось определить градацию коэффициентов гравитационных связей: слабая гравитационная связь с коэффициентами от 0,01 до 0,43; средняя связь – от 1,35 до 2,39; сильная – от 2,39 до 81,96; очень сильная степень взаимосвязи – 1260 (табл. 1). Дополнительно по компактному расположению было выявлено еще три локальных группы, у которых степень взаимосвязи между памятниками выявить не удалось, в связи с отсутствием данных об их площади.

1-я локальная группа состоит из 3-х городищ (Мамадышское, Грахань, Свиногорское (Каравашек)). Наиболее крупным памятником здесь является городище «Грахань», его площадь составляет 8576 м². В 5 км к

№	городища	площадь, м2	селища	%	площадь, м2
1	Мальковское	10000	Проходная Лоза	13,13025	10000
2	Грохань	8576	Буй I	13,13025	10000
3	Мамадышское	7200	Цепочкинское I	11,81723	7200
4	Свиногорское	5000	Этанцы II	7,878151	6000
5	Чижевское	4000	Тюм-Тюм III	6,565126	5000
6	Кривоборское	4000	Тюм-Тюм IV	6,565126	5000
7	Ройский Шихан	3600	Мотроки II	0,52521	5000
8	Пижемское	3500	Мысы III	5,514706	4200
9	Буйское	3000	Мысы IV	5,252101	4000
10	Никulichинское	3000	Шишкинское	4,595588	3500
11	Каракульское	2700	Черепановский Лог	3,939076	3000
12	Аргыжское	2500	Старобурецкое	3,676471	2800
13	Горское	2100	Цепочкинское II	3,282563	2500
14	Белоглазовское	2000	Муки-Какси I	2,62605	2000
15	Истобенское	1000	Мысы V	2,363445	1800
16	Лебяжское	1000	Малмыжское	1,969538	1500
17	Чутай 1	1000	Усть-Курьинское	1,969538	1500
18	Чутай 2	840	Покста II	1,969538	1500
19	Червяковское	600	Ботылинское IV	1,129202	860
20	Подрельское	500	Концовское	1,05042	800
21	Скорняковское	400	Малиновское	0,656513	500
22			Муки-Какси II	0,393908	300
23			Слудкинское		
24			Перебор		
25			Ключевское		
26			Арбажский Льнозавод		
27			Худяковское		
28			Нижнее Коропово		
29			Боровка I		
30			Мотоус		
31			Градобоево I		
32			Градобоево II		
33			Градобоево III		
34			Градобоево IV		
35			Махны		
36			Яговкинцы		
37			Дереганцы II		
38			Первомайское		
39			Грехневское		
40			Пещера I		
41			Кордон		
42			Дмитриевское		

Рис. 3. Площадь поселений АКГШК АКЦИО бассейна р. Вятки.

Fig. 3. Square measurements the Ananyino combed and corded ware culture settlements in the Viatka River basin.

северо-востоку от него располагается Свиногорское городище, оно относится к средним по площади памятникам (5000 м²), степень взаимосвязи между ними составляет 2.12. Мамадышское городище находится в значительном отдалении к северо-западу как от городища «Грахань» – 12 км, так и Свиногорского – 13 км. Т.к. поблизости

выше по течению Вятки памятников АКЦИО более не обнаружено, а отклонение от 10 км рубежа незначительное, было принято решение отнести Мамадышское городище к данной локальной группе, тем более что с географической точки зрения все перечисленные памятники располагаются в устье р. Вятка. Среднее расстояние

между памятниками данной группы составляет ~ 7,4 км.

2-я локальная группа располагается в 80 км от первой группы к северо-западу в нижнем течении р. Вятки. Состоит из городища (Каракульское) и двух селищ (Старобурецкое, Кордон). Городище Каракульское и селище «Кордон» определены как иерархически соподчиненные (подчинение двух или нескольких поселений одному главному) к Старобурецкому селищу как к самому крупному в данной группе по площади поселению (2800 м²). Коэффициент гравитационной связи определен между Каракульским городищем и Старобурецким селищем в 0,154, можно сделать вывод о слабой степени взаимосвязи между ними. В связи с отсутствием данных о площади селища «Кордон», степень его гравитационной связи определить не удалось. Основание для определения селища «Кордон» ко 2-й группе послужило его близкое расположение (7 км) к Каракульскому городищу. Среднее расстояние между памятниками данной группы составляет около 7 км.

3-я локальная группа располагается в 20 км к северо-западу от 2-й группы в нижнем течении р. Вятки. Состоит из одного селища (Малмыжское) и двух городищ (Чутай I–II). Центральным поселением здесь является Малмыжское селище, иерархически соподчиненные Чутайские городища (1000–840 м²), степень гравитационной связи между ними слабая, составляет 0,01. Географически городища расположены в 10 км к западу от Малмыжского селища, на мысовидных участках надпойменной террасы реки Кугуборки, правого притока р. Шошмы. Расстояние

между городищами не превышает 300 метров. В пределах группы выделена агломерация городищ Чутай I и Чутай II, расстояние между ними составляет 0,25 км.

Среднее расстояние между памятниками данной группы составляет ~ 10 км.

4-я локальная группа располагается в 17 км к северу от 3-й группы в нижнем течении р. Вятка. Состоит из 3-х селищ («Проходная Лоза», Усть-Курьинское, Дмитриевское) и одного городища (Аргыжское). Наиболее крупным является селище «Проходная Лоза», остальные поселения определены как иерархически соподчиненные. Сильная степень взаимосвязи (17,6) с селищем «Проходная Лоза» определена у Усть-Курьинского селища, Аргыжское городище слабо связано с центральным поселением (0,24). У Дмитриевского селища степень гравитационной связи определить не удалось, т.к. площадь памятника не известна. Оно располагается в 3-х км от Аргыжского городища и в 7 км от селища «Проходная Лоза», таким образом, является связующим звеном в 4-й локальной группе между двумя этими памятниками, расстояние между которыми превышает 10 км. Среднее расстояние между памятниками данной группы составляет примерно 3,7 км.

5-я локальная группа располагается в 17 км к северу от 4-й группы в нижнем течении р. Вятка. Состоит из пяти поселений: одного городища (Ройский Шихан) и 4-х селищ (Шишкинское, Черепановский Лог, Тюм-Тюм III–IV). Очень сильная степень взаимосвязи (1260) установлена между городищем «Ройский Шихан» и Шишкинским селищем, располагают-

Таблица 1

Памятники АКГШК АКЦИО бассейна р. Вятки.
Локальные группы и градация коэффициентов гравитационных связей

локальная группа	«центр»	Наиболее близкие к центру поселения	М (коэффициент гравитационной связи)
1	городище «Грахань»	Мамадышское городище Свиногорское (Каравашек) городище	0,43 2,12
2	Старобурецкое селище	Каракульское городище Селище «Кордон»	0,154 –
3	Малмыжское селище	городища «Чутай I-II»	0,01
4	Селище «Проходная Лоза»	Усть – Курьинское селище Аргыжское городище Дмитриевское селище	17,6 0,24 –
5	Городище «Ройский Шихан»	Шишкинское селище Селище «Черепановский Лог» Селище «Тюм-Тюм III» Селище «Тюм-Тюм IV»	1260 0,05 0,14 0,11
6	Мальковское городище	Цепочкинское I селище Цепочкинское II селище	4,4 1,35
7	Селище «Буй I»	Буйское городище Селище «Мысы III» Селище «Мысы IV» Селище «Мысы V» Малиновское селище Ботылинское селище	81,96 0,59 0,56 0,26 0,024 0,15
8	Белоглазовское городище	Лебяжское городище	0,025
9	Чижевское городище	Червяковское городище Никкульчинское городище Концовское селище	0,028 0,08 0,037
10	Селище «Моторки II»	Селище «Муки-Какси I» Селище «Муки-Какси II»	0,34 0,05

ся фактически в 100 м друг от друга, через овраг, целесообразно выделить их в агломерацию. По всей видимости, Шишкинское селище является сопутствующим городищу. Остальная группа селищ находится в отдалении (10 км) от городища, которое по своей площади (3600 м²) выделено как центральное поселение 5-й группы. Степень взаимосвязи между ними и городищем «Ройский Шихан» со-

ставляет 0,14–0,05. Между селищами Тюм-Тюм III-IV и Черепановский Лог тесная взаимосвязь (9–13). Среднее расстояние между памятниками данной группы составляет ~ 5 км.

6-я локальная группа располагается в 27 км к северо-западу относительно 5-й группы в среднем течении реки Вятки. Состоит из городища (Мальковское) и двух селищ (Цепочкинское I-II). Мальковское городище

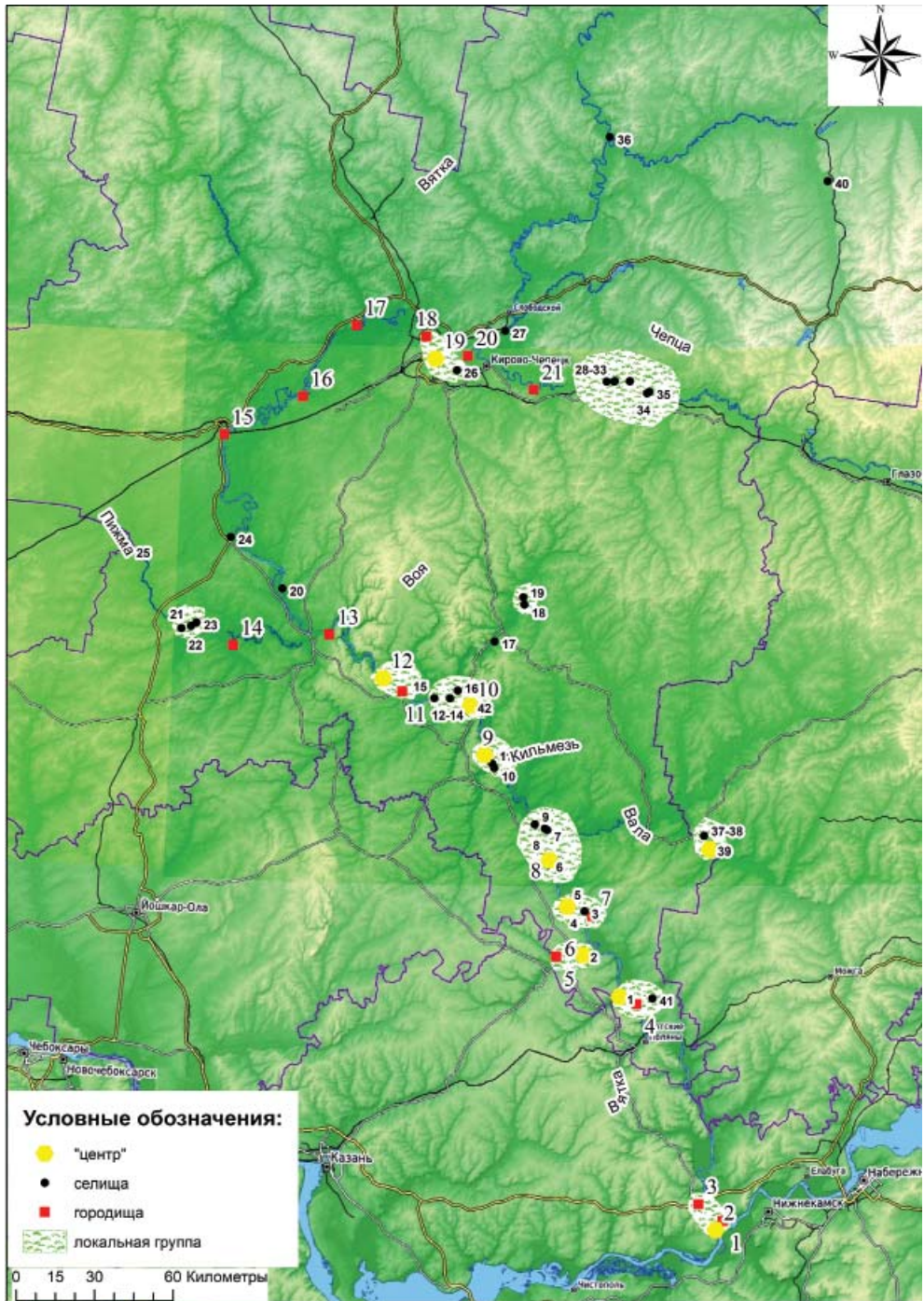

Рис. 4. Памятники АКГШК АКИО бассейн р. Вятки. Локальные группы.

Городища: 1 – Свиногорское; 2 – Грахань; 3 – Мамадышское; 4 – Каракульское; 5 – Чутай I; 6 – Чутай II; 7 – Аргыжское; 8 – Ройское; 9 – Мальковское; 10 – Буйское; 11 – Лебяжское; 12 – Белоглазовское; 13 – Пижемское; 14 – Горское; 15 – Скорняковское; 16 – Истобенское; 17 – Подрельское; 18 – Червяковское (Филейское);

19 – Чижевское; 20 – Никульчинское; 21 – Кривоборское.

Селища: 1 – Старобурецкое; 2 – Малмыжское; 3 – Дмитриевское; 4 – Проходная Лоза; 5 – Усть-Курынское; 6 – Шишкинское; 7 – Тюм-Тюмское III; 8 – Тюм-Тюмское IV; 9 – Черепановский Лог; 10 – Цепочкино I; 11 – Цепочкино II; 12–14 – Мысы III–V; 15 – Малиновское; 16 – Ботылинское; 17 – Ключевское; 18 – Слудкинское; 19 – Перебор; 20 – Нижнее Коропово; 21 – Худяковское; 22 – Покста II; 23 – Арбажский Льнозавод; 24 – Боровка I; 25 – Этанцы II; 26 – Концовское селище; 27 – Первомайское; 28 – Мотоус; 29 – Градобоево I; 30 – Градобоево II; 31 – Градобоево III; 32 – Градобоево IV; 33 – Махны; 34 – Яговкинцы; 35 – Дереганцы II; 36 – Грехневское; 37–38 – Муки-Какси I–II; 39 – Моторки II; 40 – Пещера I; 41 – Кордон; 42 – Буй I.

Fig. 4. Sites of the Ananyino combed and corded ware culture in the Viatka river basin. Local groups.

Hillforts: 1 – Svine Gory; 2 – Grakhan'; 3 – Mamadysh; 4 – Karakul'; 5 – Chutai 1; 6 – Chutai 2; 7 – Argyzh; 8 – Roiskii Shikhhan; 9 – Mal'kovo; 10 – Bui; 11 – Lebiashie; 12 – Beloglazovo; 13 – Pizhma; 14 – Gory; 15 – Skorniaki 16 – Istobensk; 17 – Podrelie; 18 – Cherviakovo; 19 – Chizhi; 20 – Nikul'chino; 21 – Krivoi Bor.

Settlements: 1 – Staryi Burets; 2 – Malmyzh; 3 – Dmitrievskoye; 4 – Prokhodnaia Loza; 5 – Ust'-Kuria; 6 – Shishkino; 7 – Tium-Tium 3; 8 – Tium-Tium 4; 9 – Cherepanovskii Log; 10 – Tsepochkino 1; 11 – Tsepochkino 2; 12–14 – Mysy 3–5; 15 – Malinovka; 16 – Botyli; 17 – Kliuchi; 18 – Sludkino; 19 – Perebor; 20 – Nizhnee Koropovo; 21 – Khudiakovo; 22 – Poksta 2; 23 – Arbazhskii L'nozavod; 24 – Borovka 1; 25 – Etantsy 2; 26 – Konets; 27 – Pervomaiskoe; 28 – Motous; 29 – Gradoboevo 1; 30 – Gradoboevo 2; 31 – Gradoboevo 3; 32 – Gradoboevo 4; 33 – Makhny; 34 – Iagovkintsy; 35 – Deregantsy 2; 36 – Grekhnevo; 37–38 – Muki-Kaksi 1–2; 39 – Motorki 2; 40 – Peshchera 1; 41 – Kordon; 42 – Bui 1.

является самым крупным городищем в бассейне р. Вятки, его площадь составляет 10000 м². Цепочкинские селища являются соподчиненными городищу, находятся от него в пределах 4–6 км. Коэффициент гравитационной связи между селищами и городищем от 1,35–4,4, т.е. связь средняя. Среднее расстояние между памятниками данной группы составляет ~ 3,2 км.

7-я локальная группа располагается в 20 км к северу от 6-й группы в среднем течении р. Вятки. Состоит из одного городища (Буйское) и пяти селищ (Буй I, Мысы III–V, Малиновское, Ботылинское). Селище Буй I выделено как центр данной группы, его площадь составляет 10000 м². Ему сопутствует Буйское городище, между ними выявлена сильная степень взаимосвязи (81,96). Селища Мысы III–V,

Малиновское и Ботылинское находятся от 8–14 км от селища Буй I, степень взаимосвязи центра и обозначенных селищ варьируется 0,59–0,024. Наиболее дальнее от центра поселение – Малиновское селище (14 км). Связующим звеном между центром и этим селищем являются поселения Мысы III–V, которые находятся в 8,5 км от главного селища Буй I. При этом Мысы III–V можно выделить в агломерацию, т.к. расстояние между ними не превышает 0,5 км. Среднее расстояние между памятниками данной группы составляет ~ 4,7 км.

8-я локальная группа располагается в 13 км к северо-западу от 8-й группы в среднем течении р. Вятка. Состоит из двух городищ (Лебяжское, Белоглазовское). Белоглазовское городище здесь является центральным,

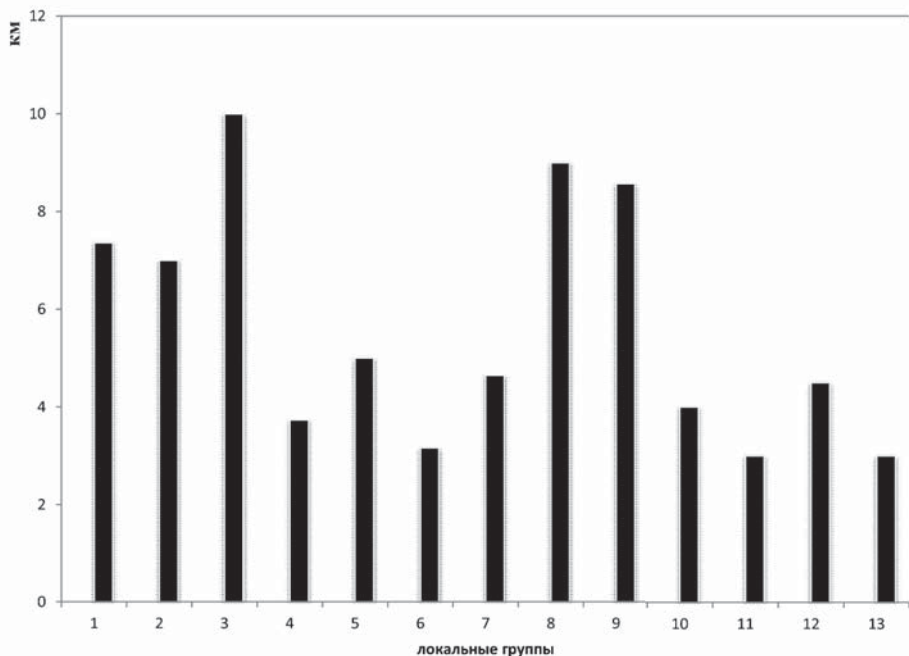

Рис. 5. Среднее расстояние между поселениями в локальных группах в бассейне р. Вятки.

Fig. 5. The average distance between settlements in the local groups in the Viatka river basin.

его площадь составляет 2000 м², по типологии относится к средним городищам, а Лебяжское – к малым городищам (1000 м²), соответственно является иерархически соподчиненным. Степень взаимосвязи между ними слабая (0,025), при их относительно небольшой площади расстояние между ними составляет около 9 км. Среднее расстояние между памятниками данной группы составляет ~ 9 км.

9-я локальная группа находится в верховьях р. Вятка, от предыдущей группы отделена расстоянием практически в 200 км. Состоит из 3-х городищ (Червяковское, Чижевское, Никульчинское) и одного селища (Концовское). Центральное место здесь занимает Чижевское городище (4000 м²). Степень взаимосвязи у выделенных в 9-ю группу памятников по

отношению к центральному городищу слабая (0,08–0,028). Самое дальнее от центра поселение – Никульчинское городище (13 км). Связующим звеном между ним и Чижевским городищем является Концовское селище, которое располагается в 9 км от Чижевского и в 7 км от Никульчинского городища. Среднее расстояние между памятниками данной группы составляет ~ 8,6 км.

10-я локальная группа расположена в 50-ти км от 4-й группы к востоку. Состоит из трех селищ (Моторки II, Муки-Какси I-II), располагаются памятники данной группы по берегам р. Вала, притока р. Кильмезь. В связи с ее отдаленным расположением от других локальных групп, целесообразно выделять ее в региональную группу. Центральным селищем явля-

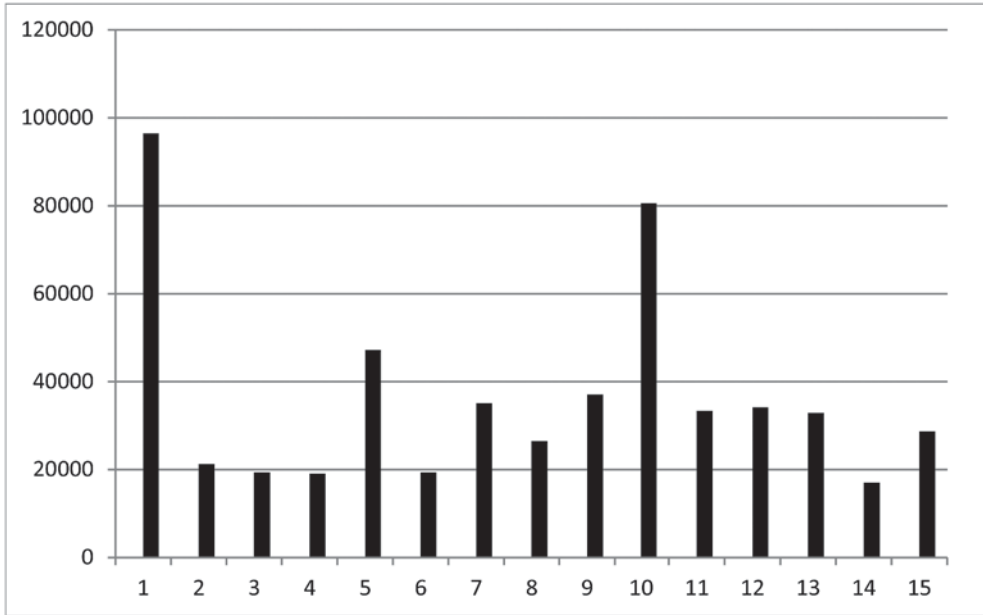

Рис. 6. Гистограмма зависимости между количеством условных «центров» и расстоянием между ними. 1 – Грахань – Старобурецкое; 2 – Старобурецкое – Малмыжское; 3 – Малмыжское – Проходная Лоза; 4 – Проходная Лоза – Ройский Шихан; 5 – Ройский Шихан – Мальковское; 6 – Мальковское – Буй I; 7 – Буй I – Белоглазовское; 8 – Белоглазовское – Пижемское; 9 – Пижемское – Горское; 10 – Горское – Скорняковское; 11 – Скорняковское – Истобенское; 12 – Истобенское – Подрельское; 13 – Подрельское – Чижевское; 14 – Чижевское – Никульчинское; 15 – Никульчинское – Кривоборское.

Примечание: участок – это расстояние между условными «центрами».

Fig. 6. Histogram of the relation between the number of conditional "centers" and the distance between them. 1 – Grakhan' – Staryi Burets; 2 – Staryi Burets – Malmyzh; 3 – Malmyzh – Prokhodnaia Loza; 4 – Prokhodnaia Loza – Roiskii Shikhan; 5 – Roiskii Shikhan – Mal'kovo; 6 – Mal'kovo – Bui 1; 7 – Bui 1 – Beloglazovo; 8 – Beloglazovo – Pizhma; 9 – Pizhma – Gory; 10 – Gory – Skorniaki; 11 – Skorniaki – Istobensk; 12 – Istobensk – Podrelie; 13 – Podrelie – Chizhi; 14 – Chizhi – Nikul'chino; 15 – Nikul'chino – Krivoi Bor.

Note: the plot is the distance between the conventional "centers".

ется селище Моторки II, Муки-Какси I-II иерархически соподчиненные. Степень взаимосвязи с центром слабая (0,34–0,05). Среднее расстояние между памятниками данной группы составляет около 4 км.

11-я локальная группа расположена вдоль побережья р. Пижма, правого притока р. Вятки, на расстоянии около 75 км от 8-й группы. Состоит из трех селищ (Худяковское, Арбажский Лынозавод, Покста II). Площадь известна только у одного из памятников

данной группы – Покста II. Его условно примем за центральный памятник группы. Указанные выше поселения располагаются в пределах 7-километровой зоны, в связи с этим обстоятельством они были выделены в отдельную группу. Среднее расстояние между памятниками данной группы составляет примерно 3 км.

12-я локальная группа состоит из селища (Мотоус, Градобоево I-IV, Махны, Яговкинцы, Дереганцы II), максимальное расстояние между

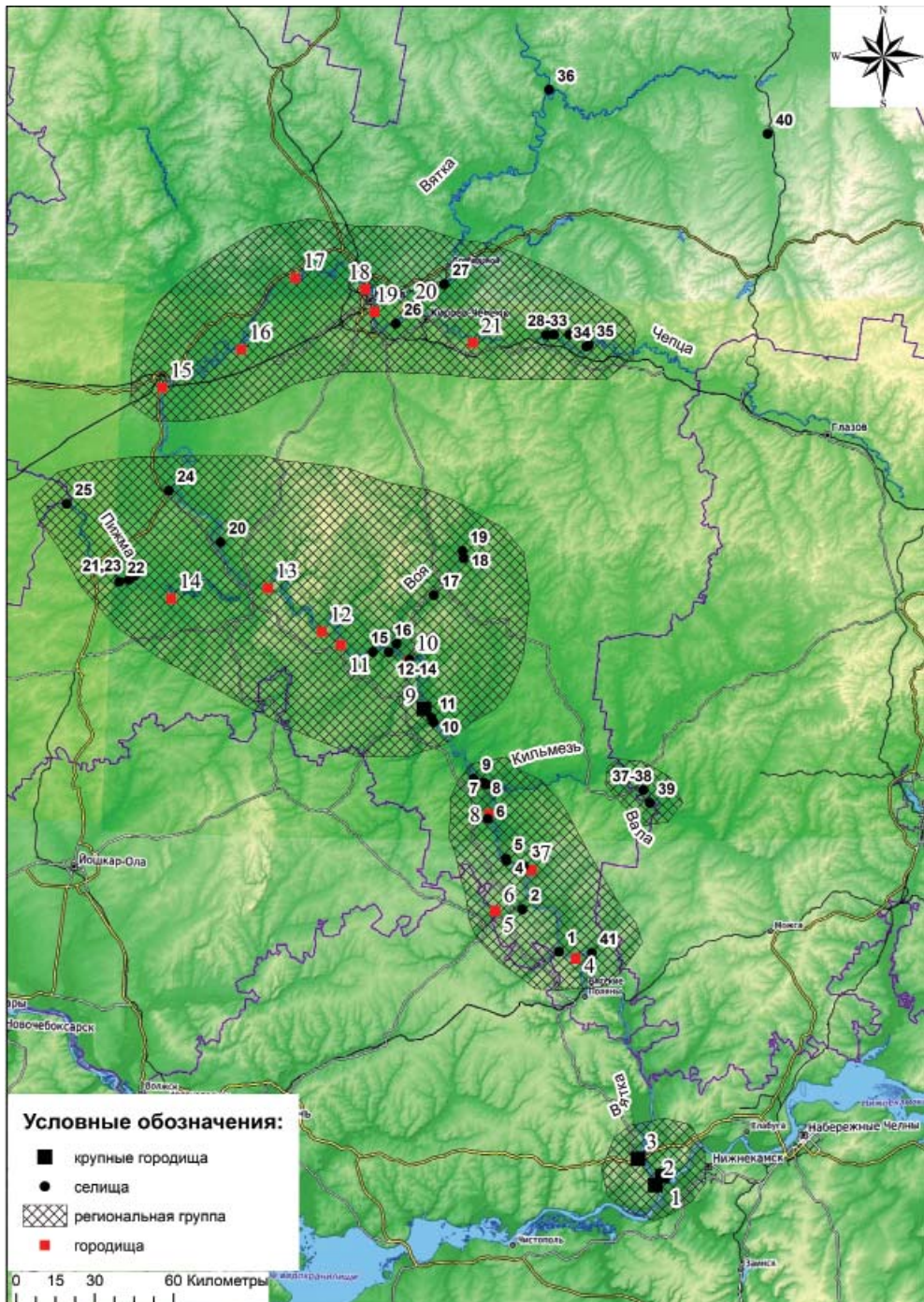

Рис. 7. Памятники АКГШК АКИО бассейна р. Вятки. Региональные группы.

Городища: 1 – Свиногорское; 2 – Грахань; 3 – Мамадышское; 4 – Каракульское; 5 – Чутай I; 6 – Чутай II; 7 – Аргыжское; 8 – Ройское; 9 – Мальковское; 10 – Буйское; 11 – Лебяжское; 12 – Белоглазовское; 13 – Пижемское; 14 – Горское; 15 – Скорняковское; 16 – Истобенское; 17 – Подрельское; 18 – Червяковское(Филейское); 19 – Чижевское; 20 – Никульчинское; 21 – Кривоборское.

Селища: 1 – Старобурецкое; 2 – Малмыжское; 3 – Дмитриевское; 4 – Проходная Лоза; 5 – Усть- Курьинское; 6 – Шишкинское; 7 – Тюм-Тюмское III; 8 – Тюм-Тюмское IV; 9 – Черепановский Лог; 10 – Цепочкино I; 11 – Цепочкино II; 12–14 – Мысы III–V; 15 – Малиновское; 16 – Ботылинское; 17 – Ключевское; 18 – Слудкинское; 19 – Перебор; 20 – Нижнее Коропово; 21 – Худяковское; 22 – Покста II; 23 – Арбазский Льнозавод; 24 – Боровка I; 25 – Этанцы II; 26 – Концовское; 27 – Первомайское; 28 – Мотоус; 29 – Градобоево I; 30 – Градобоево II; 31 – Градобоево III; 32 – Градобоево IV; 33 – Махны; 34 – Яговкинцы; 35 – Дереганцы II; 36 – Грехневское; 37–38 – Муки-Какси I–II; 39 – Моторки II; 40 – Пещера I; 41 – Кордон; 42 – Буй I.

Fig. 7. Sites of the Ananyino combed and corded ware culture in the Viatka river basin.

Regional groups. **Hillforts:** 1 – Svinye Gory; 2 – Grakhan'; 3 – Mamadysh; 4 – Karakul'; 5 – Chutai 1; 6 – Chutai 2; 7 – Argyzh; 8 – Roiskii Shikhan; 9 – Mal'kovo; 10 – Bui; 11 – Lebiazhie; 12 – Beloglazovo; 13 – Pizhma; 14 – Gory; 15 – Skorniaki; 16 – Istobensk; 17 – Podrelie; 18 – Cherviakov; 19 – Chizhi; 20 – Nikul'chino; 21 – Krivoi Bor.

Settlements: 1 – Staryi Burets; 2 – Malmyzh; 3 – Dmitrievskoe; 4 – Prokhodnaia Loza; 5 – Ust'-Kuria; 6 – Shishkino; 7 – Tium-Tium 3; 8 – Tium-Tium 4; 9 – Cherepanovskii Log; 10 – Tsepochkino 1; 11 – Tsepochkino 2; 12–14 – Mysy 3–5; 15 – Malinovka; 16 – Botyli; 17 – Kliuchi; 18 – Sludkino; 19 – Perebor; 20 – Nizhnee Koropovo; 21 – Khudiakov; 22 – Poksta 2; 23 – Arbazhskii L'nozavod; 24 – Borovka 1; 25 – Etantsy 2; 26 – Konets; 27 – Pervomaiskoe; 28 – Motous; 29 – Gradoboevo 1; 30 – Gradoboevo 2; 31 – Gradoboevo 3; 32 – Gradoboevo 4; 33 – Makhny; 34 – Iagovkintsy; 35 – Deregantsy 2; 36 – Grekhnevo; 37–38 – Muki-Kaksi 1–2; 39 – Motorki 2; 40 – Peshchera 1; 41 – Kordon; 42 – Bui 1.

которыми не превышает 10 км, место расположения – среднее течение р. Чепца в 40 км от 9-й локальной группы. Т.к. площадь памятников неизвестна, выделение их в одну группу происходило по принципу их компактного разморасположения. Поселения Градобоево I–IV выделены в агломерацию, в связи с их тесным разморасположением в радиусе 0,5 км. Среднее расстояние между памятниками данной группы составляет примерно 4,5 км.

К 13-й локальной группе относятся селища (Слудкинское, Перебор), расстояние между ними не превышает 2 км, место расположения – среднее течение р. Воя в 40 км от 7-й локальной группы. Т.к. площадь памятников неизвестна, выделение их в одну группу происходило

по принципу их компактного разморасположения. Среднее расстояние между памятниками данной группы составляет ~ 3 км.

Если обратиться к составу локальных групп, то здесь присутствуют группы, которые состоят только из городищ (1,8 ЛГ), либо только из селищ (10–13 ЛГ). В остальных локальных группах встречается и тот и другой тип поселения. Выделяется присутствие городища и сопутствующего ему селища. В 50% выделенных локальных групп, в которых присутствует и тот и другой вид поселений (как городище, так и селище), заметна сильная и очень сильная степень взаимосвязи между ними (табл. 1).

Судя по среднему расстоянию между поселениями в локальных группах (рис. 5), мы видим, что наиболее плот-

ное их расположение зафиксировано в нижнем и среднем течении р. Вятки (4–7 ЛГ), а также на ее притоках – р. Кильмезь, Воя, Пижма, Чепца (10–13 ЛГ). Расстояние это составляет не менее 3-х км холмистой, залесенной местности, на которой часто встречаются балки и овраги, данное обстоятельство не могло не препятствовать тесному взаимодействию населения, проживающего в этих локальных группах. В связи с данной ситуацией говорить о тесных взаимосвязях населения, выделенных по наибольшей плотности расположения памятников локальных групп, преждевременно.

Далее в процессе проведения гравиационных исчислений на исследуемой территории были зафиксированы отдельные поселения, расположенные в определенной отдаленности от локальных групп (>15 км). Данный факт предопределил сложность отнесения этих памятников к вышеупомянутым группам, в соответствии с чем эти поселения охарактеризованы как одиночные. Общее число таких памятников 13–6 городищ (Пижемское, Горское, Скорняковское, Истобенское, Подрельское I, Кривоборское), 7 селищ (Ключевское, Нижнее Коропово, Боровка I, Этанцы II, Первомайское, Грехневское, Пещера I).

При анализе географического расположения локальных групп выделяются усть-вятские, нижневятские, средневятские и верхневятские.

Учитывая данные географические особенности распределения поселений АКГШК АКИО, попробуем выделить более крупные региональные группы.

Большая часть поселений занимают мысовидные площадки надпой-

менных террас р. Вятки и ее притоков (Пижма, Чепца, Воя, Кильмезь), исключением являются селища: Проходная Лоза, Усть-Курьинское, Цепочкинское I, Слудкинское, Худяковское, Этанцы II, Нижнее Коропово, Яговкинцы, Первомайское, которые располагаются на террасах. Для городищ, которые расположены в нижнем и среднем течении р. Вятки, «характерны короткие и широкие, прямоугольные в плане площадки мысов и курганообразные валы «шиханы» с отношением ширины к длине 1:1» (Ванчиков, 1992, с. 77; Черных, 2014, с. 150).

В верхнем течении р. Вятки, выше устья Пижмы, стрелки мысов городищ подтреугольной формы, часто валом в виде дуги. Размещаются на мысах открытых к реке высоких террас вблизи крупных притоков (Чепца, Пижма, Молома). По мнению Е.М. Черных, эти городища, «по-видимому, имели стратегическое значение для данной местности» (Черных, 2014, с. 150).

По высотным отметкам относительно уровня реки среди городищ, закономерностей их расположения с юга на север не выявлено, средняя высота над уровнем реки составляет ~ 26 м (рис. 8 а).

Селища в основном располагаются на низких надпойменных террасах (2–5 м над уровнем реки) с естественными обильными пастбищами, исключением здесь являются 5–7 локальных групп, средняя высота селищ над уровнем реки обозначенных выше групп определена в 14,5 м (рис. 8 б). Расположение большей части поселений на низких надпойменных террасах, и наличие естественных пастбищ должны были способствовать развитию животноводства у про-

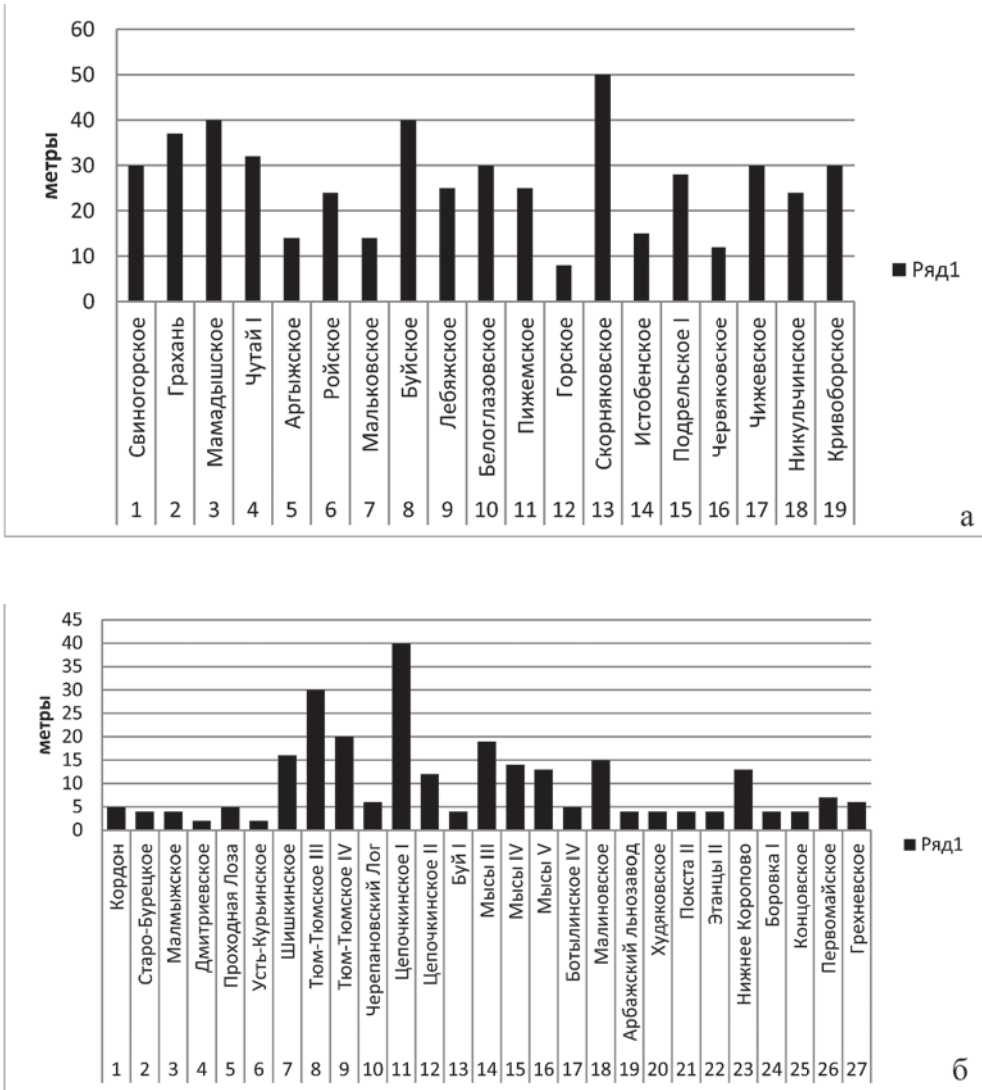

Рис. 8. График распределения высотных отметок памятников бассейна р. Вятка, с юга на север: а – городища; б – селища.

Fig. 8. Distribution graph of the elevations of the sites in the Viatka river basin, from South to North: a – hillforts; b – settlements.

живающего здесь ананьинского населения (Чижевский, 2010, с. 29). Более высокое расположение селищ относительно реки и связанные с данным обстоятельством трудности при выпасе скота к водопою, возможно, являлись показателем земледельческой направленности хозяйства.

На заключительном этапе осуществлялось выделение более крупных региональных групп, за счет определения расстояния между выявленными центрами, а также городищами, площадь которых известна. Попробуем выстроить график закономерностей их размещения (Енуков, 2005, 94; рис. 23).

Исходя из данных графика и компактного расположения археологических памятников, было выделено пять участков концентрации поселений (РГ) АКИО, расстояние между которыми превышает 40 км: 1-я гр. – усть-вятская (1 ЛГ); 2-я гр. нижневятская (2–5, 13 ЛГ); 3 гр. – средневятская (6–8, 11, 12 ЛГ); 4 гр. – верхневятская (9, 12 ЛГ); 5 гр. – кильмезская (10 ЛГ) (рис. 6, 7).

Таким образом, с помощью математических и статистических исследований близкорасположенные друг от друга памятники были отнесены к локальной группе, которая, видимо, объединяла поселения одной родовой группы. На следующем этапе классификации была выделена региональная группа памятников как объединение нескольких локальных групп в пределах определенной территории – предположительно это были поселения одного племени. И самым высоким или общим уровнем типологии стали все поселения АКГШК, которые можно соотнести с объединением поселений союза племен.

Исходя из выявленных закономерностей распределения населения АКГШК в бассейне р. Вятка можно сделать вывод, что наиболее плотно была заселена ее центральная часть. Наиболее крупными агломерациями памятников здесь были нижневятская и средневятская региональные группы. По площади и географическому расположению в данных группах выделяются три крупных (центральных) поселения площадью 10000 м² – селища Проходная Лоза (нижневятская РГ), Буй I и Мальковское городище (средневятская РГ), которые предположительно доминировали в данных региональных группах. Мальковское

городище условно можно определить как центральное, к которому тяготели все остальные поселения средневятской региональной группы. По результатам проведенных раскопок был определен хронологический диапазон существования городища – VII–IV вв. до н. э. (Архипов, 1962, с. 207). Для селища Буй I, время существования предварительно определено началом РЖВ и площадь его варьируется по материалам разных лет от 1600 до 10000 м² (Ванчиков, 1992, с. 88), в связи с данным обстоятельством будет целесообразно выделить Мальковское городище как доминирующее в средневятской РГ. Выделение региональных центров в усть-вятской и верхневятской группах не является целесообразным, т.к. усть-вятская РГ фактически образуется локальной группой из трех памятников (Грахань, Свиногорское (Каравашек), Мамдышское), а верхневятскую группу образуют 9-я и 12 ЛГ и одиночные поселения, расстояние между которыми не превышает 40-километровый рубеж. Для выявления таких центров у усть-вятской и верхневятской региональных групп АКИО в бассейне р. Вятки необходимы дальнейшие исследования и выявление новых памятников.

Памятники бассейна р. Ветлуги

В русле реки Ветлуга, протяженностью 889 км, на сегодняшний день известно 12 археологических памятников АКГШК АКИО.

В связи с их малочисленностью, в бассейне р. Ветлуги выявлена одна локальная группа (рис. 9), которая состоит из четырех памятников: двух селищ (Троицкое, Безводное) и двух городищ (Троицкое и Руссенихинское), расположенных в пределах от 0,5–8,7 км.

В данном комплексе выделяется агломерация из Троицкого городища (высота над уровнем реки 35 м) и сопутствующего ему Троицкого селища (высота над уровнем реки 24 м), расстояние между ними не превышает 0,5 км. Среднее расстояние между памятниками выделенной группы составляет 4 км. Троицкая агломерация здесь занимает центральное положение (общая площадь 3000 м²), иерархически соподчиненным к ней является Руссенихинское городище (400 м²), высота относительно уровня реки 32 м; к сожалению, данные о площади селища «Безводное» отсутствуют. Данная локальная группа располагается в низовьях реки Ветлуги и выделяется в региональную группу, т.к. остальные памятники АКГШК бассейна р. Ветлуги расположены от нее на значительном расстоянии (50–80 км). Другие археологические памятники, расположенные в бассейне р. Ветлуги, зафиксированы как отдельные поселения, не образующие локальные группы, т.к. расстояние между ними превышает 30 км. Таких памятников всего насчитывается восемь: два селища (Нагорское (высота относительно реки 8 м), Красноборы VI (высота относительно реки 4,5 м) и шесть городищ (Богородское (высота относительно реки 36 м), Шилиха (высота относительно реки 40 м), Федоровское (Чортово) (высота относительно реки 21 м), Одоевское (высота относительно реки 20 м), Спасское (высота относительно реки 22 м), Шангское (высота относительно реки 20 м). Все указанные памятники небольшие по своим размерам, их площадь не превышает 2000 м². Среди них наиболее крупное – это Федоровское (Чортово) городище, его площадь

составляет 1850 м². Тем не менее под понятие региональной группы попадают три памятника среднего течения р. Ветлуги, близко расположенных друг к другу (Спасское, Федоровское (Чортово), Шилиха). Среднее расстояние между ними ~ 32 км (рис. 10). Т.е. не превышает 40-километровый рубеж, который свойственен эмпирически выделенному расстоянию между региональными группами бассейна р. Вятки. Соответственно следует отнести данные памятники к отдельной средневетлужской региональной группе АКГШК АКИО бассейна р. Ветлуги. Данные о высоте поселений относительно реки закономерности не показывают (рис. 10). Высотные отметки расположения селищ варьируются от 4 до 24 м, городищ – от 20 до 40 м.

Таким образом, в результате исследований бассейна р. Ветлуги выделяется одна локальная и две региональные группы: нижневетлужская и средневетлужская, еще пять поселений (селища: Нагорное и Красноборы IV; городища: Одоевское, Богородское и Шангское) являются одиночными (расстояние между ними превышает 40 км). Каких-либо закономерностей по высоте относительно реки у ветлужских поселений не наблюдается, следовательно, делать выводы о групповой хозяйственной специализации преждевременно.

Несмотря на то что расстояние между памятниками АКГШК бассейнов рр. Ветлуги и Вятки составляет не менее 100 км (наиболее близко расположенные поселения: Федоровское (Чортово) городище (бас. Ветлуги) – селище Этанцы II (бас. Вятки)), они едины в своей материальной культуре и имеют все признаки АКИО. Основ-

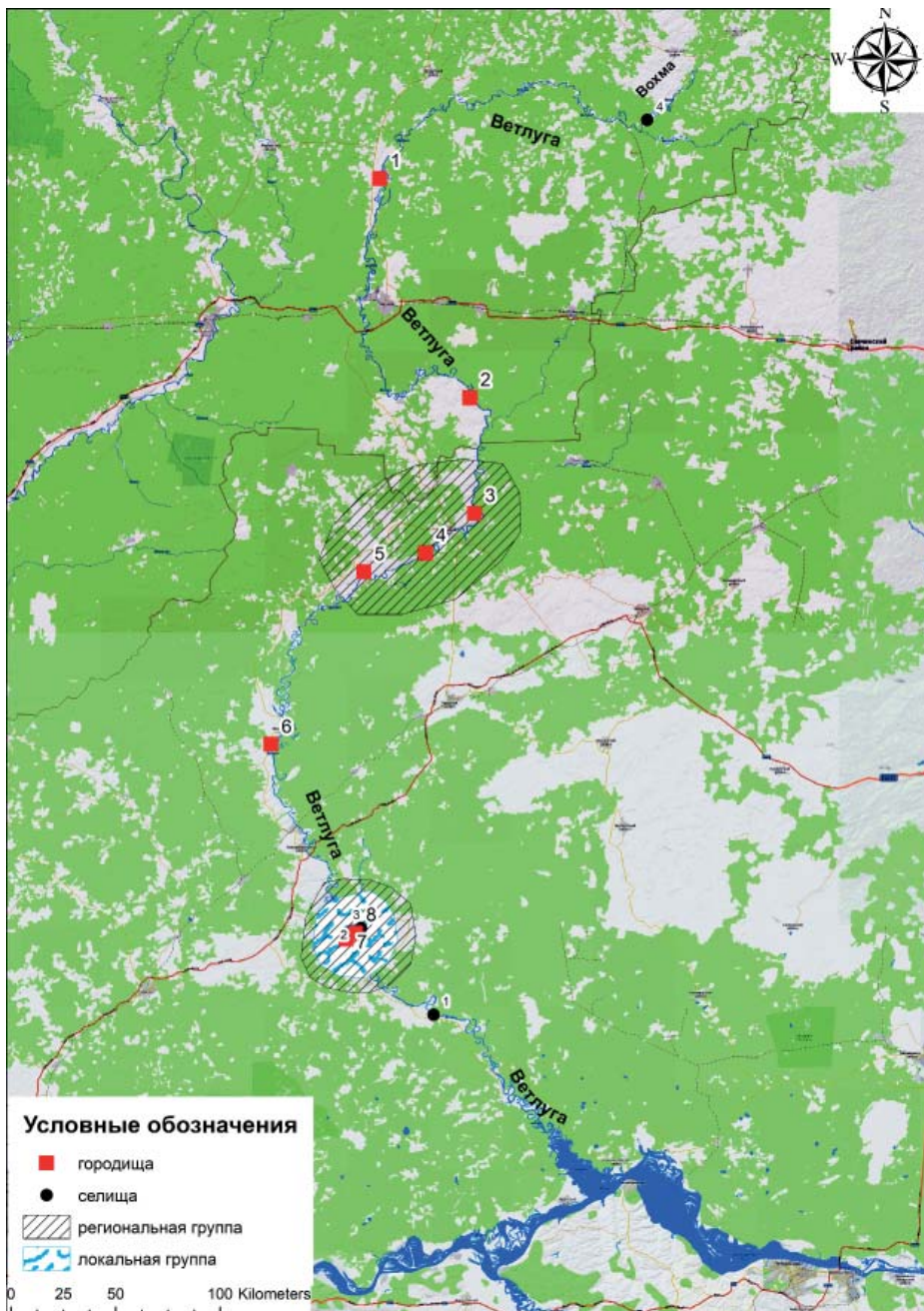

Рис. 9. Памятники АКГШК АКЦИО бассейн р. Ветлуги. Локальные группы.

Городища: 1 – Шангское; 2 – Одоевское; 3 – Спасское; 4 – Федоровское (Чортово); 5 – Шилиха; 6 – Богородское; 7 – Русенихинское; 8 – Троицкое.

Селища: 1 – Нагорское; 2 – Троицкое; 3 – Безводное; 4 – Красноборы VI.

Fig. 9. Sites of the Ananyino combed and corded ware culture in the Vetluga river basin. Local groups.

Hillforts: 1 – Shangskoe; 2 – Odoevskoye; 3 – Spasskoe; 4 – Fedorovskoe (Chortovo); 5 – Shilikha; 6 – Bogorodskoe; 7 – Rusenikha; 8 – Troitskoe.

Settlements: 1 – Nagorskoe; 2 – Troitskoe; 3 – Bezzvodnoe; 4 – Krasnobory 6.

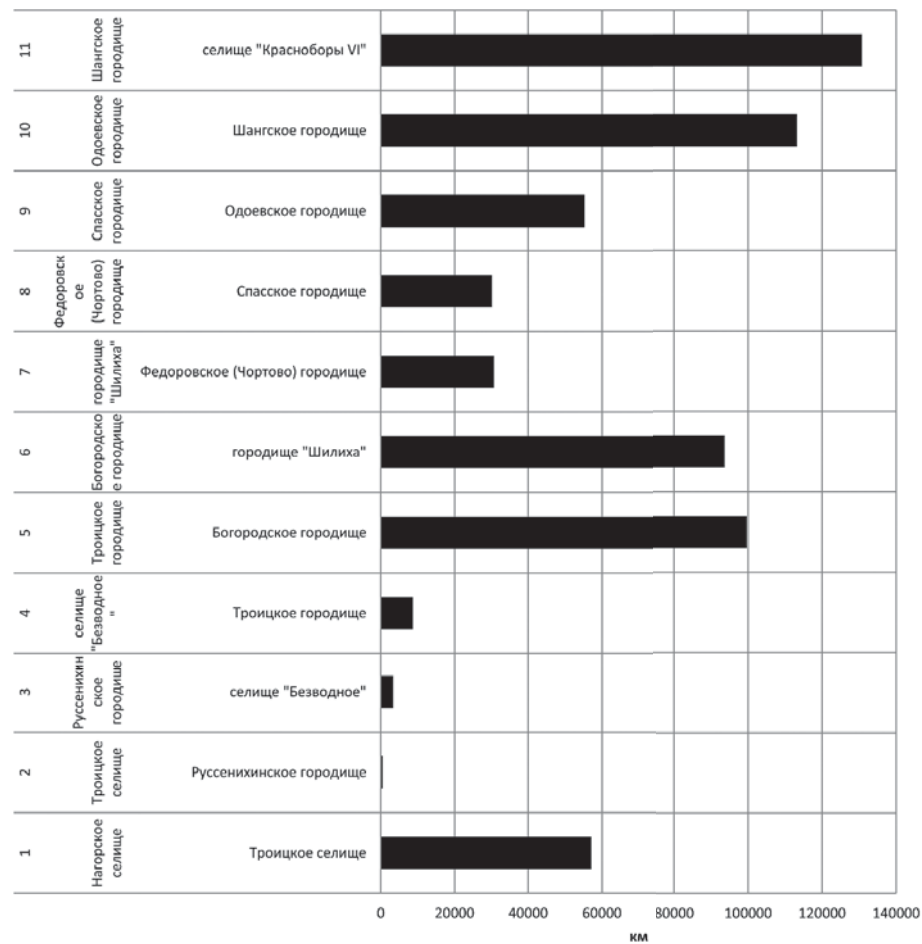

Рис. 10. Среднее расстояние между поселениями в бассейне р. Ветлуга.

Fig. 10. The average distance between the settlements in the Vetluga river basin.

ными признаками, объединяющими культуру бассейна р. Вятки и Ветлуги, являются преобладание гребенчато-шнуровой орнаментации в керамическом комплексе поселений и наличие кельтов с шестигранной втулкой типа КАН-90 (Кузьминых, Чижевский, 2008, с. 35).

Общим для поселений бассейнов рр. Вятки и Ветлуги является структура агломерации поселений (городище и сопутствующее ему селище): на Вятке это Буйское городище и Шишкин-

ское селище (расстояние между ними не превышает 0,5 км), а на Ветлуге Троицкое городище и одноименное с ним селище (расстояние между ними не превышает 0,5 км). К сожалению, в связи со слабой изученностью бассейна р. Ветлуги другие черты сходства в структуре расселения представителей АКГШК выявить не удалось.

Выводы:

1) проведенные исследования позволили выявить 13 локальных групп в пределах бассейна р. Вятки (рис. 4).

Внутри этих групп памятники удалось распределить по размерам, составу и географическому размещению:

– по размерам в порядке их уменьшения было выделено 3 типа городищ (крупное – среднее – малое) и 4 типа селищ (особо крупные – крупные – средние – малые) (рис. 1, 3),

– по составу – локальные группы из городищ, из селищ и смешанные из городищ и селищ (рис. 4),

– по географическому расположению: усть-вятские, нижневятские, средневятские, верхневятские;

2) при изучении распределения локальных групп путем сопоставления данных о расстоянии между ними было выявлено пять региональных групп: усть-вятская, нижневятская, средневятская, верхневятская и кильмезская (рис. 7);

3) исходя из выявленных закономерностей распределения населения АКГШК в бассейне р. Вятка можно сделать вывод о том, что наиболее плотно была заселена ее центральная часть. Наиболее крупными агломерациями памятников (региональными группами) здесь были нижневятская и средневятская региональные группы;

4) в результате анализа площади и географического расположения ананьинских памятников бассейна р. Вятка в пределах вышеуказанных

двух региональных групп (нижневятская и средневятская) были выделены центральные (наиболее крупные – 10 000 м²) в региональном масштабе поселения. В нижневятской – это селище «Проходная Лоза», а в средневятской – Мальковское городище;

5) по географическому расположению ананьинских поселений сопоставляя высотные отметки относительно реки сделали предположение о хозяйственной специализации селищ бассейна р. Вятки. Выделены две группы селищ (рис. 8 б). К первой группе относятся памятники, расположенные на низкой надпойменной террасе, что характерно для скотоводческой формы хозяйства, вторая группа занимает более высокие мысовые участки, которые создавали определенные трудности для выпаса скота; возможно, для населения этих селищ более характерно было земледелие;

6) в бассейне Ветлуги выделяется локальная группа памятников и две региональных (нижневетлужская и средневетлужская) (рис. 9). В пределах локальной группы, которая фактически образовала региональную (нижневетлужскую), выделяется Троицкая агломерация, состоящая из селища и городища, расстояние между которыми не превышает 0,5 км.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г.А.* Мальковское городище // Железный век Марийского края. / Тр. МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1962. С. 204–207.
2. *Бахшиев И.И.* Культурное взаимодействие населения Башкирского Зауралья в эпоху бронзы (по материалам поселенческих памятников). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2010. 24 с.
3. *Ванчиков В.В.* Памятники ананьинского времени бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский университет, 1992. С. 72–94.
4. *Енуков В.В.* Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. 352 с.
5. *Клейн Л.С.* Формула Монтелиуса (шведский рационализм в археологии Мальмера). Донецк: Донецкий национальный университет, 2010. 258 с.

6. Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 8. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 29–55.

7. Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 136 с.

8. Митряков А.Е., Черных Е.М. Вятские древности начала железного века: полтора столетия после открытия культуры «костеносных городищ // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 147–186.

9. Чижевский А.А. Гулюковская III стоянка: экологическая адаптация и факторы хозяйственно-культурного развития // Уральский исторический вестник № 2 (27). Екатеринбург, 2010. С. 25–30.

10. Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) // Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Информация об авторе:

Оруджов Эдуард Игоревич, лаборант-исследователь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Россия); orudzhov.eduard@mail.ru

SETTLEMENT SYSTEM OF THE REPRESENTATIVES OF ANANYINO CULTURAL AND HISTORICAL AREAL IN VIATKA AND VETLUGA BASINS

E. I. Orudzhov

The article considers the arrangement patterns of settlement sites corresponding to the Ananyino combed and corded ware culture (AKGShK) belonged to the Ananyino cultural and historical areal (AKIO) of the Viatka and Vetluga basins. It features the results of previous studies related to the structural aspect of the settlement of the AKIO representatives across the territory. Classification of AKGShK sites in the region was established with the use of mapping and mathematical techniques, and a total of 13 local and four regional groups of AKGShK settlements were identified in the basin of the Viatka river, as well as a single local and two regional groups of sites in the basin of the Vetluga river. An analysis of the geographical position and dimensions of the settlements allowed to identify the largest agglomerations of sites (Lower Viatka and Middle Viatka groups). An analysis of geographical conditions of the settlement arrangement pattern allowed to author to suggest the economic specialization of the Ananyino villages located in the basin of the Viatka river.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Ananyino combed and corded ware culture, Ananyino cultural and historical areal, geospatial analysis, local and regional groups of sites, “gravity model”.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 204–207 (in Russian).
2. Bakhshiev, I. I. 2010. *Kul'turnoe vzaimodeistvie naseleniia Bashkirskogo Zaural'ia v epokhu bronzy (po materialam poselencheskikh pamiatnikov) (Cultural Interactions of the Population of the*

Bashkir Trans-Urals in the Bronze Age (on the Materials of Settlement Monuments)). PhD Thesis. Ufa (in Russian).

3. Vanchikov, V. V. 1992. In Goldina, R. D. (ed.). *Problemy etnogeneza finno-ugorskikh narodov Priural'ia (Issues of Ethnic Genesis of the Cis-Urals Finno-Ugric Peoples)*. Izhevsk: Udmurt University, 72–94 (in Russian).

4. Enukov, V. V. 2005. *Slaviane do Riurikovichei (The Slavs before the Rurik Dynasty)*. Kursk: “Uchitel” Publ. (in Russian).

5. Klein, L. S. 2010. *Formula Monteliusa (shvedskii ratsionalizm v arkhologii Mal'mera) (The Monelius Formula (Swedish Rationalism in the Archaeology of Mats Malmer))*. Donetsk: Donetsk National University (in Russian).

6. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkhologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 29–55 (in Russian).

7. Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikame v ananinskuiu epokhu (The Lower Kama River Region in the Ananyino Epoch)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 4. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

8. Mitriakov, A. E., Chernykh, E. M. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: “Otechestvo” Publ., 147–186 (in Russian).

9. Chizhevsky, A. A. 2010. *Ural'skii istoricheskii vestnik (Ural Historical Bulletin) 2 (27)*. Ekaterinburg, 25–30 (in Russian).

10. Chizhevsky, A. A. 2008. *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 5*. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).

About the Author:

Orudzhov Eduard I. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; orudzhov.eduard@mail.ru

Статья поступила в номер 30.07.2017 г.

УДК 903.052 [478+477] DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.3.21.141.154>

НОВЫЕ НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ НА ЛЕВОБОЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

© 2017 г. В.С. Синика

В статье приводится обзор предметов, выполненных в скифском зверином стиле, которые были найдены на варварских и античных памятниках Северо-Западного Причерноморья, а также публикуются и анализируются две новые находки. Они происходят с левобережья Нижнего Днестра. Одно изделие, найденное на поселении Парканы-II, представляет собой фрагмент бронзовой уздечной бляхи (нижняя часть), изготовленной в виде т.н. «петушка»-гиппокампа. Другой артефакт, обнаруженный у с. Токмазея, также является бронзовой уздечной бляшкой с изображением головы кошачьего хищника. В настоящее время образы на обеих находках не имеют аналогов в Северо-Западном Причерноморье, являющемся крайней западной периферией скифской степной культуры. Эти предметы конского снаряжения расширяют наши представления о скифском "бестиарии" региона. Кроме того, наряду с прочими предметами материальной культуры, публикуемые находки фиксируют присутствие скифского населения на поселенческих памятниках, что противоречит общепринятому мнению об исключительно подвижном/скотоводческом образе жизни скифов в V–IV вв. до н. э.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поднестровье, скифы, звериный стиль, уздечные бляхи, V–IV вв. до н. э.

Исследование материальной культуры скифов Северо-Западного Причерноморья продолжается уже более 120 лет. С 1896 г., когда были исследованы первые курганы на левобережье Нижнего Днестра (Мелюкова, 1962), и по настоящее время накоплен значительный по объему материал, который позволяет с большей или меньшей степенью достоверности реконструировать быт, хозяйство, военное дело, торгово-экономические связи скифов, их социальную стратификацию и религиозные представления. Необходимо отметить, что самыми редкими находками в скифских погребальных комплексах, а также в синхронных культурных слоях поселений являются изделия, выполненные в зверином стиле. Отметим, что именно эти предметы являются одним из наиболее ярких проявлений скифского изо-

бразительного искусства не только в Поднестровье, но и во всем Северном Причерноморье.

В настоящее время на левобережье Нижнего Днестра подобные находки известны всего в 12 скифских захоронениях. В первой половине V в. до н. э. были совершены погребения 9/1 у с. Никольское и 8/14 у с. Николаевка. Из сопровождающего конского захоронения в западном отсеке ямы захоронения 9/1 у с. Никольское происходит литой наносник в виде головы хищной птицы либо грифона, с круглым сквозным отверстием для крепления. Помимо наносника, в погребении обнаружены три нащечника в виде обособленной конечности хищника с дополнительным зооморфным элементом (головой хищной птицы), обрамляющим бедро или лопатку (Агульников, Бубулич, 2000, рис. 4:

1–3, 6; Агульников, Сава, 2004, с. 98, 100, рис. 48: 1–3, 6). Очень близкий нащечник происходит из погребения 8/14 у с. Николаевка, где он встречен с псалиями, одно из окончаний которых выполнено в виде конечности хищника, а другое – в виде копыта (Алексеева, Булатович, с. 38, рис. 1: 14 а, б; Канторович, 2012, с. 33, рис. 7: 8). В кургане 5 у г. Дубоссары, возведенном во второй четверти V в. до н. э., был найден серебряный нащечник конской узды с изображением сдвоенных задних/передних конечностей хищника в профиль (Канторович, 2012, с. 29, рис. 6: 2; Кетрару, Синика, Разумов, Тельнов, 2014, с. 60, 212, рис. 48: 1). В погребении 2/2 у с. Никольское обнаружены бляшки двух типов. Первый тип представлен изображениями лежащего льва с подогнутыми и вытянутыми вперед лапами. Бляшки второго типа – с изображением грифона-льва с птичьей головой и подогнутыми ногами (Агульников, Сава, 2004, с. 25, рис. 12: 6–9). В захоронении 14/1 у с. Никольское были обнаружены бляшки в виде рыб (Агульников, Сава, 2004, с. 124, рис. 62: 17). Оба захоронения были совершены в конце V в. до н. э. (Кетрару, Синика, Разумов, Тельнов, 2014, с. 60, 173). Золотая бляшка в виде орлиной головки и примыкающего к ней стилизованного крыла происходит из погребения 4/1 у с. Николаевка (Мелюкова, 1984, с. 99–100, рис. 5; Островерхов, 2005, с. 238, рис. 5: 6; Островерхов, Охотников, 2010, с. 123–124, рис. 3). Комплекс следует датировать второй половиной IV в. до н. э. К этому же времени относится погребение 5/5 курганной группы «Водовод» у с. Глиное Слободзейского района. В нем была найдена подвеска-амулет из дис-

тальной фаланги (основание когтя) пальца беркута (*Aquila chrysaetus*)¹ в виде стилизованной морды лошади (Синика, Разумов, Лысенко, Тельнов, 2016, с. 29, рис. 24: 5). Не ранее рубежа третьей – последней четверти IV в. до н. э. было совершено захоронение 2/12 этой же курганной группы, в составе инвентаря которого находился роговой гребень. На его навершии вырезана фигура упирающегося оленя, повергаемого шествующим за ним грифоном (Панковский, Синика, 2017, рис. 1, 2, 8; Синика, Тельнов, 2017, рис. 4: 8).

Наиболее поздними произведениями скифского «звериного стиля» являются три крючка-застежки из погребений 3/1 (в виде птицы), 18/1 (одно из окончаний оформлено в виде головы лошади) и 95/1 (одно из окончаний оформлено в виде головы лошади), а также налобник конской узды из захоронения 18/2 (петля налобника оформлена в виде головы пантеры) могильника у с. Глиное Слободзейского района. Они происходят из комплексов, суммарная дата которых определяется второй половиной III – первой четвертью II в. до н. э. Все изделия представляют собой достаточно схематизированные и стилизованные изображения животных, не имеющие прямых аналогий в скифских комплексах предшествующего времени (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016, с. 85, 151–152, 156, 566, 936, 965–966, рис. 28: 9, 68: 3, 70: 6, 318: 9).

¹ Выражаем признательность за определение директору Зоологического музея Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко А.А. Тищенко (30.08.2016 г).

Рис. 1. Бронзовые уздечные бляшки с левобережья Нижнего Днестра:
1 – пункт Токмазея-II, 2 – поселение Парканы-II.

Fig. 1. Bronze horse plaques from the left bank of the Lower Dniester region:
1 – Tokmazeya-II point; 2 – Parkany-II settlement.

Необходимо добавить, что изредка предметы звериного стиля фиксируются и на поселенческих памятниках на левобережье Нижнего Днестра. Так, из греческого города Никоний происходят фрагмент бронзовой гривны, окончание которой оформлено в виде головы львиного грифона (Кокоржицкая, 1985, с. 50, рис. на стр. 50), фрагмент уздечной бляхи с изображением головы лося (Бруяко, Островерхов, 2010, с. 113, рис. 1: 1), а также бронзовая бляшка с изображением «лосенка» (Островерхов, 2005, с. 239, рис. 7: 4). Возле с. Троицкое была найдена уздечная бляха в виде обособленного уха копытного с вписанным изображением головы хищной птицы (Бруяко, Островерхов, 2010, с. 117–118, рис. 1: 2), а на поселении Надлиманское III – уздечная бляшка в виде орла (Островерхов, 2005, с. 235–236, рис. 5: 5; Островерхов, Охотников, 2010, с. 122, рис. 1).

На правобережье Нижнего Днестра находки предметов, выполненных в зверином стиле, известны только в трех скифских захоронениях. Наиболее ранним из них является погребение 2/7 у с. Новые Раскаецы (середина V в. до н. э.), откуда происходит бронзовая бляха в виде свернувшегося в кольцо хищника (Яровой, 1990, с. 36, рис. 13: 7; Алексеев, 2003, с. 205). Ко второй половине V в. до н. э. относится золотая обивка деревянного сосуда с изображением головы благородного оленя из погребения 1/1 у с. Чобручи Суворовского (ныне Штефан-Водского) района (Агульников, Субботин, 1997, с. 184, рис. 2: 2). На рубеже V–IV вв. до н. э. было совершено захоронение 1/7 у с. Мерены, в котором были обнаружены две бляшки с изо-

бражением лежащих пантер (Дергачёв, Сава, 2003, с. 535–536, рис. 9: 11).

К этим артефактам из скифских погребальных комплексов примыкает находка навершия в виде головы грифона, на длинной шее которого находится орнамент в виде стилизованных птичьих голов. Предмет был найден на правобережье Днестра, на вершине одного из курганов у с. Новые Раскаецы (Нудельман, Рикман, 1956, с. 129, рис. 2) и, очевидно, датируется второй половиной V в. до н. э.

Также на правобережье Нижнего Днестра было найдено клинковое оружие, навершия которого оформлены в зверином стиле. Это кинжал из гетского погребения первой половины V в. до н. э., обнаруженного между селами Тудорово и Паланка, с навершием клювовидной формы (Сергеев, 1960, с. 262, рис. 1; Топал, 2014, с. 12, рис. 1: 5). В скифском захоронении 9/1 рубежа V–IV вв. до н. э. у с. Талмазы найден фрагмент меча, навершие которого представляет собой стилизованные изображения голов хищных птиц или грифонов (Синика, 2007, с. 171, 178, рис. 1: 6; Топал, 2014, с. 16–18, рис. 1: 2). Известно навершие еще одного меча, из скифского погребения 7/3 у с. Пуркары конца V в. до н. э., антенновидное, с волютами по краям, оформленными в виде головок хищных птиц или грифонов (Агульников, Попович, Церна, Топал, 2013, с. 271, 279, рис. 6: 7, 7: 3; Топал, 2014, с. 18, рис. 1: 1).

Кроме того, среди погребального инвентаря гетского погребения рубежа VI–V вв. до н. э. у с. Пыржолтены на правобережье Среднего Днестра находились две роговые пронизи с изображением головы медведя, а так-

же нож с роговой рукоятью, торец которой был оформлен в виде головы хищника (Лапушнян, 1979, с. 59, рис. 3: 13, 14, 4: 5).

На левобережье Нижнего Дуная находки предметов звериного стиля известны в семи скифских захоронениях. В погребениях 1 и 13 кургана у пгт. Арциз были найдены конские нащечники, аналогичные найденному в кургане 5 у г. Дубоссары на левобережье Днестра, уздечные бляшки в виде рельефного изображения лапы медведя и/или кисти руки человека, бляшка в виде округлого бедра/плеча кошачьего хищника с рельефной спиралью на плоскости, обрамленного широкой полоской с крупным рифлением, конский налобник в виде головы грифона, две обивки сосудов со стилизованными изображениями головы хищной птицы, а также большая золотая «ворворка» с профильным изображением хищной птицы с загнутым клювом (Алексеева, Охотников, Редина, 1997, с. 50, 53, рис. 3: 1, 4, 7, 10, 4: 20, 23, 24). Этот комплекс датируется второй – третьей четвертью V в. до н. э. В пределах третьей четверти V в. до н. э. было совершено погребение 3/1 могильника Мреснота Могила (Монахов, 1999, с. 140; Кетрару, Синика, Разумов, Тельнов, 2014, с. 215; Полин, 2014, с. 203), откуда происходит обивка сосуда с изображением фантастической хищной птицы с волютовидным клювом (Redina, 2006a, 120, cat. 5). Ко второй половине V в. до н. э. относится захоронение 4/1 у с. Новокаменка, где были найдены бляшки с изображениями лежащего зайца (Redina, 2006a, 121, cat. 6). Погребение 11/2 у с. Нагорное, где были найдены бляшки с изображением льва в профиль слева (Андрух, Суничук,

1987, с. 39, рис. 2: 1), по аналогиям с изображениями на бляшках из комплексов 1/7 у с. Мерены на правобережье и 2/2 у с. Никольское на левобережье Днестра следует датировать рубежом V–IV вв. до н. э. В это же время было совершено погребение 1/2 могильника Червоный Яр II, в котором были найдены две уздечные бляхи в виде птичьих когтей (Гудкова, 1978, с. 189, рис. 5: 3, 4). Ко второй половине IV в. до н. э. относится погребение 17/1 могильника Градешка, откуда происходит налобник в виде головы птицы с загнутым клювом (Redina, 2006b, с. 196, cat. 16)². Условно к региону Нижнего Дуная мы привязываем отдельную находку бутероли рубежа VII–VI вв. до н. э. в виде головы хищной птицы с о-ва Змеиный в Черном море (Островерхов, 2005, с. 232–233, рис. 6: 3; Топал, 2015, с. 67, 70, рис. 4: 24).

В бассейне Дуная, на левобережье Прута, известны еще три предмета, выполненных в зверином стиле. Это бутероль из Ниспоренского района Республики Молдова (Среднее Попрутье), аналогичная находке на о-ве Змеином (Топал, 2015, с. 67, 70, рис. 4: 25). Кроме того, в скифском захоронении 7/2 у с. Крихана-Веке на левобережье Нижнего Прута были найдены фрагмент конского нащечника с изображением сдвоенных задних/передних конечностей хищника в профиль (с дополнительным изображением головы ушастого грифона на бедре/плече), а также уздечная бляшка в виде головы ушастого грифона (Себан, Топал, Agulnicov, Popovici, 2015, p. 45, 49, fig. 9: 1, 2).

² В данной публикации место находки изделия ошибочно указано как Арциз.

Наиболее восточными находками звериного стиля в пределах Северо-Западного Причерноморья являются артефакты, найденные на р. Тилигул и в районе Тилигульского лимана. С левобережья р. Тилигул у с. Новопетровка происходит конский нащечник в виде рельефного изображения головы кошачьего хищника с передними ногами с соприкасающимися лапами (Островерхов, Тошев, 1985, с. 75–76, рис. 1; Островерхов, 2005, с. 226, рис. 2: 1). На правобережье Тилигульского лимана была найдена уздечная бляшка с профильным изображением кошачьего хищника (Островерхов, 2005, с. 225, рис. 1: 1), а также каменная форма для отливки бляшек с изображениями головы вепря (Островерхов, 2005, с. 242, рис. 10: 2) и свинцовая отливка со сценой терзания (Островерхов, 2005, с. 244, рис. 10: 1, 11). В районе Тилигульского лимана были обнаружены четыре однотипных наверхия, украшенные изображениями грифоно-гиппокампа (Мелюкова, 1981, с. 36; Островерхов, Охотников, 1989, с. 64–66, рис. 4: 4). Это «некое существо (схватившее за шею и грызущее неизвестного зверя), наделенное головой и передними ногами кошачьего хищника, гребнем грифона, крыльями, без задних ног и со змеевидной задней частью туловища и хвостом, которые очень похожи на туловище и хвост гиппокампов в греческом искусстве» (Канторович, 2015, с. 814).

Указанными находками ограничивается список весьма немногочисленных изделий, выполненных в зверином стиле, из Северо-Западного Причерноморья. В этой связи публикация новых предметов звериного стиля представляется актуальной.

Первая находка была обнаружена у с. Токмазея Григориопольского района. В 2016 г. в фонды Музея археологии Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко поступило множество артефактов, собранных А.В. Носачем и А.В. Гуцулом либо в самой р. Днестр (уровень которой упал до минимального значения за последние 50 лет), либо на ее береговой кромке, в 0,89 км к югу-юго-западу от западной окраины с. Токмазея. В настоящее время, ввиду отсутствия очевидной связи между каким-либо локализованным памятником археологии и найденными артефактами, место их обнаружения обозначено как Токмазея-II. Среди предметов была обнаружена бронзовая бляшка, изготовленная в виде обособленной головы хищника.

Изделие отлито в виде головы кошачьего хищника в профиль с открытой пастью, которая замыкается перемычкой, имитирующей сомкнутые верхние и нижние клыки. Голова подпрямоугольной формы, овально-ромбическое ухо выступает за контур головы, выделена впадина ушной раковины. Лоб покатый, нос хорошо выделен. Глаз овальный, скула и подбородок выделены заметными выступами. Длина бляшки 26 мм, высота 20 мм, толщина 3 мм. Длина петли 18 мм, сохранившаяся ширина – 6 мм (рис. 1: 1).

Аналогичные бляшки представляют собой головы короткомордых хищников с коротким и относительно широким ухом. Такие изображения отнесены А.Р. Канторовичем к нимфейско-журовскому типу обособленных профильных голов хищников (Канторович, 2015, с. 189–193). В 2015 г. исследователь обобщил дан-

ные о 20 подобных изображениях из Побужья (одно изображение), Среднего (16 изображений) и Нижнего Поднепровья (одно изображение), Крыма (одно изображение) и Центрального Предкавказья (одно изображение). В целом этот нимфейско-журовский тип датирован в рамках VI–V вв. до н. э., однако отмечено, что большинство изображений данного типа относятся к V в. до н. э. (Канторович, 2015, с. 193). В 2016 г. были опубликованы еще три уздечных бляхи, обнаруженные в разграбленном погребении кургана 1 «из имения помещика С.А. Крыма» последней четверти VI – первой половины V в. до н. э. в Предгорном Крыму. На бляхах представлено еще одно оригинальное изображение – на двух головы кошачьих хищников повернуты вправо, на одной – влево (Колтухов, Сенаторов, 2016, с. 168, рис. 24: 8–10). Таким образом, из 21 оригинального изображения нимфейско-журовского типа большинство (15 изображений) оформляло уздечные бляшки (Канторович, 2015, с. 189; Колтухов, Сенаторов, 2016, с. 168). Бляшка из Токмазеи-II также уздечная. Она является двадцать вторым оригинальным изображением подобного типа и первой подобной находкой в Поднепровье.

Ближайшими аналогиями находке из Токмазеи являются два предмета – из Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья. В Нижнем Побужье из Марицыно происходит каменная форма для отливки уздечных блях в виде головы кошачьего хищника. Это изделие датировано «не позже конца IV в. до н. э.» (Островерхов, Отрешко, 1986, с. 63–65, рис. 1: 3; Островерхов, 2005, с. 225, рис. 1: 3). В Среднем Поднепровье в кургане 505 у с. Бро-

варки найдены четыре бронзовые уздечные бляшки (Могилев, 2008, рис. 94: 10, 11). Комплекс из Броварок датируется первой половиной V в. до н. э. (Канторович, 2015, с. 192). При этом дата изображения из Токмазеи, с точки зрения его позиции в эволюционном ряду нимфейско-журовского типа, скорее всего, определяется серединой V в. до н. э.

Второй предмет был найден А.В. Носачем в 2016 г. на поселении Парканы-II. Этот памятник находится на левобережье р. Днестр, на ее второй надпойменной террасе, к западу от дороги, ведущей из с. Парканы Слободзейского района в с. Бычок Григориопольского района. Поселение было открыто Н.А. Кетрару в 1956 г., и с тех пор и до недавнего времени считалось поселением черняховской культуры (Рикман, 1973, с. 132). В настоящее время очевидно, что памятник является многослойным.

Находка представляет собой фрагмент (нижнюю часть) литой бронзовой уздечной бляхи в виде «петушка-гиппокампа». Ширина нижней части находки 36 мм, высота сохранившейся части 28 мм, толщина до 2,5 мм (рис. 1: 2).

Подобные изображения представляют «некое существо с опущенной конеподобной головой, туловищем в виде двух параллельных S-видных полос ... с одним или двумя выступами по сторонам, вероятно, имитирующими конечности» (Канторович, 2015, с. 820). S-видные полосы, формирующие основу туловища, замыкаются внизу, как правило, горизонтальной дуговидной широкой полосой с поперечным рифлением. Выказано предположение, что это имитация хвоста природного гиппокампа – морского

конька (Канторович, 2015, с. 821). До настоящего времени было известно всего 16 изображений «петушков-гиппокампов» из Среднего (пять изображений) и Нижнего Поднепровья (шесть изображений), Нижнего Подонья (два изображения) и Прикубанья (три изображения). Все они, за исключением изображений на золотых обивках ритона из Толстой Могилы (Мозолевский, 1979, с. 58–59, рис. 39), оформляют бронзовые уздечные бляхи (Канторович, 2015, с. 819). Все эти изделия отнесены А.Р. Канторовичем к мордвиновско-уляпскому типу изображений, который датирован второй четвертью – концом IV в. до н. э. (Канторович, 2015, с. 819–823).

Судя по оформлению нижней части, ближайшей аналогией находке из поселения Парканы-II на левобережье Нижнего Днестра является пара уздечных блях из 2-го Мордвиновского кургана, исследованного А.М. Лесковым у с. Архангельская Слобода Каховского района Херсонской области на правобережье Нижнего Днепра в 1969 г. (Ильинская, 1973, с. 57, рис. 8: 20; Лесков, 1974, с. 55, рис. 44). В настоящее время датировка единственной гробницы этого кургана определяется в пределах второй – не позднее начала третьей четверти IV в. до н. э. (Полин, 2014, с. 559). По всей видимости, этим же временем следует датировать и находку из поселения Парканы-II.

В завершение подчеркнем, что публикуемые в настоящей работе предметы звериного стиля расширяют скифский «бестиарий» Поднепровья, поскольку изображения головы кошачьего хищника и «петушка-гиппокампа» являются первыми подобными находками в регионе.

Необходимо отметить, что в пункте Токмазея-II, помимо уздечной бляшки в виде головы кошачьего хищника, были обнаружены более десятка бронзовых наконечников стрел и бронзовая серьга, возможно, вторично использовавшаяся как уздечная бляшка (VII–IV вв. до н. э.). Здесь же была найдена фибула среднелатенской конструкции, которая имеет прямые аналогии в погребальных комплексах скифского могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра.

На поселении Парканы-II, кроме уздечной бляшки в виде «петушка-гиппокампа», найдены бронзовые наконечники стрел, свинцовые ворворки, фрагмент серебряного перстня, бронзовая бляшка конской узды, лепные керамические пряслица, фрагменты лепных и гончарных сосудов (VII–IV вв. до н. э.), а также два клейма на ручках синопских амфор, бронзовый крестовидный крючок-застежка, бронзовый поясной крючок (III–II вв. до н. э.).

Связь всех перечисленных находок со скифской материальной культурой представляется несомненной. По нашему мнению, они явно фиксируют присутствие скифского населения на поселенческих памятниках региона. В настоящее время его характер (кратковременные визиты, периодическое и постоянное проживание) установить достоверно нельзя. Надо принимать во внимание, что поселение Парканы-II стационарно не исследовалось, а находки из пункта Токмазея-II вообще не привязаны к какому-либо известному археологическому памятнику.

В то же время уже сейчас применительно к скифским памятникам

Нижнего Поднепровья есть веские основания считать, что уже с начала или середины IV в. до н. э. начался процесс оседания степных скифов (Гаврилюк, 2013, с. 94–184, 321). Ранее указывалось, что аналогичный процесс имел место и в других регионах Северного Причерноморья, в частности, в Нижнем Поднестровье, о чем свидетельствуют грунтовый могильник у с. Николаевка V–IV вв. до н. э., а также скифский курганный могильник у с. Глиное Слободзейского района III–II вв. до н. э. Были

приведены данные, подтверждающие «что, по крайней мере, с IV в. до н. э. (а не исключено, что и с более раннего времени), далеко не все скифское население вело кочевой образ жизни» (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016, с. 944). В этой связи остается только добавить, что в пользу этого мнения, пусть и косвенно, но свидетельствуют находки уздечных блях, выполненных в скифском зверином стиле, из Токмазеи-II и поселения Парканы-II на левобережье Нижнего Днестра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агульников С., Сава Е. Исследования курганов на левобережье Днестра. Кишинёв: СЕР USM, 2004. 243 с.
2. Агульников С.М., Бубулич В.Г. Скифский курган 9 у с. Никольское на Нижнем Днестре // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (материалы полевого семинара) / Отв. ред. Е.В. Яровой. Тирасполь: ПГУ, 2000. С. 47–56.
3. Агульников С.М., Попович С.С., Церна С.В., Топал Д.А. 2013. Скифский курган №7 у с. Пуркарь на Нижнем Днестре // *Stratum plus*. 2013. № 3. С. 257–284.
4. Агульников С.М., Субботин А.В. Скифский курган V в. до н. э. в Днестровском Правобережье // *Никоний и античный мир Северного Причерноморья*. Сб. науч. статей Междунар. археологич. конф. / Отв. ред. С.Б. Охотников. Одесса: Ветаком, 1997. С. 182–186.
5. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб.: ГЭ, 2003. 416 с.
6. Алексеева И.Л., Булатович С.А. Два кургана на левобережье Днестровского лимана // *Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины*. Вестник Черноморской ассоциации археологов и любителей древностей. Вып. 1 / Отв. ред. А.О. Добролюбский. Одесса–Запорожье: Типография Одесского облполиграфиздата, 1990. С. 32–48.
7. Алексеева И.Л., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. Скифское погребение у г. Арциз // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н. э. – IV в. н. э.) / Отв. ред. Е.В. Яровой. Тирасполь: ПГУ, 1997. С. 48–55.
8. Бруяко И.В., Островерхов А.С. Новые памятники звериного стиля из Нижнего Поднестровья // *Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея*. Вып. 1 / Отв. ред. И.В. Бруяко. Одесса: СМИЛ, 2010. С. 113–121.
9. Гаврилюк Н.А. Экономика Степной Скифии VI–III вв. до н. э. Киев: Издатель Олег Филюк, 2013. 712 с.
10. Гудкова А.В. Раскопки курганов у с. Червоный Яр на Нижнем Подунавье // *Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья*. Сб. науч. трудов / Отв. ред. О.П. Карышковский. Киев: Наукова думка, 1978. С. 182–193.
11. Дергачёв В.А., Сава Е.Н. Исследование курганов в окрестностях сёл Мерень и Кирка // *Stratum plus*. № 2 (2001-2002). 2003. С. 526–562.
12. Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н. э. // *Скифские древности* / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1973. С. 42–63.

13. *Канторович А.Р.* Изображение обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы: типология, хронология, анализ истоков и эволюция // *Stratum plus*. 2012. № 3. С. 17–71.
14. *Канторович А.Р.* Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Дисс... докт. ист. наук. Москва, 2015. 1724 с.
15. *Кетрару Н.А., Сеника В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П.* Дубоссарские курганы (Археологические памятники Приднестровья, II). Тирасполь: *Stratum plus*, 2014. 240 с.
16. *Кокоржицкая Е.Н.* Фрагмент бронзовой гривны из Никония // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Сб. науч. трудов. / Отв. ред. Г.А. Дзис-Райко. Киев: Наукова думка, 1985. С. 50–51.
17. *Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н.* Скифы Предгорного Крыма в VII–IV вв. до н. э. Курганы 1890–1892 и 1895 гг. (по материалам Н.И. Веселовского и Ю.А. Кулаковского) / Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XVII. Симферополь: ИП Бровка А.А., 2016. 288 с.
18. *Лапушнян В.Л.* Ранние фракийцы X – начала IV в. до н. э. в лесостепной Молдавии. Кишинёв: Штиинца, 1979. 144 с.
19. *Лесков О.М.* Скарби курганів Херсонщини. Київ: Мистецтво, 1974. 123 с.
20. *Мелюкова А.И.* Краснокутский курган. Москва: Наука, 1981. 112 с.
21. *Мелюкова А.И.* Курганы скифских кочевников у с. Николаевка // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Сб. науч. трудов. / Отв. ред. И.Т. Черняков. Киев: Наукова думка, 1984. С. 90–103.
22. *Мелюкова А.И.* Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемпковских) // МИА. № 115. М.: Наука, 1962. С. 114–166.
23. *Могилев О.Д.* Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський: Інститут археології НАН України, 2008. 440 с.
24. *Мозолевський Б.М.* Товста Могила. Київ: Наукова думка, 1979. 252 с.
25. *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов: СГУ, 1999. 680 с.
26. *Нудельман А.А., Рикман Э.А.* Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии // Известия Молдавского филиала АН СССР. № 4 (31) / Отв. ред. Н.А. Димо. Кишинёв. Государственное издательство Молдавии, 1956. С. 129–133.
27. *Островерхов А.С.* Памятники звериного стиля из ольвийской и никонийской округ (кон. VI–III в. до н. э.) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 2. / Глав. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Донецкий Национальный университет, 2005. С. 219–266.
28. *Островерхов А.С., Отрешко В.М.* Новый образец звериного стиля, найденный близ Ольвии // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья / Отв. ред. Г.А. Дзис-Райко. Киев: Наукова думка, 1986. С. 61–66.
29. *Островерхов А.С., Охотников С.Б.* Бронзовая бляха звериного стиля из поселения Надлиманское III // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Вып. I. / Отв. ред. И.В. Бруйко. Одесса: СМЛ, 2010. С. 122–125.
30. *Островерхов А.С., Охотников С.Б.* О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // Вестник древней истории. 1989. № 2. С. 50–67.
31. *Островерхов А.С., Тоцев Г.М.* Скифський кінський наносник // Археологія. № 49. Киев: Наукова думка, 1985. С. 75–77.
32. *Панковский В.Б., Сеника В.С.* Роговой гребень из скифского погребения у с. Глиное // *Stratum plus*. 2017. № 3. С. 343–359.
33. *Полин С.В.* Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев: Издатель Олег Филюк, 2014. 776 с.
34. *Рикман Э.А.* Памятники сарматов и племён черняховской культуры / Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 5. Кишинёв: Штиинца, 1973. 172 с.

35. *Сергеев Г.П.* Скифский кинжал (IV-III вв. до н. э.) из Олонештского района Молдавской ССР // Записки Одесского археологического общества. Т. 1. Одесса. 1960. С. 262–265.

36. *Синика В.С.* Скифский курганный могильник у пгт. Суворово на правом берегу Нижнего Днестра // РА. 2007. № 4. С. 17–179.

37. *Синика В.С., Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П.* Отчёт о работах Днестровской археологической экспедиции по исследованию курганов у с. Глиное Слободзейского района в 2016 году. Тирасполь / Архив Музея археологии Поднестровья ПГУ им. Т.Г. Шевченко. 2016. № 21. 95 с.

38. *Синика В.С., Тельнов Н.П.* Скифское погребение с фракийской фибулой на Нижнем Днестре // *Stratum plus*. 2017. № 3. С. 131–152.

39. *Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С.* Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное / Археологические памятники Приднестровья. III. Тирасполь: *Stratum plus*, 2016. 1096 с.

40. *Топал Д.А.* Акинаки на западных рубежах Скифии. Находки скифских мечей и кинжалов на территории Республики Молдова // *Tyragetia. Serie nouă. Vol. VIII [XXIII]*, nr. 1. 2014. С. 7–43.

41. *Топал Д.А.* Биметаллические акинаки типа Гудермес и использование бронзы в изготовлении раннескифского клинкового оружия // *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Вып. 13 / Отв. ред. И.В. Бруяко. Одесса: СМІЛ, 2015. С. 54–79.

42. *Яровой Е.В.* Курганы энеолита – эпохи бронзы нижнего Поднестровья. Кишинёв: Штиинца, 1990. 272 с.

43. *Ceban I., Topal D., Agulnicov S., Popovici S.* Tumulul scitic nr. 7 de la Crihana Veche-La Pietricei (r-nul Cahul) // *Arheologia preventivă în Republica Moldova*. II / Red. şef V. Vornic. Chişinău: Bons Offices, 2015. P. 43–58.

44. *Redina E.F.* Goldsmithery // *Treasures of the Black Sea Coast. Catalog of the exhibition at the National Museum in Cracow. March – June 2006.* / Ed. Ja. Bodzek. Cracow: Drukarnia Leyko, 2006a. P. 113–161.

45. *Redina E.F.* Objects of Bronze, Iron and Lead // *Treasures of the Black Sea Coast. Catalog of the exhibition at the National Museum in Cracow. March – June 2006.* / Ed. Ja. Bodzek. Cracow: Drukarnia Leyko, 2006b. P. 185–220.

Информация об авторе:

Синика Виталий Степанович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология», Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь, Молдова); sinica80@mail.ru

NEWLY DISCOVERED ITEMS OF THE ZOOMORPHIC STYLE FROM THE LEFT BANK OF THE LOWER DNIESTER

V. S. Sinika

The article presents an overview of items corresponding to the Scythian zoomorphic style discovered at barbaric and ancient sites of the Northwestern Black Sea Region, and a publication of two new findings. They were discovered on the left bank of the Lower Dniester. The first item discovered at Parkany-II settlement is a fragment of a bronze horse plaque (its lower part) crafted in the shape of a "rooster"-hippocampus. The other artifact discovered near Tokmazeya village also represents a horse plaque with an image of a cat predator's head. Presently, there are no counterparts of the images on these findings in the Northwestern Black Sea Region, which is the westmost periphery of the Scythian steppe culture. These fragments of horse apparel broaden our knowledge of the Scythian "bestiary" in the region. Besides,

apart from the other items of material culture, the published findings confirm the presence of Scythian population at settlement sites, which contradicts the generally accepted opinion on the exclusively nomadic cattle breeding lifestyle of the Scythians in 5th–4th centuries B.C.

Keywords: archaeology, Lower Dniester Region, Scythians, zoomorphic style, horse plaques, 5th–4th centuries B.C.

REFERENCES

1. Agulnikov, S., Sava, E. 2004. *Issledovaniia kurganov na levo-berezh'e Dnestra (Studies of Barrows on the Left Bank of the Dniester)*. Kishinev: "CEP USM" Publ. (in Russian).
2. Agulnikov, S. M., Bubulich, V. G. 2000. In Iarovoi, E. V. (ed.). *Chobruchskii arkeologicheskii kompleks i drevnie kul'tury Podnestrov'ia (materialy polevogo seminara) (Cioburciu Archaeological Complex and Ancient Cultures of the Dniester Region (Field Seminar Proceedings))*. Tiraspol: Taras Shevchenko Pridnestrovian State University, 47–56 (in Russian).
3. Agulnikov, S.M., Popovich, S.S., Tserna, S.V., Topal, D.A. 2013. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 257–284 (in Russian).
4. Agulnikov, S. M., Subbotin, A. V. 1997. In Okhotnikov, S. B. (ed.). *Nikonii i antichnyi mir Severnogo Prichernomor'ia (Nikonion and the Ancient World of the Black Sea Region)*. Odessa: "Vetakom" Publ., 182–186 (in Russian).
5. Alekseev, A. Yu. 2003. *Khronografiia Evropeiskoi Skifii (Chronography of European Scythia)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum (in Russian).
6. Alekseeva, I. L., Bulatovich, S. A. 1990. In Dobroliubskii, A. O. (ed.). *Okhrannye istoriko-arkheologicheskie issledovaniia na iugo-zapade Ukrainy. Vestnik Chernomorskoï assotsiatsii arkeologov i liubitelei drevnostei (Salvage Historical and Archaeological Studies in Southwest Ukraine. Bulletin of the Black Sea Association of Archaeologists and Antiquarians)* 1. Odessa–Zaporizhia: "Tipografiia Odesskogo oblpoligrafizdata" Publ., 32–48 (in Russian).
7. Alekseeva, I. L., Okhotnikov, S. B., et al. 1997. In Iarovoi, E. V. (ed.). *Chobruchskii arkeologicheskii kompleks i voprosy vzaimovlianiia antichnoi i varvarskoi kul'tur (IV v. do n.e. – IV v. n.e.) (Cioburciu Archaeological Complex and the Issues of Interactions between Ancient and Barbaric Cultures)*. Tiraspol: Taras Shevchenko Pridnestrovian State University, 48–55 (in Russian).
8. Bruiako, I. V., Ostroverkhov, A. S. 2010. In Bruiako, I. V. (ed.). *Zapiski otdela numizmatiki i toreviki Odesskogo arkeologicheskogo muzeia (Proceedings of the Numismatics and Toreutics Department of Odessa Archaeological Museum)* 1. Odessa: "SMIL" Publ., 113–121 (in Russian).
9. Gavriiliuk, N. A. 2013. *Ekonomika Stepnoi Skifii VI–III vv. do n.e. (Economics of Steppe Scythia in 6th-3rd Centuries B.C.)*. Kiev: Publisher Oleg Filiuk (in Russian).
10. Gudkova, A. V. 1978. In Karyshkovskii, O. P. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Archaeological Studies of the North-Western Black Sea Region)*. Kiev: "Naukova dumka", 182–193 (in Russian).
11. Dergachev, V.A, Sava, E.N.2003. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 526–562 (in Russian).
12. Il'inskaia, V. A. 1973. In Terenozhkin, A. I. *Skifskie drevnosti (Scythian Antiquities)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 42–63 (in Russian).
13. Kantorovich, A.R. 2012. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 17–71 (in Russian).
14. Kantorovich, A. R. 2015. *Skifskii zverinyi stil' Vostochnoi Evropy: klassifikatsiia, tipologiia, khronologiia, evoliutsiia (Scythian Animal Style of Eastern Europe: Classification, Typology, Chronology, Evolution)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
15. Ketraru, N. A., Sinika, V. S., et al. 2014. *Dubossarskie kurgany (Arkheologicheskie pamiatniki Pridnestrov'ia) (Dubossary Barrows (Archaeological Monuments of the Dniester Region, II))*. Tiraspol: "Stratum plus" Publ. (in Russian).

16. Kokorzhitskaia, E. N. 1985. In Dzis-Raiko, G. A. (ed.). *Pamiatniki drevnei istorii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Monuments of the Ancient History of the North-Western Black Sea Region)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 50–51 (in Russian).
17. Koltukhov, S. G., Senatorov, S. N. 2016. *Skify: Predgornogo Kryma v VII-IV vv. do n.e. Kurgany 1890–1892 i 1895 gg. (po materialam N.I. Veselovskogo i Iu.A. Kulakovskogo) (The Scythians of Piedmont Crimea in 7th-4th Centuries B.C. Barrows of 1890-1892 and 1895 (on Materials by Veselovsky, N. I. and Kulakovsky, Yu. A.))*. In *Materialy k arkhelogicheskoi karte Kryma (Materials for the Archaeological Map of Crimea) XVII*. Simferopol: "IP Brovka A.A." Publ. (in Russian).
18. Lapushnian, V. L. 1979. *Rannie frakiitsy X – nachala IV v. do n.e. v lesostepnoi Moldavii (Early Thracians of 10th – Early 4th Centuries B.C. in Forest-Steppe Moldavia)*. Kishinev: "Shtiintsa" Publ. (in Russian).
19. Leskov, O. M. 1974. *Skarbi kurganiv Khersonshchiny (Treasures of Khersonshchyna Barrows)*. Kiev: "Mistetstvo" Publ. (in Russian).
20. Meliukova, A. I. 1981. *Krasnokutskii kurgan (Krasnokutsky Barrow)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
21. Meliukova, A. I. 1984. In Cherniakov, I. T. (ed.). *Rannii zheleznyi vek Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Early Iron Age of the North-Western Black Sea Region)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 90–103 (in Russian).
22. Meliukova, A. I. 1962. *Skifskie kurgany Tiraspol'shchiny (po materialam I.Ia. i L.P. Stempkovskikh) (Scythian Barrows of Tiraspol'schina (on Materials by I. Ya. and L. P. Stempkovsky))*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 115. Moscow: "Nauka" Publ., 114–166 (in Russian).
23. Mogilov, O. D. 2008. *Sporiadzhennia konia skifs'koï dobi u Lisostepu Skhidnoï Evropy (Inventory of a Horse from the Scythian Period in the Forest-Steppe Area of Eastern Europe)*. Kiev; Kamianets-Podil'skyi: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).
24. Mozolevskii, B. M. 1979. *Tovsta Mogila (Tovsta Grave)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
25. Monakhov, S. Yu. 1999. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoi tary VII–II vekov do n.e. (Greek Amphoras in the Black Sea Region. Complexes of Ceramic Vessels of 7th–2nd Centuries B.C.)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).
26. Nudelman, A. A., Rikman, E. A. 1956. In Dimo, N. A. (ed.). *Izvestiia Moldavskogo filiala AN SSSR (Bulletin of the Moldova Branch of the USSR Academy of Sciences)* 4 (31). Kishinev: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo Moldavii" Publ., 129–133 (in Russian).
27. Ostroverkhov, A. S. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arkhologii (Structural and semiotic Studies in Archaeology)* 2. Donetsk: Donetsk National University, 219–266 (in Russian).
28. Ostroverkhov, A. S., Otreshko, V. M. 1986. In Dzis-Raiko, G. A. (ed.). *Pamiatniki drevnego iskusstva Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Monuments of the Ancient Art of the Northern Black Sea Region)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 61–66 (in Russian).
29. Ostroverkhov, A. S., Okhotnikov, S. B. 2010. In Bruiaiko, I. V. (ed.). *Zapiski otdela numizmatiki i torevтики Odesskogo arkhelogicheskogo muzeia (Proceedings of the Numismatics and Toreutics Department of Odessa Archaeological Museum)* I. Odessa: "SMIL" Publ., 122–125 (in Russian).
30. Ostroverkhov, A. S., Okhotnikov, S. B. 1989. *Vestnik drevnei istorii (Ancient History Bulletin)* 2, 50–67 (in Russian).
31. Ostroverkhov, A. S., Toshchev, G. M. 1985. *Arkheologiya (Archaeology)* 49. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 75–77 (in Russian).
32. Pankovskiy, V.B. Sinika, N. V. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3). 343–359 (in Russian).
33. Polin, S. V. 2014. *Skifskii Zolotobalkovskii kurgannyi mogil'nik V–IV vv. do n.e. na Khersonshchine (Zoltaya Balka Scythian Burial Mound of 5th–4th Centuries B.C. in Khersonshchyna)*. Kiev: Publisher Oleg Filiuk (in Russian).

34. Rikman, E. A. 1973. *Pamiatniki sarmatov i plemen cherniakhovskoi kul'tury (Monuments of the Sarmatians and Tribes of the Chernyakhov culture)*. In *Arkheologicheskaiia karta Moldavskoi SSR (Archaeological Map of the Moldova ASSR)* 5. Kishinev: "Shtiintsia" Publ. (in Russian).
35. Sergeev, G. P. 1960. *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Odessa Archaeological Society)* 1. Odessa, 262–265 (in Russian).
36. Sinika, V.S. 2007. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 170–179 (in Russian).
37. Sinika, V. S., Razumov, S. N., et al. 2016. *Otchet o rabotakh Dnestrovskoi arkheologicheskoi ekspeditsii po issledovaniiu kurganov u s. Glinoe Slobodzeiskogo raiona v 2016 godu. Tiraspol' (Report on the Activities of Dniester Archaeological Expedition on the Investigation of Barrows near Glinoe Village of Slobozia District in 2016)* 21. Tiraspol: Archive of the Dniester Area Archaeology Museum of Taras Shevchenko Pridnestrovian State University (in Russian).
38. Sinika, V. S., Telnov, N.P. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3). 131–152 (in Russian).
39. Telnov, N. P., Chetverikov, et al. 2016. *Arkheologicheskie pamiatniki Pridnestrov'ia (Archaeological Monuments of the Dniester Region)* III. Tiraspol: "Stratum plus" Publ. (in Russian).
40. Topal, D. A. 2014. *Akinaki na zapadnykh rubezhakh Skifii. Nakhodki skifskikh mechei i kinzalov na territorii Respubliki Moldova (Acinaces pm the Western Borders of Scythia. Discovered Scythian Swords and Daggers in the Republic of Moldova)*. In *Tyragetia. Serie nouă. Vol. VIII [XXIII]*, no. 1, 7–43 (in Russian).
41. Topal, D.A. 2015. In Bruiako, I. V. (ed.). *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the History of the Northern Black Sea Region)* 13. Odessa: "SMIL" Publ., 54–79 (in Russian).
42. Iarovoi, E. V. 1990. *Kurgany eneolita – epokhi bronzy nizhnego Podnestrov'ia (Barrows of the Eneolithic – Bronze Age of the Lower Dniester Region)*. Kishinev: "Shtiintsia" Publ. (in Russian).
43. Ceban I., Topal D., Agulnicov S., Popovici S. *Tumulul scitic nr. 7 de la Crihana Veche-La Pietricei (r-nul Cahul) // Arheologia preventivă în Republica Moldova. II / Red. șef V. Vornic. Chișinău: Bons Offices, 2015. P. 43–58.*
44. *Redina E.F. Goldsmithery // Treasures of the Black Sea Coast. Catalog of the exhibition at the National Museum in Cracow. March – June 2006. / Ed. Ja. Bodzek. Cracow: Drukarnia Leyko, 2006a. P. 113–161.*
45. *Redina E.F. Objects of Bronze, Iron and Lead // Treasures of the Black Sea Coast. Catalog of the exhibition at the National Museum in Cracow. March – June 2006. / Ed. Ja. Bodzek. Cracow: Drukarnia Leyko, 2006b. P. 185–220.*

About the Author:

Sinika Vitalij S. Candidate of Historical Sciences, docent, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University, 25 October st., 128, Tiraspol, 3300, Moldova; sinica80@mail.ru

Статья поступила в номер 14.03.2017 г.

УДК 902/904(574) DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.3.21.155.167>

ТАМГООБРАЗНЫЕ ЗНАКИ НА КЕРАМИКЕ С ПАМЯТНИКОВ ОТРАРСКОГО ОАЗИСА ДОАРАБСКОЙ ЭПОХИ

© 2017 г. К.М. Байпаков, А.К. Авизова

В статье публикуются тамгообразные знаки из раскопок на городищах Пшакшитобе, Бесиншитобе и Куюк-Мардан Южного Казахстана. Знаки-тамги на керамике представлены разнообразными типами. Они отличаются весьма четкой техникой нанесения. Основу подавляющего большинства знаков составляют строго прямые линии, которые в основном завершаются закругленными концами. Сравнение тамгообразных знаков с налепными орнаментами, широко представленными в материальной культуре кангюйских племен бассейна Сырдарьи, позволяет считать первые кангюйскими. Возможно, некоторые из них позже использовались местными правителями Чача и Хорезма. Аналогии изучаемым знакам найдены в материалах ахеменидского Ирана, древнего Хорезма, Сарматии I–III вв. н. э. и Средней Сырдарьи I–VIII вв. н. э. Дальнейшее выявление и изучение тамг на керамике из Отрарского оазиса с привлечением материалов из раскопок, возможно, позволит делать более обоснованные выводы относительно их датировки и принадлежности.

Ключевые слова: археология, Южный Казахстан, керамика, знаки-тамги, эпоха кангюй, отрарско-карагауская культура, печати, свастикообразный знак.

В древности Отрарский оазис и прилегающие к нему регионы были одним из самых северных центров оседло-земледельческой культуры Средней Азии. Он сложился во второй половине I тыс. до н. э. в районе слияния рек Арысь и Сырдарья, на границе между кочевой скотоводческой степью и более крупными оседло-земледельческими оазисами левобережья Сырдарьи. Вхождение его в состав могущественного государства Кангюй (II в. до н. э. – начало IV в. н. э.) способствовало росту укрепленных поселений и городов, развитию ремесла и торговли, укреплению этнокультурных связей оазиса с Согдом и соседними областями бассейна р. Сырдарьи. Археологические и палеоантропологические материалы конца III – начала IV в. указывают на пребывание здесь хуннов, под воздействием которых часть кангюйцев мигрировала вверх

по Сырдарье, в Среднюю Азию и на Средний Восток. Другая часть продвинулась через Приаралье на Кавказ. После распада государства Кангюй оазис, возможно, входил в состав Эфталитского государства, включавшего большую часть Средней Азии. Во второй половине VI в. ряд среднеазиатских владений принадлежал тюркам, которыми правили тюркские династии, что подтверждается данными письменных источников и нумизматическими материалами. По археологическим материалам в Отрарском оазисе в VI – первой половине VIII в. складывался новый культурный комплекс с местными традициями и элементами инновации. С продвижением тюркских племен часть населения средней Сырдарьи была вытеснена в дельты Сырдарьи и Амударьи, где сформировалась кердерская культура. Оставшееся население вошло в состав

владения Кангу Тарбан, существовавшего в VII–IX вв. с центром в Отраре (Байпаков, 2012, с. 188). В эпоху арабского нашествия русло Сырдарьи на всем протяжении превратилось в линию противостояния и войны между арабами и войнами Тюркского каганата. Только после битвы на Таласе в 751 г. в этом пограничном районе происходит стабилизация и восстановление экономической жизни.

Следы миграционных процессов, происходивших в бассейне р. Сырдарьи в посткангуйскую эпоху, проявляются, прежде всего, на археологических памятниках. В VI–VII вв. прекращают свое существование многие из поселений и городов Отрарского оазиса. Некоторые из них в период длительного запустения постепенно разрушались и к концу раннего средневековья уже превратились в бугры, которые население оазиса использовало под кладбище. Таковым является бугор Бесиншитобе, где разновременные захоронения частично прорезали конструкции нижележащего строительного горизонта. Поверх оплывших руин других поселений позже появляются постройки новых жителей оазиса. Для возведения новых построек на месте старых конструкций обычно их нивелировали, углубления засыпали грунтом. Однако руины отдельных сооружений плотно замуровывались чередующимися рядами ленточной пахсы и сырцового кирпича. Такие объекты были зафиксированы на территории шахристана городища Куюк-Мардан и центрального бугра городища Пшакшитобе (Байпаков, Авизова, 2015, с. 182–183).

Монуменальность куюкмарданского сооружения, многометровый кирпичный заклад, в котором оно было

замуровано, а также многочисленные находки бус, амулетов, бронзовых нагубников и наглазников, полученные при разборке кирпичной закладки, позволяют говорить о его небытовом характере. Небольшой объем работы также не позволяет пока определить функциональное назначение многокомнатного монументального сооружения, обнаруженного на городище Пшакшитобе. Незначительное количество лепной посуды было получено из пола помещения 1, а также из слоя золисто-рыхлых отложений и сплошной кладки, перекрывающих доисламское сооружение. Только верхний строительный горизонт и хозяйственные ямы, которые были спущены из разных горизонтов раскопа, содержали значительное количество гончарной керамики, фрагментов стеклянных, костяных и бронзовых изделий.

На данном этапе исследований прослежены несколько строительных периодов существования городища Пшакшитобе. Конструкции верхнего строительного горизонта кангарского и раннекараханидского времени не сохранились. Коллекции керамики и других находок этого горизонта датируются пределами от VII в. до X–XI вв. Верхняя кирпичная закладка относится к третьему строительному периоду, который датируется IV–V вв. К следующему более раннему периоду относятся остатки сооружения, находящегося под слоем кирпичной закладки.

Настоящая статья посвящена публикации тамгообразных знаков из раскопок на Пшакшитобе, Бесиншитобе и Куюк-Мардан. К сожалению, некоторая часть их представлена не полностью из-за фрагментарности самих сосудов. Немногочисленная, но весьма выразительная группа на-

ходок, на наш взгляд, заслуживает отдельной публикации и пополнит фактологическую базу по проблеме о знаковой системе древности и ранне-средневековья.

Переходя к общей характеристике знаков, отметим, что они не отличаются разнообразием техники исполнения. Знаки-тамги наносились еще до обжига по сырой глине и покрытия ангобом методом прочерчивания. В качестве инструмента для нанесения знаков, возможно, применялись палочки и косточки с острым или закругленным концом разного диаметра. По типу знаки разнообразны.

Знаки-тамги с городища Пшак-шитобе. Их можно разделить, исходя из стратиграфического положения, на три группы.

Наиболее раннюю группу, видимо, составляют знаки, представленные на фрагментах крупных тарных сосудов из помещения № 1 (Байпаков, Авизова, Есжан, Акылбек, 2016, с. 405). Здесь внутри помещения не были зафиксированы ни следы очага, ни остатки перекрытий и других находок. Исключение составляют фрагменты керамической тарной посуды, использованные для облицовки пола и основания стен одного из помещений (рис. 1). Возможно, что перед забутовкой весь строительный мусор и остатки утвари из помещений были вынесены наружу. Довольно большое помещение (7,0×3,5 м) практически доверху (глубина залегания пола достигает 2,8 м) было плотно забутовано чередующимися рядами ленточной пахсы (толщина 10–12 см) и сырцового кирпича (50–55×25–27×10 см). Стены помещения сложены из сырцовых кирпичей того же размера и покрыты гладкой многократной глиня-

ной штукатуркой. На одной стороне кирпичей имелись знаки-метки. Они наносились на кирпичи пальцами рук в виде нескольких узких овальных углублений.

подавляющее большинство фрагментов составляют стенки, венчики и донца лепных красноглиняных сосудов, украшенных традиционными потеками темного или красного ангоба. Внутренняя и наружная поверхность хумов подправлена кистью рук. На отдельных фрагментах имеются прочерченные по сырой глине орнаменты и тамгообразные знаки. Аналогичные по форме и орнаментации хумы известны из комплексов первой половины I тыс. н. э. Средней Сырдарьи (Левина, 1972, с. 119–121, рис. 35–37; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 127–128, рис. 89–90).

Знак в виде треугольника с вертикальной чертой, опущенной из середины его основания, представлен на одном из фрагментов хума (рис. 2: 1). Нижняя часть тамги (часть черешка) сохранилась не полностью. Такая форма знака хорошо известна с древнейших времен. Близкие по времени аналогии имеются в различных частях иранского и тюркского мира древности и средневековья. Кроме основного типа широко распространены усложненные варианты с добавлением дополнительных черточек и других элементов к черешку или верхнему треугольнику. Наиболее ранние из них представлены на строительных материалах Персеполя и Суз ахеменидского Ирана (Boardman, pl. 7–8, fig. 11; 12; 14), а также на кирпичях в Капарасе (IV в. до н. э.), на ранней керамике Елхараса и Кой-Крылган-калы древнего Хорезма (Яценко, 2001, с. 182, рис. 32: 54–55,

Рис. 1. 1 – план помещения № 1 городища Пшакшитобе;
2 – выкладка пола керамикой.

Fig. 1. Layout of room № 1 of ancient settlement of Pshakshitobe; 2 – ceramic flooring.

210; с. 177, рис. 27: 7, 38, 98). Разнообразные варианты этого типа знака представлены в отдельных регионах Сарматии во второй половине I – первой половине II в. н. э. (Яценко, 2001, с. 155, рис. 5: 23, 55, 66, 75, 112–113, 124). Близкую аналогию этому знаку имеем в знаменитом скоплении петроглифов на р. Цаган-чулун в Западной Монголии I–II вв. (Яценко, 2001, с. 91, рис. 35: 76). Схожие знаки

встречаются на керамике городища Канка Ташкентского оазиса (Филанович, 1983, табл. III).

Второй знак-тамга в виде горизонтальной линии, концы которой вогнуты под острым углом вниз, затем закручены в разные стороны, напоминая схематизированное изображение бараньих рогов (рис. 2: 2). Точно такая тамга на керамике пока нам неизвестна. Как известно, баран

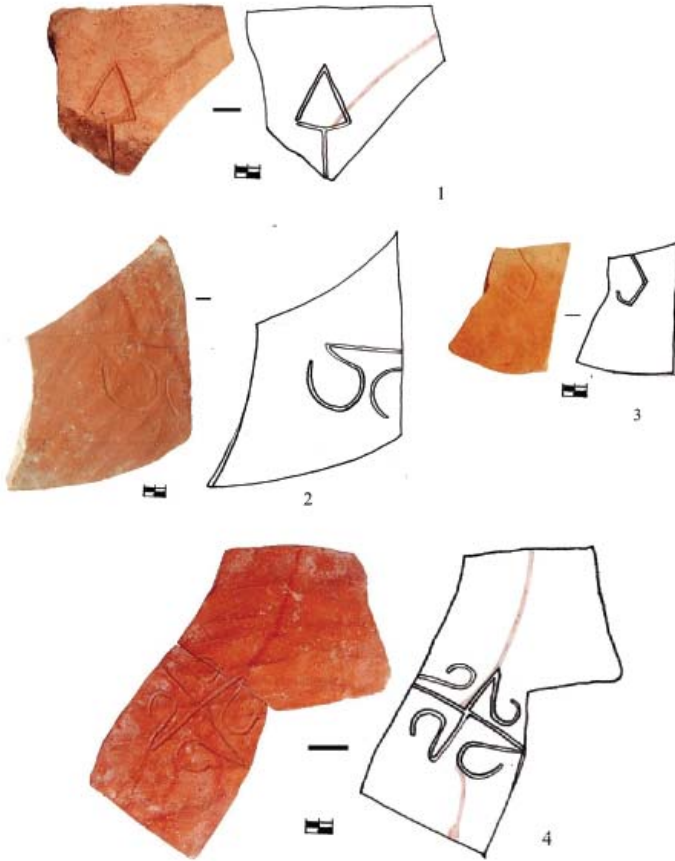

Рис. 2. Знаки, представленные на фрагментах крупных тарных сосудов из помещения № 1.

Fig. 2. Signs, represented on fragments of large container vessels from room № 1.

был культовым животным в Средней Сырдарье, и знак бараньих рогов символизировал благополучие и богатство. Схожая тамга обнаруживается на одной из первых эпизодических, как полагают исследователи, хорезмийских медных монет после кушанских царей (Вайнберг, 1977, с. 53, табл. XXIX, тип Б²20). Более усложненный вариант (с двойными завитками) тамги этого типа представлен на монетах хорезмийского царя Азкацвара Чагана рубежа VII–VIII вв. н. э. (Вайнберг, 1977, с. 39, табл. XXVI, тип Г11). Этот знак типологически близок также лирообразным тамгам, разновидности которых встречаются на наскальных рисунках Кочкорской долины и Чуй-Илийского между-

речья, на монетах чачских тегинов VII–VIII вв. н. э. и правителей Ферганы (Бабаяров, Кубатин, 2011, с. 300, рис. 3). Однако они имеют более округлую форму и имеют дополнительные детали.

Следующий знак представлен не полностью. Сохранился только его крючкообразный конец (рис. 2: 3). Похожий знак известен на стенке хума из нижнего строительного периода Актобе 1 Ташкентского оазиса (Левина, 1972, с. 117, рис. 34: 20). Памятник датируется I – началом IV в. н. э.

Имеется свастикообразный знак (рис. 2: 4). Основу его составляет равносторонний крест, концы которого сначала «сломааны» под острым углом налево, а затем сильно загнуты

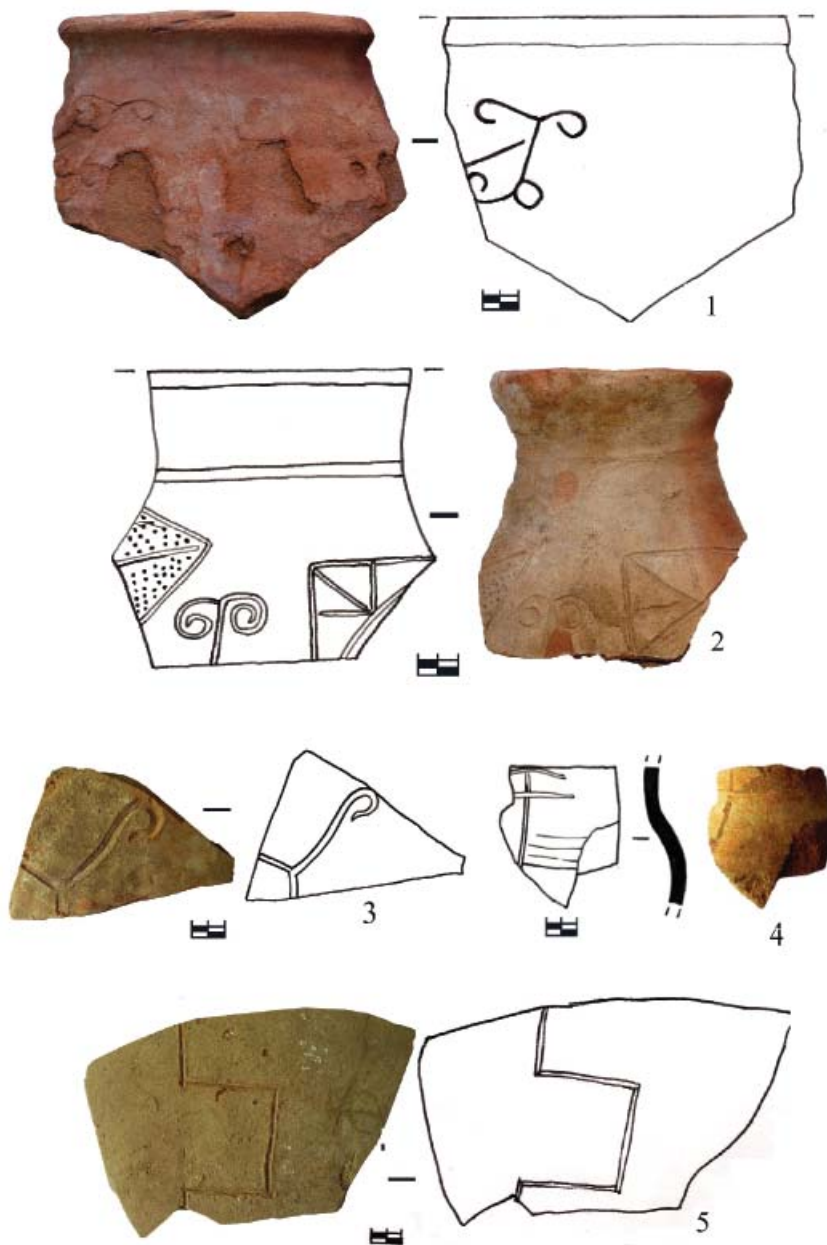

Рис. 3. Знаки на фрагментах керамики, полученных из разных частей раскопа.

Fig. 3. Signs on fragments of ceramics, obtained from different parts of the excavation.

вправо. В керамике Средней Сырдарьи почти идентичная тамга представлена на плечике хума из слоев I–II вв. н. э. городища Культобе (Смагулов, Ержигитова, Торгоев, Смагулов, Яценко, 2014, с. 63, рис. 2: 3; 5, с. 181–188,

рис. 6: 1). Знак широко представлен в «энциклопедиях» Сарматии и, по мнению исследователей, принадлежит одному из знатных кланов, игравший особую политическую роль между Волгой и Дунаем. Так, тамга

этого клана представлена на плитах № 43 из Кривого Рога и № 51 из Пантикапея (Соломоник, 1959, с. 97–98; с. 107–108; с. 169, рис. 174; Яценко, 2001, рис. 12), а также на плитах П-207 и П-205 из Танаиса (Яценко, 2001, с. 74, рис. 22: А–14, рис. 23: а). Тамги на плите П-205 датируется I – серединой II в. н. э. Аналогичный знак изображен на краснолаковой тарелке из погребения некрополя Битак, которое датируется первой четвертью II в. н. э. (Пуздровский, 2011, с. 373–381; Смагулов, Яценко, 2014, рис. 6: 3).

Во вторую группу включены знаки, представленные на фрагментах хумов и более мелких корчаг, полученных из разных частей раскопа. Часть обнаружена при зачистке и разборке закладки монолитного сооружения. Есть керамика из верхнего горизонта золисто-рыхлых отложений под дерновым слоем. Они тоже изготовлены от руки.

Знак в виде парой закрученных бараньих рогов, соединенных вертикальной черточкой, сохранился под горловиной красноглиняной корчаги (рис. 3: 1). Его можно отнести к более усложненному варианту (с дополнительными «полукругами» сверху и внизу) тамги S-образного типа. Изображения барана и «бараньих рогов» в виде фигурок, наверший ручек сосудов, налепов широко представлены в материальной культуре кангюйских племен бассейна Сырдарьи. Наиболее многочисленны налепные орнаменты в виде латинского знака S, а также в виде отходящихся или сходящихся полукругом двух валиков, имитирующих бараньи рога. Родственные варианты этого типа тамги обнаруживаются на ахеменидских печатях (Boardman. pl. 1, fig. D15,16, D17) и на петроглифах в Южной Монголии

I–II вв. (Яценко, 2001, с. 185, рис. 35: 96–97). Знак, сходный нашему, имеется на известняковой плите № 47 из Керчи (Соломоник, 1959, с. 103) и в комплексе сармато-аланских знаков из Мартыновского клада в Нижнем Поднепровье (Яценко, 2001, с. 186, рис. 36: 168).

Еще одна красноглиняная хумча, покрытая более светлым ангобом, украшена богатым прочерченным орнаментом из различных знаков по сырой поверхности (рис. 3: 2). Часть знаков уходит под обломок сосуда. В центре мы видим опять закрученные бараньи рога по одну сторону, от которого нарисован квадрат. Последний по углам разделен на четыре равнобедренных треугольника, заполненных точечным орнаментом в технике накладки. С другой стороны изображен второй квадрат. Его поле делит прочерченная восьмилучевая звезда на восьмигранных треугольниках. Иначе говоря, в квадрате пересекается два квадрата, один вписан лучами по углам квадрата, другой вписан лучами по сторонам квадрата.

Остальные знаки представлены не полностью. Один из них в виде стерженька, увенчанного двумя закругленными в разные стороны концами (рис. 3: 3). Еще один фрагмент, прочерченный по сырой глине тамги, сохранился под горловиной лепного кувшина (рис. 3: 4). Другой знак в виде меандра прочерчен на стенке хума (рис. 3: 5).

К третьей группе относятся знаки на керамике, полученной из хозяйственной ямы № 14. Два из них прочерчены на плечиках (рис. 4: 1–2), один – на стенке водоносных кувшинов (рис. 4: 3). Все они изготовлены из плотного теста хорошего обжига,

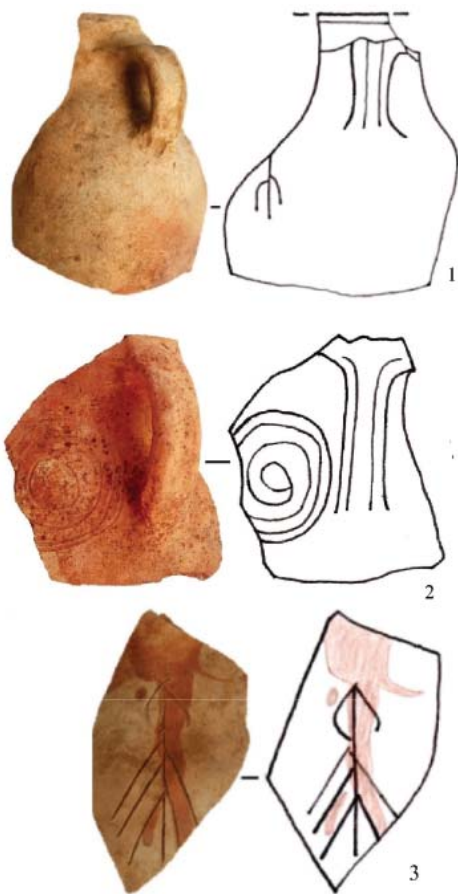

Рис. 4. Знаки на керамике, полученной из хозяйственной ямы № 14.

Fig. 4. Signs on ceramics, obtained from the dust-hole № 14.

розовато-красные в изломе, покрыты красным ангобом, некоторые из них украшены потеками красной краски. Комплекс керамики данной ямы датируется IV–V вв. н. э.

Знаки-тамги из городища Куюк-Мардан. Из четырех знаков только один представлен на кружке, остальные – на фрагментах крупных тарных сосудов.

Знак-тамга в виде «сердечка» был прочерчен под горловиной красноглиняного лепного хума большой емкости (рис. 5: 1). Диаметр венчика 55 см, диаметр тулова 85 см, диаметр дна 45 см. Поверхность сосуда украшена обильными потеками темно-ко-

ричевой краски. Хум был обнаружен в помещении № 7Б, вскрытом в северо-западной части цитадели городища. Родственные тамги имеются на керамике городища Сидак в Туркестанском оазисе (Смагулов, Яценко, 2008, с. 20, рис. 14: 29).

Следующий знак в форме свастики с закругленными направо концами сохранился под горловиной сильно закопченного и раздавленного тарного сосуда (хумчи), найденного в одном из помещений монументальной постройки на территории шахристана (рис. 5: 2). Строгие прямоугольные формы свастики часто встречаются на камнях в Пасаргадах, Сузах и Сардах (Boardman. pl. 6–7, fig. 7; 10; 11). Знаки, очень близкие нашему, встречаются на ахеменидских печатях и монетах (Boardman. pl. 1–4, fig. 1, D64; 4). Близкие по форме знаки встречаются на плите из Алтайских курганов, на стене пещеры Ак-Кая № 1, на сарматских зеркалах из погребений Прикубанья II–III в. н. э. (Соломоник, 1959, с. 18, рис. III; с. 36–37, рис. VI). Свастика с закругленными концами нанесена на деревянную арфу из погребения в Козырке и на плиту из Танаиса середины I – середины II в. н. э. (Яценко, 2001, с. 73, рис. 21: 1). Но некоторые из перечисленных свастик являются правосторонними, т.е. концы креста

Рис. 5. Знаки-тамги из городища Куюк-Мардан и Бесиншитобе.

Fig. 5. Signs-tamga from the hillfort of Kuyuk-Mardan and Besinshitobe.

повернуты налево по часовой стрелке. В древнем Хорезме аналогичный знак был царским. Он имеется на монетах, найденных при раскопках Куны-Уаза в древнем Хорезме (тип Б²V/1, Б²V/2 и Б²V/3 по Вайнберг). Монеты датируются последней третью III в. н. э. (Вайнберг, 1977, с. 54, табл. XI, XV, XVI). По мнению Вайнберг Б.И. тамга этого типа нехарактерна для хорезмийской династии и появление ее в Хорезме связана с районом Средней Сырдарьи. В керамике близлежащих районов такая же тамга присутствует

на керамике городища Сидак в Туркестанском оазисе (Смагулов, Яценко, 2008, с. 20, рис. 14: 22).

Наконец, тамга, относящая к типу антропоморфных знаков (рис. 5: 3). Красноглиняная лощеная кружка, покрытая темным ангобом, найдена в помещении № 6 монументального сооружения на территории шахристана. На стенке ее прочерчен знак, напоминающий схематизированное изображение человека, держащего в руке копье с крестовидным навершием. Различные варианты этого знака

широко представлены на кирпичах и на керамике Калалы-Гыра 2, Елхараса и Кой-Крылган-калы древнего Хорезма, а также на кирпичах ранних словес Афрасиаба (Яценко, 2001, с. 177, рис. 27: 1, 6, 24; 29: 126б, 134).

Тамга с двойными завитками на концах перевернутого V-образного знака найдена на городище Бесиншитобе (рис. 5: 4). Она прочерчена по бортику с наружной стороны небольшой тонкостенной сферической чаши из красной глины с вертикальным бортиком, отделенным от нижней части резервуара кольцевой ложбиной. Форма чаши типична для поселений отрарско-каратауской культуры IV–VI вв. Данная тамга и ее разновидности широко представлены на реверсах чачских монет эпохи Западно-Тюркского каганата последней четверти VI–первой половины VIII в. (Бабаяров, Кубатин, 2007, с. 99, приложение 1; 2010, с. 336, табл. I).

Таким образом, на керамике памятников Отрарского оазиса обнаружено

небольшое количество знаков-тамг, которые представлены разнообразными типами. Знаки отличаются весьма четкой техникой нанесения. Основу подавляющего большинства знаков составляют строго прямые линии, которые в основном завершаются закругленными концами. Сравнительный анализ их с наlepными орнаментами, широко представленными в материальной культуре кангюйских племен бассейна Сырдарьи, позволяет считать их как кангюйские. Некоторые из них позже, возможно, были использованы местными правителями Чача и Хорезма. Аналогии знакам найдены среди материалов ахеменидского Ирана, древнего Хорезма, Сарматии I–III вв. н. э. и Средней Сырдарьи I–VIII вв. н. э. Дальнейшее выявление и изучение тамг на керамике Отрарского оазиса с привлечением материалов из раскопок, возможно, позволит делать более обоснованные выводы относительно их датировки и этнической принадлежности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата: «Наука», 1972. 213 с.
2. *Бабаяров Г., Кубатин А.* К вопросу о генезисе тамг на монетах Западно-Тюркского каганата // *Материалы Междун. науч. конф. «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспектив», посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. III / Отв. ред. А.З. Бейсенов.* Алматы: Институт археологии, 2011. С. 295–303.
3. *Бабаяров Г., Кубатин А.* Методы идентификации и определения последовательности выпусков монет Западно-Тюркского каганата // *Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие / Отв. ред. Б.Е. Кумекоев.* Алматы: Институт археологии, 2010. С. 333–342.
4. *Байпаков К.М.* Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Книга I. Алматы: Институт археологии, 2012. 390 с.
5. *Байпаков К.М., Авизова А.К.* Археологические раскопки Пшакшитобе и Бесиншитобе в Отрарском оазисе // *Изв. НАН РК, сер. обществ. наук, 2015. № 6. С. 182–214.*
6. *Байпаков К.М., Авизова А.К., Есжан Е.А., Акылбек С.Ш.* Раскопки городища Пшакшитобе эпохи Кангюй // *Материалы Междун. науч. конф. «Актуальные проблемы археологии Евразии», посвящ. 25-летию независимости Республики Казахстан и*

25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии, 2016. С. 395–413.

7. *Вайнберг Б.И.* Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977. 195 с.
8. *Левина Л.М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М.: Наука, 1971. 252 с.
9. *Максимова А.Г., Мерицьев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Древности Чардары. Алма-Ата, 1968. 264 с.
10. *Пуздровский А.Е.* Граффити на краснолаковой посуде из могильников Крымской Скифии // Материалы Междун. науч. конф. «Боспорский феномен. Население, языки, контакты» (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.) / Ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб: Нестор-История, 2011. С. 373–381.
11. *Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торгоев А.И.* Открытие архитектурного комплекса цитадели древнего Ясы/Туркестана // Материалы Междун. науч. конф. «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспектив», посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. III / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии, 2011. С. 61–71.
12. *Смагулов Е.А., Яценко С.А.* Святилище Сидак – один из религиозных центров доисламского севера Средней Азии (некоторые культовые объекты V–нач. VIII вв.) // *Transoxiana*. 2008. No. 13. Доступно по URL: <http://www.transoxiana.org/13>.
13. *Смагулов Е.А., Яценко С.А.* Тамгообразные знаки из доисламских слоев памятников Туркестанского оазиса (Средняя Сырдарья) // Материалы IV Междун. науч. конф. «Кадырбаевские чтения – 2014» / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Актобе: Актюбинский областной историко-краеведческий музей, 2014. С. 175–188.
14. *Яценко С.А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.
15. Boardman John. Seals and signs. Anatolian Stamp Seals of the Persian Period Revisited // In: *Iran*, Vol. 36 (1998), pp. 1-13. Доступно по URL: <http://www.jstor.org/stable/4299972>.

Информация об авторах:

Байпаков Карл Молдахметович, академик НАН РК, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом изучения номадизма и урбанизации, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); kbaipakov@mail.ru

Авизова Аиман Караидаровна, кандидат исторических наук, доцент, Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова (г. Шымкент, Казахстан); aimanavizova@mail.ru

TAMGA-SHAPED SYMBOLS ON CERAMICS FROM THE SITES OF OTRAR OASIS OF THE PRE-ARABIC PERIOD

K. M. Baipakov, A. K. Avizova

The article considers tamga-shaped symbols from excavations at Pshakshitobe, Besinshitobe and Kuyuk-Mardan settlements in Southern Kazakhstan. Tamga symbols on ceramics are represented by various types. They are distinguished by clearly defined application techniques. A vast majority of symbols are based on absolutely straight lines with generally rounded ends. A comparison of tamga-shaped symbols with pasted ornaments frequently encountered in the material culture of Kanguy tribes in the basin of the Syrdaria allows to consider the former as Kanguy. Perhaps, some of them were subsequently used by the local rulers of Chach and Khwarezm. Counterparts of the symbols in questions have been discovered in materials from Achaemenid Iran, ancient Khwarezm and Sarmatiya of 1st – 3rd centuries A.D., and the Middle Syrdaria region of 1st – 8th centuries A.D. Further identification and study of tamgas on the ceramics from Otrar oasis with the involvement of

materials from excavations will probably allow to draw more substantiated conclusions with respect to their dating and attribution.

Keywords: archaeology, Southern Kazakhstan, ceramics, tamga symbols, Kanguy period, Otrar-Karatau culture, seals, swastika-shaped symbol.

REFERENCES

1. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., et al. 1972. *Drevnii Otrar (topografiia, stratigrafiia, perspektivy) (Ancient Otrar (topography, stratigraphy, perspectives))*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Babaiarov, G., Kubatin, A. 2011. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektiv", posviashch. 20-letiiu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 20-letiiu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana (Proceedings of International Research Conference "Kazakhstan Archaeology in the Period of Independence: Results and Perspectives" dedicated to the 20th anniversary of independence of the Kazakhstan Republic and the 20th anniversary of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan)* III. Almaty: Institute of Archaeology, 295–303 (in Russian).
3. Babaiarov, G., Kubatin, A. 2010. In Kumekov, B. E. *Kazakhstan i Evraziia skvoz' veka: istoriia, arkheologiya, kul'turnoe nasledie (Kazakhstan and Eurasia through Centuries: History, Archaeology and Cultural Heritage)*. Almaty: Institute of Archaeology, 333–342 (in Russian).
4. Baipakov, K. M. 2012. *Drevniia i srednevekovaia urbanizatsiia Kazakhstana (Ancient and Medieval Urbanization of Kazakhstan)* I. Almaty: Institute of Archaeology (in Russian).
5. Baipakov, K. M., Avizova, A. K. 2015. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 6, 182–214 (in Russian).
6. Baipakov, K. M., Avizova, A. K., et al. 2016. In Baitanaev, B. A. *Materialy Mezhdun. nauchnoi konferentsii "Aktual'nye problemy arkheologii Evrazii", posviashch. 25-letiiu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 25-letiiu Instituta arkheologii im. A. Kh. Margulana (Proceedings of International Research Conference "Urgent Matters of Eurasian Archaeology" dedicated to the 25th anniversary of independence of the Kazakhstan Republic and the 25th anniversary of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan)*. Almaty: Institute of Archaeology (in Russian).
7. Vainberg, B. I. 1977. *Monety drevnego Khorezma (Coins of Ancient Khwarezm)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Levina, L. M. 1971. *Keramika Nizhnei i Srednei Syrdar'i v I tysiacheletii n. e. (Ceramics from Lower and Middle Syrdarya in 1st Millennium A.D.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Maksimova, A. G., Mershchiev, M. S., et al. 1968. *Drevnosti Chardary (Antiquities of Chardara)*. Alma-Ata (in Russian).
10. Puzdrovskii, A. E. 2011. In Vakhtina, M. Yu., et al. (eds.). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Bosporskii fenomen. Naselenie, iazyki, kontakty" (Sankt-Peterburg, 22–25 noiabria 2011 g.) (Proceedings of International Research Conference (Bosporan Phenomenon. Population, Languages and Contacts) (Saint Petersburg, November 22-25, 2011))*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 373–381 (in Russian).
11. Smagulov, E. A., Erzhigitova, A. A., et al. 2011. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy", posviashchennoi 20-letiiu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 20-letiiu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana (Proceedings of International Research Conference "Kazakhstan Archaeology in the Period of Independence: Results and Perspectives" dedicated to the 20th anniversary of independence of the Kazakhstan Republic and the 20th anniversary of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan)* III. Almaty: Institute of Archaeology, 61–71 (in Russian).
12. Smagulov, E. A., Iatsenko, S. A. 2008. *Sviatilishche Sidak – odin iz religioznykh tsentrov doislamskogo severa Srednei Azii (nekotorye kul'tovye ob"ekty V–nach.VIII vv.) (Sidak Sanctuary as a*

Religious Center of the Pre-Islamic North of Central Asia (Certain Cult Sites of 5th – early 8th Centuries)). In *Transoxiana* 13 (in Russian).

13. Smagulov, E. A., Iatsenko, S. A. 2014. In Bisembaev, A. A. (ed.). *Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Kadyrbaevskie chteniia – 2014"* (*Proceedings of 4th International Research Conference "Kadyrbaev Readings – 2014"*) Aktobe: Aktobe Regional Historical and Local Lore Museum, 175–188 (in Russian).

14. Iatsenko, S. A. 2001. *Znaki-tamgi iranoiazыchnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ia (Tamga Symbols of Iranian-Speaking Ancient and Medieval People)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

15. Boardman, John. 1998. *Seals and signs. Anatolian Stamp Seals of the Persian Period Revisited*. In: *Iran*. Vol. 36, 1-13.

About the Authors:

Baipakov Karl M. Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010, the Republic of Kazakhstan; kbaipakov@mail.ru

Avizova Aiman K. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. South Kazakhstan State University named after M. Auezov. Tauke-khan Ave., 5, Shymkent, 160018, the Republic of Kazakhstan; aimanavizova@mail.ru

Статья поступила в номер 30.05.2017 г.

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ МАРИЙСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ «ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ
И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ»
(13-16 АВГУСТА 2016 Г., РЕСПУБЛИКА МАРИЙ ЭЛ, П. ЮРИНО)**

УДК 902.01

DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.3.21.168.189>

**ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
В МАРИЙСКОМ ПОВОЛЖЬЕ**

© 2017 г. В.В. Никитин

В статье представлены результаты 60-летних работ Марийской археологической экспедиции, начатых А.Х. Халиковым в середине прошлого столетия на стоянке II Русско-Луговская. К настоящему времени известно 214 пунктов мезолитического периода. Раскопками исследованы остатки 24 построек. Полученные данные указывают на оседлый образ жизни мезолитических коллективов, определен своеобразный специфический орудийный поселенческий набор. В неолитическую эпоху выделяются три культурных образования. К раннему неолиту относятся комплексы 40 построек с посудой накольчатого (лесостепного) типа. Оригинальность этой посуды с плоскими днищами и накольчатой орнаментацией позволяет автору выделить особую культуру. Вторая культура генетически связана с волго-окскими племенами, изготовлявшими посуду с гребенчато-ямочным орнаментом. Раскопками изучено 8 построек. Материальная культура близка культуре балахнинских племен Волго-Окского междуречья. Культура поселения с волго-камскими традициями в регионе представлена остатками 3 построек развитого неолита. На грани эпохи камня и металла бытовал средневожский вариант волосовской культуры. Раскопками изучены остатки 70 построек. Своеобразие материальных комплексов позволяет автору выделить на данной территории оригинальную культуру (в рамках волосовской историко-культурной общности). Эта культура зарождалась в эпоху неолита и завершилась с приходом балановского населения с навыками придомного скотоводства и металлургии.

Ключевые слова: археология, Марийское Поволжье, мезолит, неолит, энеолит, культура с накольчатой керамикой, балахнинская культура, волго-камская культура, средневожский вариант волосовской историко-культурной общности.

Системное изучение каменного века в регионе было положено исследованиями А.Х. Халикова в связи с работами созданной в 1956 году Марийской археологической экспедиции (далее МарАЭ).

Мезолит. В 1956–1959 гг. (годы интенсивных разведочных и исследовательских работ) экспедицией выявлено 4 памятника: Русско-Луговская II, Ужара (распахана) и Курманаевская (шурфы 15 кв. м), Кромка (распахана).

В настоящее время на карту региона нанесено 214 пунктов с материалом мезолитического времени. Среди них 135 пунктов имеют топографически выраженные признаки постоянных поселений в виде западин от древних построек, насчитывающих от 1 до 12 впадин. Установлены районы интенсивно освоенные и плотно заселенные. Выявлены границы хозяйственного освоения и зоны кратковременных сезонных стоянок.

Исходя из современного состояния источников можно указать наиболее крупные зоны жизнедеятельности: левобережье Волги от р. Дорогучи до р. Ветлуги (Дорогучский, Удельный, Сутырский куст); левобережные волжские от устья р. Арды до р. Мукшум (Дубовские, Отарские, Паратские, Мукшумские); в приустьевой части р. Илети (Волжские). Мощный куст памятников известен по старичному руслу М. Кокшаги (Трояры, Северные Выселки, Сергушкино). Цепочка стоянок и поселений отмечена в правобережье Волги. Здесь стоянки приурочены к приустьевым участкам притоков. К сожалению, пойменная часть правобережья Волги осталась не исследованной и в этом состоянии ушла под воду Чебоксарского водохранилища. Хотя, судя по картам 50-х гг. прошлого века, здесь были обширные поймы со старичными озерами и протоками шириной от 3 до 7 км. О возможности существования здесь мезолитических памятников свидетельствует стоянка на острове Зеленый у г. Козьмодемьянска, размытые водохранилищем стоянки Владимирская, Шунангерская, Юльяльские.

Территория распространения мезолитических образований ограничивается на западе рекой Дорогучей, цепочкой поселений проходит по р. Люнде, правому притоку р. Ветлуги, на северо-западе смыкается с памятниками подобного рода в Воскресенском районе Нижегородской области (Буслаевские), по всей вероятности близкие в культурном отношении марийской группе поселений. Несколько ниже по течению Ветлуги известны стоянки Кромка и Огибное и куст поселений на р. Выжум (левый

приток Ветлуги). Северная граница намечается по среднему течению р. М. Кокшага (стоянка Курманаево) и Б. Кокшага (стоянка Шушер) и кратковременными стоянками по правобережным притокам р. Вятки (Буй, Немда, Уржумка).

Поселения с остатками построек выявлены по левобережным притокам Волги до границ с Нижегородской областью (по Ветлуге) на западе ареала распространения культуры и в верховьях р. Илети. Подобного рода памятники выявлены чувашскими археологами на р. Мукшум в левобережье Волги и на р. Суре у г. Алатырь. Таким образом, левобережные поселения мезолитического времени на западе смыкаются с культурой бутовского типа, на северо-востоке и востоке соседствуют с камской и устькамской культурами.

Еще в середине 50-х гг. прошлого века А.Х. Халиков раскопал стоянку у д. Русская Луговая, на которой изучил единственную на то время мезолитическую постройку в Европейской части СССР. К настоящему времени раскопаны 24 постройки (без учета раскопанных жилищ чувашскими археологами на Мукшуме и Утюже).

Топография поселений практически не отличается от сезонных стоянок и кратковременных стойбищ. Наиболее плотное заселение приурочено к пойменным пространствам с системой старичных озер с протоками, часто омывающими возвышенные участки суши, создавая длинные узкие языки дюнной гряды.

Картографирование показало, что основная территория обитания мезолитического коллектива базируется вблизи водной магистрали, позволя-

ющей свободно перемещаться на значительные расстояния, используя для этого примитивные плавсредства.

Раскопками исследованы остатки 24 построек. Два поселения изучены практически полностью: Удельно-Шумецкое X (9 построек из 12; Ясачное – 4 из 4). Планировка поселений, имеющих систему построек (не менее 4), двухрядная и продиктована характером местности. Обычно жилища располагаются параллельными рядами вдоль края террасы, дюны или береговой линии. Расстояние между постройками варьирует от 4 до 10 м. Постройки на поселении в основном изолированы друг от друга, редко соединены переходом.

Анализ жилищ с учетом их площади показывает, что в мезолите преобладают небольшие постройки (10–32 кв. м) – 52%, постройки площадью около 50 кв. м составляют 24%, сооружения до 90 кв. м – 12%, жилища площадью 100 и более кв. м представлены также 12% (Никитин, Соловьев, 2002, с. 52–55; Никитин, 2002в, с. 363–369).

Полученные материалы по устройству жилищ, позволяют сделать его реконструкцию. Как правило, основу жилища составлял углубленный в грунт котлован (от 0,5 до 1 м) с отвесными стенками, предполагавшими какую-то крепежную конструкцию типа плетня или зажатых кольями жердей. Выявлены детали двухскатного перекрытия и обустройства входов-выходов и переходов. Выход-вход иногда опущен ниже уровня пола и снабжен ступеньками из пней и плах. Внутренний интерьер простой, без особых отгороженных участков. Очаги и хозяйственные ямы не имеют устойчивого места, устраиваются на

новом месте по мере разрушения старого. Спальные места могли быть на бровке котлована между наклонным скатом крыши или устроены по типу полатей под крышей, не исключено применение подвесных гамаков.

Полученные коллекции материальной культуры в виде изделий из камня (основные наборы) и костяных предметов (редких) дают представление о хозяйственной деятельности насельников стоянок и поселений. Наборы орудий двух типов (стоянки и поселения) освоенного пространства сильно отличаются. Это обстоятельство объясняется, прежде всего, экономической задачей или хозяйственной целесообразностью коллектива, оставившего тот или иной технокомплекс. Естественно предположить, что коллективы охотников или рыболовов на сезонном стойбище оставят адекватные своему промыслу орудийные наборы.

По нашим наблюдениям установлено, что на стоянках слабо выражен процесс первичного расщепления кремня, а на некоторых (Шартнейка III) он и вовсе не просматривается. Отсюда и необычайно высокий процент пластинчатой техники. Поселенческие наборы всегда будут представительнее и разнообразнее наборов стоянок.

В наборе инструментария для технокомплекса этого времени характерно: разнообразие в формах и обработке скобле-режущих изделий, обилие деревообрабатывающих орудий, разнообразный набор острий. Характерной особенностью технокомплекса является значительный процент резцов – 8–33% на поселениях и 18–31% на стоянках. На стоянках найдено больше наконечников, чем на посе-

лениях. Так, на площади 10 построек Удельно-Шумецкого X поселения найдено около 20 наконечников (по 2 на постройку), на Ясачном – 4 (по 1 на постройку), на Дубовском XIII – 3, на Дубовском XXIII – 1, на Нижней Стрелке VI – 9, Русско-Луговой – 3 стрелки и 2 трапеции. На стоянках, при значительно меньшем количестве орудий, наконечники представлены: Шартнейка III – 6 экземпляров, Юльялы IV – 6 стрелок и 8 трапеций, Парат XI – 8 стрел и 2 трапеции, Кожла – 6 стрел и 1 трапеция, Северные Выселки – 4 стрелы и 1 трапеция, Огибная и Владимирская по 3 стрелки. Нужно учитывать и то, что на сезонном стойбище могут отсутствовать морфологически выраженные и технически совершенные орудия. Набор хозяйственного инвентаря в коллекции памятника всегда значительно больше морфологически выраженных орудий, используемых в статистических подсчетах. Часто используются куски кремня с подходящей конфигурацией кромки, угла, выступа, выемки и т.п. для применения в качестве инструмента без дополнительной обработки, особенно в классе скребков, скобелей, ножей и острий (Галимова, Никитин, 2004, с. 301–304).

Мезолитические древности Среднего Поволжья отнесены А.Х. Халиковым к волго-окской культурной области (Халиков, 1960, с. 21), позже он видит связь их с комплексами Приуралья и Сибири, хотя наблюдается некая связь с бассейном Оки и Верхней Волги (Халиков, 1969, с. 33). Л.В. Кольцов связывает эти комплексы с позднебутовскими, но при этом отмечает, что данный регион представляет собой классический пример мезолитической контактной зоны –

полосы взаимодействия культур различных традиций и генезиса (Кольцов, 1989, с. 90–91). В.В. Никитин отметил возможность выделения на территории Волго-Вятского междуречья оригинальной мезолитической культуры (Никитин, 1996в, с. 40). Позже он конкретизировал свои выводы и предложил выделить в Среднем Поволжье оригинальную мезолитическую русско-луговскую культуру (Никитин, 2006а, с. 224–232). В эту же культуру возможно отнести подобные образования Чувашского Поволжья (Березина, 2012, с. 79–135).

Не разработаны хронология и периодизация мезолита. По палинологическим анализам, мезолитические комплексы укладываются в пределы бореала – начала атлантика (VII – рубеж VII–VI тыс. до н. э.) (Халиков, 1960, с. 18; Шаландина, 1989, с. 175–179), что соответствует палинологической колонке поселения Ивановское VII на Верхней Волге, датированного по C^{14} 7860±80 и 7820±240 лет назад (Жилин и др., 2002, с. 88). Близкая дата, полученная по углю на Мукшумском XVIII поселении – 8240±220 лет назад (Березина, 2012, с. 135). Верхняя дата может быть обозначена появлением глиняной посуды в Марийско-Чувашском Поволжье в начале VI тыс. до н. э. (Никитин, 2011, с. 144).

Неолитическая эпоха в регионе представлена тремя культурными образованиями. Наиболее ранней из них являются комплексы с плоскодонной посудой и накольчатым рисунком, видимо, одновременны им комплексы с остродонными сосудами и гребенчатой орнаментацией раннего камского облика, третьим мощным образованием являются носители посуды балахинского типа.

Ранний неолит был выделен А.Х. Халиковым после исследований II Русско-Луговской стоянки позднего мезолита в отдельный этап докерамического неолита (Халиков, 1969, с. 41–49). Раскопанные А.Х. Халиковым Старомазиковские II и III стоянки в 1958 г. со смешанными комплексами посуды (накольчатая, гребенчатая и гребенчато-ямочная) были отнесены к позднему этапу неолита.

Термин «докерамический неолит» не прижился среди отечественных археологов, но сама постановка проблемы начала неолитизации в лесной полосе до появления здесь глиняной посуды имела основания, и в дальнейшем разрабатывалась автором (Никитин, 2002а, с. 293–303; 2006а, с. 254–259; 2008, с. 307–313; 2012, с. 467–498). В начале 2000-х годов В.В. Никитин развил точку зрения А.Х. Халикова на начало неолитизации в регионе. Его гипотеза сводилась к двум моментам: 1 – появление керамики связано с миграцией носителей глиняной посуды из регионов лесостепи; 2 – сосуществование пришлого неолитического и местного мезолитического населения (Никитин, 2002, с. 181–187).

На рубеже VII–VI тыс. до н. э. в лесном Волго-Камье создаются крупные поселки с системой построек разного назначения, свидетельствующие о прочной оседлости населения, контролирующего определенную систему жизнеобеспечения, способной регулировать ее функционирование лишь при возрастающей роли семейной общины. Возрастает организующая роль племенных «вождей» в связи с многофункциональностью хозяйственных проблем в разные сезоны годового цикла. Правильное распре-

деление общинных действий, направленных на круглогодичное жизнеобеспечение было возможным лишь при наличии какого-то координирующего начала. Судя по успешному освоению территории Волго-Камского региона, такое «начало» было найдено и проявилось в особом устройстве общества, способного организовываться во временные коллективы различного хозяйственного направления, главная задача которого – адаптация к создавшимся условиям для успешной жизнедеятельности и продолжения рода (Никитин, 1994б, с. 92; 1996а, с. 24–26; 1996б, с. 42–44).

Разведочными работами В.В. Никитина (1974–2007 гг.) было выявлено более 50 пунктов с наличием посуды ранне-неолитического периода (керамика с наколом и прочерком). Систематическое изучение неолитических поселений начато В.В. Никитиным в 1980 г. работами на Дубовском III поселении. Раскопом изучены остатки 14 построек. В этом же году было изучено жилище на Отарском VI поселении. Уже в следующем году Дубовское III поселение ушло под воду. В первой половине 80-х годов прошлого века были изучены постройки на Дубовских VIII и IX поселениях, Сутырском I, II, V поселениях. На некоторых из них работы были продолжены (Никитин, Королев, Николаев, Большов и др.) в 1990-е и 2000-е годы.

В итоге большими площадями исследовано 18 поселений, 17 изучены траншеями и шурфами, на 22 получены материалы ранне-неолитического времени (выделены из комплексов более позднего времени). На поселениях изучены остатки 40 построек, продолжавших домостроительные традиции предшествующего времени.

Появляются и наземные жилища, корни которых, вероятно, уходят в домостроение более южных лесостепных районов (Никитин, Соловьев, 2002, с. 52–58, 131–140).

Поселения с накольчатой посудой тяготеют к широким пойменным дюнам с множеством старичных озер, связанных протоками с основными водными путями. Долговременные жилища устраиваются на разных уровнях: пойменные всхолмления, пойменная терраса (1–3 м), дюнные гряды на террасе (4–6 м) над уровнем воды до затопления Чебоксарского водохранилища.

Постройки с углубленным котлованом небольших размеров. Так на Дубовском III поселении из 14 построек полностью сохранились 9 с углубленным до 40–60 см котлованом подчетырехугольной формы. Углубленная часть постройки варьирует в пределах 8,5–35,3 кв. м. На Дубовском VIII поселении постройки крупнее и представлены размерами котлованов, углубленных в грунт на 30–100 см с площадью пола от 36 до 87 кв. м. На Дубовском VII поселении постройки, размытые водохранилищем, по своим параметрам близки строениям Дубовского III поселения.

Постройки Отарского VI поселения в основном наземной конструкции. Из сохранившихся, полностью или частично, границ построек №№ 1 и 4 имели углубленную часть (45 и 120 см) и размеры котлована 6,6 × 4,8 и 7,5 × 8,5. Остальные наземные постройки с достаточно большим разбросом в размерах площади от 37 кв. м до 140 кв. м. Постройка на Сутырском VII поселении представлена остатками отдельных хозяйственных объектов от наземных конструкций с

неуловимыми границами в результате сильно обесцвеченного грунта. Сооружение на Сутырском V поселении имело ширину 4 м при длине около 9–10 метров, и вписывается в систему размеров жилищ Дубовского куста поселений.

Посуда. В лесной полосе Поволжья раннеолитическая посуда представлена небольшими округлобкими или прямостенными банками с плоским/плосковогнутым дном. Тонкостенные формы тщательно заглажены с обеих сторон, часть посуды с лощением внешней поверхности. Структура плотная, визуально без видимых искусственных примесей, но встречаются естественные вкрапления ракушки или органики. Большинство посуды без орнамента. Орнаментировалась посуда чаще всего треугольным наколом в скорописной или отступающей технике. Композиции простые: пояс вокруг сосуда, диагонали, зигзаги, пересекающиеся линии, редко геометрические элементы. Орнамент приурочен к верхней и нижней трети сосуда, иногда включая дно. Характерной особенностью является пояс круглых ямок по краю венчика.

Полученные в результате раскопок коллекции посуды достаточно представительные (по верхним частям учтено около 800 сосудов), 82 сосуда полностью или на 3 четверти реконструированы. Кроме них реконструировано 11 круглодонных и 1 плоскодонная чаша. Наиболее представительные коллекции: Отарское VI – 396 сосудов и Дубовское III – 72 сосуда. На этих поселениях основную массу посуды составляют округлобокые (прикрытые) и прямостенные банки: на Отарском VI 43 и 49%; на Дубовском VIII – 56 и

40%. Горшки с незначительно отогнутой горловиной найдены только на Отарском VI и Дубовском VIII поселениях и среди посуды составляяют 4%.

Ямки под венчиком – элемент весьма характерен для средневожской посуды. Он встречается на 85% сосудов Отарского VI; на 80% Отарского XVII; на 77% – Дубовского III; на 75% – Дубовского VII; 77% – Нижняя Стрелка VIII; 100% – Нижняя Стрелка IV. Донца (кроме чаш) все плоские или плосковогнутые. Материалы достаточно полно опубликованы в монографии (Никитин, 2011).

Кремневые комплексы раннеолитического времени сохраняют некоторые элементы предшествующего периода: резцовая техника, микрорезцы, односторонняя обработка, микроорудия, круторетушные предметы. Практически исчезают правильно граненные пластины. Преобладают ребристые пластины. Исчезают карандашевидные и сохраняются призматические нуклеусы. Видимо, к этому времени пластина не является основным приемом расщепления, но процент орудий на них составляет от 46,7 до 61% на позднемезолитических и 43–65% на раннеолитических памятниках (Никитин, 1988, с. 63; 1996в, с. 17–30, 90–100).

Сопоставление кремневых комплексов этих образований показывает, что раннеолитическое население заимствует технику торцово-ретушного оформления пластины, наконечники на пластине с частичной ретушью пера или насада, скребки-резцы, крупные наконечники треугольно-черешковых, ромбических и листовидных форм, практически все формы

деревянообрабатывающих орудий. В то же время в технике обработки камня мезолитического населения просматривается новый элемент – попытка применения уплощающей струйчатой ретуши.

В кремневых индустриях (позднего мезолита и раннего неолита) скобле-режущие наборы занимают доминирующее положение: 75–77% в мезолитическом и 69% в неолитическом комплексе.

В неолитических комплексах значительно сокращается роль резцов (почти в три раза), зато в четыре раза возрастает количество острий, в несколько раз увеличивается набор деревянообрабатывающих инструментов, появляются терочники и шлифовальные плитки, известные только на 2 из 16 изученных мезолитических поселков.

В раннеолитическое время появляется мелкая глиняная пластика. Глиняные поделки известны в материалах Отарского VI поселения (Никитин, 2011, с. 361, рис. 191, 18–24). Только на посуде накольчатого типа встречаются сосуды со сверленными отверстиями по стенкам и донцам, указывающие на их особое назначение и применение. Такие сосуды найдены на поселениях: Дубовских III, VII, VIII, Отарском VI, Сутырских V и VII, Большой Горе, Старомазиковской II стоянке. Всего сосудов со сверлинами сейчас известно 19 экземпляров, большая часть из них на Отарском VI поселении в жилищах 1, 2, 3, 4, 14 и 15 (9 экз.). Такая посуда не известна среди неолитических культур с керамикой, украшенной гребенчатыми штампами (камской) и гребенчато-ямочным орнаментом (ба-

лахнинской), а появляется вновь лишь в волосовской культуре в финальной стадии неолита и начальной фазе энеолита.

В связи с этим уместно отметить, что такая посуда присутствует лишь в культурах с наличием домашних животных, в том числе и на памятниках Марийской Низины. Они известны в комплексах Северного Прикаспия (Виноградов, 1981, с. 66 и сл.), Нижней и Средней Волги (Васильев, Выборнов, Козин, 1989, с. 24; Юдин, 2004, с. 24; Мамонов, 2000, с. 164). Естественно предположить применение данного типа сосуда для приготовления молочнокислых продуктов, в том числе и сыров (Никитин, 2011, с. 139). На трех поселениях Марийского Поволжья, наряду с дикой фауной, найдены кости домашних животных: крупный и мелкий рогатый скот, лошадь (Никитин, 1996в, с. 92, 96; 2011, с. 139; Петренко, 2007, с. 48, табл. 2).

Изучение материальной культуры носителей посуды с накольчатым и резным орнаментом ставит ряд проблем пока еще не достаточно разработанных. Главная из них – это истоки ее первичного появления и пути проникновения на Среднюю Волгу. Вторая – хронологическая позиция накольчатых комплексов посуды в системе раннего неолита Поволжья, а именно плоскодонной посуды (орнаментированной и без орнамента) как единого культурного и хронологического комплекса. В последнее время предпринята попытка разделить посуду накольчатого типа на хронологически разновременные (по признаку – с орнаментом и без него) несмотря на то что они собраны в жилищах (Васильева, Выборнов, 2016, с. 72–94). Опе-

рируя так называемыми «валидными» датами по керамике, без учета разработанных критериев относительной хронологии и полевых наблюдений исследователей, разделять единые жилищные комплексы посуды на два хронологических горизонта, по крайней мере, некорректно. По реконструированным сосудам восстанавливаются все параметры найденной посуды, где просматривается единство в формах, оформлению внешней и внутренней поверхности и венчика, независимо от того, орнаментирован сосуд или нет. Остается неясным, по каким соображениям обитатели жилища применяли различные отщипы для сосудов, украшенных наколом, прочерком или без орнамента, которые собраны на полу одной постройки. Исследователь обязан не только улавливать явление, но и хотя бы создать попытку объяснения его. С точки зрения реального бытия, такие метаморфозы в технологическом комплексе необъяснимы. Возможно, это элементы не столько культурно-хронологические, сколько хозяйственно-бытовые.

Встает вопрос: а как рассматривать те сосуды, которые выбраны из одной ямы, но один орнаментирован, а другой нет? Показательны в этом материалы Дубовского III поселения. Совместное залегание такой посуды отмечено в жилище 1 яма 7, жилище 2 яма 27, жилище 5 яма 53, жилище 8 яма 30, жилище 10 яма 8, жилище 11 яма 40 (Никитин, 2011, рис. 20, 21, 24, 49, 54). Такая же ситуация и в остальных изученных комплексах.

Стала очевидной необходимость решения вопросов становления производящего хозяйства в среде носителей глиняной посуды (придомного

животноводства), требующих специальной программы изучения. Обозначился круг неисследованных вопросов относительно дальнейшей судьбы носителей накольчатой посуды.

Рассматривая материальную культуру (особенно керамические комплексы), В.В. Никитин приходит к выводу о их крайней близости. Вырисовываются контуры культурной общности в границах верхне-волжских и волго-камских (исключая камские) древностей, локализующихся в зоне широколиственных лесов в отличие от таежной зоны, где бытуют комплексы камского круга. Учитывая близость посуды с накольчато-резным орнаментом на Верхней и Средней Волге, Никитин поддержал мнение Ю.Б. Цетлина об объединении их в одну культурную общность (Никитин, 2002а, с. 302–303).

В заключение следует отметить, что состояние источниковой базы исключает возможность автохтонного развития комплексов накольчатой посуды на базе местного мезолита. Исследователями данного культурного образования выявлен пласт оригинальных материальных комплексов из системы постоянных поселков, сезонных стойбищ и временных стоянок. Маркирующими признаками данного объединения являются керамика, сосуды плоскодонной – плосковогнутой формы с накольчато-резным орнаментом (или без него), занимающих Волго-Вятское междуречье и отдельными языками, уходящих на Вятку, Свягу, Оку. Независимо оттого, под каким углом будет рассматриваться период раннего неолита на Средней Волге и какие векторы связей будут найдены еще исследователями, так или иначе придется объяснять феномен культу-

ры плоскодонной накольчатой посуды (без примеси конического дна и зубчатого штампа), изученной в Марийской Низине. О существовании подобных комплексов на р. Оке свидетельствуют материалы Велетьминской II стоянки (Жилин, Энговатова, 1992, с. 95–109), что подтверждает правомерность постановки проблемы культурного статуса данного типа памятников археологии. Поскольку исследователи раннего неолита лесостепи и леса эти комплексы не признают ни елшанскими, ни верхневолжскими, а в средневолжскую культуру они не вписываются ввиду отсутствия в них конических днищ и гребенчатых оттисков в орнаментации посуды, то, естественно выделить особую неолитическую культуру лесной зоны Средней Волги и по хорошо исследованным поселениям в районе поселка Дубовский предлагается назвать ее дубовской раннеолитической культурой.

Вторым неолитическим образованием в регионе является культура носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом (балахнинская, по А.Х. Халикову), основное ядро которой занимает Волго-Вятское междуречье, небольшими участками осваивая прибрежные районы приустьевой части р. Камы на востоке и сливаясь с окскими стоянками на западе. Впервые данное культурное образование неолита в регионе начал изучать А.Х. Халиков в начале 1950-х годов (Обсерваторская II, Займище IIIа, Сумская) под Казанью. В 1956 году он же исследует стоянку у г. Волжска (Марий Эл) Русско-Луговскую I, а В.Е. Стоянов стоянки на р. Ветлуге (Выжумская I и II). В 1961 г. А.Х. Халиков изучил постройку на

Удельно-Шумецком V поселении (Халиков, 1969, с. 101–102). После некоторого перерыва, с 1971 г., поселения и стоянки изучаются В.В. Никитиным. За период с 1970–2007 гг. МарАЭ в результате раскопок получены материалы еще 90 памятников с посудой балахнинского типа. В левобережной части Средней Волги было выявлено около 140 пунктов с гребенчато-ямочной посудой. 32 памятника имели впадины от древних построек (от 2 до 20 на поселении). Характерной особенностью расселения балахнинского населения является кустовое обустройство поселков. Так, куст у д. Русская Луговая насчитывает три памятника, Сутырский куст в устье р. Ветлуги – 7 памятников, Майданский – 9, Починковский – 9, Дубовско-Отарский – 14. Особенно показателен в этом отношении Починковский куст, где кроме 9 поселений на одной дюнной гряде (1200×100–150 м) находятся еще не менее 27 поселений и стоянок на берегу Волги от р. Дорогучи до р. Ветлуги. Поселки устраивались на борových террасах (20–25 м) дюнных всхолмлениях (10–15 м), останцах грив в пойме или надпойме (от 2 до 4 м) над уровнем воды в водоеме. Наиболее древние стоянки расположены очень низко, затоплены или подтоплены водоохранилищем.

Постройки. В результате раскопок изучены остатки 8 построек: 5 построек с углубленным четырехугольным котлованом и столбовой конструкцией перекрытия, 3 постройки овальной формы.

Постройки Обсерваторского III поселения имели размеры 7 × 3 м и 7 × 4 м со слабо углубленным в грунт котлованом. Жилище на Удельно-Шумецком V поселении с котлованом

четырёхугольной формы 14,4 × 8,8 м с одним входом-выходом; постройка на Дубовском IX поселении с глубоким (до 80 см) котлованом площадью 9 × 9,4 м и двумя выходами-переходами в соседние полуземлянки; котлован постройки Дубовского XII поселения размером 7,8 × 8,3 м углублен в грунт на 60 см. Прямоугольный котлован размером 8,2 × 7,2–8,2 м имело жилище на поселении Галанкина Гора II и два выхода-перехода в соседние строения. Три постройки изучены на Дубовском VIII поселении. В отличие от остальных эти сооружения имели овальные очертания размером 5 × 4,8 м; 4,2 × 4,2 м и 8,8 × 8 м. В двух из них отсутствовали очажные ямы. Объединяет четырехугольные и овальные формы построек, наличие углубленного котлована.

Каменная индустрия. Камнеобработка и производство каменного инвентаря производились на месте поселения, о чем свидетельствуют многочисленные отходы при обработке сырья и орудия для производства инструментария: сколы, пластины, отщепы с желвачной коркой, куски сырья, отбойники, ретушеры и различной формы нуклеусы. Используется преимущественно местный валунный и желвачный кремль, песчаниковые породы и совсем редко кварциты. Иногда на поселениях и стоянках преобладают те породы, выходы которых имеются поблизости: плитчатый кремль на р. Илети, валунный кремль в междуречье Большой и Малой Кокшаг, желвачный кремль на побережье Волги, доломиты, граниты и сливные песчаники по Вятскому увалу и т.д.

Отличительной чертой каменной индустрии средневожских племен является преимущественное изготов-

ление орудий на отщепе. Доля орудий на пластине составляет от 9 до 12% от всего набора. Это характерно на всем протяжении существования культуры.

Типологический состав разнообразен: наконечники стрел преобладают листовидной формы от широких до иволистных, как правило с тщательной обработкой с двух сторон. Имеются наконечники ромбической и вытянуто-ромбической формы. Скребки в основном на отщепах концевые с прямым или овальным лезвием, боковые и угловые с односторонней режущей кромкой. Встречаются скребки-ложкари и скребки-резчики. Ножи на плоских отщепах с прямым или сегментовидным лезвием, обработанные с двух сторон уплощающей ретушью. Имеются ножи клиновидной формы, редкие экземпляры ножа-кинжала. Особо богатый набор деревообрабатывающих орудий: топоры, клинья, тесла и стамески с желобком в лезвийной части. Практически на всех раскопанных большой площадью поселениях найдены каменные грузила, обломки шлифовальных плит и терочников, гребенчатые штампы на сланцевых плитках или отщепах кремня.

В развитии каменной индустрии отмечена тенденция сохранения практически полного орудийного набора на всех этапах развития культуры за исключением резцов. На развитом этапе появляются крупные листовидные наконечники копий со сплошной обработкой пера, клиновидные топоры и концевые скребки на узких отщепах. На позднем этапе появляются дублированные скребки и ножи с двухсторонними лезвиями и выраженным насадом. Наиболее полно представлена коллекция каменных предметов на Дубовском IX поселе-

нии (139 нуклеидных кусков и нуклеусов, 403 пластины, 421 орудие). Соотношение пластин к отщепам 12/88%. Предельная сработанность нуклеусов, большое количество орудий со следами желвачной корки, использование для производства орудий даже маленьких отщепов и пластин свидетельствуют о наличии кризиса сырьевых источников.

Керамика. Посуда полуяйцевидных форм, вылепленная от руки способом кругового налепа внахлест или стык. Ленты широкие (не менее 3–5 см), формовочная масса плотная с добавками в сырье шамотной крошки и дресвы или крупного речного песка. Выделяются основные группы посуды: сосуды прикрытых форм (близки камским); сосуды удлинённых пропорций с выраженной шейкой и незначительно отогнутым краем устья. Кроме этого, на разных этапах встречаются единичные шлемо- или грушевидные формы. Вся посуда орнаментирована. Орнамент выдержан в горизонтальной зональности и состоит из чередующихся зон оттисков гребенки и белемнитной ямки. Для орнаментации используются и аммониты, намотанный на стержень шнур, прочерки, насечки (редко косточки животных или птиц). Орнаментальные мотивы представлены наклонными рядами, елочкой, зигзагами, сеткой, ромбом. Часто используется мотив сетки с ямкой в перекрестии или в ячейке, зигзаг с ямкой в вершине. Для орнаментики характерно (на ранних этапах) плотное заполнение всей внешней поверхности (на отдельных памятниках такие сосуды составляют 90–100%).

Этапы развития. А.Х. Халиков в развитии средневожского варианта

балахнинской культуры выделил три этапа (Халиков, 1969, с. 92–114), хотя В.П. Третьяков не видел основания для разделения культуры на этапы развития (Третьяков, 1972, с. 71–74). К раннему этапу развития А.Х. Халиков отнес комплексы, находящиеся за пределами средневожского региона (ляловская культура). По схеме В.В. Никитина на раннем этапе посуда полужидких форм с несколько удлиненным туловом, слабовыпуклыми стенками, переходящими плавно в приостренное дно. Характерна круглая ямка в центре дна, от которой веером расходятся оттиски гребенки. Орнамент густой, плотный, нанесен в горизонтальной зональности и выполнен исключительно гребенчатыми штампами и белемнитами. Такая посуда близка собственно ранней балахнинской. Такие элементы, как многорядность ямочной зоны, преобладание мешковидных и прямостенных форм (характерных для классических балахнинских или ляловских) на посуде Марийско-Казанского Поволжья минимальны.

На развитом этапе сохраняются прежние формы посуды, исчезают остродонные сосуды, дно более скругленное. Появляются валики и воротнички по краю горловины, которые составляют от 25% на Удельно-Шумецком V, до 50% на Удельно-Шумецком VI поселениях. Степень сходства с ранними комплексами составляет 55%.

Поздний этап знаменуется возрастанием роли прямошейных сосудов с отвернутым краем устья, появлением неорнаментированной и слабо орнаментированной (с разреженным рисунком) посуды. Часто белемнитная ямка заменяется овальной, квадрат-

ной, каплевидной. Падает процент посуды с мелкозубыми оттисками. Возрастает роль крупнозубых и аммонитных штампов в орнаментальных композициях. В орнаментации появляются геометрические узоры и заштрихованные зоны, сближающие посуду восточного (камского) и западного (окского) круга. Широко применяется сочетание различных штампов на одном сосуде. В дальнейшем эти изменения получают развитие в посуде протоволоосовского типа.

Датировка. Полученные абсолютные даты по керамике с гребенчато-ямочным орнаментом указывают на начало IV тыс. до н. э.: Дубовское XII – 5970±90; Дубовское III – 5930±80; Дубовское VIII – 5880±90 и 5720±80 л. н.; Отарское VI – 5810±90, 5930±80 л. н. Близкие аналогии имеются в материалах правобережья р. Суры в Чувашии: Черненькое озеро III – 5840±80; Утюж I – 6080±90 и 5940±90; Вьюново озеро II – 6085±90 л. н. (Выборнов, Кондратьев, 2009, с. 282–284). По времени функционирования поселения этого периода ближе к архаичной стадии развития ляловской культуры – рубеж V–IV – первая четверть IV тыс. до н. э. (Воймежной I – 5990±50, 6000±40, 6100±50; Озерки V – 5930±200; Ивановская VII – 5920±60).

Для развитого этапа имеются даты по керамике поселения Галанкина гора II – 5610±80 и 5430±90 л. н. Завершение развития носителей культуры гребенчато-ямочной посуды можно отнести ко времени формирования протоволоосовских комплексов, датированных по керамике Дубовского VIII поселения (постройки 7 и 8) 5270±80; Дубовская III – 5295±80; Красный Мост – 5260±90 л. н. Таким

образом, время существования балахнинской культуры в Марийско-Казанском Поволжье укладывается в конец V – третью четверть IV тыс. до н. э. (Выборнов, Кондратьев, 2009, с. 282–284).

Дальнейшая судьба населения балахнинской культуры связана с формированием средневожского варианта волосовской культурно-исторической общности в качестве основного этнического ядра. Материалы культуры опубликованы (Никитин, 2015).

Еще одна культура неолитической эпохи изучалась А.Х. Халиковым с середины прошлого века в зоне затопления Куйбышевского водохранилища на стоянках, исследованных им к западу от г. Казани. Культура открыта О.Н. Бадером в Прикамье и названа им камской. С открытием подобных комплексов в Среднем Поволжье и ввиду расширения территории названа А.Х. Халиковым волго-камской, включившей памятники с гребенчатой и накольчатой орнаментацией. Я же придерживаюсь традиционной бадеровской (поддержанной впоследствии Р.С. Габяшевым) позиции неоднородности культуры гребенчатой и накольчатой посуды (Бадер, 1973, с. 103–105; Габяшев, 1978, с. 7; 2003, с. 58–59, 100, 124; Никитин, 1996в, с. 42–48).

На территории Марийской низменности в пределах левобережья Волги и правого б. р. Вятки можно отметить гребенчатые материалы в смешанных слоях на II и III Старомазиковских стоянках (раскопано 556 кв. м) (Халиков, 1960, с. 36–49), III Обсерваторской (раскопано 436 кв. м) и поселении Нижняя Стрелка V (раскопано 150 кв. м), исследованного в 1987 и

1992 г. В.В. Никитиным и В.В. Николаевым. К востоку–северо-востоку расположена вятская группа камского неолита. К западу от устья р. Дорогучи В.Ф. Черниковым изучена постройка полуземляночного типа размером 5×5 м (Халиков, 1973, с. 114). Картографирование находок камского облика показало, что население этой культуры вело более подвижный образ жизни, предпочитая основным занятиям охоту. Их стоянки содержат слабые культурные напластования, свидетельствующие о кратковременном (сезонном) пребывании.

В 1987 г. разведкой автора в пойме приустьевой части р. Дорогучи обнаружено поселение Нижняя Стрелка V со следами двух сильно оплывших западин. Одна из них, нарушенная свозом, была исследована В.В. Никитиным. Изучено несколько ям, свидетельствующих о том, что западина являлась остатками постройки с углубленным полом. Котлован глубиной до 43–48 см имел почти прямые борта и длину 5,6 м. В 1992 г. изучение памятника продолжил В.В. Николаев. Раскопом в 130 кв. м он изучил остатки двух построек, частично нарушенных свозом к реке. Жилища соединялись переходом. Размеры первого сооружения 11,5 × 5 м наземного типа. В восточном углу устроена ниша 2,5 × 5 м с крупным очагом. Другое кострище устроено в северо-восточном углу. Следующее сооружение находилось западнее через траншею своза и исследованная часть пола составила 5,8 × 8 м с выходом к югу и северу. Данные постройки единственные, которые с уверенностью можно связать с комплексом камской посуды.

Хронологическая позиция средневожских памятников камского типа

недостаточно установлена. Стратиграфия крайне скудная. Есть факт совместного залегания гребенчатой и накольчатой посуды в яме жилища на Нижней Стрелке V и несколько радиоуглеродных дат по керамике с поселения Отары VI (5890±80 ВР), с поселения Нижняя Стрелка V (5510±90) и стоянки Старое Мазиково III (5635±80), не выходящих из хронологической схемы комплексов развитой поры камской культуры на Верхней и Нижней Каме, Вятке, Сурско-Мокшанском междуречье, укладывающихся в пределы первой четверти середины IV тыс. до н. э. (Выборнов, 2008, с. 243–247).

Касаясь вопроса происхождения комплексов камской культуры в левобережье Средней Волги, можно наметить как наиболее вероятный путь от устья Камы вверх по Волге, т.к. основное ядро освоения территории расселения сосредоточено в бассейне р. Илети (Никитин, 1996в, с. 40, рис. 15).

В финальной фазе неолита формируется средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности, знаменующий конец эпохи камня и начало периода раннего металла. Исследованиями под руководством А.Х. Халикова в конце 50-х – начале 60-х годов в левобережье Волги и Поветлужья частично изучены волосовские памятники (Майданские, Удельношумецкие, Юринская, Выжумские, Сутырские, Полянские, Руткинская, Ахмыловская, Чирковская и др.). С середины 1970-х годов источниковая база значительно расширилась в результате разведочных работ неолитического отряда МарАЭ.

Рассматривая проблемные вопросы этногенеза и развития культуры, А.Х. Халиков одной из основных обо-

значает проблему выделения локальных вариантов (культур). К такому же мнению пришли и другие исследователи (Д.А. Крайнов, В.П. Третьяков, В.В. Никитин), указывая варианты: верхневожский, средневожский, окский, волго-окский и другие.

Своеобразие материальных комплексов различных (территориальных) вариантов культурной общности представили возможность исследователям построить оригинальные гипотезы культурогенеза, этапов развития, датировок и дальнейших судеб (Д.А. Крайнов, В.М. Раушенбах, В.В. Сидоров, М.П. Зиминая, С.В. Ошибкина, А.Л. Никитин, А.Х. Халиков, В.П. Третьяков, В.В. Никитин).

В 1970–1980 годы раскопками были исследованы более 30 памятников, на которых изучены остатки 70 жилых построек с богатым набором посуды и каменного инвентаря (Никитин, 1991; Никитин, Соловьев, 2002, с. 60–71). Анализ источников обеспечил фактами В.В. Никитина при создании своей схемы происхождения и развития средневожского варианта культуры. Его схема сводится к следующему. Во-первых, основу культуры составляют древности балахнинского населения (окского), изготовлявшего посуду с гребенчато-ямочным орнаментом при активном участии населения волго-камской (камской) культуры, использовавшего посуду, украшенную оттисками гребенчатых штампов. В результате различного рода контактов образовалась своеобразная группа населения в пограничной зоне между уральским и окским кругом культур и с отличительными особенностями обеих общностей в керамических и каменных комплексах,

хозяйственной деятельности и духовной культуре. На начальном (протоволосовском) этапе выявлены и изучены поселения Красный Мост II и III, Сосновая Грива III, Дубовское VIIa, Дубовское IXa, Барские Кужеры IIIa и др. на которых исследованы остатки 4 построек. Во-вторых, выделены этапы развития: протоволосовский, ранний, развитый, поздний. Установлено, что протоволосовский и ранний этапы полностью соответствуют неолитическому периоду. На развитом этапе уже появляются признаки металлообработки (тигли для плавки металла и мелкие медные предметы), что позволяет связывать памятники этого периода с эпохой раннего металла. С эпохой неолита связываются материальные комплексы, полученные в результате изучения 29 построек. О начале эпохи раннего металла свидетельствуют коллекции, собранные из 41 постройки (Никитин, 1996в, с. 115–152). В-третьих, разработана хронологическая шкала существования культуры с характерными особенностями каждого периода. Судя по имеющимся (не менее 20) абсолютным датам, культура существовала в пределах 5260 ± 90 – 4710 ± 80 лет назад (Черных, Кузьминых, Орловская, 2011, с. 49–55; Шалапинин, 2011, с. 19). В-четвертых, сделана попытка реконструкции социальной структуры и ее роли в хозяйственной деятельности и духовной культуре, направленной на жизнеобеспечение и воспроизводство населения общины. Наконец, исследования памятников позднего этапа стимулировали разработку проблемы дальнейшей судьбы волосовского населения региона, которая была успешно решена исследованиями А.Х. Халикова, В.В. Никитина,

Б.С. Соловьева, выяснивших, что появление в левобережье Средней Волги балановского населения и его взаимодействие с местными племенами привели к образованию чирковской культуры, основное ядро которой составили волосовские древности.

Волосовские древности на обширной территории Поволжья не кажутся этнически однородными и эта проблема нуждается в серьезной научной разработке. Выявленные исследователями в разное время различия в материальной и духовной культуре, иногда делают проблему неразрешимой при современном состоянии источников. Необходимо более четко, чем вариант культурной общности, определить таксономическую значимость объединения, т.е. привязать ее к территории основного ядра с наименованием по наиболее изученным памятникам. В результате многочисленных и длительных дискуссий по проблемам культуро- и этногенеза волосовских образований (особенно по статусу средневожского варианта) стало очевидным не вполне адекватное единство отдельных составляющих данного историко-культурного объединения. При всей близости материальной культуры (которая, прежде всего, зависит от природно-географической среды), духовная культура имеет некоторые отличия, выразившиеся в отсутствии у средневожского населения погребального обряда труположения в землю на площадке поселения. Данное обстоятельство неоднократно обсуждалось на различных форумах и литературе в связи с культурогенезом волосовских древностей. В частности, В.В. Никитин ставил под сомнение волосовскую принадлежность

янтароносных погребений Верхней Волги, считая их прибалтийскими (Никитин, 2010, с. 27–55). До сих пор существуют сомнения в культурной и хронологической интерпретации погребальных комплексов, относимых к льяловскому или волосовскому населению (Черных и др., 2011, с. 32). Тем не менее кроме этого основного элемента, составляющего культуру, имеются и отличия в технологии изготовления посуды, в орнаментике и т.п. Еще с середины 1970-х гг. крупнейший исследователь волосовских древностей И.К. Цветкова указывала на наш богатый комплекс оригинальной культуры, при наличии неоспоримых элементов сходства с окскими памятниками, но не признавала их волосовскими. Прошло 40 лет. Многие выяснено, кое-что следует уточнить, что-то проверить, исходя из новых естественнонаучных возможностей, а главное необходимо продолжить изучение феномена волосовской культурно-исторической общности, занявшей территорию от Финляндии на северо-западе до устья р. Камы на востоке по полосе широколиственного леса. Средневожский вариант этой общности выглядит цельной структурой с границами в пределах: западная – притоки Волги Сура (Утюж) и Дорогуча (Нижняя Стрелка); восточная – р. Казанка (Займище, Сумская); северная – правобережье р. Вятки и Воскресенское течение р. Ветлуги (Буслаевская, Красноярская); южная –

правобережье р. Волги. Естественно, что отдельными языками культура может проявляться и за пределами указанной территории.

Оригинальность культуры и ее достаточно информативная база, некоторые отличия от подобных образований культур пористой керамики позволяют выделить отдельную культурную единицу (в пределах волосовской общности) и по наиболее мощному кусту ранних поселений в левобережье Волги между р.р. Дорогуча и Ветлуга, назвать ее майданской культурой.

Подводя итог, можно заключить, что формирование майданской культуры началось в неолите на базе носителей двух культурных традиций: восточной (камской) и западной (волго-окской). С появлением прото-волосовских материалов было установлено, что приоритет в процессе сложения культуры в левобережье Средней Волги принадлежал носителям волго-окских древностей.

На позднем этапе развития волосовских комплексов происходит активное взаимодействие их с пришедшими на Среднюю Волгу носителями производящих форм хозяйствования – земледельцами и скотоводами, применявшими металлические изделия. Эти связи приводят к образованию чирковской культуры, знаменующей новую эпоху в истории племен Среднего Поволжья – эпоху бронзы (Халиков, 1969; Соловьев, 2000).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г.А., Никитин В.В.* Руткинское поселение // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время / Ред. Г.А. Архипов, А.Х. Халиков. АЭМК. Вып. 3. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 64–89.
2. *Бадер О.Н.* Волго-камская этнокультурная область эпохи неолита // МИА. № 172. М.: Наука, 1973. С. 99–106.

3. *Березина Н.С.* Об итогах изучения памятников мезолита на территории Чувашского Поволжья // Чувашская археология. Вып. 1 / Ред. Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 79–135.
4. *Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В.* Исследование неолитической стоянки Каир-шак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: Гос. пед. институт, 1989. С. 18–45.
5. *Васильева И.Н., Выборнов А.А.* Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. АЭМК. Вып. 31. / Научн. ред. Б.С. Соловьев, А.В. Михеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2016. С. 68–98.
6. *Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981. 174 с.
7. *Выборнов А.А., Кондратьев С.А.* Новые радиоуглеродные даты по ямочно-гребенчатой керамике Среднего Поволжья // Известия СНЦ РАН. Т. 11. 2009. № 6. С. 282–284.
8. *Габяшев Р.С.* Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2003. 226 с.
9. *Габяшев Р.С.* Неолит Нижнего Прикамья: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Казань, 1978. 19 с.
10. *Галимова М.Ш., Никитин В.В.* К проблеме реконструкции добычи и использования сырья в каменном веке Среднего Поволжья // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет / Ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 299–304.
11. *Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энгватова А.В.* Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М.: Наука, 2002. 245 с.
12. *Жилин М.Г., Энгватова А.В.* Стоянка Велетьминская 2 – памятник с накольчатой керамикой на Нижней Оке // СА. 1992. № 1. С. 95–109.
13. *Кольцов Л.В.* Мезолит Среднего Поволжья // Мезолит СССР / Археология СССР / Отв. ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука. 1989. С. 87–92.
14. *Королев А.И.* Поселение эпохи раннего металла Сутырское V в Марийском Поволжье (по результатам раскопок 2000 года) // ТАС. Вып. 9 / Ред. И.Н. Черных. Тверь: Изд-во «Триада», 2013. С. 295–312.
15. *Никитин В.В.* Каменный век Марийского края // Тр. МарАЭ. Т. IV. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1996в. 180 с.
16. *Никитин В.В.* Красностовские поселения финального неолита (предварительный анализ) // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья / Ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1984. С. 31–43.
17. *Никитин В.В.* Культура носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом в Марийско-Казанском Поволжье. Казань: Изд. Дом Казанская недвижимость, 2015. 364 с.
18. *Никитин В.В.* Культура носителей посуды с накольчатым орнаментом в лесной полосе Среднего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2002. С. 293–303.
19. *Никитин В.В.* Мезолит левобережья Средней Волги (к проблеме культурной принадлежности) // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2006а. С. 224–232.
20. *Никитин В.В.* На стыке двух эпох (к вопросу о раннем неолите лесной полосы Среднего Поволжья) // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006б. С. 254–259.
21. *Никитин В.В.* На стыке двух эпох. К вопросу о формировании волосовской культуры / Европейский север: взаимодействие культур в древности и средневековье

/ Отв. ред. Л.И. Ашихмина, Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрОРАН, 1994б. С. 65–66.

22. *Никитин В.В.* Некоторые проблемы раннего неолита лесной полосы Среднего Поволжья // Поволжская археология. 2013. № 2(4). С. 11–17

23. *Никитин В.В.* Остроконечники ранненеолитических комплексов лесной зоны Среднего Поволжья // Первобытные древности Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: ИА РАН, 2012. С. 467–498.

24. *Никитин В.В.* Поселения Красный Мост II и III. К вопросу о происхождении волосовской культуры // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5 / Ред. Ю.А. Зеленеев, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИЯЛИ, 2010. С. 27–55.

25. *Никитин В.В.* Природная среда и социальная организация первобытного общества (опыт реконструкции по материалам Среднего Поволжья) // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России / Научн. ред. В.П. Челябинов. Рязань: РГПУ, 1994а. С. 52–54.

26. *Никитин В.В.* Проблемные вопросы неолитизации Волжского бассейна // Человек, адаптация, культура / Ред. А.Н. Сорокин. М.: ИА РАН, 2008. С. 307–313.

27. *Никитин В.В.* Проблемы позднего мезолита – раннего неолита Марийского Поволжья (по материалам Удельно-Шумецкого XII поселения) // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской России / Ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1988. С. 54–66.

28. *Никитин В.В.* Ранний неолит Волго-Камья (к вопросу о месте накольчатой керамики) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Прикамья / Ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский университет, 2002б. С. 181–187.

29. *Никитин В.В.* Ранний неолит Марийского Поволжья // Тр. МарАЭ. Т. IX. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2011. 470 с.

30. *Никитин В.В.* Социальная среда первобытного коллектива как основной элемент баланса во взаимоотношениях человека и природы в каменном веке (по материалам Марийской археологической экспедиции) // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии / Ред. В.И. Матвеев, И.Б. Васильев. Самара: Институт истории и археологии Поволжья, 1996а. С. 42–44.

31. *Никитин В.В.* Социокультурная адаптация древнейших коллективов лесной зоны Среднего Поволжья (к постановке проблемы) // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы. Ч. 1 / Отв. ред. В.А. Иванов. Уфа: Изд-во Восточный университет, 1996б. С. 24–26.

32. *Никитин В.В.* Эволюция жилищ эпох камня и раннего металла в Марийском Поволжье // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2002в. С. 363–369.

33. *Петренко А.Г.* Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) / Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 144 с.

34. *Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья / Труды МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с.

35. *Третьяков В.П.* Волосовские племена в Европейской части СССР в III–II тыс. до н. э. Л.: ИА РАН, 1990. 212 с.

36. *Третьяков В.П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. М.: Наука, 1972. 136 с.

37. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

38. *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды МАЭ. Т. I. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 187 с.

39. Халиков А.Х. Неолитические племена Среднего Поволжья // МИА. № 172. Л.: Наука, 1973. С. 107–121.

40. Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н. э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2 / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН, 2011. С. 24–78.

41. Шаландина В.Т. Палионологическая характеристика археологических памятников Марийского Заволжья // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища / АЭМК. Вып. 15 / Научн. ред. Г.А. Архипов, В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1989. С. 174–182.

42. Шаланин А.А. Культурно-хронологическое соотношение позднеэнеолитических комплексов Среднего Поволжья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2011.

43. Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: СГУ, 2004. 200 с.

Информация об авторе:

Никитин Валерий Валентинович, доктор исторических наук, Марийский НИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

RESULTS OF STUDYING OF THE STONE AGE PERIOD OF THE MARI VOLGA REGION

V. V. Nikitin

The article presents the results of 60-year activity of the Mari Archaeological Expedition established by A. Kh. Khalikov in the middle of the previous century at Russkoye-Lugovoye II site. A total of 214 sites of the Mesolithic period have been discovered. The remains of 24 dwellings have been studied by excavations. The obtained data indicate a settled lifestyle of the Mesolithic communities, and a unique selection of settler implements has been established. Three cultural formation of the Neolithic period have been identified. The early Neolithic is represented by the complexes of 40 dwellings with spindle ornamented (forest-steppe) type of ceramics. The originality of this dishware with flat bottoms and spindle ornamentation allowed the author to identify an individual culture. The second culture is genetically related to the Volga-Oka tribes which manufactured ceramics with comb and pit ornamentation. A total of 8 dwellings have been studied during excavations. The discovered material culture is similar to that of Balakhnino tribes from the Volga-Oka interfluvium. The culture of settlements with Volga-Kama traditions is represented in the region by the remains of 3 dwellings of the developed Neolithic period. The Middle Volga version of the Volosovo culture existed in the area between the Stone and Metal Ages. The remains of 70 dwellings have been excavated. The uniqueness of the material complexes allowed the author to identify the original culture of the territory (within the Volosovo historical and cultural community). This culture originated in the Neolithic period and ceased to exist with the arrival of the Balanovo population skilled in domestic cattle breeding and metallurgy.

Keywords: archaeology, the Mari Volga Region, Mesolithic, Neolithic, Eneolithic, spindle ornamented ceramics culture, Balakhnino culture, Volgo-Kama culture, Middle Volga version of the Volosovo historical and cultural community.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A., Nikitin, V. V. 1978. In Arkhipov, G. A., Khalikov, A. Kh. (ed.). *Lesnaia polosа Vostochnoi Evropy v volosovsko-turbinskoe vremia (Forest Belt of Eastern Europe in the Volosovo-Turbino Period)*. Series: Arkeologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of

the Mari Land) 3. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History I, 64–89 (in Russian).

2. Bader, O. N. 1973. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 172. Moscow: “Nauka” Publ., 99–106 (in Russian).

3. Berezina, N. S. 2012. In Berezina, N. S., Mikhailov, E. P. (ed.). *Chuvashskaia arkhologiya (Chuvash Archaeology)* 1. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 79–135 (in Russian).

4. Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A., Kozin, E. V. 1989. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiia (Neolithic and Chalcolithic of the Northern Caspian Basin)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 18–45 (in Russian).

5. Vasil'eva, I. N., Vybornov, A. A. 2016. In Solov'ev, B. S., Mikheev, A. V. (eds.). *Voprosy arkhologii epokhi kamnia i bronzy v Srednem Povolzh'e i Volgo-Kam'e (Issues of the Archaeology of Stone and Bronze Ages in Middle Volga and Volga – Kama Areas)*. Series: Arkhologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 31. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 68–98 (in Russian).

6. Vinogradov, A. V. 1981. *Drevnie okhotniki i rybolovy Sredneaziatskogo mezhdurech'ia (Ancient Hunters and Fishermen of Central Asian Mesopotamia)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

7. Vybornov, A. A., Kondratev, S. A. 2009. In *Izvestiia Samar'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 11, no. 6, 282–284 (in Russian).

8. Gabiashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam'ia v V–III tysiacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia B.C.)*. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; “Fän” Publ. (in Russian).

9. Gabiashev, R. S. 1978. *Neolit Nizhnego Prikam'ia (The Neolithic Age of the Lower Kama)*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).

10. Galimova, M. Sh., Nikitin, V. V. 2004. In Ivanova, M. G. (ed.). *Udmurtskoi arkhologicheskoi ekspeditsii – 50 let (50th Anniversary of Udmurt Archaeological Expedition)* Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

11. Zhilin, M. G., Kostyleva, E. L., Utkin, A. V., Engovatova, A. V. 2002. *Mezoliticheskie i neoliticheskie kul'tury Verkhnego Povolzh'ia. Po materialam stoianki Ivanovskoe VII (Mesolithic and Neolithic Cultures of the Upper Volga Region. On Materials from Ivanovskoe VII Site)* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

12. Zhilin, M. G., Engovatova, A. V. 1992. In *Sovetskaia Arkhologiya (Soviet Archaeology)* (1), 95–109 (in Russian).

13. Kol'tsov, L. V. 1989. In Kol'tsov, L. V. (ed.). *Mezolit SSSR (Mesolithic of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR. Moscow: “Nauka” Publ., 87–92 (in Russian).

14. Korolev, A. I. 2013. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkhologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* (9). Tver: “Triada”, 295–312 (in Russian).

15. Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi vek Mariiskogo kraia (Stone Age of the Mari Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition IV. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

16. Nikitin, V. V. 1984. In Nagovitsin, L. A. (ed.). *Problemy izucheniia kamennogo veka Volgo-Kam'ia (Issues of Studying the Stone Age of the Volga-Kama Region)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 31–43 (in Russian).

17. Nikitin, V. V. 2015. *Kul'tura nositelei posudy s grebenchato-iamochnym ornamentom v Mariisko-Kazanskom Povolzh'e (Pit-Combed Ware Culture in the Mari and Kazan Part of the Volga Basin)*. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost” Publ. House (in Russian).

18. Nikitin, V. V. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkhologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 5. Tver: Tver State United Museum, 293–303 (in Russian).

19. Nikitin, V. V. 2006. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkhologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 6 (I). Tver: Tver State United Museum, 224–232 (in Russian).

20. Nikitin, V. V. 2006. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 6 (I). Tver: Tver State United Museum, 254–259 (in Russian).
21. Nikitin, V. V. 1994. In Ashikhmina, L. I., Savel'eva, E. A. *Evropeiskii sever: vzaimodeistvie kul'tur v drevnosti i srednevekov'e (European North: Interaction of Cultures in Antiquity and the Middle Ages)*. Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences 65–66 (in Russian).
22. Nikitin, V. V. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 11–17 (in Russian).
23. Nikitin, V. V. 2012. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Pervobytnye drevnosti Evrazii (Prehistoric objects from Eurasia)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 467–498 (in Russian).
24. Nikitin, V. V. 2010. In Zelenev, Yu. A., Solov'ev, B. S. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* 5. Yoshkar-Ola: Mari State University, Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 27–55 (in Russian).
25. Nikitin, V. V. 1994. In Cheliapov, V. P. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie. Pamiatniki arkheologii Tsentral'noi Rossii (Historical and Cultural Heritage. Archaeological Sites of Central Russia)*. Ryazan: Ryazan State Pedagogical University, 52–54 (in Russian).
26. Nikitin, V. V. 2008. In Sorokin, A. N. (ed.). *Chelovek, adaptatsiia, kul'tura (Man, Adaptation and Culture)* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 307–313 (in Russian).
27. Nikitin, V. V. 1988. In Nagovitsin, L. A. (ed.). *Problemy pozdnego mezolita – rannego neolita Mariiskogo Povolzh'ia (po materialam Udel'no-Shumetskogo XII poseleniia) (Issues of Late Mesolithic–Early Neolithic in the Mari Volga Region (on Materials from Udelno-Shumetskoe XII settlement))*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 54–66 (in Russian).
28. Nikitin, V. V. 2002. In Goldina, R. D. (ed.). *Istoricheskie istoki, opyt vzaimodeistviia i tolerantnosti narodov Prikam'ia (Historical Origins, Experience of Interaction and Tolerance between Peoples from the Kama Region)*. Izhevsk: Udmurt State University, 181–187 (in Russian).
29. Nikitin, V. V. 2011. *Rannii neolit Mariiskogo Povolzh'ia (Early Neolithic of the Mari Volga Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition IX. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
30. Nikitin, V. V. 1996. In Matveev, V. I., Vasil'ev, I. B. (eds.). *Vzaimodeistvie cheloveka i prirody na granitse Evropy i Azii (Interrelationship of Man and Nature at the Border between Europe and Asia)*. Samara: Institute of History and Archaeology of the Volga Region, 42–44 (in Russian).
31. Nikitin, V. V. 1996. In Ivanov, V. A. (ed.) *XIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie. Tezisy. Ch. 1 (13th Ural Archaeological Readings. Proceedings. Part 1)*. Ufa: “Vostochnyi universitet” Publ., 24–26 (in Russian).
32. Nikitin, V. V. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 5. Tver: Tver State United Museum, 363–369 (in Russian).
33. Petrenko, A. G. 2007. *Stanovlenie i razvitie osnov zhivotnovodcheskoi deiatel'nosti v istorii narodov Srednego Povolzh'ia i Predural'ia (po arkheozoologicheskim materialam) (Establishment and Development of Early Cattle Breeding in the History of Peoples from the Middle Volga and Ural Regions (on Archaeozoological Materials))*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 3. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
34. Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of Mari Volga Area)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
35. Tret'iakov, V. P. 1990. *Volosovskie plemena v Evropeiskoi chasti SSSR v III–II tys. do n.e. (Volosovo Tribes in the European Area of the USSR in 3rd–2nd Millennia B.C.)*. Leningrad: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, (in Russian).

36. Tret'iakov, V. P. 1972. *Kul'tura iamochno-grebenchatoi keramiki v lesnoi polose Evropeiskoi chasti SSSR. (Culture of Pit-combed ceramics in the Forest Belt of the European Area of the USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
37. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
38. Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniiu istorii naseleniia Srednego Povolzh'ia i Nizhnego Prikam'ia v epokhu neolita i bronzy (Materials for the Study of the History of Population of the Middle Volga and Lower Kama Regions in the Neolithic and Bronze Age)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) I. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
39. Khalikov, A. Kh. 1973. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 172. Moscow: "Nauka" Publ., 107–121 (in Russian).
40. Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V., Orlovskaiia, L. B. 2011. In Chernykh, E. N. (ed.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of the Natural Science Methods)* 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 24–78 (in Russian).
41. Shalandina, V. T. 1989. In Arkhipov, G. A., Nikitin, V. V. (eds.). *Arkheologicheskie raboty 1980–1986 godov v zone Cheboksarskogo vodokhranilishcha (Archaeological Activities of 1980–1986 in the Area of Cheboksary Reservoir)*. Series: Arkheologii i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 15. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 174–182 (in Russian).
42. Shalapinin, A. A. 2011. *Kul'turno-khronologicheskoe sootnoshenie pozdneeneoliticheskikh kompleksov Srednego Povolzh'ia (Cultural and Chronological Correlation between Late Eneolithic Complexes of the Middle Volga Region)*. Izhevsk (in Russian).
43. Iudin, A. I. 2004. *Varfolomeevskaia stoianka i neolit stepnogo Povolzh'ia (Varfolomeevka Site and the Neolithic of the Steppe Volga Region)*. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute (in Russian).

About the Author:

Nikitin Valeriy V. Doctor of Historical Sciences. Mari Research Institute of Language, Literature, and History named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Статья поступила в номер 22.12.2016 г.

УДК

DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.3.21.190.210>

ПАМЯТНИКИ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА ЧУВАШСКОГО ПОВОЛЖЬЯ: К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

© 2017 г. Н.С. Березина

В статье приводится комплексная характеристика памятников финального палеолита и мезолита Чувашского Поволжья: топография, описание конструктивных особенностей исследованных жилищ, характеристика каменной индустрии, изделий из кости и др. Все описанные памятники разрушаются в той или иной степени, некоторые – утрачены полностью. Автор анализирует все имеющиеся на сегодняшний день археологические и естественнонаучные данные, которые позволяют делать предположения о культурной принадлежности рассматриваемых памятников. Стоянка Шолма 1, вероятно, была оставлена охотниками на дикую лошадь и связана с миграцией в финальном палеолите из лесостепи Нижнего Подонья. Памятники мезолита Чувашского Поволжья автор связывает, вслед за исследователями, с культурной группой памятников с наконечниками поствидерского типа и недавно выделенной в Марийском Поволжье русско-луговской культурой.

Ключевые слова: археология, Чувашское Поволжье, финальный палеолит, мезолит, стоянки, каменная индустрия, русско-луговская культура.

Чувашское Поволжье расположено на правом и левом берегах реки Волги и ограничено волжскими притоками – Сурой и Свягой, но большая его часть занимает правобережье Волги. Северная часть Чувашского плато сильно изрезана овражно-балочной сетью и долинами рек. Здесь самые глубокие и длинные овраги. По мере удаления от Волги склоны оврагов становятся более пологими, а водоразделы расширяются. Памятники каменного века приурочены, как правило, к берегам рек, дюнным всхолмлениям и мысам пойменных участков. В большинстве это территории активного хозяйственного освоения человеком, что ведет к разрушению археологических памятников, поэтому вопросы их охраны являются актуальными и первоочередными задачами археологии. Вопросы сохранения культурного наследия стоят особенно

остро из-за активного хозяйственного освоения территорий, на которых расположены памятники. Очевидно, что археологические раскопки часто являются единственным средством сохранить культурное наследие.

Поиск стоянок палеолита в Чувашском Поволжье ведется давно. Большое количество четвертичной фауны, в том числе таких крупных находок, как относительно полные скелеты мамонтов, носорогов, а также многочисленные находки отдельных костей и зубов животных, говорит о богатстве палеоценозов, а также о наличии путей миграции этих животных по данной территории. Сложность поиска палеолитических стоянок обусловлена мощными покровными отложениями лессов и лессовидных суглинков, что отмечалось всеми исследователями палеолита. Несмотря на целенаправленные поиски палеолитических

памятников в Чувашском Поволжье (Брюсов, 1937; Бадер, 1957), открыта и исследована всего одна стоянка с каменными орудиями (Березина и др., 2006).

В 2005 г. была обнаружена финальнопалеолитическая стоянка-мастерская Шолма 1 с каменным и костяным инвентарем, расположенная у подножия коренного берега р. Малый Цивиль. Культурный слой памятника оказался приурочен к горизонту погребенных почв сложной структуры, состоящих из палеокриоморфной нижней погребенной почвы, вероятно, относящейся к теплому этапу древнего голоцена – бёллингу и мало-мощной палеокриоморфной верхней почвы последующего относительно теплого этапа – аллерёда (13–11 тыс. лет назад), которые были разделены небольшим похолоданием – этапом среднего дриаса. Перекрывающий всю шолмскую погребенную почву палево-бурый суглинок, вероятно, отложился в позднем дриасе (11–10,3 тыс. лет назад) (Хисяметдинова и др., 2008; Березина и др., 2008). Исследования, проведенные палеопочвоведом на стоянке, подтвердили предположение, высказанное нами ранее о возрасте погребенных почв (Гугалинская, Алифанов и др., 2010). К сожалению, полученные радиоуглеродные даты по костям лошади из культурного слоя ВС 7550–6750 (Ki-15155) и 8800–7600 (Ki-15156) кал. л. до н. э., расходятся с геологостратиграфическими наблюдениями, предполагающими более древний возраст слоев, вмещающих археологические находки, и представляются нам омоложенными. Вероятно, здесь сказалась близость к дневной поверхности и частичная вовлеченность

культурного слоя в современные почвенные процессы.

В ходе раскопок получено более 11,5 тыс. изделий из кремня, а также костей животных, в основном лошадей (Березин и др., 2009; Березина и др., 2009, 2009а). На стоянке представлены все этапы первичного расщепления кремня подготовки и утилизации нуклеусов. Из-за низкого качества большая часть расколотых кремней была брошена на первой стадии подготовки пренуклесов и нуклеусов. Нуклеусы представляют разные стадии их утилизации для получения соответственно крупных, средних и микро-пластин. Площадки нуклеусов подрабатывались небольшими сколами, карнизы подрабатывались редуцированием и абразивной шлифовкой. На данном этапе изучения можно предположить, что пластины, в т.ч. и ножевидные, снимались при помощи удара. В составе коллекции присутствуют нуклеусы конусовидных и призматических форм, на массивных первичных сколах для получения укороченных узких пластин. Такие пластины служили, вероятно, вкладышами без дополнительного рассечения ее на части. О присутствии вкладышевой технологии говорят находки геометрических микролитов – трапеций (10 ед.) (рис. 1: 1–9). Выполнены на пластинах, небольшого размера (7–14 мм), низких пропорций, симметричных. Выразительную серию представляют ретушные резцы (10 ед.), в большинстве своем выполненные на крупных массивных сколах (рис. 1: 17, 18). Имеются резцы на углу (6 ед.) и на сломе заготовки (3 ед.). В качестве ретушных резцов можно рассматривать и группу вторичных торцовых нуклеусов, многие

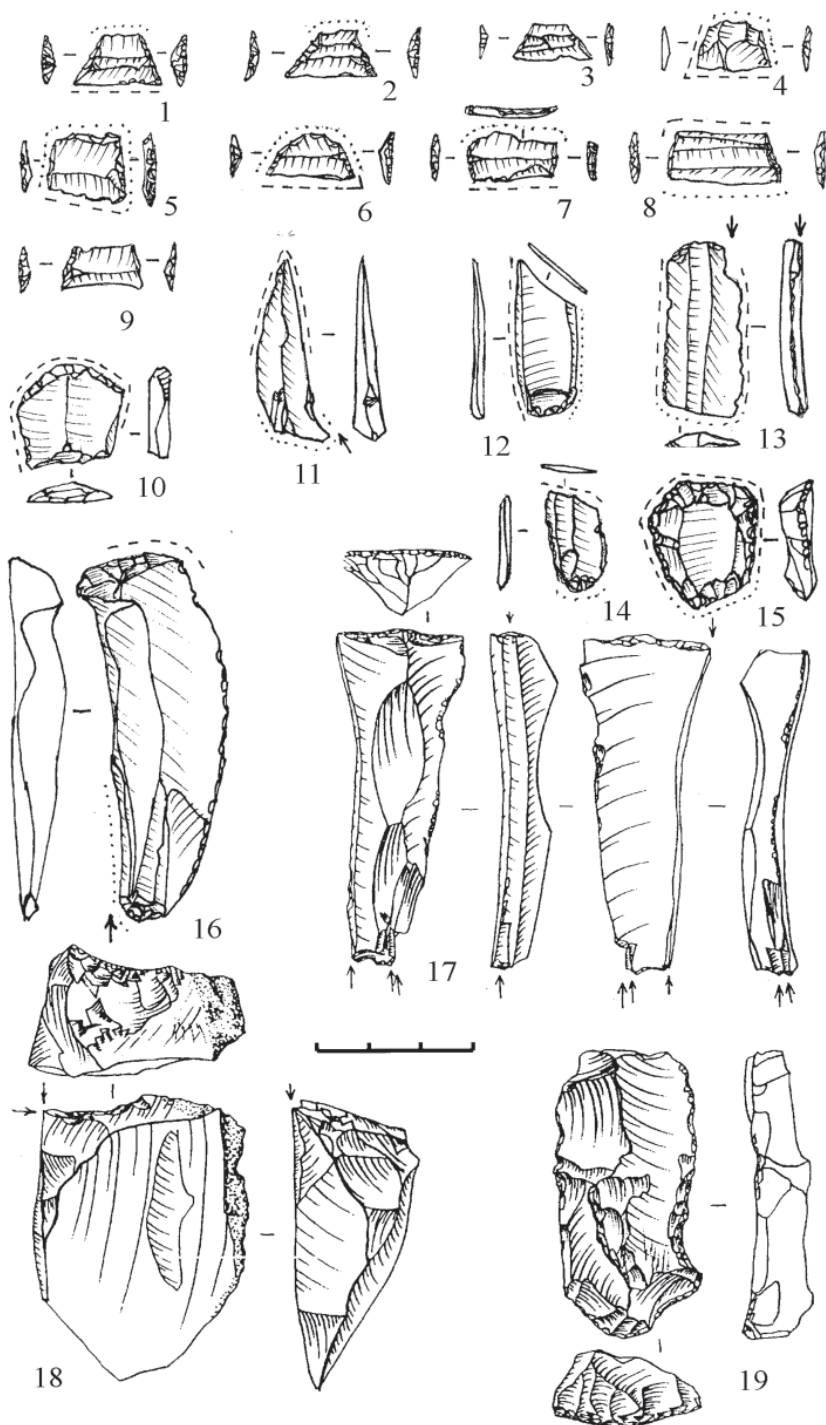

Рис. 1. Стоянка-мастерская Шолма 1. Каменный инвентарь.
(рисунки 1–16 выполнены М.Ш. Галимовой).

Fig. 1. The Sholma 1 camp - flint workshop. Stone inventory.
(figures 1–16 are performed by M.Sh. Galimova).

из которых имеют следы утилизации в этом качестве. Большая часть орудий – это пластины и сколы без вторичной обработки, но со следами утилизации – 385 ед. (рис. 1: 11–13). Пластин, в т.ч. с правильной огранкой спинки, пластинчатых сколов и их фрагментов найдено 251 ед. Тронкированных пластин и пластин с притупленным краем в коллекции нет.

Скребки (40 ед.) выполнены в основном на отщепках и коротких сколах с параллельной огранкой спинки, это концевые скребки с широким и округлым рабочим краем, с вертикальной, крутой и полукрутой ретушью, иногда заходящей на боковые грани, вероятно, использовавшиеся в рукояти (рис. 1: 15). Имеются концевые скребки на пластинах, пластинчатых и массивных продольных сколах с крутой ретушью (рис. 1: 16, 19). Скребла (4 ед.) выполнены на крупных удлиненных сколах с неглубокой крутой и полукрутой ретушью. Имеется обломок бифаса, сформированного крупными нерегулярными сколами, с последующей подправкой более мелкими, размером 6×48 мм. К рубящим изделиям можно отнести одно долотовидное бифасиальное изделие подквадратной формы.

Кроме каменных изделий найдено более 150 целых и фрагментов костей лошади, а также единичные кости бизона, северного оленя, бобра, зайца и мелкого хищника, возможно, куницы. Все крупные трубчатые кости и кости черепа были расколоты. Рядом с костями располагались массивные орудия для их обработки. Это была специализированная группа охотников на лошадей. Следует отметить изделия из трубчатой кости лошади. Одно – фрагмент кости с тремя прорезанны-

ми пазами, вероятно, это заготовка для игл. Это изделие было сломано еще в древности на две части и выброшено. Второе – вероятно, кинжал, размером 17 × 3,5 см с пришлифованной режущей кромкой и насадом, подправленным сколами. Возможно, первоначально, оно использовалось в качестве наконечника копья, а затем утилизировано в хозяйственных целях.

Поиск аналогий стоянке Шолма 1 на данном этапе исследований нас привел к выводам о возможном сходстве каменной индустрии, типологии трапеций и основного объекта охоты – лошади – стоянки Шолма с финальнопалеолитическими стоянками Рогаликско-Передельского района, бытовавшими в Аллерёде в лесостепях юго-востока Украины, например, со стоянкой Рогалик ПА (Горелик, 2001). Это стало возможным в связи с изменением климата в конце аллерёда и общим потеплением (13–11 тыс. л. н.), и продвижением группы специализированных охотников на лошадей вслед за стадами мигрировавших животных из района Среднего Дона-Северского Донца, на северо-восток по плоскогорью Приволжской возвышенности. Дальнейшие судьбы этих охотников, вероятно, связаны с устькамской археологической культурой (Галимова, 2001).

Эпоха мезолита представлена стоянками, расположенными на берегах Волги, Суры и Цивилия. Яндашевская стоянка была открыта и исследована в 1927 г. (Ефименко, 1929), вскрыто свыше 65 кв. м. Памятник располагался на мысу первой надпойменной террасы левобережья р. Цивиль. Высота террасы над уровнем реки была 10–11 м. Культурный слой «незначительный по

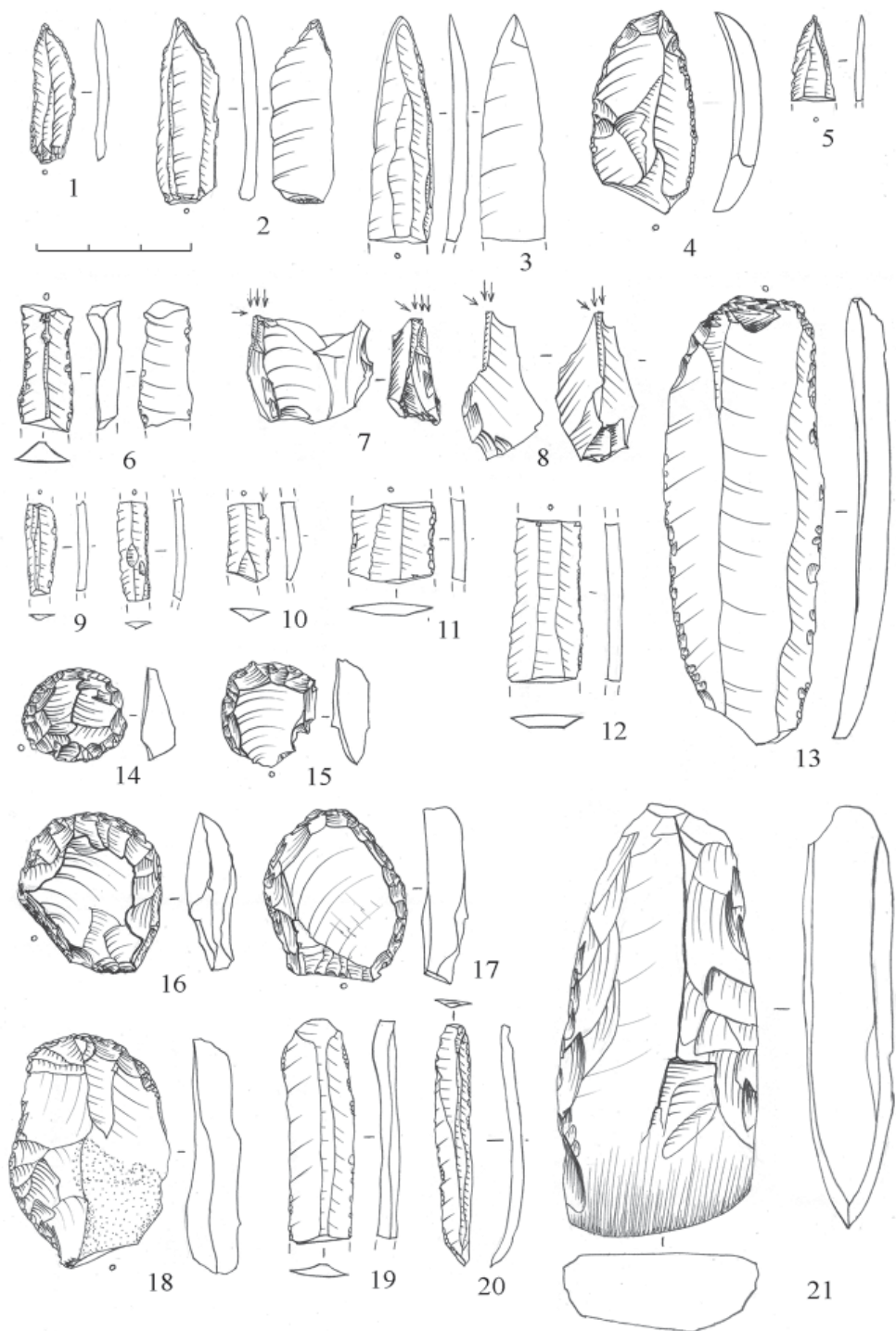

Рис. 2. Мукшумская X стоянка. Каменный инвентарь.

Fig. 2. The Mukshum 10 site. Stone inventory.

мощности, лежит в плотном оподзоленном песке, никогда не подвергавшемся переветыванию». Часть находок была встречена в почвенном слое и в материковом суглинке, что, по мнению исследователей, могло быть вызвано педологическими процессами, в т.ч. деятельностью грызунов (Ефименко, Третьяков, 1968, с. 126–128).

Был получен достаточно представительный каменный инвентарь: более 500 ножевидных пластин, 472 орудия и несколько тысяч отходов производства (отщепы, сколы и др.). Кремь использовался «пестрой разновидности», имеется несколько орудий из темного мелового кремня. В 1968 г. материалы стоянки и полевые наблюдения были опубликованы (Ефименко, Третьяков, 1968). Позднее Л.В. Кольцовым каменный инвентарь стоянки был проанализирован и опубликован в более расширенном виде (Кольцов, 1989, с. 90, табл. 55). Большинство нуклеусов пластинчатые, двух основных типов: призматические, одно- и двухплощадочные, площадки подработанные. В коллекции около 50 скребков, 10 концевых на пластинах, остальные скребки на отщепках концевые и подокруглые и на фрагментах нуклеусов. Более половины всех орудий было сделано на пластинах. Множество сечений пластин имеют ровную прямоугольную форму, которые, по мнению исследователей, изготовлены специально для вкладышей составных орудий. Резцы на пластинах и отщепках, на сломанном или естественном конце заготовки, угловые. Однако встречены и резцы с ретушированной площадкой скола (скошенной, вогнутой или поперечной), поперечные и резцы срединного типа с асимметрично расположенным

режущим лезвием. Острия были сделаны на пластинах и отщепках. Преобладают формы со скошенным концом, но есть и острия со сходящимися ретушированными краями. Достаточно выразительные формы наконечников стрел, выполненных на пластинах и отщепках. Жало и насад обработаны мелкой краевой ретушью. У части наконечников выделены плечики и имеется длинный насад. Имеются наконечники с выделенным черешком с подработанным крутой или полукруглой ретушью на двух краях на спинке, на двух краях на брюшке, противоположная ретушь, есть наконечники ромбические и асимметричные. Ножи изготавливались из пластинчатых отщепов, имели два ретушированных на спинке края. Скобели были выполнены на пластинах с небольшими выемками, обработанными ретушью на спинке. Сверла и проколки – на отщепках. Они в большинстве симметричные, с четко выделенным жалом, оформленным ретушью по двум краям. Однако встречены и несимметричные проколки с обработкой по одному краю.

По мнению Л.В. Кольцова, Среднее Поволжье в эпоху мезолита представляло собой «классический пример контактной зоны», где сложилась культурная мозаика. Он выделял во второй половине бореального времени две культурные области: камскую и с наконечниками постсвидерского типа. По его мнению, Яндашевская стоянка относится к культурной группе с наконечниками на пластинах постсвидерского типа (Кольцов, 1989, с. 90). Большое значение в инвентаре имели составные вкладышевые орудия. Трасологические исследования выявили использование характерных

сечений, а также мелких отщепов в качестве вкладышей, с характерными следами износа (Галимова, 2004). Этот памятник отличает большая серия небольших наконечников на пластинах, среди которых преобладают черешковые, но есть и иволистные. Возможно, этот памятник, отражает ранний этап сложения русско-луговской культуры.

Анализ памятников Марийско-Чувашского Поволжья разного типа (долговременные и сезонные) позволил исследователям сделать вывод о сложении здесь в конце бореального – начале атлантического периодов (кон. VIII – нач. VII тыс. до н. э.) своеобразной мезолитической культуры. В 2006 г. В.В. Никитин предложил выделить ее в самостоятельную культуру с некоторыми чертами неолита – русско-луговскую (Никитин, 2006, с. 224–231). По его мнению, она занимала в основном левобережную часть Среднего Поволжья, в т.ч. территорию междуречья Унжи, Ветлуги и Вятки, на востоке смыкаясь с усть-камской культурой, на севере – с камской, на западе – с бутовской. Исследователь отмечает ее сложный многокомпонентный характер. Это предположение было поддержано другими исследователями (Березина, 2011; 2015; Вискалин, 2011).

В левобережье Волги расположен крупный археологический комплекс, состоящий из более 30 памятников эпохи камня (Березина, Березин, 2003). Он располагался в широкой (до 6 км) пойме реки Волги и приурочен к руслам бывших рек Черной и Чернушки, вытекавших из торфяных болот и впадавших в Волгу. Сейчас эта часть поймы Волги затоплена Чебоксарским водохранилищем, и лишь гряды

песчаных островов и полуостровов выдают древние дюнные возвышения, на которых селились люди. Большая часть памятников разрушается водами водохранилища. Здесь нами исследовано раскопками 3 стоянки мезолита. Эти памятники характеризуют расположение на поверхности дюнных всхолмлений, наличие системы из нескольких жилищных западин, выраженность углистым наполнением культурного слоя, а также сходные характеристики каменной индустрии, которые позволили нам отнести их к русско-луговской культуре.

Мукшумская X стоянка находится восточнее устья западной протоки полуострова Мукшум, располагается на высоком дюнном всхолмлении, на высоте 3 м от уреза Чебоксарского водохранилища (Березина, 2012). Площадка дюны открытая, с единичными соснами. С южной стороны дюны разрушена водами Чебоксарского водохранилища. Дюнное всхолмление – это останец 2 надпойменной террасы. В основании – сложен аллювиальными отложениями, макушка – переветная, покрыта слабым дерном. Раскопками (52 кв. м) была исследована частично разрушенная западина № 1. Западина округлой формы отчетливо просматривалась на поверхности, диаметр – 14 м, глубина по центру – 1,3 м.

Основная масса находок сконцентрирована в пределах жилищного заполнения. На уровне около 50–70 см от современной дневной поверхности под слоем бурого рыхлого песка зафиксирован горизонт древней дневной поверхности. Это светло-серый слой небольшой мощности. Этот слой отчетливо читался за пределами жилища на всем протяжении раскопа,

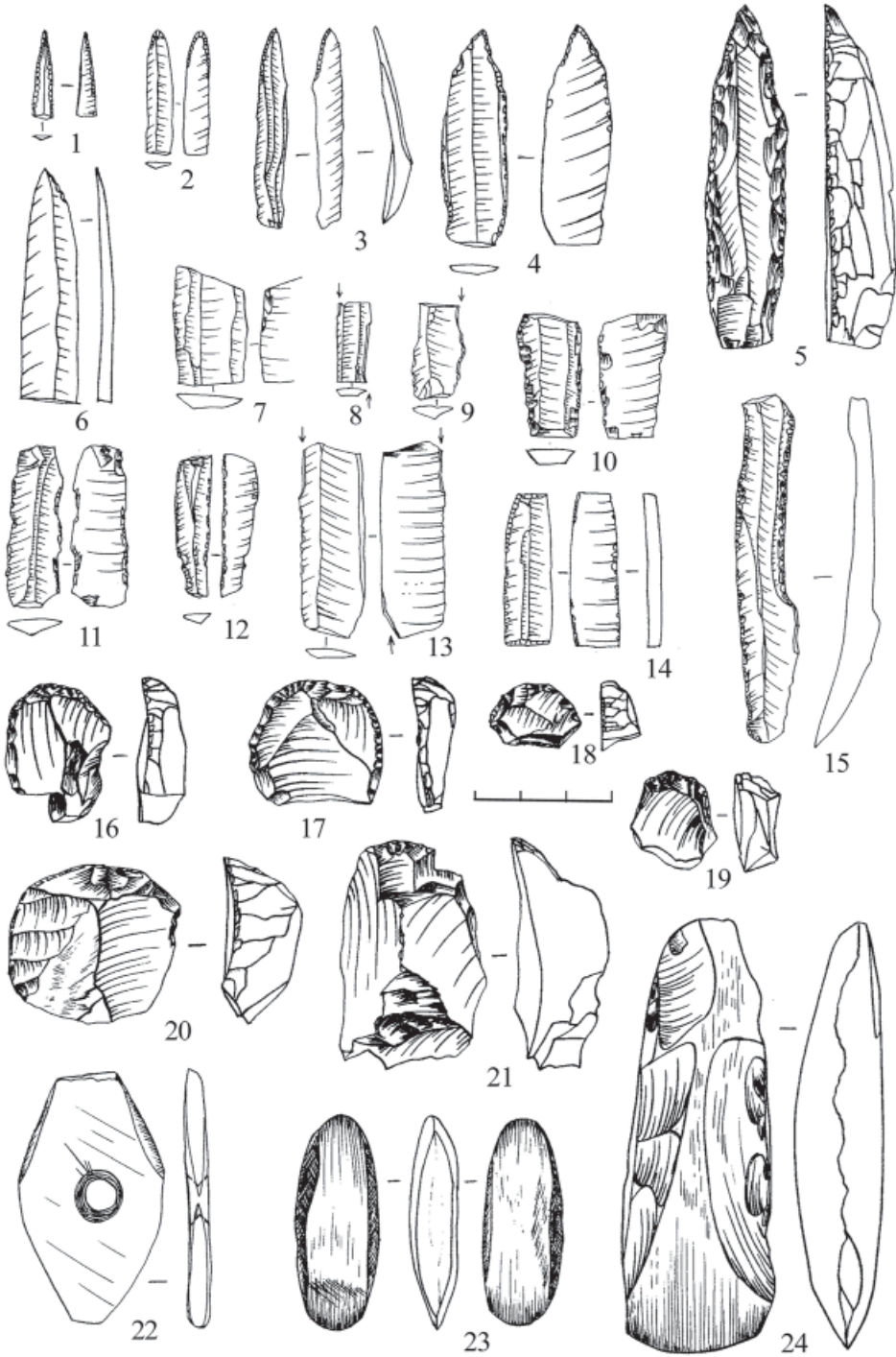

Рис. 3. Мукшумская XIV стоянка. Каменный инвентарь.

Fig. 3. The Mukshum 14 site. Stone inventory.

располагался практически параллельно современному уровню дневной поверхности дюнного всхолмления и также имел небольшой уклон на юг в сторону водохранилища. В восточной части раскопа контур жилищной постройки проявился примерно на уровне 100 см от современной поверхности при разборе 6 горизонта и отчетливо читался на всем протяжении раскопа. На глубине около 130 см зафиксирован северный край жилища. Заполнение жилища выделялось на фоне бурого рыхлого песка и обозначилось пятном темно-серого плотного песка.

Сохранившаяся часть жилища имела округлые очертания. Глубина котлована была примерно 1 м от уровня древней дневной поверхности, еще на 0,5 м были углублены ямы в полу. Диаметр котлована около 8 м (площадь около 50 кв. м). Плечики котлована практически вертикальные, вероятно, имели деревянную обкладку. Профиль котлована, пол жилища и ямы в нем отлично видны на профилях стенок центральной бровки и по береговому обрыву. Западный край жилища имел пологий край, с выраженными уступами и, вероятно, служил входом-выходом из жилища. С этим выходом связана длинная серая полоса – «дорожка», – огибающая жилище с севера и уходящая под северную и восточную бровки. Пол жилища горизонтальный, хорошо выделяется по плотности, утрамбованности, по сравнению с заполнением ям и материковым песком.

Вдоль всего края жилищного котлована нами отмечены столбовые ямки. У сохранившейся северной стенки жилища зафиксированы две углубленные в полу жилища большие

ямы, протянувшиеся вдоль стены. Их размеры $1,2 \times 3,5$ м и $0,8 \times 2,8$ м, имеют слоистую структуру (неоднократно заполнялась), углистое заполнение с включениями мелких угольков, жженных костей, фрагментов эмалевых пластинок зубов и небольшим количеством находок кремня. Следов кострищ или прокала в жилище нами не отмечено.

Подобные конструкции нами зафиксированы при раскопках мезолитических жилищ на Мукшумской XIV и XVIII стоянках (Березина, 2006; 2006а). И мы высказывали свое мнение о реконструкции их как углублений под спальными лежаками, протянувшимися вдоль укрепленных стенок котлована, периодически заполняемых углем из кострищ для отопительных функций, чем объясняется большое количество угольков и жженных костей и небольшого количества кремней. Вероятно, эти конструкции вызваны зимним характером жилищ. Отопительными же функциями обладали, по нашему мнению, крупные и глубокие с вертикальными стенками ямы, расположенные на центральных участках пола жилищ и заполненные черным углистым песком.

Таким образом, очевидно, что конструкция жилища была каркасная. Форма крыши, как и всего жилища, вероятнее всего, была округлая. Перекрытие состояло из наклонных жердей, нижние концы которых на 2 метра выступали за края котлована. Эти жерди опирались на конструкцию из вертикальных столбов, врытых вдоль стен и в центре котлована. Для усиления этих опор иногда использовались спаренные столбы и наклонные опоры.

В результате раскопок было получено 2214 каменных изделий, в

т.ч. фрагментов костей и зубов животных (8 ед.). Более половины (1377 ед.) – это отщепы, сколы, осколки и чешуйки кремня. Нуклеусы (110 ед.) в основном мелкие (2–3 см) одноплощадочные конусовидные, имеются призматические (4 ед.), торцевые на крупных и мелких сколах (7 ед.). Большая часть нуклеусов предназначалась для снятия микропластин и микропластинчатых сколов. Большое количество мелких нуклеусов и большое обилие сколов и осколков кремня с попытками утилизации их в качестве нуклеусов, по нашему мнению, возможно, либо при большом его дефиците, например, в зимний период, либо при ученических упражнениях по его расщеплению. Вероятно, было и то и другое.

Пластины и их обломки (281 ед.) представлены двумя основными группами, шириной 7–8 мм и 11 мм, целые – со слабым изгибом. Пластины в индустрии этой стоянки производились ударным способом, о чем свидетельствуют пропорции пластин, выпуклый ударный бугорок, выраженные ударные волны. Найденные на стоянке 4 отбойника из кварцитовых галек отчасти подтверждают эти выводы. В целом кремневую индустрию стоянки можно охарактеризовать как пластинчатую. Большая часть сечений и фрагментированных пластин использовалась в качестве вкладышей и имеет характерную ретушь утилизации по одному или двум краям, иногда характерные микросколы по углам (рис. 2: 6, 9–12).

Острия, имеющиеся в коллекции, выполнены на пластинах и отщепях (рис. 2: 1–5). Проколки оформлены мелкой краевой ретушью, в трех случаях жало оформлено дорсальной ре-

тушью, распространяющейся на края, в другом – жало оформлено противоположающей ретушью. Одно острие – нож, острый конец и края которого заполированы от работы (рис. 2: 3). Резцы (14 ед.), как правило, угловые на сколах и отщепях, на углу сломанной пластины (рис. 2: 7, 8). Ножи выполнены в основном на пластинах, реже на отщепях без вторичной обработки, но с характерными следами утилизации (рис. 2: 13, 19–20), за исключением одного, правда, обломанного орудия с невысокой уплощающей регулярной ретушью. Самый массовый тип морфологически выраженных орудий – скребки (84 ед.) В большинстве своем это небольшие подокруглые скребки с крутой и полукрутой краевой ретушью на $\frac{1}{2}$ и более периметра, выполненные на отщепях и сколах (рис. 2: 14–17). Имеется небольшая серия концевых скребков на удлинённых сколах с крутой ретушью, переходящей на края (рис. 2: 18). Скобелей относительно немного (9 ед.), выполнены в основном на пластинах с вогнутыми участками лезвия с преднамеренной ретушью или со следами утилизации.

Выразительную группу представляют деревообрабатывающие орудия (35 ед.), в большинстве своем выполненные на окремнелом известняке с пришлифовкой лезвия и краев (рис. 2: 21). Имеется серия (5 ед.) небольших стамесок, выполненных на отщепях, один край которых пришлифован. Вероятно, они использовались в оправе. Большую серию (73 ед.) представляют орудия, выполненные на отщепях, сколах и осколках без вторичной обработки, но со следами утилизации.

Мукшумская XIV стоянка расположена на песчаной дюне, в восточной

части полуострова Мукшум. На дюне располагались 7 жилищных западин в два ряда. На протяжении нескольких лет нами велись наблюдение за памятником и сбор подъемного материала. С момента первого описания стоянки жилищная западина № 1 почти полностью разрушилась обрывом берега.

В 2002 г. и 2008 г. на жилищных западинах № 2 и № 3 были проведены раскопки общей площадью 211 кв. м (Березина, 2006а; Галимова, 2008). Большая часть находок располагались в пределах жилищного заполнения. На уровне около 30 см от дневной поверхности стал вырисовываться общий контур жилища № 2, имевшего подквадратную форму. Раскопом зафиксированы 3 угла, четвертый – был разрушен берегом, а также несколько входов-выходов. На уровне около 90 см от дневной поверхности был зафиксирован пол жилища. Отмечены 82 ямы и 6 больших овальных углублений – траншей. Эти траншеи располагались вдоль западной, южной, восточной и северо-восточной стен жилища, и лишь северо-западный угол не имел такой траншеи. Они имели интенсивно черное заполнение с содержанием мелких угольков и кремня. Характер расположения этих траншей внутри жилища и их заполнение привели нас к мысли о том, что это остатки лежачков, устроенных так, что под деревянными конструкциями вырывались траншеи, заполнявшиеся углями из костра. Большое количество отопительных ям и траншей под лежачками, заполнявшихся древесными и костными углями, по нашему мнению, свидетельствуют о зимнем использовании жилища, которое функционировало один или несколько сезонов.

Раскопом 2008 года была исследована 1/2 часть жилища № 3. Жилище, по всей видимости, было округлого очертания. В раскопе удалось зафиксировать уровень древней дневной поверхности, и проследить глубину самого котлована жилища (0,5 м), углубленные в материке ямы. Заполнение котлована жилища на уровне пола имело насыщенный черный углистый цвет.

Коллекция стоянки насчитывает 15 629 единиц находок. Каменное сырье, использовавшееся на стоянке, – это красноватых и коричневых оттенков желвачный кремль, встречающийся в отложениях правобережья Волги. В единичных экземплярах встречен кварцит и дымчатый кремль. Нуклеусы и нуклеидные кремни (721 ед.) в основном мелкие, сильно сработанные, призматические одно- и двухплощадочные, конусовидные, многоплощадочные, единичны торцевые, служили для снятия отщепов и пластин. Пластин и сечений – 1872 ед. (12% от общего числа каменных изделий), большинство – шириной до 6 мм и – до 12 мм. Значительная часть пластин (1266 ед.) без вторичной обработки. Целые пластины имеют слабый изгиб, в дистальной части увеличивающийся. У большей части края и ребра неровные, волнистые. Большинство пластин снималось с подготовленной – подправленной ретушью – кромки площадки нуклеуса. Вероятно, большая часть пластин в индустрии этой стоянки производились ударным способом, но отжимная техника также присутствовала. Найденные на стоянке отбойники из кварцитовых галек и из песчаника в количестве 114 ед. отчасти подтверждают

эти выводы. Кремневую индустрию стоянки можно охарактеризовать как пластинчатую.

Из геометрических форм присутствуют вкладыши на пластинах и сечениях с обработкой и со следами износа (рис. 3: 7–13). Один вкладыш обработан мелкой крутой регулярной ретушью со спинки с трех сторон и частично с брюшка (рис. 3: 14). Острия (62 ед.) выполнены преимущественно на пластинах, подработанных одно-сторонней, редко двухсторонней крутой мелкой ретушью (рис. 3: 1–4, 5). Сверла выполнены на трехгранных удлиненных сколах, жало и боковые грани которых подправлены крутой ретушью (рис. 3: 5). В коллекции имеются два наконечника стрелы. Один выполнен на пластине с выделенным черешком, жало и черешок подправлены крутой одно-сторонней ретушью со спинки. Второй мелкий миндалевидный наконечник. Резцы (87 ед.) – угловые на сколах и отщепках. Представительную серию образуют резчики (72 ед.), изготовленные из мелких сколов и осколков, вставлявшихся в рукоять. В коллекции имеется 1 резец на нуклеусе.

Самый массовый тип морфологически выраженных орудий – скребки (507 ед.). В большинстве своем это небольшие подокруглые скребки с крутой и полукрутой краевой ретушью на $\frac{1}{2}$ и более периметра орудия, выполнены, как правило, на отщепках, сколах и кусках случайной формы (рис. 3: 16, 17, 20). Реже это концевые и боковые скребки на пластинах (26 ед.) (рис. 3: 21). Преобладают скребки мелких и средних размеров, концевых и боковых форм. Рабочий край скребков редко обработан регулярной ретушью, а если она имеется,

то чаще крутая. Выделяется группа мелких около 1 см скребков, вставлявшихся в рукоять (48 ед.) (рис. 3: 18–19).

Скобели (205 ед.) изготовлены на пластинах (52 ед.), осколках (82 ед.) и отщепках (20 ед.), имеют небольшую выемку или вогнутое лезвие, обработанные крутой ретушью или со следами износа. Имеется небольшая серия дублированных орудий: ножи-резчики, изготовленные из мелких осколков и сколов (3 ед.), скребок-скобель на пластине – 4 ед., на отщепках: скребок-скобель – 8 ед., скобель-резец – 2 ед., скребок-резец угловой – 10 ед., острие-скребок – 2 ед., долотовидное орудие-провертка – 1 ед., долотовидное орудие-скребок – 3 ед. Ножи – 9 ед., выполнены на плоских удлиненных отщепках с участками одно-сторонней ретуши.

Деревообрабатывающих орудий и их обломков – 59 ед., это стамески, тесла, долота (рис. 3: 23, 24). Большая часть пришлифована частично или полностью. Интересна серия из восьми целых экземпляров небольших стамесок, выполненных на отщепках и крупных пластинчатых отщепках, подпрямоугольной формы, один край которых пришлифован. Лезвия прямые или чуть округлые со следами заполированности. Вероятно, эти небольшие стамески использовались в рукояти. Большую серию представляют орудия, выполненные на отщепках, сколах и осколках без вторичной обработки, но со следами утилизации.

Среди индивидуальных находок отметим небольшой хорошо отполированный фрагмент изделия из кости (кальцинированный фрагмент), овальный в сечении, имеет продольные бороздки для вкладышей. Две находки

амулетов с биконическими сверлинами в центре, найденные в переходе, ведущем в жилище № 1. Один – тонкая 4 мм ромбическая плитка (рис. 3: 22), второй – плоская 10 мм округлая галька. Аналогии им можно найти в онежском мезолите, для которого характерны сланцевые подвески и изделия из плоских галек со сверлиной в центре или на периферии (Ошибкина, 1983). Подобная находка была сделана на мезолитической стоянке Васильева 1 на Валдайской возвышенности, интерпретированная исследователем как амулет – тонкая сланцевая ромбическая плитка с подточенными краями и биконической сверлиной в центре (Сидоров, 2000). Интересна находка гальки с гравированными пазами и знаками. Исследование этой находки под бинокляром позволило подтвердить преднамеренную гравировку и использование следов охры на поверхности гальки и в пазах. На всей поверхности гальки зафиксировано 3 выгравированных знака типа «А». Знаки разных размеров.

В культурных слоях исследованных стоянок собрано небольшое количество кальцинированных костей. Из 23 идентифицированных остатков было определено 6 видов животных: сом – *Siluris glanius* (туловищный позвонок – 1 ед.), чирок-свиистунок *Anas crecca* (шейный позвонок – 1 ед.), ястреб-тетеревятник *Accipiter gentilis* (когтевая фаланга – 1 ед.), заяц *Lepus sp.* (фрагменты лопатки, плечевой и бедренной кости – 3 ед.), северный олень *Rangifer tarandus* (фрагменты скуловой, лобной и плечевой костей – 4 ед.), лось *Alces alces* (фрагменты коронок зубов – 6 ед., фрагменты плечевой и большой берцовой костей и осевой части черепа – 7 ед.) (определения

к. б. н. И.В. Аськеева (Казань)). Этот видовой состав отражает типично лесной ландшафт. Присутствие северного оленя говорит о таежном характере леса. Можно предположить, что во время обитания стоянки ландшафт был похож на современный: в левобережье на высоких террасах росли хвойные леса, в широкой пойме Волги были небольшие речки, многочисленные озера и заводи.

Мукшумская XVIII стоянка расположена в центральной части полуострова Мукшум (Березина, 2006; 2012а). С ЮЮВ стороны дюна разрушена водами Чебоксарского водохранилища, а с северной стороны дюну окружает заболоченное озеро. На поверхности были отмечены 9 округлых западин, расположенных 3 рядами с ЮЗ на СВ. В 2003 г. раскопками (200 кв. м) исследована западина № 8, диаметром 14 м, глубиной по центру 1,3 м. Большинство находок располагалось в пределах жилищного заполнения.

На уровне 30–50 см от дневной поверхности наметился общий замкнутый контур жилища округлых очертаний. Заполнение жилища – плотный, углистый интенсивно-черного цвета песок, насыщенный угольками и мелкими пережженными костями. На уровне 90 см от дневной поверхности зафиксирован пол жилища. Удалось зафиксировать 261 яму, столбовых, хозяйственных и очагово-отопительных, часто перекрывающих друг друга, что свидетельствует о неоднократных перестройках или починках жилища. Можно предположить, что жилище использовалось относительно длительное время, зимой или круглый год, возможно, несколько сезонов.

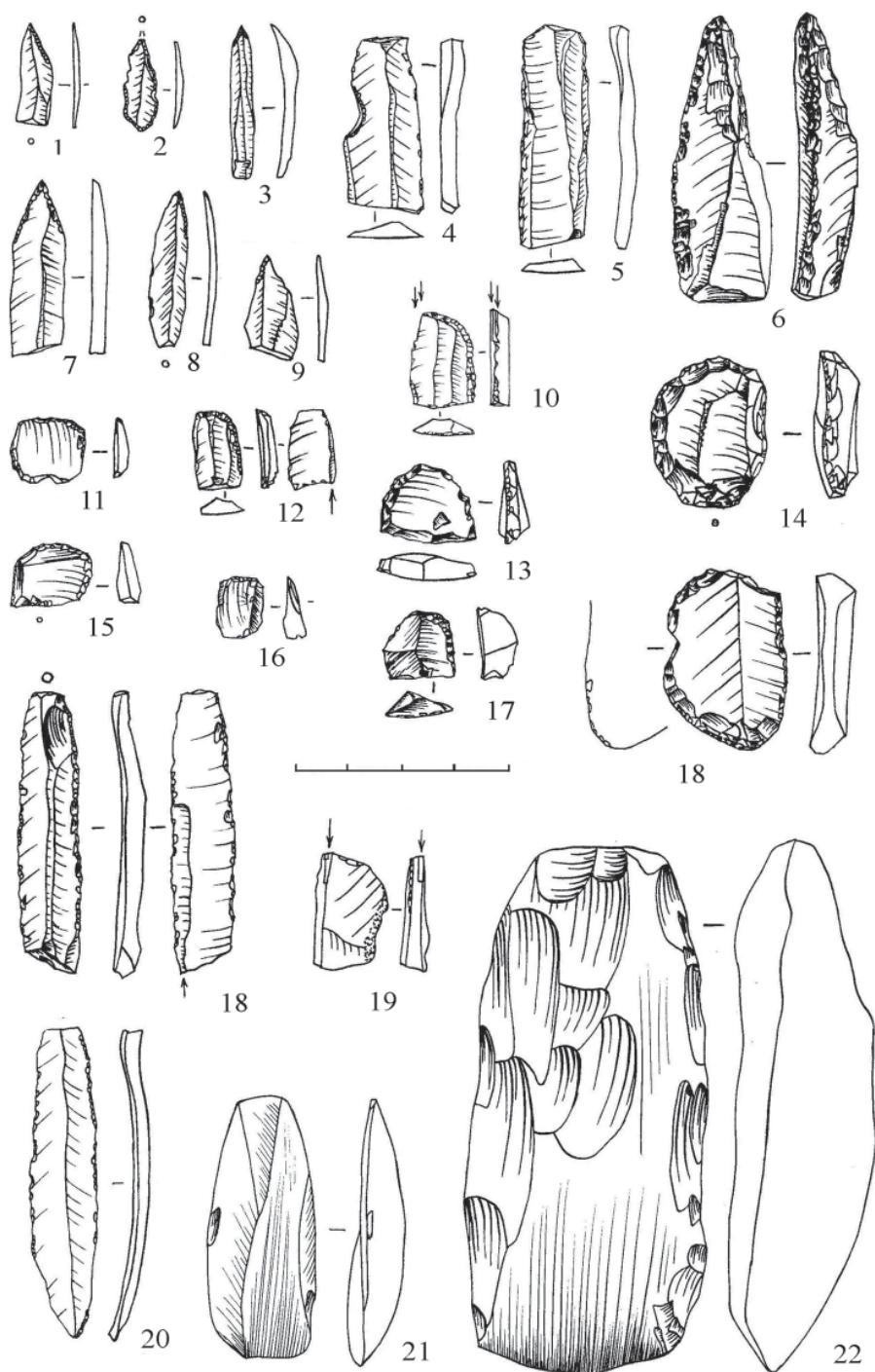

Рис. 4. Мукшумская XVIII стоянка. Каменный инвентарь.

Fig. 4. The Mukshum 17 site. Stone inventory.

Раскопом зафиксированы восточный, северный и западный контуры жилища, южный – был разрушен берегом. К северному краю жилища примыкал выход-лаз, заглубленный примерно на 1 м относительно уровня пола жилища. Вероятно, лаз был перекрыт крышей.

Археологическая коллекция стоянки насчитывает 9075 предметов, из них 1521 – это орудия, отщепов, осколков, чешуек и кусков кремня – 5624 ед., 87 крупных галек из кристаллических пород камня (кварцит, гранит, габбро-диабаз и др.) и 232 мелких и их обломков. Каменное сырье – это желвачный кремль красноватых и коричневых оттенков, в единичных экземплярах встречен дымчатый кремль, кварцит.

Нуклеусы (729 ед.) в основном мелкие, сильно сработанные, многоплощадочные. Большая часть найденных нуклеусов служила для скалывания отщепов. Выделяется серия небольших нуклеусов с негативами от микропластин. Это одноплощадочные нуклеусы с зауженным основанием, конические или призматические с зоной скалывания не более 2/3 окружности или торцевые. Пластины (825 ед.) составляют 15,5% от общего числа кремневых предметов, среди них: микропластин (до 6 мм) – 594, средних (до 12 мм) – 703, крупных – 109. Значительная часть пластин без вторичной обработки. Мелкая регулярная ретушь и следы сработанности встречены на 578 пластинах и сечениях (рис. 4: 20). Пластины со вторичной обработкой (рис. 4: 18) и без нее (рис. 4: 4, 5) использовались в качестве вкладышей.

Острия (56 ед.) в основном выполнены на пластинах, реже на отщепе

и осколках. На пластинах выполнены сверла и проколки (7 ед.) с жалом, оформленным противоположающей ретушью (рис. 4: 6, 9); проколки и наконечники (?) с односторонней крутой мелкой микроретушью по жалу (рис. 4: 1–3, 4, 5). Многочисленные скребки (230 ед.) выполнены почти все на отщепе и кусках случайной формы, за исключением 11 концевых скребков-скобелей на пластинах (рис. 4: 18). Часты скребки без вторичной обработки рабочего края (47 ед.). Можно выделить: скребки на отщепе округлые, небольшие диаметром от 16 до 20 мм, ретушь более 2/3 периметра или по всей окружности, ретушь крутая или полукрутая (19 ед.) (рис. 4: 14); концевые на удлинённых отщепе (13 ед.); концевые-боковые (11 ед.); боковые (18 ед.); скребки-«перевертыши» по форме боковые, с противоположной ретушью по краям (9 ед.); угловатый скребок с пологой ретушью (1 ед.); крупные скребки на массивных отщепе с желвачной коркой, рабочий край неровный зубчатый, сильно сработан, иногда заполирован (3 ед.). Выделяется группа мелких скребков 1–2 см, вставлявшихся в рукоять (61 ед.) (рис. 4: 10–13, 14–17). По трасологическому определению М.Ш. Галимовой среди них выделяются скребки по шкуре (20 ед.) и резчики-скобели по дереву (27 ед.) (Галимова, 2004). Скобелей (32 ед.), они изготовлены на отщепе и осколках, имеют небольшую выемку диаметром или вогнутое лезвие, обработанные крутой ретушью или со следами износа. Резцы (46 ед.) все простые, со сколами, нанесенными от излома или угла, на углу сломанной пластины или сечений (7 ед.), на углу сломанного отщепе (рис. 4: 19). Часть резцов совме-

щена со строгальными ножами (3 ед.), скребками (2 ед.), скобелями (2 ед.). Большая часть орудий (508 ед.) выполнена на отщепах, сколах и кусках кремня случайной формы без вторичной обработки, но со следами износа. Деревообрабатывающих орудий и их обломков (35 ед.), это стамески и тесла со следами пришлифовки (рис. 4: 21, 22). Отбойники и ретушеры изготовлялись из кварцитовых и гранитовых галек с характерными следами забитости по краям.

В 2008 г. в радиоуглеродной лаборатории ГИН РАН Л.Д. Сулержицким и Н.Е. Зарецкой были получены две даты для Мукшумской XVIII стоянки по углистуому песку из заполнения ямы в материковом слое: 7060 ± 100 кал. л. н. (ГИН-13635г) (щелочная вытяжка из углистого песка), 8240 ± 220 кал. л. н. (ГИН-13635обр) (уголь). Анализ был проведен по щелочной вытяжке и самому образцу (углю), в щелочи не растворимому. Специалисты считают, что калиброванная дата, полученная по углю, достовернее, поэтому мы будем опираться на нее. Это время соответствует середине бореального периода. Относительно теплый и влажный период, во время которого происходит постепенное потепление климата. Возможно, этим объясняется появление стоянок мезолита с множеством жилищных западин с проявлениями неолитического типа хозяйствования – крупные долговременные поселения охотников и рыболовов.

В Чувашском Поволжье известны и другие памятники эпохи мезолита, но пока не исследованные стационарными раскопками, но представленные крупными коллекциями каменных изделий, полученных в ходе разведочных работ: Мукшумская I, VII,

XIII, XVI, XIX стоянки (Березина, Березин, 2003), Сурмайданская стоянка (Березина, 2011). Имеется кремневый микропластинчатый комплекс мезолитического облика (130 ед.) на многослойном поселении Утюж I (Березина и др., 2007), изготовленный из серого и дымчатого кремня, что отличает его от других кремневых комплексов, приуроченный к участкам сохранившегося культурного слоя, прорезанного раннеолитическим жилищем. Некоторые памятники сегодня полностью утрачены. Так, Мукшумская I, XVI, XIX стоянки практически полностью размыты Чебоксарским водохранилищем. Сурмайданская мезолитическая стоянка разрушена песчаными карьерами.

Мукшумские X, XIV, XVIII стоянки, исследованные раскопками, а также комплексы подъемного материала отнесены нами к русско-луговской культуре, выделенной недавно (Никитин, 2006). Эпонимным памятником стала стоянка Русско-Луговская II, исследованная А.Х. Халиковым в 1956 г. Раскопом изучено жилище. Культурный слой Альфред Хасанович разделил на верхний и нижний горизонты. Последний он соотнес со временем существования жилища, а на основе данных пылецевого анализа датировал временем раннего голоцена – бореала. По комплексу признаков он считал его позднемезолитическим-раннеолитическим памятником (Халиков, 1960, с. 12–19).

Русско-Луговская II стоянка была первым, хорошо изученным памятником мезолита с выраженным жилищным котлованом и характерным набором каменных орудий. Исследователь отметил важные для этой группы памятников признаки: стоянки занимали

края песчаных надпойменных террас, это были долговременные поселения с прочными зимними домами-полуземлянками, каменный инвентарь отличался значительным процентом пластин и орудий из них и большой серией рубящих орудий.

При изучении памятников позднего мезолита северной части Среднего Поволжья исследователи отмечали их общие характерные черты (Никитин, 1996). По мнению В.В. Никитина, памятники разного типа (долговременные и сезонные), существовавшие в конце бореального – начале атлантического периодов в левобережной части Среднего Поволжья, в т.ч. в междуречье Унжи, Ветлуги и Вятки, представляют своеобразную мезолитическую культуру (Никитин, 2006). А.А. Ластовский также обособливает «мезолитические памятники Марийского Поволжья», выделяя их характерные признаки (Ластовский, 2000).

Н.С. Березина, исследуя стоянки мезолита Чувашского Поволжья, также отмечала их своеобразие и культурное единство с памятниками Марийского Поволжья (Березина, 2003, 2006, 2006а). А.В. Вискалин, соглашаясь с выделением русско-луговской культуры, расширяет ее границы на юг до Ульяновского Поволжья и течения Суры (Вискалин, 2011).

В силу отсутствия критического анализа всего комплекса находок, стратиграфии и планиграфии эпонимного памятника – стоянки Русско-Луговская II, нам кажется возможным принять ее название для археологической культуры в силу исторического фактора. Следует отметить, что пока отсутствует ревизия всего комплекса мезолитических памятников региона и нет детальной характеристики русско-луговской археологической культуры, не выделены опорные памятники и т.д. Думаю это дело будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадер Н.О. Отчет о работах палеолитического отряда Куйбышевской экспедиции, проведенных в июле 1957 г. Н. Бадером и В. Пушкарским / НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хран. 558. Инв. № 1574.
2. Березин А.Ю., Березина Н.С. Результаты изучения остеологического материала стоянки-мастерской Шолма I (по итогам раскопок 2007 г.) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 113–127.
3. Березина Н.С. Итоги исследования Мукшумской X стоянки эпохи мезолита на территории Чувашского Заволжья // Чувашская Археология. Вып. 1 / Науч. ред. Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 136–146.
4. Березина Н.С. Итоги исследования Мукшумской XVIII стоянки в Чувашском Заволжье // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья / Ред. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. С. 22–59.
5. Березина Н.С. К вопросу о мезолите Чувашского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье / АЭМК. Вып. 31 / Научн. ред. Б.С. Соловьев, А.В. Михеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2016. С. 50–56.
6. Березина Н.С. К вопросу о технике скола пластин на мезолитических памятниках Чувашского Поволжья (на примере Мукшумской XVIII стоянки) // Чувашская Археология. Вып. 1 / Науч. ред. Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012а. С. 147–155.
7. Березина Н.С. Каменный век Чувашского Поволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. 23 с.

8. Березина Н.С. О некоторых итогах изучения мезолита Чувашского Поволжья // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание / Отв. ред. А.Ф. Мельничук. Пермь: ПГУ, 2003. С. 35–39.

9. Березина Н.С. Раскопки мезолитической Мукшумской XIV стоянки в Чувашском Заволжье // Тверской археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2006а. С. 233–240.

10. Березина Н.С., Березин А.Ю. Археологические памятники эпохи камня и раннего металла Чувашского Заволжья (по материалам археологических разведок 1999–2001 гг.) // Новые археологические исследования в Поволжье / Ред. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 89–171.

11. Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш. Палеолитическая стоянка-мастерская Шолма 1 // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений (г. Болгар. 27–30 мая 2004 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2006. С. 54–62.

12. Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш., Хисьяметдинова А.А., Чурбанов А.А. Промежуточные итоги исследования стоянки Шолма I // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: ФЭН, 2009а. С. 251–308.

13. Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш., Хисьяметдинова А.А. Опыт комплексного изучения верхнепалеолитической стоянки Шолма-I в Среднем Поволжье: материальная культура и среда обитания // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: АлГУ, 2009. С. 253–256.

14. Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш., Хисьяметдинова А.А., Чурбанов А.А. Верхнепалеолитическая стоянка-мастерская Шолма I в Чувашии: палеогеография, промысловая фауна и жизнеобеспечение // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 108–110.

15. Березина Н.С., Вискалин А.В., Выборнов А.А., А.И. Королев, В.В. Ставицкий. Охранные раскопки многослойного поселения Утюж I на Суре // Самарский край в истории России: мат-лы межрег. науч. конф., посвященной 120-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина. Вып. 3. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2007. С. 14–23.

16. Брюсов А.Я. Палеолитическая стоянка у с. Улянк в Чувашской АССР (1937 г.) / Фонды Чувашского национального музея. Д. 25. № ВМ 4495.

17. Вискалин А.В. Территория и периодизация русско-луговой культуры Среднего Поволжья // Филология и культура. 2011. № 26. С. 114–120.

18. Галимова М.Ш. Отчет об охранных раскопках Мукшумской 14 стоянки в Чебоксарском районе Чувашской Республики в 2008 году / Архив ИА РАН.

19. Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. М.; Казань: Янус-К, 2001. 272 с.

20. Галимова М.Ш. Проблемы интерпретации результатов функционального анализа позднепалеолитических – раннеолитических каменных индустрий Среднего Поволжья // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 2 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: ИИ АН РТ, 2004. С. 65–132.

21. Горелик А.Ф. Памятники Роголикско-Передельского района // Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины / Отв. ред. Л.Л. Зализняк. Киев; Луганск: РИО ЛИВД, 2001. 351 с.

22. Гугалинская Л.А., Алифанов В.М., Березина Н.С., Березин А.Ю., Хисьяметдинова А.А., Попов Д.А., Вагапов И.М., Овчинников А.Ю., Кондрашин А.Г., Рапацкая К.М. Палеоэкология почвообразования на финально-палеолитическом поселении Шолма I

(Приволжская возвышенность, Чувашское плато) // Изв. Самарского научного центра РАН. 2010. №1 (4). Т. 12. С. 1006–1010.

23. *Ефименко П.П.* Средне-Волжская экспедиция 1926–1927 гг. Работы палеоэтнологического отряда в Чувашской Республике // СГАИМК. Т. II. Л., 1929. С. 171–172.

24. *Ефименко П.П., Третьяков П.Н.* Яндашевская стоянка // СА. 1968. № 2. С. 126–134.

25. *Кольцов Л.В.* Мезолит Среднего Поволжья // Археология СССР. Мезолит СССР / Отв. ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука, 1989. С. 87–92.

26. *Косменко М.Г.* Мезолит Среднего Поволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. 18 с.

27. *Ластовский А.А.* Мезолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней / Гл. ред. И.С. Кабытов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 81–140.

28. *Никитин В.В.* Мезолит левобережья Средней Волги (к проблеме культурной принадлежности) // Тверской археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2006. С. 224–232.

29. *Ошибкина С.В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983. 295 с.

30. *Сидоров В.В.* Васильево 1 – мезолитическая стоянка-мастерская // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2000. С. 111–123.

31. *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды МАЭ. Т. I. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 187 с.

32. *Хисяметдинова А.А., Галимова М.Ш., Березина Н.С., Березин А.Ю.* Влияние человека на локальные природные процессы на примере верхнепалеолитической стоянки Шолма I (Приволжская возвышенность, Чувашия) // Природные, социально-экономические и этнокультурные процессы в России : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Казань: Алма-лит, 2008. С. 165–169.

Информация об авторе:

Березина Наталия Степановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия); terra3@inbox.ru

SITES OF FINAL PALEOLITHIC AND MESOLITHIC FROM THE CHUVASH VOLGA REGION: THE ISSUE OF CULTURAL INTERPRETATION

N. S. Berezina

The article features a comprehensive assessment of monuments dating back to the Final Paleolithic and Mesolithic periods located in the Chuvash Volga Region: topography, description of the structural aspects of studied dwellings, characteristics of the stone industry, bone articles, etc. All the described sites have deteriorated to a certain degree, and others have been lost completely. The author analyses all the available archaeological and natural scientific information, which suggests the cultural nature of the monuments. Sholma 1 site was presumably populated by wild horse hunters and related to the process of migration from the Forest-Steppe Area of the Lower Volga Region in the Final Paleolithic period. Monuments of the Mesolithic period located in the Chuvash Volga Region are linked by the author and other researchers to the cultural group of monuments with Post-Swiderian arrowheads and the Russko-Lugovskaya culture recently identified in the Mari Volga Region.

Keywords: archaeology, the Chuvash Volga Region, Final Paleolithic, Mesolithic, settlements, stone industry, Russko-Lugovskaya culture.

REFERENCES

1. Bader, N. O. *Otchet o rabotakh paleoliticheskogo otriada Kuibyshevskoi ekspeditsii, provedennykh v iuule 1957 g. N. Baderom i V. Pushkarskim (Report on works of the Paleolithic Group of Kuibyshev Expedition conducted by N. Bader and V. Pushkarsky in July 1957)*. Research Archive of Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences. Inv. II. Unit 558. Inv. No. 1574 (in Russian).
2. Berezina A. Yu., Berezina, N. S. 2009. In Galimova, M.Sh. (ed.). *Srednee Povolzh'e i Iuzhnyi Ural: chelovek i priroda v drevnosti (The Middle Volga Region and the Southern Urals: People and Nature in Prehistory)*. Kazan: "Fen" Publ., 113–127 (in Russian).
3. Berezina, N. S. 2012. In Berezina, N. S. (ed.). *Chuvashskaia arkeologiya (Chuvash Archaeology)* 1. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 136–146 (in Russian).
4. Berezina, N. S. 2006. In Mikhailov, E.P. (ed.). *Issledovaniia po drevnei i srednevekovoi arkeologii Povolzh'ia (Studies of Mukshum XVIII Settlement in the Chuvash Trans-Volga Region)*. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, 22–59 (in Russian).
5. Berezina, N. S. 2016. In Solov'ev, B. S., Mikheev, A. V. (eds.). *Voprosy arkeologii epokhi kamnia i bronzy v Srednem Povolzh'e i Volgo-Kam'e (Issues of the Archaeology of Stone and Bronze Ages in Middle Volga and Volga – Kama Areas)*. Series: Arkeologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 31. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 50–56 (in Russian).
6. Berezina, N. S. 2012a. In Berezina, N. S. (ed.). *Chuvashskaia arkeologiya (Chuvash Archaeology)* 1. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 147–155 (in Russian).
7. Berezina, N. S. 2011. *Kamennyi vek Chuvashskogo Povolzh'ia (Stone Age of the Chuvash Volga Region)*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).
8. Berezina, N. S. 2003. In Melnichyuk, A. F. (ed.). *Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arkeologicheskoe soveshchanie (International (16th Ural) Archaeological Session)*. Perm: Perm State University, 35–39 (in Russian).
9. Berezina, N. S. 2006a. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkeologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 4 (I). Tver: Tver State United Museum, 352–358 (in Russian).
10. Berezina, N. S., Berezin, A. Yu. 2003. In Mikhailov, E.P. (ed.). *Novye arkeologicheskie issledovaniia v Povolzh'e (Recent Archaeological Studies in the Volga Region)*. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, 89–171 (in Russian).
11. Berezina, N. S., Berezin, A. Yu., et al. 2006. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriko-arkeologicheskie issledovaniia Povolzh'ia i Urala. Materialy III Khalikovskikh chtenii (g. Bolgar. 27–30 maia 2004 g.) (Historical and Cultural Investigations in the Volga Region and the Urals. Proceedings of III Khalikov Readings (Bolgar, May 27–30, 2004))*. Kazan: "Shkola" Publ., 54–62 (in Russian).
12. Berezina, N. S., Berezin, A. Yu., et al. 2009. In Galimova, M. Sh. (ed.). *Srednee Povolzh'e i Iuzhnyi Ural: chelovek i priroda v drevnosti (The Middle Volga Region and the Southern Urals: People and Nature in Prehistory)*. Kazan: "Fen" Publ., 251–308 (in Russian).
13. Berezina, N. S., Berezin, A. Yu., et al. 2009. In Kiriushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Rol' estestvenno-nauchnykh metodov v arkeologicheskikh issledovaniakh (The Role of Natural Scientific Methods in Archaeological Studies)*. Barnaul: Altai State University, 253–256 (in Russian).
14. Berezina, N. S., Berezin, A. Yu., Galimova, M. Sh., Khisiametdinova, A. A., Churbanov, A. A. 2008. In Derevianko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkeologicheskogo s"ezda v Suzdale (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal)* I. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 108–110 (in Russian).
15. Berezina, N. S., Viskalin, A. V., et al. 2007. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Samarskii kraj v istorii Rossii: mat-ly mezhreg. nauch. konf., posviashchennoi 120-letiiu so dnia osnovaniia Samarskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia im. P. V. Alabina (Samara Region in the History of Russia: Proceedings of an Interregional Research Conference Dedicated to the 120th Anniversary of Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin)* 3. Samara: Regional Museum of Local Lore, 14–23 (in Russian).
16. Briusov, A. Ya. *Paleoliticheskaya stoyanka u s. Uliank v Chuvashskoi ASSR (1937 g.) (Paleolithic Settlement near Ulyank Village in the Chuvash ASSR (1937))*. Cheboksary: Chuvash National Museum. Dossier 25. Inv. no. 4495 (in Russian).

17. Viskalin, A. V. 2011. In *Filologiya i kul'tura (Philology and Culture)* 33 (3), 114–120 (in Russian).
18. Galimova, M. Sh. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh Mukshumskoi 14 stoyanki v Cheboksarskom raione Chuvashskoi Respubliki v 2008 godu (Report on Salvage Excavations of Mukshum 14 Settlement conducted in Cheboksarsky District of the Chuvash Republic in 2008)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
19. Galimova, M. Sh. 2001. *Pamiatniki pozdnego paleolita i mezolita v ust'e reki Kamy (Late Paleolithic and Mesolithic Sites in the Mouth of the Kama River)*. Moscow; Kazan: "Ianus-K" Publ. (in Russian).
20. Galimova, M. Sh. 2004. In Petrenko, A.G. (ed.). *Arkheologiya i estestvennye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan)* 2. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 65–132 (in Russian).
21. Gorelik, A. F. 2001. In Zalizniak, L. L. (ed.). *Problemy final'nogo paleolita Iugo-Vostochnoi Ukrainy (Issues of the Final Paleolithic in South-East Ukraine)*. Kiev; Luhansk: Editorial and Publishing Unit of Luhansk State University of Internal Affairs (in Russian).
22. Gugalinskaia, L. A., Alifanov, V. M., Berezina, N. S., Berezin, A. Iu., Khisiamedtinova, A. A., Popov D. A., Vagapov I. M., Ovchinnikov A. Iu., Kondrashin A. G., Rapatskaia K. M. 2010. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 12, no. 4, 1006–1010 (in Russian).
23. Efimenko, P. P. 1929. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy of the Institute of Material Culture)* II. Leningrad, 171–172 (in Russian).
24. Efimenko, P. P., Tret'iakov, P. N. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 126–134 (in Russian).
25. Koltsov, L. V. 1989. In Koltsov, L. V. (ed.). *Arkheologiya SSSR. Mezolit SSSR (USSR Archaeology. USSR Mesolithic)*. Moscow: "Nauka" Publ., 87–92 (in Russian).
26. Kosmenko, M. G. 1971. *Mezolit Srednego Povolzh'ia (Mesolithic of the Middle Volga Region)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
27. Lastovskiy, A. A. 2000. In Kabytov, I. S. (ed.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. The Stone Age)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 81–140 (in Russian).
28. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 6. Tver: Tver State United Museum, 224–232 (in Russian).
29. Oshibkina, S. V. 1983. *Mezolit basseina Sukhony i Vostochnogo Prionezh'ia (Mesolithic of the Sukhona Basin and the Eastern Onega Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
30. Sidorov, V. V. 2000. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 4 (I). Tver: Tver State United Museum, 111–123 (in Russian).
31. Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniiu istorii naseleniia Srednego Povolzh'ia i Nizhnego Prikam'ia v epokhu neolita i bronzy (Materials for the Study of the History of Population of the Middle Volga and Lower Kama Regions in the Neolithic and Bronze Age)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) I. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
32. Khisiamedtinova, A. A., Galimova, M. Sh., et al. 2008. *Prirodnye, sotsial'no-ekonomicheskie i etnokul'turnye protsessy v Rossii (Natural, Socioeconomical and Ethnocultural Processes in Russia)*. Kazan: "Alma-lit" Publ., 165–169 (in Russian).

About the Author:

Berezina Natalia S. Candidate of Historical Sciences. Chuvash State Institute for Humanities. Moskovsky Av., 29, corp. 1, Cheboksary, 428015, Russian Federation; terra3@inbox.ru

Статья поступила в номер 03.07.2017 г.

К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ МЕЛЛЯТАМАКСКОГО КУЛЬТУРНОГО ТИПА

© 2017 г. Е.П. Казаков

В статье публикуется материал V Меллятамакского могильника. Начиная с 70-х годов XX в. Раннеболгарская археологическая экспедиция под руководством автора открыла и исследовала уникальные памятники эпохи камня в закамских районах Татарстана, такие как могильники Минняровский, Русско-Шуганский, Меллятамакские, а также Измерская стоянка. Среди них наиболее значительны могильники – Минняровский и Меллятамакский V могильники. Автором выделяются некрополи меллятамакского типа, расположенные в Закамье и Южном Приуралье. Они сопровождаются богатым и своеобразным погребальным инвентарем, свидетельствующим о пришлоем характере оставившего их населения. Это позволяет автору отнести данные памятники к новой меллятамакской археологической культуре. Проблемной остается ее хронология, хотя многие группы каменного инвентаря сохраняют явные мезолитические традиции.

Ключевые слова: археология, Закамье, Южное Приуралье, эпоха камня, некрополь, погребальный инвентарь.

Начиная с 70-х годов XX в. Раннеболгарская археологическая экспедиция в закамских районах Татарстана открыла и исследовала уникальные памятники эпохи камня (Казаков, 1978, с. 165–177), которые можно отнести к новой меллятамакской археологической культуре (Казаков, 2002, 2005). В число меллятамакских памятников входят три могильника и одно местонахождение. Наиболее широко изученным среди них является V Меллятамакский могильник, расположенный на песчаной дюне в долине левого берега р. Ик у с. Меллятамак Муслимовского района Татарстана. В 1982–1984 гг. Раннеболгарской экспедицией здесь изучено 20 погребений. На всех участках раскопов в верхних слоях встречено более 50 кремневых наконечников стрел, ножевидные пластинки, фрагменты роговых вкладышевых орудий, вкладыши, облом-

ки костяных орудий, клыки, резцы и зубы животных (сурка, оленя, кабана), гантелевидные конкреции (рис. 3).

На площадке некрополя выявлено 9 жертвенных ям в основном округлой формы, диаметром 85–120 и глубиной 90–150 см. В 6 ямах находились кострища, а в 5 – остатки округлых в диаметре 10–15 см столбов. Нижняя, засыпанная на 50 см и заостренная часть их сохранилась, верхняя сожжена кострищем. В ямы и кострища бросали кремневые изделия и целые куски кремня. Видимо, при погребальном обряде в ямах ставились деревянные идолы, которые сжигались во время похорон. Погребенные находились в ямах глубиной 40–90 см, в четырех случаях 100–150 см. Они лежали вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками (редко с согнутыми), головой в разных (чаще в восточном) направлениях. В пяти

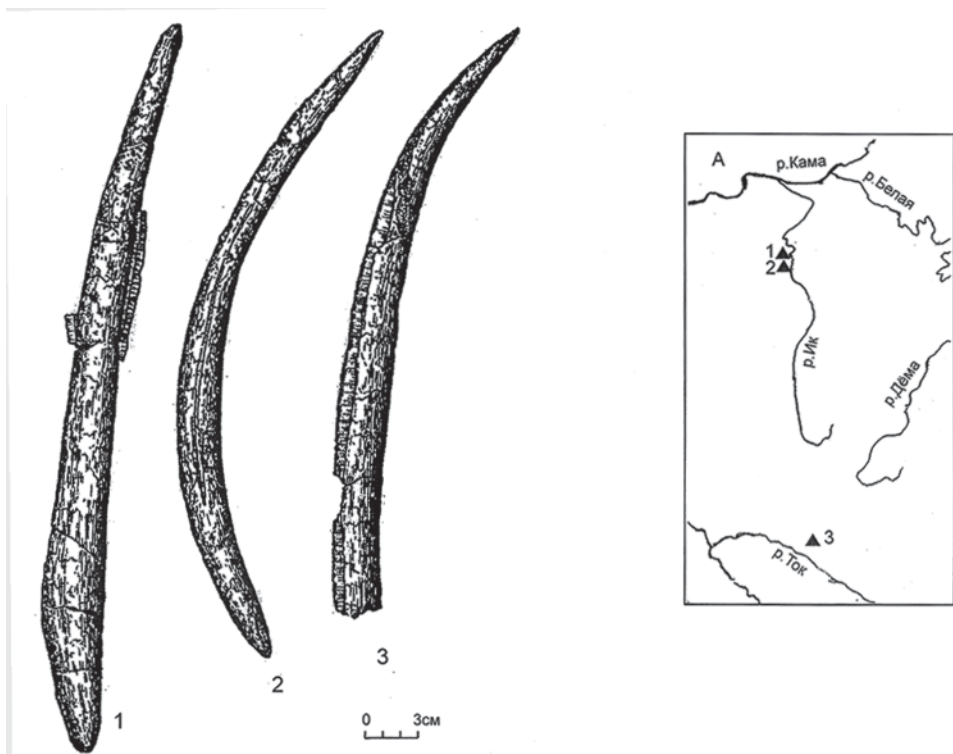

Рис 1. 1–3 – роговые вкладышевые орудия из погр. 20 V Меллятамакского могильника.
А – план расположения памятников меллятамакского типа.

Fig. 1. 1–3 – horn tools with inserts from burial 20 of Mellia-Tamak V burial ground.
A – Layout of monuments of the Mellia-Tamak type.

случаях над могилой или в ней сооружался костер, вследствие чего сильно обожжены и кости скелета.

Большинство захоронений сопровождалось вещевым материалом: кремневыми наконечниками стрел, вкладышевыми роговыми орудиями (кинжалами, копьями), предметами одежды и украшениями. В числе их кремневые гантелеобразные застёжки, бусы из раковин и подвески из резцов байбака. В погребениях 9 и 14 находились шлифованные тесла из зеленоватого сланца (рис. 5: 4).

Наконечники стрел имели вторичную обработку в виде плоской отжимной ретуши. У многих экземпляров такой ретушью были обработаны лишь острие со стороны брюшка или

насад (рис. 3: 1–4, 11–12). Вкладыши, изготовленные из плотного матового кремня, имели длину 7–8 и ширину 1,5–2 мм. Продольная рабочая сторона их с обеих сторон покрывалась мелкой, зазубривающей ретушью.

Как отмечалось выше, характерной чертой орудийного комплекса некрополя является роговые вкладышевые изделия. Только из захоронений происходят 10 изделий в количестве от 1 до 4 экз. Выделяются две группы таких орудий. Первые изготовлены на основе длинных роговых заготовок (до 40 см), слегка изогнутых, округлых в сечении, с заостренным концом (рис. 1: 1–3; рис. 4: 7–10). Вторые выполнены из широкой (до 2,5 см) уплощенной части рога (рис. 5: 3).

Рис. 2. Роговые вкладышевые орудия из погр. 20 V Меллятамакского могильника.

Fig. 2. Horn tools with inserts from burial 20 of Mellia-Tamak V burial ground.

Рога каких животных использовались в первой группе предстоит уточнить (сайгак?). Для изготовления изделий второй группы обрабатывались рога лося или оленя. Фактически они являлись наконечниками копий типа рогатины, предназначенными для охоты на крупных животных (медведя и др.).

Антропологи, определившие костный материал V Меллятамакского могильника, полагают, что он оставлен сравнительно невысокими европеоидами с грацильными чертами лица (Рудь, Яблонский, 1991, с. 206–220).

Аналогичный вышеописанному некрополь был изучен Раннеболгарской экспедицией у с. Русский Шуган Муслимовского района Татарстана. Он находится также на левом берегу р. Ик всего в 18 км от V Меллятамакского могильника. В сильно разрушенном захоронении встречены кремневые предметы: конический нуклеус, большое число ножевид-

ных пластин, скребок, проколка, а также тальковые поделки. Как и в Меллятамакском некрополе, здесь встречены кремневые вкладыши, а также наконечники стрел, обработанные отжимной ретушью с брюшка у острия (рис. 6). В этом же погребении найдены костяные и роговые орудия (рис. 7). Интерес представляет массивное вкладышевое орудие из рога оленя или лося длиной 32 см (рис. 7: 3). Оно имеет серповидную форму и, возможно, предназначалось для сбора дикорастущих трав.

Третий подобный, также разрушенный, могильник изучен в Оренбургской области на Ивановской дюне (Моргунова, 1979, с. 15–20). В комплексе отмечено большое число кремневых вкладышей, бесчерешковые наконечники стрел с частичной обработкой со стороны брюшка, изделие из туфита (Казаков, 2011, с. 159; рис. 105-А).

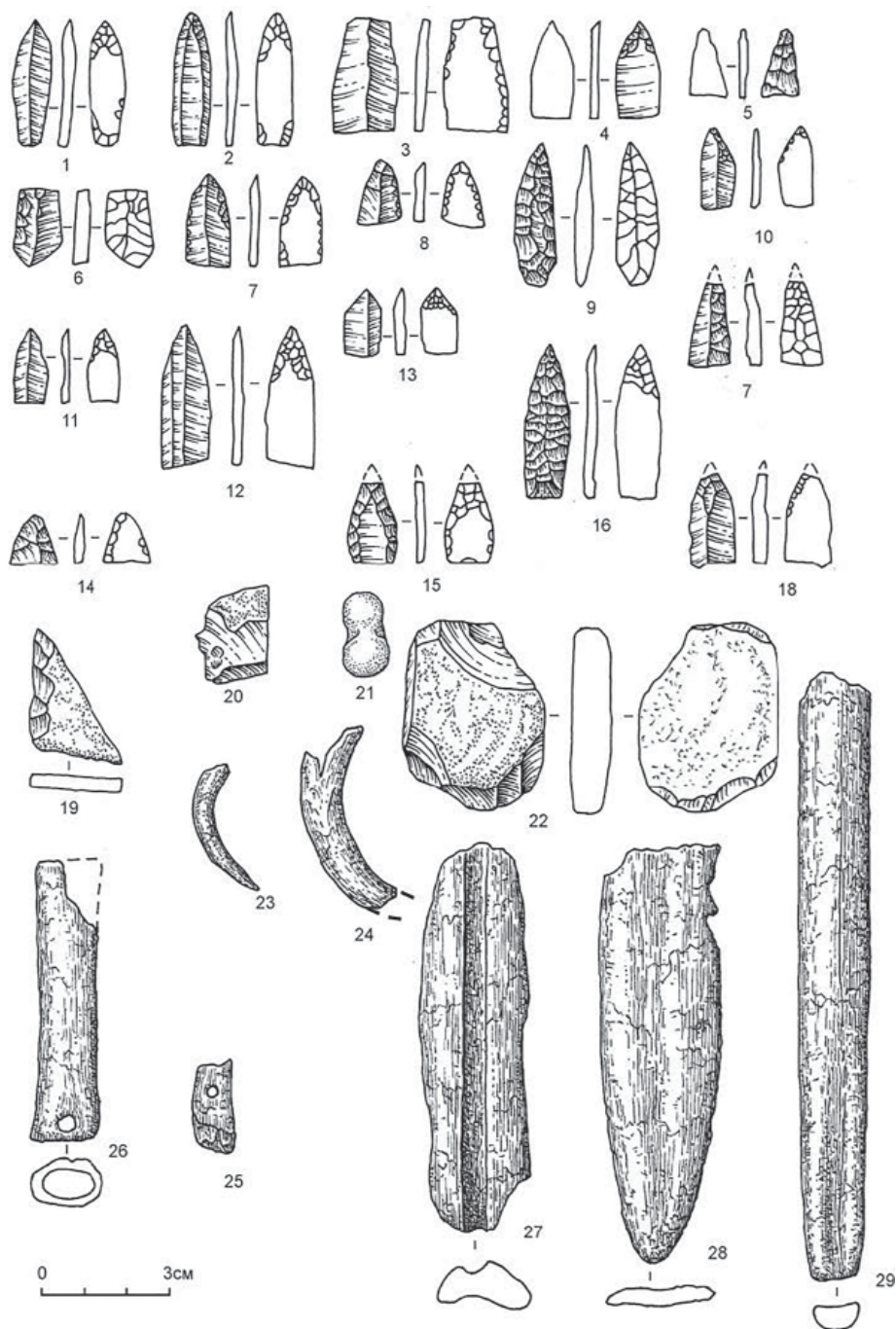

Рис. 3. Вещевой материал из верхних слоев V Меллятамакского могильника.
1–22 – кремень, 23 – резец сурка, 24 – клык кабана, 25 – зуб оленя,
26–29 – костяные изделия.

Fig. 3. Material items from the upper layers of Mellia-Tamak V burial ground.
1–22 – flint, 23 – front tooth of a groundhog, 24 – fang of a boar, 25 – tooth of a deer,
26–29 – bone artifacts.

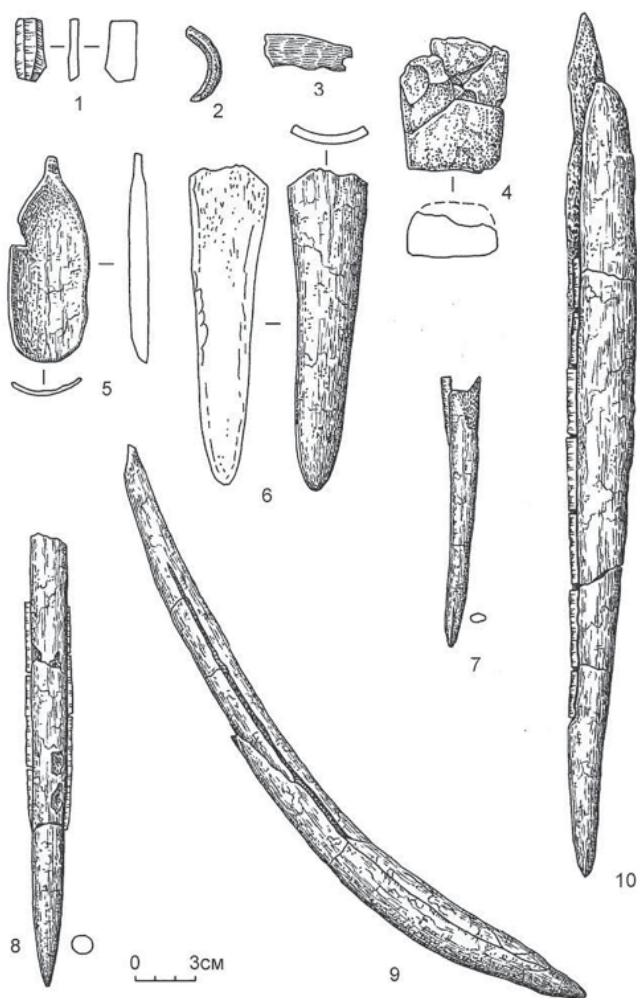

Рис. 4. Вещевой комплекс из погр. 9 V Меллятамакского могильника .
 1 – кремневое изделие, 2 – резец сурка, 3 – пластинка из клыка кабана, 4 – обломки
 тесла из зеленоватого сланца (туффит?), 5 – костяная ложечка, 6 – костяное изделие,
 7–10 – роговые вкладышевые орудия.

Fig. 4. Complex of items from burial 9 of Mellia-Tamak V burial ground. 1 – flint artifact,
 2 – front tooth of a groundhog, 3 – plate made of a boar fang, 4 – fragments of an adze made of
 greenish slate (tuffite?), 5 – bone spoon, 6 – bone tool, 7–10 – horn tools with inserts.

В целом комплекс меллятамакских памятников можно отнести к новой культуре Закамья и Южного Приуралья (Казаков, 2012, с. 34–42). Об этом свидетельствуют массовые проявления своеобразных элементов материальной культуры, которые не были характерны для прочих памятников региона (роговые вкладышевые ору-

дия, костяные поделки, гантелеобразные застёжки, украшения из резцов байбака, особенности погребального обряда, при котором использовались ямы идолами, кострища и т.д.). Несомненно, существовал миграционный момент, который обусловил появление на данной территории меллятамакского населения. В какой-то мере

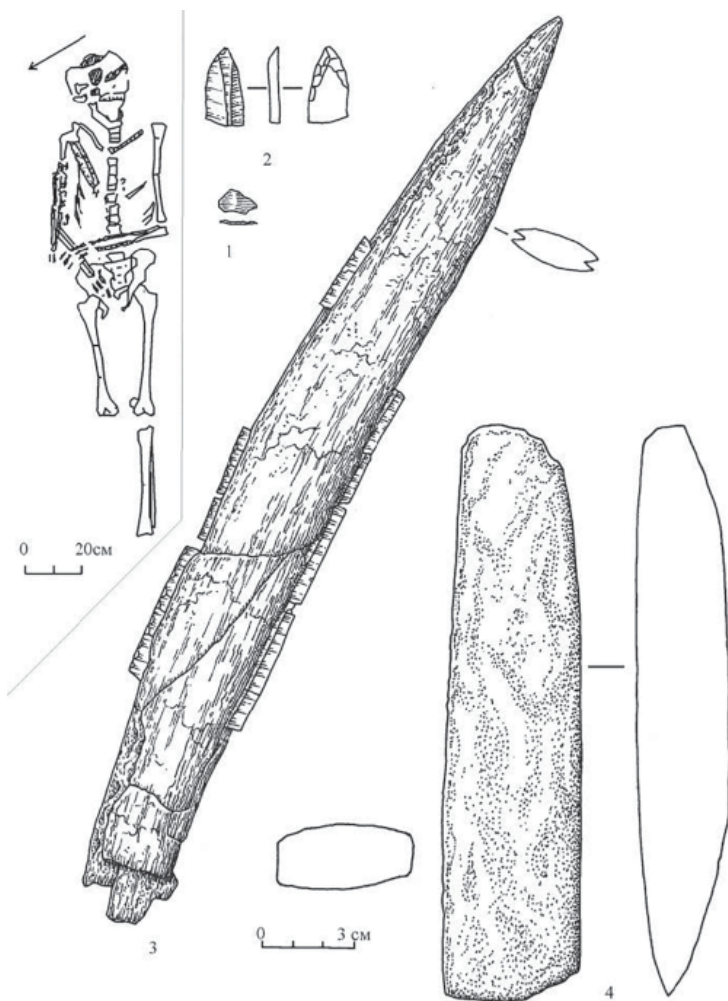

Рис. 5. План и вещевой комплекс погр. 16 V Меллятамакского могильника.

1 – фрагмент пластины (?), 2 – кремневый наконечник стрелы,
3 – роговое вкладышевое орудие, 4 – сланцевое тесло.

Fig. 5. Layout and complex of tools from burial 16 of V Mellia-Tamak burial ground.

1 – fragment of blade (?), 2 – flint arrowhead, 3 – horn tool with inserts, 4 – slate adze.

это подтверждают и антропологические материалы.

Хронология указанной группы памятников, возможно, относится к переходному периоду от мезолита к неолиту, хотя в Русско-Шуганском комплексе отмечены обломки неолитического сосуда, но, скорее всего, они не связаны с погребением. На V Меллятамакском могильнике, где выявлено 20 могил, ни разу не отме-

чена керамика. Зато многие группы орудий: вкладышевые роговые орудия, микропластинчатые кремневые вкладыши, бесчерешковые наконечники стрел с частичной ретушью со стороны брюшка и другие изделия – сохраняют явные мезолитические традиции. Об этом же говорилось в рецензии М.Г. Косменко на монографию автора (Косменко, 2014, с. 214; Казаков, 2011).

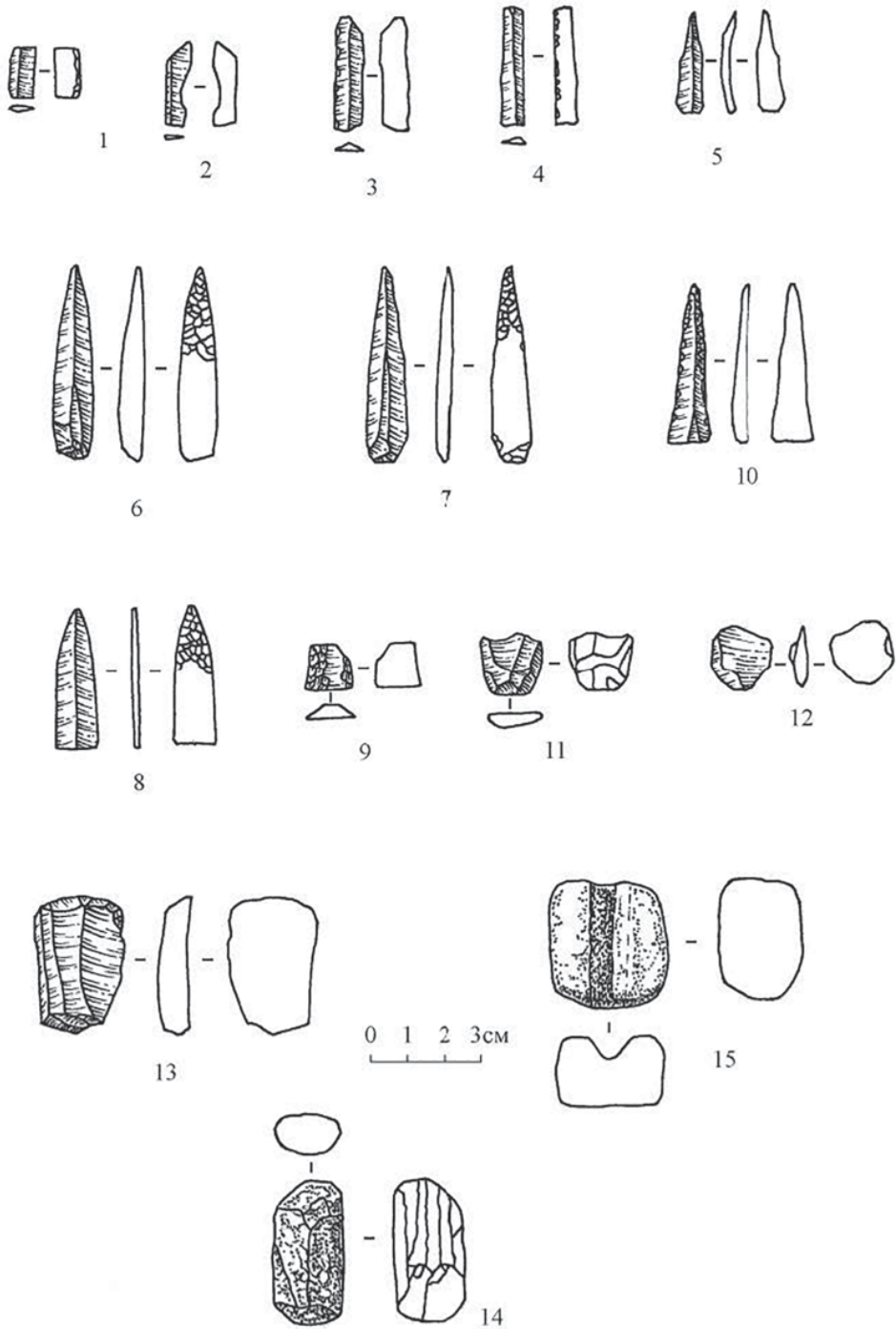

Рис. 6. Вещевой комплекс Русско-Шуганского погребения.
1-11, 13 – кремь, 12 – сланец, 13-15 – тальк.

Fig. 6. Complex of tools from Russkii Shugan burial. 1-11, 13 – flint, 12 – slate, 13-15 – talc.

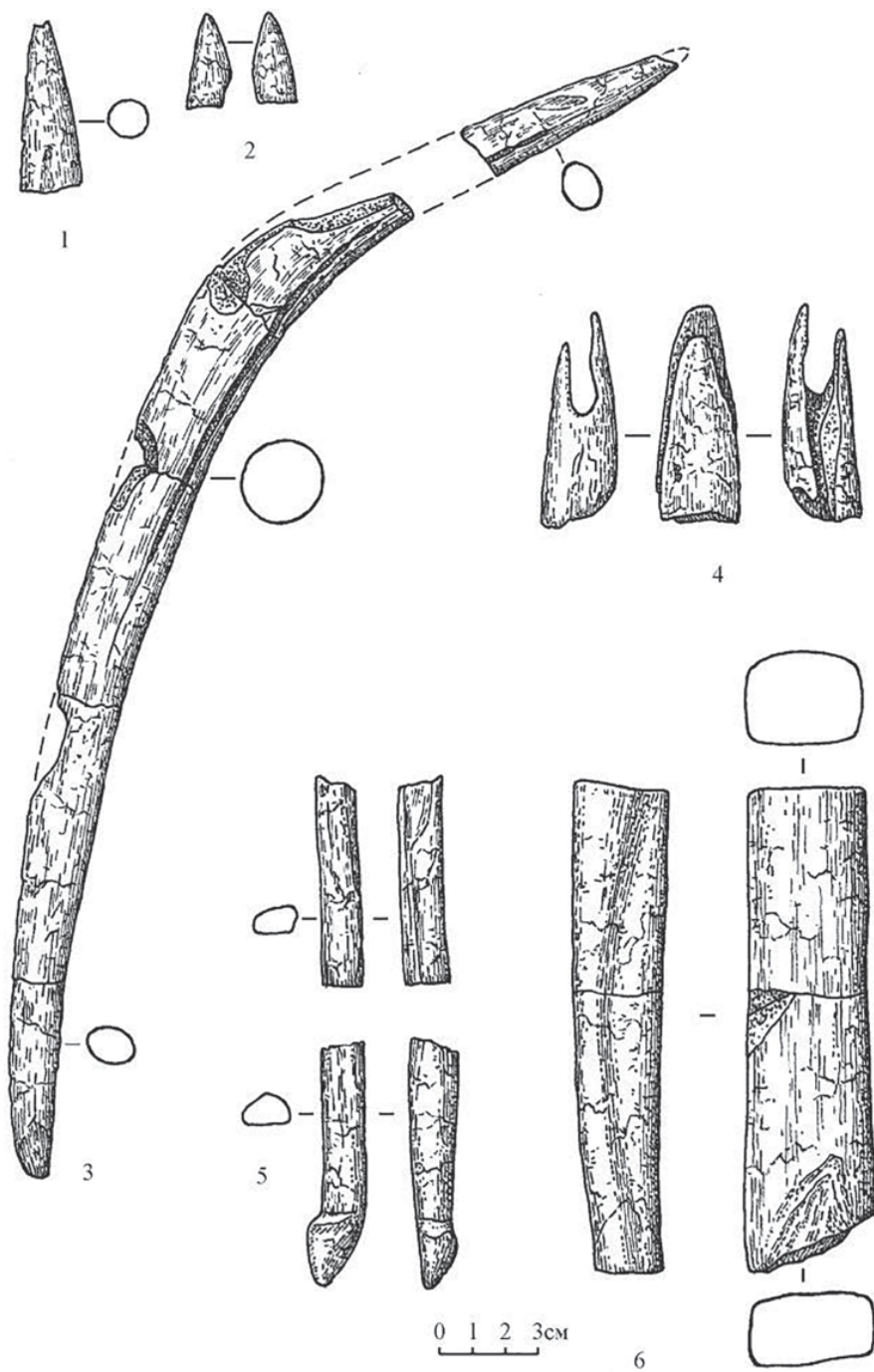

Рис. 7. Роговые и костяные орудия Русско-Шуганского погребения.

Fig. 7. Horn and bone tools from Russkii Shugan burial.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казаков Е.П. Детское погребение эпохи камня на востоке Татарии // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья / Отв. ред. М.Г. Жилин. М.: 2005. С. 274–279.
2. Казаков Е.П. Неолитические погребения в восточных районах Татарии // СА. 1978. № 2. С. 165–177.
3. Казаков Е.П. О культурном своеобразии памятников меллятамакского типа Приуралья // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: ЯЗ, 2012. С. 34–42.
4. Казаков Е.П. Памятники меллятамакского типа на востоке Татарстана // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы археологической экспедиции СОИКМ им. П.В. Алабина и Международной конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2002. С. 88–90.
5. Казаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье / Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. Вып. 1. Казань: Фолиант, 2011. 180 с.
6. Косменко М.Г. Рецензия на книгу: Е.П. Казаков. Памятники эпохи камня в Закамье // ПА. 2014. № 4 (10). С. 208–216.
7. Морунова Н.Л. Ивановская дюна на р. Ток в Оренбургской области // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1979. С. 15–20.
8. Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Новые материалы к антропологии древнейшего населения Среднего Поволжья // Древности восточно-европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: СГПИ, 1991. С. 206–220.

Информация об авторе:

Казаков Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ncai@mail.ru

THE ISSUE OF CHRONOLOGICAL CLASSIFICATION OF MONUMENTS OF THE MELLIA-TAMAK TYPE

E. P. Kazakov

The article features a publication of material on the Mellia-Tamak V burial ground. Starting with the 1970s, the Early Bolgar Archaeological Expedition headed by the author of the article has discovered and researched the unique sites of the Stone Age in the Trans-Kama areas of Tatarstan, such as Minnarovo, Russkii Shugan and Mellia-Tamak burial grounds, as well as the Izmeri site. Of particular significance are the Minnarovo and Mellia-Tamak V burial grounds. The author distinguishes the necropoleis of the Mellia-Tamak type located in the Trans-Kama region and the Southern Urals. They are characterized by abundant and unique burial inventories indicating the foreign nature of the population they were established by. It allowed the author to attribute these sites to a new Mellia-Tamak archaeological culture. Its chronological classification remains problematic, although many groups of the stone inventory have preserved evident Mesolithic traditions.

Keywords: archaeology, Trans-Kama region, Southern Urals, Stone Age, necropolis, burial inventory.

REFERENCES

1. Kazakov, E. P. 2005. In Zhilin, M. G. (ed.). *Kamennyi vek lesnoi zony Vostochnoi Evropy i Zaural'ia (Stone Age of the Forest Area of Eastern Europe)*. Moscow, 274–279 (in Russian).

2. Kazakov, E. P. 1978. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 165–177 (in Russian).
3. Kazakov, E. P. 2012. In Valiulina, S. I. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii Povolzh'ia. K 65-letiiu studencheskogo arkheologicheskogo krughka Kazanskogo universiteta (Current Issues of the Volga Region Archaeology: 65th Anniversary of the Students' Archaeological Group in the Kazan University)*. Kazan: "IaZ" Publ, 34–42 (in Russian).
4. Kazakov, E. P. 2002. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kontaktnye zony Evrazii na rubezhe epoch (Contact Areas of Eurasia at the Turn of Epochs)*. Samara: Regional Museum of Local Lore, 88–90 (in Russian).
5. Kazakov, E. P. 2011. *Pamiatniki epokhi kamnia v Zakam'e (Sites of the Stone Age in the Trans-Kama Area)*. Series: *Arkheologiia Povolzhia i Urala. Materialy i issledovaniia (Volga and the Urals Archaeology. Materials and Studies)* 1. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).
6. Kosmenko, M. G. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 208–216 (in Russian).
7. Morgunova, N. L. 1979. In Basin, S. G. (ed.). *Drevniaia istoriia Povolzh'ia (Ancient History of the Volga Region)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 15–20 (in Russian).
8. Rud', N. M., Yablonsky, L. T. 1991. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnosti Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (Antiquities of the East-European Forest-Steppe)*. Samara: Samara State Pedagogical Institute, 206–220 (in Russian).

About the author:

Kazakov Evgeniy P. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru

Статья поступила в номер 24.11.2016 г.

УДК 902.01

DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.3.21.221.243>

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДИЩА ГРЕМЯЧИЙ КЛЮЧ

© 2017 г. А.А. Чижевский, А.А. Хисьяметдинова,
Е.А. Спиридонова, А.С. Алешинская, М.Д. Кочанова

В статье опубликованы данные комплексного исследования оборонительных сооружений городища Гремячий Ключ, которое относится к постмаклашеевской культуре ананьинской культурно-исторической области. С помощью методов археологии и естественных наук (литолого-стратиграфического, палинологического, геоморфологического) установлено время начала строительства (IX – середина VIII в. до н. э.) и периодизация возведения насыпи вала городища. Вторая стадия строительства оборонительных сооружений приходится на середину VIII – первую четверть / первую половину VII в. до н. э. В качестве рва использовалась естественная седловина, расположенная в самом узком месте площадки мыса, между оврагами. Авторы делают вывод, что техника строительства насыпи была очень архаичной, в качестве основы использовалась подпорная стенка, расположенная на ее внутренней стороне. Хорошая сохранность насыпи вала, дошедшего почти без повреждений до современности, обусловлена оптимальным соотношением пропорций (ширина и высота), литологическим составом грунта, залесенностью памятника в постананьинское время.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, постмаклашеевская культура, ананьинская культурно-историческая область, городище, оборонительные сооружения, стратиграфия, комплексные исследования.

Работы по комплексному изучению городищ ананьинской культурно-исторической области (АКИО) проводятся с 2012 г. (Чижевский, Хисьяметдинова и др., 2014, с. 241). За шесть лет исследования удалось определить некоторые закономерности в размещении этих памятников, выявить характерные приемы строительства оборонительных сооружений. В рамках данной статьи публикуются результаты исследования городища Гремячий Ключ.

Городище Гремячий Ключ располагается в 1 км к востоку – юго-востоку от с. Шуран Лаишевского района Республики Татарстан и в 80 м к юго-западу от Кашанского I городища (рис. 1).

Памятник был открыт в 1879 году П.А. Пономаревым, а затем исследовался им стационарно в 1880–1881 гг. (Пономарев, 1884, с. 323–325; Штукенберг, 1884, с. 330–333). Работы продолжались также в 1885 г. (Вараксина, 1929, с. 84; Збруева, 1952, с. 265), раскапывались площадка и склоны городища. Точное месторасположение и объем этих работ неизвестны, а полевые дневники и планы утрачены. Коллекции, полученные в результате этих раскопок, также частично утрачены, оставшаяся часть в настоящее время хранится в фондах Национального музея РТ (Вараксина, 1929, с. 92, 96, 97, 104–106, табл. I: 4, 7, IV: 5).

В 1948 г. городище было обследовано экспедицией Казанского фи-

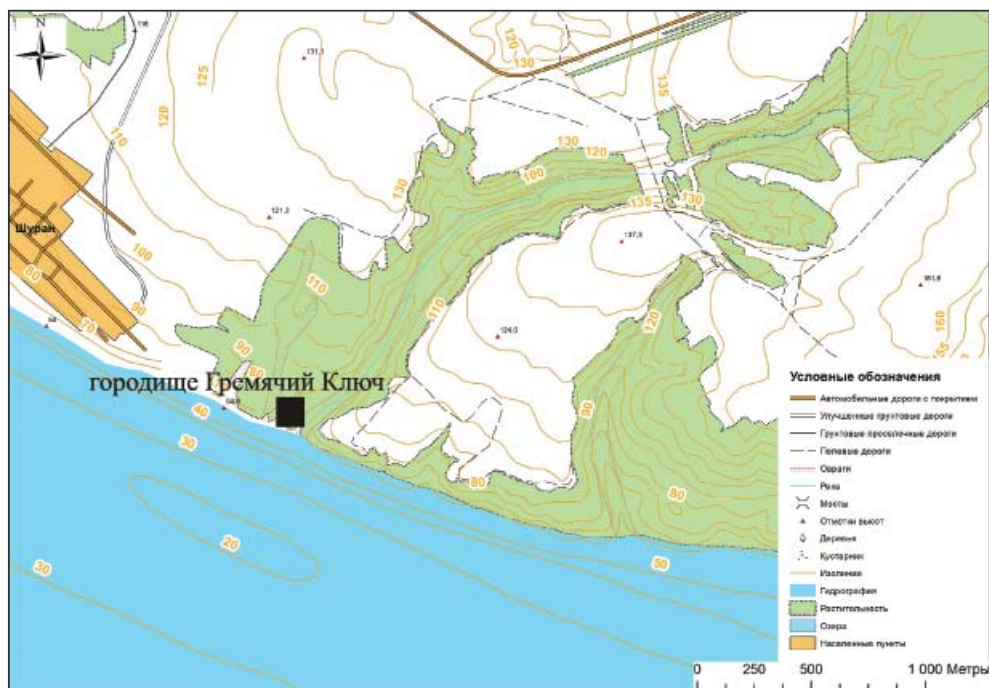

Рис. 1. Гремячий Ключ, городище, ситуационный план.

Fig. 1. Gremiachy Kliuch, hillfort, site layout.

лиала АН СССР под руководством Н.Ф. Калинина, на памятнике было заложено три шурфа общей площадью 28 кв. м (Калинин, Халиков, 1954, с. 39–42).

В 1967 г. здесь работала экспедиция ИЯЛИ КФАН СССР под руководством Г.Р. Ишмуратовой и П.Н. Старостина, которая двумя раскопами общей площадью 144 кв. м (рис. 2) исследовала юго-восточную часть площадки городища (Ишмуратова, 1967, с. 2, рис. 1).

Наиболее широкие исследования (452 кв. м.) на памятнике в 1980–1981 гг. осуществляла экспедиция Государственного музея ТАСССР под руководством В.Н. Маркова (рис. 2), который исследовал центральную и юго-восточную части площадки горо-

дища, а также произвел разрез вала и рва (Марков, 1987, с. 102, рис. 1, 2).

В 2013 г. исследования на памятнике были проведены А.А. Чижевским и А.А. Хисяметдиновой (рис. 2). Работы на городище включали литолого-стратиграфическое изучение разреза вала и отбор образцов на спорово-пыльцевой и микробиоморфный анализ.

Городище Гремячий Ключ занимает часть аккумулятивной террасы, образованной эрозией двух глубоких и крутых (40–42°) параллельно ориентированных оврагов Гремячий Ключ и Малый, спускающихся по линии наибольшего уклона поверхности с севера на юг под прямым углом к береговой линии р. Камы. Такое размещение памятника позволяет его от-

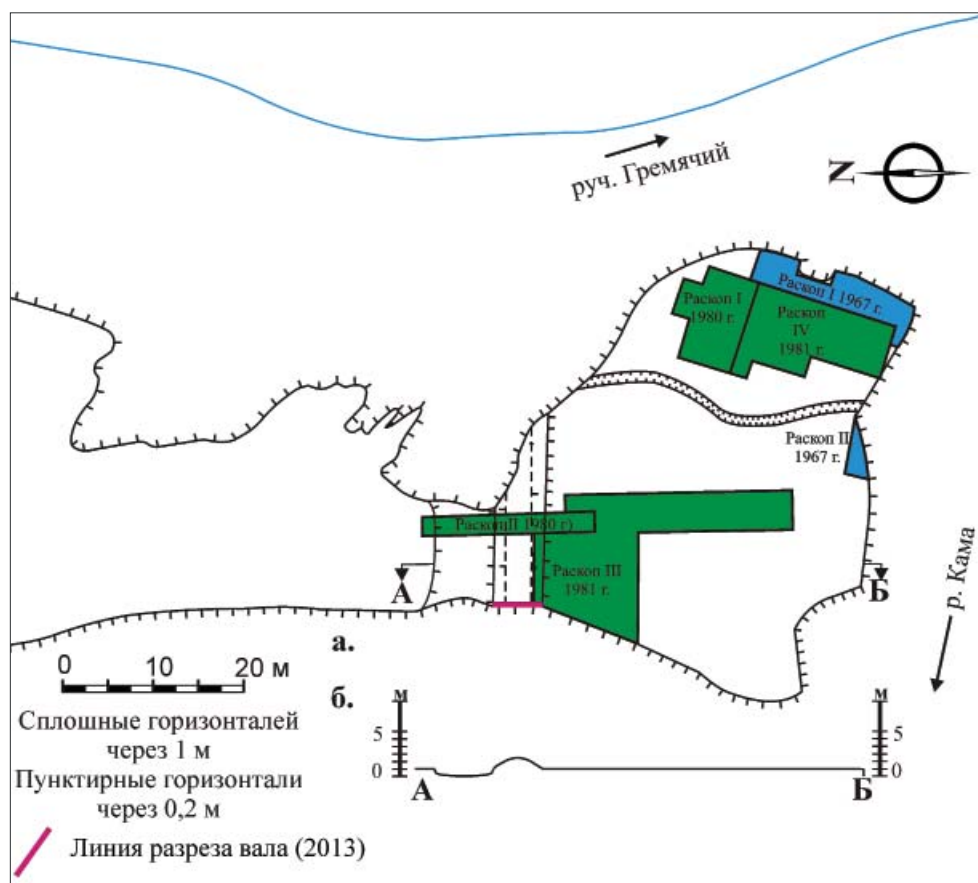

Рис. 2. Общий план: а – план, б – продольный профиль площадки.

Fig. 2. General layout: a – plan, б – longitudinal profile of the site.

нести к первому морфотипу городищ АКИО (Хисьяметдинова, Чижевский, 2014, с. 378, 379).

Морфотип городища обусловлен формой рельефа, на котором размещается памятник, это геоморфологический компонент типологии. Согласно проведенному нами исследованию (Хисьяметдинова, Чижевский, 2014), по этому критерию выделены два типа городищ:

1) городища, расположенные на относительно невысоких (17–30 м от уровня реки) террасовидных пологонаклонных поверхностях, обрамленных оврагами. Третья сторона

площадки обрывается почти вертикальным уступом к руслу.

2) городища, расположенные на высоком (30–40 м над уровнем русла) водоразделе между главной рекой и боковым оврагом. На городищах этого типа склон, обращенный к главной реке, обрывистый, а склоны, ориентированные в сторону оврага, менее круты.

Высота пологонаклонной к югу в сторону Куйбышевского водохранилища террасы, на которой находится городище, достигает 19 м от уровня Куйбышевского водохранилища (при НПУ 53 м). По расположенному к

востоку от городища оврагу протекает ручей Гремячий.

Городище интенсивно разрушается, в настоящее время его площадка имеет неправильную подчетыреугольную форму, длина ее составляет 38 м, ширина 42–50 м.

Судя по данным Н.Ф. Калинина и А.Х. Халикова, в 1948 г. площадка городища имела правильную подчетыреугольную форму, по их замерам, ее длина составляла 47 м, а ширина 42 м¹. Н.Ф. Калинин отмечал, что основные разрушения площадки городища приходятся на его северо-восточную часть (Калинин, Халиков, 1954, с. 39–42); по всей вероятности, это явление было обусловлено функционированием ручья Гремячий.

В настоящее время наибольшему разрушению подвергается южная, обращенная к водохранилищу оконечность памятника, этот процесс связан с затоплением Куйбышевского водохранилища в 1955–1957 гг., который в свою очередь вызвал процессы абразии террасы. За прошедшие 60 лет поселенческая площадка уменьшилась более чем на 9 м и процесс разрушения продолжается.

Вдоль площадки, примерно по ее середине, проходит траншея, выкопанная в годы гражданской войны (Калинин, Халиков, 1954, с. 40).

С северной стороны по тыловому шву² площадка городища отделена от основного массива мыса седловиной, образованной в месте максимального сближения обрамляющих оврагов.

¹ На планах Г.Р. Ишмуратовой и П.Н. Старостина 1967 г. и В.Н. Маркова 1980, 1981 гг. ширина площадки городища составляет 42–50 м.

² Линия, по которой терраса соприкасается с вышележащей частью склона.

Вдоль южного края седловины располагается прямой, без изгибов, вал, а сама седловина использована в качестве рва. Протяженность вала в неповрежденной части составляет 11–12 м, а, учитывая поврежденные отрезки, длина его достигает 21 м. По всей вероятности, это значение близко к первоначальной длине вала. Высота вала достигает 1,2 м, ширина – 5 м. С напольной стороны к валу примыкает ров (лог) шириной 7–8 м, глубина его составляет около 1,2 м. На плане В.Н. Маркова его раскоп III 1981 г. перекрывает внутреннюю часть вала в неповрежденной части (Марков, 1987, с. 104, рис. 1), однако наши исследования следов раскопа в зачистке профиля не зафиксировали.

В бортах оврагов вскрываются верхнеплиоценовые отложения, представленные глинами и песками, на размытой поверхности которых залегают неоплейстоценовые перигляциальные отложения, представленные бурыми лессовидными суглинками. Мощность суглинков под мысовой площадкой около 5 м и она увеличивается к тальвегам оврагов. В период функционирования городища верхнеплиоценовые отложения не были вскрыты эрозией, поэтому древние строители для отсыпки вала использовали лессовидные суглинки из оврагов и почвенный грунт, который снимали с поверхности площадки городища. Отсыпка вала была произведена на почву, на которой сколько-нибудь заметных следов антропогенного воздействия не наблюдается.

Стратиграфия вала. Изучение разреза вала было произведено на его западной оконечности, не подвергшейся воздействию природных и антропогенных факторов. Зачистка

Рис. 3. Разрез вала, городище Гремячий Ключ, фотография.
Fig. 3. Sectional view of the rampart, Gremiachy Kliuch hillfort, photograph.

Рис. 4. Разрез вала, городище Гремячий Ключ, фотография, деталь.
Fig. 4. Sectional view of the rampart, Gremiachy Kliuch hillfort, photograph, detail.

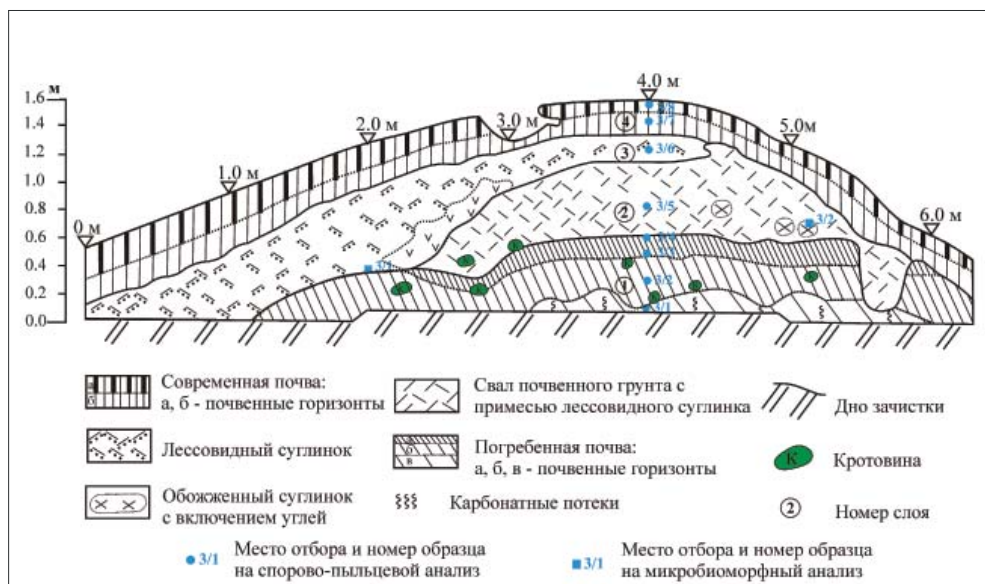

Рис. 5. Разрез вала городища Гремячий Ключ.

Fig. 5. Sectional view of the rampart, Gremiachy Kliuch hillfort.

шириной 6,30 м и глубиной 1,6 м ориентирована поперек вала (рис. 3–5).

Вал состоит из природного основания (А) и антропогенной надстройки (Б). Снизу вверх в разрезе зафиксирована следующая стратиграфия:

А. Природное основание вала.

0. Буровато-коричневый суглинок тяжёлого мехсостава, плотный, комковато-ореховатой структуры, проработан почвообразовательными процессами. Суглинок является материнской породой для почвы, погребённой под насыпью вала, или её нижним горизонтом, вскрытая мощность – 30 см.

1. Погребённая серая лесная почва с нормальным почвенным профилем без следов антропогенного воздействия. Кровля почвы имеет дугообразный профиль и спускается в седловину, ее мощность – 40–50 см (обр. 3/1–3/4).

Б. Антропогенная надстройка вала.

2. Свал почвенного грунта. Очень неоднородная по литологическому

составу (гумусированный суглинок, гумус с растительными остатками, лессовидный суглинок) и цвету (буровато-серая пятнистая) масса. По всей вероятности, материал брался прямо с поверхности вместе с дерном и захватом подстилающих бурых суглинков.

На флангах вала этот грунт обрамлялся пирогенно измененными материалами: на напольной стороне линзой обожжённого суглинка, на внутренней – линзой обожжённой почвы с углистыми остатками. Мощность слоя – 50 см (обр. 3/5).

3. Свал лессовидного суглинка, мощность слоя 20 см – на вершине, 40–50 см на внешнем склоне вала (обр. 3/6).

4. Насыпной слой из бурых суглинков, проработанный современным почвообразованием, мощностью 24–40 см (обр. 3/7 и 3/8).

Сведения о строительстве вала по геологическим данным. В результате литолого-стратиграфического анали-

за описанного разреза вала, а также данным предыдущих исследований как насыпи вала, так и поселенческой площадки, установлено, что строительство оборонительных сооружений производилось представителями постмаклашеевской культуры ананьинской КИО. Возведение укреплений осуществлялось в две стадии.

На начальной стадии вал отсыпался почвенным грунтом (слой 2) прямо на поверхность почвы (слой 1) без нарушения его естественного профиля. Он имел форму гряды высотой 0,6 м, шириной по основанию – 2, 4 м, ориентированной вдоль южной бровки седловины.

Углубление (канавка), выявленное на внутренней части разреза и фиксируемое ранее в раскопе II 1980 г. и III 1981 г. (Марков, 1987, с. 104, рис. 2), вероятно, является следом от подпорной стенки на внутренней стороне раннего вала.

Между начальной и последующей стадией (слой 3) отмечается значительный временной перерыв, о чём свидетельствует чёткая граница раздела насыпных отложений, подчёркнутая обжигом грунта и перекопом поверхности по внешнему контуру гряды³.

На поздней стадии строительства наблюдается односторонняя отсыпка вала с использованием преимущественно лессовидного суглинка (слой 3). Высота позднего вала составляет 1 м, ширина по основанию около 5 м.

Почва на поверхности вала (слой 4) была сформирована в постананьин-

ское время на основании переработки почвообразовательными процессами поздней насыпи.

Сведения о строительстве вала и палеоландшафтах по палинологическим данным.

Из разреза вала городища Гремячий Ключ на палинологический анализ было отобрано восемь образцов (рис. 5, 6). В результате проведенного анализа, по исследованному разрезу было выделено 6 спорово-пыльцевых комплексов, которые следуют снизу вверх и отделены друг от друга перерывами. Все образцы содержали достаточное для статистической обработки количество пыльцы и спор, хотя насыщенность образцов спорами и пыльцой различна (табл. 1). При построении диаграммы за 0 был принят уровень дневной поверхности.

Спорово-пыльцевой комплекс I (береза с участием широколиственных пород и сосны) выделяется по образцу 1 из слоя 0. В образце отмечено много остатков древесины, встречаются угольки.

В общем составе преобладает пыльца древесных пород (55%), содержание пыльцы травянистых растений составляет около 30%, спор 16%.

В группе древесных пород больше всего пыльцы березы (*Betula*) (59%), широколиственных пород (21%), представленных липой (*Tilia*) и дубом (*Quercus*). Содержание пыльцы сосны (*Pinus*) составляет около 18%. Единично отмечена пыльца пихты (*Abies*).

Травянистые растения представлены преимущественно пыльцой злаков (Poaceae) (55%) и разнотравья (34%) в составе которого преобладает пыльца растений семейства сложноцветных (Compositae) (подсемейств цикориевых (Cichorioideae) (15%) и

³ В.Н. Марков предполагал, что вал насыпался за три приема, но в одно время (Марков, 1987, с. 104)

астровых (Asteroideae) (7%). Также в составе разнотравья отмечены горец (*Polygonum*), рогоз (*Typha*) и пыльца представителей семейств гвоздичных (Caryophyllaceae), яснотковых (Lamiaceae), лютиковых (Ranunculaceae). В небольших количествах встречается пыльца полыней (*Artemisia*) и маревых (Chenopodiaceae). Единично встречается пыльца водного растения ежеголовка (*Sparganium*).

Споровые растения представлены зелеными мхами (*Bryales*) (67%) и папоротниками семейства многоножковых (Polypodiaceae) (33%).

При формировании этого слоя почвы основной лесобразующей породой была береза при участии сосны и таких широколиственных пород, как липа и реже дуб. Интересны находки пыльцы *Abies* (пихта) – породы, которая часто встречается в некоторые периоды плейстоцена и голоцена.

Спорово-пыльцевой комплекс II (береза и широколиственные породы) описан по образцам 2–4, отобранным из слоя 1 (относится к догродрищенскому этапу существования памятника).

Как и в предыдущем комплексе, пыльца древесных пород составляет 55–62%, на пыльцу травянистых растений приходится около 31–38%, содержание спор составляет от 6 до 9%.

В составе древесных пород по-прежнему больше всего пыльцы березы (*Betula*) (57–61%). На втором месте пыльца широколиственных пород (представленных преимущественно липой (*Tilia*) и в меньшей степени дубом (*Quercus*)), а содержание пыльцы сосны (*Pinus*) сокращается до 2–5%. Также отмечена пыльца ольхи (*Alnus*) и ивы (*Salix*).

В группе травянистых растений доминирует пыльца злаков (Poaceae) (39–56%), довольно высоко содержание пыльцы полыней (*Artemisia*) (13–27%). На пыльцу маревых (Chenopodiaceae) приходится от 8 до 10%, осок (Cyperaceae) от 2 до 7%. Пыльца разнотравья составляет 19–21%, и его состав мало изменился по сравнению с предыдущим комплексом.

Споровые растения представлены в основном зелеными мхами (*Bryales*) (58–61%) и папоротниками семейства многоножковых (Polypodiaceae) (23–39%), в низах комплекса отмечены споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) (11%), а в верхнем образце комплекса единично встречаются споры ужовника (*Botrychium*).

В отличие от состава спектра I комплекса, в этом комплексе не отмечено пыльцы пихты и меньше пыльцы сосны. Вместе с тем по сравнению с предыдущим этапом возрастает роль маревых (Chenopodiaceae) и полыней (*Artemisia*), которые являются доминирующими элементами ксерофитной перигляционной флоры. Особенно ярко их роль проявилась в слоях кровли почвенного горизонта (обр. 3 и 4). Возможно, что почва смешана с перигляциальными суглинками.

Спорово-пыльцевой комплекс III (береза с участием широколиственных пород) охарактеризован по образцу 5 из слоя 2 (соотносится со временем строительства раннего вала). В образце много золы, присутствуют древесные остатки, но в меньшем количестве, чем в горизонте почв.

В общем составе отмечается 55% пыльцы древесных пород, 39% пыльцы травянистых растений и 6% спор.

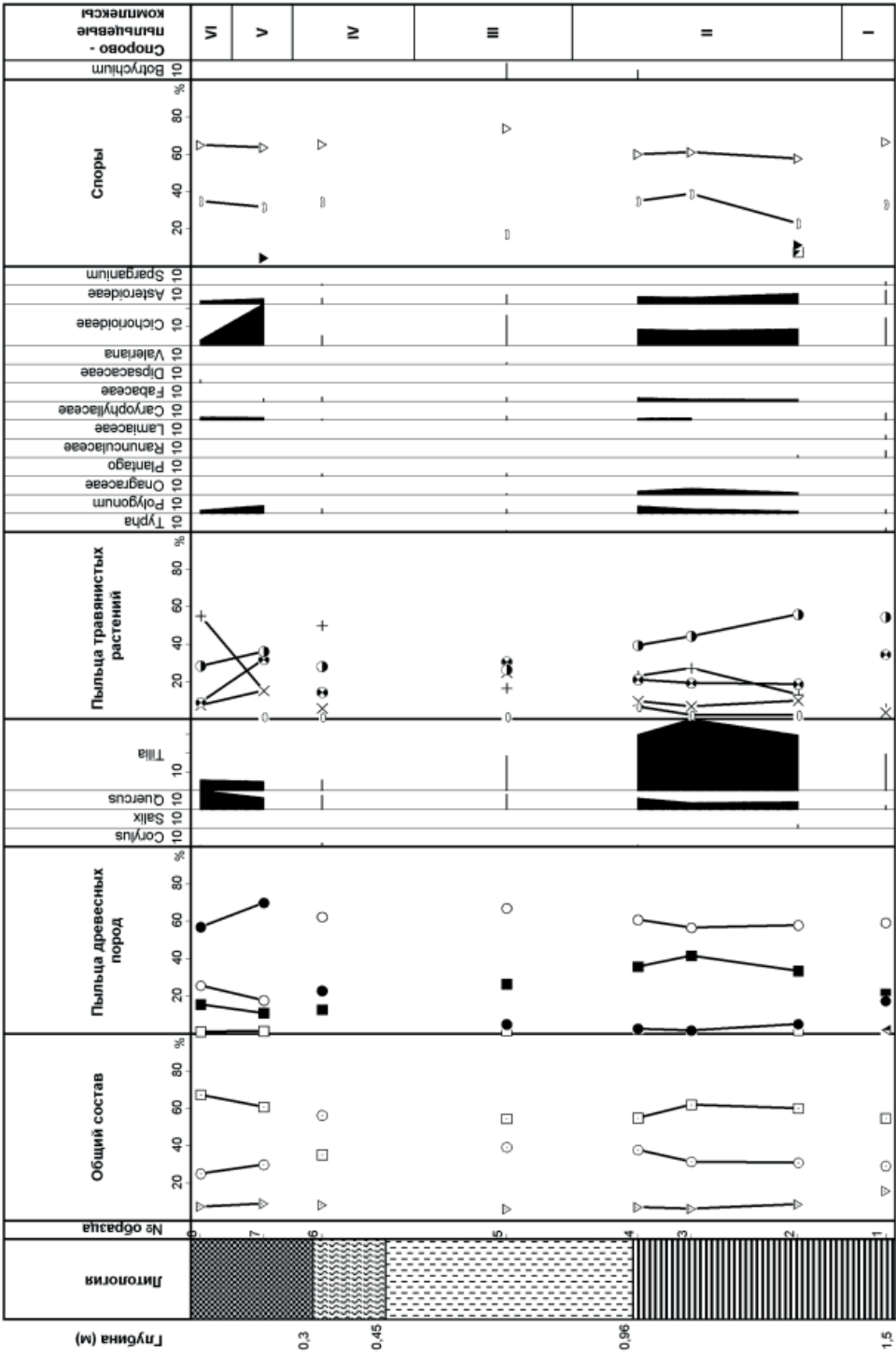

Рис. 6. Спорово-пыльцевая диаграмма по колонке, полученной на городище Гремячий Ключ.

Условные обозначения к диаграмме.

Общий состав: □ – сумма пыльцы древесных пород; ○ – сумма пыльцы травянистых растений; ◁ – сумма спор высших споровых растений.
 Древесные породы: ▷ – ель (*Picea*); ● – сосна (*Pinus*); ○ – береза (*Betula*); □ – ольха (*Alnus*); ⊕ – ива (*Salix*); ■ – сумма пыльцы широколиственных пород.
 Травянистые растения: ● – злаки (*Poaceae*); ○ – осоковые (*Cyperaceae*); X – маревые (*Chenopodiaceae*); + – полыни (*Artemisia*); ⊗ – сумма пыльцы разнотравья.
 Споры: ▷ – зеленые мхи (*Bryales*); ◁ – сфагновые мхи (*Sphagnum*); ☞ – папоротники семейства многоножковые (*Polypodiaceae*); ◼ – плауны (*Lycopodiaceae*).

Fig. 6. Spore-and-pollen diagram of a core sample obtained at Gremiachy Kliuch hillfort.

Legend for the diagram.

General compositions: □ – total pollen of wood species; ○ – total pollen of herbaceous plants; ◁ – total spores of ferns. Wood species: ▷ – fir (*Picea*); ● – pine (*Pinus*); ○ – birch (*Betula*); □ – alder (*Alnus*); ⊕ – osier (*Salix*); ■ – total pollen of broad-leaved species. Herbaceous plants: ● – grass (*Poaceae*); ○ – sedge (*Cyperaceae*); X – goosefoot (*Chenopodiaceae*); + – sage (*Artemisia*); ⊗ – total pollen of miscellaneous herbs. Spores: ▷ – green moss (*Bryales*); ◁ – sphagnum moss (*Sphagnum*); ☞ – fern of the polypody family (*Polypodiaceae*); ◼ – club moss (*Lycopodiaceae*).

В группе древесных пород становится еще больше пыльцы березы (*Betula*) (67%), содержание пыльцы широколиственных пород сокращается до 26% (липы (*Tilia*) 18% и дуба (*Quercus*) 8%), в небольших количествах отмечена пыльца сосны (*Pinus*) (5%) и ольхи (*Alnus*) (2%).

Среди травянистых растений больше всего пыльцы разнотравья (31%) и злаков (*Poaceae*) (26%). В значительных количествах встречена пыльца представителей семейства маревых (*Chenopodiaceae*) (25%) и полыней (*Artemisia*) (17%). Единично отмечена пыльца осок (*Cyperaceae*).

Характер распределения спор не меняется, можно лишь отметить, что увеличилось содержание спор зеленых мхов (*Bryales*) до 74%, спор папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) отмечено 17%, единично встречены споры уховника (*Botrychium*).

Во многом этот комплекс повторяет предыдущий. Основное отличие связано с появлением большего количества сорняков, таких как подорожник (*Plantago*) и горец (*Polygonum*), а также кипрей (*Onagraceae*). Роль полыней и маревых близка по значимости к таковой в кровле почвенного слоя. По-видимому, эта толща формировалась за счет объединения в свал еще более неоднородного материала, хотя основу составлял грунт кровли почвенного горизонта.

Спорово-пыльцевой комплекс IV (береза, с участием сосны) выделяется по образцу 6 из слоя 3 (время формирования связано со строительством позднего вала).

В общем составе только в этом образце больше всего пыльцы травянистых растений (56%), количество пыльцы древесных пород составляет 35%, на споры приходится 8%.

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА
Разрез Гремячий Ключ, 2013 г.

Систематический список	8 0,07 м зерна/проц	7 0,2 м зерна/проц	6 0,32 м зерна/проц	5 0,7 м зерна/проц
ОБЩИЙ СОСТАВ				
Деревья	179 / 67,3	146 / 60,8	109 / 35,3	200 / 54,5
Травы	67 / 25,2	72 / 30	174 / 56,3	144 / 39,2
Споры	20 / 7,5	22 / 9,2	26 / 8,4	23 / 6,3
Деревья				
Деревья основные	151 / 84,4	130 / 89	95 / 87,2	147 / 73,5
Abies	-	-	-	-
Pinus sylvestris	102 / 57	102 / 69,9	25 / 22,9	10 / 5
Alnus	2 / 1,1	2 / 1,4	-	3 / 1,5
Betula sec. Albae	46 / 25,7	26 / 17,8	68 / 62,4	134 / 67
Corylus	1 / 0,6	-	2 / 1,8	-
Salix	-	-	-	-
Деревья широколиственные	28 / 15,6	16 / 11	14 / 12,8	53 / 26,5
Quercus	18 / 10,1	9 / 6,2	8 / 7,3	16 / 8
Tilia	10 / 5,6	7 / 4,8	6 / 5,5	37 / 18,5
Травы				
Травы основные	61 / 91	49 / 68,1	148 / 85,1	100 / 69,4
Roaceae	19 / 28,4	26 / 36,1	49 / 28,2	38 / 26,4
Cyperaceae	-	1 / 1,4	2 / 1,1	2 / 1,4
Chenopodiaceae	5 / 7,5	11 / 15,3	10 / 5,7	36 / 25
Artemisia	37 / 55,2	11 / 15,3	87 / 50	24 / 16,7
Разнотравье	6 / 9	23 / 31,9	25 / 14,4	44 / 30,6
Typha	-	-	-	1 / 0,7
Polygonum	1 / 1,5	3 / 4,2	4 / 2,3	3 / 2,1
Onagraceae	-	-	-	1 / 0,7
Plantago	-	-	2 / 1,1	2 / 1,4
Ranunculaceae	-	-	-	-
Lamiaceae	-	-	-	-
Caryophyllaceae	1 / 1,5	1 / 1,4	1 / 0,6	3 / 2,1
Fabaceae	-	1 / 1,4	4 / 2,3	3 / 2,1
Dipsacaceae	1 / 1,5	-	-	-
Valeriana	-	-	-	1 / 0,7
Asteroidaeae	1 / 1,5	2 / 2,8	5 / 2,9	7 / 4,9
Cichorioideae	2 / 3	16 / 22,2	9 / 5,2	23 / 16
Водные	-	-	1 / 0,6	-
Sparganium	-	-	1 / 0,6	-
Споры				
Bryales	13 / 65	14 / 63,6	17 / 65,4	17 / 73,9
Sphagnum	-	1 / 4,5	-	-
Botrychium	-	-	-	2 / 8,7
Lycopodium clavatum	-	-	-	-
Polypodiaceae	7 / 35	7 / 31,8	9 / 34,6	4 / 17,4

Систематический список	4 0,96 м зерна/проц	3 1,08 м зерна/проц	2 1,3 м зерна/проц	1 1,48 м зерна/проц
ОБЩИЙ СОСТАВ				
Деревья	151 / 54,9	173 / 62	176 / 60,1	103 / 54,8
Травы	104 / 37,8	88 / 31,5	91 / 31,1	55 / 29,3
Споры	20 / 7,3	18 / 6,5	26 / 8,9	30 / 16
Деревья				
Деревья основные	97 / 64,2	101 / 58,4	117 / 66,5	81 / 78,6
Abies	-	-	-	2 / 1,9
Pinus sylvestris	4 / 2,6	3 / 1,7	9 / 5,1	18 / 17,5
Alnus	-	-	3 / 1,7	-
Betula sec. Albae	92 / 60,9	98 / 56,6	102 / 58	61 / 59,2
Corylus	1 / 0,7	-	-	-
Salix	-	-	3 / 1,7	-
Деревья широколиственные	54 / 35,8	72 / 41,6	59 / 33,5	22 / 21,4
Quercus	9 / 6	6 / 3,5	7 / 4	2 / 1,9
Tilia	45 / 29,8	66 / 38,2	52 / 29,5	20 / 19,4
Травы				
Травы основные	82 / 78,8	71 / 80,7	74 / 81,3	35 / 63,6
Poaceae	41 / 39,4	39 / 44,3	51 / 56	30 / 54,5
Superaceae	7 / 6,7	2 / 2,3	2 / 2,2	-
Chenopodiaceae	10 / 9,6	6 / 6,8	9 / 9,9	2 / 3,6
Artemisia	24 / 23,1	24 / 27,3	12 / 13,2	3 / 5,5
Разногравье	22 / 21,2	17 / 19,3	17 / 18,7	19 / 34,5
Typha	-	-	-	1 / 1,8
Polygonum	4 / 3,8	2 / 2,3	1 / 1,1	1 / 1,8
Onagraceae	2 / 1,9	3 / 3,4	1 / 1,1	-
Plantago	-	-	-	-
Ranunculaceae	-	-	1 / 1,1	2 / 3,6
Lamiaceae	-	-	-	1 / 1,8
Caryophyllaceae	1 / 1	1 / 1,1	-	2 / 3,6
Fabaceae	2 / 1,9	1 / 1,1	1 / 1,1	-
Dipsacaceae	-	-	-	-
Valeriana	-	-	-	-
Asteroideae	4 / 3,8	3 / 3,4	5 / 5,5	4 / 7,3
Cichorioideae	9 / 8,7	7 / 8	8 / 8,8	8 / 14,5
Водные	-	-	-	1 / 1,8
Sparganium	-	-	-	1 / 1,8
Споры				
Bryales	12 / 60	11 / 61,1	15 / 57,7	20 / 66,7
Sphagnum	-	-	3 / 11,5	-
Botrychium	1 / 5	-	-	-
Lycopodium clavatum	-	-	2 / 7,7	-
Polypodiaceae	7 / 35	7 / 38,9	6 / 23,1	10 / 33,3

Среди древесных пород больше всего пыльцы березы (*Betula*) (62%), на втором месте оказывается пыльца сосны (*Pinus*) (23%), а содержание пыльцы широколиственных пород сокращается до 13% (дуба (*Quercus*) – 7% и липы (*Tilia*) – 6%), единично отмечена пыльца ольхи (*Alnus*).

В группе травянистых растений преобладает пыльца полыней (*Artemisia*) (50%), содержание пыльцы злаков (Poaceae) 28%, пыльцы разнотравья 14%. В небольших количествах отмечена пыльца представителей семейства маревых (Chenopodiaceae), единично пыльца осок (Cyperaceae) и водного растения ежеголовка (*Sparganium*).

Споровые растения представлены зелеными мхами (*Bryales*) (65%) и папоротниками семейства многоножковых (Polypodiaceae) (35%).

Беспорен тот факт, что основная часть грунта слоя 3 состояла из лессовидного суглинка стадияльной части перигляциального комплекса и незначительной составляющей, связанной с почвенным грунтом, куда попали и толщи обожженных отложений, что объясняет присутствие в образце большого количества золы.

Спорово-пыльцевой комплекс V (сосна с участием березы) охарактеризован по образцу 7 из насыпного слоя бурых суглинков, проработанных почвообразованием (сформирован в постананьинское время).

В общем составе на пыльцу древесных пород приходится 61 %, на долю пыльцы травянистых растений 30%, споры составляют 9%.

Среди древесных пород становится больше всего пыльцы сосны (*Pinus*) (70%), на втором месте содержание пыльцы березы (*Betula*) (18%),

на пыльцу широколиственных пород приходится 11%. Широколиственные породы представлены пыльцой дуба (*Quercus*) и липы (*Tilia*) почти поровну (6 и 5%). Также единично отмечена пыльца ольхи (*Alnus*).

В группе травянистых растений преобладает пыльца злаков (Poaceae) (36%) и разнотравья (32%), на пыльцу полыней (*Artemisia*) и маревых (Chenopodiaceae) приходится по 15%. Единично отмечена пыльца осок (Cyperaceae). В составе разнотравья преобладает пыльца представителей сем. сложноцветных (Compositae) п/сем. цикориевых (Cichorioideae) (22%).

Среди спор больше всего зеленых мхов (*Bryales*) (64%), на втором месте споры папоротников семейства многоножковых (Polypodiaceae) (32%). Единично отмечены споры сфагновых мхов (*Sphagnum*).

Спорово-пыльцевой комплекс VI (сосна, береза с участием широколиственных пород) охарактеризован по образцу 8 (характеризует современный этап почвообразования).

Распределение пыльцы и спор в целом носит тот же характер, что и в предыдущем комплексе – на древесные породы приходится 67%, на пыльцу травянистых растений 25%, на споры около 8%.

В группе древесных пород содержание пыльцы сосны (*Pinus*) сокращается до 57%, пыльцы березы (*Betula*) и широколиственных пород возрастает до 26 и 16% соответственно. В составе широколиственных пород больше пыльцы дуба (*Quercus*) (10%) и меньше липы (*Tilia*) (6%). Также единично отмечена пыльца ольхи (*Alnus*) и лещины (*Corylus*).

Состав травянистых растений совершенно отличается от предыдущего

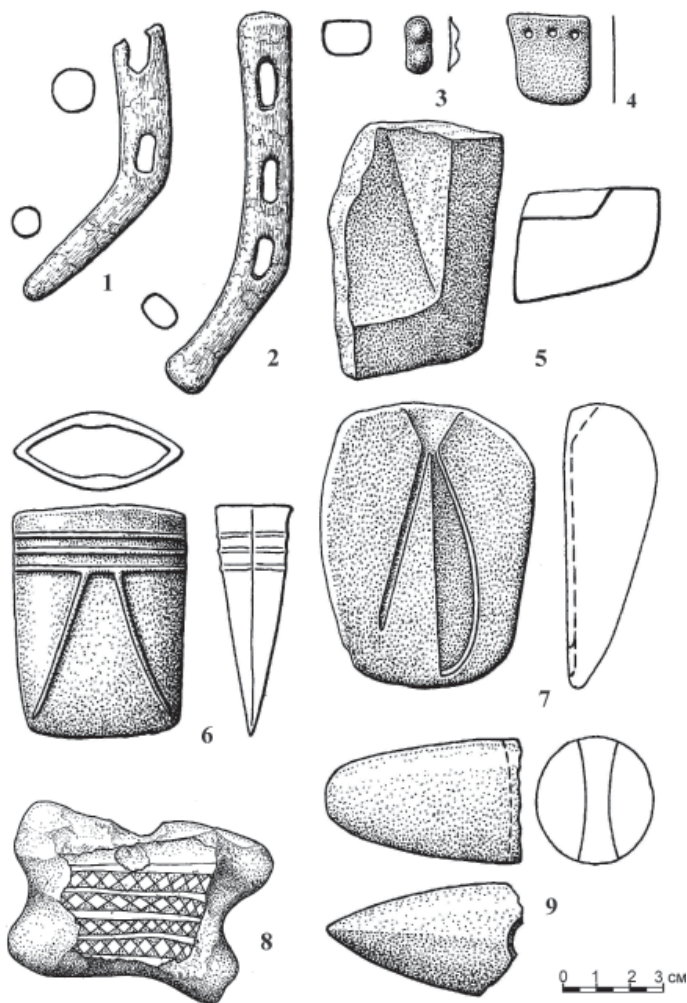

Рис. 7. Городище Гремячий Ключ. Рисунки предметов – хроноиндикаторов: 1 – фрагмент псалия, рог, раскопки П.А. Пономарева; 2 – псалий, рог, раскопки П.А. Пономарева; 3 – накладка медная с парными выпуклинами, раскопки В. Н. Маркова, 1981 г.; 4 – накладка медная, раскопки В.Н. Маркова, 1981 г.; 5 – фрагмент литейной формы, песчаник, раскопки П.А. Пономарева; 6 – кельт, бронзовый, раскопки Г.Р. Ишмуратовой, 1967 г.; 7 – литейная форма, песчаник, раскопки П.А. Пономарева; 8 – таранная кость лося, орнаментированная, сборы В.Н. Маркова, 1984 г.; 9 – фрагмент топора, известняк, раскопки П.А. Пономарева.

Рисунки выполнены Р.Р. Садьковым: 1–4, 9 – по В.Н. Маркову, 5, 7 – по С.В. Кузьминых; 6 – по Г.Р. Ишмуратовой; 8 – с оригинала.

Fig. 7. Gremiachy Kliuch hillfort, Images of chronology indicators: 1 – psalium fragment, horn, excavations by P. A. Ponomarev; 2 – psalium, horn, excavations by P.A. Ponomarev; 3 – copper overlay with paired bosses, excavations by V.N. Markov, 1981; 4 – copper overlay, excavations by V.N. Markov, 1981 г.; 5 – casting mold fragment, sandstone, excavations by P. A. Ponomarev; 6 – socketed axe, bronze, excavations by G. R. Ishmuratova, 1967; 7 – casting mold, sandstone, excavations by P. A. Ponomarev; 8 – elk astragalus, ornamented, collected by V.N. Markov, 1984; 9 – axe fragment, limestone, excavations by P. A. Ponomarev.

Drawings by R.R. Sadykov: 1–4, 9 – by V.N. Markov, 5, 7 – by S.V. Kuzminykh; 6 – by G.R. Ishmuratova; 8 – by the original.

комплекса. Доминирует пыльца полыней (*Artemisia*) (55%), содержание пыльцы злаков (Poaceae) сокращается до 28%, маревых (Chenopodiaceae) до 7%. Разнотравье почти отсутствует, его содержание составляет только 9%.

Характер споровых растений не изменился по сравнению с предыдущим комплексом.

Данные по V спорово-пыльцевому комплексу во многом отличаются от всех предыдущих материалов. В первую очередь это связано с тем, что его формирование происходило в другом возрастном интервале, когда лесобразующей породой была сосна с участием таких широколиственных пород, как липа и дуб почти в равных соотношениях. Вместе с тем, присутствие полыней и маревых в количестве до 15% можно объяснить только присутствием лессовидных суглинков в составе насыпного слоя из бурых суглинков (слой 4). Это предположение также подтверждается данным по анализу спектра комплекса VI, в котором при таком же составе пыльцы древесных пород резко увеличивается (до доминирующего положения 55%) содержание пыльцы полыней в группе травянистых и кустарничковых растений.

Следует отметить, что представленный для палинологического изучения разрез оборонительного вала на городище Гремячий Ключ имеет строение, связанное с погребенными почвами, часто нарушенными в период отсыпки грунта и смешанными с покровными суглинками, использованными при сооружении вала. В связи с такими особенностями строения изучаемого разреза редко можно установить истинный характер растительного покрова, существовавшего

в момент формирования некоторых гумусосодержащих слоев, или достоверно определить степень смешения различных отложений при создании подсыпок вала.

Хронология строительства оборонительных сооружений городища Гремячий Ключ.

При исследовании памятника В.Н. Марковым в 1980–1981 годах на площадке городища была выявлена валиковая керамика атабаевского этапа маклашевской культуры (Марков, 1987, с. 118, рис. 10: 1–3), под валом в слое погребенной почвы она не зафиксирована, как не зафиксированы и следы антропогенных изменений в почве. Это может говорить о слабой интенсивности жизни на памятнике на атабаевском этапе его существования (рубеж XIV/XIII–XII вв. до н. э.), в результате чего накопление культурных отложений происходило не сплошной толщей на всей поверхности поселения, а отдельными пятнами (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32; Чижевский и др., 2015, с. 193; Чижевский и др., 2017, с. 66).

Материалы финала бронзового века (маклашевский этап маклашевской культуры) в коллекциях городища не известны, по всей вероятности, это свидетельствует о том, что территория гремячеключинского мыса в XII/XI–X вв. до н. э. (Чижевский, 2001, с. 30–36; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32) оставалась незаселенной.

Под слоем насыпи вала в 1980 г. В.Н. Марков зафиксировал 57 фрагментов глиняной посуды, имеющей такие архаичные черты, как высокую шейку, раздутое тулово и полное отсутствие шнуровой орнаментации, он отмечал, что это наиболее ранняя

постмаклашеевская керамика (Марков, 1987, с. 110; 2007, с. 29). Такая же керамика была найдена и в нижнем, уже собственно городищенском стратиграфическом горизонте поселенческой площадки в раскопе III 1981 г. (Марков, 1982, низ, нижний слой). Судя по этим данным, а также по тому факту, что отсыпка вала производилась на почву, не имеющую заметных следов антропогенного воздействия, время, прошедшее между появлением неукрепленного поселения и строительством вала, было незначительным.

В насыпи вала предметов хроноиндикаторов не отмечено, поэтому для определения возраста насыпи необходимо привлечь датирующие материалы из раскопок площадки городища.

Наиболее ранним изделием в коллекции городища Гремячий Ключ, полученным из раскопок П.А. Пономарева, является форма для литья бронзовых однолезвийных ножей с горбатой спинкой (Н-16) (рис. 7: 7) (Кузьминых, 1977, рис. 12: 1). Ножи этого типа датируются по аналогиям в Северном Причерноморье, Северном Кавказе и Балкано-Карпатском регионе IX – первой пол. VIII в. до н. э. (Махортых, 1997, с. 9; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 104). Эта находка связана с нижним горизонтом существования городища и, соответственно, со временем строительства раннего вала, который относится, таким образом, к этапу I-1 раннего периода АКЮ – IX – середина VIII в. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 107).

Строительство позднего вала относится к нижней части выделенного В.Н. Марковым позднего (верхнего, основного) стратиграфического горизонта. Эта часть насыпи, как удалось

установить в результате наших работ, была построена намного позже, чем ранняя. В дальнейшем, согласно результатам раскопок 1980–1981 гг., она была перекрыта культурными отложениями, достигающими толщины 40–60 см, что свидетельствует о существовании городища после возведения насыпи еще продолжительное время (Марков, 2007, с. 29). Таким образом, дата образования нижней части верхнего стратиграфического горизонта одновременно является датой строительства позднего вала городища Гремячий Ключ.

С верхним стратиграфическим горизонтом В.Н. Марков связывал керамику, имеющую плавный переход от шейки к тулову, менее высокую и сильно отогнутую горловину, также он отмечал, что лишь для этого горизонта характерна шнуровая орнаментация (Марков, 2007, с. 30, 31).

Датировка ранней части этого керамического комплекса и, соответственно, нижней части позднего стратиграфического горизонта опирается на ряд предметов хроноиндикаторов предскифского времени.

Значительная часть этих предметов датируется в пределах нескольких периодов существования АКЮ. Наиболее ярким предметом в этом ряду является фрагмент каменного топора из раскопок П.А. Пономарева, изготовленный из известняка (рис. 7: 9) (Марков, 1987, рис. 9: 4), аналогии ему датируются в широких пределах IX – первой пол. VII вв. до н. э. (Халиков, 1977, с. 140; Чижевский, Хисяметдинова и др., 2016, с. 189–192).

В раскопе 1967 г. был найден линзовидный кельт с трапецевидной фаской типа КАН-28 (рис. 7: 6), который также датируется в широких пределах

VIII–V вв. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 62, 63). По всей вероятности, к этому же типу кельтов относится фрагмент литейной формы из раскопок П.А. Пономарева (рис. 7: 5) (Кузьминых, 1983, с. 62).

Две полуовальные накладки с отверстиями (рис. 7: 4), были найдены в раскопе III 1981 г. на уч. 3/10. Они имеют аналогии в материалах могильников АКИО, где встречаются в комплексах предскифского и раннескифского времени, соответственно и датируются они также широко – VIII–VI вв. до н. э. (Марков, 1987, с. 116).

Не менее яркой находкой, является таранная кость лося (рис. 7: 8), обнаруженная В. Н. Марковым на городище в 1984 г. Орнамент, покрывающей ее, известен в Северном Причерноморье, где связан с памятниками предскифского времени (погр. 5, курган 40 у с. Софиевка) (Тереножкин, 1976, с. 61, рис. 29, 30). Известен он и на ряде памятников АКИО (Мурзахинский II могильник, погр.140; городища Сорочьи Горы и Троицкий Урай I), где датируется в пределах VIII–VI вв. до н. э. (Марков, 1987, с. 115; Чижевский, 2008, с. 28). Однако все эти изделия имеют очень широкий диапазон существования и могут датировать весь период формирования позднего стратиграфического горизонта.

Для датировки нижней его части необходимо привлечение предметов, время бытования которых ограничено более узкими рамками. Таковыми в коллекции городища Гремячий Ключ являются два стержневых, с овально-подчетыреугольными отверстиями трехдырчатых псалия из рога, происходящие из раскопок П.А. Пономарева (рис. 7: 1, 2) (Марков, 1987, с. 114, рис. 7: 8; 2007, рис. 44: 2, 3).

Эти псалии по аналогиям на памятниках АКИО датированы концом VIII – I пол. VII в. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 120). В пределах предскифского времени обычно датируются и накладки с парными выпуклинами (рис. 7: 3) (Коренюк, 2009, с. 268), три таких накладки были найдены в нижней части верхнего стратиграфического горизонта (раскоп III 1981 г., уч. Е-2, гл. 60 см) (Марков, 1987, рис. 9: 13). Именно этим временем можно датировать строительство поздней части вала.

Таким образом, время сооружения позднего вала городища Гремячий Ключ относится к этапу I-2 раннего периода АКИО – сер. VIII – первая четв. / первая пол. VII в. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 124).

После сооружения поздней насыпи вала городище функционировало еще длительное время, об этом говорит значительная толща культурного слоя, перекрывающая насыпь вала, и наличие целого ряда находок, датирующихся в пределах VIII–VI/V вв. до н. э.

Сходство керамических комплексов верхнего (основного) стратиграфического горизонта городища Гремячий Ключ и нижнего горизонта городища Сорочьи Горы позволило В.Н. Маркову утверждать, что они синхронны, и датировать их в пределах VII в. до н. э. (Марков, 1992, с. 74; 2007, с. 31).

Выводы

1. Отсыпка насыпи вала осуществлялась на почву, не имеющую заметных следов антропогенного воздействия, то есть мыс был необитаемым или слабо заселенным в момент строительства первых укреплений. С догородищенским временем связана

нижняя погребенная почва (СПК II), которая формировалась в придолильных условиях р. Камы, когда в округе будущего городища существовал лес, возможно, с небольшими лесными полянами, покрытыми разнотравно-злаковыми растительными сообществами. Широколиственный лес, преимущественно из липы и реже дуба, был преобладающим элементом растительности. Береза могла входить в состав леса, произрастать по опушкам или образовывать самостоятельные лесные массивы. Это были наиболее теплые климатические условия, зафиксированные в данном разрезе.

2. Обитатели городища Гремячий Ключ максимально полно использовали особенности местности для уменьшения трудозатрат при строительстве оборонительных укреплений. Вал размещался в месте наибольшего сближения окаймляющих площадку оврагов, вдоль естественного лога (седловины).

3. Размещение городища на невысокой террасовидной пологонаклонной поверхности, обрамленной оврагами, позволяет отнести его к первому морфотипу городищ АКИО.

4. Для возведения оборонительных сооружений использовался грунт с поверхности площадки поселения и лессовидные суглинки из оврагов. По геологическим данным выделено две стадии строительства вала.

5. На ранней (начальной) стадии был построен невысокий вал с использованием подпорной стенки. Наличие в коллекции формы для отливки бронзовых ножей с горбатой спинкой позволяет утверждать, что сооружение раннего вала происходило в IX –

середине VIII в. до н. э. и относится к этапу I-1 раннего периода АКИО.

6. Между стадиями отсыпки насыпи был значительный временной перерыв, фиксируемый по уплотнению вследствие утаптывания, перекапыванию поверхности, обжигу грунта и по следам почвообразования.

7. На поздней стадии вал достраивался с помощью односторонней отсыпки насыпи в сторону седловины. Судя по наличию предметов предскифского времени, она может быть датирована серединой VIII – первой четвертью / первой половиной VII в. до н. э. и относится к этапу I-2 раннего периода АКИО.

8. После сооружения позднего вала городище функционировало еще длительное время, как минимум до конца VII в. до н. э. После ухода носителей АКИО валы уже не достраивались, а площадка не использовалась для длительного проживания. На памятнике сохранились следы, по-видимому, краткосрочного на нем пребывания обитателей в раннем средневековье (керамика азелинской культуры) и в средневековье: наконечники стрел болгарского времени на площадке и в валу городища. Тем не менее, оборонительные сооружения сохранились вплоть до начала 1980-х гг. в хорошем состоянии, только немного оплыли и обрушились со стороны оврага «Гремячий».

9. Анализ литологии позволил установить причины хорошей сохранности оборонительных сооружений городища Гремячий Ключ. Она обусловлена простой, но устойчивой конструкцией вала (видимо, это связано с соотношением высоты и ширины вала); литологическим составом от-

сыпаемого грунта, суглинистый состав которого под воздействием талых и дождевых вод имеет тенденцию к уплотнению; закреплением вершины и склонов вала почвой, образовавшейся в постананьинское время; долговременной залесенностью поверхности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вараксина Л.И.* Костеносные городища Камско-Вятского края // ИОАИЭ. Т. 34, вып. 3–4. Казань, 1929. С. 83–121.
2. *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.
3. *Ишмуратова Г.Р.* Отчет о раскопках городища Гремячий Ключ. Казань, 1967 / Архив ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф-4. О-1. 15 с.
4. *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.
5. *Коренюк С.Н.* К вопросу о датировке начального этапа ананьинской культуры Волго-Камья // Изв. Самарского научного центра РАН. Т. 11. Вып. 6. Самара, 2009. С. 265–270.
6. *Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.
7. *Кузьминых С.В.* Об ананьинской обработке бронзы // Из истории культуры волосовских и ананьинских племен / АЭМК. Вып. 2 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар НИИ, 1977. С. 126–166.
8. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / АЕС. Вып. 8. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 29–55.
9. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. № 3. 2014. С. 101–137.
10. *Марков В.Н.* Городище Гремячий Ключ // Древности Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 13 / Отв. ред. Б. С. Соловьев. Йошкар-Ола: Мар НИИ, 1987. С. 102–130.
11. *Марков В.Н.* Материалы к отчету об археологических исследованиях государственного музея ТАССР в 1981 г. (Гремячий ключ). Т. V. Казань, 1982 / Научный фонд MART ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф-9, О-1. 309 с.
12. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 136 с.
13. *Марков В.Н.* Периодизация и хронология памятников ананьинского времени приустьевой части Камы // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П. Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1992. С. 72–79.
14. *Махортых С.В.* Происхождение и хронология бронзовых ножей Северного Кавказа X–VIII вв. до н. э. // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / МИАР. № 1 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН, 1997. С. 4–13.
15. *Пономарев П.А.* Предварительное сообщение о результатах раскопок в Лаишевском уезде близ с. Шуран и дер. Сорочьих Гор, произведенных летом 1881 г. // ИОАИЭ. Т. III. Казань, 1884. С. 323–325.
16. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 223 с.
17. *Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

18. *Хисьяметдинова А. А., Чижевский А.А.* Геологические и геоморфологические реконструкции строительных технологий оборонительных сооружений раннего железного века на Каме и Вятке // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 376–379.

19. *Чижевский А.А.* Е.А. Халикова и проблема хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры // Вопросы древней истории Волго-Камья / ред. кол. Е. П. Казаков, С. И. Валиулина, Р. М. Валеев. Казань: КГУ, 2001. С. 30–36.

20. *Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового - раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып.5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

21. *Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Асылгараева Г.Ш.* Результаты комплексного исследования Сорочьегогорского городища // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 241–262.

22. *Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А., Хуснутдинов Э.А.* Оборонительная система и топография городища «Черепашье» // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание). Материалы Всероссийской научной конф. с международным участием / Пред. редкол. Р. Д. Голдина. Ижевск, 2016. С. 189–192.

23. *Чижевский А.А., Шипилов А.В., Капленко Н. М.* Итоги исследования Кагутинской островной стоянки в 2004 году // Поволжская археология. 2017. № 1. С. 50–70.

24. *Чижевский А.А., Шипилов А.В., Капленко Н.М.* Кагутинская островная стоянка неолита – позднего периода эпохи бронзы (по итогам исследований 2005 г.) // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2015. С. 184–194.

25. *Штукенберг А. А.* Несколько замечаний по поводу раскопок: 1) близ села Шурана и дер. Сорочьих Гор (в Лаишевском у. Каз. губ.) и II) над так называемым Ройским Истоком (на границе Уржумского и Малмыжского уу. Вятской губ.), произведенных летом 1881-го года // ИОАИЭ. Т. III. Казань, 1884. С. 330–334.

Информация об авторах:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

Хисьяметдинова Асия Абдулкадировна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Россия); asiatat@yandex.ru

Спиридонова Елена Александровна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); easpiridonova@mail.ru

Алешинская Анна Сергеевна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); asalesh@mail.ru

Кочанова Мария Дмитриевна, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); mdkochanova62@mail.ru

DEFENSIVE STRUCTURES OF THE GREMIACHY KLIUCH HILLFORT

A. A. Chizhevsky, A. A. Khisiametdinova, E. A. Spiridonova,
A. S. Alezhinskaya, M. D. Kochanova

The article features the results of comprehensive research of defensive structures located in Gremiachiy Kliuch hillfort which corresponds to the Post-Maklasheevka culture of the Ananyino cultural and historical areal. The authors determined the starting time of construction activities (9th – mid-8th centuries B.C.) and the periodization of the erection of the hillfort's earth rampart using archaeological and natural scientific techniques (lithologic and stratigraphic, palynological and geomorphological). The second stage of the construction of defensive structures corresponds to mid-8th – first quarter of 7th centuries B.C. The moat was represented by a natural saddle located in the narrowest area of the headland platform between the ravines. The authors concluded that the rampart construction technique was very archaic, and the inner support wall was used as the foundation. Fine preservation of the earth rampart which has survived almost intact until the present day is accounted for by an optimal ratio of proportions (width and height), lithological composition of the soil and forest coverage of the site in the Post-Ananyino period.

Keywords: archaeology, the Early Iron Age, Post-Maklasheevka culture, Ananyino cultural and historical areal, hillfort, defensive structures, stratigraphy, comprehensive research.

REFERENCES

1. Varaksina, L. I. 1929. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XXXIV (3–4). Kazan, 83–121 (in Russian).
2. Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
3. Ishmuratova, G. R. 1967. *Otchet o raskopkakh gorodishcha Gremiachii Kliuch (Report on Excavations at Gremiachy Kliuch Hillfort)*. Kazan: Archive of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1 (in Russian).
4. Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya istoricheskikh nauk (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Historical Sciences Series)*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).
5. Korenuk, S. N. 2009. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 11, no. 6, 265–270 (in Russian).
6. Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgii Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Kuzminykh, S. V. 1977. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Iz istorii kul'tury volosovskikh i anan'inskikh plemen (History of the Culture of Ananyino and Volosovo Tribes)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 2. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 126–166 (in Russian).
8. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino*

Burial Ground). Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 29–55 (in Russian).

9. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 101–137 (in Russian).

10. Markov, V. N. 1987. In Soloviev, B. S. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Region)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 13. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 102–130 (in Russian).

11. Markov, V. N. *Materialy k otchetu ob arkheologicheskikh issledovaniyakh gosudarstvennogo muzeia TASSR v 1981 g. (Gremiachii Kliuch) (Materials for a Report on Archaeological Studies by the State Museum of the TASSR in 1981 (Gremyachy Klyuch))* V. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 9. Inv. 1 (in Russian).

12. Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikame v ananinskuiu epokhu (The Lower Kama River Region in the Ananyino Epoch)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 4. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

13. Markov, V. N. 1992. In Starostin, P. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki zony vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada (Archaeological Sites in the Area of Water Reservoirs in the Volga-Kama Cascade)*. Kazan: Russian Academy of Sciences, Kazan Scientific Center, G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, 72–79 (in Russian).

14. Makhortykh, S. V. 1997. In Munchaev, R. M., Olkhovsky, V. S. (eds.). *Pamiatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na iuge Vostochnoi Evropy (Monuments of the Pre-Scythian and Scythian Periods in the Southern Part of Eastern Europe)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Research of Russian Archaeology) 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 4–13 (in Russian).

15. Ponomarev, P. A. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* III. Kazan, 323–325 (in Russian).

16. Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeritsy (The Cimmerians)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

17. Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

18. Khisiametdinova A. A., Chizhevsky, A. A. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* IV. Kazan: “Otechestvo” Publ., 376–379 (in Russian).

19. Chizhevsky, A. A. 2001. In Kazakov, E. P., Valiulina, S. I., et al. (eds.). *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Issues of the Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: Kazan State University, 30–36 (in Russian).

20. Chizhevsky, A. A. 2008. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).

21. Chizhevsky, A. A., Khisiametdinova A. A., Spiridonova E. A., Aleshinskaia A. S., Kochanova M. D., Asylgaraeva G. Sh. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inski mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: “Otechestvo” Publ., 241–262 (in Russian).

22. Chizhevsky, A. A., Khisiametdinova, A. A., et al. 2016. In Goldina, R. D. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Urala: ot pervykh otkrytii k fundamental'nomu nauchnomu znaniyu (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie) (Archaeological Heritage of the Urals: from First*

Discoveries to Fundamental Scientific Knowledge (20th Ural Archaeological Session)). Izhevsk, 189–192 (in Russian).

23. Chizhevsky, A. A., Shipilov, A. V. Kaplenko, N. M. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 50–70 (in Russian).

24. Chizhevsky, A. A., Shipilov, A. V. Kaplenko, N. M. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 10 (I). Tver: Tver State United Museum, 184–194 (in Russian).

25. Shtukenberg, A. A. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* III. Kazan, 330–334 (in Russian).

About the Authors:

Chizhevsky Anrdei A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Khisiamedtinova Asia A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; asiatat@yandex.ru

Spiridonova Elena A. Candidate of Geographical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; easpiridonova@mail.ru

Alecshinskaya Anna S. Candidate of Geographical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; asalesh@mail.ru

Kochanova Maria D. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; mdkochanova62@mail.ru

Статья поступила в номер 21.07.2017 г.

УДК 903.25

DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.3.21.244.258>

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ПИСЕРАЛЬСКО-АНДРЕЕВСКОГО ГОРИЗОНТА.

© 2017 г. В.В. Ставицкий

Статья посвящена периодизации древностей Андреевского кургана на основании разделения погребений на грунтовые и впускные. По мнению автора, признаком грунтового погребения следует считать наличие материкового выкида рядом с могильной ямой. С учетом планиграфии выделено две ранних и две поздних хронологических группы погребений Андреевского кургана. Набор инвентаря поздних захоронений существенно отличается, что, вероятно, было обусловлено притоком нового населения. Кроме того в поздних могилах зафиксированы римские импорты: проволочные гривны, браслеты, фибулы типа *Avcissa*. Эти вещи могли быть получены в результате участия местного населения в военных действиях против боспорского царя Митридата VIII (45–49 гг.), либо во время похода алан в Закавказье (72 г.). Ряд исследователей синхронизируют материалы Писеральских и Климкинских курганов с поздними погребениями Андреевского кургана, однако, в первых не зафиксировано античных импортов. Автор делает вывод о синхронности Писеральских и Климкинских курганов ранним погребениям Андреевского кургана.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, римское время, писеральско-андреевский горизонт, курганы, погребальный обряд, периодизация, сарматы, аорсы, античные импорты.

С момента открытия и раскопок Писеральского и Андреевского могильников вопросы их хронологии и периодизации постоянно находились в центре внимания исследователей. Историография данной проблемы достаточно подробно и объективно освещена в монографиях В.В. Гришакова и С.Э. Зубова (Гришаков, Зубов, 2009; Зубов, 2011), поэтому в нашей статье анализируются результаты только тех исследований, которые сохранили свою актуальность.

Наиболее аргументированная периодизация материалов Андреевского кургана была опубликована в монографии В.В. Гришакова и С.Э. Зубова (2009), в которой ими был представлен критический разбор предшествующих исследований по этой теме, большинство положений которого не

вызывает у нас возражений. Тем не менее отдельные вопросы нуждаются в уточнении.

Придерживаясь сложившейся традиции, В.В. Гришаков и С.Э. Зубов положили в основу своей периодизации деление погребений Андреевского могильника на грунтовые, совершенные до возведения насыпи кургана и впускные. Однако следует иметь в виду, что подобная дифференциация захоронений носит достаточно условный характер, поскольку при раскопках П.Д. Степанова соответствующих стратиграфических наблюдений не было сделано. Принадлежность погребения к грунтовым или впускным погребениям фактически определялась им по глубине и размерам могильных ям. При этом он даже допускал возможность того, что на-

сыпь была возведена сразу же после совершения первого захоронения на могильнике (погр. 25), вокруг которого в насыпь кургана были впущены остальные захоронения. Но в итоге П.Д. Степанов все же отнес к грунтовыми погребения 25, 37, 38, 50, 54, 55, 56 (Степанов, 1980, с. 5).

В.В. Гришаков и С.Э. Зубов разделили погребения на грунтовые и впускные с учетом корреляции погребального инвентаря, в результате которой к грунтовым погребениям были отнесены 25, 33, 34, 37/41, 38, 45, 46, 50, 51, 54, 55, 56 (Гришаков, Зубов, 2009, с. 42).

При отсутствии четких стратиграфических наблюдений надежным критерием для отнесения погребений к грунтовым может быть только наличие выкида материковой глины, поблизости с могильной ямой, поскольку при значительных размерах и глубине могильных сооружений не обнаружить подобного выкида просто нельзя. Подобные выкиды были зафиксированы П.Д. Степановым только рядом с погребениями: 25, 37/41, 38/39, 50 (Степанов, 1980, с. 5).

Еще одним важным признаком для определения очередности совершения погребений на памятнике является ориентировка могильных ям, поскольку на разных этапах существования могильника она изменялась. Древнейшее грунтовое погребение 25 было ориентировано головой на СВ. Такую же ориентировку имело и грунтовое погребения 50, которое либо было совершено одновременно, либо несколько позже, с дополнительной досыпкой кургана (рис. 1). Следует отметить, что подобные традиции досыпки курганов были зафиксированы А.Х. Халиковым при исследова-

нии Писеральских курганов (Халиков, 1962), поэтому закономерно предположить, что подобная практика могла иметь место и у этнически близкого населения, оставившего захоронения Андреевского могильника.

В близких хронологических рамках, вероятно, были совершены погребения, впущенные в насыпь кургана, которые имеют ту же северо-восточную ориентировку. Это погребения 37/41, 40, 46, 56, сгруппированные вокруг центральных захоронений 25 и 50. Все перечисленные захоронения следует относить к 1-й хронологической группе.

Следующая фаза существования могильника связана с совершением грунтовых погребений 38/39, 54, имеющих северную ориентировку. После их совершения курган, видимо, был снова досыпан. Следующие по времени погребения 33, 45, 55 были впущены в полы кургана, с учетом того, чтобы они не перекрывали ранее совершенных на могильнике захоронений, память о которых, вероятно, еще не была утрачена. Одно из этих погребений было ориентировано на север (п. 55), а два другие – на юг (п. 33, 45). Данные погребения составляют на могильнике 2-ю хронологическую группу.

Для выделения двух следующих стадий существования могильника данные планиграфического анализа уже не играют ведущей роли, поскольку четких закономерностей в изменениях ориентировки установить не удалось. Видимо, некоторое время после совершения погребений 2-й группы на могильнике продолжали хоронить умерших головой на север и юг, однако параллельно получает распространение традиция совершения

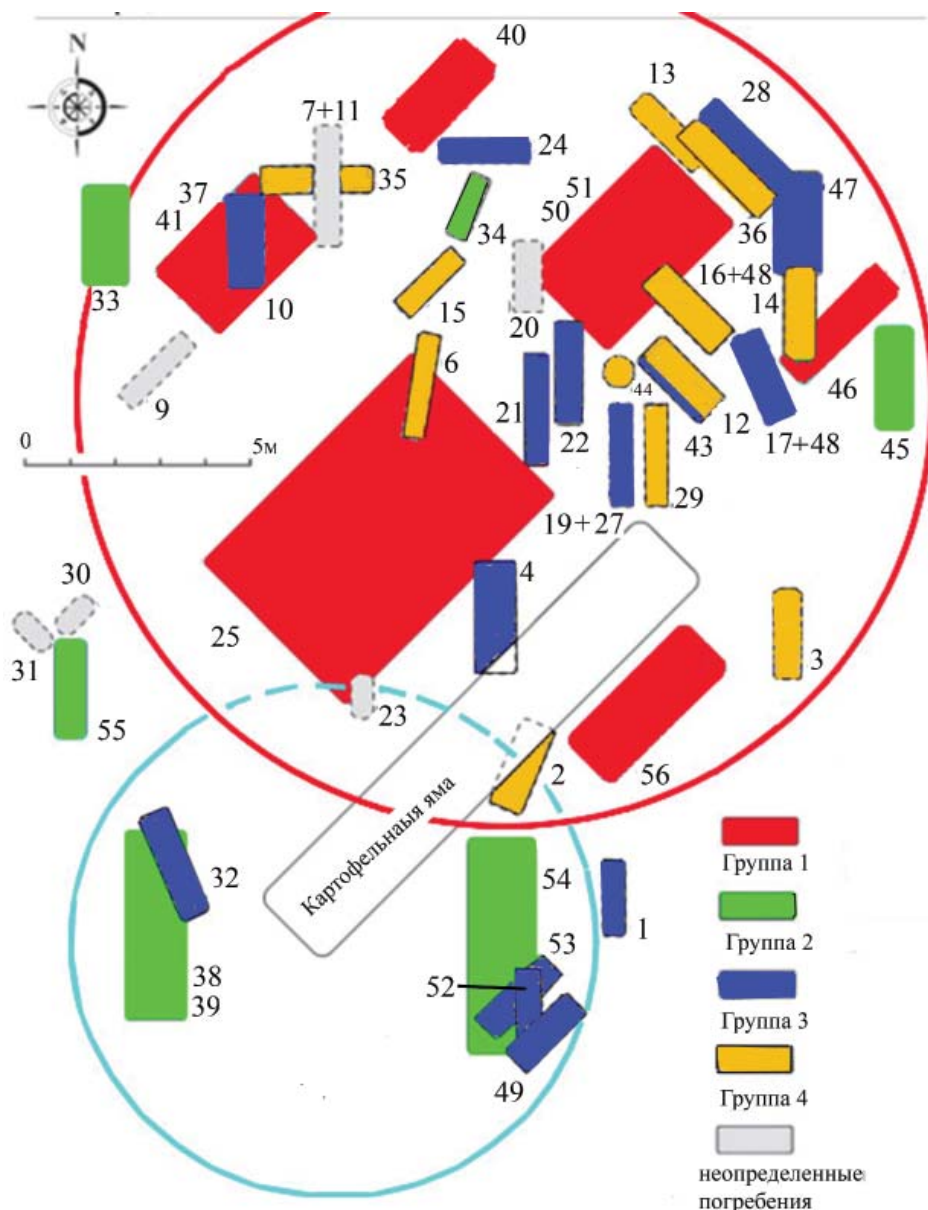

Рис. 1. План раскопок Андреевского кургана.

Fig. 1. Excavation layout of the Andreevka burial mound.

погребений, ориентированных головой на ЮВ, а несколько позже на СЗ.

Распределение погребений по 3-й и 4-й хронологическим группам возможно только с использованием методов корреляции погребально-инвентаря, что было сделано В.В.

Гришаковым и С.Э. Зубовым (2009), поэтому оно не нуждается в уточнении и было оставлено в неизменном виде.

Справедливость перегруппировки погребений 1-й и 2-й хронологических групп Андреевского могильника

была подтверждена корреляционными методами. Выделенные на основе планиграфических наблюдений группы погребального инвентаря приобрели более компактное распределение в корреляционной таблице, в сравнении с аналогичными данными из монографии В.В. Гришакова и С.Э. Зубова (2009, с. 154, рис. 29). В их таблице разница между группами составляла всего 8 признаков, а число совпадений достигало 69%, что свидетельствует о слабой дифференциации этих кластеров. Подобные значения коэффициентов сходства характерны для наборов артефактов единой группы.

В нашей таблице различия представлены 11 признаками, а число совпадений равно 38%, что вполне вписывается в величины, присущие материалам сопредельных кластеров (рис. 2). Кроме иной ориентировки погребенных, основные отличия 2-й хронологической группы заключаются в том, что в это время выходят из употребления: застежки с неподвижным язычком, крупные железные сюльгамы, накладки в виде парных клыков медведя, крупные пластинчатые бляхи с петельками для крепления, колчаные наборы с костяными стрелами и др. (рис. 3: 1–13).

Материалы 3-й и 4-й группы имеют ряд заметных отличий по сравнению с предшествующими группами. При этом их объединяет только 3 общих признака: бронзовые сюльгамы, ножи с горбатой спинкой, двушипные наконечники копий (рис. 4: 24, 29, 34). Сюда же следует добавить некоторые формы орудий и украшений, которые изменяются только частично, иллюстрируя развитие традиций местного населения.

В.В. Гришаков и С.Э. Зубов существенные различия между 2-й и 3-й группами объясняли резкой сменой этнокультурной среды, понимая под этим процессом утрату пришельцами своих культурных традиций. При этом они полностью отрицали наличие хронологической лакуны между ними на том основании, что во впускных погребениях могильника, совершенных над грунтовыми могилами, костяки умерших проседают в еще не успевшую осесть засыпку (Гришаков, Зубов, 2009, с. 41). Подобная картина действительно имеет место, но она фиксируется только при перекрытии погребений 2-й группы. В том случае если впускные погребения перекрывают погребения 1-й группы, к которой мы относим захоронения 25, 37/41, 40, 46, 50, 56, такого проседания костяков П.Д. Степановым не отмечено (Степанов, 1980, с. 8–25).

Под резкой сменой этнокультурной среды В.В. Гришаков и С.Э. Зубов, прежде всего, имели в виду воздействие местного населения на погребальный обряд и материальную культуру мигрантов (Гришаков, Зубов, 2009, с. 94). Однако никаких следов переживания местных традиций на западной территории распространения писеральско-андреевских памятников в настоящее время не зафиксировано (Ставицкий, 2015б). Поэтому более аргументированным представляется тезис о дополнительном притоке нового населения, которое могло иметь место как с территории Сурско-Свияжского междуречья (Мясников, 2016), так и из бассейна р. Белой (Ставицкий В.В., Ставицкий А.В., 2015).

В пользу данного предположения свидетельствуют находки в погребе-

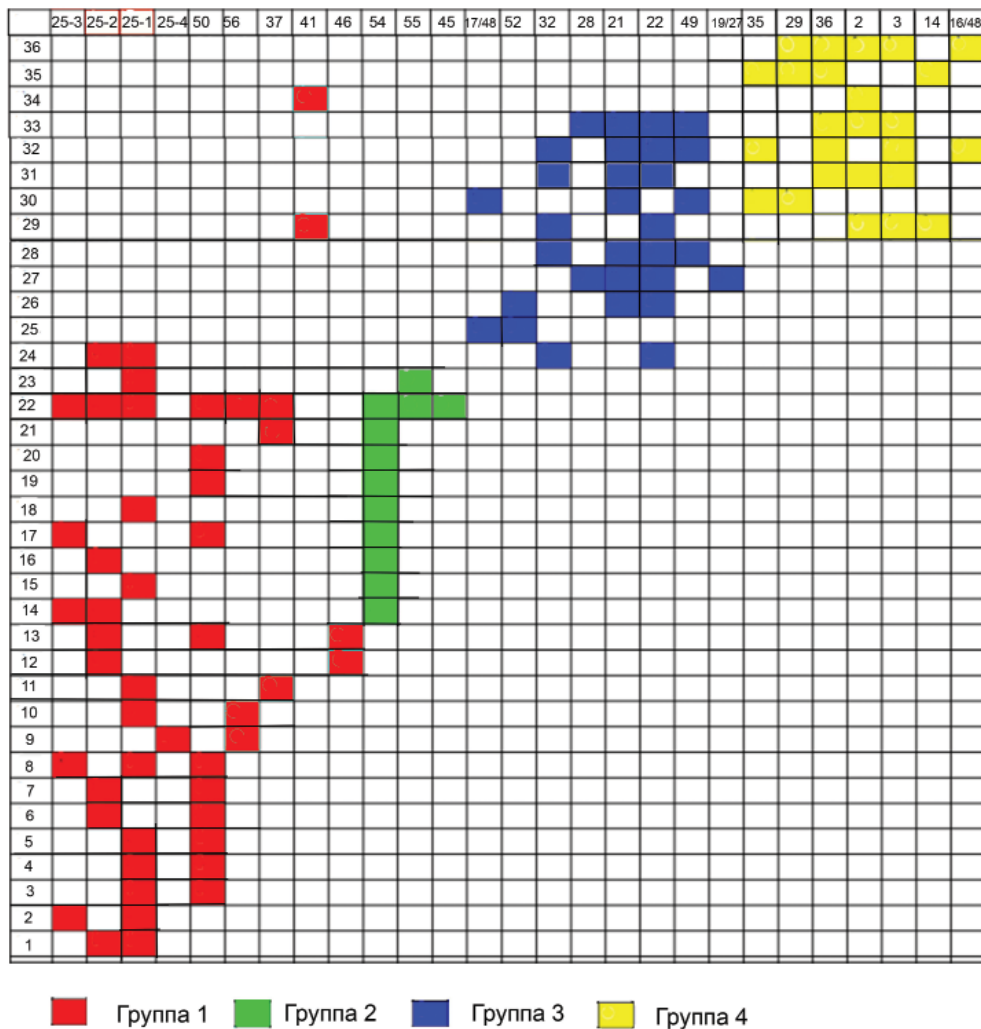

Рис. 2. Корреляционная таблица. Номера по вертикали соответствуют номерам на рисунках 3 и 4; по горизонтали – номера погребений.

Fig. 4. Correlation table. Vertical numbers correspond to Figure 2; 3; horizontally – number of burials.

ниях 3-й группы бронзовых застёжек с широкой рамкой треугольного сечения (рис. 4: 32), которые появляются на могильнике уже во вполне сформировавшемся виде. В то время как на территории Прикамья хорошо представлен процесс их эволюции, начало которого наглядно иллюстрируют материалы Тарасовского могильника. Подобные широкорамчатые застёжки

формируются здесь на основе пластинчатых блях, в центре которых пробиваются округлые отверстия и делаются радиальные прорезы (Голдина, 2003; Голдина, Сабилов, Сабилова, 2015, с. 216, илл. 227; Голдина, Бернц, 2016, с. 73, рис. 15: 55). На ранних застёжках Тарасовского могильника игла крепится к корпусу с помощью пробитого отверстия (Гол-

дина, Бернц, 2016, с. 61, рис. 7: 3), а в погребениях Ново-Сасыкульского могильника, как и на андреевских застежках, основание иглы обернуто вокруг рамки (Васюткин, Калинин, 1986, с. 112, рис. 14: 12). У ранних застежек рамка обычно плоская, а у более поздних изделий рифленая, имеющая треугольное сечение кольца (Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015, с. 216, илл. 227; Голдина, Бернц, 2016, с. 61, рис. 7: 3).

Впрочем, нельзя исключать возможности появления подобных застежек в результате развития сюльгам с плоским широким кольцом. Однако на Андреевском могильнике подобные сюльгамы зафиксированы только в самых поздних погребениях 4-й хронологической группы (Степанов, 1980, с. 97, рис. 50: 8, 9), то есть позже появления широкорамчатых застежек.

Хронология Андреевского могильника разработана В.В. Гришаковым и С.Э. Зубовым на основе анализа всей совокупности погребального инвентаря, однако опирается она, прежде всего, на находки римских импортов и состав античных бус в комплексах. Первую группу погребений (погр. 25) они датируют серединой I века, вторую – третьей четвертью I века (погр. 33, 34, 37/41, 38/39, 40, 45, 46, 50/51, 54, 55, 56). Погребения двух поздних групп, по их мнению, были совершены на протяжении последней четверти I – первой четверти II века (Гришаков, Зубов, 2009, с. 41–53). Данная хронология андреевских древностей представляется достаточно убедительной, но в связи с вышеописанной перегруппировкой ранних погребений могильника нуждается в уточнении.

Наиболее надежным репером, позволяющим установить время совер-

шения погребений на могильнике, являются античные импорты, которые практически не известны в ранних группах погребений, но зато широко представлены в более поздних захоронениях. Хронология данных импортов достаточно подробно проанализирована как В.В. Гришаковым, С.Э. Зубовым (2009, с. 41–53), так и рядом других авторов (Степанов, 1980, с. 44–45; Смирнов, 1992, с. 6; Вихляев, 2000, с. 45). Однако время бытования артефактов в культуре метрополии и варварской периферии может существенно различаться, поэтому достоверной может считаться только нижняя граница их бытования, раньше которой они не могли отложиться на памятнике.

Исследователи сарматских древностей Волго-Донского бассейна время массового распространения римских импортов на памятниках данного региона определяют второй половиной I века н. э. (Раев, 1992, с. 78–79; Симоненко, 2011, с. 158–159). Насыщенность сарматских могильников этого периода античными импортами может быть связана с двумя наиболее вероятными событиями. Первый эпизод – это участие племен сармато-аорского союза в военных действиях 45–49 гг. н. э. против бывшего боспорского царя Митридата VIII. В этой войне аорсы и их вероятные союзники выступили на стороне Рима. В результате проведения совместных боевых операций они могли перенять некоторые детали римского воинского костюма, о чем, например, свидетельствует распространение в сарматских могильниках фибул *Avcissa*. Кроме того, они, видимо, приняли участие в разграблении г. Успы и привезли на родину немало военных трофеев.

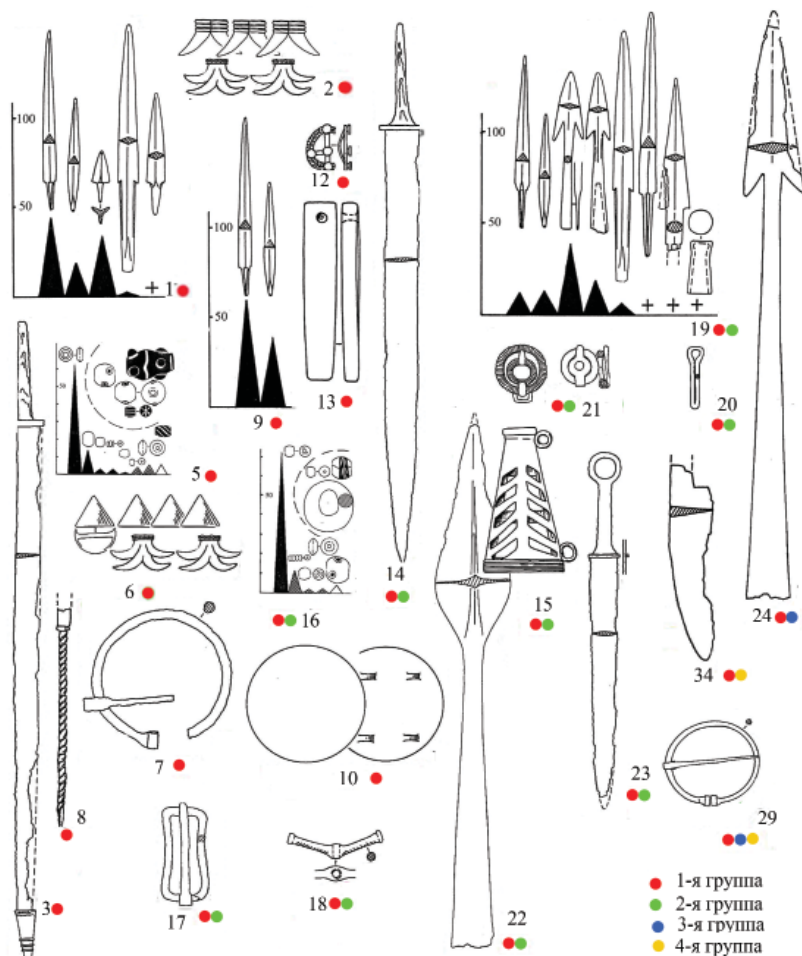

Рис. 3. Андреевский курган. Вещи ранних групп из мужских комплексов.

Номера рисунков соответствуют нумерации в таблице корреляции.

1 – наборы стрел модели 2а; 2 – поясные наборы модели 2; 3 – мечи 1 типа 2 группы; 4 – доспехи; 5 – ожерелья бус модели 4; 6 – поясные наборы модели 1; 7 – застёжки 1 типа 3 группы; 8 – железные штыри; 9 – наборы стрел модели 2б; 10 – полированные бляхи группы 2; 11 – «воинские трофеи»; 12 – пряжки 2 типа 1 группы; 13 – оселки; 14 – мечи 1 типа 1 группы; 15 – футляры наконечников копий; 16/10 – ожерелья бус модели 5; 17 – пряжки 3 типа 5 группы; 18 – ворворки 2 типа; 19 – наборы стрел модели 4; 20 – ворворки 1 типа; 21 – пряжки 3 типа 3 группы; 22 – копья типа 1а группы 1; 23 – кинжалы типа 1; 24 – копья 2 группы; 29 – застёжки 2 группы; 34 – ножи 1 типа (Рисунки и типы вещей по Гришакову В.В., Зубов С.Э., 2009).

Fig. 3. Andreevka burial mound. Objects of the earliest groups from the male complexes.

Numbers in the figures correspond to numbers in the correlation table.

1 – sets of arrows 2a model; 2 – belt sets 2 model; 3 – Swords 1 Type 2 group; 4 – armor; 5 – necklace beads model 4; 6 – belt sets model 1; 7 – 1 zipper type 3 group; 8 – iron pin; 9 – sets Model arrows 2b; 10 – polished metal plates Group 2; 11 – "military trophies"; 12 – buckle type 2 group 1; 13 – whetstones; 14 – type 1 Swords 1 group; 15 – Cases spear; 16/10 – necklace beads model 5; 17 – 3 buckle type 5 group; 18 – vorvorki type 2; 19 – arrows sets the model 4; 20 – vorvorki type 1; 21 – 3 buckle type 3 group; 22 – spears group 1 type 1a; 23 – daggers type 1; 24 – spears 2 groups; 29 – fastener 2 groups; 34 – knives, type 1 (Figures and types of objects – by Grishakov VV, Zubov S.E., 2009).

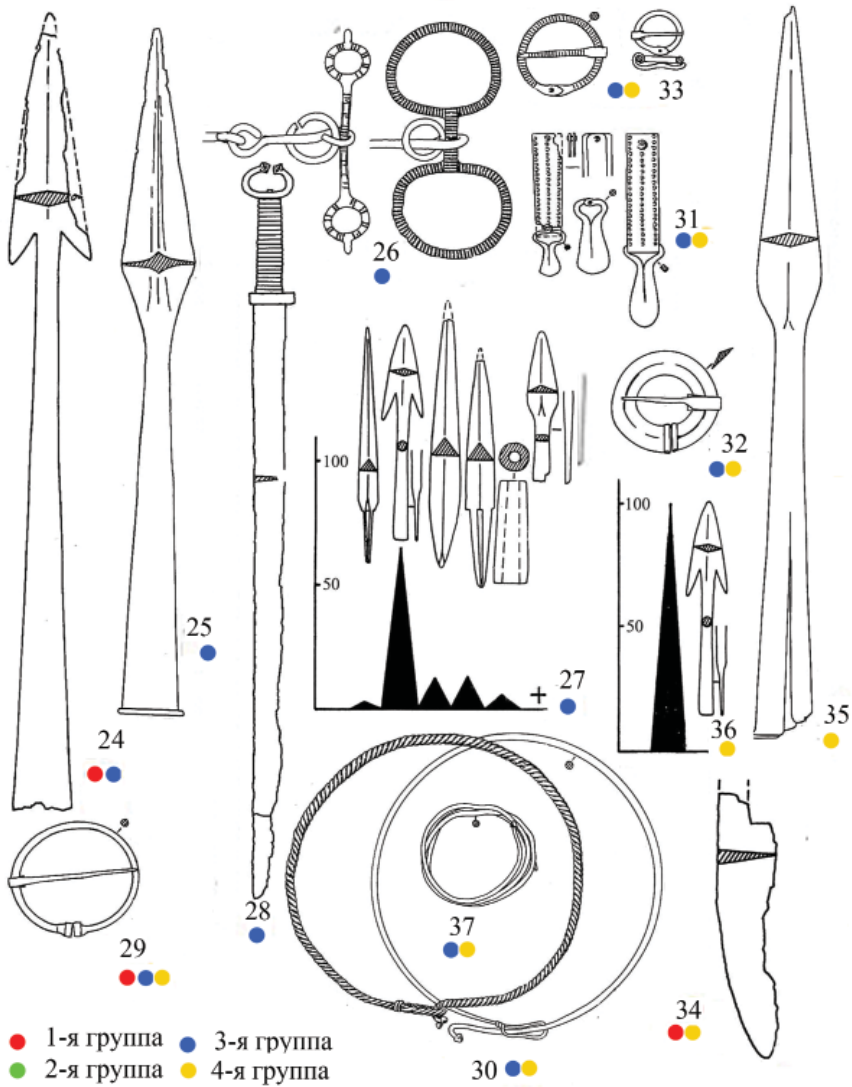

Рис. 4. Андреевский курган. Вещи поздних хронологических групп из мужских комплексов. Номера рисунков соответствуют нумерации в таблице корреляции.

24 – копья 2 группы; 25 – копья типа 2а группы 1; 26 – удила 2 типа; 27 – наборы стрел модели 1; 28 – однолезвийные мечи 2 типа; 29 – застёжки 2 группы; 30 – шейные гривны; 31 – поясные привески 2 типа; 32 – застёжки 1 группы; 33 – пряжки 1 типа 3 группы; 34 – ножи 1 типа; 35 – копья типа 2b группы 1; 36 – наборы стрел модели 5; 37 – браслеты 1 типа, из женских комплексов (Рисунки и типы вещей по Гришакову В.В., Зубов С.Э., 2009).

Fig. 4. Andreevka burial mound. Objects of the later chronological groups from the male complexes. Numbers in the figures correspond to numbers in the correlation table.

24 – spears 2 groups; 25 – spears group 1 type 2a; 26 – bit type 2; 27 – arrows kits model 1; 28 – single-edged swords of type 2; 29 – fastener 2 groups; 30 – cervical hryvnia; 31 – waist pendant type 2; 32 fasteners 1 group 33 – buckle type 1 3 groups; 34 – 1 type knives; 35 – spear type 2b group 1; 36 – arrows sets the model 5; 37 – 1 bracelets type of female complexes. (Figures and types of objects – by Grishakov V.V., Zubov S.E., 2009).

На наш взгляд, участие воинских соединений писеральско-андреевского населения в данных событиях наиболее вероятно (Ставицкий, 2013, с. 136–137). С перипетиями вышеизложенного конфликта Л.С. Клейн связывает появление в сарматских курганах Подонья богатых римских даров, полученных кочевниками в качестве дипломатических выплат за участие в военных действиях на стороне Рима (Клейн, 1979, с. 218).

Однако Б.А. Раев склонен связывать массовое распространение римских импортов в сарматских могильниках с другим эпизодом – походом алан в 72 г. н. э. на территорию Закавказья, в ходе которого ими была получена богатая добыча (Раев, 1992, с. 78–79). Наше предпочтение отдается первому эпизоду по той причине, что массовые импорты Андреевского кургана в большей степени связаны с территорией Северного Причерноморья. Это провололочные гривны со скользящей петлей и провололочные браслеты с шишечками на концах (рис. 4: 30, 37). Подобные гривны найдены в 9 погребениях (в 16,7% мужских и в 25% женских), а браслеты – в 5 (в 31% женских погребений). Еще 4 браслета происходят из разрушенных захоронений, 1 найден в засыпке мужской могилы. Сюда же следует отнести и находки фибул *Avcissa*, которые, по мнению А.В. Симоненко, как раз были привнесены в Северное Причерноморье римскими войсками, участвовавшими в военных действиях против Митридата VIII (Симоненко, 2011, с. 21–22). Следует отметить, что тонкопровололочные гривны и браслеты на сарматских памятниках встречаются достаточно редко. В классификации основных категорий предме-

тов сарматской культуры Поволжья А.С. Скрипкина данные о них отсутствуют (Скрипкин, 1990). К разряду достаточно редких находок подобные украшения относятся и на сарматских памятниках других регионов (Берлизов, 2011, с. 149, 163, 167). Согласно наблюдениям В.М. Зубаря сарматы не являются исконными носителями традиции ношения гривен. Распространение подобных украшений в Северном Причерноморье он связывает с влиянием романизованного населения Подунавья (Зубарь, 1987, с. 88).

Таким образом, слабая распространенность провололочных гривен и браслетов в сарматской среде ставит под сомнение реальность участия сарматов в их транзите на северные территории. Поэтому наиболее вероятным способом попадания античных импортов в захоронения Андреевского кургана следует признать прямые контакты с населением Боспорского царства.

Следует отметить, что с вышеописанными событиями, видимо, связана концентрация сходного набора импортов (в том числе и фибул *Avcissa*) в погребениях южной части Ново-Сасыкульского могильника. Время их появления здесь, вероятно, относится к последней четверти I в. н. э. Причем, судя по сосредоточению в этой части памятника погребений с находками оружия, на данный период приходится всплеск милитаризации ново-сасыкульского населения (Ставицкий, 2015б, с. 114–115). Вероятно, его представители также принимали участие в военных действиях на границах Римской империи, а не только получали античные импорты из третьих рук. Ряд дополнительных параллелей в материальной культуре Андреевско-

го и Ново-Сасыкульского могильников допускает возможность участия их населения в совместных военных мероприятиях. Во всяком случае, набор и характер поступления римских импортов к носителям этих памятников имеет целый ряд общих черт, что позволяет предполагать единовременность данных процессов.

Следует отметить, что возможность участия андреевского населения в вышеописанных событиях допускается также С.Э. Зубовым и О.А. Радюшем, которые полагают, что таким образом в андреевскую среду могли попасть воинские шлемы типа шпангхельм (Зубов, Радюш, 2014, с. 103). Заимствование этой категории защитного снаряжения представляется вполне очевидным, однако более вероятно, что данный процесс имел противоположенное направление.

Таким образом, хронологическая граница между ранними и поздними группами погребений Андреевского кургана, вероятно, приходится на середину I века. Сделанный вывод в целом подтверждает точку зрения В.В. Гришакова и С.Э. Зубова на хронологию андреевских древностей. Вместе с тем удреваются материалы погребений 2-й хронологической группы. Поскольку в них отсутствуют римские импорты, они не могут датироваться временем позже середины I в. н. э. Определенного удревления требуют и захоронения 1-й группы, которые могли быть совершены на могильнике во второй четверти I в. н. э.

Произведенный хронологический сдвиг снова поднимает вопрос о наличии возможной лакуны между погребениями ранних и поздних групп, который уже ставили в свое время К.А. Смирнов (1992, с. 6) и В.И. Вих-

ляев (2000, с. 45–46). Вероятность подобного разрыва допускается наличием существенных различий в наборе погребального инвентаря этих групп. Коэффициент сходства между ними по материалам мужских погребений равен всего 3,2%, по материалам женских – 22%. Не обусловлены ли подобные отличия участием мужского населения в военных мероприятиях длительного характера, проходивших на отдаленных территориях? Возвратившись, они привнесли новые элементы в свою материальную культуру.

Согласно сложившейся традиции ряд исследователей с поздними погребениями Андреевского кургана синхронизируют материалы Писеральских и Клишкинских курганов. Истоки подобных представлений восходят к датировке Писеральского могильника А.Х. Халиковым, который отнес его материалы к концу II – началу III вв. (Халиков, 1962, с. 136). Опираясь на эти даты, Г.А. Архипов и А.И. Шадрин еще более поздним временем (III–IV вв.) датировали 1-й Клишкинский курган (Архипов, Шадрин 1995, с. 119).

Однако В.И. Вихляев обратил внимание, что материалы Писеральских курганов гораздо ближе к грунтовым погребениям Андреевского могильника и только отдельные предметы, находят аналоги в материалах впускных погребений. Исходя из этих наблюдений он определил бытование Писеральских курганов временем: с середины I до середины II века. Более узким интервалом В.И. Вихляев датировал погребения 1-го Клишкинского кургана: вторая половина I – начало II века. Основанием для этого послужило еще меньшее сходство клишкинских материалов с артефактами

впускных погребений Андреевки (Вихляев, 2000, с. 49).

С грунтовыми захоронениями Андреевского могильника А.В. Михеевым были соотнесены исследованные им погребения 2-го Климкинского кургана (Михеев, 2007, с. 92). С андреевскими грунтовыми захоронениями А.В. Михеев и С.Э. Зубов синхронизировали погребения 1-го и 4-го Писеральских курганов. При этом они допустили возможность, что часть климкинских и писеральских погребений может относиться к более позднему времени, вплоть до середины III в. (Михеев, 2007, с. 92; Зубов, 2011, с. 84).

Ко II веку С.Э. Зубовым были отнесены депаспартизированные вещи из разграбленных погребений 1-го Пильнинского могильника, которые, по его мнению, тяготеют ко 2-й и 3-й хронологической группе погребений Андреевского кургана. В широких рамках I–III вв. им были датированы вещи из погребения 2-го Пильнинского грунтового могильника (Зубов, 2011, с. 85).

На наш взгляд, все погребения Климкинских и Писеральских курганов датируются временем не позже середины I века, поскольку в них отсутствуют римские импорты, весьма широко представленные в погребениях двух поздних групп Андреевского могильника. Данному предположению не противоречит и общий облик их погребального инвентаря, в котором отсутствуют вещи, специфичные только для поздних погребений Андреевки: широкорамчатые застежки с треугольным сечением рамки, круглопроволочные пряжки со склепанными кольцами, палаши с навершиями в виде рожек (рис. 4: 28, 32, 33). Данные

категории находок относятся к наиболее распространенным типам. Поэтому их полное отсутствие в климкинских и писеральских материалах можно объяснить только тем, что все погребения Климкино и Писерал синхронны ранним группам андреевских захоронений.

Определенные сомнения у нас имеются в отношении более ранней хронологической позиции 1-го и 4-го Писеральских курганов, так как их насыпи занимают окраинное положение в цепочке курганов, вытянутых по линии СЗ–ЮВ. Поскольку курганы сооружались последовательно, ранней может быть только одна из крайних насыпей, а не обе. При этом ранней хронологии 1-го кургана противоречит достаточно поздний облик поясного набора с железной пряжкой, подвижный язычок которой имеет расширение в средней части, что является поздним признаком. Судя по планиграфии Тарасовского могильника (Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015, с. 222, илл. 233), подобные пряжки появляются там не раньше конца I века. Причем сами исследователи памятника датируют время их бытования II веком (Голдина, Бернц, 2016, с. 71, рис. 14: 48).

С погребениями ранних групп Андреевского кургана в основном синхронизируются депаспартизированные материалы 1-го Пильнинского могильника, в которых представлены аналогичные застежки с полуовальным выступом на кольце, застежки с миндалевидной рамкой, прямоугольные броши с решетчатым перекрытием рамки и рядами округлых выступов на торцевой стороне, прямоугольные пряжки с вогнутыми сторонами, пряжки с рамчатым языч-

ком и др. (Зубов, 2011, рис. 35–37). Хронология данных находок явно не выходит за пределы I века, поэтому отнесение всех материалов I-го Пильнинского могильника ко II веку необоснованно. Артефакты II века на данном памятнике присутствуют, но они менее многочисленны.

Таким образом, Писеральский и Климкинский курганы, также как и ранние погребения Андреевского и I-го Пильнинского могильников датируются временем не позже середины I века. Их появление, видимо, было вы-

звано одними и теми же причинами и поэтому проходило в близких хронологических рамках. Данные памятники, на наш взгляд, иллюстрируют процесс масштабной миграции этнически неоднородного населения, разнообразие форм погребальной обрядности у которого сочеталось с единством материальной культуры. Подобная картина весьма характерна для событий эпохи великого переселения народов, начало которой в лесостепном Поволжье положили миграции писеральско-андреевского населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г.А., Шадрин А.И.* Исследование раннесредневековых курганов у с. Климкино // Новые материалы по археологии Поволжья / АЭМК. Вып. 24 / Науч. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола, 1995. С. 110–129.
2. *Берлизов Н.Е.* Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н. э. – V в. н. э. Ч. I. Краснодар: КГУКИ, Парабеллум, 2011. 320 с.
3. *Васюткин С.М., Калинин В.К.* Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95–122.
4. *Вихляев В.И.* Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Ист.-социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева, 2000. 132 с.
5. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
6. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 41–89.
7. *Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М.* Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 29. Казань, Ижевск: Институт археологии им. Халикова АН РТ, Удмуртский университет, 2015. 297 с.
8. *Гришаков В.В., Зубов С.Э.* Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / Археология евразийских степей. Вып. 7 / Отв. ред. В.А. Иванов. Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ; Самарский муниципальный институт управления, 2009. 173 с.
9. *Зубарь В.М.* Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков нашей эры (по материалам некрополя) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. / Отв. ред. Т.Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1987. С. 78–105.
10. *Зубов С.Э.* Военские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. 136 с.
11. *Зубов С.Э., Радюш О.А.* Шлемы Среднего Поволжья в среднесарматское время // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (12–15 мая 2014 г.) / Уфимский археологический вестник. № 14. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 94–104.

12. *Клейн Л. С.* О характере римского импорта в богатых курганах сарматского времени на Дону // *Античный мир и археология*. 1979. №. 4. С. 204–221.

13. *Михеев А.В.* Климкинский и Писеральский могильник (к проблеме идентификации) // *Проблемы первобытной и средневековой археологии Волго-Камья / АЭМК*. Вып. 30 / Ред. В.В. Никитин, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. С. 85–101.

14. *Мясников Н.С.* Археологические памятники первой половины I тысячелетия н. э. Сурско-Свияжского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск. 2015. 21 с.

15. *Раев Б.А.* Аланские походы в Закавказье. Археологические данные // *Киммерийцы и скифы: Тезисы докладов Международной научной конференции памяти А.И. Тереножкина*. Мелитополь, 1992. С. 78–79.

16. *Симоненко А.В.* Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 268 с.

17. *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 300 с.

18. *Смирнов К.А.* О времени Андреевского кургана // *Вопросы этнической истории Волго-Донья*. Материалы научной конференции / Отв. ред. А.З. Винников. Пенза, 1992. С. 3–6.

19. *Ставицкий А.В., Ставицкий В.В.* Актуальные вопросы изучения археологических памятников начала I тысячелетия н. э. Сурско-Свияжского междуречья // *NovaInfo.Ru*. 2015. Т. 2. № 39. С. 117–122.

20. *Ставицкий В. В.* Западный компонент в материалах Андреевского кургана // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2013. №. 3. С. 137–138.

21. *Ставицкий В.В.* К вопросу о хронологии погребений с фибулами Ново-Сасыкульского могильника // *Уфимский археологический вестник*. 2015б. № 15. С. 11–116.

22. *Ставицкий В.В.* Происхождение древнемордовской культуры // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2015. № 1 (33). С. 42–57.

23. *Степанов П.Д.* Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). Саранск: Мордовское книжное издательство, 1980. 108 с.

24. *Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // *Железный век Марийского края*. / Тр. МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1962. С. 7–187.

Информация об авторе:

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия), stawiczky.v@yandex.ru

THE ISSUE OF CHRONOLOGY AND PERIODIZATION OF SITES FROM THE PISERALY-ANDREEVKA HORIZON.

V. V. Stavitsky

The article considers the periodization of antiquities from the Andreevka burial mound based on a classification of burials into ground and inlet types. According to the author, the availability of the waste ground deposits in vicinity of the grave pit should be considered as an indicator of a ground burial. Considering the planigraphy, the authors identified two early and two late chronological burial groups of the Andreevka burial mound. The inventory of late burials is considerably different, which was presumably accounted for by the arrival of new population. Besides, the following Roman imported items have been discovered in late burials: wire torcs, bracelets and fibulas of the Avcissa type. These items could have been obtained as a result of the involvement of the local population in military activities

against the Bosporan king Mithridates VIII (45–49), or during a Trans-Caucasian campaign of the Alans (72). A number of researchers synchronize the materials from the Piseraly and Klimkino burial mounds with the late burials of the Andreevka mound, although the former do not contain ancient imported items. The authors conclude that the Piseraly and Klimkino burial mounds date back to the same period as the early burials of the Andreevka mound.

Keywords: archaeology, the Middle Volga Region, Roman period, the Piseraly and Andreevka horizon, burial mounds, funerary rite, periodization, the Sarmatians, the Aorsi, ancient imported items.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A., Shadrin, A. I. 1995. In Nikitin, V. V. (ed.). *Novye materialy po arkheologii Povolzh'ia* (New Materials on the Archaeology of the Volga Area). Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 24. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography Institute 110–129 (in Russian).
2. Berlizov, N. E. 2011. *Ritmy Sarmatii. Savromato-sarmatskie plemena Iuzhnoi Rossii v VII v. do n.e. – V v.n.e.* (Rhythms of Sarmatia. The Sarmatian and Sauromatian Tribes of Southern Russia in the 7th Century BC – 5th Century AD) I. Krasnodar: Krasnodar State University for Culture and Arts; “Parabellum” Publ. (in Russian).
3. Vasiutkin, S. M., Kalinin, V. K. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iax Beloi* (Archaeological Research in the Belaya Mouth Area). Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 95–122 (in Russian).
4. Vikhliaev, V. I. 2000. *Proiskhozhdenie drevnemordovskoi kul'tury* (Origins of the Ancient Mordovian Culture). Saransk: Institute for History and Social Sciences, Mordovia State University named after N. P. Ogarev (in Russian).
5. Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame* (Tarasovo Burial Ground of 1st–5th Centuries in the Middle Kama Region) II. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).
6. Goldina, R. D., Bernts, V. A., 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya* (Volga River Region Archaeology) 15 (1), 41–89 (in Russian).
7. Goldina, R. D., Sabirov, T. R., Sabirova, T. M. 2015. *Pogrebal'nyi obriad Tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Srednei Kame* (Funerary Rite in the Tarasovo Burial Ground from 1st–5th Centuries in the Middle Kama Area) III. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Viatka Archaeological Expedition) 29. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
8. Grishakov, V. V., Zubov, S. E. 2009. *Andreevskii kurgan v sisteme arkheologicheskikh kul'tur rannego zheleznoogo veka Vostochnoi Evropy* (Andreevka Burial Mound in the System of the Early Iron Age Archaeological Cultures of Eastern Europe). Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 7. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Samara Municipal Institute for Public Administration (in Russian).
9. Zubar, V. M. 1987. In Vysotskaia, T. N. (ed.). *Materialy k etnicheskoi istorii Kryma VII v. do n.e. – VII v. n.e.* (Materials on the Ethnical History of Crimea in 7th Century B.C. – 7th Century A.D.). Kiev: “Naukova dumka” Publ., 78–105 (in Russian).
10. Zubov, S. E. 2011. *Voinskie migratsii rimskogo vremeni v Srednem Povolzh'e (I–III vv.). Migratsionnye protsessy v formirovanii novoi etnokul'turnoi sredy po materialam arkheologicheskikh dannykh* (Warriors Migrations of the Roman Time in the Middle Volga Area (1st–3rd Centuries). Migrational Processes in the New Ethno-Cultural Milieu, by the Archaeological Data). Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing (in Russian).
11. Zubov, S. E., Radiush, O. A. 2014. In Yablonsky, L. T., Savelev, N. S. (eds.). *Sarmaty i vneshnii mir* (Sarmatians and the External World). Series: Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa

Archaeological Herald) 14. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, 94–104 (in Russian).

12. Klein, L. S. 1979. *Antichnyi mir i arkhologiiia (Ancient World and Archaeology)* 4, 204–221 (in Russian).

13. Mikheev, A. V. 2007. In Nikitin, V. V., Solov'ev, B. S. (eds.). *Problemy pervobytnoi i srednevekovoi arkhologii Volgo-Kam'ia (Piat' desiat let Mariiskoi arkhologicheskoi ekspeditsii) (Issues of the Prehistoric and Medieval Archaeology of the Volga – Kama Area: 50 Years of the Mari Archaeological Expedition)*. Series: *Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land)* 30. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute, 85–101 (in Russian).

14. Miasnikov, N. S. 2015. *Arkheologicheskie pamiatniki pervoi poloviny I tysiacheletia n. e. Sursko-Sviiazhsnogo mezhdurech'ia (Archaeological Monuments of the First Half of 1st Millennium A.D. at the Sura-Sviyaga Interfluve)*. PhD Thesis. Izhevsk (in Russian).

15. Raev, B. A. 1992. *Kimmeriitsy i skify: Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati A.I. Terenozhkina (The Cimmerians and Scythians: Abstracts of the International Research Conference in Memory of A. I. Terenozhkin)*. Melitopol, 78–79 (in Russian).

16. Simonenko, A. V. 2011. *Rimskii import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ia (Roman Import of the Sarmatians from the Black Sea Region)*. Saint Petersburg: Faculty of Filology, Saint Petersburg State University (in Russian).

17. Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia (problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt) (Sarmatia Asiatica: Issues of Chronology and Its Historical Aspect)*. Saratov: Saratov University (in Russian).

18. Smirnov, K. A. 1992. In Vinnikov, A. Z. (ed.). *Voprosy etnicheskoi istorii Volgo-Don'ia (Issues of Ethnic History of the Volga-Don Region)*. Penza: “AO «Povolzh'e»” Publ., 3–6 (in Russian).

19. Stavitskii, A. V., Stavitskii, V. V. 2015. *Aktual'nye voprosy izucheniia arkhologicheskikh pamiatnikov nachala I tysiacheletia n. e. Sursko-Sviiazhsnogo mezhdurech'ia (Current Issues of Studying Archaeological Monuments of Early 1st Millennium A.D. at the Sura-Sviyaga Interfluve)*. In *NovaInfo.Ru*. 2. No. 39, 117–122 (in Russian).

20. Stavitskii, V. V. 2013. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia. (Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia)* 3, 137–138 (in Russian).

21. Stavitsky, V. V. 2015. In *Ufimskii arkhologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 15, 11–116 (in Russian).

22. Stavitskii, V. V. 2015. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia. (Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia)* 1 (33), 42–57 (in Russian).

23. Stepanov, P. D. 1980. *Andreevskii kurgan. K istorii mordovskikh plemen na rubezhe nashei ery (Andreevka Burial Mound. On History of Mordovian Tribes at the Turn of the Common Era)*. Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

24. Khalikov, A. Kh. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: *Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 7–187 (in Russian).

About the Author:

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences. Penza State University. Lermontov St., 37, Penza, 440026, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

Статья поступила в номер 27.03.2017 г.

УЧАСТИЕ КАЗАНСКИХ АРХЕОЛОГОВ В РАБОТЕ МАРИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

© 2017 г. Г.И. Дроздова

В данной статье представлены материалы об участии казанских ученых-археологов: А.Х. Халикова, Е.А. Халиковой, П.Н. Старостина, Р.С. Габяшева, Т.А. Хлебниковой, Е.П. Казакова А.Г. Петренко и др. сотрудников в разведочных и стационарных работах Марийской археологической экспедиции, а также в изучении и систематизации полевого материала данной экспедиции. Работы Марийской археологической были начаты в 1956 году и продолжаются по настоящее время. Таким образом, автор отмечает, что многие казанские археологи выступали учителями в подготовке специалистов МАЭ, а отдельные исследователи из Казани, напротив, прошли школу Марийской археологической экспедиции. Все вышеперечисленные исследователи внесли определенный вклад в изучение древней и средневековой истории Марийского края.

Ключевые слова: археология, Марийская археологическая экспедиция, казанская школа археологии, бассейны рек Илеть и Казанка, Старше-Ахмыловский могильник, Мало-Сундырское городище.

Прошло 60 лет со дня образования Марийской археологической экспедиции (МАЭ). Для большинства обычных людей – это огромный отрезок времени, для археологов – небольшой период. В условиях интенсивного развития промышленности и сельского хозяйства, строительства новых городов, поселков, сел и деревень, многие археологические памятники просто уничтожались, поэтому их изучение в кратчайший срок было не только необходимо, но и настоятельно требовалось самой жизнью. Перед археологами стояла цель – провести сплошное обследование территории Марийской республики на предмет поиска археологических памятников, чтобы пролить свет на «белые пятна» истории края, истории народа. Первоначально предполагалось провести археологические работы за 4–5 полевых сезонов, но экспедиция продолжила свои исследования вплоть до настоящего времени. До начала

этих работ на территории Республики Марий Эл были известны лишь единичные археологические памятники. Систематическое целенаправленное изучение территории республики, охватившее все периоды древней истории марийского народа, началось с образования Марийской археологической экспедиции.

В работе этой экспедиции принимали участие и казанские ученые-археологи: А.Х. Халиков – кандидат исторических наук, в дальнейшем – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ; Е.А. Безухова (Е.А. Халикова) – сотрудник Горьковского областного музея, позже – кандидат исторических наук, преподаватель археологии в Казанском педагогическом институте, в Казанском государственном университете; П.Н. Старостин – студент Марийского государственного педагогического института, в дальнейшем – кандидат исторических

наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ КФАН СССР; Т.А. Хлебникова – сотрудник ИЯЛИ КФАН СССР; Е.П. Казаков – студент Казанского университета, позже доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИА АН РТ; Р.С. Габяшев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ КФАН СССР; Р.Г. Фахрутдинов – студент, в дальнейшем доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИЯЛИ КФАН СССР; Г.И. Дроздова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИА АН РТ.

Халиков Альфред Хасанович

Khalikov Alfred Kh.

(1929–1994 гг.)

Первые годы (в 1956–1957 гг.) экспедицию возглавлял кандидат исторических наук А.Х. Халиков. В составе МАЭ Альфред Хасанович работал с 1956 по 1969 г., а также в 1973–1974 гг., параллельно проводя работы в Казанской археологической экспедиции. Им лично было открыто и исследовано около 140 археологических памятников всех эпох данного региона (Никитин, 2009, с. 348–370).

Наиболее интенсивными в плане разведочных работ и поиска памятников оказались 1956–1958 годы. В 1956 г. А.Х. Халиков исследовал 58 археологических памятников, в 1957 – 25, в 1958 – 46, в 1959 – 1, 1960 – 1, 1961 – 2, 1962 – 3. Снижение активности разведочных работ в начале 60-х годов было связано с началом стационарных работ на таких уникальных памятниках, как Юнга-Кушергинская стоянка, Старший Ахмыловский могильник, Пепкинские курганы, Васильсурское городище. В 70-е годы появились свои подготовленные кадры археологов, которые вплотную занялись изучением родного края, казанским же археологам предстояло переключиться на исследование археологических памятников в своем регионе, тем более что предстоял грандиозный проект того времени – создание Археологической карты Татарстана.

В научном фонде музея археологии сохранились рукописные материалы, зарисовки керамики и другие полевые материалы из личного фонда А.Х. Халикова, полученные им при обследовании Майданской (рис. 2) и I Русско-Луговской стоянок, группы Отарских памятников и ряда др. А.Х. Халиковым был собран и проанализирован огромный материал по истории Среднего Поволжья. К данным материалам можно отнести планы и описания памятников, огромное количество рисунков и зарисовок керамики и прочих индивидуальных находок – кремневых изделий. Часть этих материалов вошла в его докторскую диссертацию (Халиков. НФ МА РТ. Ф. 1. Оп. 1.2. Д. 4. Т. 6; Оп. 1.3. Д. 8. Т. 1, 3).

В первый год работы МАЭ исследования проводились в восточных районах Республики Марий Эл, в бас-

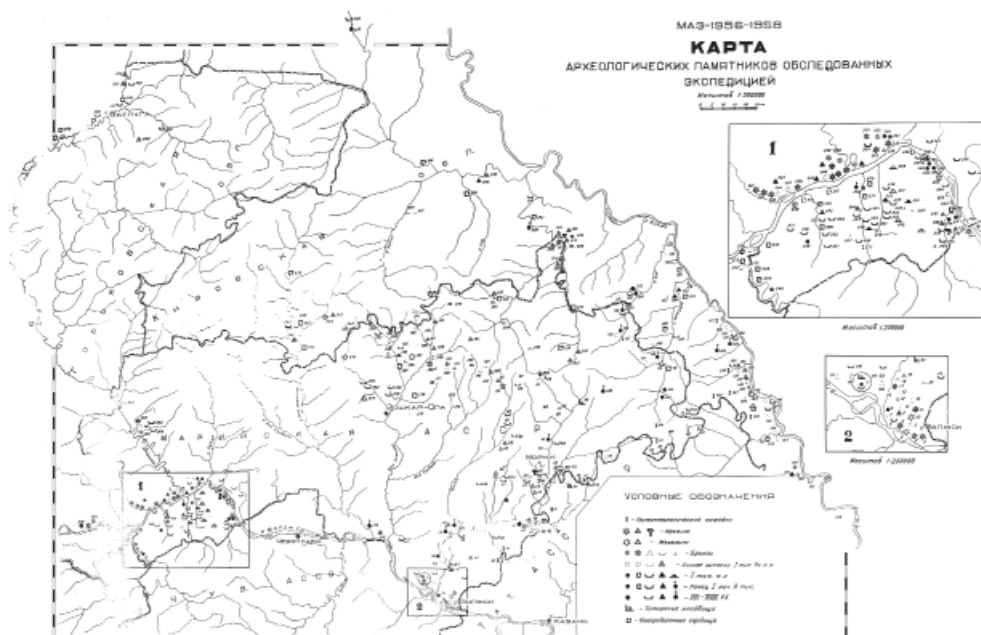

Рис. 1. Карта археологических памятников, обследованных экспедицией МАЭ в 1956–1958 гг.

Fig. 1. Map of archaeological sites investigated by Mari Archaeological Expedition in 1956–1958.

сейне рек Илеть и Казанка. В 1957 г. осваивалась центральная часть Марийской республики, в основном, абашевские памятники: Тапшерский, Мало-Кугунурский, Великопольский могильники. В 1958 году исследовались западные районы республики (рис. 1). А.Х. Халиковым были продолжены раскопки Акозинского могильника, была открыта Юнга-Кушергинская верхнепалеолитическая стоянка и Васильсурское городище (Халиков, Халикова, 1963). В начале 60-х годов под руководством А.Х. Халикова были начаты раскопки уникального памятника эпохи раннего железного века – Старшего Ахмыловского могильника (Халиков, Патрушев, 1982). В хронологическом отношении обследованные памятники охватывают эпоху от позднего палеолита до XVII–XVIII вв., т. е. памятники, которые уже можно с уверенно-

стью связать с данными письменных источников.

Все археологические материалы, полученные в результате разведок и раскопок, были исследованы и опубликованы в ряде трудов, среди которых три выпуска «Материалов к археологической карте Марийской АССР» (Архипов, Халиков, 1960), дополнения к «Атласу археологических памятников Республики Марий Эл» (Архипов, Никитина, 1993). Цель этих публикаций – ввести в научный оборот новые археологические памятники, которые могли бы служить надежной источниковедческой базой в изучении истории древнего населения Марийского Поволжья. А.Х. Халиков попытался создать периодизацию и хронологию археологических памятников Марийского Поволжья согласно развитию истории населения соседних областей (Халиков, 1969).

Рис. 2. Майданская стоянка, 1956 г.

Fig. 2. Maidan site, 1956.

А.Х. Халиков, на основе полученных в экспедициях материалов, изложил свою научную концепцию развития мезо-неолитических племен в регионе и высказал предположение о раннем заселении средневожского левобережья. Им были исследованы Старо-Мазиковская стоянка, Русско-Луговские, Полянские, Удельно-Шумецкие стоянки и выделены два комплекса: с ямочно-гребенчатой керамикой, которую А.Х. Халиков связал с волго-окским неолитом; с гребенчатым и накольчатым орнаментом – с восточным (камским) неолитом (Халиков, 1960, 1969). Не все исследователи приняли концепцию А.Х. Халикова о выработке волго-камской культуры на базе местного «докерамического» неолита с его схемой периодизации культуры. Дискуссия до

сих пор имеет место быть. Он дал общую характеристику культуре, включающую традиции степного и лесного неолита. В.В. Никитин в дальнейшем продолжил работу над этой проблемой и подтвердил гипотезу местного формирования средневожского варианта волосовской культурно-исторической общности, занимающей территорию от Среднего Поволжья до верховий р. Волги (Никитин, 2007, с. 7).

Материалы, полученные Альфредом Хасановичем с поздне-неолитических памятников, позволили ему прийти к схеме происхождения и развития позднейших волосовских племен в регионе.

Одной из любимых тем А.Х. Халикова была тема этногенеза финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья. Он принимал участие

во всех научных конференциях, симпозиумах, полевых семинарах, посвященных этой тематике. Впервые в Казанском университете, а позднее и в Марийском, А.Х. Халиков читал курс лекций «Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья». В итоге была опубликована книга, посвященная этногенезу финно-угорских народов Поволжья и Приуралья (Халиков, 1991, 105 с.). Материалы, собранные по этой тематике, а также несколько вариантов монографий по этногенезу народов Поволжья и Урала хранятся в научном фонде музея археологии (Халиков. НФ МА РТ. Ф. 1. Оп. 1.7. Д. 116).

А.Х. Халиков внес значительный вклад в изучение истории Марийского края, им опубликовано более 160 научных работ.

**Халикова (Безухова) Елена
Александровна
Khalikova (Bezukhova) Elena A.
(1930–1977 гг.)**

В 50–60 гг. XX в. Е.А. Безухова, сотрудница Горьковского областного музея, принимала участие в исследовании памятников различных эпох в

составе МАЭ. В 1957 году Е.А. Безухова под руководством А.Х. Халикова участвовала в раскопках 3-х памятников, одним из которых был Веселовский могильник, в 1958 г. – в раскопках II Васильсурского городища (Халикова. НФ МА РТ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 13). Она также проводила разведочные работы по берегам р. Оки от устья р. Теши до города Павлова в пределах ряда районов (Халиков А.Х., Халикова Е.А., 1963). В 1960 г. переехала в Казань, стала женой и соратником А.Х. Халикова – была и справедливым критиком, и горячим сторонником многих его идей. В 1960 году А.Х. Халиков и Е.А. Безухова обследовали абашевские памятники: II Виловатовскую курганную группу и Пепкинский курган. Е.А. Халикова приняла непосредственное участие в дискуссионных вопросах о хронологических границах маклашевского этапа приказанской культуры.

В соавторстве с А.Х. Халиковым была издана монография «Материалы к древней истории Поволжья» (Халиков, Безухова, 1960), в которой опубликованы материалы Веселовского могильника, ставшего одним из основных памятников для изучения этноса и культуры населения Марийского Поволжья X–XI вв. «Богатый материал погребений позволил исследователям реконструировать малоизученные в науке этнические процессы, вопросы взаимоотношения марийского населения с уграми и тюркоязычными кочевниками в IX–XI вв. Женский костюм, восстановленный на материалах одного из погребений, долгое время украшал экспозицию Нижегородского (Горьковского) историко-архитектурного музея-заповед-

ника» (Валиулина, Кочкина, Хузин, 2015, с. 325).

Труды Е.А. Халиковой посвящены в основном средневековой археологии и истории Восточной Европы. Всю свою короткую жизнь она посвятила исследованию язычества и распространения ислама среди волжских булгар.

Старостин Петр Николаевич
Starostin Petr N.
(1936–2012 гг.)

Родился 24 июля 1936 года в д. Пинжинерь Мари-Турекского района Марийской АССР (ныне Республика Марий Эл). В 1955 году поступил в Марийский государственный пединститут на исторический факультет. В 1956 году, будучи студентом 2-го курса, выехал с МАЭ (Старостин, 2009, с. 6). Первые годы работы, как отмечал Петр Николаевич, были очень сложными, не хватало опыта и знаний. Он проводил археологические разведки, опрашивая местное население и осматривая местность. В 1957 году П.Н. Старостин уже руководил разведочным отрядом. Только к 1958 году была освоена методика поиска памятников в лесных районах. Результатом стало открытие ряда древних поселений в западной части Марийской АССР.

После окончания педагогического института в 1960 году П.Н. Старостин поступил на работу в Марийский республиканский краеведческий музей, где подготовил экспозицию по древней и средневековой истории Марийского края (в 1960–1961 гг.). Экспозиция просуществовала несколько десятков лет. В этом же году П.Н. Старостиным было исследовано 16 археологических памятников разных эпох. В научном фонде Института археологии РТ сохранились полевые дневники П.Н. Старостина по результатам археологических разведок за 1957–65 гг. (Старостин. НФ МА РТ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 43, 44, 65). В 1961 – первой половине 1962 года Петр Николаевич работал ассистентом на кафедре истории Марийского государственного педагогического института, а летом 1962 года поступил в аспирантуру ИЯЛИ КФАН СССР и продолжил свои исследования уже на территории Татарстана.

В 1974 году П.Н. Старостин совместно с В.В. Никитиным провели разведки в лесной зоне бассейна реки Большой Кокшаги, левого притока реки Волги в пределах Медведевского, Килемарского, Звениговского районов Марийской АССР (Старостин. НФ МА РТ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 87, 123; Никитин, Старостин, 1978). Трудности в выявлении новых археологических памятников заключались в том, что они располагались в глухих лесных массивах, а также в отсутствии подготовленных разведочных групп для проведения работ в подобных условиях. Было обнаружено 17 археологических памятников, 8 – можно отнести в основном к волосовской культуре, 2 – к эпохе бронзы, 5 – к неолиту, 1 – древнемарийский, 1 – неопределенный.

**Хлебникова Тамара
Александровна
Khlebnikova Tamara A.
(1928–2001 гг.)**

Т.А. Хлебникова – старший научный сотрудник ИЯЛИ КФАН СССР. В 1957 году изучала памятники I тыс. н. э.: Верхнерегежское и Кузнецовское городища в бассейне р. Лаж, предполагая, что они могли быть культовыми сооружениями. В 1957 году совместно с А.Х. Халиковым, В.Ф. Генингом, Е.А. Безуховой она провела стационарные раскопки на 18 памятниках: Кубашевское поселение, Синцовский курган и др. памятники. В 1958, 1964 гг. исследовала Мало-Сундырское городище (XIII–XIV вв.) в Горномарийском районе Марийской АССР. За последний год раскопок ею было получено и проанализировано 2336 фрагментов посуды. Из них, по ее мнению, лишь 4 фрагмента принадлежат болгарским гончарным сосудам. Остальные происходят от местной посуды гончарной и лепной выделки. Т.А. Хлебникова изучила керамический материал и пришла к выводу о сохранении в глиняной посуде городища таких древних черт марийского гончарства, как примесь шамота и раковины, формовка горловины у лепных сосудов этой фактуры в виде цилиндра и рас-

труба, оформление края сосудов этих форм закруглением без утолщения и прямым срезом, почти полное отсутствие орнамента. Большинство керамического материала местного производства свидетельствует о значительном развитии местного гончарства при активной роли русских. При сохранении традиционной фактуры (с примесью шамота и раковины) сосуды различаются по форме. Большая разница между диаметром тулова и горловиной, резче изгиб венчика, разнообразнее форма венчика и, конечно, иные технические качества. В материале многочисленнее и выразительнее представлена гончарная керамика из глины с песком, которая не только профилировкой и орнаментом, но и фактурой очень близка славянской керамике северных и северо-восточных районов Руси, что позволяет говорить о возможном изготовлении ее собственно русским населением по их традициям (Хлебникова. НФ МА РТ. Ф. 5. Оп. 2-Н. Д. 115). Т.А. Хлебникова внесла свой значительный вклад в исследование памятников на территории Марий Эл, особенно в области изучения керамического материала.

**Габяшев Рустем Султанович
Gabiashev Rustem S.
(1941–2010 гг.)**

Р.С. Габяшев с 1975 года, практически ежегодно, принимал активное участие в работах МАЭ. Без раздумий откликнулся он на приглашения принять участие в разведочных или стационарных работах на территории Марий Эл. В 1976 году в составе разведочного отряда МАЭ под руководством Т.Б. Шикаевой он исследовал археологические памятники в бассейне реки Малый Кундыш. В 1980 г. участвовал в исследованиях Дубовской стоянки ранненеолитического времени и поселения у д. Отары (неолит). Еще не один сезон он участвовал в совместных работах с В.В. Никитиным на неолитических памятниках: Дубовском VIII поселении (ранний неолит), Дубовском XII поселение (неолит), на раскопках Дубовского древнемарийского могильника в экспедиции Т.Б. Шикаевой, совместно работал с Б.С. Соловьевым на абашевском кургане у д. Кугунур, на волосовских поселениях у д. Майдан в экспедиции В.В. Никитина.

Казakov Евгений Петрович
Kazakov Evgenii P.
(род. 1934 г.)

В 1959 году, являясь студентом 2-го курса казанского государственного университета, Казakov Е.П. принимал участие в раскопках памятника

Галанкина Гора в Юринском районе Марийской республики, а также других стоянок эпохи бронзы.

Фахрутдинов Равиль
Габдрахманович
Fakhrutdinov Ravil' G.
(1937–2014 гг.)

Р.Г. Фахрутдинов принимал участие в работах МАЭ в 1959 году, будучи студентом I курса Казанского педагогического института.

Дроздова Галина Ивановна
Drozdova Galina I.
(род. 1953 г.)

Дроздова Г.И., старший лаборант в ИЯЛИ КФАН СССР, принимала участие в совместной экспедиции МАЭ под руководством Шикаевой Т.Б. Цель экспедиции – выявление и определе-

ние этнокультурной принадлежности и датировки «черемисских кладбищ», расположенных на территории Арского района Татарии, также принимала участие в работе МАЭ в Горномарийском районе Марийской республики в раскопках позднесредневековых кладбищ XVI–XVIII вв.

Кроме вышеперечисленных казанских археологов, в работе МАЭ принимали участие Аксенова Н.Д., студентка Валева Д.К.

В разные годы к работе в составе МАЭ привлекались и специалисты в области естественных наук: антрополог И.Р. Газимзянов, археозоологи А.Г. Петренко, О.В. Богаткина, Г.Ш. Асылгараева, металловед С.В. Кузьминых. А.Г. Петренко опубликован ряд научных статей по фауне памятников волосовской культу-

ры, Малахайского поселения (эпохи раннего железа – I тыс. до н. э.) с территории Марий Эл (Петренко, 1977, с. 96–101, 167–174). Ей принадлежит исследование о формировании животноводческой деятельности на территории лесной зоны Среднего Поволжья (Петренко, 1989, с. 149–173).

Таким образом, можно отметить, что многие казанские археологи выступали учителями в подготовке специалистов МАЭ, отдельные, напротив, прошли школу Марийской археологической экспедиции, принимали непосредственное участие в разведочных и стационарных раскопках археологических памятников на территории Марийской республики, в обработке полевого материала. Все они внесли свой вклад в изучение истории населения Марийского края.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Архипов Г.А., Никитина Т.Б.* Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Вып. 2. Ранний железный век и средневековье / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1993. 152 с.
2. *Архипов Г.А., Халиков А.Х.* Материалы к археологической карте Марийской АССР (по данным Марийской археологической экспедиции 1956–1959 гг.). Вып. 1 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 130 с.
3. *Валулина С.И., Кочкина А.Ф., Хузин Ф.Ш.* Поиски и открытия Е.А. Халиковой в археологии Волго-Камья (к 85-летию со дня рождения) // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 324–332.
4. *Никитин В.В.* Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2009. 415 с.
5. *Никитин В.В.* Пятьдесят лет Марийской археологической экспедиции // Влияние природной среды на развитие древних сообществ / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 2007а. С. 3–19.
6. *Никитин В.В., Старостин П.Н.* Материалы к археологической карте Марийской АССР. (каталог памятников). Вып. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство. 1978. 105 с.
7. *Петренко А.Г.* К вопросу исследования исторических особенностей формирования животноводческой деятельности на территории лесной зоны Среднего Поволжья // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища / АЭМК. Вып. 15 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1989. С. 149–173.
8. *Петренко А.Г.* К истории фауны памятников волосовской культуры с территории Марийской АССР // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 2 / Ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1977. С. 96–101.

9. *Петренко А.Г.* Остеологический комплекс Малахайского поселения // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 2 / Ред. Г.А. Архипов. Йошкар–Ола: МарНИИ, 1977. С. 167–174.

10. *Старостин П.Н.* Материалы к отчету: выписки из отчета Чебоксарской археологической экспедиции ИА АН СССР (рукопись). Казань, 1970 / НФ МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 87.

11. *Старостин П.Н.* Моя биография // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: сб. ст. к 70-летию П.Н. Старостина / Археология евразийских степей. Вып. 10 / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 5–17.

12. *Старостин П.Н.* Полевые дневники. Казань, 1957, 1958, 1965 / НФ МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф. 14, оп. 1, д. 43, 44, 65.

13. *Старостин П.Н., Никитин В.В.* Отчет. Разведки в лесной зоне бассейна реки Большой Кокшаш. Казань, 1974 / НФ МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф. 14, оп. 1, д. 123.

14. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

15. *Халиков А.Х.* Материалы к дисс. ...докт. ист. наук (рукопись). Казань, 1965 / НФ МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф. 1. Оп. 1.3. Д. 8. Т. 1, 3.

16. *Халиков А.Х.* Материалы к дисс. ...канд. ист. наук. Рукопись. Казань, 1956 / НФ МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф. 1. Оп. 1.2. Д. 4. Т. 6

17. *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды МАЭ. Т. I. Йошкар–Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 187 с.

18. *Халиков А.Х.* Материалы к работе Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Великая Венгрия между Волгой и Уралом. Кн. 2 (рукопись). Казань, 1991–93 / НФ МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф. 1. Оп. 1.7. Д. 116.

19. *Халиков А.Х.* Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Часть I. Происхождение финноязычных народов (Учебное пособие). Казань: изд-во Казан. ун-та, 1991. 108 с.

20. *Халиков А.Х., Безухова Е.А.* Материалы к древней истории Поветлужья (археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 году). Горький, 1960. 60 с.

21. *Халиков А.Х., Патрушев В.С.* Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.

22. *Халиков А.Х., Халикова Е.А.* Васильсурское поселение эпохи бронзы / МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 239–268.

23. *Халикова Е.А.* Материалы к статье Васильсурское поселение эпохи бронзы (совм. с А.Х. Халиковым) (рукопись). Казань, 1963 / НФ МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 13

24. *Хлебникова Т.А.* Отчет об археологических исследованиях Сундырского городища в Горно-Марийском районе Марийской АССР в 1964 г. Казань, 1965 / НФ МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 115.

Информация об авторе

Дроздова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gid27@mail.ru

KAZAN ARCHAEOLOGISTS PARTICIPATE
IN MARI ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION

G. I. Drozdova

The article contains materials on the participation of Kazan scientists and archaeologists A.Kh. Khalikov, E.A. Khalikova, P.N. Starostin, R.S. Gabyashev, T.A. Khlebnikova, E.P. Kazakov and other specialists in the surveying and stationary activities of Mari Archaeological Expedition, as well as in the research and systematization of field material obtained by the expedition. The activity of Mari Archaeological Expedition began in 1956 and continues until the present day. Thus, as noted by the author, many Kazan archaeologists participated in the training of expedition specialists, and individual Kazan researchers, on the contrary, were educated by Mari Archaeological Expedition. All aforesaid researchers made a certain contribution into the study of the ancient and medieval history of Mari Land.

Keywords: archaeology, Mari Archaeological Expedition, Kazan archaeological school, basins of the Ilet and Kazanka rivers, Elder Akhmylovo burial ground, Malo-Sundyri settlement.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A., Nikitina, T. B. 1993. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Atlas arkheologicheskikh pamiatnikov Respubliki Marii El (Atlas of Archaeological Sites of the Republic of Mari El) 2. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e (Early Iron Age and Middle Ages)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
2. Arkhipov, G. A., Khalikov, A. Kh. 1960. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Materialy k arkheologicheskoi karte Mariiskoi ASSR (po dannym Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1956–1959 gg.) (Materials for the Archaeological Map of the Mari Autonomous Republic: by the reports of the Mari Archaeological Expedition, 1956–1959)* 1. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
3. Valiulina, S. I., Kochkina, A. F., Khuzin, F. Sh. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (14), 324–332 (in Russian).
4. Nikitin, V. V. 2009. *Arkheologicheskaya karta Respubliki Marii El (Archaeological Map of the Mari El Republic)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskii poligraficheskoe-izdatel'skii kombinat” Publ. (in Russian).
5. Nikitin, V. V. 2007. In Nikitin, V. V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh soobshchestv (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 3–19 (in Russian).
6. Nikitin, V. V., Starostin, P. N. 1978. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Materialy k arkheologicheskoi karte Mariiskoi ASSR (katalog pamiatnikov) (Materials for the Archaeological Map of the Mari Autonomous Republic: Catalogue of Sites)* II. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
7. Petrenko, A.G. 1989. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Arkheologicheskie raboty 1980–1986 godov v zone Cheboksarskogo vodokhranilishcha (Archaeological Activities of 1980–1986 in the Area of Cheboksary Reservoir)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 15. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 149–173 (in Russian).
8. Petrenko, A.G. 1977. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Iz istorii i kul'tury volosovskikh i anan'inskikh plemen Srednego Povolzh'ia (Concerning the History and Culture of Volosovo and Ananyino Tribes from the Middle Volga Region)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 2. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 96–101 (in Russian).
9. Petrenko, A.G. 1977. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Iz istorii i kul'tury volosovskikh i anan'inskikh plemen Srednego Povolzh'ia (Concerning the History and Culture of Volosovo and Ananyino Tri-*

bes from the Middle Volga Region). Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 2. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 167–174 (in Russian).

10. Starostin, P. N. 1970. *Materialy k otchetu: vypiski iz otcheta Cheboksarskoi arkheologicheskoi ekspeditsii IA AN SSSR (Report Materials: Extracts from a Report by Cheboksary Archaeological Expedition of the Institute of History under the USSR Academy of Sciences)* Manuscript. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 14. Inv. 1, dossier 87 (in Russian).

11. Starostin, P. N. 2009. In Bugrov, D. G. (ed.). *Drevniia i srednevekovaia arkheologiya Volgo-Kamii (Prehistoric and Medieval Archaeology of the Volga and Kama Rivers Region)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 10. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 5–17 (in Russian).

12. Starostin, P. N. 1957, 1958, 1965. *Polevye dnevniki (Field Books)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 14. Inv. 1, dossiers 43, 44, 65 (in Russian).

13. Starostin, P. N., Nikitin, V. V. 1974. *Otchet. Razvedki v lesnoi zone basseina reki Bol'shoi Kokshash. (Report. Surveys in the Forest Area of the Bolshaya Kokshaga River Basin)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 14. Inv. 1, dossier 123 (in Russian).

14. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

15. Khalikov, A. Kh. 1965. *Materialy k diss. ... dokt. ist. nauk. (Materials for Doct. Diss. Thesis)* Manuscript. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 1. Inv. 1.3, dossier 8, vol. 1, 3 (in Russian).

16. Khalikov, A. Kh. 1956. *Materialy k diss. ...kand. ist. nauk. Materials for PhD Diss.* Manuscript. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 1. Inv. 1.2, dossier 4, vol. 6 (in Russian).

17. Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniiu istorii naseleniia Srednego Povolzh'ia i Nizhnego Prikam'ia v epokhu neolita i bronzy (Materials for the Study of the History of Population of the Middle Volga and Lower Kama Regions in the Neolithic and Bronze Age)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) I. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

18. Khalikov, A. Kh. 1991–93. *Materialy k rabote Osnovy etnogeneza narodov Srednego Povolzh'ia i Priural'ia. Velikaia Vengriia mezhdou Volgoi i Uralom. Kn. 2. (Materials for Publication Fundamentals of the Ethnogenesis of Middle Volga and Cis-Ural Peoples. Great Hungary between the Volga and the Urals. Book 2)* Manuscript. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 1. Inv. 1.7, dossier 116 (in Russian).

19. Khalikov, A. Kh. 1991. *Osnovy etnogeneza narodov Srednego Povolzh'ia i Priural'ia. Chast' I. Proiskhozhdenie finnoiazychnykh narodov (Uchebnoe posobie) (Fundamentals of the Ethnogenesis of Middle Volga and Cis-Ural Peoples)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

20. Khalikov, A. Kh., Bezukhova, E. A. 1960. *Materialy k drevnei istorii Povetluzh'ia (arkheologicheskie issledovaniia v Vetluzhskom raione Gor'kovskoi oblasti v 1957 godu) (Materials on the Ancient History of the Vetluga River Area: Archaeological Investigations in the Vetluga District, Gorky Oblast, in 1957)*. Gorky (in Russian).

21. Khalikov, A. Kh., Patrushev, V. S. 1982. *Volzhskie anan'intsy: (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (Volga Ananyino People (Elder Akhmylovo Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

22. Khalikov, A. Kh., Khalikova, E. A. 1963. In Tretyakov P. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 110. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 239–268 (in Russian).

23. Khalikova, E. A. 1963. *Materialy k stat'e Vasil'surskoe poselenie epokhi bronzy (sovm. s A.Kh. Khalikovym) Materials for Article Vasilsursk Settlement of the Bronze Age (in Collaboration with A. Kh. Khalikov)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 7. Inv. 1, dossier 13 (in Russian).

24. Khlebnikova, T. A. 1965. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiaakh Sundyrskogo gorodishcha v Gorno-Mariiskom raione Mariiskoi ASSR v 1964 g. (Report on the Archaeological Research of Sundyr Settlement in the Gornomariysky District of the Mari USSR in 1964)* Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 5. Inv. 2, dossier 115 (in Russian).

About the Author:

Drozdova Galina I. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; gid27@mail.ru

Статья поступила в номер 23.01.2016 г.

**МАТЕРИАЛЫ II МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОСТЮМ: РЕСТАВРАЦИЯ,
РЕКОНСТРУКЦИЯ, РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ» (20-22 АПРЕЛЯ 2016 Г., КАЗАНЬ)**

УДК902/904

DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.3.21.272.279>

**МЕЛКИЕ АКСЕССУАРЫ ГОЛОВНОГО УБОРА ЖЕНЩИНЫ
ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ:
МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ**

© 2017 г. Е.В. Куприянова

В статье анализируется группа аксессуаров женского головного убора эпохи бронзы. Костюм женщины эпохи бронзы Южного Зауралья представлен почти исключительно украшениями и комплексами украшений. Проблемами реконструкции костюма являются практически полное отсутствие органической составляющей, частое ограбление погребальных комплексов, воздействие тафономических процессов. Проведенная автором серия тафономических экспериментов позволила выявить определенные тенденции в разрушении сложных украшений в процессе археологизации последних. При изучении этих материалов были выявлены серии артефактов, которые могли являться частями мелких аксессуаров головного убора (заколок, гребней). Автор отмечает, что до сих пор данные серии артефактов эпохи бронзы не рассматривались исследователями как остатки мелких аксессуаров женских головных уборов. В этой связи проведенная автором работа по реконструкции деталей головного убора с применением анализа тафономических процессов и соответствующих экспериментов имеет определенное методическое значение.

Ключевые слова: археология, эпоха бронзы, Южное Зауралье, женский костюм, украшения, головной убор, тафономия, гребень, заколка.

Основной проблемой исследования женских палеокостюмных комплексов эпохи бронзы Южного Зауралья является практически полное отсутствие органической основы. Климатические и почвенные условия региона не способствуют сохранению ткани, дерева, кожи и других органических материалов. При этом ограбление могил в древности приводит к тому, что сложные комплексы украшений, аксессуары, бисерная обшивка, лишенные скрепляющей основы, оказываются представленными скоплением разрозненных мелких деталей. Реконструкции деталей костюма помогают немногочисленные находки

украшений *in situ*, позволяющие по аналогии восстановить морфологию украшений, а также взятие сохранившихся частей монолитом, их расчистка и реставрация в лабораторных условиях (Куприянова, 2007).

Нами была проведена также серия экспериментов по изучению тафономизации комплексов украшений головного убора (наблюдения за движением копий украшений при разрушении макетов тела человека из снега при таянии и из бумаги под воздействием огня), продемонстрировавших сходные принципы разрушения комплексов украшений, что позволяет говорить о наличии определенных

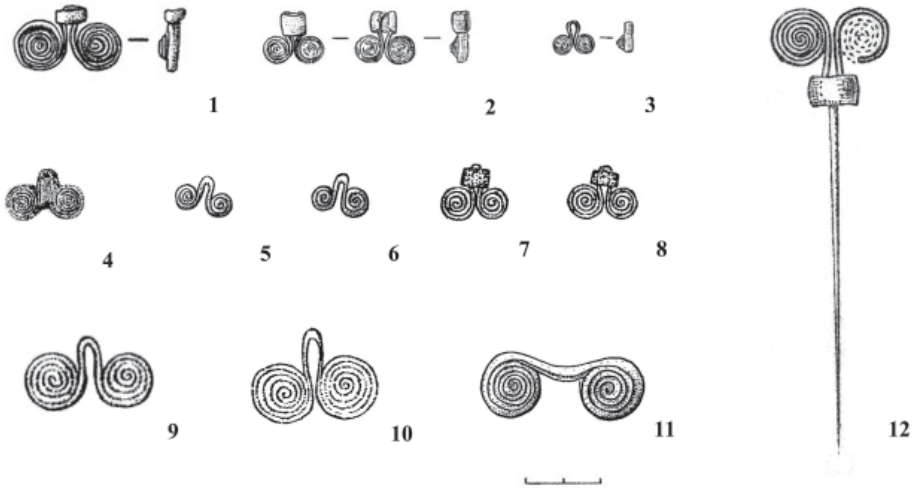

Рис. 1. Очковидные подвески эпохи бронзы: 1 – могильник Степное VII, я. 64; 2 – мог. Степное VII, я. 63; 3 – мог. Степное VII, я. 68 (по: Куприянова, Зданович, 2015, рис. 103; 102; 95); 4 – мог. Алексеевский, п. 13; 5 – мог. Алыпкаш, раскоп 2, п. 1; 6 – мог. Алыпкаш, к. 32, п. 1; 7–8 – мог. Актобе 2, огр. 5, п.; 9 – мог. Нуртай, огр. 4а, п. 2; 10 – мог. Актобе 2, огр. 2; 11 – мог. Алыпкаш, к. 32, п. 1 (по: Куприянова, 2008, рис. 12); 12 – составная бронзовая булавка, мог. Петропавловский, к. 6 (по: Оразбаев, 1958, рис. 30).

Fig. 1. Spectacles-shaped pendants of the Bronze Age: 1 – Stepnoe VII burial ground, pit 64; 2 – Stepnoe VII burial ground, pit 63; 3 – Stepnoe VII burial ground, pit 68 (by Kupriyanova, Zdanovich, 2015, Fig. 103; 102; 95); 4 – Alekseevsky burial ground, burial 13; 5 – Alypkash burial ground, excavations 2, burial 1; 6 – Alypkash burial ground, barrow 32, burial 1; 7–8 – Aktobe 2 burial ground, fence 5, burial; 9 – Nurtai burial ground, fence 4a, burial 2; 10 – Aktobe 2 burial ground, fence 2; 11 – Alypkash burial ground, barrow 32, burial 1 (by Kupriyanova, 2008, Fig. 12); 12 – composite bronze pin, Petropavlovsky burial ground, barrow 6 (by Orazbaev, 1958, Fig. 30).

тенденций перемещения украшений при разрушении органических материалов (Куприянова, 2010, с. 132). Эксперименты показали, что *наибольшей* трансформации были подвержены комплексы украшений в той части, что находится в *соприкосновении* с мягкими тканями. Можно предположить, что это соответствует реальным процессам тафономизации: украшения, находящиеся в *соприкосновении* с телом погребенного, вовлечены в процессы активного разрушения мягких тканей и подвержены большему перемещению. Украшения, не входящие в *соприкосновение* с телом (накосяники, части лицевых подвесок),

сохраняют изначальное положение неорганических деталей *in situ* при медленном разрушении органической основы. Мелкие украшения, закрепленные *на общей основе* (низки бус, обойм и т.п.), сохраняли свою структуру и напоминали в целом комплексы украшений, зафиксированные при раскопках. Мелкие украшения, нашитые/закрепленные *по отдельности*, со стороны пола сохраняли положение, более близкое к первоначальному; те же украшения с верхней части макета сдвигались вниз, образуя беспорядочное, но компактное скопление. В целом для всех комплексов украшений было характерно сохранение более

близкого к первоначальному положению в нижней части, примыкающей к полу, и намного более заметное перемещение сверху. В процессе разрушения *не происходило* значительного перемещения в целом всего скопления/комплекса украшений относительно места первоначальной локализации. Результаты проведенных экспериментов могут использоваться для интерпретации при реконструкции костюмов комплексов.

Набор украшений эпохи средней-поздней бронзы Южного Зауралья (основные культуры – синташтинская, петровская, алакульская, отчасти срубная и федоровская) представлен большим количеством артефактов, которые можно поделить на *самодостаточные* (перстни, браслеты, гривны) и существующие *только в наборах или как части сложных гарнитуров* (подвески различной формы, обоймы, бусины, накладки и пр.). При этом назначение отдельных деталей, их функция, расположение, взаимодействие с другими деталями остаются часто не всегда понятными.

Наиболее точному восстановлению подлежат крупные комплексы украшений головного убора, состоящие из большого количества деталей из бронзы, пасты, кожи, ткани. К ним относятся накосные украшения и лицевые подвески. В компоновке этих типов украшений существуют определенные культурные стандарты, позволяющие полностью или частично реконструировать украшение из ограбленного погребения на основе имеющихся примеров неповрежденных комплексов. Менее успешно подвергаются восстановлению нагрудники, сами головные уборы (начельные ленты, шапочки, покрывала), обшив-

ка бисером ворота, рукавов и подола, в расположении декора которых, по всей видимости, не применялись шаблоны. Компоновка отдельных деталей в таких комплексах индивидуальна либо отражает локальные традиции. В целом, они встречаются в погребениях нечасто.

Практически без внимания исследователей остаются мелкие аксессуары женского костюма эпохи бронзы, которые в силу плохой сохранности часто воспринимаются как ряд отдельных предметов. При исследовании могильников синташтинской, петровской и алакульской культур у с. Степное Пластовского района Челябинской области нами был обнаружен ряд артефактов, встречающихся и на других памятниках данного культурно-хронологического диапазона, которые могут быть интерпретированы как мелкие аксессуары головного убора.

Женский головной убор эпохи бронзы, по имеющимся источникам, реконструируется как начальная лента или шапочка, к которой иногда крепятся простые украшения в виде височных колец и подвесок, или сложные композиции в виде накосников и лицевых подвесок (Куприянова, 2008; Усманова, 2010). Реконструируются и более простые виды накосных украшений, которые могли существовать самостоятельно – косоцветки (Куприянова, 2015). Тем не менее существует вероятность, что в женской прическе могли использоваться для укладки волос и иные аксессуары – заколки, гребни. Однако о существовании таких украшений в эпоху бронзы Южного Зауралья до сих пор почти не говорилось.

В литературе нами было обнаружено единственное упоминание о

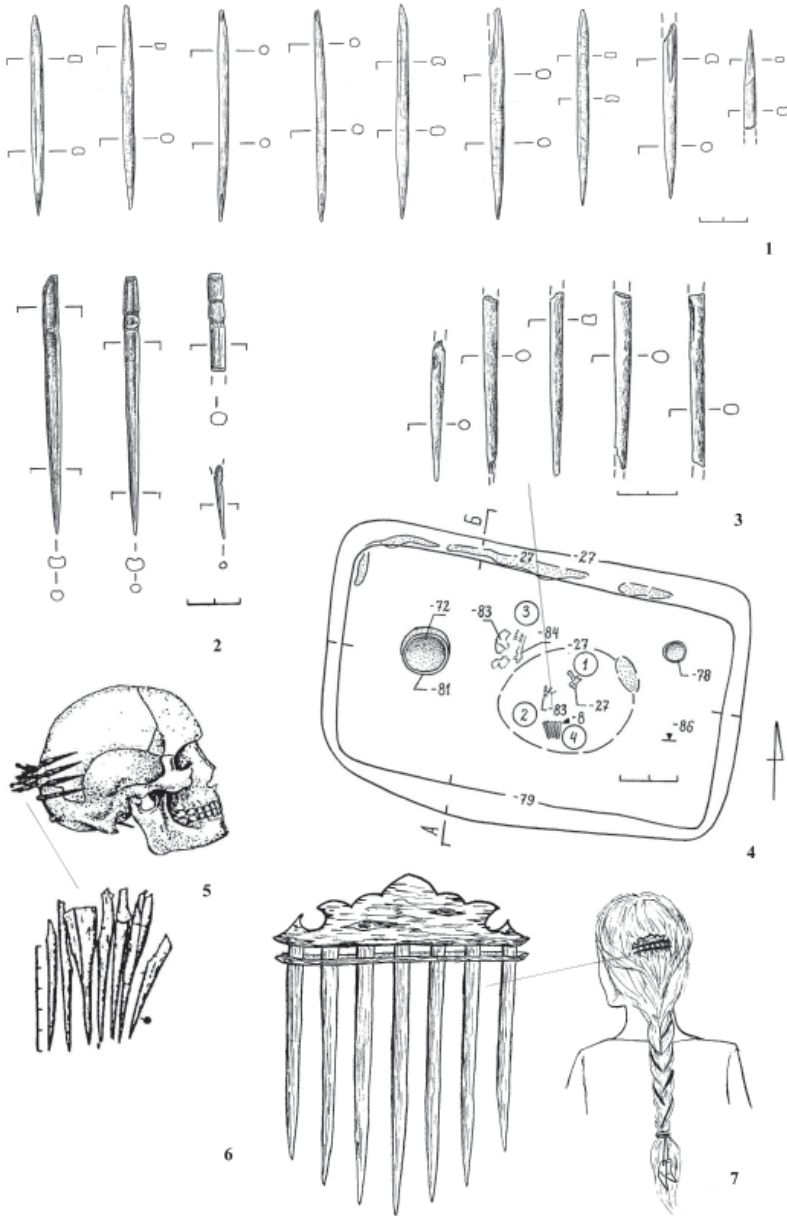

Рис. 2. Наборы костяных палочек из погребений эпохи бронзы:

1 – погребение 1 кургана 7 мог. Степное-1; 2 – погребение 12 кургана 4 мог. Степное-1; 3–4 – погребение 59 мог. Степное VII (набор артефактов и его расположение в погребении); 5 – использование спиц как частей составного гребня в погребениях срубной КИО (по: Цимиданов, 2004, с. 157, рис. 36.2); 6–7 – возможная реконструкция составного гребня и способа его ношения.

Fig. 2. Sets of bone sticks from burials of the Bronze Age: 1 – burial 1, barrow 7, Stepnoe-1 burial ground; 2 – burial 12, barrow 4, Stepnoe-1 burial ground; 3–4 – burial 59, Stepnoe VII burial ground (set of artifacts and its location in the burial); 5 – application of needles as parts of a composite comb in burials of the Srubnaya cultural and historical community (by Tsimidanov, 2004, p. 157, Fig. 36.2); 6–7 – probable reconstruction of a composite comb and one of its wearing options.

находке подобия заколки (Оразбаев, 1958) – очевидная подвеска с прикрепленной металлической иглой из мог. Петропавловский (рис. 1: 12), которая явно использовалась в качестве заколки для волос или фибулы для одежды. Очевидные подвески являются типичными находками в погребениях эпохи бронзы (рис. 1: 1–11). Вполне очевидно, что они имели полифункциональное значение. Зафиксировано их использование в качестве украшения нагрудников (Зданович, Куприянова, 2008). Однако изучение материалов могильника Степное VII показало, что единичные украшения в комплекте с обоймой в ряде погребений располагались в районе черепа погребенных детей (Куприянова, Зданович, 2015, рис. 95, 102–103). Зафиксированная в мог. Петропавловский аналогия позволяет предполагать, что в этом случае украшение использовалось также как заколка (возможно, для шапочки), только прикрепляемая игла была не металлической, а деревянной. Как аргумент того, что очевидные подвески использовались в качестве заколок (шпилек) служит не только частое их расположение в районе черепа, но и факт их обычного нахождения в комплекте с обоймой, которая явно служила для прикрепления подвески к чему-либо (в данном случае, к деревянному или бронзовому стержню). Использование их в качестве фибул также возможно, но менее вероятно ввиду отсутствия в женском костюме данного периода, в соответствии с реконструкциями, элементов одежды, которые нуждаются в данном аксессуаре.

Другим типом находок, не имеющих четкой интерпретации, являются наборы костяных палочек, встречаю-

щиеся в погребениях. Находки этих артефактов нередки в памятниках срубной КИО. Исследователи интерпретируют их как наборы орудий прядения или вязания и остатки гребней (Цимиданов, 2004, с. 157, рис. 36; с. 168, рис. 58). В представленных в работе В. Цимиданова наборах костяных палочек из погребений срубной КИО их количество колеблется от 5 до 8. В одном случае найденный *in situ* набор палочек не оставляет сомнения в его использовании в качестве гребня (рис. 2: 5).

В памятниках средней-поздней бронзы Южного Зауралья подобные артефакты никогда не рассматривались в качестве гребней. Нами были изучены три набора костяных палочек, изготовленных из расщепленной лучевой кости животного, найденных в погребальных комплексах у с. Степное (рис. 2: 1–3). Два набора, происходящих из синташтинских погребений мог. Степное-1 в количестве 9 и 3 штук (рис. 2: 1–2), были обнаружены в ограбленных погребениях в разрозненном состоянии, один, в количестве 5 штук – в верхних слоях детского погребения алакульской культуры, судя по всему, был положен на перекрытие (рис. 2: 3–4). В этом случае костяные спицы лежали вместе в ряд параллельно друг другу острыми концами в одном направлении. Изучение внешнего вида палочек из наборов показало, что их длина вряд ли предполагает их использование в качестве вязальных спиц (самые длинные экземпляры не превышают 10 см). Трасологическое исследование показало, что на внешней поверхности имеются следы лощения, нанесенные при изготовлении изделий, но отсутствуют следы активного трения и изнашивания, сде-

ланные в процессе работы изделиями. Тупые торцевые концы в двух наборах (рис. 2: 1; 3) обломаны, в одном имеются по две параллельные бороздки, явно предназначенные для крепления к чему-либо. Все указанные признаки позволили сделать предположение, что исследованные наборы костяных палочек являются не инструментами для прядения, а составными частями гребней для закрепления прически. Вполне вероятно, что костяные спицы крепились в некую органическую (деревянную, кожаную?) основу. Именно с ее разрушением и связана, по всей вероятности, утрата торцевых концов предметов. На рис. 2: 6–7 показана возможная реконструкция изделия и способа его ношения.

Толщина спиц указывает на то, что гребень мог использоваться именно для закрепления прически, но не для расчесывания волос. Подобные составные гребни могли являться прообразами цельных костяных гребней со сложной резьбой, зафиксированных в более поздний период у племен раннего железного века. К сожалению, степень сохранности погребений не позволяет понять, в каком контексте находились данные предметы.

В памятниках эпохи бронзы Южного Зауралья достоверно подтвержденные находки расчесок и гребней отсутствуют. Очевидно, техника резьбы по кости не позволяла изготавливать цельнокостяные экземпляры, но внимание, с которым относились к украшению волос, заставляет предполагать, что эти аксессуары все же имелись в арсенале женщин, но изготавливались из органических материалов и не сохранялись. Отсутствие находок гребней непосредственно при погребенных не дает возможности четких

реконструкций их использования, но аналогии, приводимые в памятниках срубной КИО, сходные по морфологии и найденные в контексте, делают предложенную интерпретацию вполне вероятной. Присутствие составных гребней в погребальном обряде может отражать их символическую роль в каких-либо ритуалах. Гребни как магические предметы фигурируют во многих индоевропейских волшебных сказках, их связь с женскими волосами повышает их семантическую нагрузку и делает их принадлежностью женской магии, которая приписывалась волосам, прическе, головному убору женщины (Гаген-Торн, 1933).

Еще один возможный вариант использования костяных палочек – в качестве шпильки для закалывания волос – также не следует исключать.

Для эпохи бронзы, как и более ранних периодов, чрезвычайно характерной является полифункциональность вещей, использование их для различных целей, поэтому предположение о выполнении какой-либо вещью определенной функции совершенно не исключает возможности ее использования в ином контексте. Предлагаемые варианты интерпретации некоторых предметов как аксессуаров для прически являются лишь гипотезой. Тем не менее отсутствие в памятниках эпохи бронзы Южного Зауралья других артефактов, которые можно было бы трактовать как гребни и заколки, делает это предположение, на наш взгляд, вполне вероятным. Костюмные комплексы эпохи бронзы Южного Зауралья являются одними из самых сложных среди архаичных костюмов. Заложенные в них традиции находят свое отражение на более высоком технологическом уровне у многих индо-

европейских, финно-угорских, тюркских народов, населявших просторы Центральной Евразии в более позднее время. Наибольший успех исследованиям палеокостюмных комплексов эпохи бронзы обеспечивает применение широкого спектра методов, включающего эксперименты, поиск аналогий, реставрацию, реконструкцию, различные виды анализов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаген-Торн Н.И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // СЭ. 1933. № 5–6. С. 76–88.
2. Зданович Г.Б., Куприянова Е.В. Погребения с украшениями из могильников бронзового века Северного Казахстана // Куприянова Е. В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: АвтоГраф, 2008. С. 186–203.
3. Куприянова Е.В. Женский костюм эпохи бронзы: проблемы реконструкции и моделирования // XVII Уральское археологическое совещание: мат-лы науч. конф. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 155–157.
4. Куприянова Е.В. Новые данные о ранних формах женских накосных украшений синташтинской и петровской культур (по материалам могильников Степное I и Степное VII) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 15, № 2. 2015. С. 32–40.
5. Куприянова Е.В. Результаты экспериментов по моделированию тафономизации комплексов украшений в погребениях эпохи бронзы // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов / Отв. ред. Н.А. Томилов, М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов. Ч. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани; Иркутск-Омск, 2010. С. 130–133.
6. Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: АвтоГраф, 2008. 244 с.
7. Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.
8. Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды института истории, археологии и этнографии. Т. V. Алма-Ата: изд-во Академии наук Казахской ССР, 1958. С. 216–294.
9. Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Лисаковск; Караганда: Карагандинский гос. университет, 2010. 176 с.
10. Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. Донецк: Ин-т археологии НАН Украины, 2004. 204 с..

Информация об авторе:

Куприянова Елена Владиславовна, кандидат исторических наук, директор, Учебно-научный центр изучения проблем природы и человека. Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия); dzdan@mail.ru

SMALL ACCESSORIES OF WOMEN'S HEADWEAR OF THE BRONZE AGE IN THE SOUTHERN URALS: RESEARCH AND RECONSTRUCTION TECHNIQUES

E. V. Kupriyanova

The article features an analysis of a group of women's headwear accessories dating back to the Bronze Age. Women's costume of the Southern Urals was almost exclusively represented in the Bronze Age by adornments and adornment complexes. The issues of costume reconstruction are related to the almost total absence of the organic component,

frequent looting of funerary complexes and the effects of taphonomic processes. A series of taphonomic experiments conducted by the author allowed to identify certain trends in the destruction of complex adornments during their archaeologization. The research of these materials allowed to identify series of artifacts which could have constituted fragments of small headwear accessories (clasps or combs). As noted by the author, these series of Bronze Age artifacts have not been considered by researchers as the remains of small women's headdress accessories. In this regard, the reconstruction of headdress details with the use of taphonomic process analysis and the corresponding experiments has a certain significance in terms of methodology.

Keywords: archaeology, Bronze Age, the Southern Trans-Urals, women's costume, adornments, headdress, taphonomy, comb, clasp.

REFERENCES

1. Gagen-Torn, N. I. 1933. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (5–6), 76–88 (in Russian).
2. Zdanovich, G. B., Kupriianova, E. V. 2008. In *Ten' zhenshchiny: Zhenskii kostium epokhi bronzы kak «tekst»: (po materialam nekropolei Iuzhnogo Zaural'ia i Kazakhstana) (Shadow of a Woman: Women's Costume of the Bronze Age as a "Text Source": (on Materials from the Necropoleis of the Southern Urals and Kazakhstan))*. Chelyabinsk: "AvtoGraf" Publ., 186–203 (in Russian).
3. Kupriianova, E. V. 2007. In *XVII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: materialy nauchnoi konferentsii. (19th Ural Archaeological Session: Research Conference Proceedings)*. Ekaterinburg; Surgut: "Magellan" Publ., 155–157 (in Russian).
4. Kupriianova, E. V. 2015. In *Vestnik IuUrGU. Seriiia «Sotsial'no-gumanitarnye nauki» (Bulletin of South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences)* 15. No. 2, 32–40 (in Russian).
5. Kuprianova, E. V. 2010. In Tomilov, N. A., Berezhnova, M. L., Korusenko, S. N., Khakimov, R. S. (eds.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniia (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)* 1. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Irkutsk; Omsk, 130–133 (in Russian).
6. Kupriianova, E. V. 2008. *Ten' zhenshchiny: Zhenskii kostium epokhi bronzы kak «tekst»: (po materialam nekropolei Iuzhnogo Zaural'ia i Kazakhstana). (Shadow of a Woman: Women's Costume of the Bronze Age as a "Text Source": (on Materials from the Necropoleis of the Southern Urals and Kazakhstan))*. Chelyabinsk: "AvtoGraf" Publ. (in Russian).
7. Kupriianova, E. V., Zdanovich, D. G. 2015. *Drevnosti lesostepnogo Zaural'ia: mogil'nik Stepnoe VII (Antiquities of the Forest-Steppe Trans-Urals: Steppnoye VII Burial Ground)*. Chelyabinsk: "Entsiklopediia" Publ. (in Russian).
8. Orzbaev, A. M. 1958. In *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Institute for History, Archaeology and Ethnography)* V. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 216–294 (in Russian).
9. Usmanova, E. R. 2010. *Kostium zhenshchiny epokhi bronzы Kazakhstana (Women's Costume of the Bronze Age from Kazakhstan)*. Lisakovsk; Karaganda: Karaganda State University (in Russian).
10. Tsimidanov, V. V. 2004. *Sotsial'naia struktura srubnogo obshchestva (Social Structure of a Loghouse Society)*. Donetsk: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

About the Author:

Kupriyanova Elena V. Candidate of Historical Sciences. Chelyabinsk state university, Molodogvardeitsev str., 57A, Chelyabinsk, 454136, Russian Federation; dzdan@mail.ru

Статья поступила в номер 29.07.2016 г.

УДК 902.01, 903.24-25 DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.3.21.280.288>

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ ОДЕЖДЫ И ГОЛОВНЫХ УБОРОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ)¹

© 2017 г. О.В. Умеренкова

В статье анализируются проблемы, связанные с принципами научного подхода, методами и процедурой реконструкции костюма по археологическим материалам эпохи бронзы на территории Западной Сибири. Костюм рассматривается исследователями как одно из ярчайших проявлений материальной культуры. Его декорирование представляет многоплановую информацию, которая содержит наряду с традициями и социальными отношениями элементы идеологии, эстетические нормы. Реконструкция украшений одежды и головных уборов в археологической литературе, посвященной эпохе бронзы, является одной из малоизученных тем. Исследователи используют различные источники для ее воссоздания: археологические материалы, письменные исторические и литературно-фольклорные источники, предметы изобразительного искусства. За последние десятилетия накоплен значительный источниковый фонд изделий, однако анализ и принципы обработки которых в специальной литературе не получили должного освещения. В целях повышения информативности украшений как источника реконструкции костюма эпохи бронзы, автором предложена схема учета местоположения украшений относительно останков погребенного в процессе документирования раскопок. Представлены результаты авторской реконструкции декорирования женских головных уборов металлическими изделиями, проведенной по материалам памятников эпохи бронзы.

Ключевые слова: археология, эпоха бронзы, Западная Сибирь, украшения, погребения, реконструкция, погребальный костюм, головной убор, методика.

В основе понимания смысла «украшения» современным человеком лежит сформировавшаяся эстетическая потребность людей и соответственно необходимое для ее удовлетворения производство с присущими ему навыками и мастерством. В специальной литературе термин «украшения» трактуется двояко: в качестве элемента сопроводительного инвентаря погребенного и неотъемлемой части костюма и обуви. Наряду с этим известны очевидные случаи специального помещения украшений в могилы, когда изделия находились в связи с системой оформления одежды

погребенных. В настоящее время уже невозможно достоверно определить, что представители того или иного общества в прошлом считали действительно украшениями. Даже на современном этапе развития человечества довольно проблематично такое определение. При изучении древних обществ, помимо вышеперечисленных значений, термин «украшение» используется в специальной литературе для характеристики охранителей и оберегов, т.е. изделий, сопровождающих человека от рождения, на протяжении всей его жизни до самой смерти; знаковых предметов, отражающих

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания № 33.1175.2014/К.

пол, возраст и социальный статус людей, символы, воссоздающие эмоциональное состояние древнего человека. Таким образом, понятие «украшение» в археологической науке имеет более глубокий смысл, нежели просто изделие для «придания красивого вида». В настоящей работе этим термином будут обозначаться предметы, которые либо надевали на человеческом тело (с целью «украсить» внешний облик человека), либо использовали в качестве функционально значимых деталей традиционного костюма.

Эпоха бронзы характеризуется, прежде всего, наличием изделий, являющихся превосходными образцами бронзолитейного декоративного искусства. Вопросы появления и распространения металлических украшений представляют особый научный интерес, так как на данном археолого-историческом этапе происходили крупнейшие социальные и экономические изменения, оказавшие значительное влияние на все сферы человеческого бытия и нашедшие отражение в материальной культуре общества и его духовном мире.

В археологии эпохи бронзы одной из актуальной и малоизученной темой является реконструкция украшений одежды и головных уборов. Такое положение дел объясняется особенностью источников, имеющих в распоряжении специалистов. Прежде всего, необходимо отметить, что исследования основываются на археологическом материале, в отличие от более поздних хронологических периодов, к изучению которых специалистами привлекаются другие источники, в том числе, письменные, литературно-фольклорные, изобразительные и этнографические, что делает про-

водимые исследования, в конечном итоге, относительно полными и объективными.

В этнографии народов Сибири важное значение уделено изучению украшений в контексте истории одежды многих коренных народов в разные периоды бытования. Для бронзового времени такие наблюдения представляются весьма важными уже в силу того, что украшения представляют собой довольно консервативную категорию инвентаря, практически в неизменном виде дошедшую до настоящего времени.

Изобразительное искусство содержит весьма единичные образцы, переданные образы которых малоинформативны для восстановления внешнего вида представителей древних культур эпохи бронзы.

Важным моментом в процессе реконструкции декорирования одежды и головного убора представляется их принадлежность к погребальному обряду, т.к. 99% всех металлических украшений найдено в процессе исследования захоронений. Поэтому применительно к эпохе бронзы необходимо вести речь о реконструкции убранства именно *погребального костюма*. Для бесписьменных народов проблематично достоверное выделение определенных видов одежды для различных жизненных ситуаций. Обращаясь к этнографическим наблюдениям за коренными народами Сибири, можно проследить неоднозначное отношение к одежде, «участвующей» в погребальном обряде. Правоммерно допустить существование в эпоху бронзы определенных канонов в использовании одежды и ее декорирования: украшения свадебного наряда, одежды вдовы либо девушки, прошедшей

обряд инициации и пр.; наряду с этим могла существовать и погребальная одежда со своим покроем, тканями и сопутствующими изделиями (украшениями). В этом контексте возникает проблема – украшения какого именно костюма использовались человеком в эпоху бронзы – сугубо погребального, бытового или ритуального. Сформированная источниковая база не позволяет утверждать или опровергать данный тезис, но нам представляется наиболее корректно вести речь именно о реконструктивных вариантах погребальной одежды.

Все реконструктивные положения в бесписьменную эпоху основываются, прежде всего, на личном опыте и наблюдениях исследователя. Существуют определенные стандарты в понимании остатков оформления, например, одежды: случаи обнаружения фрагментов ткани непосредственно на костяке могут указывать на одну из деталей одежды. Если же эти остатки были отмечены на бронзовом предмете, то определение не может быть однозначным. Расположение на верхней поверхности предмета свидетельствует о наличии футляра, на внутренней – воспринимается и как часть одежды, и как футляр. Если фрагменты ткани зафиксированы и там, и там, то оба варианта равно вероятны (Каменецкий, 1986, с. 171).

При реконструкции украшения костюма погребенного, наш взгляд, вполне оправдано совмещение поведенческих стереотипов древнего и современного человека. Отдельные виды украшений носили и использовали на протяжении всей истории человечества аналогично – браслеты, как правило, украшали руки/ноги, кольца – фаланги рук, серьги – уш-

ные раковины и т.д. Такой подход представляется абсолютно логичным. Проблема возникает при реконструкции «сложносоставных» гарнитуров, т.к. помимо четкой фиксации места расположения изделий при наличии органических остатков, необходимо учитывать их смещение во время процесса разложения трупа, тления тканевой или кожаной основы облачения погребенного. Другой момент заключается в наличии изделий, практическое применение которых остается непонятным, а способы крепления тех или иных украшений вызывают сомнения. Как правило, такие изделия принадлежат исключительно материальной культуре эпохи бронзы и проследить их применение на основе других источников не представляется возможным. Необходимые сведения можно подчеркнуть в источниках сопредельных территорий, археологических памятниках более позднего времени, а также в этнографических материалах. Суммируя все эти сведения, можно выявить основные аспекты эволюции одежды с древности и существенно дополнить недостающие для реконструкции детали.

В археологической науке бесписьменного времени существует определенный опыт разработок методов реконструкции костюма (Богомолов, 2010; Ковпаненко, 1986; Каменецкий, 1986; Кунгурова, 2004; Павлов, 1995; Файзуллина, Бажанова, 2007; Яценко, 1987; 2001; 2002 и др.). Для более точной костюмной реконструкции в качестве обязательного условия специалистами отводилась ведущая роль скрупулезной фиксации изделий – элементов костюма в полевых условиях, необходимости составления многочисленных детальных планов. Проведен-

ный анализ источниковой базы показал, что при таком подходе возникает проблема самой возможности воссоздания внешнего вида костюма населения эпохи бронзы Западной Сибири. Реконструктивные положения, скорее всего, приобретут форму моделирования. В данном случае существует два вида моделей: модель-реконструкция и модель-олицетворение (Зданович, 2002, с. 7–16). В первом случае восстанавливаются некоторые обязательные, структурообразующие признаки костюма, так называемое «скелетное» строение и механизм функционирования. По нашему убеждению, постановка задачи подобного моделирования-реконструкции по материалам эпохи бронзы вполне правомерна и именно такими реконструкциями применительно к рассматриваемому хронологическому диапазону и следует ограничиться. Воссоздание внешнего вида погребальных костюмов лежит за рамками данного научного метода, по крайней мере, до появления в Западной Сибири серии ярких находок уникальной сохранности, характеризующих эпоху бронзы.

Украшения традиционных народов отличаются от современных изделий не столько внешне, сколько приписываемым им внутренним характеристикам. Современные украшения человеческого тела (серьги, кольцо, броши, браслеты, цепочки и пр.) и их гарнитуры, как правило, существуют самостоятельно, отдельно от одежды. В каких-то случаях аксессуары дополняют костюм и могут сочетаться с разными его вариантами. Украшения же древних людей являлись элементами одежды либо являлись ее продолжением: бляшки, обоймы, подвески, бусы и пр. либо нашиты на платье, на-

грудник, обувь, либо входили в состав головного убора. «Браслеты» в костюме эпохи бронзы могли функционировать в качестве манжет для рукавов, а низки бус, зафиксированные в районе ног погребенных, были связаны с подвязками обуви. Таким образом, все украшения так или иначе оказывались в зависимости от элементов одежды. Однако при полевой фиксации и дальнейшей реставрации археологи, как правило, не учитывают этого факта. В этом и заключается основная проблема реконструктивных построений, которая обусловлена тем, что при проведении полевых исследований специалисты часто не воспринимают весь комплекс базовых органических (и не сохранившихся) элементов костюма и его мелких аксессуаров как единый, тщательно продуманный ансамбль, а видят в «разбросанных» по могиле вещах лишь хаотический список предметов погребального инвентаря (Яценко, 2001, с. 7).

Состояние источниковой базы металлических украшений бронзового века Западной Сибири не позволяет осуществлять исследования в области реконструкции украшения одежды, несмотря на то что за последние десятилетия был накоплен представительный комплекс этих изделий. Нами была сформирована источниковая база, которая включила в себя материалы 57 могильников, 6 поселений, 1 зольника, что составило порядка 4500 изделий², из них: 184 браслета,

² Автор выражает благодарность В.В. Боброву, В.И. Молодину, А.Б. Шамшину, С.М. Ситникову, А.С. Васютину, В.С. Горяеву, Л.Н. Мыльниковой, А.Е. Гришину за предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

439 колец, 548 бляшек, 87 блях, 26 нашивных пластин, 142 подвески различных типов, 16 трапециевидных привесок с бородавчатыми выпуклостями, 140 желобчатых привесок в 1,5 оборота, 502 пронизки, 66 обоймочек, 152 экземпляра серег, 28 колокольчиковидных (конических) привесок, 157 гвоздевидных привесок/серег, 167 височных кольца/серег кольцевидных, 75 пронизок-накосников и 1747 бусин. Сохранность металла различная, многие изделия представлены фрагментарно, поэтому выявить морфологические особенности уже не представляется возможным. Источниковая база включает массовый набор разрозненных изделий, которые не имеют задокументированной привязки ни между собой, ни, в определенных случаях, с погребенными. Специалистам известны единичные непо потревоженные погребения на сотни раскопанных с богатым погребальным инвентарем, на основании которых можно определить элементы украшения костюма и установить их место в погребальном обряде. Природно-почвенные условия сибирского региона не способствуют сохранению органической основы костюма в погребениях бронзового времени. Археологические материалы не содержат фрагментов кожаных изделий, ткани, нитей-жгутов. Лишь в отдельных случаях, при контакте с металлическими изделиями, в результате воздействия солями меди, сохраняются мизерные фрагменты кожи, либо ткани, но эти находки не позволяют составить представление в целом о костюме.

При изучении сложносоставных гарнитуров процесс реконструкции затрудняет отсутствие связывающих элементов и исследователь не всегда

может «увидеть» и понять способы крепления и совмещения нескольких предметов в одно целое. Максимальное значение в данном случае имеет полевая фиксация материала, т.к. погребения с представительным комплексом изделий не правильно оформленные документально (без указания места расположения, сохранности, размеров, расстояний относительно других, описания и т.д.) теряют для исследователя ценность в качестве источника для реконструкции и исторической интерпретации. Часто при описании погребенного даже не приводятся характеристики пола и возраста. Все эти факты во многом осложняют или делают практически невозможным процесс воссоздания украшений головных уборов и одежды погребенных в эпоху бронзы.

Нами уже была предложена единая описательная система во время полевых исследований, способная сохранить информативные возможности украшений и провести восстановительные работы при камеральной обработке материала (Умеренкова, 2010, с. 417–420). Алгоритм был разработан на основе системы описания инвентаря, предложенной И.С. Каменецким (1986, с. 171). Учет местоположения изделий относительно погребенного для эпохи бронзы был разработан в зависимости от ритуальной практики по следующим признакам:

Обряд ингумации:

1 – в головах:

- височная, затылочная, шейная, лобная части;
- рядом с черепом (если захоронение было совершено скорчено);

2 – на скелете:

- на предполагаемом месте непосредственно;

- расположение относительно места (слева, справа);
 - расположение относительно костяка (слева, справа);
- 3 – в стороне от скелета:
- во взаимосвязи;
 - по всей могиле бессистемно;
 - отдельным скоплением.

Обряд кремации:

- вместе с пеплом и остатками кальцинированных костей со следами обжига;
- вместе с пеплом без следов огня;
- отдельным скоплением.

Подобная полевая фиксация источников, на наш взгляд, должна будет способствовать объективному воссозданию внешнего облика костюма во взаимосвязи с ее отдельными элементами, в данном случае – украшениями.

Основными конструктивными элементами украшения погребального костюма должны являться детали одежды, различающиеся по месту нахождения в погребении, а именно: 1) головной убор; 2) шейные, височно-шейные украшения; 3) оформление пояса; 4) оформленные подола; 5) обувь.

Основной опыт по реконструкции костюма на территории Кузнецкой котловины сложился при изучении погребального обряда могильника Танай-12 и связан он, прежде всего, с головным убором. При исследовании этого памятника в погребениях было найдено несколько разнообразных по своему содержанию наборов украшений головы и груди. Автором была предложена реконструкция сложносоставных гарнитуров: височные подвески, челюстно-лицевая подвеска и комплект бус с коническими подвесками. В процессе работы в полевых условиях была проведена четкая фик-

сация местоположения украшений относительно погребенного; определено расстояние между отдельными элементами наборного украшения и следами тления органических материалов (Бобров, Умеренкова, 2003, с. 260–263; Умеренкова, 2011, с. 89–93).

Таким образом, специфика источниковой базы эпохи бронзы заключается в том, что костюмная реконструкция базируется, в первую очередь, на закономерностях, выявленных при анализе инвентаря погребений. Поэтому речь необходимо вести, прежде всего, о реконструкции декорирования одежды. Подобный подход предоставляет специалистам возможность восстановить только общие черты деталей одежды, в частности, размещение на костяке предметов (украшений) костюма из долговечных материалов (бронзы).

Процесс реконструкции декорирования погребального убранства населения Западной Сибири в эпоху бронзы многогранен и включает в себя целый ряд мероприятий. Прежде всего, это отбор погребений, наиболее полно представленных с точки зрения наличия инвентаря и четкой фиксации местоположения отдельных элементов относительно погребенного. Важным представляется оценка сохранности металла и вероятность восстановления внешнего вида отдельно взятого сложносоставного украшения. У специалиста должна быть информация о расположении отдельных элементов (расстояние между отдельными элементами наборного украшения; наличие следов тления органических материалов, которые могли служить в качестве крепления комплекта изучаемых изделий). Дополнение недостающих

элементов костюма осуществляется путем привлечения источников из погребений, содержащих массовый комплект изделий, но в силу определенных факторов (плохая сохранность, неудовлетворительная фиксация материала и т.д.) не ставших определяющими для реконструкции, а также

анализа материалов памятников древнего искусства и этнографических исследований.

Подобный подход в изучении украшений дает представление исследователям о внешнем облике и предназначении этих изделий с точки зрения оформления одежды.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бобров В.В., Умеренкова О.В. Набор украшений эпохи поздней бронзы из могильника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. Ч. 1 / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 260–263.
2. Богомолов В.Б. Теоретические и методические основы реконструкции костюма (определение понятий «одежда» и «костюм») // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов / Отв. ред. Н.А. Томилов, М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов. Ч. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Иркутск-Омск, 2010. С. 264–272.
3. Зданович Д.Г. Введение // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2002. С. 7–16.
4. Каменецкий И.С. Код для описания погребального обряда (часть вторая) // Археологические открытия на новостройках / Ред. И.С. Каменский. М.: Наука, 1986. С. 171.
5. Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I века н. э. на Южном Буге. Киев: Наукова думка, 1986. 145 с.
6. Кунгурова Н.Ю. Женский костюм в IV тыс. до н. э. (по материалам погребений кузнецко-алтайской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 2 (18). С. 11–20.
7. Павлов П.Г. К реконструкции карасукского погребального костюма // Южная Сибирь в древности / Археологические изыскания. Т. 24 / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 47–56.
8. Умеренкова О.В. Проблемы изучения и реконструкции украшений одежды и головных уборов в эпоху бронзы (по материалам памятников Западной Сибири) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов / Отв. ред. Н.А. Томилов, М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов. Ч. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Иркутск-Омск, 2010. С. 417–420.
9. Умеренкова О.В. Сложносоставное украшение эпохи поздней бронзы (по материалам могильника Танай-12) // Музей и наука. К 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ / Ред. Л.Ю. Боброва. Кемерово: КемГУ, 2011. С. 89–93.
10. Файзуллина Д.Ф., Бажанова Р.К. Реконструкция женских головных уборов Волго-Камья ананьинского времени (на основе археологических, этнографических и фольклорных источников) // Интеграция археологических и этнографических исследований / Отв. ред. Н.А. Томилов, М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов. Ч. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Иркутск-Омск, 2010. С. 227–231.
11. Яценко С.А. К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии // СА. 1987. № 3. С. 166–174.
12. Яценко С.А. О некоторых вопросах изучения «археологического» костюма. Механизмы костюмных связей народов Великой степи // Культуры Евразийских

степеней второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Т. 1 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский историко-краеведческий музей, 2001. С. 4–21.

Информация об авторе:

Умеренкова Ольга Вячеславовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-инновационного управления, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия); UmerenkovaO@yandex.ru

**METAL ADORNMENTS OF CLOTHING AND HEADWEAR
IN THE BRONZE AGE OF WESTERN SIBERIA
(ISSUES OF RESEARCH AND RECONSTRUCTION)**

O. V. Umerenkova

The article considers issues related to the principals of scientific approach, methods and procedure of costume reconstruction on the basis of archaeological materials dating back to the Bronze Age discovered in the territory of Western Siberia. The costume is considered by researchers as one of the brightest manifestations of material culture. Its decoration provides multidisciplinary information containing elements of ideology and aesthetic norms together with traditions and social relationships. Reconstruction of clothing and headwear adornments in archaeological literature related to the Bronze Age is one of the understudied topics. Researchers use various sources for its recreation: archaeological materials, written historical, literature and folklore sources, and fine art items. A significant amount of source items has accumulated over the last decades, although the analysis and principles of processing thereof have not been sufficiently covered in special literature. In order to increase the informative capabilities of adornments as sources for the reconstruction of the Bronze Age costume, the author suggested a scheme of accounting for the location of adornments with respect to the remains of the buried when the excavations are documented. The article features the results of the author's reconstruction of women's headwear decoration with metal articles executed on the basis of Bronze Age materials.

Keywords: archaeology, Bronze Age, West Siberia, adornments, burials, reconstruction, funerary costume, headwear, technique.

REFERENCES

1. Bobrov, V. V., Umerenkova, O. V. 2003. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 9, part 1. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 260–263 (in Russian).
2. Bogomolov, V. B. 2010. In Tomilov, N. A., Berezhnova, M. L., Korusenko, S. N., Khakimov, R. S. (eds.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)* 1. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Irkutsk; Omsk, 264–272 (in Russian).
3. Zdanovich, D. G. 2002. *Arkaim: nekropol' (po materialam kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika) (Arkaim: Necropolis (on the Materials of Barrow 25 of Bolshoi Karagan Burial Mound))*. Chelyabinsk: "Iuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ, 7–16 (in Russian).
4. Kamenetskii, I. S. 1986. In Kamenskii, I. S. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia na novostroi-kakh (Archaeological Discoveries at New Construction Sites)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Kovpanenko, G. T. 1986. *Sarmatskoe pogrebenie I veka n.e. na Iuzhnom Buge (Sarmatian Burial of 1st Century A.D. on the Southern Bug)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

The work was conducted within the framework of State Assignment No.33.1175.2014/K.

6. Kungurova, N. Yu. 2004. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 18 (2), 11–20 (in Russian).
7. Pavlov, P. G. 1995. In Savinov, D. G. (ed.). *Iuzhnaia Sibir' v drevnosti (Southern Siberia in Antiquity)*. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological Surveys)* 24. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 47–56 (in Russian).
8. Umerenkova, O. V. 2010. In Tomilov, N. A., Berezhnova, M. L., Korusenko, S. N., Khakimov, R. S. (eds.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniï (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)* 1. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Irkutsk; Omsk, 417–420 (in Russian).
9. Umerenkova, O. V. 2011. In Bobrova, L. Yu. (ed.). *Muzei i nauka. K 35-letiiu muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» KemGU (Museum and Science. 35th Anniversary of Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia Museum of Kemerovo State University)*. Kemerovo: Kemerovo State University, 89–93 (in Russian).
10. Fayzullina, D. F., Bažanova, R. K. 2010. In Tomilov, N. A., Berezhnova, M. L., Korusenko, S. N., Khakimov, R. S. (eds.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniï (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)* 1. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Irkutsk; Omsk, 227–231 (in Russian).
11. Yatsenko, S. A. 1987. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 166–174 (in Russian).
12. Yatsenko, S. A. 2001. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (iz istorii kostiama) (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (from the History of Costume))* 2. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 4–21 (in Russian).

About the Author:

Umerenkova Olga V. Candidate of Historical Sciences. Kemerovo State University. Krasnaya Street, 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation; UmerenkovaO@yandex.ru

Статья поступила в номер 29.07.2016 г.

**ПРЕЗЕНТАЦИЯ АНДРОНОВСКОГО КОСТЮМА
В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ
МОГИЛЬНИКА ЛИСАКОВСКИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ)**

© 2017 г. Э.Р. Усманова

В статье анализируются древние ткацкие технологии и женский костюм андроновской культуры эпохи бронзы. Представлена реконструкция данного костюма, выполненная автором на основе остатков плетеного текстиля и декора головного убора, найденных в могильниках Лисаковской округи первой половины II тыс. до н. э. (Казахстан, Костанайская область, г. Лисаковск). Сохранность текстильной основы позволила автору экспериментально изготовить реплики двух женских головных уборов и жилета. В результате среди погребальных артефактов удалось определить два типа накосных украшений. Автором дается обоснование некоторых идей знакового содержания и символики деталей костюма. В результате исследования автора семантика головных уборов андроновской культуры представлена в контексте символики костюмов традиционных народов Срединной Евразии.

Ключевые слова: археология, бронзовый век, Казахстан, андроновская культура, головной убор, плетеный текстиль, технологии, реплика, накосник, крашение, статус.

Археологические свидетельства о технологическом процессе изготовления шерстяного текстиля. Текстильные образцы (фрагменты плетеной тесьмы, шнуры, нити) относятся к шерстяным изделиям из погребений, которые принадлежат к культурам андроновской общности II тыс. до н. э. (могильники Лисаковской округи, Костанайская обл., Казахстан). На основании их изучения были восстановлены главные особенности текстильных технологий в андроновское время (Орфинская, Голиков, 2010, с. 114–118). Собственно говоря, благодаря этим находкам была сделана презентация реплики комплекта андроновской одежды в экспозициях Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья, Жезказганского историко-археологического музея, заповедника-музея «Улытау» (Республика Казахстан).

Технологический процесс начинается с получения шерсти. Находки костей в культурных слоях поселений, в жертвенных комплексах могильников указывают, что овца занимала одно из ведущих мест по количеству особей в андроновском стаде (Потемкина, 1985, с. 312; Ахинжанов, Макарова, Нурумов, 1992, с. 175–177). Имеется описание общего вида: овцы крупной породы, при среднем росте в холке 70 см и весе 50 кг (Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 69). Однако по некоторым пропорциям костей можно предполагать, что овцы были подобны современной породе «чунтук» – группа курдючных овец, с грубой шерстью (Каспаров, 2006, с. 71–72).

Характеристика волокон текстильных лисаковских образцов показала, что в ткачестве использовалась тонкорунная шерсть очень хорошего качества (Орфинская, Голиков, 2010,

с. 114–118). Возможно, что «лисаковцы» разводили овцу, близкую к породе меринос, который дает длинный пух, позволяющий прясть тонкую, но прочную нить. Миф о золотом руне мог быть фактом и отражением реальных походов греков в поисках источника качественной шерсти. По общепринятым сведениям, овца породы меринос была выведена в Передней Азии в III–II вв. до н. э., возможно, на основе отар, попавших туда из Средней Азии. Арабы в XII веке привезли овцу этой породы в Испанию, и оттуда в XVIII веке она повсеместно распространяется в Европе (http://www.krugosvet.ru/enc/nauka_i_tehnika/biologiya/OV TSA.html). В казахских степях овца тонкорунной породы (меринос) – селективный продукт более позднего времени (Касенов, Тореханов, Карамшук, 2011).

Возникает ряд вопросов. Откуда и когда появилась тонкорунная овца в составе стада эпохи бронзы? Оказалась ли она результатом случайной мутации или была выведена опытным путем? Принадлежала ли она стаду из отдельно взятой местности или была распространена по всей территории андроновского хозяйствования? Еще в 30-е годы XX в. технологическим исследованием первых андроновских текстильных находок (фрагменты шапочек), обнаруженных в могильниках Минусинской котловины, установлено, что материалом для этих изделий служила шерсть грубошерстной и тонкорунной овцы, а возможно, и пух грубошерстной (Сосновский, 1934, с. 92–96).

Стригут тонкорунную овцу один раз в год (апрель – май), грубошерстную – два раза в год (весной и осенью). Стрижка происходит пластом,

который и называется руном. Ножницы для стрижки известны с эпохи раннего железа, они имеют специфический вид, с рукояткой, изогнутой в форме латинской буквы «U», обе пластины которых заострены (Малинова, Малина, 1988, с. 81). В казахстанских археологических комплексах эпохи бронзы ножниц не найдено. Однако шерсть с овцы можно получить не только стрижкой, но вычесыванием/выщипыванием. Может быть, в андроновском хозяйстве существовали какие-то деревянные или роговые гребни, которыми вычесывали пух, и они археологически не сохранились.

После того как шерсть освобождена, она проходит еще несколько этапов обработки, которые включают в себя сортировку, чистку, разрыхление, отбор по длине пуха и другим качествам. Если необходимо, то шерсть моется, и проходит вторичную обработку, с помощью которой она окончательно освобождается от мусора и делится на фракции – это чесание. Лисаковский плетеный текстиль выполнен из шерсти хорошего чесания. Но каким инструментом чесалась шерсть, чтобы волокна расположились параллельно друг другу и остались длинные волокна, которые необходимы для прядения крепкой и тонкой нити? В чесании задействованы инструменты: карды и ткацкие гребни. Карды – это дощечка с рукоятью с густо расположенными на ней металлическими или деревянными шипами. Они появляются в период развитого средневековья. Ткацкий гребень по форме напоминает миниатюрные грабли, в большинстве случаев с двумя параллельными рядами длинных зубьев (Малинова, Малина, 1988, с. 81). В казахстанских поселениях эпохи бронзы находятся

гребни, выполненные на лопатке лошади, коровы или барана – расширенный край кости сделан в виде зубьев пилы (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 165, рис. 133). Возможно, они и применялись для чесания шерсти и подготовки ее к прядению.

Обычно шерсть окрашивается после прядения. Но в случае лисаковского текстиля окрас происходил до процесса прядения в форме сырья. Обнаружено три основных красителя марены *Rubiatinctorium* или другой разновидности марены из рода *Rubia*, или подмаренников из рода *Galium*: псевдопурпурин, пурпурин, ализарин (Орфинская, Голиков, 2010, с. 124, табл. 4).

Крапп – одна из древнейших растительных красок, добываемых из корней красильной марены (*Rubiatinctorium*L.). Красящими веществами краппа являются ализарин и пурпурин (Полосьмак, Кундо, 2005, с. 590). Мареной красили ткани в Древнем Египте, Китае, Персии, Средней Азии, в раннесредневековой Франции, Британии, Скандинавии.

Крашение мареной – сложный химический процесс, который невозможен без применения протрав – квасцов, помогающих закреплять природный краситель на волокнах. Обычно – это соли металлов, наиболее распространенные из них: алюмоаммонийные, алюмокалиевые, железоаммонийные. Квасцы помогают варьировать цветовую колористику. В лисаковских текстильных образцах, окрашенных мареной, в качестве протравных катионов обнаружены алюминий и железо. Это означает, что авторский колорит мог быть и чисто красным (для алюминиевых протрав) и красновато-коричневым (для желез-

ных протрав). При этом преобладают протравные, а не прямые красители. Это свидетельствует о высоком качестве технологии крашения (Орфинская, Голиков, 2010, с. 114–118).

Очевидно, что андроновцы знали свойство растений семейства мареновых окрашивать волокна в красный цвет. Видимо, существовала вне зависимости от районирования единая традиция присутствия красного цвета в полотно костюма. Примечательно, что мареной окрашивалось сырье/пряжа на достаточно большой территории распространения культур андроновской общности. Если предположить, что у андроновцев красильное сырье было импортным, то, каким образом оно распространялось на достаточно обширной территории: от Южного Урала через казахстанские степи до Минусинской котловины. Марена красильная (*Rubiatinctorium*L.) произрастает в Европе, Средней Азии, Средиземноморье, Иране, Индо-Гималайском регионе, Китае (Полосьмак, Кундо, 2005, с. 590). О торговом способе, наверное, в эпоху бронзы культур степной Евразии, говорить не приходится. Не думается, что марена могла доставляться из средиземноморских стран или стран Древнего Востока, тогда бы существовали и другие материальные свидетельства контактов с очагами этих цивилизаций. Да и сама окрашенная пряжа – продукт местный. «Лисаковцы» красили шерсть до ее прядения. Скорее всего, использовались местные виды марены и подмаренников, которые росли в их районах проживания. Род Марена *Rubia* в Казахстане известен восьми видов. В Тобол-Ишимском междуречье два вида – марена Крашенинникова *RubiaKrascheninnikovii*,

марена татарская – *Rubiatatarica*. Род Подмаренник *Galium* в Казахстане 25 видов. В Тобол-Ишимском междуречье встречаются 10 видов (Флора Казахстана, 1965, т. 8, с. 125).

Последним и чуть ли не главным этапом в технологической цепочке превращения шерстяного сырья в нить, является прядение. Оно было одним из главных домашних промыслов в эпоху бронзы. Археологическим свидетельством тому являются многочисленные находки пряслиц (каменные, костяные, керамические) в культурных слоях андроновских поселений (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 170; Ткачев А.А., 2002, ч. 1, с. 65, 67, 121; Горячев, Чернов, 2007, с. 110–112). Для прядения необходимы: веретено – деревянный стержень, на нижний конец которого насаживается пряслице, маховое колесико, обеспечивающее равномерное вращение. Андроновские прядильщицы могли прясть нити двух порядков: одинарную, двойную, что указывает на их прядильное мастерство (Орфинская, Голиков, 2010, с. 114–118).

При реконструкции костюма в нашем распоряжении оказались в основном образцы плетеной тесьмы (могильники Лисаковский I, II) от головного убора и куртки. Из сплетенных полос тесьмы сшивалось полотно, которое являлось текстильной основой изделия. По всей видимости, феномен плетеного текстиля, засвидетельствованный археологически в эпоху бронзы, и является, впрочем, как и само плетение, своеобразным андроновским творческим и технологическим достижением в создании костюма. Позже идея получения цельного полотна для изделия способом сшивания полос ткани распространя-

ется в практике кочевых культур. В такой манере – сшитые полосы ткани в горизонтальном направлении – выполнены полотнища юбок из могильников на плато Укок (Полосьмак, Баркова, 2005, с. 62–64).

Лисаковский текстиль презентует все виды плетения, предшествовавшие ткачеству на станке. Среди его фрагментов есть образец, исполненный на дощечках. Вполне возможно, что по своим техническим приемам ручное плетение и на дощечках предшествовало ткачеству на станке. Кстати, не этот ли исторический факт в развитии ткацких технологий отражает миф о соперничестве Афины и Арахны, превращенной в паука, вечно плетущего свои сети?! У андроновцев, видимо, существовало простейшее ткацкое устройство, возможно в виде горизонтального ткацкого станка. Текстильные отпечатки на стенках сосудах свидетельствуют о том, что уже в раннее андроновское время вырабатывался полуткацкий текстиль с полотняным переплетением, и сосуды формировались на болванке, обтянутой такой тканью (Чернай, 1985, с. 109).

Виды изделий из комплекта андроновской одежды. Благодаря насыщенному металлическому декору текстильная основа женского головного убора, а именно накосного украшения, избежала значительного разрушения (могильник Лисаковский I, курган 1) (Усманова, 2010, с. 30). Последующая его реставрация позволила в деталях восстановить вид текстильного полотна, состоящего из тесемочных полосок, сплетенных вручную и сшитых вместе, и сам образ головного убора (Усманова, 2010, с. 31). Было выделено несколько видов тесьмы по

Рис. 1. Процесс изготовления реплики шапочки с накосным украшением. Исполнитель реплики дизайнер Т. Кунина.

Fig. 1. Manufacturing of a headwear copy with a braid adornment.
Author of the copy - designer T. Kunina.

ширине и по количеству шерстяных нитей. Два основных вида отмечены в качестве текстильной основы головного убора: тесьма диагонально-полотняного переплетения шириной до 20 мм и количеством нитей 20; тесьма диагонально-саржевого переплетения шириной до 10 мм и количеством нитей 6.

Кроме того, фрагмент плетеного трехслойного текстиля от верхней одежды (кафтан или жилет) был обнаружен в погребении (могильник Лисаковский II, кургана 1) (Усманова, 2010, с. 153). Основное полотно изделия как с лицевой, так и с изнаночной стороны сшивалось вертикальными полосами из шерстяной тесьмы шириной 25 мм, количество нитей 26. Для утепления куртка простегивалась полосами рыхлой серой ткани, изготовленной, скорее всего,

на дощечках (табличках). С внутренней стороны серую ткань перекрывали широкой тесьмой, точно такой же, как и с лицевой стороны. Нижний край (подол) был закрыт и укреплен тесьмой с внешней и внутренней стороны изделия. С внешней стороны использовалась шерстяная тесьма с диагонально-саржевым переплетением. Такая тесьма плотнее и декоративнее, чем тесьма диагонально-полотняного переплетения, которая использовалась с внутренней стороны подола. С лицевой стороны кафтан декорирован вышивкой, возможно «елочным» или ромбическим узором. В острых углах вышивки имеются следы от нашитых бляшек. Мастера могли заготавливать шерсть, прясть нити и плести тесьму разных видов в качестве заготовок, которые хранились какое-то время. По мере необходимости раз-

ные плетенки использовали при шитье полотна изделия (Орфинская, Голиков, 2010, с. 114–118).

Плетеный текстиль. Плетение – один из древнейших производственных процессов, позволявший с его помощью получать готовые изделия и не только хозяйственного назначения, но и утилитарного, предназначенного для искусственного покрытия тела. Плетение и ткачество по своим технологическим приемам тесно связаны между собой. По сути своей, ткачество – это процесс переплетения нитей на любом устройстве: рама, палочки, дощечки, ткацкий станок. А плетение – это, прежде всего, ручной перебор нити.

По своим характеристикам плетеная тесьма отличается от трикотажного полотна, связанного спицами или крючком. Плетеная тесьма не распускается так легко, как вязаная, и ее длина изначально должна быть выверена по длине используемой нити. Полоса тесьмы легко может разделяться по ширине, за счет деления нитей поровну. Если есть необходимость, то цельное полотно получается путем сшивания тесемочных полос, поэтому использование термина «плетеный текстиль» отражает суть самого процесса изготовления. Текстиль, сшитый из плетеной тесьмы, являлся одним из видов полотен для шитья деталей андроновского костюма.

Головной убор. Конструкция и изготовление. Главным элементом андроновского женского костюма является головной убор, который отличался в костюме богатым убранством из металлических деталей, бусин, подвесок природных форм. Он изготовлялся из кожи или плетеного полотна, и, скорее всего, представлял

собой шапочку или налобную повязку. По имеющимся археологическим данным, различаются два вида головных уборов: 1-й вид – с комплектом подвесных украшений; 2-й вид – без него. Именно подвесные украшения – накосник и челюстно-лицевая подвеска из бляшек – определяют главную стилевую направленность андроновского костюма. В головном уборе они встречаются по отдельности, но известны редкие случаи, когда они объединены в ювелирном убранстве.

На основании фрагментов плетеной тесьмы из погребения могильника Лисаковский I была воссоздана реплика-модель головного убора. По очевидным причинам объективного характера – отсутствие подходящего сырья и опыта чесания, прядения, крашения шерсти – мы отказались от идеи провести эксперимент по восстановлению полного технологического процесса в изготовлении реплики. Мы ограничились плетением тесьмы: была взята фабричная шерстяная нить толщиной 1 мм красно-бордового цвета для одного головного убора, и красного цвета для другого головного убора. До начала плетения необходимо высчитать и отмерить длину нити, это примерно наполовину больше чем задуманная длина изделия. Например, для одного метра готовой тесьмы нужно взять чуть больше 1,5 метра длины нити. При этом надо следить, чтобы нитки (их количество могло быть до 26) при плетении не путались: каждая нить сматывалась в клубочек. Скорее всего, были какие-то приспособления для крепления нитей у андроновских плетенщиц. Мы же в одном случае использовали вертикальную поверхность спинки стула, к которой крепились моточки ниток. В другом случае –

горизонтальную поверхность доски, на которую были набиты гвозди для привязывания ниток.

При наличии навыка плетения тесьма плетется достаточно быстро. Эта работа требует усердия и терпения. Из толстых нитей тесьма плетется быстрее, чем из тонких ниток. Тесьма диагонально-полотняного переплетения, сплетенная из 20 нитей, начиная с основания и далее вверх, укладывалась в спираль и сшивалась в конический головной убор высотой до 25 см. Конец тесьмы оставался свободным, и протягивался с макушки изделия вниз к наkosному украшению. Для укладки и сшивания тесьмы использовалась болванка (сосуд конической формы или банка), которая позволяла придать изделию жесткую форму. Изготовление тесьмы шириной до 20 мм длиной до 6,0 м и дополнительных тесемок (диагонально-саржевого переплетения) шириной до 10 мм (общая длина полос около 10 м) заняло примерно 80 рабочих часов.

В головном уборе по способу оформления деталей выделяются два типа наkosных украшений: I-й тип – простой – две/несколько низок бусин или полосы обойм, которые заканчиваются листовидными/ромбовидными подвесками; II-й тип – сложносоставной – две/несколько низок бусин держат ювелирный комплект из бронзовых подвесок, трубчатых пронизей, обойм, который заканчивается листовидными/ромбовидными подвесками. Для изготовления реплики был взят сложносоставной наkosник. Детали наkosного украшения были сделаны методом вырезания из пластины латуни желтого цвета, соответственно размерам и форме бронзовых оригиналов. Орнамент проштампован

отбойником. Пастовые и бронзовые бусины были сымитированы пластмассовыми, сходными по форме и размеру. К шапочке в области затылка при помощи двух обойм дополнительно крепились две тесьмы с низками бусин. Третья – центральная тесьма, спущенная с макушки шапочки, служила основной полосой. Весь металлический декор наkosника скреплялся и держался тремя лентами тесьмы, которые монтировали в единое целое – головной убор и наkosник длиной около 60–70 см.

Качественная реставрация и анализ конструкции наkosного украшения позволили в деталях осуществить изготовление его реплики (Чеченкова, 2010, с. 125–131). При сборке по несущим боковыми центральной тесьме были пущены низки бусин. Их закрепили нитками в затылочной части шапочки, и они свободно свисали по длине тесьмы. К нижней части основной части ювелирной композиции наkosника опускались две боковые широкие тесьмы (из 20 нитей), одна центральная широкая и две узкие (из 10 нитей), которые были дополнительно закреплены под центральную пронизь. Все пять тесемок вместе с пущенными по ним низками бусин «подбирались» под арочную пластину, которая прикрывает их своей плоскостью. Основные превращения с полосами тесьмы были проделаны при закреплении парных пятиугольных пронизей в узловой нижней части. Боковые несущие полосы широкой тесьмы были согнуты вдвое, а узкие тесьмы протаскивались под загнутые стороны каждой пятиугольной пронизи. Центральная тесьма раздваивается, и закрепляется к узким тесемкам и прячется под арочную бляшку. Таким

Рис. 2. Шапочка с накосником. Реплика. Жезказганский историко-археологический музей.

Fig. 2. Headwear with a braid adornment. A copy. Jezkazgan Historical and Archaeological Museum.

торые разделялись четырьмя рядами скоб, закрепленных на тесемку.

Макушка шапочки декорировалась полушарными бляшками и очковидной подвеской. Листовидные подвески, завершавшие всю композицию накосного украшения, подвешивались к концам тесемок нитками через отверстия в верхней части бронзового «листа».

Челюстно-лицевая подвеска – это цепь из круглых бронзовых орнаментированных бляшек, закрепленных на шерстяной тесьме/кожаный ремешок. Количество бляшек в подвеске колеблется от пяти до одиннадцати. Тесьма или ремешок пропускались через обоймы/рифленные пронизи, закрепленные в один-два ряда между бляшками, которые фиксировались в районе черепа и висков. При создании модели головного убора было решено прикрепить к шапочке в районе висков и второе подвесное украшение – челюстно-лицевую подвеску.

Подвесной гарнитур к головному убору (накосник и челюстно-лицевая подвеска) – это главная черта стиля андроновского костюма, которая отличает его от костюма других степных культур эпохи бронзы. Это демонстрация собственных стандартов и приоритетов в культуре, когда костюм является знаком территории, этноса, статуса его носителя. В целом созданная нами экспериментальная

образом, из-под пятиугольных пронизей выходят четыре узкие тесемки шириной 10 мм, длиной до 140 мм. По каждой были пущены два ряда низок бусин из четырех пастовых бусин, ко-

реплика головного убора с подвесными украшениями для презентации в экспозиции музея отвечает реальной модели головного убора в андроновской культуре.

Жилет/куртка. Реконструкция и исполнение. При анализе плетеного полотна было установлено, что для шитья куртки (кафтана? жилета?) были применены полосы тесьмы красного цвета разных оттенков, то есть изделие получилось полихромным, красноватого колорита. Основное полотно было сшито из тесьмы светлорозового цвета, украшено красновато-коричневой вышивкой и тесьмой того же цвета по подолу, а с изнаночной стороны – красной тесьмой.

При создании реплики жилета мы отказались от идеи воссоздания полного образа изделия по причине сложности исполнения и отсутствия информации по деталям его конструкции. Было принято решение сплести тесьму, сшить однослойное полотно и собрать само изделие. Тесьма плелась из фабричной шерстяной нити толщиной 3 мм, что облегчило и ускорило работу. Всего сплетено восемь полос длиной 120 см, шириной 3 см для плетеного полотна, которое затем было перегнуто пополам по плечевой линии и сшито по боковым швам, передние две полочки оставлены несшитыми. Пройма и ворот получились прямой конфигурации. Готовое изделие имеет вид короткого распашного жилета из плетеного однослойного полотна (археологизированный текстиль был трехслойным). Низ жилета – это концы тесьмы, распущенные в виде бахромы. Левая и правая полочка были расшиты плетеным шнуром красного цвета орнаментом в виде ромба. Полученная реплика, пожалуй, только в об-

щих чертах напоминает реальное изделие. В данном случае эксперимент продемонстрировал возможность создания и использования плетеного полотна в изготовлении разных деталей андроновского костюма.

Андроновская одежда. Вполне возможно, что детали костюма из плетеного текстиля в виду трудоемкости своего изготовления могли использоваться только в ритуальных целях, например, при погребении или в других обрядах. Значимые детали (головной убор) существовали в единичных экземплярах. Насколько одежда из плетеного полотна была распространена в повседневной жизни андроновской женщины – сказать трудно, поскольку основные знания об андроновском костюме базируются на свидетельствах из погребений, относящихся по предметному содержанию к миру ритуалов.

Платье, скорее всего, шилось из станковой ткани. Сохранившийся на костяке декор в виде бусин или мелких бляшек по вырезу горловины, подолу платья и обшлагам рукава указывает на наличие женского платья в погребении. Можно говорить лишь о модели-реконструкции андроновского платья, так как археологически оно практически не фиксируется. За идею его покроя можно принять архаичный покрой среднеазиатской нераспашной одежды туникообразного покроя (Сухарева, 1979, с. 79). Судя по остаткам ткани под браслетами, можно считать, что длина рукава доходила до запястья. Браслеты могли играть роль зажимов для рукавов (Куприянова, 2008, с. 134, фото 19). Длина платья доходила до колен или чуть ниже, до середины голени: в этих местах находились бусины или нашивные бляш-

Рис. 3. Реконструкция андроновского погребения.
Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья.

Fig. 3. Reconstruction of an Andronovo burial.
Lisakovsk Museum of History and Culture of the Upper Tobol River Area.

ки. Вырез платья, по всей видимости, был горизонтальным и широким, позволял голове легко проходить через него. Горизонтальный ворот мог стягиваться ремешком. Пастовые бусины, фиксируемые в районе шеи, чаще всего располагались полукругом или зигзагом. Хотя возможен и другой вариант оформления ворота. Ширина тканого полотна, скорее всего, соответствовала ширине горизонтального ткацкого станка: около 40–50 см. Платье могло сшиваться из четырех полотнищ обметочным швом, который используется для обработки края ткани и одновременного соединения срезов ткани. Для избегания трения с кожей при ношении шерстяной ткани швы прошивались с лицевой стороны по бокам, и центральным линиям. В районе груди оставался вертикальный разрез для головы. Рукава сшивались из сложенного вдвое полотнища и

пришивались в районе плеча. Платье получалось со спущенной проймой. Реплика андроновского платья была сшита из хлопчатобумажного полотна красного цвета полотняного переплетения шириной 80 см, декорировано по вороту, обшлагоу рукавов и по подолу бусинами. В целом оформился собирательный образ платья на основе археологических свидетельств из разных андроновских погребений урало-казахстанских степей.

Обувь, по всей видимости, была кожаной. Фрагменты кожаных нитей и ремней часто фиксируются в металлических обоймах, в бусинах, которые украшали обувь. По имеющимся материальным свидетельствам находок фрагментов обуви из андроновских могильников можно говорить о ее двух видах: полусапожки (в этом случае бусины, обоймы фиксируются на костяке на уровне середины

Рис. 4. Детали комплекта андроновского костюма: головной убор, накосник, платье, украшения. Реплика. Лисаковский музей истории культуры Верхнего Притоболья.

Fig. 4. Details of an Andronovo costume set: headwear, braid adornment, dress and adornments. A copy. Lisakovsk Museum of History and Culture of the Upper Tobol River Area.

голени); мягкие башмаки, собранные у щиколотки и затянутые ремешком (Куприянова, 2008, с. 101). Для реплики взят кусок кожи, согнутый наполовину, размером 40×40 см и по нему вырезано лекало контура ступни. Полученная деталь была закреплена по центральной линии тыльной стороны стопы кожаным шнуром через дырки, пробитые пробойником, на уровне щиколотки продернут кожаный ремешок. Поверхность изделия с тыльной стороны стопы была декорирована бусинами, бляшками и пронизьями.

Экспозиция реплик. Выполненные реплики андроновского костюма – головной убор, платья, обувь – выставлены в экспозициях двух музеев в Казахстане: Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья, Жезказганский историко-археологи-

ческий музей. Они демонстрируются в разном культурологическом контексте. Лисаковский музей – это реконструкция андроновского ритуала погребения. В погребальный ящик из каменных плит помещен женский манекен, одетый в полный комплект костюма: головной убор с накосником и челюстно-лицевой подвеской, платье, обувь, украшения. В Жезказганском музее костюм представлен с акцентом на показ платья и головного убора. В экспозиции заповедника-музея «Улытау» – это демонстрация крепления ювелирного декора на рисунок с изображением реконструкции головного убора. Авторы-исполнители реплик: О. Евстигнеева, Т. Кунина, Л. Когай, А. Цехмайструк (Караганда), Е. Исатаев (Жезказган), С. Бурцева (Лисаковск), Р. Салимов (Владимир), На-

Рис. 5. Обувь из комплекта андроновского костюма. Реплика. Лисаковский музей истории культуры Верхнего Приоболжья.

Fig. 5. Footwear from the Andronovo costume set. A copy. Lisakovsk Museum of History and Culture of the Upper Tobol River Area.

учно-реставрационная лаборатория «Остров Крым» (Алматы).

Символика андроновского костюма. На наш взгляд, в музейной экспозиции необходимо обратить внимание на знаковые позиции андроновского костюма в тексте этикетажки.

Головной убор маркирует верх, обувь маркирует низ. Это своего рода «небо и земля» одежды. Видимо, символика головного убора и обуви исходит из «небесного и земного» сути их содержания. В андроновском костюме только головной убор и обувь обильно украшались всевозможными декоративными деталями. Это были главные, эстетически ударные составляющие комплекта андроновского костюма. Платье служило своеобразной текстильной вертикалью, которая объединяла головной убор

и обувь в единую семантическую, эстетическую композицию. Дизайн головного убора определялся его символическим значением в костюмном ансамбле. Тем более что в обрядовом костюме (по всей видимости, именно таким является женский костюм в андроновском погребальном обряде), головной убор, отодвигая практическую функцию на второй план, отдавал предпочтение религиозно-магической, соотносимой с охранной магией матери и ребенка, женской фертильности (Гаген-Торн, 1960, с. 139, 143).

Весь дизайн андроновского головного убора подчиняется культу плодородия. Форма подвесок: растение – лист, ромб – женское начало. Красный цвет шерсти – это цвет крови. Орнамент бляшек-оберегов – круг, спираль, крест – это распространенные

знаки Земли, Вселенной (Усманова, 2010, с. 83–93). Накосник с шумящими подвесками в виде листа по своей форме напоминает образ дерева: воплощение идеи о живом, растущем, плодоносящем. Шум, звон, издаваемый при ходьбе всеящими подвесками, очевидно, был призван отпугивать злые силы. Накосное украшение индексовало возрастные группы. По археологическим данным, в детских погребениях украшение для волос в его металлическом облике отсутствует. Накосник появляется в головном уборе подростков (12–14 лет) и присутствует у захороненных женщин в возрасте до 20–25 лет. Традиционно покрытие волос со стороны спины связывается с моментом вступления в брачный возраст или непосредственно в сам брак. Смена головного убора символизирует смену социального статуса «незамужняя – замужняя женщина». Спрятать волосы – означает защитить их по законам магии. Волосы символично ассоциируются с растительностью, с понятием плодородия (Гаген-Торн, 1933, с. 76–88).

Головной убор с накосником пережил не одну сотню лет и сохранился в женском свадебном костюме по причине своего великого магического значения – беречь женскую силу

плодородия. Еще недавно звенели весело накосники, отпугивая зло и привлекая добро в косах казахских, татарских, узбекских, кыргызских, башкирских, мордовских, марийских девушек и женщин. Сегодня традиционный головной убор с накосником на свадьбе – лишь дань традиции. Сегодня он, поражающий сложным декором, обилием и весом металлических деталей, – принадлежность музейных витрин и народного костюма фольклорного ансамбля. Впрочем, в далеких селеньях, деревнях и аулах можно встретить бабушек, в косах которых висят монетки, красивые перламутровые пуговицы и всякого рода подвески. Ну и пусть, что волосы в косе поредели, и детей, внуков полным-полно. Накосники продолжают носиться в память о далекой молодости, когда молодой женой вошла в дом мужа.

В нашей семье сохранилось предание, о том, что моя прабабушка во время Гражданской войны в 1919 году, поменяла свои украшения, в том числе и накосные – татарские чулпы – на хлеб, спасая от голода своих детей. Среди них была и моя бабушка. Так украшения исполнили свою миссию, которая определена традиционной магией: оберегать-сберечь семью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. К истории скотоводства и охоты в Казахстане. Алма-Ата: Галым, 1992. 218 с.
2. Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. 228 с.
3. Гаген-Торн Н.И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // СЭ. 1933. № 5–6. С. 76–88.
4. Горячев А.А., Чернов М.А. Орудия кожевенного ремесла и ткачества из археологического комплекса Тургень-II // История и археология Семиречья. Вып. 3 / Алматы: Общественный фонд «Родничок», 2007. С. 106–119.
5. Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. 138 с.

6. *Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Галым, 1992. 247 с.
7. *Касенов Т.К., Тореханов А.А., Карамшиук И.Т.* Новая порода «Етті меринос». Алматы: Казахстанский НИИ животноводства и кормопроизводства, 2011. 310 с.
8. *Каспаров А.К.* Скотоводство и охота эпохи неолита – палеометалла в Южном Туркменистане. СПб: Европейский Дом, 2006. 176 с.
9. *Куприянова Е.И.* Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» [по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана]. Челябинск: ООО Авто Граф, 2008. 244 с.
10. *Малинова Р., Малина Я.* Прыжок в прошлое. М.: Мысль, 1988. 268 с.
11. *Орфинская О.В., Голиков В.П.* Экспериментальное исследование текстильных изделий из раскопок могильника Лисаковский II // Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций / Приложение 1. Караганда; Лисаковск, 2010. С. 114–124
12. *Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л.* Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.
13. *Полосьмак Н.В., Кундо Л.П.* Пазырыкцы в поисках красного цвета // Центральная Азия. Источники, история, культура / Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского (Москва, 3–5 апреля 2003 г.) / Отв. ред: Е.А. Антонова, Т.К. Мкртычев. М.: Восточная литература, 2005. С. 589–600.
14. *Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 374 с.
15. *Сосновский Г.П.* Древнейшие шерстяные ткани Сибири // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 2. С. 92–96.
16. *Сухарева О.А.* Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии / Отв. ред. О.А. Сухарева. М.: Наука, 1979. С. 77–103.
17. *Ткачев А.А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Том I. Тюмень: Изд-во ТюмГНГИ, 2002. 289 с.
18. *Усманова Э.Р.* Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Караганда; Лисаковск, 2010. 176 с.
19. Флора Казахстана. Т. 8. Алма-Ата: Наука, 1965. 447 с.
20. *Ченченкова О.П.* Реставрация женского украшения в косу – наконика // Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций / Приложение 2. Караганда; Лисаковск, 2010. С. 125–132.
21. *Чернай И.Л.* Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита-бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: Межвуз. сб. / Отв. ред. С.Я. Зданович. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1985. С. 93–109.
22. Энциклопедия Кругосвет. Тонкорунная овца. http://www.krugosvet.ru/enc/ nauka_i_tehnika/biologiya/OV TSA.html (дата обращения 18.01 2016 г.)

Информация об авторе:

Усманова Эмма Радиковна, ведущий научный сотрудник, Сарыаркинский археологический институт, Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Казахстан); emmadervish2004@mail.ru

PRESENTATION OF ANDRONOVO COSTUME IN MUSEUM EXPOSITION (ON MATERIALS FROM LISAKOVSK BURIAL GROUND OF THE BRONZE AGE)

E. R. Usmanova

The article features an analysis of ancient weaving technologies and women's costume of the Andronovo culture dating back to the Bronze Age. It features a reconstruction of this costume executed by the author on the basis of the discovered remains of woven textile and headwear decoration discovered in burial grounds of Lisakovsk area in the first half of 2nd Millennium B.C. (Kazakhstan, Kostanay Region, Kisakovsk). The preservation of textile base allowed the author to experimentally produce copies of two women's headwear pieces and a vest. As a result, two types of braid adornments were discovered among grave artifacts. The author substantiates several ideas related to the meaning of the signs and symbols on costume details. As a result of research, the author presents the semantics of headwear corresponding to Andronovo culture in the context of the symbolism of costumes belonging to the traditional peoples of Middle Eurasia.

Keywords: archaeology, Bronze Age, Kazakhstan, Andronovo culture, headwear, woven textile, technologies, copy, braid adornment, dyeing, status.

REFERENCES

1. Akhinzhanov, S. M., Makarova, et al. 1992. *K istorii skotovodstva i okhoty v Kazakhstane (History of Cattle Breeding in Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Galym" Publ. (in Russian).
2. Gagen-Torn, N. I. 1960. *Zhenskaia odezhda narodov Povolzh'ia (Women Dress of Peoples of the Volga Region)*. Cheboksary: "Chuvashgosizdat" Publ. (in Russian).
3. Gagen-Torn, N. I. 1933. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (5–6), 76–88 (in Russian).
4. Goriachev, A. A., Chernov, M. A. 2007. *Istoriia i arkheologiia Semirech'ia (Tanning and Weaving Tools from Turgen-II Archaeological Complex)* 3. Almaty: Public fund "Rodnichok", 106–119 (in Russian).
5. Evdokimov, V. V., Varfolomeev, V. V. 2002. *Epokha bronzy Tsentral'nogo i Severnogo Kazakhstana (Bronze Age of Central and Northern Kazakhstan)*. Karaganda: Karaganda State University (in Russian).
6. Kadyrbaev, M. K., Kurmankulov, Zh. 1992. *Kul'tura drevnikh skotovodov i metallurgov Sary-Arki (Culture of Ancient Cattle Breeders and Metallurgists from Saryarka)*. Alma-Ata: "Galym" Publ. (in Russian).
7. Kasenov, T. K., Torekhanov, A. A., et al. 2011. *Novaia poroda "Etti merinos" (New breed "Etti merinos")*. Almaty: Kazakhstan Scientific Research Institute of Cattle Breeding and Forage Production (in Russian).
8. Kasparov, A. K. 2006. *Skotovodstvo i okhota epokhi neolita – paleometalla v Iuzhnom Turkmenistane (Cattle Breeding and Hunting of the Neolithic and Paleometal Periods in Southern Turkmenistan)*. Saint Petersburg: "Evropeiskii Dom" Publ. (in Russian).
9. Kupriianova, E. V. 2008. *Ten' zhenshchiny: Zhenskii kostium epokhi bronzy kak «tekst»: (po materialam nekropolei Iuzhnogo Zaural'ia i Kazakhstana) (Shadow of a Woman: Women's Costume of the Bronze Age as a "Text Source": (on Materials from the Necropolae of the Southern Urals and Kazakhstan))*. Chelyabinsk: "AvtoGraf" Publ. (in Russian).
10. Malinova, R., Malina, Ya. 1988. *Pryzhok v proshloe (Leap into the Past)*. Moscow: "Mysl" Publ. (in Russian).
11. Orfinskaia, O. V., Golikov, V. P. 2010. *Kostium zhenshchiny epokhi bronzy Kazakhstana. Opyt rekonstruktsii (Women's Costume of the Bronze Age from Kazakhstan. Reconstruction Experience)*. Karaganda; Lisakovsk, 114–124 (in Russian).

12. Patrushev, V. S. 1989. *U istokov volzhskikh finnov (At the Origins of the Volga Finns)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
13. Polosmak, N. V., Kundo, L. P. 2005. In Antonova, E. A., Mkrtchev, T. K. (eds.). *Tsentral'naia Aziia. Istochniki, istoriia, kul'tura (Central Asia. Sources, History and Culture)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 589–600 (in Russian).
14. Potemkina, T. M. 1985. *Bronzovyi vek lesostepnogo Pritobol'ia (Bronze Age of the Forest-Steppe Tobol Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
15. Sosnovskii, G. P. 1934. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv (Historical Issues of Pre-Capitalist Societies)* 2, 92–96 (in Russian).
16. Sukhareva, O. A. 1979. In Sukhareva, O. A. (ed.). *Kostium narodov Srednei Azii (Costume of Central Asian Peoples)*. Moscow: "Nauka" Publ., 77–103 (in Russian).
17. Tkachev, A. A. 2002. *Tsentral'nyi Kazakhstan v epokhu bronzy (Central Kazakhstan in the Bronze Age)* I. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas Institute (in Russian).
18. Usmanova, E. R. 2010. *Kostium zhenshchiny epokhi bronzy Kazakhstana. Opyt rekonstruktsii (Women's Costume of the Bronze Age from Kazakhstan. Reconstruction Experience)*. Karaganda; Lisakovsk (in Russian).
19. *Flora Kazakhstana (Flora of Kazakhstan)*. 8. 1965. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
20. Chenchenkova, O. P. 2010. *Kostium zhenshchiny epokhi bronzy Kazakhstana. Opyt rekonstruktsii (Women's Costume of the Bronze Age from Kazakhstan. Reconstruction Experience)*. Karaganda; Lisakovsk, 125–132 (in Russian).
21. Chernai, I. L. 1985. In Zdanovich, S. Ya. (ed.). *Eneolit i bronzovyi vek Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia (Eneolithic and Bronze Age of the Ural-Irtysh Interfluvium)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 93–109 (in Russian).
22. *Entsiklopediia Krugosvet. Tonkorunnaia ovtsa (Krugosvet Library. Fine-Wool Sheep)*. Available at: http://www.krugosvet.ru/enc/nauka_i_tehnika/biologiya/OVTSA.html (accessed 18.01 2016) (in Russian).

About the Author:

Usmanova Emma R. Karaganda State University of the name of academician E.A. Buketov. Universitetskaya 28, Karaganda, 100028, Kazakhstan; emmadervish2004@mail.ru

Статья поступила в номер 29.07.2016 г.

КОСТЮМ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-КАМЬЯ АНАНЬИНСКОГО ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КОСТЮМНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЕВРАЗИИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

© 2017 г. Д.Ф. Файзуллина

В статье анализируется развитие костюма ананьинской культурно-исторической области в контексте общего развития элементов костюма Евразии. Историко-культурная реконструкция археологического костюма предполагает синхронный и диахронный анализ эволюции основных элементов костюма. Общий характер одежды определяют географические, климатические условия и тип хозяйства ананьинской культурно-исторической области. Отдельные элементы костюма могут иметь общий эпохальный характер для костюма Евразии эпохи поздней бронзы и раннего железа, развиваться под влиянием «доминирующих культур» либо последовательно эволюционировать с эпохи бронзы до средневековья. Мужская одежда населения ананьинской культурно-исторической области была включена в круг широко распространенной одежды космополитичной военной субкультуры скифского типа той эпохи. Женские высокие берестяные головные уборы, широко известные по этнографическому материалу финно-угорских народов Среднего Поволжья, имеют своим прототипом ананьинские формы, продолжая традиции андроновского мира и представляя единую линию развития.

Ключевые слова: археология, Волго-Камье, ананьинская культурно-историческая область, археологический костюм, реконструкция костюма, одежда скифского типа.

Эпоха финальной бронзы и раннего железного века играет огромную роль в изучении прошлого современных народов. Именно в то время в результате сложных процессов этногенеза закладывается основа для оформления современной этнокультурной карты Евразии. Территорию Волго-Камья в конце II – I половине I тысячелетия до н. э. населяли племена, включенные исследователями в Ананьинскую культурно-историческую область (АКИО) (Кузьминых, 2000, с. 104–113), ставшие этнической основой формирования многих народов финно-угорского мира.

Развитие костюма населения АКИО необходимо рассматривать в контексте общего развития элементов костюма Евразии. Историко-культурная реконструкция археологического

костюма предполагает синхронный и диахронный анализ эволюции основных элементов костюма. Общий характер одежды, прежде всего, определяют географические, климатические условия и тип хозяйства общности. Отдельные элементы костюма могут иметь общий эпохальный характер для костюма Евразии эпохи поздней бронзы и РЖВ, развиваться под влиянием «доминирующих культур» либо последовательно эволюционировать с эпохи бронзы до средневековья.

В статье мы остановимся на двух вопросах, связанных с общей реконструкцией мужского костюма «скифского типа» на основе изображения на стеле с Ананьинского могильника и реконструкции высоких женских головных уборов на берестяной основе.

Первая попытка реконструировать облик одежды населения ананьинской культуры была сделана еще в начале XX века. М.Г. Худяков упоминает попытку реконструкции «одежды ананьинского племени» В.Ф. Кудрявцевым в «Памятной книжке Вятской губернии» 1902 года (Худяков, 1923, с. 97), сделанную, вероятно, на основе изображения на стеле Ананьинского могильника. В своей статье «Ананьинская культура» М.Г. Худяков дает научную реконструкцию костюма ананьинской культуры (Худяков, 1923, с. 96–101). Он основывает свои выводы на материалах Ананьинского, Котловского, Зуевского могильников и могильника Релка; за основу реконструкции мужского костюма взяты две стелы с антропоморфными изображениями из Ананьинского могильника. Несмотря на то что М.Г. Худяков в своей реконструкции смешивает ананьинские и более поздние пьяноборские материалы, он довольно точно отмечает основные элементы и характерные особенности ананьинского костюма: у мужчин – облегающая одежда, пояс и конический головной убор, украшенный налобной бляхой; у женщин – длинное платье и головной убор в виде повязки из ремня с восьмерковидными бляшками и круглой центральной бляхой, ожерелья и височные украшения.

В 1952 г. выходит обобщающая работа А.В. Збруевой (Збруева, 1952), которая явилась итогом почти столетнего изучения ананьинских памятников. Мужской костюм А.В. Збруева включила «в круг широко распространенной в то время одежды скифского типа, приспособленной к верховой езде» (Збруева, 1952, с. 74–75). Мужскую одежду исследовательница ре-

конструировала, прежде всего, на основе антропоморфной стелы с Ананьинского могильника.

В одной из работ В.Н. Марковым, одним из выдающихся исследователей ананьинских древностей, были высказаны сомнения в подлинности большой стелы из Ананьинского могильника. Одним из аргументов исследователя была одежда скифского покроя на изображенном человеке, которая «не могла быть похожа на одежду оседлых людей, занимающихся в основном охотничье-рыболовным хозяйством. Последняя хорошо известна по этнографическим материалам и резко отличается от кочевнической» (Марков, 1994, с. 90–91). В основе мировоззрения ананьинцев, по мнению В.Н. Маркова, лежали две культурные традиции: одна была связана с «южным иранским миром», а другая восходила к «системе ранних шаманских культов, характерных для обитателей лесотаежной зоны» (Марков, 1994, с. 76). Это замечание, думается, правомерно не только в отношении системы культов АКЮ, но и в определении типа культуры (материальной и духовной) населения Волго-Камья XI–VI вв. до н. э., и как следствие – в определении характера костюмного комплекса населения. Действительно, можно говорить о наличии в АКЮ двух хозяйственно-культурных типов: «лесотаежной, охотничьей» культуры (таежные зоны АКЮ) и культуры, основанной на комплексном хозяйстве с принесенными скотоводческими племенами южными (иранскими, индоевропейскими) культурными традициями (постмаклашевская культура приустьевой части Камы и Волги). Южные и лесотаежные традиции, как указывает В. Марков, перепле-

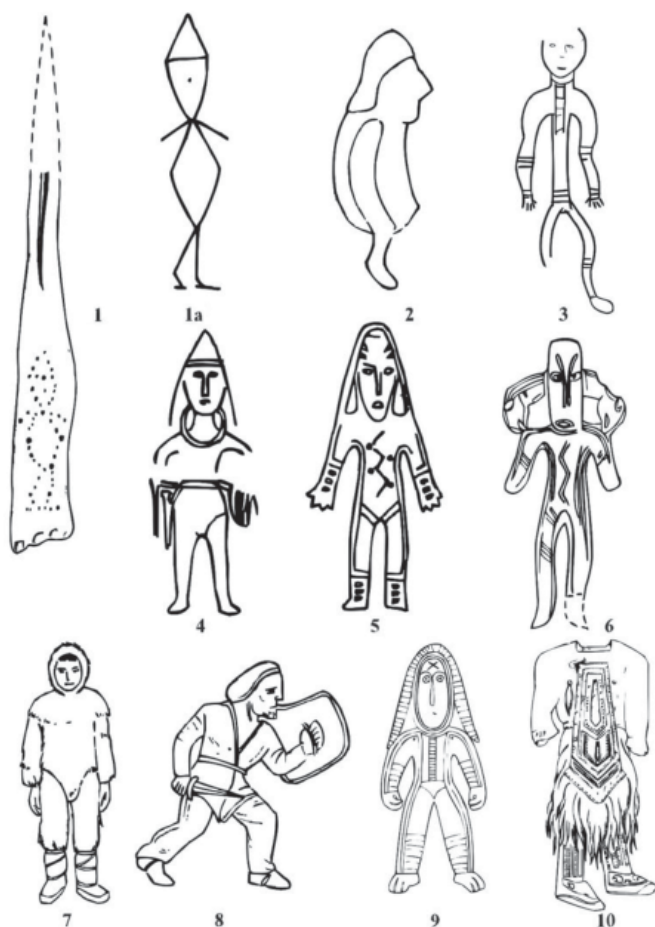

Рис. 1. Изображение одежды ананьинского времени, археологические и этнографические параллели: 1, 1а – изображение на костяном кочедыке IV–III вв. до н. э. из Половинного I селища, прорисовка (по Обыденнову, 2001, рис. 37–2); 2 – прорисовка фигурки сидящего человека на костяном псалии из Луговского могильника (погр. 82); 3 – прорисовка изображения на малой стеле Ананьинского могильника; 4 – прорисовка изображения на большой стеле Ананьинского могильника; 5 – идолчик из 249 погребения Старшего Ахмыловского могильника; 6 – идолчик с городища эпохи раннего железного века у с. Богородское на Ветлуге (по Обыденнову, 2001, рис. 20–3); 7 – одежда современного эскимоса; 8 – изображение скифского воина на гребне из кургана Солоха; 9 – «богиня» на прорезной бляхе VII–VIII вв. из Пермской области (по Оборину, 1988, рис. 137 каталога); 10 – шаманский костюм манси XIX века (по Оборину, 1988, рис. 51 на с. 32).

Fig. 1. Clothing from the Ananyino period, archaeological and ethnographical parallels: 1, 1a – an image on a bone weaving tool of 4th–3rd centuries B.C. from Polovinnoe I settlement, a outline drawing (by Obydennov, 2001, Fig. 37–2); 2 – an outline drawing of a sitting down human figure on a bone psalia from Lugovoe burial ground (burial 82); 3 – an outline drawing of an image on the small stela of Ananyino burial mound; 4 – an outline drawing of an image on the large stela of Ananyino burial mound; 5 – an idol figurine from burial 249 of Elder Akhmylovo burial ground; 6 – a idol figurine from an Early Iron Age settlement near Bogorodskoe village on the Vetluga (by Obydennov, 2001, Fig. 20–3); 7 – clothing of a contemporary Eskimo; 8 – an image of a Scythian warrior on a comb from Solokha burial mound; 9 – a "goddess" on a slit buckle of 7th–8th centuries from the Perm Region (by Oborin, 1988, Fig. 137 of the catalogue); 10 – a Mansi shaman's costume of 19th century (by Oborin, 1988, Fig. 51 on p. 32).

тались (Марков, 1994, с. 76). Исходя из вышесказанного, логично предположить, что одежда населения Волго-Камья XI–VI вв. до н. э., сочетая таежные, северные традиции с южными скотоводческими, иранскими, должна иметь облегающий характер, шиться из кожи и шерстяных тканей, дополняться элементами из дерева, луба, бересты и меха.

Основным источником реконструкции ананьинского мужского костюма всегда являлась большая стела с Ананьинского могильника. В 1870 г. профессор Московского университета К.И. Невоструев приобрел у местного крестьянина разбитую на восемь частей плиту с изображением воина в конической шапке и определил ее как надгробный камень (Невоструев, 1871). Стела имеет подпрямоугольную форму с закругленной верхней частью. На лицевой стороне в технике граффито прочерчено изображение мужчины в остроконечной шапке, с гривной на шее. На поясе у мужчины висит кинжал, нож и сумочка. Высота стелы – 156 см, ширина верхней части – 36 см, ширина нижней части – 32 см, толщина – 18 см. Изображения на стеле описываются учеными по-разному. Ободок вокруг шеи М.Г. Худяков называет витой гривной, А.Х. Халиков – пластинчатой. А.В. Збруева отмечает «косые насечки» на поясе, М.Г. Худяков описывает «пояс с нашитыми бляхами». «На голове, – отмечает М.Г. Худяков, – остроконечная шапка с явственно обозначенным ободком... С висков спускаются на плечи какие-то привески, прикрепленные к шапке наподобие кромок; возможно, что это – височные украшения» (Худяков, 1923, с. 97). Эти детали, отмеченные исследовате-

лем, также как и «косые насечки» на поясе, на стеле в современном ее состоянии уже не просматриваются.

При сравнении элементов костюма, изображенного на большой ананьинской стеле и бронзовых «идольчиках» того же времени, обнаруживается ряд совпадений. Бронзовые «идольчики» количеством 12 штук происходят из погребений Старшего Ахмыловского могильника (погр. 18, 68, 77, 109, 189, 194, 225, 240, 249, 263, 301, 832). Размеры бронзовых фигурок до 10 см находились чаще всего на груди (иногда в кожаных мешочках, на шнурке). В двух случаях идольчики связаны с зеркалом и круглой бляхой, что подчеркивает их сакральность. Датируются идольчики VIII–VI вв. до н. э. Изготовление идольчиков могло быть связано с идеологией шаманского типа (в этом случае они могли являться духами – помощниками шаманов) и анимистическими представлениями (духи предков – покровителей или умерших). По крайней мере, именно так трактуют назначение кремневых антропоморфных фигурок – нагрудных украшений из погребений каменного века ученые (Сериков, 2005, с. 74). Поэтому характер одежды мог сильно отличаться от бытовавшей в то время в среде населения Волго-Камья. На некоторых идольчиках обозначены отдельные элементы костюма. Большинство же фигурок выполнено весьма схематично и без каких-либо намеков на одежду. Сложность интерпретации узоров, нанесенных на фигурки, в том, что они могут носить исключительно символический характер, являться «магическими знаками» и не иметь никакого отношения к одежде, отражать характер раскраски тела и татуировки. Однако то, что не-

Рис. 2. Гипотетическая реконструкция мужского костюма и вооружения ананьинского воина на материалах погребений Мурзихинских могильников (художник Р.Р. Садыков, с изменениями Е.Н. Тимофеевой).

Fig. 2. A hypothetical reconstruction of a men's costume and the armament of an Ananyino warrior on the basis of materials from Murzikha burial grounds (artist R.R. Sadykov, amended by E.N. Timofeeva).

которые изображенные элементы костюма совпадают с другими изображенными материалами, позволяет предположить отражение реальных черт бытовавшей одежды (или какого-то типа одежды – шаманской, промысловой...) и рассматривать идольчики как изобразительный источник для реконструкции костюма.

И на стеле, и на «идольчиках» вся изображенная одежда достаточно облегающая, узкая и короткая, достигающая лишь до бедер; на идольчике из погребения 249 и изображении с большой стелы совпадает край нижней части одежды. Зигзаг на груди

идольчика может изображать застежку-шнуровку, либо это художественный прием, передающий распашной характер одежды. Не исключено, что зигзаг является просто магическим знаком, связанным с образом змеи или символической границы миров.

Археологическими материалами подтверждается только наличие поясов, иногда наборных, и висящее на них оружие в ножнах. Реконструируемая по этнографическим источникам туникообразная рубаха финно-угров явно не совпадает с изображенным типом одежды. С большой осторожностью «украшение» на груди изобра-

жения с малой стелы можно считать украшенным грудным центральным вырезом рубахи.

Возможно, что изображен (особенно на идольчиках) какой-то тип промысловой одежды – «соединенные вместе в виде комбинезона короткая зимняя куртка и штаны» (Обыденнов, 2001, с. 26–27). Этнографы отмечают, что промысловая одежда отличалась от повседневной, иногда довольно существенно. А.А. Красноперов также реконструирует одежду типа «малицы» для чегандинской культуры и не исключает влияние таежных сибирских традиций для постананьинского населения (Красноперов, 2006, с. 18).

Сложность в проведении каких-либо параллелей с этнографическим и археологическим материалом в том, что все изображения носят явно сакральный характер, поэтому изображенная одежда может вообще никак не соотноситься с одеждой бытовой. Изображения на стелах и бронзовых идольчиках, вероятно, тесно связаны с древними представлениями об «изображениях – вместилищах для душ усопших сильных личностей, героев, предков» (Кулемзин, 1984, с. 52) и помощников духов и шаманов в виде металлических антропоморфных фигурок.

Особо необходимо остановиться на оформлении нижней части одежды в виде мыска на идольчиках и большой стеле. Здесь возможно несколько объяснений: 1) изображена особая форма промысловой одежды в виде комбинезона или костюма шамана (как, например, «обрядовый костюм мансийского шамана» XIX в. (рис. 1: 10) с остроугольно заканчивающимся нагрудником (Оборин, 1988, с. 32, рис. 51); 2) изображены узкие раз-

емные штаны-чулки типа «шосс», подвязанные к поясу или пришитые к короткой куртке; 3) изображена куртка (кафтан) скифского типа. У скифов куртки шились из кожи, меха, ткани, кроились узкими, обычно с продольным разрезом, запахивались и стягивались поясом, спереди фалды выкраивались остроугольными и, складываясь, образовывали мыс, опускающийся почти до колен (Древняя одежда..., 1986, с. 12). Такая одежда ярко запечатлена на гребне из Солохи, бляшках из Куль-Обы, на фризе чертомлыцкой амфоры и обивке горита из Солохи (Степи европейской части..., 1989, с. 339, табл. 34, рис. 1: 6). С.А. Яценко связывает «короткие кафтаны со скошенными от центра к бокам лапами» с кочевыми саками Западного Туркестана и кочевниками более восточных районов (Северного Тянь-Шаня и Юго-Западной Сибири) (Яценко, 2001, с. 22). Учитывая, что скифская мужская одежда формировалась как одежда всадника и функционально приспособлена для верховой езды, вполне вероятно, что социальная верхушка ананьинцев, воины-всадники, переняли некоторые элементы костюма скифов. С.А. Яценко указывает на древние «общеиранские» элементы костюма: короткие распашные кафтаны, высокие конические головные уборы, мужские кожаные наборные пояса, полусапожки, мужские ноговицы, крепившиеся на лямках к поясу (Яценко, 2001, с. 26). В целом все эти черты мы находим в ананьинском мужском костюме.

Также имеются два человеческих изображения на костяных изделиях ананьинского времени. На костяном псалии из Луговского могильника

(погр. 82) искусно вырезан сидящий верхом на мифическом животном ссутулившийся человек. На голове всадника достаточно четко фиксируется конический головной убор. Псалий лежал у правого бедра погребенного мужчины, датируется VII веком до н. э. Композиционно и стилистически фигура всадника идентична поздним образцам «пермского звериного стиля», что говорит о связи этого изображения с религиозными представлениями ананьинцев и сакральности образа изображенного (Чижевский, 2012). Схематичное контурное изображение из точек на кочедыке IV–III вв. до н. э. из Половинного I селища напоминает антропоморфную фигуру в коническом головном уборе (Обыденнов, 2001, с. 52. рис. 38: 5). Указанные выше изображения использовались для обоснования реконструкции конической формы головных уборов у ананьинцев. На большой стеле из Ананьинского могильника, бронзовом идольчике из Ахмыловского могильника (погр. 249), костяном псалии из Луговского могильника (погр. 82) и кочедыке из Половинного I селища антропоморфные фигуры изображены в конических головных уборах. А.В. Збруева указывает на сходство «остроконечной шапки со спускающимися вниз концами» воина со стелы со скифскими башлыками. Изображение головного убора на идольчике из 249 погребения Старшего Ахмыловского могильника определяется В.С. Патрушевым как «шапка-ушанка усеченно-конической формы» (Патрушев, 1984, с. 54). Головной убор всадника на костяном псалии из Луговского могильника также явно конусообразной формы и, возможно, имеет затылочную лопасть. Однако вышеуказан-

ные изображения сложно оценивать однозначно. Неясно, кто изображен на стеле, – дух-покровитель, предок, вождь. Островерхий головной убор может связываться с сакральностью образа изображенного. Так, в финно-угорской мифологии изображениям мужских духов часто сопутствуют островерхие головные уборы «Шаманские духи-помощники рисуются остроголовыми, летящими подобно птицам, в небесные пределы», – указывает А.В. Головнев (Головнев, 1995, с. 227). Костюм «скифского образца» могла перенять только социальная верхушка ананьинского общества (воины-всадники, вожди), тогда как основная часть населения придерживалась традиционных форм одежды, отличающихся от изображенных на стеле. Изготовление же бронзовых идольчиков также имеет ярко выраженный сакральный характер. Тем не менее островерхий головной убор типа колпака как удобный и простой в изготовлении «достаточно широко был распространен в древности у самых разных племен и народов» (Крыласова, 2001, с. 42). Находки остатков головных уборов в ряде курганов Северного Причерноморья «позволяют предполагать, что башлыкообразные головные уборы существовали у скифов и их ближайших соседей со времен архаики, причем, видимо, их носили не только мужчины, но и женщины» (Мирошина, 1981).

Скифские мужские «башлыки» реконструируются двух типов – с заостренной верхушкой и лопастями (куль-обский тип) и мягкий без боковых лопастей, со свисающей назад верхушкой, перевязанный лентой вокруг головы (Степи европейской части..., 1989, с. 109). Делали башлыки

из войлока или кожи, украшали бляшками. Следуя вышеприведенной типологии башлыков, ананьинский головной убор на стеле и на бронзовом идолычке из погребения 249 Старшего Ахмыловского могильника относились к первому типу с приостренным верхом. Однако на ананьинском башлыке нет лопастей, скорее всего, это завязки или височные украшения (предположение М.Г. Худякова), М.Г. Худяков также полагал кожаную повязку поверх шапки на стеле из Ананьинского могильника. Таким образом, ананьинский башлык совмещает элементы первого и второго типа скифских башлыков и имеет свои особенности.

В двух женских погребениях Луговского могильника (погр. 86 и 88) зафиксированы берестяные основы головных уборов в виде усеченных конусов диаметром 13 и 16 см у черепа, 9 и 8 см в верхней части и высотой 10 и 15 см (Корепанов, 2001). В погребении 479 Старшего Ахмыловского могильника находилась кожаная шапочка, расшитая трапециевидными накладками, составляющими усеченный конус (Патрушев, 1984, с. 57, рис. 29). Берестяные головные уборы из Луговского могильника реконструируются нами как небольшие берестяные колпачки усеченно-конической формы, покрытые тканью, закрепленной, в свою очередь, двумя венчиками-повязками у основания колпачка и по обхвату головы.

Прямым аналогом данного типа является головной убор из погр. 142 Безводнинского могильника (Краснов, 1990, с. 55). Ю.А. Краснов особо подчеркивает, что бронзовое кольцо диаметром 14 см, найденное выше жгута, обхватывающего голову, было

скошено для «надевания на какую-то коническую поверхность» (Краснов, 1980, с. 42). Идентичную форму имеют головные уборы замужних вожанок, чувашские «хушпу» второго типа (Гаген-Торн, 1960, с. 202). По материалам чегандинской культуры реконструируются высокие берестяные головные уборы (Красноперов, 2006, с. 13). Близки по композиции и строению марийские головные уборы «шымакш» (Гаген-Торн, 1960, с. 207), известен способ их крепления на голове: волосы укладываются в пучок на темени или надо лбом, на волосы плотно насаживается берестяной колпачок, а на него надевается тканевый головной убор (Гаген-Торн, 1960, с. 207). Возможно, близкая форма прически существовала и в ананьинскую эпоху. На одной из сарматских фигурок изображен подобный головной убор – небольшой усеченный конус и, вероятно, надетый сверху длинный тканевый колпак со свисающим на затылок концом (Богданов, 1998).

Женщины фатьяновской культуры эпохи бронзы носили «высокие головные уборы из кожи или шерстяной материи, украшенные нашитыми пронизками и подвесками из зубов и костей животных и раковин» (Крайнов, 1987, с. 80). К сожалению, нет теоретических исследований о характере зависимости форм головных уборов от природно-географических и хозяйственных условий. Создается впечатление, что высокие (башнеобразные) головные уборы более свойственны все же степному кочевому населению. Для лесной полосы головные уборы более обтекаемой и компактной формы (типа плотно облегающей шапочки) кажутся практичнее и целесообразнее.

Ритуальные женские конические головные уборы на жесткой основе известны на скифских изображениях и реконструируются по материалам скифских погребений. Многие этнографы связывают появление этого типа головных уборов финно-угорских народов исключительно со скифским влиянием. «С VII–VI вв. до н. э. определяющими становятся связи со скифским миром, к VI в. до н. э. из ананьинских комплексов и вообще исчезают вещи, характеризующие связи с Кавказом, одновременно появляются и получают широкое распространение изделия, указывающие на оживленные связи с савроматским (ранним сарматским) миром», – указывает С.Н. Коренюк (Коренюк, 1999, с. 75–76). Параллели в ананьинской и скифской одежде (по изображению со стелы) также позволяют нам обратиться к скифскому костюму и скифским головным уборам в поисках возможных аналогий.

Головные уборы скифянок (ритуальные, реконструируемые по материалам царских курганов) – это «калафы, тиары и конусовидные уборы – клобуки» (Степи европейской части..., 1989, с. 108). Калаф – «цилиндрический спереди головной убор – сбоку имел дугообразный край, подобно кокошнику, с мягким закрытым верхом и затылком... Высота убора 9–16 см. На лбу всегда была метопида. Сзади на калаф набрасывали покрывало с золотыми бляшками. Основа калафа кожаная, закреплялась она на деревянном обруче, охватывающем голову» (Степи европейской части..., 1989, с. 108). Тиара описывается так же, как цилиндрический головной убор, но «с плоским твердым верхом и лопастьями, доходящими до плеч». Высота тиары

спереди 9–10 см, общая длина до плеч 25–28 см. Сверху на убор накидывали покрывало Степи европейской части..., 1989, с. 108). Тиару также дополняла метопида с височными подвесками. Третий тип «жестких» головным уборов – конусовидный клобук – имел вид шапки с «заостренным верхом, боковыми и задней лопастьями, доходящими до плеч» (Степи европейской части..., 1989, с. 108). Известны были у скифянок покрывала до пояса и до плеч, которые носились отдельно либо с жесткими головными уборами; золотые диадемы, «наиболее редкий социально значимый головной убор» (Степи европейской части..., 1989, с. 108).

Сходство ананьинских типов головных уборов со скифскими можно объяснить как влиянием последних на развитие головных уборов Волго-Камья, так и эпохальным характером форм головных уборов, общим для населения Евразии раннего железного века.

Высокие берестяные конусообразные головные уборы широко известны по этнографическому материалу финно-угорских народов Среднего Поволжья: «айшон» у удмуртов, «шурка» мари и «панго» мордвы и, по всей видимости, имеют своим прототипом именно ананьинские формы, тем самым являясь продолжением единой линии развития. Жесткие берестяные головные уборы появляются, вероятно, под влиянием скифской культуры или продолжают традиции андроновского мира.

Мужская одежда менее традиционна и устойчива, поэтому в эпоху раннего железного века находилась под влиянием доминирующих культур Евразии – предскифской и скиф-

ской – и входила в круг широко распространенной космополитичной военной субкультуры той эпохи. Воины–всадники составляли основную часть взрослого мужского населения АКИО, поэтому был заимствован костюм, приспособленный к верховой езде и представлявший собой короткую куртку или кафтан, закрепленный поясом или какой-то застежкой. Заимствования такого рода встречаются в истории костюма¹.

А.В. Збруева указывала на включенность ананьинской одежды, изображенной на большой стеле, в круг «широко распространенной в то время одежды скифского типа». Геродот в свое время отмечал, что «скифскую одежду» носили не только собственно скифы, но и их соседи – племена нескифского происхождения (Древ-

няя одежда народов..., 1986, с. 18). Ареал скифской одежды простирался от Дуная до Передней Азии (Древняя одежда народов..., 1986, с. 18).

Влияние военной субкультуры проявляется в заимствовании оружия и шейных гривен. Также вероятно наличие сибирских таежных традиций изготовления одежды типа малицы или комбинезона. Присутствие в мировоззрении ананьинцев идеологии шаманского типа может определить и наличие специального ритуального костюма, запечатленного в изобразительных материалах, имеющих сакральную направленность.

Механизмы действия международной моды в древности не до конца исследованы и ждут дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданов С.В.* Идолы и амулеты сарматских погребений урало-казахстанских степей // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1998. С. 44–52.
2. *Гаген-Торн Н.И.* Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. 228 с.
3. Древняя одежда народов Восточной Европы / Отв. ред. М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1986. 272 с.
4. *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.
5. *Коренюк С.Н.* Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 68–78.
6. *Крайнов Р.А.* Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 58–75.

¹ С.А. Яценко приводит два примера – греческие колонии Северного Причерноморья и Китай в период династии Тан. «Заимствовались всегда крупные предметы мужского костюма (плечевая одежда, шаровары, сапоги и пояса), но обычно – без «варварской» системы декора. В одних случаях решающим фактором таких заимствований являлась большая приспособленность кочечевого костюма к местному климату и соответственно – их бытовое удобство...» (Яценко, 2001, с. 15).

7. *Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник. (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.
8. *Краснов Ю.А.* Женская одежда по материалам Безводнинского могильника // КСИА. Вып. 170. М.: Наука, 1982. С. 51–57.
9. *Красноперов А.А.* Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н. э. – V в. н. э.). Дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 24 с.
10. *Крыласова Н.Б.* История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 260 с.
11. *Кузьминых С.В.* Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Матер. науч. конф. к 75-летию В.А. Генинга. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2000. С. 104–113.
12. *Кулемзин В.М.* Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1984. 186 с.
13. *Марков В.Н.* Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1994. С. 48–88.
14. *Марков В.Н.* Некоторые результаты исследования каменной стелы с изображением из Ананьинского могильника // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1994. С. 88–93.
15. *Мирошина Т.В.* Некоторые типы скифских женских головных уборов IV–III вв. до н. э. // СА. 1981. № 4. С. 49–69.
16. *Невоструев К.И.* Ананьинский могильник // Труды I Археологического Съезда в Москве. Т. 2. М., 1871. С. 595–632.
17. *Оборин В.А.* Древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1988. 184 с.
18. *Обыденнов М.Ф.* Человек в искусстве Урала, Прикамья и Среднего Поволжья. Эпоха каменного века – середина II тыс. н. э. Уфа: Юрика, 2001. 236 с.
19. *Патрушев В.С.* Марийский край VII–VI вв. до н. э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1984. 229 с.
20. *Сериков Ю.Б.* К вопросу о семантике некоторых атрибутов шаманов каменного века // Структурно-семиотические исследования в археологии. Том 2 / Глав. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Донецкий Национальный университет, 2005. С. 73–83.
21. *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.* М.: Наука, 1989. 464 с.
22. *Худяков М.Г.* Ананьинская культура // Казанский губернский музей за 25 лет: юбилейный сборник статей. Казань: Тип.комбинат изд-ва и печати "Восток", 1923. С. 72–126.
23. *Чижевский А.А., Шаталов В.А.* Псалий из Луговского могильника: к вопросу об образе всадника и коня в ананьинском искусстве // РА. 2012. № 1. С. 26–35.
24. *Яценко С.А.* О некоторых вопросах изучения «археологического» костюма. Механизмы костюмных связей народов Великой степи // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Т. 1 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский историко-краеведческий музей, 2001. С. 4–21.

Информация об авторе:

Файзуллина Диана Фаридовна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); faizullinad@yandex.ru

COSTUME OF THE VOLGA-KAMA POPULATION OF THE ANANYINO PERIOD IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF COSTUME COMPLEXES IN THE EARLY IRON AGE EURASIA

D. F. Fayzullina

The article features an analysis of the costume of Ananyino cultural and historical areal in the context of the general development of Eurasian costume elements. Historical and cultural reconstruction of an archaeological costume requires a synchronous and diachronous analysis of the evolution of primary costume elements. The general nature of clothing is determined by geographical and climatic conditions, and the type of economy of Ananyino cultural and historical areal. Individual elements of the costume can have a common nature in terms of the time period for the Eurasian costume of the late Bronze Age and early Iron Age, and develop under the influence of "dominant cultures", or gradually evolve from the Bronze Age to the Middle Ages. Men's clothing of the population of Ananyino cultural and historical areal was included in the series of widely spread clothing of the cosmopolitan military subculture of the Scythian type dating back to the period under study. Women's high birch bark headwear widely known on the basis of the ethnographic material of the Finno-Ughric population of the Middle Volga region are similar in shape to Ananyino counterparts, continuing the tradition of the Andronovo world and representing a single line of development.

Keywords: archaeology, the Volga-Kama region, Ananyino cultural and historical areal, archaeological costume, costume reconstruction, Scythian type of clothing.

REFERENCES

1. Bogdanov, S. V. 1998. In *Ufimskii arheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 1. 44–52 (in Russian).
2. Gagen-Torn, N. I. 1960. *Zhenskaia odezhda narodov Povolzh'ia (Women Dress of Peoples of the Volga Region)*. Cheboksary: "Chuvashgosizdat" Publ. (in Russian).
3. Rabinovich, M. G. (ed.). 1986 *Drevniaia odezhda narodov Vostochnoi Evropy (Ancient Clothing of Eastern European Peoples)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
5. Korenuk, S. N. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Arheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad (Archaeological Collection of Papers. Funeral Rite)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 68–78 (in Russian).
6. Krainov, R. A. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR 8. Moscow: "Nauka" Publ., 58–75 (in Russian).
7. Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskii mogil'nik: k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorky Volga Area in the Early Middle Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Krasnov, Yu. A. 1982. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 197. Moscow: "Nauka" Publ., 51–57 (in Russian).
9. Krasnopeorov, A. A. 2006. *Kostium naseleniia chegandinskoi kul'tury v Prikam'e (II v. do n.e. – V v. n.e.) (Costume of Residents of the Cheganda Culture in the Kama River Basin (2nd Century BC – 5th Century AD))*. PhD Diss. Izhevsk (in Russian).

10. Krylasova, N. B. 2001. *Istoriia prikamskogo kostiama. Kostium srednevekovogo naseleniia Permskogo Predural'ia (History of the Kama River Region Costume. Medieval Costume of the Perm' Cis-Urals Population)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
11. Kuzminykh, S. V. 2000. *Rossiiskaia arkhologiiia: dostizheniia XX i perspektivy XXI vv. (Russian Archaeology: Achievements of 20th and Prospects for 21st Centuries)*. Izhevsk: "Udmurtskii universitet" Publ., 104–113 (in Russian).
12. Kulemzin, V. M. 1984. *Chelovek i priroda v verovaniakh khantov (People and Nature in the Faiths of the Khanty)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).
13. Markov, V. N. 1994. In Starostin, P. N. (ed.) *Pamiatniki drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Monuments of the Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, 48–88 (in Russian).
14. Markov, V. N. 1994. In Starostin, P.N. (ed.) *Pamiatniki drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Monuments of the Ancient History of the Volga-Kama Region)*. In *Voprosy Arkheologii Tatarstana (Issues of Tatarstan Archaeology) 1*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, 88–93. (in Russian).
15. Miroshina, T. V. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology) (4)*, 49–69 (in Russian).
16. Nevostruev, K. I. 1871. In *Trudy I Arkheologicheskogo S"ezda v Moskve (Proceedings of 1st Archaeological Meeting in Moscow) 2*. Moscow, 595–632 (in Russian).
17. Oborin, V. A. 1988. *Drevnosti Rifeia. Permskii zverinyi stil' (Antiquities of the Riphean. Perm Animal Style)*. Perm: "Permskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
18. Obydenov, M. F. 2001. *Chelovek v iskusstve Urala, Prikam'ia i Srednego Povolzh'ia. Epokha kamennogo veka – seredina II tys. n.e. (People in the Art of the Urals, Kama Region and Middle Volga Region. The Stone Age Period – mid-2nd Millennium A.D.)*. Ufa: "Iurika" Publ. (in Russian).
19. Patrushev, V. S. 1984. *Mariiskii krai VII–VI vv. do n.e. (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Mari Land in 7th – 6th Centuries B.C. (Starshiy Akhmylovsky Burial Mound))*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
20. Serikov, Yu. B. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.) *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arkhologii (Structural and Semiotic Studies in Archaeology) 2*. Donetsk: Donetsk National University, 73–83 (in Russian).
21. *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. 1989. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
22. Khudiakov, M. G. 1923. In *Kazanskii gubernskii muzei za 25 let (Kazan Governorate Museum over the Period of 25 Years)*. Kazan: "Vostok" Publ., 72–126 (in Russian).
23. Chizhevsky, A. A, Shatalov, V. A. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology) (1)*, 26–35 (in Russian).
24. Yatsenko, S. A. 2001. In Stashenkov, D. A. (ed.) *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysyacheletii n.e. (iz istorii kostiama) (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (from the History of Costume)) 2*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P.V.Alabin, 4–21 (in Russian).

About the Author:

Fayzullina Diana F. Candidate of Historical Sciences. Associate Professor. Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; fayzullinad@yandex.ru

Статья поступила в номер 03.07.2016 г.

УДК 902(571.1)

DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.3.21.318.328>

ТЕКСТИЛЬ ИЗ КУРГАНОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ДОЛИНЕ РЕКИ ЭЭРБЕК (ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТУВА)

© 2017 г. В.С. Бусова

В статье представлены результаты изучения изделий из органических материалов, найденных в ходе аварийно-спасательных раскопок 75 курганов скифского времени в 2012 и 2014 гг. на территории Центральной Тувы, в долине реки Ээрбек. Сохранность изделий оказалась возможной благодаря их контакту в бронзовыми предметами. В статье приводится описание 21 образца текстиля (могильники Бай-Даг 6, Бай-Даг 8, Саускен 3, Саускен 7, Эки-Оттуг 1) по следующим характеристикам: размеры, тип переплетения, направление кручения нитей. Полностью сохранившихся изделий в коллекции нет. Однако, автору удалось на основании конструктивных признаков фрагментов изделий сделать предположение о функциональном назначении целого предмета, частью которого они являлись. В результате систематизации данной коллекции и хронологической привязки находок к археологическим культурам скифского времени Тувы автором определены возможные варианты путей развития текстильного производства в I тыс. до н. э. в изучаемом регионе.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, Центральная Тува, алдыбельская культура, уюкско-саглынская культура, текстиль, ткань.

В течение двух летних полевых сезонов 2012 г. и 2014 г. Тувинской археологической экспедицией Института истории материальной культуры РАН под руководством М.Е. Килуновской и Вл.А. Семенова на территории Центральной части Тувы, в долине реки Ээрбек, были исследованы курганы скифского времени (Килуновская, Семенов, 2013; Килуновская и др., 2015). В составе находок из погребений, датирующихся VII–IV вв. до н. э., встречаются текстильные изделия из органических материалов. Существуют полноценные исследования по истории и технологии создания текстиля в I тыс. до н. э. на территории Сибири (Руденко, 1953, 1960; Пламеневская, 1973; Глушкова, 2002; Полосьмак, Баркова, 2005; Царева, 2006). К сожалению, специализированной монографии, касающейся текстиля ранних кочевников Тувы, не

существует, поэтому на данном этапе мы постарались очертить общий контекст изучаемого материала.

Несмотря на то что все курганы были ограблены еще в древности, фрагменты вещей сохранились благодаря контакту с предметами из медных сплавов. За два полевых сезона исследованы 75 курганов скифского времени (VII вв. до н. э. – I в. н. э.), в 10 объектах обнаружен 21 образец текстиля, из которых выделено 5 различных групп тканей, которые, в свою очередь, распадаются на 2 группы по типу переплетения (саржевые и полотняные). По косвенным признакам можно сделать ряд предположений о назначении того или иного изделия, а также отметить некоторые тенденции в развитии текстильного производства (материал, техника производства) в I тыс. до н. э. на территории Центральной Тувы.

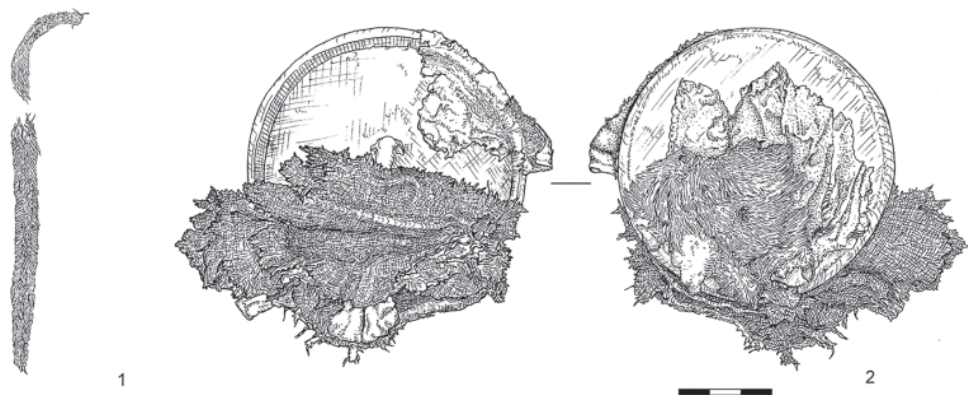

Рис. 1. 1 – шерстяной плетеный ремешок (могильник Бай-Даг 6, курган 6, могила 1, № 18); 2 – зеркало из медного сплава с бортиком и петлевидной ручкой по центру с фрагментами кожного чехла, меховой верхней одежды и ткани (могильник Бай-Даг 6, курган 6, могила 1, № 18). Рисунок А. Малютиной.

Fig. 1. 1 – woolen braided strap (Bai-Dag 6 burial ground, barrow 6, grave 1, No.18); 2 – copper alloy mirror with skirting and a loop-shaped handle in the center with fragments of a leather case, fur outwear and fabric (Bai-Dag 6 burial ground, barrow 6, grave 1, No.18). A drawing by A. Malyutina.

Структурный анализ проводился с помощью визуального осмотра текстильных изделий. Исследования велись на базе Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. академика И.Э. Грабаря в отделе реставрации кожи и археологического текстиля под руководством научного сотрудника, к.и.н. О.В. Орфинской.

Самый популярный материал древнего текстиля на территории Азии в изучаемый период – шерсть. Микроскопическое исследование показало, что все рассмотренные образцы текстиля изготовлены из волокон шерсти. Толщина нитей небольшая: от 1000 мкм до 2000 мкм. Шерсть совмещает в себе грубые остевые волосы и пух. Если сохранность позволяет визуально определить направление кручения волокон, образующих пряжу, то чаще всего обнаруживаются нити слабой крутки направления Z. Основными являются два вида переплетения: сарже-

вое и полотняное, первое из которых преобладает. Возможно, текстиль был окрашен, но визуальный осмотр археологических тканей не дает точных сведений о происхождении красящих веществ (пигментов) из-за серьезной утраты ими первоначального облика в процессе археологизации. Все ткани имеют слабый рыжевато-бурый оттенок из-за продолжительного нахождения в почве богатой железистыми соединениями.

Привлечение естественнонаучных методов определения волокон позволит в дальнейшем идентифицировать состав стад-доноров древних кочевников Тувы. Например, текстиль животного происхождения раннего железного века (800–500 гг. до н. э.) из болот Дании (Huldremose) был проанализирован с помощью изотопного анализа по стронцию (Sr), который подтвердил, что рацион одной группы овец-доноров был сугубо местным, а другие овцы питались той раститель-

ностью, которая произрастает только на полях Северной Скандинавии (например, Швеции и Норвегии). Следовательно, путь текстильного сырья оказался длиннее, чем предполагалось ранее (Frei et al., 2009, p. 1965–1971).

В докладе «Предварительное сообщение о комплексах бронзовых изделий с фрагментами органических материалов из могильников скифского времени Центральной Тувы» (Бусова, Курганов, 2013, с. 50) описаны комплексы изделий из медного сплава с наиболее ранним текстилем из представленной коллекции (VII в. до н. э.). Четырехгранное бронзовое шило с двухярусным навершием и фрагментами кожи и ткани полотняного переплетения (могильник Бай-Даг 6, курган 6, могила 3, № 13). Фрагмент тонкой пряжи соткан из нитей, скрученных по направлению Z. Если обратить внимание на послойное расположение фрагментов – шило из медного сплава, мех, ткань, снова мех, – можно сделать предположение о том, что мы имеем дело с упорядоченными сохранившимися частями верхней одежды под тазовыми костями погребенной. К этому комплексу относится небольшая медная игла без ушка.

Бронзовое зеркало с бортиком и петлевидной ручкой по центру с фрагментами текстильного полотна полотняного переплетения и мехового чехла (могильник Бай-Даг 6, курган 6, могила 1, № 18) (рис. 1: 2). Ровная и гладкая ткань, скорее всего, была частью одежды погребенного, которая «запала» на зеркало и потому сохранилась (на фрагменте не зафиксированы швы и кромки). Нити скручены по направлению Z. Вместе с зеркалом также найдены: шерстяной плетеный

косичкой ремешок из 4-х групп нитей, скрученных по направлению Z (рис. 1: 1), и кожаный тонкий ремешок, служивший для крепления на поясе.

В 2012 г. был исследован курган 1 (погребение 11), могильника Бай-Даг 8 (Рукавишникова, 2013), датирующийся концом VII – началом VI в. до н. э. Среди находок из органических материалов известны четыре небольших фрагмента (размеры в диапазоне от 4,4×1,9 см до 2×1,6 см) ткани полотняного переплетения с круткой нити основы и утка по направлению Z. Фактура полотна очень гладкая, а плотность переплетения очень высокая. Один из фрагментов имеет характерный аккуратный загиб, похожий на кромку.

Крупный фрагмент шерстяного тканого изделия (размером 39×31 см) из кургана 2 могильника Саускен 7 (V–IV вв. до н. э.) представляет собой два полотна диагонального саржевого переплетения, с двумя сохранившимися узкими кромками, соединенными накладным швом (рис. 2: 4). Направление крутки нитей основы и утка – Z. Расположение в погребении (на бедренной кости человека) и конструкция шва дают возможность предположить, что изделие является юбкой, сшитой из широких полос, аналогии для которой встречаются в Туве (курган Аржан 2), Алтае (могильник Ак-Алаха 5, курган 2) и Восточном Сынцзяне (могильник Субеши 3) (Полосьмак, Баркова, 2005, с. 64, 66; Яценко, 2006, с. 95). Направление общего рисунка саржи на лицевой стороне – Z, простая саржа 2/2 (R (раппорт) 4).

Из кургана 5 (погребение 1) могильника Саускен 7 происходят пять фрагментов плетеного шерстяного

пояса с кожаным распределителем и двумя сохранившимися простыми узлами на нем (рис. 2: 6). Он создан «дерганьем», то есть в технике, которая представляет собой чередование и затягивание пяти длинных петель, что удобно в условиях кочевого образа жизни, потому как для его создания требуется только неподвижная опора и пара рук. Этот тип плетения часто использовался для создания поясов из нитей, окрашенных в разные цвета. Погребение было ограблено еще в древности, фрагменты уплощенного текстиля найдены в комплексе с тазовыми костями и нижней челюстью человека. Прямой аналогией, в рамках скифской культуры, является шерстяной пояс-шнур из погребения женщины в кургане 1 могильника Ак-Алаха 3 (Алтай), его длина достигает 193 см (Полосьмак, Баркова, 2005, с. 68). Исследования аналогичных изделий показали сильную примесь верблюжьих волос, что наблюдается и при изготовлении шерстяных веревочек из пазырыкских погребений Укока (от 5 до 20 %) (Полосьмак, Баркова, 2005, с. 35). Это правило относится и к войлочным веревочкам от футляров зеркал, и к фрагментам поясов, где преобладает овечья шерсть. Интересен и тот факт, что верблюд в действительности никогда не играл важной роли в стаде древнего населения Саяно-Алтая, куда большую роль он играет в искусстве населения Средней Азии. Как упоминается в книге «Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая», такая примесь, возможно, является следом переднеазиатской или среднеазиатской традиции (Полосьмак, Баркова, 2005, с. 35).

Из могильника Эки-Оттуг 1 (V–IV вв. до н. э.) происходят комплексы

изделий из медного сплава с фрагментами текстиля. К зеркалу с петлей по центру из кургана 1 (№ 65) «прикипел» фрагмент ткани саржевого переплетения с кручением нитей по направлению Z. Из того же кургана – бронзовое зеркало с бортиком и ручкой по центру на кожаном ремешке, лицевая часть которого примыкала к одежде саржевого переплетения (направление крутки нитей Z), часть которой сохранилась (№ 82). Рельеф ткани дан за счет двойного утка.

Найденный под тазовыми костями погребенного фрагмент ткани с зеркалом и частью меховой шубы из кургана 5 могильника Эки-Оттуг 1 (№ 10) полотняного переплетения имеет большое число ткацких ошибок. Нити основы одинарные слабоскрученные по направлению Z, нити утка двойные слабоскрученные (крутка Z). Вместе с этим комплексом сохранилась простая косичка из войлока от пояса, сужающаяся с одного края и расширяющаяся на другом.

Сохранились небольшие образцы текстиля из парных курганов 6 и 12 могильника Эки-Оттуг 1 (V–IV вв. до н. э.). Фрагмент (курган 6, № 21) саржевого переплетения с слабоскрученными нитями основы по направлению Z. Нити утка выполнены без кручения (I).

Из кургана 12 сохранились пять образцов (без номеров) текстильных изделий размерами от 1,9×1,2 см до 13,6×17,7 см, притом что курган был сильно ограблен еще в древности. Все фрагменты тканей саржевого переплетения с сильноскрученными нитями основы и слабоскрученными нитями утка по направлению крутки Z. Несколько фрагментов плетеного шнура-косички, созданного из 4 ни-

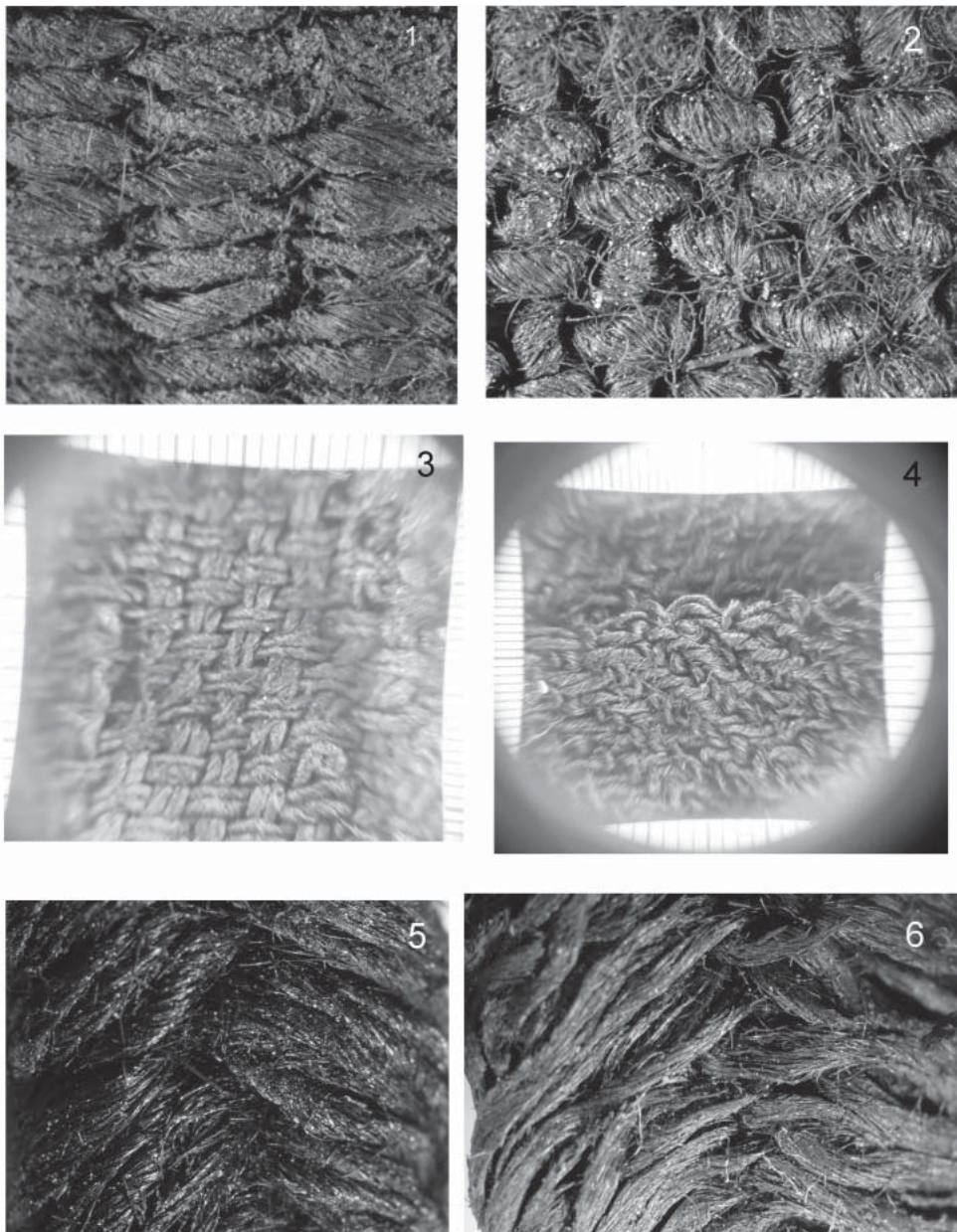

Рис. 2. 1 – образец репса (могильник Саускен 3, курган 11), 0,65х; 2 – образец полотняного переплетения (могильник Саускен 3, курган 12), 0,65х; 3 – образец полотняного переплетения с двойными нитями основы и утка (могильник Эки-Оттуг 1, курган 12), 0,10х; 4 – образец кромки (могильник Саускен 7, курган 2), 0,10х; 5 – образец плетеного шнура (могильник Эки-Оттуг 1, курган 12), 0,65х; 6 – образец плетеного пояса (могильник Саускен 7, курган 5, погребение 1), 0,65х. Фотографии Бусовой В.

Fig. 2. 1 – rep sample (Sausken 3 burial ground, barrow 11), 0.65x; 2 – linen weave sample (Sausken 3 burial ground, barrow 12), 0.65x; 3 – linen weave sample with double-threaded base and weft (Eki-Ottug 1 burial ground, barrow 12), 0.10x; 4 – skirting sample (Sausken 7 burial ground, barrow 2), 0.10x; 5 – braided cord sample (Eki-Ottug 1 burial ground, barrow 12), 0.65x; 6 – braided belt sample (Sausken 7 burial ground, barrow 5, burial 1), 0.65x. Photographs by V. Busova.

тей слабой крутки Z (рис. 2: 5), а также 4 фрагмента пояса, созданного в технике дерганья, 1 фрагмент простой косички из шерстяной некрученой веревки и фрагмент сложного «узла в узле» (усложненный «гераклов узел») являются атрибутами женских погребений. В этом же кургане найден один образец ткани полотняного переплетения со слабоскрученными двойными нитями основы и утка (направление Z), что, возможно, свидетельствует о синхронном использовании древними жителями долины реки Эрбек тканей двух типов переплетения (рис. 2: 3). На данном образце сохранились узкие кромки двух полотнищ; хорошо видно, как они были соединены швом встык, но сказать о назначении этого изделия не представляется возможным, так как фрагмент очень невелик.

Образцы репса из кургана 11 могильника Саускен 3 (VI–V вв. до н. э., № 11 и № 44) смотрятся достаточно необычно на общем фоне – полотняная ткань имеет выраженную ребристую фактуру (рис. 2: 1). Кромки отсутствуют, основа и уток не определимы (за основу взята более тонкая сильноскрученная нить). Высокая плотность по двойному утку и разреженная одинарная основа (направление крутки нити Z). Аналогичные ткани, по типу переплетения, существуют на протяжении двух тысячелетий: фрагменты встречаются как в кургане Аржан-2 на территории Центральной Тувы в I тыс. до н. э., так и в могильнике Сайгатино III, Тюменской области в XIII–XIV вв. (Глушкова, 2002, с. 51).

Из кургана 12 могильника Саускен 3 есть несколько групп образцов и два узких полотнища (№ 48), наподобие частей юбки, сотканые в до-

статочно грубой технике полотняного переплетения (45×35 см) (рис. 2: 2). По сохранившимся кромкам, шириной 0,5–0,7 см, сшитым между собой выворотным швом, легко определяются лицевая и изнаночная стороны. Нити слабоскручены по направлению крутки Z.

В целом, опираясь на предварительные данные, уже сейчас представляется возможным подчеркнуть, что в скифское время существовали местные технологические традиции изготовления текстиля на территории Центральной Тувы. Для них имеется большое количество аналогий из соседних регионов (Западная Сибирь, Алтай). Преобладают ткани саржевого переплетения, которые сосуществуют с изделиями полотняного типа. Все изученные нити скручены по наиболее древней методике – крутка Z (по солнцу).

Вероятно, можно говорить о переходе от одной ткацкой традиции к другой в рамках одной культурной общности в течение нескольких столетий: в более ранних курганах алды-бельской культуры, ткани крайне тонкой работы (могильники Бай-Даг 6, 8), в сравнении с более поздними «рыхлыми», «грубыми» полотнами и с массой ткацких ошибок, найденными в курганах уюкско-саглынской культуры (могильники Эки-Оттуг 1, Саускен 3, Саускен 7). Можно сделать несколько предположений, но при этом всегда есть вероятность, что ни одно из них не сможет в результате оказаться полностью действительным:

1. В VI–V вв. до н. э. (переход от алды-бельско-уюкских памятников к уюкско-саглынским) происходит проникновение новой текстильной

традиции извне: в дополнение к полотняным изделиям, появляются ткани саржевого переплетения. Плотное полотно из сильноскрученных тонких нитей заменяется полотном с более «грубой» фактурой и низкой по плотности работой.

2. Возможно, в алды-бельской культуре существовало разделение труда: кто-то собирал сырье, кто-то из него ткал, а импортировал уже в качестве готовой продукции тот, кто сырье собирал. А в укско-саглынской культуре такая градация исчезает.

3. Текстиль в курганах алды-бельской культуры (VII–VI вв. до н. э.) присутствовал в качестве импортного товара, а с конца VI в. до н. э. начиналось развитие местного ткачества.

К примеру, все исследованные ткани из царского кургана Аржан-1 (Центральная Тува) имеют высокую плотность и оригинальный подход художественной обработки готовых изделий (крашение нитей; переплетение типа паласа, репса и саржи). Есть только одна грубошерстная ткань из могилы 1, отличающаяся вариантом переплетения и качеством производства, по типу описанных в данной статье (Пламеневская, 1973, с. 205). Автор отмечает полное отсутствие тканей полотняного переплетения.

По мнению Н.В. Полосьмак и Т.Н. Глушковой, «пазырыкский шерстяной текстиль имеет много общего как с тканями раннескифского времени, известными по материалам из «царских» курганов Тувы Аржан 1 и Аржан 2, так и с синхронными и более поздними тканями и войлоками из могильников Синьцзяна (в оазисах Субаши, Черчен, Шампула, Кэрия и др.) и, кроме того, текстилем из могил хунну (Ноин-Ула)». Весь качествен-

ный шерстяной текстиль относился к импортному (красильные мастерские Средиземноморья) (Полосьмак и др., 2006, с. 263–264).

Текстиль древнего населения с берегов реки Эрбек не украшался узорами, как, например, синьцзянские и турфанские изделия (U. Beck et al., 2014, p. 228). Будущие исследования, скорее всего, расскажут о монохромности этих тканей, в отличие от полихромных тканей Аржана и Аржана-2 (Грязнов, 1980, с. 25; Пламеневская, 1973, с. 199–206), или о случаях, когда цветовые различия полотен видны невооруженным взглядом (Даган-Тэли I, к. 1, 1975 г., саглынская культура). Если предполагать, что текстиль создавался пришлыми мастерами на местном сырье, при этом устройство простейшего разборного ткацкого станка, который можно было разбирать и переносить, позволяло создавать лишь полосы (заготовки для изделий) шириной до полуметра (женская юбка из к. 1 могильника Ак-Алаха-3), то вполне возможно, что повсеместно применялся горизонтальный земляной ткацкий станок, который до сих пор используется современными казахами (алаша – ковер, сшитый из отдельных полос, которые создаются на таком станке).

Нет и прямых доказательств местного производства, так как отсутствуют столь обычные для оазисов Синьцзяна пряслица, веретена, катушки, швейные отходы. Такая же ситуация наблюдается и на территории Алтая. Из кургана 15 могильника Саускен 3 (III–I вв. до н. э.) известно одно каменное пряслице, и то относящееся к более позднему впускному погребению. Есть несколько игл из медного сплава (могильники Бай-Даг 6 и Эки-Оттуг 1)

в наборах с ножами или шилом, но без ушка, в отличие от иглы эпохи бронзы из кургана 40 могильника Догээ-Баары 2 (Кисель, 2015, с. 59).

Все представленные изделия, относящиеся к алды-бельской культуре (VIII–VI вв. до н. э.), несут в себе совершенно иную текстильную традицию, нежели ткани из других, более поздних курганов долины реки Эрбек (уюкско-саглынская культура, V–III вв. до н. э.), когда текстиль был из шерсти куда более рыхлый и с множеством ткацких ошибок. Переход на «импортозамещение» всегда заметен.

Представляется возможным отметить, что столь небольшие фрагменты шерстяных тканей и поясов могут быть достаточно информативны и перспективны для комплексного ана-

лиза культурно-этнической атрибуции материальной культуры древних кочевников. Кроме того, нужно подчеркнуть, что сохранность органических изделий такая, что, скорее всего, мы имеем образцы только от шерстяных изделий и не располагаем, например, привозными шелками или льняными тканями, которые вполне могли быть в скифское время, так как встречаются в курганах Алтая (Пазырыкские курганы, могильник Ак-Алаха 3). Дальнейшее расширение информационной базы по коллекции текстиля из курганов Тувы, рассмотрение плотности по основе и утку и применение естественнонаучных методов исследования откроют новые перспективы дальнейшего изучения материальной культуры древних кочевников Центральной Тувы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бусова В.С., Курганов Н.С. Предварительное сообщение о комплексах бронзовых изделий с фрагментами органических материалов из могильников скифского времени Центральной Тувы // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования: тезисы научной конференции молодых ученых Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2013 г.). Санкт-Петербург, 2013. С. 50
2. Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут: РИО СурГПИ, 2002. 206 с.
3. Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: 1980. 64 с.
4. Килуновская М.Е., Лазаревская Н.А., Садыков Т.Р., Семенов Вл.А. Исследования Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Эрбек в 2014 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН № 5 (охранная археология) / Науч. ред. Н.Ф. Соловьева. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2015. С. 193–224.
5. Килуновская М.Е., Семенов Вл. А. Исследования Тувинской археологической экспедиции по трассе железной дороги Кызыл-Курагино // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН № 3 (охранная археология) / Науч. ред. Н.Ф. Соловьева. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2013. С. 197–222.
6. Кисель В.А. Начало кочевнической культуры в центре Азии // Археологический сборник. 40 выпуск: материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти Л.К. Галаниной посвящается / Государственный Эрмитаж / Научный ред. Т.Б. Сенченко. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 54–67
7. Пламеневская О.Л. Некоторые данные о тканях из кургана Аржан // Учен. зап. Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 17. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1973. С. 199–206.

8. *Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л.* Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.

9. *Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., Балакина Г.Г., Маматюк В.И., Васильев В.Г., Карпова Е.В., Малахов В.В., Власов А.А., Краевская И.Л., Довлитова Л.С., Королюк Е.А., Е.Г. Царева Е.Г.* Текстиль из «замёрзших» могил Горного Алтая IV–III вв. до н. э. (опыт междисциплинарного исследования) / Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 5 / Отв. ред. Б.А. Литвинский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. 267 с.

10. *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1953. 401 с.

11. *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1960. 360 с.

12. *Рукавишников И.В.* Архитектура и последовательность сооружения ритуально-погребального комплекса алдыбельской культуры // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 217–221.

13. *Царева Е.Г.* Каталог тканей из пазырыкских курганов из собрания Государственного Эрмитажа // Полосьмак Н.В. и др. Текстиль из «замёрзших» могил Горного Алтая IV–III вв. до н. э. (опыт междисциплинарного исследования). Глава 5 / Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 5 / Отв. ред. Б.А. Литвинский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. С. 232–262.

14. *Яценко С.А.* Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т; Восточная Литература, 2006. 664 с.

15. *Beck U., Wagner M., Li X., Durkin-Meisterernst D., and Tarasov P.E.,* 2014. The invention of trousers and its likely affiliation with horseback riding and mobility: A case study of late 2nd millennium BC finds from Turfan in eastern Central Asia. *Quaternary International*, Volume 348, 20 October 2014, pages 224–235.

16. *Frei K.M., Skals I., Gleba M., Lyngstrøm H.,* 2009. The Huldremose Iron Age textiles, Denmark: an attempt to define their provenance applying the strontium isotope system. *Journal of Archaeological Science*, 2009, № 36, 1965–1971.

Информация об авторе:

Бусова Варвара Сергеевна, художник-реставратор кожи и археологического текстиля, Всероссийский Художественный Научно-Реставрационный Центр им. ак. И.Э. Грабаря (г. Москва, Россия); kulturnijkarman@gmail.com

TEXTILE FROM THE BARROWS OF THE SCYTHIAN PERIOD IN THE VALLEY OF THE EERBEK RIVER (CENTRAL TUVA)

V. S. Busova

The article features the results of the study of materials discovered in the course of salvage excavations at 75 barrows of the Scythian period in 2012 and 2014 within the territory of Central Tuva in the valley of the Eerbek river. Preservation of the items was facilitated by their contact with bronze articles. The article presents the description of 21 textile samples (Bai-Dag 6, Bai-Dag 8, Sausken 3, Sausken 7, Eki-Ottug 1) based on the following characteristics: dimensions, type of weaving, thread twisting direction. There are no items in the collection which have preserved intact. However, the author made an assumption on the functional purpose of the whole article originally composed of the discovered items on the basis of the structural features of the fragments. As a result of systematization of this collection and chronological attribution of the findings to archaeological cultures Tuva dating back to the Scythian period the authors determined possible trends in the development of textile manufacture in 1st Millennium B.C. within the investigated region.

Keywords: archaeology, early Iron Age, Central Tuva, Aldy-Belsky culture, Uyuksko-Saglynsky culture, textile, fabric.

REFERENCES

1. Busova, V. S., Kurganov, N. S. 2013. *Aktual'naia arkhologiiia: arkhologicheskie otkrytiia i sovremennye metody issledovaniia* (Contemporary Archaeology: Archaeological Discoveries and Modern Methodology). Saint Petersburg (in Russian).
2. Glushkova, T. N. 2002. *Arkhologicheskie tkani Zapadnoi Sibiri* (Archaeological Tissues from Western Siberia). Surgut: Editorial and Publishing Unit of Surgut State Pedagogical University (in Russian).
3. Griaznov, M. P. 1980. Arzhan. *Tsarskii kurgan ranneskifskogo vremeni* (Tsar's Burial Mound of the Early Scythian Period). Leningrad (in Russian).
4. Kilunovskaia, M. E., Lazarevskaia, N. A., et al. 2015. In Solovieva, N. F. (ed.). *Biulleten' Instituta istorii material'noi kul'tury RAN № 5* (Bulletin of the Institute for the History of Material Culture) 5. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Periferiia" Publ., 193–224 (in Russian).
5. Kilunovskaia, M. E., Semenov, V. A. 2013. In Solovieva, N. F. (ed.). *Biulleten' Instituta istorii material'noi kul'tury RAN* (Bulletin of the Institute for the History of Material Culture) 3. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Periferiia" Publ., 197–222 (in Russian).
6. Kisel, V. A. 2015. In Senichenkova, T. B. (ed.). *Arkhologicheskii sbornik. 40 vypusk: materialy i issledovaniia po arkhologii Evrazii. Pamiati L.K. Galaninoi posviashchaetsia* (Archaeological Collection of Papers. Materials and Studies on Eurasian Archaeology. In Memory of L. K. Galanina). Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 54–67 (in Russian).
7. Plamenevskaia, O. L. 1973. *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii* (Scientific Bulletin of Tuva Scientific Research Institute of Language, Literature and History) 17. Kyzyl: "Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 199–206 (in Russian).
8. Polos'mak, N. V., Barkova, L. L. 2005. *Kostium i tekstil' pazyryksev Altaia (IV–III vv. do n.e.)* (The Costume and Textile of the Pazyryk People of Altai Mountains (4th – 3rd Centuries BC)). Novosibirsk: "Infolio" Publ. (in Russian).
9. Polosmak, N. V., Kundo, L. P., et al. 2006. In Litvinskii, B. A. (ed.). *Tekstil' iz «zamerzhikh» mogil Gornogo Altaia IV–III vv. do n.e. (opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia)* (Textile from the "frozen" graves of 4th-3rd Centuries B. C. in the Altai Mountains (Interdisciplinary Research Experience)). Series: Integratsionnye proekty SO RAN (Integration Projects of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences) 5. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
10. Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia* (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time). Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
11. Rudenko, S. I. 1960. *Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaia v skifskoe vremia* (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time). Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Rukavishnikova, I. V. 2013. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sovremennye resheniia aktual'nykh problem evraziiskoi arkhologii* (Contemporary Solutions to the Current Issues of Eurasian Archaeology). Barnaul: Altai State University, 217–221 (in Russian).
13. Tsareva, E. G. 2006. In Litvinskii, B. A. (ed.). *Tekstil' iz «zamerzhikh» mogil Gornogo Altaia IV–III vv. do n.e. (opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia)* (Textile from the "frozen" graves of 4th-3rd Centuries B. C. in the Altai Mountains (Interdisciplinary Research Experience)) 5. Series: Integratsionnye proekty SO RAN (Integration Projects of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences) 5. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 232–262 (in Russian).

14. Yatsenko, S. A. 2006. *Kostium Drevnei Evrazii (iranoiazychnye narody) (Costume in Early Eurasia (Iranian-Speaking Peoples))*. Moscow: Russian State University for the Humanities; “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).

15. Beck U., Wagner M., Li X., Durkin-Meisterernst D., and Tarasov P.E., 2014. The invention of trousers and its likely affiliation with horseback riding and mobility: A case study of late 2nd millennium BC finds from Turfan in eastern Central Asia. *Quaternary International*, Volume 348, 20 October 2014, pages 224–235

16. Frei K.M., Skals I., Gleba M., Lyngstrøm H., 2009. The Huldremose Iron Age textiles, Denmark: an attempt to define their provenance applying the strontium isotope system. *Journal of Archaeological Science*, 2009, № 36, 1965–1971.

About the Author:

Busova Varvara S. The Grabar Art Conservation Center. Radio str., 17/6, Moscow, 105005, Russian Federation; kulturnijkarman@gmail.com

Статья поступила в номер 29.07.2016 г.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ И КЛАДЫ КАК ИСТОЧНИКИ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ПАРАДНОГО УБРАНСТВА НОСИТЕЛЕЙ КОМАРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2017 г. С.С. Лысенко, С.Д. Лысенко

В статье анализируются металлические украшения, происходящие из погребальных комплексов комаровской культуры поздней бронзы, с целью реконструкции особенностей костюмного комплекса и элементов убранства. Авторами использовались данные по взаимовстречаемости украшений в закрытых комплексах (погребения, клады), их расположения относительно костей скелета, анализировались параметры украшений. Сравнительная редкость металлических украшений в погребениях комаровской культуры, отсутствие местных источников сырья для их производства позволяют рассматривать украшения в захоронениях, особенно таких металлоёмких, как булавки, браслеты, шейные гривны, в качестве элементов парадного (свадьба, похороны) убранства лиц высокого социального статуса. Полный комплект парадного убранства северных групп комаровской культуры включал в себя булавку, шейную гривну и браслет/браслеты. Наиболее устойчивое сочетание крупных украшений наблюдается в волынской и киево-черкасской группах: булавка, шейная гривна, пара многоспиральных браслетов (на запястья) и пара браслетов со спиральными щитками (на плечи?). В галицкой группе браслеты со спиральными щитками не известны, а место многоспирального браслета занимает массивный литой браслет, также отмечаются три категории мелких украшений. Элитные погребения подольской группы комаровской культуры включают большое количество мелких украшений: колец-подвесок, подвесок и ожерелий из янтарных бус, заменивших шейные гривны.

Ключевые слова: археология, эпоха поздней бронзы, комаровская культура, погребение, украшения, костюмный комплекс.

Костюм и его элементы являются одним из важнейших источников для изучения материальной и духовной культуры древнего населения, социальной структуры общества, культурных связей (Древняя одежда..., 1986; Доде, 2005, с. 305; Яценко, 2006, с. 7; Куприянова, 2008). Однако для археологических культур позднебронзового периода, распространенных на территории современной Украины не известно ни остатков древней одежды в погребениях, ни подробных изобразительных материалов, позволяющих восстановить крой одежды, ее пространственную форму, манеру

ношения, комплекс убранства, что исключает применение аутентичной и аподектической моделей реконструкции костюма (Доде, 2005, с. 307). В большинстве случаев возникают проблемы и при выяснении того, как располагались украшения относительно костей скелета, что делает сомнительной и использование гипотетической модели реконструкции древней одежды (Доде, 2005, с. 307).

Материалы как более ранних, так и новых полевых исследований позволяют сделать вывод, что достоверного ответа на вопрос: «Как выглядел костюм населения Украины эпохи позд-

ней бронзы?» – исходя из имеющихся на сегодняшний день данных дать невозможно (Лысенко Св., Лысенко, 2014). Вероятно, это связано не с состоянием изученности территории, а с особенностями погребального обряда и характером почв, в которых практически не сохраняется органика.

Невозможность реконструкции древней одежды как таковой, однако, не исключает необходимости поиска общих особенностей костюмного комплекса и элементов убранства. Источником для таких построений являются взаимовстречаемость украшений в закрытых комплексах (погребения, клады), редкие случаи достоверного взаиморасположения украшений относительно костей скелета, а также анализ параметров украшений и эмпирические исследования возможных вариантов их ношения (Лысенко Св., Лысенко, 2012).

Все сказанное в полной мере касается и комаровской культуры тшинецкого культурного круга (ТКК), распространенной в позднем бронзовом веке в лесостепной зоне Северного Причерноморья от Карпат до долины Днепра (Румыния, Молдова, ПМР, Украина), датирующейся (вместе с заключительным – белогрудовским – этапом) XVII–XI вв. до н. э. (Лысенко, 2012; 2013; 2015).

К комаровской культуре (включая белогрудовский этап) может быть отнесено около 400 погребений. Кроме того, определенную сложность вызывает культурная атрибутика большинства безынвентарных погребений эпохи поздней бронзы, расположенных в южной и восточной части ареала комаровской культуры, в зоне взаимоналожения с культурными кругами Бабино, срубным, Сабатиновка-Ноа-

Кослодженъ, которые при подсчетах не учитывались.

Погребения с металлическими изделиями, в том числе украшениями, в комаровской культуре достаточно редки. Обусловлено это отсутствием месторождений меди в ареале комаровской культуры и ориентацией, в первую очередь, на импорт металла из Карпато-Балканского региона (Гошко, 2011) (вопрос об использовании самородной меди Волыни в эпоху поздней бронзы остается открытым). Всего нам известно 79 погребений, содержавших украшения из металла, преимущественно из бронзы. Из них в северных группах комаровской культуры (галицкой, волынской, киево-черкасской) – 48 погребений. В подольской группе зафиксировано 31 погребение с металлическими украшениями, причем 23 из них – на Гордеевском могильнике в Тульчинском районе Винницкой области.

Для примера приведем статистику по отдельным памятникам, наиболее полно изученным планомерными раскопками. На Комаровском могильнике в Галицком районе Ивано-Франковской области погребения комаровской культуры обнаружены в 31 кургане (Sulimirski, 1936; Makarowicz, 2010, гус. 4.14); украшения найдены только в трех (Swieszniakow, 1967). На могильнике Буковна в Тлумачском районе той же области в разные годы раскопано 17 курганов; украшения найдены в четырех (Лысенко, Шкляревский, Разумов, Макарович, 2015). На Войцеховском могильнике у с. Колодяжное Романовского района Житомирской области в 19 курганах, раскопанных в разные годы, обнаружено 41 погребение; украшения зафиксированы

только в 8 погребениях курганной группы № 1 (Лагодовська, 1948; Лагодовська, Захарук, 1956; Лысенко Св., Лысенко, 2013). На Малополовецком могильнике в Фастовском районе Киевской области к различным этапам комаровской культуры отнесено 56 погребений; украшения содержали 4. На могильнике Козаровичи в Киево-Святошинском районе Киевской области из 9-ти погребений эпохи поздней бронзы бронзовое украшение найдено лишь в одном (Лысенко, 2015а).

Исключение на этом фоне представляет лишь элитный Гордеевский могильник в Побужье, состоявший из 40 погребений эпохи поздней бронзы, обнаруженных в 38 курганах. Несмотря на то что практически все погребения были ограблены в древности, металлические украшения здесь зафиксированы в 23 погребениях, а еще 6 содержали только мелкие украшения из янтаря и 1 – из кости (Berezanskaja, Kločko, 1998; Березанська, Ключко, 2011). Отметим, что для Подолии янтарь также является предметом импорта (вне зависимости от решения вопроса об его происхождении – из Прибалтики или из Волинского Полесья).

Таким образом, сравнительная редкость бронзовых украшений в погребениях комаровской культуры, на фоне импорта сырья для их производства, позволяет рассматривать украшения в качестве элементов парадного убранства лиц высокого социального статуса.

Закрытые комплексы комаровской культуры с украшениями

Галицкая (комаровская) группа (рис. 1): Беремьяны (Swiesznikow, 1967, s. 40, 53); Буковна, к. 3-1937 (Siwkówna, 1937, гус. 1–2); к. 1; к. 2;

к. 3 (Лысенко, Шкляревський, Разумов, Макарович, 2015, рис. 9); Васильев, п. 1 (Свешніков, 1967/52, с. 1); Городище, к. 1 (Swiesznikow, 1967, tab. X: 7–10); Комаров, к. 6; к. 8; 28 (Sulimirski, 1936); Скурч (Kozłowski, 1928, s. 102, tab. XIII); Чижикив (Swiesznikow, 1967, s. 67, tabl. VII: 4–8).

Волинская группа (рис. 2; 3): Войцеховка, к. 2, п. 2, 3; к. 5, п. 2–3; к. 6, п. 2 (Лагодовська, 1948); к. 9, п. 1, 2; к. 11, п. 2; к. 12, п. 1 (Лагодовська, Захарук, 1956); Детиничи, к. 1; к. 2 (Березанская, 1972, с. 58–59); Дорогоща, к. 1, п. 2, 3 (Винокур, Гуцал, Мегей, 1998); Иванье, к. 2, п. 1, 4, 5; к. 3-1938; к. 4 (Свешніков, 1968); Кордышев, к. 3, п. 1, 4, 9 (Ильчишин, 2016); Нетешин, к. 8, п. 2, 3, 4 (Березанська, Гошко, Самолук, 2004); Чаруков (Березанская, 1972, с. 200).

Киево-черкасская группа (рис. 4): Вергуны, п. 5, 14, 19 (Куштан, 2013, рис. 76); Гуляй-Город, к. 41 (Бобринский, 1887, с. 102, табл. IX: 7, 8; VIII: 14, 16; IX: 15); Канев, ур. Пилипенкова Гора, п. 1 (Бондар, 1972, с. 89, рис. 5); Козаровичи, п. 43 (Лысенко, 2015а); Малополовецкое, п. 1, 63, 68, 72 (Лысенко, Лысенко, 2001); Теклино, к. 343 (Бобринский, 1901, с. 18, табл. II: 4, 9); Худяки, к. 1-1994, п. 4 (Куштан, 2013, рис. 82: 13–16).

Подольская группа (рис. 5): Бар (Sulimirski, 1968, p. 171); Белый Камень, п. 2, 3 (Макарович, 1941, с. 465); Гордеевка (Berezanskaja, Kločko, 1998; Березанська, Ключко, 2011); Мошуров (раскопки С.Н. Рыжова, 1996; Лысенко Св., 2002); Печера, к. 1/5; 2/7; 5/8 (Рыбалова, 1961, с. 21–23); Чеботарка (Козловська, 1930).

Кроме того, в ареале комаровской культуры найдены 3 **клада**, включавшие бронзовые укра-

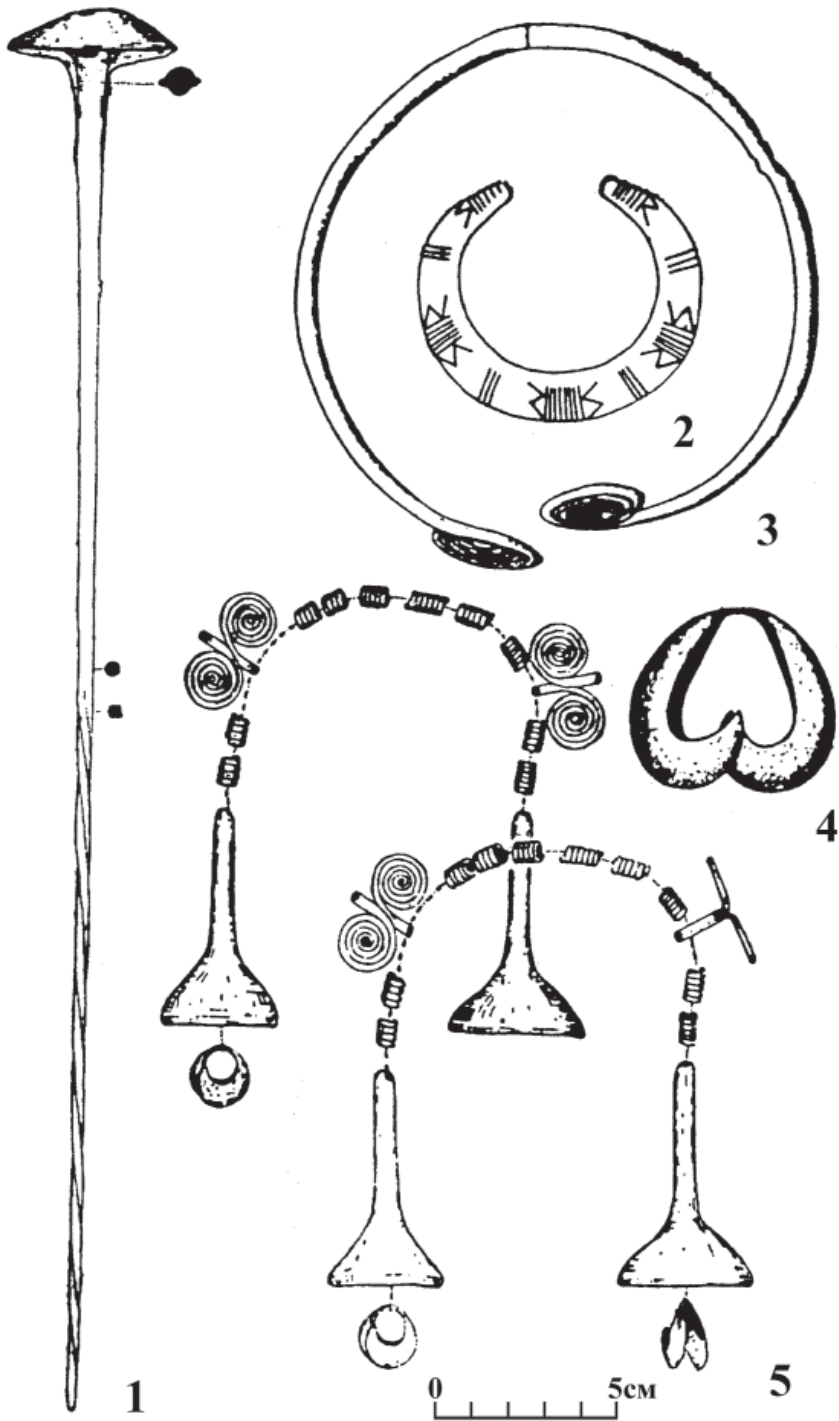

Рис. 1. Комаров, курган 8. Металлические украшения.

Fig. 1. Komarov, barrow 8. Metal adornments.

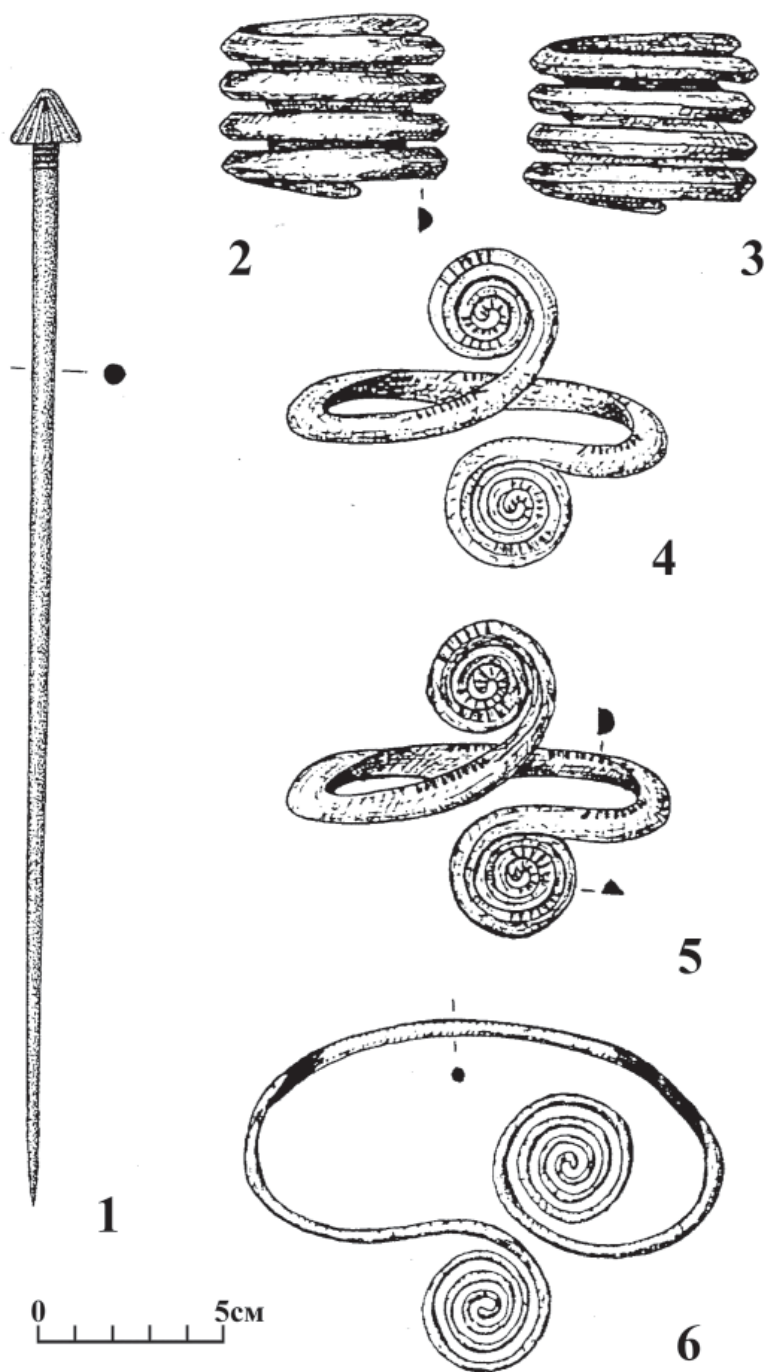

Рис. 2. Иванье, курган 2, погребение 1. Металлические украшения.

Fig. 2. Ivanie, barrow 2, burial 1. Metal adornments.

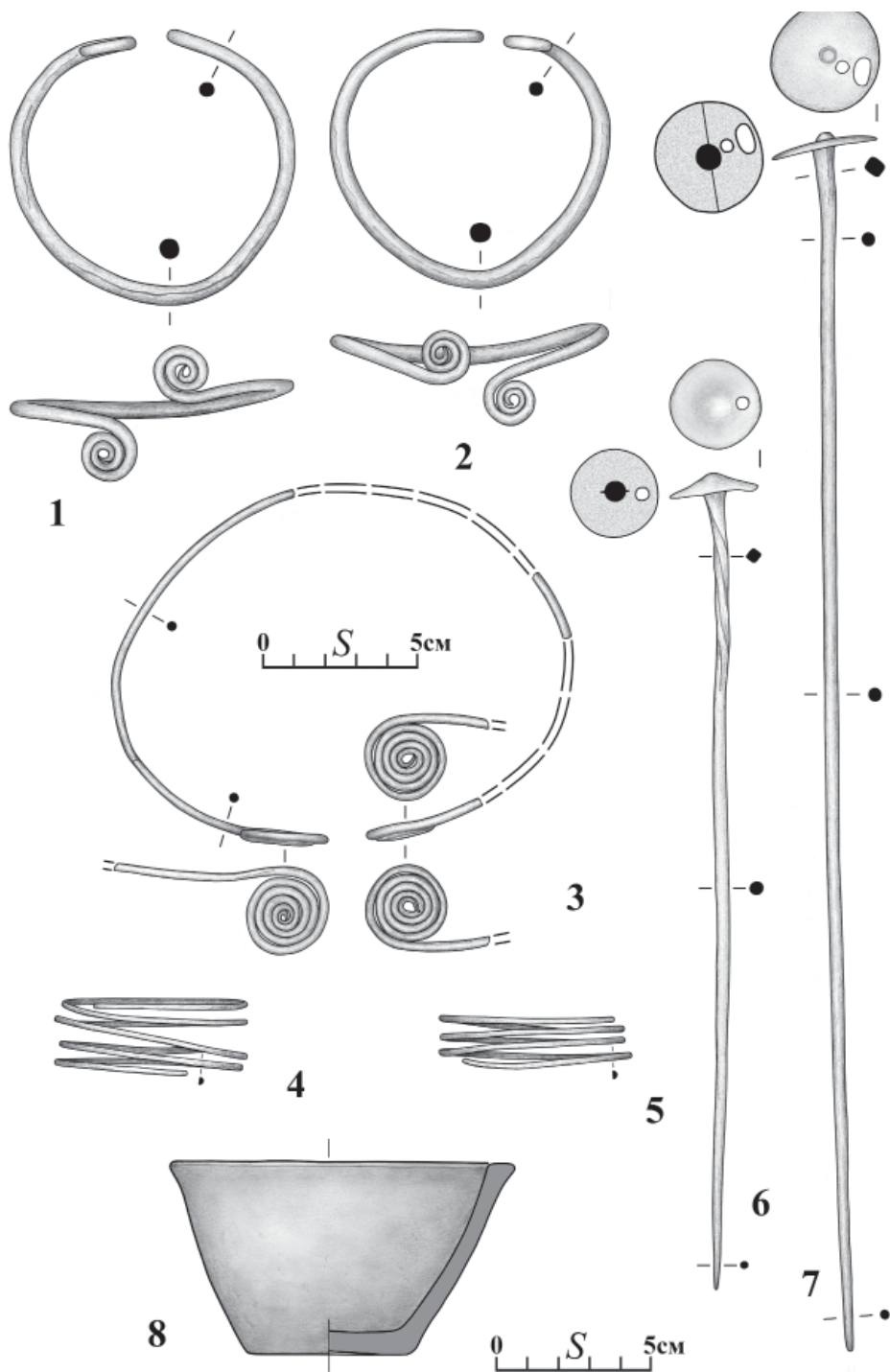

Рис. 3. Кордышев-8, курган 3, погребение 1,
Металлические украшения и сосуд.

Fig. 3. Kordyshev-8, barrow 3, burial 1. Metal adornments and a vessel.

шения. Клады из Пересопницы (Ровенская область, Ровенский район) (Węgrzynowicz, 2001, s. 41) и Черногородки-2 (Киевская область, Фастовский район) (Лысенко Св., Лысенко, 2015) (рис. 6) были помещены внутрь тюльпановидных сосудов тшинецкого типа. Кладом (или инвентарем разрушенного погребения?), вероятно, являются браслет и кинжал из Каменки Бугской (Львовская область) (Swieszniakow, 1967, tabl. XI: 1–2).

В отличие от кладов тшинецкой культуры ТКК в Польше (Дратув, Ставищице), содержавших по несколько десятков вещей (Miśkiewicz, 1978, s. 178–189), клады комаровской культуры небольшие, «камерные»; создается впечатление, что входившие в них вещи являлись личными вещами отдельных индивидуумов.

Взаимовстречаемость украшений в закрытых комплексах

В работе учтен 81 комплекс (79 погребений и 2 клада), содержавших украшения. Из них крупные украшения (булавки, браслеты, гривны) найдены в 53 комплексах (39 в северных группах и 14 – в подольской), а в остальных зафиксированы только всевозможные подвески, фибулы, кольца, бляхи, пронизи. Среди массивных украшений наиболее редкими являются шейные гривны (12 экз. из 11 комплексов), за ними по количеству идут браслеты и булавки.

Шейные гривны найдены в 11 погребениях. В 5 погребениях вместе с гривнами были обнаружены браслеты и булавки (Комаров, к. 8; Иванье, к. 2, п. 1; Кордышев, к. 3, п. 1; Малополовецкое-3, п. 1, 63). Наиболее богатым из них является погребение в к. 8 в Комарове, из которого также происходят 4 перстня со щитками и ожере-

лье, включавшее подвески и пронизи. Погребения в Малополовецком (п. 1), Иванье (к. 2, п. 1), Кордышеве (к. 3, п. 1/2) содержали также по 4 браслета: 2 многоспиральных и 2 со спиральными щитками.

В двух случаях вместе с гривнами найдено по 1 булавке (Войцеховка, к. 2, п. 3; Малополовецкое, п. 72) и еще в двух – только браслеты (Иванье, к. 2, п. 5 – 2 экз.; Бар – 1 экз.). В одном случае (Теклино) вместе с гривной найдена двущитковая фибула. В погребении 68 в Малополовецком обнаружено только 2 гривны. По 2 гривны обнаружены только на Малополовецком могильнике (погребения 1; 68).

Булавки найдены в 36 погребениях. Только в одном погребении (Гордеевка, к. 16) обнаружено 4 булавки (2 из них – булавки-жезлы). По две булавки обнаружены в 5 погребениях, среди них в четырех – однотипные (Гордеевка, к. 27; Гуляй-Город; Кордышев, к. 3, п. 1; Чеботарка), в одном – булавка и фрагмент булавки (Гордеевка, к. 24). В Гуляй-Городе и Кордышеве погребения были парные и по одной булавке зафиксировано при каждом из скелетов. Поэтому использование более 1 булавки в убранстве комаровской культуры можем считать скорее исключением, нежели правилом.

В 13 погребениях с булавками обнаружены браслеты, из них в 5 случаях вместе с шейными гривнами, а еще два погребения содержали булавки только с гривнами. В 4 погребениях с булавками и браслетами (Комаров, к. 8 вместе с гривной; Гордеевка, к. 6, 16, 24) найдены перстни или кольца (от 3 до 6 шт.), а также подвески и бусы разных типов, суммарное количество которых превышало 20. Еще в

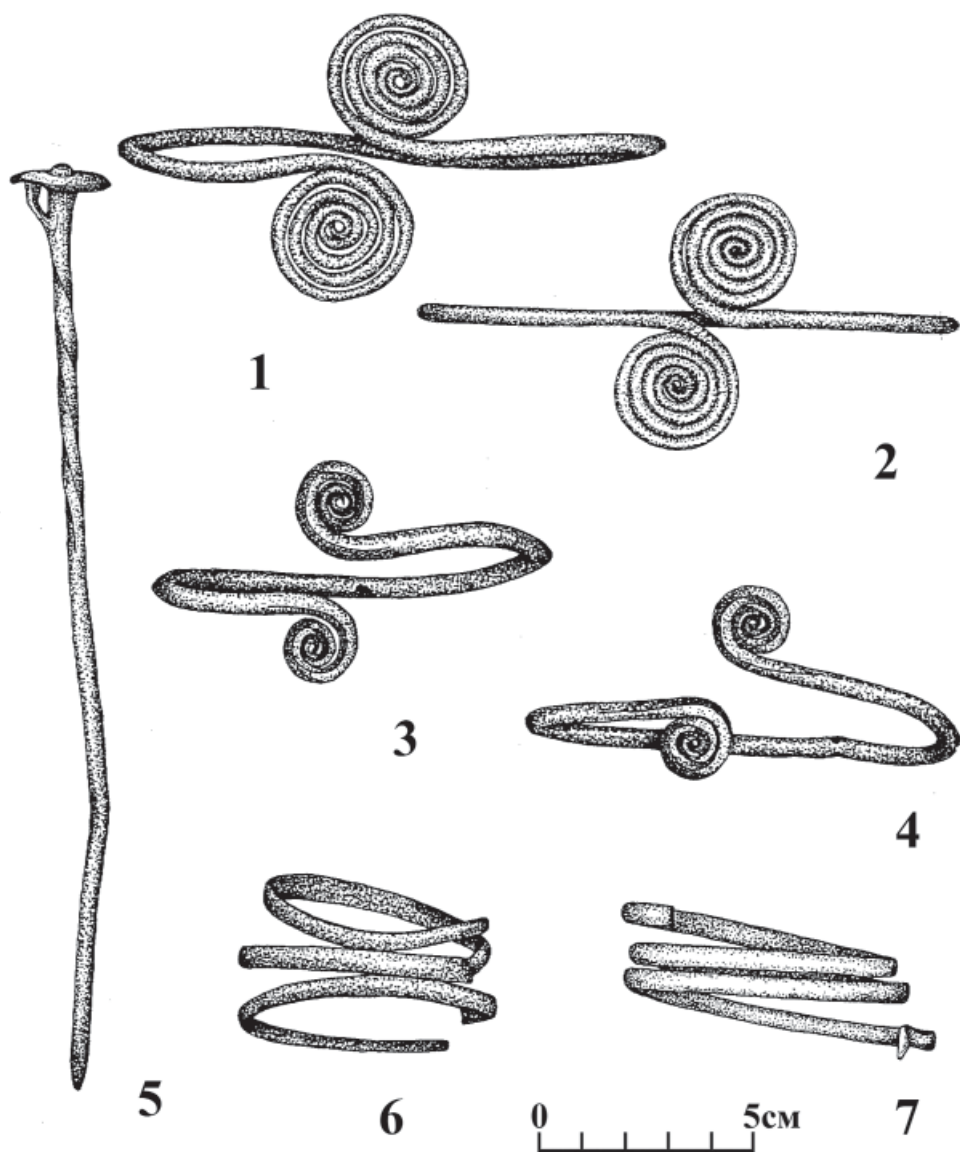

Рис. 4. Малополовецкое-3, погребение 1. Металлические украшения.

Fig. 4. Malopolovetskoe-3, burial 1. Metal adornments.

одном погребении (Чеботарка) вместе с 2 булавками и 2 браслетами были найдены 2 многоспиральных кольца. Четыре погребения, содержавшие одновременно булавки, браслеты и перстни или кольца относятся к подоль-

ской группе (Гордеевка, Чеботарка), 1 – к галицкой группе (Комаров).

В остальных 18 из 36 погребений с булавками, в 11 случаях булавки найдены вместе с мелкими украшениями, в 7 погребениях – только булавки. Из

11 погребений с булавками и мелкими украшениями в 2 случаях найдены кольца, подвески и бусы (Гордеевка, к. 26, 31), причем в к. 31 Гордеевки найден еще бронзовый диск; в одном случае обнаружены кольца и бусы (Гордеевка, к. 27). В 4 погребениях булавки найдены только с кольцами и кольцами-подвесками. В 2 погребениях вместе с булавками обнаружены только подвески и бусы (Гордеевка, к. 11; Гуляй-Город), в 2 случаях – только подвеска (Иваньё, к. 2, п. 4; Кордышев, к. 3, п. 9), в одном – только пронизь (Худяки, к. 1, п. 4), в одном – бляха-пуговица (Чижикив).

Браслеты найдены в 28 погребениях, в 15 случаях – вместе с булавками (8 погребений), гривнами (2), булавками и гривнами (5). В 9 погребениях браслеты обнаружены только вместе с мелкими украшениями, в 4 – только браслеты. Два погребения кроме браслетов содержали еще кольца и бусы (Гордеевка, к. 28, 38), из них в одном найден также янтарный диск. Еще в трех погребениях вместе с браслетами найдены кольца или перстни (Гордеевка, к. 9; Печера, к. 5/8; Скурч). Одно погребение кроме браслета содержало также щиток двуспиральной фибулы (Войцеховка, к. 2, п. 2), 1 – обломок подвески и бусы (Нетешин, к. 8, п. 3), 1 – спиральную подвеску (Войцеховка, к. 9, п. 2).

В кладах, выявленных в ареале комаровской культуры, украшения представлены лишь браслетами и подвесками. Клад из Пересопницы содержал три многоспиральных браслета и 2 подвески в виде спирали. Клад из Черногородки представлен двумя браслетами (с заходящими концами и цельнолитым) и четырьмя подвесками (2 спиральные лубенского типа

и 2 двуспиральные с крюком). В Каменке-Бужской – один пластинчатый многоспиральный браслет.

В 17 погребениях и двух кладах найдено более чем по 1 браслету. По 4 браслета найдено только в четырех погребениях: волинской группы – 3 (Скурч; Иваньё, к. 2, п. 1; Кордышев, к. 3, п. 1/2), киево-черкасской – 1 (Малополовецкое, п. 1). Во всех этих погребениях присутствует пара многоспиральных браслетов, а в Малополовецком и Иваньё – по паре браслетов со спиральными щитками (последние погребения содержали также булавки и гривны). Еще в 13 погребениях найдено по 2 браслета. В тех случаях, когда удается установить тип браслетов – это парные украшения. В 7 погребениях вместе с двумя браслетами найдена булавка, в одном (Иваньё, к. 2, п. 5) – шейная гривна.

Из 12 погребений происходят парные многоспиральные браслеты (Войцеховка, к. 5, п. 2; Гордеевка, к. 6, 16; Дорогоща, к. 1, п. 3; Иваньё, к. 2, п. 1, 5; Кордышев, к. 3, п. 1/2; Малополовецкое, п. 1, 63; Нетешин, к. 8, п. 3; Скурч; Чеботарка). Из Гордеевки происходят парные гофрированные браслеты (к. 24) и шумящие «браслеты» (к. 28). В погребении галицкой группы ТКК в Городище найдены 2 браслета со сходящимися концами. Парными были и плоские браслеты из узкой пластины со спиральными щитками из Васильева; диаметр браслета из Васильева (по прорисовке) – 5,5 см, поэтому они, вероятно, также носились на запястьях, как и все прочее из погребений, где найдено по одной паре браслетов.

Фибулы двущитковые спиральные найдены в четырех комплексах: 3 – волинской группы (Дитиничи,

к. 1; Войцеховка, к. 2, п. 2; к. 6), 1 – киево-черкасской группы (Теклино). В Теклино фибула найдена вместе с шейной гривной; в Войцеховке, к. 2, п. 2 – вместе с многоспиральным браслетом. Один раз фибула обнаружена вместе с верболистой подвеской (Дитиничи).

Перстни, кольца и кольца-подвески найдены в 27 погребениях. В 16 из них – в комплексе с крупными украшениями: вместе с гривной, булавкой и браслетом – в 1 погребении (Комаров, к. 8); вместе с булавками и браслетами – в 4 погребениях (Гордеевка, к. 6, 16, 24; Чеботарка); только с булавками – в 7 погребениях; только с браслетами – в 5 погребениях.

В 9 погребениях вместе с перстнями, кольцами и кольцами-подвесками найдены только другие категории мелких украшений, в двух – только кольца. В 1 погребении (Гордеевка, к. 37) вместе с кольцом была найдена цепь из 6 колец (удила?), а также круглая бляха, костяная пуговица и бусы. В одном погребении вместе с многоспиральными кольцом и пронизью обнаружена подвеска-амулет (?) в виде бронзовой модели колеса (Гордеевка, к. 25).

Подвески найдены в 22 погребениях. В 12 из них вместе с крупными украшениями: вместе с гривной, булавкой и браслетом – в 1 погребении (Комаров, к. 8), с булавкой и браслетом – в 3 погребениях (Гордеевка, к. 6, 16, 24); с булавками – в 6; с браслетами – в 2 (Войцеховка, к. 9, п. 2; Нетешин, к. 8, п. 3). Вместе с подвесками только браслеты найдены и в двух кладках (Пересопница; Черногородка). В одном случае подвеска зафиксирована вместе с фибулой (Дитиничи, к. 1). В 5 случаях

подвески найдены вместе с прочими категориями мелких украшений. Три погребения содержат только подвески разных типов (Войцеховка, к. 11/к. 2; Комаров, к. 28; Мошуров).

Бляхи и пуговицы разных типов из бронзы или кости найдены в 9 погребениях, при этом только 1 раз вместе с булавкой (Чижиков). Бляхи из кости зафиксированы только в трех погребениях Гордеевки (к. 33, 34, 37), при этом 2 раза – вместе с бронзовыми бляхами. Четыре погребения с круглыми бляхами и пуговицами содержали бусы (Гордеевка, к. 5, п. 1; к. 34; к. 37; Вергуны, п. 5), а из к. 37 Гордеевки также происходит кольцо и цепь из колец. Из 4 погребений происходят только бляхи или бляхи-пуговицы (Гордеевка, к. 33; Войцеховка, к. 9, п. 1; Печера, к. 2/7; Канев, Пилипенкова Гора, п. 1).

Бусы и пронизи найдены в 28 погребениях при этом в 18 случаях – на Гордеевском могильнике, в том числе в двух погребениях обнаружены спиральные ленты (Вергуны, п. 5; Гордеевка, п. 24) для волос (?). В 15 погребениях бусы и пронизи найдены вместе с крупными украшениями: 1 раз вместе с булавкой, гривной и браслетом (Комаров, к. 8), в 3 погребениях вместе с булавками и браслетами, в 7 погребениях – вместе с булавками, в 4 – вместе с браслетами. Из 2 погребений кроме бус происходят также подвески белогрудовского типа и золотые многоспиральные кольца (Гордеевка, к. 3, 14). В 11 погребениях найдены только бусы разных типов (Гордеевка; Вергуны, п. 5, 14, 19); из них в 6 случаях – только янтарные бусы.

Подвески-амулеты разных типов зафиксированы в 3 погребениях Гордеевского могильника, два раза – вме-

сте с крупными украшениями: с булавкой в кургане 31 (бронзовый диск); с браслетом в кургане 38 (янтарный диск). В кургане 25 бронзовый амулет в виде колесика со ступицами обнаружен вместе с золотыми спиральным кольцом и спиральной пронизью.

Месторасположение украшений в погребениях

Месторасположение украшений относительно скелета в погребениях в источниках отмечено далеко не всегда. Кроме того, многие погребения были разрушены в древности, содержат демембрации (расчленения) или являются кенотафами. Поэтому остановимся на месторасположении только тех украшений, которые найдены в непосредственной близости от скелета и могли являться элементом погребального убранства.

Булавки. Чаще всего эта категория украшений зафиксирована в районе груди. В парном погребении из Гуляй-Города у грудных костей найдены 2 бронзовые булавки с пластинчатыми ромбическими головками. Возле каждой булавки лежало по 3 бронзовых подвески треугольной формы и по 2 небольших бронзовых трубочки-пронизки. В кургане 1938 г. у с. Иванье с левой стороны грудной клетки лежала большая бронзовая булавка с пластинчатой треугольной головкой. В Кордышеве булавка с маленькой звездчатой головкой и с поперечным отверстием в расширении стержня была найдена на груди (к. 3, п. 9). В Дитиничах (к. 2) булавка со спиральной головкой обнаружена возле правой руки (на костях рук острием к телу).

В Худяках (к. 1, п. 4) булавка с петельчатой головкой найдена на за-

пястье левой руки, головкой к горлу; рядом с булавкой, как и в Гуляй-Городе, найдены 2 трубчатые пронизы. В Кордышеве большая булавка с звездчатой головкой лежала вдоль нижней части предплечья и запястья, продолжая их линию, острием от тела (к. 3, п. 1/2).

В к. 8 Нетешина булавка с звездчатой головкой лежала чуть ниже левого плеча, почти параллельно позвоночнику, острием к голове и слегка в сторону. В Кордышеве (к. 3, п. 1/1) аналогичная булавка несколько больших размеров лежала перед грудной клеткой острием к голове. В другом погребении этого же кургана маленькая булавка с протуберанцами обнаружена около груди сбоку от скелета, острием в направлении лица (к. 3, п. 4). Подобное расположение булавок находит параллели в размещении украшений в погребениях эпохи поздней бронзы Центральной Европы, в частности, Юго-Западной Германии и Южной Баварии (Wels-Weyrauch, 1991).

Парные булавки в погребениях также чаще всего были обнаружены в районе груди. В к. 16 Городевки две булавки гордеевского типа обнаружены на груди скелета (при этом 2 булавки-железа лежали перед скелетом в «деревянном футляре»). Еще две такие булавки найдены в к. 27 этого же могильника в области головы и верхней части туловища. В Чеботарке две булавки с шаровидными головками также, по рассказу нашедших погребение местных жителей, лежали якобы с правой стороны груди.

Положение булавок в районе груди или шеи чаще всего объясняют тем, что ими закалывали плащ. Высказыва-

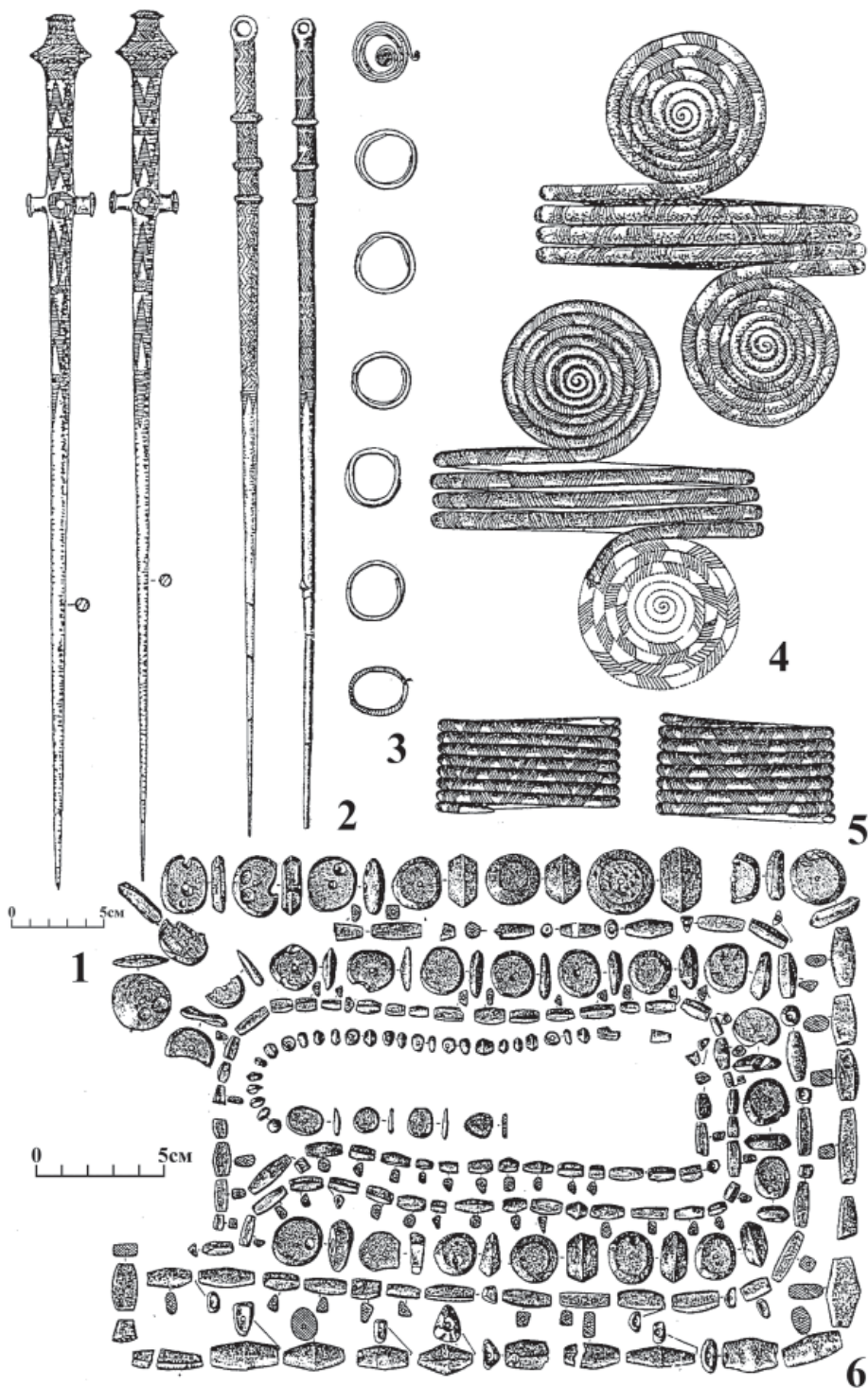

Рис. 5. Гордеевка, курган 16. Металлические и янтарные украшения.

РFig. 5. Gordeevka, barrow 16. Metal and amber adornments.

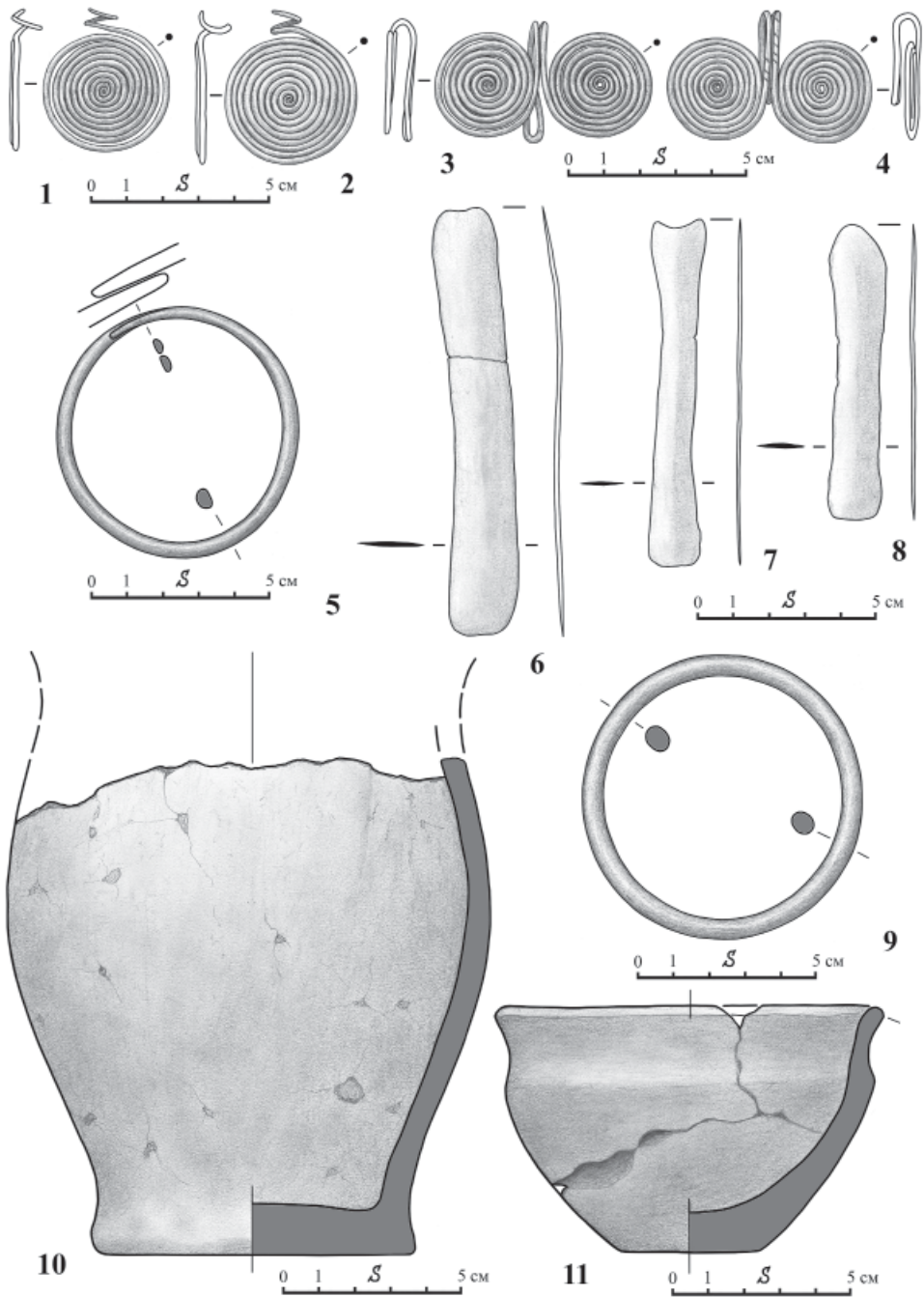

Рис. 6. Черногородка-2. Предметы из клада.

Fig. 6. Chernogorodka-2. Objects from the hoard.

валось также мнение о закалывании булавок савана (Бандрівський, Крушельницька, 1998, с. 224–225).

Более редким является нахождение булавок в районе черепа. На Войцеховском могильнике «возле черепа» была найдена булавка с петельчатой головкой в к. 6, п. 2, «среди истлевших костей черепа и шеи» (вместе с гривной) в п. 3, к. 2 (по описаниям С.С. Гамченко). В Беремянах булавка с грибовидной головкой найдена у черепа одного из скелетов с левой стороны. В Чернянке (п. 5) булавка с петельчатой головкой лежала в районе несохранившейся головы скелета.

В п. 1 Малополовецкого могильника булавка с грибовидной головкой лежала вместе с браслетом, двумя перевитыми гривнами и фрагментом свода черепа № 2 за черепом скелета № 1, являясь скорее подношением, нежели непосредственной частью погребального убранства. В этом же ряду стоит булавка с пластинчатой головкой (яхнянский вариант), найденная в расчлененном коллективном п. 72 в Малополовецком, лежавшая у черепа скелета 2, заходя острием под основание черепа.

В погребении 2–3 кургана 5 Войцеховки, булавка со спиральной головкой лежала за спиной северного скелета ребенка.

Браслеты. Многоспиральные браслеты соответствуют размеру запястья. По меньшей мере, в 7 погребениях многоспиральные браслеты были найдены на лучевых-локтевых костях рук погребенных, в четырех из них – сразу на обеих руках (Гордеевка, к. 16; Кордышев, к. 3, п. 1/2; Нетешин, к. 8, п. 3; Чеботарка?). В Войцеховке (к. 5, п. 2–4) браслет был надет на правую руку; в Козаровичах (п. 43/3) –

на левую. Пара пластинчатых браслетов со спиральными щитками была зафиксирована на костях рук погребенного в Васильеве; незначительный диаметр браслетов (5,5 см по прорисовке) свидетельствует о том, что они носились на запястье.

В Кустовцах согласно информации Й. Костжевского два браслета со спиральными щитками были найдены на плечах скелета (Kostrzewski, 1923, s. 182).

Описанные в литературе случаи фиксации таких браслетов на ногах (Иванье, к. 2, п. 1; Войцеховка, к. 9, п. 2) не являются достоверными (Лысенко Св., Лысенко, 2014). Также не считаем достоверным мнение о размещении на ногах парных многоспиральных браслетов со спиральными щитками в кургане 16 Гордеевки (Лысенко Св., Лысенко, 2014).

Из 22 известных нам браслетов разных типов со спиральными щитками 12 найдены в паре. Не имея возможности однозначной реконструкции места этих браслетов в погребальном уборе на основании их расположения в погребениях, мы можем говорить о соответствии их диаметров обхвату руки в районе предплечья-плеча. С данным выводом согласуются и результаты экспериментальных исследований (Лысенко Св., Лысенко, 2012).

Гривны. В двух случаях гривны со спиральными щитками зафиксированы в районе костей шеи (Войцеховка, к. 2, п. 3; Кордышев, к. 3, п. 1/2). Информацию о том, что в Иванье (к. 2, п. 1) «большой браслет» был найден «выше колена левой ноги», не можем считать достоверной (Лысенко Св., Лысенко, 2014). На Малополовецком могильнике, где было найдено 6 таких

украшений, все они происходят из демембраций. При этом в одном случае (п. 1) гривны были перевиты между собой, представляя, по сути, единое украшение с четырьмя щитками.

Фибулы. Единственная двуштитковая спиральная фибула, имеющая привязки к костям скелета, происходит из Дитиничей, хотя сведения о ней противоречивы. По данным С.С. Березанской, она зафиксирована на поясе скорченного скелета, при этом в петельку, расположенную между двумя спиралями, была вставлена маленькая булавка гвоздевидной формы (Березанская, 1972, с. 59). Однако Т. Сулимирский пишет, что эта фибула найдена в остатках кремации (Sulimirski, 1968, p. 162) (?).

Перстни и кольца. Место колец и перстней в погребальном уборе могло быть различным. Так, в Комарове 4 перстня со спиральными щитками были найдены в дубовой шкатулке и зафиксированы таким образом, что Т. Сулимирский счел их деталью ожерелья.

Использование колец со спиральными щитками в качестве перстней подтверждают находки аналогичных украшений в погребениях срубного культурного круга. В Хашевом (к. 5, п. 14) перстень со спиральным щитком был найден на среднем пальце правой руки, а в Новоподкряже (к. гр. III, к. 1, п. 7) – на указательном пальце левой руки. В Луганске (к. 1, п. 12) такой перстень обнаружен под черепом скелета подростка, лежащего в сильно скорченной позе. Многоспиральный перстень со спиральными щитками был обнаружен среди фаланг пальцев на могильнике Возрождение 2 (к. 2, п. 5) (Лысенко Св., 2005).

В качестве украшения рук использовались и многоспиральные кольца. В Скурче многоспиральное кольцо было найдено «при руках погребенного». В Чеботарке такое кольцо обнаружено в месте скрещивания пальцев рук одного из двух погребенных.

Бронзовые кольца разных типов были найдены у черепа, на черепе или под черепом в 7 погребениях (многоспиральные – Белый Камень, п. 2, 3, 6; Гордеевка, к. 16, 26; Чеботарка; из сдвоенной проволоки – Нетешин, к. 8, п. 4). Некоторые из колец были парные. В перечисленных случаях кольца могли использоваться в качестве височных подвесок.

Три кольца, продетых одно в другое, были найдены на груди детского скелета в Вергунах (п. 19).

Подвески. Височные подвески в непогребенных погребениях обычно расположены в районе черепа. В такой позиции зафиксированы подвески белогрудовского типа в трех погребениях (Белый Камень, п. 2; Гордеевка, к. 16; Мошуров). В большинстве случаев подвески были парные. Аналогично располагались такие подвески и в погребениях белозерской культуры (Игрень, п. 1; Кичкасы, п. 35; Компанийцы, п. 1) (Лысенко Св., 2002). В районе черепа также были найдены височное кольцо в форме листа вербы (Дитиничи, к. 1), спиральная подвеска лубенского типа (за черепом в районе виска) (Кордышев, к. 3, п. 9).

Подтреугольные подвески с загнутыми углами были найдены в Гуляй-Городе по 3 возле каждой булавки вместе с пластинчатыми пронизями и, видимо, входили в состав ожерелья или подвесок к булавке.

Бляхи и пуговицы. В Войцеховке (к. 9, п. 1) возле черепа мужского скелета лежала бронзовая бляшка с ушком.

Бусы, пронизи, кулоны, подвески-амулеты обнаружены в большинстве случаев, независимо от формы и материала, в районе груди, шеи и черепа погребенного. В традиционных народных культурах мира встречается различное использование бусин. Их носили не только в ожерельях, а и расшивали ими головные уборы, нашивали на одежду, украшали волосы, использовали в составе наборных браслетов.

В значительном количестве погребений, о которых есть информация по расположению украшений, а их перемещения по погребальной камере или за ее пределами не связано с ограблением, украшения не удается связать непосредственно с убранством погребенного. Таково, например, расположение украшений в расчлененных погребениях Малополовецкого могильника (п. 1, 63, 68, 72) (Лысенко, Лысенко, 2001); украшения, найденные в деревянных шкатулках или футлярах (Комаров, к. 8 – булавка, гривна, браслет, перстни, ожерелье; Гордеевка, к. 16 – булавки-жезлы); находки украшений за пределами погребальной ямы у ее края (Дорогоща, к. 1, п. 3 – булавка и браслеты; Буковна, к. 1-2010, к. 3-2012 – булавки и подвески); в насыпи курганов (Войцеховка, к. 6 – фибула и бусина; Печера, к. 1/5 – браслет; Комаров, к. 8 – золотая подвеска) и т.д. Видимо, в данном случае мы имеем дело не непосредственно с погребальным убранством умершего, а с сопровождающим (когда украшения находятся непосредственно в пределах могилы) или сопутствующим

(находки за пределами ямы или в насыпи) инвентарем (Смирнов, 1997, с. 31–32). При этом нельзя исключать, что часть украшений, найденных непосредственно при скелете, не являлись элементами погребальной одежды, а также входили в категорию «контактного» сопровождающего инвентаря (там же, с. 31). Например, два браслета со спиральными щитками в Кордышеве (к. 3, п. 1/2), лежавшие перед черепом. В качестве контактного сопровождающего инвентаря, а не как элементы непосредственного погребального убранства, может рассматриваться и помещение в погребения заведомо поврежденных украшений (Малополовецкое, п. 63; 68; ряд погребений Гордеевки).

Крупные украшения из драгоценных металлов в комаровской культуре известны только на Гордеевском могильнике – 2 гофрированных браслета (к. 24). В погребениях северных групп в пяти погребениях обнаружено 9 мелких золотых украшений: 7 калачиковидных подвесок (Комаров, к. 8 (4 экз.), 28 (2 экз.); Буковна, к. 3-2012), 2 кольца-подвески из сдвоенной проволоки (Комаров, к. 6; Иванье, к. 2, п. 4). В Гордеевке мелкие украшения из золота происходят из 18 погребений (перстни, кольца и кольца-подвески; подвески; бусы и пронизи), из серебра – из одного (к. 26; 2 подвески белогородовского типа). В 8 случаях изделия из драгметаллов здесь сопровождали крупные украшения, отсутствие которых в остальных погребениях, вероятно, связано с ограблением могильника. Железные украшения в комаровской культуре представлены только обломком стержня булавки из Городища, найденным вместе с двумя бронзовыми браслетами.

Подводя итоги, отметим, что полный комплект парадного убранства северных групп комаровской культуры включал в себя булавку, шейную гривну и браслет/браслеты. Наиболее устойчивое сочетание крупных украшений наблюдается в волынской и киево-черкасской группах: булавка, шейная гривна, пара многоспиральных браслетов (на запястья) и пара браслетов со спиральными щитками (на плечи?) (Иванье, к. 2, п. 1; Кордышев, к. 3, п. 1/2; Малополовецкое, п. 1). Погребения развитых этапов этих групп поражают своей строгостью, здесь, при значительном количестве погребений с гривнами, булавками и браслетами, достаточно редким является использование в погребальной практике мелких категорий украшений (подвесок, бусин); среди последних преобладают бронзовые пластинчатые пронизи. Использование только мелких украшений (кольца-подвески, небольшие бляхи-пуговицы) характерно для за-

ключительного (белогрудовского) этапа, в частности, на могильнике Вергуны киево-черкасской группы.

В галицкой группе браслеты со спиральными щитками неизвестны, место многоспирального браслета занимает массивный литой браслет. При этом парадность комплекса подчеркивается дополнительным использованием еще трех категорий мелких украшений (Комаров, к. 8).

В подольской группе комаровской культуры шейные гривны неизвестны (за исключением раннего погребения в Баре). В отличие от основного массива лесостепных групп комаровской культуры, элитные погребения подольской группы создают ощущение «праздничности» убранства, благодаря задействованию большого количества мелких украшений, прежде всего, колец-подвесок, подвесок и ожерелий из янтарных бус, заменивших шейные гривны (Гордеевка, к. 6, 16, 24).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бандрівський М., Крушельницька Л. Основні періоди розвитку висоцької культури (за матеріалами поховальних пам'яток) // Записки наукового товариства імені Шевченка у Львові / Ред. М. Бандрівський, Л. Крушельницька, О. Купчинський. Т. ССXXXV. Львів, 1998. С. 193–247.
2. Березанская С.С. Средний период бронзового века в Северной Украине. Киев: Наукова думка, 1972. 267 с.
3. Березанська С.С., Гошко Т.Ю., Самолюк В.О. Колективне поховання тшинецької культури на р. Горинь // Археологія. 2004. № 1. С. 111–125.
4. Березанська С.С., Клочко В.І. Гордіївський могильник // Гордіївський могильник / Ред. В.І. Клочко. Вінниця, 2011. С. 7–113.
5. Бобринский А. Курганы и случайные археологические находки близ Смелы. Т. I. СПб, 1887. 172 с.
6. Бобринский А. Курганы и случайные археологические находки близ Смелы. Т. III. СПб., 1901. 170 с.
7. Бондар М.М. Дослідження Канівської комплексної експедиції // Археологічні дослідження в Україні 1969 року. Вип. IV. Киев: Наукова думка, 1972. С. 87–90.
8. Винокур Й., Гуцал А., Мегей В. Дослідження курганів доби бронзи в селі Дорогоща на Волині // Записки наукового товариства імені Шевченка у Львові. Т. ССXXXV / Ред. М. Бандрівський, Л. Крушельницька, О. Купчинський. Львів, 1998. С. 433–465.

9. *Гошко Т.Ю.* Металообробка у населення Правобержної Лісостепової України за доби пізньої бронзи. Київ: ІА НАН України, 2011. 128 с.
10. *Доде З.В.* Костюм как репрезентация историко-культурной реальности: к вопросу о методе исследования // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 2 / Глав. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Донецкий Национальный университет, 2005. С. 305–330.
11. Древняя одежда народов Восточной Европы / Отв. ред. М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1986. 272 с.
12. *Льчишин В.В.* Комарівський горизонт багатощарового курганного могильника Кордишів VIII біля с. Кордишів на Шумщині // Археологічні дослідження Львівського університету. № 20. Львів, 2016. –в печати.
13. *Козловська В.* Бронзові прикраси з давнього поховання на терені заповідника ім. акад. Заболотного (с.Чоботарка, Тульчинської окр.) // Хроніка археології та мистецтва. Ч. 2 / Ред. В. Козловська. Київ, 1930. С. 31–34.
14. *Куприянова Е.В.* Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф, 2008. 244 с.
15. *Куштан Д.П.* Південь Лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи / Археологічний альманах. № 29. Донецьк: Донбас, 2013. 232 с.
16. *Лагодовська О.Ф.* Войцехівський могильник бронзової доби на Волині // Археологія. 1948. Т. II. С. 62–77.
17. *Лагодовська О.Ф., Захарук Ю.М.* Нові дослідження Войцехівського могильника // АП УРСР. Т. VI. Київ, 1956. С. 69–74.
18. *Лысенко С.Д.* Тшинецьке культурне коло // Енциклопедія Історії України: у 10 томах. Т. 10: Т–Я. К.: Наукова думка, 2013. С. 188–190.
19. *Лысенко С.Д., Шкляревський Є.І., Разумов С.М., Макарович П.К.* Курганний могильник комарівської культури біля с. Буківна // Археологія. 2015. № 3. С. 58–78.
20. *Лысенко С.Д.* К вопросу о культурной принадлежности Гордеевского могильника // Stratium plus. 2015. № 2. С. 207–230.
21. *Лысенко С.Д.* Могильник Козаровичи эпохи поздней бронзы // Кукутень-трипільський культурний комплекс та його сусіди. Збірник наукових праць пам'яті Володимира Опанасовича Круца / Ред. О. Дяченко та ін. Львів: Астролябія, 2015а. С. 463–474.
22. *Лысенко С.Д.* Тшинецкий культурный круг и проблемы перехода к раннему железному веку в Северной Украине // Российский археологический ежегодник. № 2 / Глав. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Издательство С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 263–275.
23. *Лысенко С.Д., Лысенко С.С.* Исследования на могильнике Малополовецкое-3 в 2000 г. // Археологічні відкриття в Україні 1999-2000 рр. Київ: Наукова думка, 2001. С. 147–159.
24. *Лысенко С.Д., Лысенко С.С.* Новые исследования Войцеховского могильника // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. Тезисы докладов круглого стола, посвященного памяти Н.Я. Мерперта / Отв. ред. А.Н. Гей. М.: ИА РАН, 2013. С. 24–25.
25. *Лысенко С.С.* Гривны, браслеты и перстни со спиральными щитками с территории Украины // Проблемы эпохи бронзы Великой Степи / Отв. ред. А.И. Василенко. Луганск: Глобус, 2005. С. 25–36.
26. *Лысенко С.С.* Подвески белогрудовского типа // Музейні читання (Матеріали наук. конф., грудень 2001 р.) / Відп. ред. Л.С. Клочко. Київ: Музей історичних коштовностей України, 2002. С. 116–125.
27. *Лысенко С.С., Лысенко С.Д.* Некоторые аспекты реконструкции древнего костюма и убранства // Археологія: можливості реконструкцій / Археологія і давня історія України. Вип. 2 (13). Київ: Інститут археології НАН, 2014. С. 107–119.

28. Лысенко С.С., Лысенко С.Д. Новый клад комаровской культуры на Киевщине // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 13 / Отв. ред. И.В. Бруяко. Одесса: СМІЛ, 2015. С. 195–206.

29. Лысенко С.С., Лысенко С.Д. Экспериментальные исследования браслетов и гривен со спиральными щитками для определения их места в убранстве // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III-ї Луганської міжнарод. іст.-арх. конф., присвяченої пам'яті С.Н. Братченка / Відп. ред. І.М. Ключенца. Луганськ: Луганський обласний краєзнавчий музей, 2012. С. 272–277.

30. Макаревич М.Л. Археологічні дослідження в с. Білий Камінь // Трипільська культура / Відп. ред. М.І. Ячменьов. Київ: изд. АН УРСР, 1940. С. 453–475.

31. Рыбалова В.Д. К вопросу о хронологии некоторых групп памятников эпохи бронзы и раннего железа на Украине // Археологический сборник государственного Эрмитажа. № 2 / Ред. М.И. Артамонов. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа, 1961. С. 9–25.

32. Свешников И.К. Богатые погребения комаровской культуры у с. Иванья Ровенской области // СА. 1968. № 2. С. 159–168.

33. Свешников И.К. Звіт з роботи Західно-подільської археологічної експедиції в 1967 р. / Научный архив ИА НАНУ. № 1967/52. ф.экс. № 4807.

34. Смирнов Ю.А. Морфология преднамеренного погребения. М.: Восточная литература, 1997. 279 с.

35. Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т; Восточная Литература, 2006. 664 с.

36. Berezanskaja S.S., Kločko V.I. Das Gräberfeld von Hordeevka / Archäologie in Eurasien 5, 1998. 87 s., 83 taf.

37. Kozłowski L. Wczesna, starsza i spodkowa epoka brązu w Polsce. Lwów, 1928.

38. Makarowicz P. Trzciniecki krąg kulturowy – wspólnota pogranicza Wschodu i Zachodu Europy. Poznań: wydawnictwo Poznańskie, 2010. 445 s.

39. Miśkiewicz J. Kultura Trzciniecka // Prahistoria ziem polskich. T. 3: Wczesna epoka brązu. Wrocław, Warszawa, Gdańsk, 1978. S. 173–196.

40. Siwkówna I. Tymczasowe wyniki badań terenowych w Bukónej, pow. Tłumacki // Z otchłani wieków. XIII. 1937. S. 67–70.

41. Sulimirski T. Cmentarzysko kurkhanowe w Komarowie koło Halicza i kultura komarowska // Spraw. PAU, 1936. T.XLI, №9. S. 273–277.

42. Sulimirski T. Corded ware and Globular Amphorae North-East of the Carpatians. London, 1968. 240 p.

43. Swieszniow I.K. Kultura komarowska // AP, 1967. S. 39–107.

44. Węgrzynowicz T. Zabytki z epoki brązu i wczesnej epoki żelaza z Ukrainy i Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie. Warszawa, 2001. 123 s.

45. Wels-Weyrauch U. Die Anhangen in Sudbavern // PB. Ab.XI, Bd.5. Stuttgart, 1991.

Информация об авторах:

Лысенко Светлана Станиславовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии НАН Украины (г. Киев, Украина); aheron2000@yandex.ua

Лысенко Сергей Дмитриевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии НАН Украины (г. Киев, Украина); suraganga@yandex.ru

**BURIAL COMPLEXES AND HOARDS AS SOURCES
FOR THE RECONSTRUCTION OF CEREMONIAL ADORNMENTS
OF THE REPRESENTATIVES OF KOMAROVO CULTURE**

S. S. Lysenko, S. D. Lysenko

The article features an analysis of metal adornments from burial complexes of the Komarovo culture dating back to the late Bronze period for the reconstruction of the characteristics of the costume complex and adornment elements. The authors used the information on the mutual occurrence of adornments in closed complexes (burials, hoards), their location with respect to skeleton bones, and analyzed the parameters of the adornments. The relative scarcity of metal adornments discovered in burials of Komarovo culture and the absence of local sources of raw materials for their manufacture allow to consider the adornments contained in burials, especially with such high metal content as pins, bracelets and neck torcs as elements of ceremonial (wedding, funeral) adornments belonging to persons of highest social standing. A complete set of ceremonial adornments of the northern groups of Komarovo culture consisted of a pin, a neck torc and a bracelet/multiple bracelets. The most stable combination of large adornments is observed in Volyn and Kiev-Cherkasy groups: a pin, a neck torc, a pair of multi-spiral (wrist) bracelets and a pair of (shoulder?) bracelets with spiral shields. There are no bracelets with spiral shields corresponding to the Galitsia group, the multi-spiral bracelet is substituted by the massive cast bracelet, and three categories of small adornments are observed. Elite burials of the Podolsk cultural group contain a large number of small adornments: pendant rings, pendants and necklaces of amber beads which replaced neck torcs.

Keywords: archaeology, late Bronze Age, Komarovo culture, burial, adornments, costume complex.

REFERENCES

1. Bandrivskii, M., Krushelnitska, L. 1998. In Bandrivskii, M., Krushelnitska, L., Kupchinskii, O. (eds.). *Zapiski naukowego towarzystwa imeni Shevchenka u Lvovi (Proceedings of the Research Society Named After Shevchenko in Lviv)* CCXXXV. Lviv, 193–247 (in Ukrainian).
2. Berezanskaia, S. S. 1972. *Srednii period bronzovogo veka v Severnoi Ukrainie (Middle Bronze Age in Northern Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
3. Berezanska, S. S., Goshko, T. Yu., et al. 2004. In *Arkheologiiia (Archaeology)* 1, 111–125 (in Ukrainian).
4. Berezanska, S. S., Klochko, V. I. 2011. In Klochko, V. I. (ed.). *Gordiivskii mogil'nik. Vinnitsia (Gordiivka Burial Mound. Vinnitsa)*, 7–113 (in Ukrainian).
5. Bobrinskii, A. 1887. *Kurgany i sluchainye arkheologicheskie nakhodki bliz Smely (Barrows and Accidental Findings near Smela)* I. Saint Petersburg.
6. Bobrinskii, A. 1901. *Kurgany i sluchainye arkheologicheskie nakhodki bliz Smely (Barrows and Accidental Findings near Smela)* III. Saint Petersburg.
7. Bondar, M. M. 1972. *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 1969 roku (Archaeological Studies of 1969 in Ukraine)* IV. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 87–90 (in Ukrainian).
8. Vinokur, I., Gutsal, A., et al. 1998. In Bandrivskii, M., Krushelnitska, L., Kupchinskii, O. (eds.). *Zapiski naukowego towarzystwa imeni Shevchenka u L'vovi (Proceedings of Shevchenko Research Society in Lviv)*. Lviv, 433–465 (in Ukrainian).
9. Goshko, T. Yu. 2011. *Metaloobrobka u naselennia Pravoberzhnoi Lisostepovoï Ukraini za dobi pizn'oi bronzi (Metal Processing Practiced by the Population of Right Bank Forset-Stepe Ukraine in the Late Bronze Age)*. Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).

10. Dode, Z. V. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Struktumno-semioticheskie issledovaniia v arkhologii (Structural and Semitic Studies in Archaeology)* 2. Donetsk: Donetsk National University, 305–330 (in Russian).
11. Rabinovich, M. G. (ed.). 1986 *Drevniaia odezhda narodov Vostochnoi Evropy (Ancient Clothing of Eastern European Peoples)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
12. Ilchishin, V. V. 2016. In *Arkheologichni doslidzhennia L'viv'skogo universitetu (Archaeological Research of Lviv University)* 20. Lviv. In print (in Ukrainian).
13. Kozlovska, V. 1930. In Kozlovska, V. (ed.). *Khronika arkhologii ta mistetstva (Chronicle of Archaeology and Art)* 2. Kiev, 31–34 (in Ukrainian).
14. Kupriianova, E. V. 2008. *Ten' zhenshchiny: Zhenskii kostium epokhi bronzy kak «tekst»: (po materialam nekropolei Iuzhnogo Zaural'ia i Kazakhstana) (Shadow of a Woman: Women's Costume of the Bronze Age as a “Text Source”: (on Materials from the Necropoleis of the Southern Urals and Kazakhstan))*. Cheliabinsk: “Avto Graf” Publ. (in Russian).
15. Kushtan, D. P. 2013. In *Arkheologichni al'manakh (Archaeological Almanac)* 29. Donetsk: “Donbas” Publ. (in Ukrainian).
16. Lagodovska, O. F. 1948. In *Arkheologiiia (Archaeology)* II, 62–77 (in Ukrainian).
17. Lagodovska, O. F., Zakharuk, Yu. M. 1956. *Arkheologicheskie pamiatniki Ukrainskoi Sovetskoi Sotsialisticheskoi Respubliki (Archaeological Monuments of the Ukrainian Soviet Socialist Republic)* VI. Kiev, 69–74 (in Russian).
18. Lysenko, S. D. 2013. *Entsiklopediia Istorii Ukraïni (Encyclopaedia of Ukrainian History)* 10. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 188–190 (in Ukrainian).
19. Lysenko, S. D., Shkliarevskii, E. I., et al. 2015. *Arkheologiiia (Archaeology)* 3, 58–78 (in Ukrainian).
20. Lysenko, S. D. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 207–230 (in Russian).
21. Lysenko, S. D. 2015. In D'iachenko, O., et al. (eds.). *Kukuten'-tripil's'kii kul'turnii kompleks ta iogo susidi. Zbirnik naukovikh prats' pam'iaty Volodimira Opanasovicha Krutsa (Kukuten-Tripolie Cultural Complex and its Neighborhood. Collection of Scientific Works in Memory of Vladimir Afanasievich Kruts)*. Lviv: “Astroliabiiia” Publ., 463–474.
22. Lysenko, S. D. 2012. In Vishnatskii, L. B. (ed.). *Rossiiskii arkhelogicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Annual)* 2. Saint Petersburg: Saint Petersburg University, 263–275 (in Russian).
23. Lysenko, S. D., Lysenko, S. S. 2001. *Arkheologichni vidkrittia v Ukraïni 1999-2000 rr. (Archaeological Discoveries in Ukraine)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 147–159 (in Russian).
24. Lysenko, S. D., Lysenko, S. S. 2013. In Gei, A. N. (ed.). *Tsivilizatsionnye tsentry i pervobytnaia periferiia v epokhu rannego metalla: modeli vzaimodeistviia. Tezisy dokladov kruglogo stola, posviashchennogo pamiaty N.Ia. Merperta (Civilizational Centers and Primeval Periphery in the Early Metal Period. Abstracts of a Round Table Dedicated to the Memory of N. Ya. Merpert)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 24–25 (in Russian).
25. Lysenko, S. S. 2005. In Vasilenko, A. I. (ed.). *Problemy epokhi bronzy Velikoi Stepi (Issues of the Early Bronze Period of the Great Steppe)*. Lugansk: “Globus” Publ., 25–36 (in Russian).
26. Lysenko, S. S. 2002. In Klochko, L. S. (ed.). *Muzeini chitannia (Museum Readings)*. Kiev: Museum of Historical Treasures of Ukraine, 116–125 (in Russian).
27. Lysenko, S. S., Lysenko, S. D. 2014. In *Arkheologiiia i davnia istoriia Ukraïni (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 2 (13). Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 107–119 (in Russian).
28. Lysenko, S. S., Lysenko, S. D. 2015. In Bruyako, I. V. (ed.). *Materialy po arkhologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the Archaeology of the Northern Black Sea Region)* 13. Odessa: “SMIL” Publ., 195–206 (in Russian).
29. Lysenko, S. S., Lysenko, S. D. 2012. In Kluchneva, I. M. (ed.). *Problemi doslidzhennia pam'iatok arkhologii Skhidnoi Ukraïni (Issues of Studying Archaeological Monuments of Eastern Ukraine)*. Lugansk: Lugansk Regional Museum of Local Lore, 272–277 (in Russian).

30. Makarevich, M. L. 1940. In Yachmenev, M. I. (ed.). *Tripil's'ka kul'tura (Tripolie Culture)*. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian Soviet Socialist Republic, 453–475 (in Ukrainian).
31. Rybalova, V. D. 1961. In Artamonov, M. I. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Collection of the State Hermitage Museum) 2*. Leningrad: The State Hermitage Museum, 9–25 (in Russian).
32. Sveshnikov, I. K. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology) 2*, 159–168 (in Russian).
33. Sveshnikov, I. K. *Zvit z roboti Zakhidno-podil's'koï arkheologichnoï ekspeditsii v 1967 r. (Report on the Activity of Western Podolsk Archaeological Expedition in 1967)*. Research Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1967/52, file no. 4807 (in Ukrainian).
34. Smirnov, Yu. A. 1997. *Morfologiia prednamerennogo pogrebeniia (Morphology of a Deliberate Burial)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
35. Yatsenko, S. A. 2006. *Kostium Drevnei Evrazii (iranoiazychnye narody) (Costume in Early Eurasia (Iranian-Speaking Peoples))*. Moscow: Russian State University for the Humanities; "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
36. Berezanskaja S.S., Kločko V.I. Das Gräberfeld von Hordeevka / Archäologie in Eurasien 5, 1998. 87 s., 83 taf.
37. Kozłowski L. Wczesna, starsza i spodkowa epoka brązu w Polsce. Lwów, 1928.
38. Makarowicz P. Trzciniecki krąg kulturowy – wspólnota pogranicza Wschodu i Zachodu Europy. Poznan: wydawnictwo Poznańskie, 2010. 445 s.
39. Miśkiewicz J. Kultura Trzciniecka // Prahistoria ziem polskich. T. 3: Wczesna epoka brązu. Wrocław, Warszawa, Gdansk, 1978. S. 173–196.
40. Siwkówna I. Tymczasowe wyniki badań terenowych w Bukónej, pow. Tłumacki // Z otchłani wieków. XIII. 1937. S. 67–70.
41. Sulimirski T. Cmentarzysko kurkhanowe w Komarowie koło Halicza i kultura komarowska // Spraw. PAU, 1936. T.XLI, №9. S. 273–277.
42. Sulimirski T. Corded ware and Globular Amphorae North-East of the Carpatians. London, 1968. 240 p.
43. Swieszniuk I.K. Kultura komarowska // AP, 1967. S. 39–107.
44. Węgrzynowicz T. Zabytki z epoki brązu i wczesnej epoki żelaza z Ukrainy i Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie. Warszawa, 2001. 123 s.
45. Wels-Weyrauch U. Die Anhänger in Sudbauern // PB. Ab.XI, Bd.5. Stuttgart, 1991.

About the Authors:

Lysenko Svetlana S. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; Geroyiv Stalingrada av. 12, Kyiv, 04210, Ukraine; aheron2000@yandex.ua

Lysenko Sergej D. . Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; Geroyiv Stalingrada av. 12, Kyiv, 04210, Ukraine; suranganga@yandex.ua

Статья поступила в номер 29.07.2016 г.

Хроника

УДК 902/903

DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.3.21.329.350>ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«I СТАРОСТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

© 2017 г. Д.Г. Бугров, Л.А. Вязов, А.Г. Ситдигов

В публикации представлен краткий отчёт о работе всероссийской научной конференции «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья первой половины – середины I тыс. н. э.», приуроченной к 80-летию со дня рождения П.Н. Старостина. Конференция проходила в г. Болгаре (Республика Татарстан) 3–7 октября 2016 г. и была посвящена проблемам выделения и изучения памятников Волго-Уральского региона первой половины – середины I тыс. н. э., выполняющих функции опорных для хронологического позиционирования групп (горизонтов) древностей и их историко-культурной интерпретации.

Ключевые слова: археология, Поволжье и Приуралье, I тысячелетие н. э., финал раннего железного века, раннее средневековье, опорные памятники, хронология, конференции.

3–7 октября 2016 г. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ провел всероссийскую научную конференцию «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья первой половины – середины I тыс. н. э.», приуроченную к 80-летию со дня рождения П.Н. Старостина (1936–2012), – одного из крупнейших специалистов по археологии Волго-Камья I тыс. н. э. Конференция была посвящена проблемам выделения и изучения памятников первой половины – середины I тыс. н. э., выполняющих функции опорных для хронологического позиционирования групп (горизонтов) древностей и их историко-культурной интерпретации, маркирующих смену традиций или населения, либо, напротив, отражающих преемственность в развитии культур. Чтения проводились в г. Болгаре (Республика Татарстан) при поддержке Болгарского государственного

историко-архитектурного музея-заповедника. В них приняли участие 24 исследователя из 15 академических и научно-исследовательских институтов, университетов и музеев 12 городов России, представившие 26 докладов.

Открывали конференцию выступления мемориального характера: *Г.И. Дроздова* (ИА АН РТ, Казань) в докладе «П.Н. Старостин: к 80-летию со дня рождения (по материалам Научного фонда Музея археологии РТ)» представила краткую биографию юбиляра и обзор материалов его личного архива, *Д.Г. Мухаметшин* (БГИ-АМЗ, Болгар) выступил с воспоминаниями о работе П.Н. Старостина по изучению Болгарского городища и его округи.

Серию докладов, посвященных андреевско-писеральскому культурному феномену, начал и завершил *С.Э. Зубов* (СНИУ, Самара) – в первом случае ин-

Рис. 1. На заседании конференции. Выступает И.О. Гавритухин (ИА РАН, Москва).

Fig. 1. At a conference meeting. Report by I.O. Gavritukhin (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow).

двидуальным докладом «Проблемы изучения памятников писеральско-андреевского типа: историографический очерк», во втором – совместным с *О.А. Радюшем* (ИА РАН, Москва) докладом «Воинская элита в погребальных комплексах I–II вв. н. э. в Западном Поволжье». *В.В. и А.В. Ставицкие* (ПГУ, Пенза) в докладе «Андреевский курган в системе древностей начала I тысячелетия н. э.» на основании нового прочтения планиграфии памятника и уточнения корреляции групп погребений выделили ранний (до сер. I в. н. э.) этап функционирования Андреевского кургана и синхронизировали его с погребениями Писеральских и Климкинских курганов. Доклад *Д.Г. Бугрова* (ИА АН РТ, Казань) и *Н.С. Мясникова* (ЧГИГН, Чебоксары) «Некоторые проблемы выделения «этнокультурных компонентов» па-

мятников андреевско-писеральского типа» был посвящен критике концепции зауральских (саргатских) истоков формирования андреевско-писеральских древностей.

Блок выступлений пьяноборской и постпьяноборской тематики открывал доклад *В.В. Ставицкого* (ПГУ, Пенза) «Горизонтальная стратиграфия (хронопланиграфия) ранней части Тарасовского могильника», в котором полученная методом корреляции вещевых комплексов хронология ранних (I–II вв. н. э.) погребений Тарасовского могильника (Голдина, Бернц, 2016) уточнена на основании анализа планиграфии отдельных категорий находок. *А.А. Краснопёров* (Ижевск) в докладе «Верхняя дата пьяноборской культуры» рассмотрел погребения мазунинской культуры, содержащие более ранние пьяноборские вещи, придя

Рис. 2. Участники конференции осматривают разрез вала
Бальмерского городища «Шолом».

Fig. 2. Conference participants inspecting the cross-section of a rampart
of Balymer "Sholom" hillfort.

к выводу об анахроничности пьяноборских предметов в этих комплексах и, как следствие, их несоответствии предполагаемому статусу «переходных от пьяноборья к мазунину». *С.Л. Воробьева* (НМ РБ, Уфа) в докладе «Погребальные памятники II–IV вв. н. э. носителей кара-абызской археологической культуры» на материале Шиповского грунтового, Ох-

лебининского и недавно обнаруженных Юрмашского 1 и Юлуковского 1 могильников уточняет хронологию и прослеживает тенденции развития материальной культуры на поздних этапах (II – начало IV в. н. э.) существования кара-абызских древностей. *А.Г. Колонских* (ИЭИ УНЦ РАН, Уфа) в докладе «Поселенческие памятники Уфимско-Бельского междуречья

первой половины – середины I тыс. н. э.» представил результаты пространственного анализа сети бахмутинских поселений в правобережье Нижней Белой. *Е.М. Черных* и *О.Ф. Хайруллина* (УдГУ, Ижевск) в докладе «Боярский («Арай») могильник: новый штрих к этнокультурной карте Среднего Прикамья» презентовали результаты исследований оригинального памятника мазунинского времени, датированного финалом III–IV/V вв. н. э. Различные аспекты изучения постпьяноборских памятников азелинского круга были затронуты в докладах *Т.Б. Никитиной* (МарНИИЯЛИ, Йошкар-Ола) «Особенности азелинских памятников левобережья Волги», *А.А. Красноперова* (Ижевск) «Азелино: движение на восток» и в стендовом докладе *Н.А. Лещинской* (УдГУ, Ижевск) «Новый археологический источник по «постазелинскому» горизонту древностей в бассейне р. Вятки».

Ю.В. Ширин (ИКМЗ «Кузнецкая крепость», Новокузнецк) в докладе «Хронология выявляемых культурных связей Предуралья и Западной Сибири в конце эпохи раннего железа» поднял проблему использования приуральских «аналогий» находкам из Западной Сибири (на примере ременных накладок и предметов культовой пластики) для датировки западносибирских комплексов и реконструкции трансуральского культурного взаимодействия.

Истории исследования и проблемам культурно-хронологической интерпретации ключевых для изучения эпохи Великого переселения народов в Волго-Уральском регионе памятников были посвящены доклады *М.Л. Перескокова* и *В.В. Мингалёва*

(ПНИУ, Пермь) «Мокинский могильник – опорный памятник эпохи Великого переселения народов Пермского Прикамья», *И.О. Гавритухина* (ИА РАН, Москва) и *А.А. Красноперова* (Ижевск) «К интерпретации Тураевских курганов» и *Н.Н. Грибова* (ННГУ, Нижний Новгород) «Подвyezский могильник на Нижней Оке: хронология и культурные особенности (по материалам первых исследований)».

Кочевнические (или причисляемые к ним) древности Поволжья постгуннского времени рассматривались в докладах *Н.А. Лифанова* (СНИУ, Самара) «Алексеевское погребение и проблема памятников «авиловского» типа» и *И.Л. Измайлова* и *А.С. Мухаметшиной* (ИА АН РТ, Казань) «Бураковское погребение: к проблеме датировки и историко-культурной интерпретации».

Серия докладов была посвящена проблемам изучения именьковской и связанных с ней культур. *Е.П. Казанов* (ИА АН РТ, Казань) в докладе «Щербетьский комплекс турбаслинско-именьковских памятников VI–VII вв.» представил указанную группу поселений как «производственный центр и торговую факторию турбаслинско-именьковской общности» в устье р. Камы. Доклад *Ю.А. Семькина*, *А.Г. Борисова* и *Н.А. Горбунова* (НИИ истории и культуры УО, Ульяновск) «Новые памятники черной металлургии раннего средневековья в Ульяновском Поволжье» содержал характеристику источников сырья и памятников со следами производства железа именьковского времени в Волго-Свияжском междуречье. *Д.А. Сташенков* (СОИКМ, Самара) в докладе «Культурные группы оседлого насе-

ления Среднего Поволжья III–IX вв.» дал обзор изменения этнокультурной ситуации на территории Самарской Луки и в Волжском Левобережье от позднесарматского до хазарского времени. Материалы из разрушающегося памятника «коминтерновского» круга были представлены в докладе *Р.Р. Валиева* (ИА АН РТ, Казань) «Новославский II могильник – новый памятник именьковской культуры». Результаты междисциплинарных исследований уникального комплекса памятников в Ульяновском Предволжье были представлены в докладах *Д.А. Петровой* (ИА АН РТ, Казань) «Комаровский грунтовый могильник: итоги иссле-

дований 2013–2016 гг.» и *Н.П. Салугиной* (СГИК, Самара) «Технология изготовления керамики Комаровского могильника (предварительные результаты)» и включены в обобщающий доклад *Л.А. Вязова* (ИА АН РТ, Казань) «Памятники позднего этапа именьковской культуры».

По итогам конференции была отмечена важность подобного рода совещаний для координации усилий по изучению проблем археологии первой половины – середины I тыс. н. э. в Урало-Поволжском регионе и поддержано предложения о периодическом проведении «Старостинских чтений».

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 41–89.

Информация об авторах:

Бугров Дмитрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); shikhan66@mail.ru

Вязов Леонид Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); l.a.vyazov@gmail.com

Ситдииков Айрат Габитович, чл.-корр АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

ALL-RUSSIAN RESEARCH CONFERENCE "1ST STAROSTIN READINGS"

D. G. Bugrov, L. A. Vyazov, A. G. Sitdikov

The publication presents a brief summary of the activity of All-Russian Research Conference "1st Starostin Readings: References Monuments of the Middle Volga and Kama Regions of the First Half and Middle of the 1st Millennium A.D." dedicated to the 80th anniversary of P.N. Starostin. The conference took place in Bolgar (the Tatarstan Republic) on October 3–7, 2016, and was dedicated to the issues of identification and study of monuments from the Volga-Urals dated mid-1st Millennium A.D. representing reference monuments in terms of the chronological classification of groups (horizons) of antiquities and their historical and cultural interpretation.

Keywords: archaeology, Volga and Ural Regions, 1st millennium A.D., final stage of the early Iron Age, early Middle Ages, reference monuments, chronology, conferences.

REFERENCES

1. Goldina, R. D., Bernts, V. A., 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 41–89 (in Russian).

About the Authors:

Bugrov Dmitry G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; shikhan66@mail.ru

Vyazov Leonid A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; l.a.vyazov@gmail.com

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в номер 03.07.2017 г.

УДК 069.4

DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.3.21.357.360>

II МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОСТЮМ: РЕСТАВРАЦИЯ, РЕКОНСТРУКЦИЯ, РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ»

© 2017 г. Ю.В. Федотова, Д.Ф. Файзуллина, А.Г. Ситдилов

В статье представлено краткое содержание II Международной научно-практической конференции, прошедшей 20–22 апреля 2016 г. в г. Казани. Организаторы научного мероприятия – Институт археологии АН РТ им. А.Х. Халикова, Казанский государственный институт культуры, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Республиканский фонд «Возрождение». Конференция была посвящена перспективам развития современной «палеокостюмологии» на основе междисциплинарных научных исследований и инновационных методических приемов в реставрации и реконструкции «археологического костюма».

Ключевые слова: археология, международная научно-практическая конференция, археологический костюм, реставрация, реконструкция, репрезентация.

20–22 апреля 2016 года в г. Казани прошла II международная научно-практическая конференция «Археологический костюм: реставрация, реконструкция, репрезентация». Организаторами конференции выступили Институт археологии АН РТ им. А.Х. Халикова, Казанский государственный институт культуры, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Республиканский фонд «Возрождение».

Конференция была посвящена исследованиям предметов одежды из органических материалов; методам и подходам к реконструкции «археологического» костюма, украшениям, тафономическим исследованиям и экспериментальным технологическим приемам.

В данном научном мероприятии приняли участие археологи, этнографы, реставраторы, искусствоведы, культурологи, лингвисты, музейные сотрудники, реконструкторы из ве-

дущих центров России, Казахстана и Украины. Было заслушано 39 докладов, посвященных развитию современной «палеокостюмологии» на основе междисциплинарных методических приемов в реставрации и реконструкции «археологического костюма».

Отдельный блок был посвящен изобразительным и фольклорным источникам по теме древней одежды.

Особое внимание было уделено семантике отдельных элементов костюма, декора и украшений. Участниками были представлены материалы по способам презентации «археологического» костюма в музейном и выставочном пространстве, сценическому и «археологическому» костюмам в деятельности исторических реконструкций.

На открытии конференции с приветственным словом выступили директор Института археологии им. А.Х. Халикова А.Г. Ситдилов, про-

ректор по научной работе Казанского государственного института культуры Р.М. Валеев.

С интересом был заслушан первый доклад Н.П. Синицыной, в котором освещены реставрация археологического текстиля и возможность реконструкции кроя.

К. Алтынбеков, Д.К. Досаева сообщили о результатах работ научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» (г. Алматы, Казахстан) по реконструкции «археологического» костюма; о процессе исследования органических остатков из кургана могильника Берель, находящегося на территории Казахстанского Алтая (IV–III вв. до н. э.).

О результатах исследований 75 курганов скифского времени по железнодорожной линии «Элегест – Кызыл – Курагино» (2012 г., 2014 г.; аварийно-спасательные работы) сообщила В.С. Бусова. На территории Центральной части Тувы, в долине реки Эрбек, собрана и систематизирована коллекция с хронологической привязкой к археологическим культурам скифского времени Тувы, были приведены возможные варианты путей развития текстильного производства в I тыс. до н. э.

И.И. Елкина выступила с атрибуцией и реконструкцией археологических текстильных находок XVII–XVIII вв. из Новодевичьего монастыря (г. Москва).

Об особенностях и перспективах библиографического учета публикаций по археологическому костюму и текстилю рассказала А.Э. Жабрева.

О сравнительном анализе хазарского и славяно-русского убора из украшений к костюму сообщила Н.В. Жилина.

Е.В. Куприяновой были представлены методы исследования и реконструкции мелких аксессуаров головного убора женщины эпохи бронзы Южного Зауралья.

О реконструкции женского костюма из элитного погребения Таксай-1 рассказала Я.А. Лукпанова, высказав предположение о принадлежности погребенной к жреческому сословию.

О.В. Орфинская представила анализ кроя мужских кафтанов и женских платьев алан Северного Кавказа.

Образы животных в марийском костюме и археолого-этнографические параллели провела А.Н. Павлова.

В.С. Патрушев рассказал об этнических особенностях костюма волжских финнов начала эпохи железа с характерными элементами – металлическими украшениями из могильников Марийского и Татарского Поволжья.

Об опыте сравнительного анализа золотых украшений Волжской Булгарии и болгарского улуса Золотой Орды сообщил К.А. Руденко.

Вопросы по этнокультурной принадлежности и датировке группы одежных застежек с территории прито-днестровского междуречья были рассмотрены в работе С.С. Рябцевой и Л.В. Дергачевой. Авторы датировали рассматриваемую группу изделий XVI–XVIII вв. и соотнесли с древностями ногайцев Причерноморского и Буджакского регионов.

В докладе О.В. Умеренковой освещены проблемы изучения и реконструкции металлических украшений бронзы Западной Сибири.

Э.Р. Усманова представила презентацию андроновского костюма в экспозиции музея по материалам могильника Лисаковской округи первой

половины II тыс. до н. э. Сохранность текстильной основы позволила экспериментально изготовить реплики двух женских головных уборов и жилета эпохи бронзы.

Доклад Д.Ф. Файзуллиной был посвящен костюму населения Волго-Камья ананьинского времени в контексте развития костюмных комплексов Евразии Раннего Железного Века.

Л.Ф. Фасхутдинова в своей работе выявила архаичные элементы в золотной вышивке волго-уральских татар. Автор проследил источники появления древнего искусства на территории Булгарского государства со времени Золотой Орды.

Ю.В. Федотова в соавторстве с М.Ю. Визгаловой представили реконструкцию женского головного убора и вязаной шали из погребения XIV в. на территории г. Болгар. После реставрации археологического текстиля стало возможным воссоздать общий вид головного убора – тюрбана с золотной вышивкой. Изделие является на сегодняшний день единственным подлинным элементом болгарской одежды.

Специалисты различных профессий на «круглых столах» собрались вместе, чтобы обсудить научные критерии реконструкций археологического костюма, актуальные проблемы реконструкции костюма периода Золотой Орды.

В рамках конференции были проведены мастер-классы Н.П. Синеци-

ной по консервации и реставрации археологического текстиля и кожи. Л.Ф. Фасхутдиновой – по технологии золотного шитья: от золотоордынской традиции XIV века к современности. А.Н. Николаевой был проведен мастер-класс по кружевным изделиям ручного плетения на коклюшках (ныртинские кружева). С.М. Шашунова представила реконструкцию костюма знатной золотоордынской женщины, которая экспонируется в Саратовском краеведческом музее.

В дополнительной программе мероприятия участники посетили Этнографический музей Казанского университета, ознакомились с реставрационными мастерскими Музея археологии Института археологии АН РТ. Была проведена экскурсия по выставке «Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара» (Центр «Эрмитаж – Казань», Казанский Кремль) и по выставке «Дух воина. От скифов до Золотой Орды» (Музей Пушкинского двора, Казанский Кремль).

Итогом данной конференции явилось обсуждение современных методов и подходов к реконструкции «археологического костюма», состоялся обмен мнениями и опытом между специалистами из разных регионов России и Ближнего Зарубежья. Статьи участников II Международной научно-практической конференции опубликованы в рецензируемом журнале «Поволжская археология» в 2017 г.

Информация об авторах:

Федотова Юлия Валерьевна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); yulia.fedotova86@yandex.ru

Файзуллина Диана Фаридовна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой искусствоведения, живописи и графики Казанского государственного института (г. Казань, Россия); vtr80@yandex.ru

Ситдиков Айрат Габитович, чл.-корр АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (При-волжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

**2ND INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICAL CONFERENCE
"ARCHAEOLOGICAL COSTUME: RESTORATION, RECONSTRUCTION,
REPRESENTATION"**

Yu. V. Fedotova, D. F. Fayzullina, A. G. Sitdikov

The article features an overview of the 2nd International Research and Practical Conference which took place on April 20–22, 2016 in Kazan. The event was organized by the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan State Institute of Culture, Kazan (Volga Region) Federal University, Republican Foundation "Revival". The conference was dedicated to the development perspectives of contemporary "paleocostumology" on the basis of interdisciplinary scientific research and innovative methodological techniques in the restoration and reconstruction of the "archaeological costume".

Keywords: archaeology, International Research and Practical Conference, archaeological costume, restoration, reconstruction, representation.

About the Authors:

Fedotova Yulia V. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; yulia.fedotova86@yandex.ru

Fayzullina Diana F. Candidate of Historical Sciences. Associate Professor, Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; faizullinad@yandex.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в номер 01.08.2017 г.

Список сокращений

- АЕС – Археология Евразийских степей
 АКГШК – ананьинская культура гребенчато-шнуровой керамики
 АКИО – Ананьинская культурно-историческая область
 АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АО – Археологические открытия
 АС – Археологический съезд
 АЭМК – Археология и этнография Марийского края
 ВДИ – Вестник древней истории. М.
 ЗОАО – Записки Одесского археологического общества. Одесса.
 ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
 ИА им. А.Х. Халикова АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
 ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
 ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
 ИИАП – Институт истории и археологии Поволжья
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
 ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
 ИЯЛИ КФАН – Институт языка литературы и истории Казанского филиала Академии наук
 ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
 к. – курган
 КАЭЭ ПГГПУ – Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
 КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии
 ЛГ – локальная группа
 МАЕСВ – Материалы по археологии европейского Северо-Востока
 МарАЭ – Марийская археологическая экспедиция
 МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
 МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья
 МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
 МИАР – Материалы и исследования по археологии России
 НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
 НФ МАРТ ИА АН РТ – научный фонд музея археологии Республики Татарстан Института археологии академии наук Республики Татарстан
 ОРРКНБ – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского при К(П)ФУ

- п. – погребение
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РГ – региональная группа
РЖВ – ранний железный век
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СГУ – Саратовский государственный университет
СНЦРАН – Самарский научный центр Российской Академии наук
СПК – спорово-пыльцевой комплекс
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СЭ – Советская этнография
ТАС – Тверской археологический сборник
ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
ТГГИ – Татарский государственный гуманитарный институт
ТГУ – Тюменский государственный университет
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УдмНИИ – Удмуртский научно-исследовательский институт
УдНИИЯЛИУрОРАН - Удмуртский научно-исследовательский институт
языка, литературы, истории Уральского отделения Российской Академии наук
УроРАН – Уральское отделение Российской Академии наук
экз. – экземпляр
ЮОО – Южный Олений остров
АВУ – Археологічні відкриття в Україні
АДІУ – Археологія і давня історія України
АДЛУ – Археологічні дослідження Львівського університету
АДУ – Археологічні дослідження в Україні
АП УРСР – Археологічні пам'ятки Української РСР
ЗНТШ – Записки наукового товариства імені Шевченка у Львові
АР – Archeologia Polski
Spraw. PAU – Sprawozdanie z czynności i pociedzen PAU

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения. Поволжская археология – международный рецензируемый журнал, посвященный проблемам археологии и смежным дисциплинам. Журнал выходит ежеквартально на русском и английском языках. Все публикации рецензируются и сопровождаются резюме на английском и русском языках.

Научный журнал «**Поволжская археология**» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, археозоология, биоархеология, нумизматика, эпиграфика, этноархеология и др.). Публикации каждого номера журнала группируются в разделы: «Статьи», «Дискуссии», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS, основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

При отборе статей редакция отдает предпочтение аналитическим и дискуссионным статьям и публикациям новых данных, а также статьям и заметкам, в которых имеются ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Авторы заключают с редакцией **Соглашение**, в котором гарантируют, что предлагаемые ими статьи не были опубликованы прежде в иных изданиях. Авторы также гарантируют отсутствие каких-либо форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Материалы, направляемые в редакцию журнала, авторы должны сопроводить «внешней» рецензией, заверенной печатью организации.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающую статью должен быть отправлен по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят в редакции «внутреннее» рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости их доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Небольшие исправления стилистического и формального характера могут быть внесены в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Порядок приема материалов

Прием материалов для рассмотрения к публикации в журнале «Поволжская Археология» осуществляется по единому графику:

№1 (**март**) – не позднее **1 декабря** текущего года

№2 (**июнь**) – не позднее **1 марта** текущего года

№3 (**сентябрь**) – не позднее **1 июня** текущего года

№4 (**декабрь**) – не позднее **1 сентября** текущего года

Материалы, поступившие в редакцию после указанной даты, могут рассчитывать на выход в другом номере журнала, в соответствии с его тематикой. **Датой поступления материала в номер** считается дата принятия редактором его окончательного варианта, а не рабочей версии.

В исключительном случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема материалов в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на три недели.

При подготовке работ к публикации в журнале Поволжская археология следует строго выполнять редакционные требования и следовать этическим принципам редакции.

Пожалуйста, обратите внимание на необходимость подачи **полного комплекта материалов**:

1. **Соглашение с автором** является обязательным для заполнения и фиксирует согласие автора с условиями публикации в журнале. Документ соглашения доступен для заполнения по адресу: (<https://docs.google.com/forms/d/1a9Av1XUyNHggI76FI1p0zRKKLynOv2RJYF1fEyLIH0E/edit?usp=sharing>) или по требованию, обратившись по адресу arch.pov@mail.ru. Без соглашения материал на рассмотрение редакции не принимается;

2. **Текст** в электронном виде

3. **Список** использованной литературы

4. **Иллюстративный материал**: рисунки, фотографии, таблицы/диаграммы с исходными файлами, использованными для их построения

ИНСТРУКЦИИ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Уважаемые коллеги, процесс обработки публикаций будет более оперативным, если рукопись приведена в соответствии с приведенными ниже рекомендациями, и сопровождается **полным комплектом необходимых материалов**.

Если у Вас возникают какие-либо вопросы перед подачей материала, пожалуйста, свяжитесь с техническим отделом по электронному адресу arch.pov@mail.ru.

РЕЗЮМЕ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

Объем принимаемых материалов зависит от раздела журнала, в который вы планируете подать статью.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ. 15–40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

ДИСКУССИИ. 15–40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. 15–20 тысяч знаков и 1 иллюстрация. При составлении библиографии трудов того или иного ученого следует указывать только основные, наиболее значимые работы (не более 20–25 работ).

ХРОНИКА. Не более 15 тысяч знаков и 2–3 иллюстраций.

Формат принимаемых материалов

Материалы принимаются в форматах *.doc и *.rtf. (формат *.docx не принимается)

Не следует набирать заголовки и выделения в тексте всеми прописными буквами.

Не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой.

Статья должна содержать (см. **Образец оформления статьи**):

– УДК;

– **Название** статьи на русском языке;

– **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на русском языке;

– **Аннотация-резюме** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке;

– **Список литературы (библиография)**

– **Список сокращений**, который должен включать в себя расшифровку всех аббревиатур, используемых как в тексте статьи, так и в списке литературы;

– **Название** статьи на английском языке;

- **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на английском языке;
- **Резюме (Abstract)** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.
- **Иллюстрации** (рисунки, фотографии) в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi;
- **Таблицы** в формате Word (в тексте) или MS Excel;
- **Подписи к иллюстрациям и таблицам**, приводятся в общем файле после списка литературы (см. *Образец оформления статьи*);
- **Сведения об авторе или авторах** (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Сокращения (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Числа (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Хронология и датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Радиоуглеродные датировки (общие требования) (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Некалиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Калиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ИЛЛЮСТРАЦИИ (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Рисунки и фотографии в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi; Иллюстрации, вставленные в MS Word или Excel-файл, **не принимаются.**

Если рисунок содержит **номера или текст**, они должны быть **впечатаны** в электронном виде, а не вписаны от руки. Исключение составляют архивные материалы.

ДИАГРАММЫ должны быть оформлены в программе **MS Excel**. При этом **обязательно** вместе с диаграммами MS Excel необходимо предоставлять также таблицы, на основе которых они были выстроены.

ТАБЛИЦЫ. Наглядный материал может быть представлен в табличной форме.

Таблица строится в программе MS Excel или MS Word;

Таблицы должны иметь номер и заголовок (на английский язык заголовок не переводится);

Если Таблица включает рисунки, то их необходимо прислать отдельно в формате *.tif или *.jpg.

БИБЛИОГРАФИЯ И СИСТЕМА ССЫЛОК (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

В статьях, публикуемых в журнале «Поволжская археологи», используется нижеприведенная система составления внутритекстовых ссылок и оформления библиографии. В случае несоответствия данным требованиям присланные материалы будут отправлены автору для доработки.

Библиографические ссылки на литературу и источники в тексте даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п. Пожалуйста, убедитесь в том, что **все** внутритекстовые ссылки включены в библиографический список.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

Список литературы (библиография) составляется в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место, издательство, год издания, страницы) на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, немецком, французском и т.д.). Библиографический список не следует делать излишне пространным (не более 50), ссылки на собственные работы автора (авторов) должны составлять не более 25%. Пожалуйста, убедитесь в том, что все ссылки, приведенные в библиографии, присутствуют в тексте статьи.

Например:Описание монографии (книги)

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с. (для монографий в серии МИА).

3. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

4. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.

5. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

6. Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. 276 с.

Описание статьи в продолжающемся издании (сборнике трудов)

Асылгараева Г.Ш. Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 1 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 63–133.

Чижевский А.А., Каменное изваяние с острова Березовая Грива // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 419–427.

Халиков А.Х. Мезолит Среднего Поволжья // МИА. № 126. М.: Наука, 1966. С. 185–193.

Описание статьи в научном сборнике

Белорыбкин Г.Н. Монголы в землях обулгаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 82–87.

Напольских В.В. Проблема начала финно-угорско-иранских контактов // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 76–89.

Описание материалов конференции

1. *Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Казанская археология: итоги и перспективы // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том. I. Казань: Отечество, 2014. С. 8–10.

2. *Казаков Е.П.* Проявления языческой культуры в древностях Урало-Поволжья болгарского времени // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург, Сургут: Магеллан, 2007. С. 251–253.

Описание статьи в журнале

1. *Яворская Л.В.* Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // ПА. 2012. № 1. С. 216–237.

2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования эпохи камня Волго-Камья // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 174–181.

3. *Валулина С.И., Зиливинская Э.Д.* Стекланные изделия Самосдельского городища // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Том 152, кн. 3, ч. 1. С. 63–76.

Описание статьи в электронном журнале

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Доступно по URL: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание ссылки на Web-сайт

1. The Berry flint. URL: http://www.geocaching.com/geocache/GC42TVE_Le_silex_blonde_du_Berry (дата обращения: 23.09.2014).

Описание книги, переведенной с иностранного языка

Gerberstein S. *Rezum Moscoviticarum commentarii*. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow: Moscow University Publ., 1988, 430 p.).

Описание рецензии

Кузьмина Е.Е. Рец. на: В.П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975 // СА. 1977. № 3. С. 261–265.

Описание полевого отчета

1. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических раскопках Федотовского городища 1954 г. Ижевск, 1955 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 966.

2. *Генинг В.Ф., Одинцов В.В.* Отчет о раскопках Нырғындинского II могильника // Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. Т. II. Свердловск, 1969 / Архив Археологического музея УрГУ. Ф. II. Д. 756.

Описание диссертации и автореферата диссертации

1. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1983. 18 с.

2. *Подосенова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс... канд. ист. наук. Пермь, 2009. 272 с.

Образец оформления статьи

УДК 904 “04/14”

**Исследования в центральной части
Болгарского городища («Дом Ремесленника»)**

© 2013 г. А.М. Губайдуллин

Аннотация-резюме на русском языке

Ключевые слова: на русском языке

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

**Researches in the Central Part of the Bulgar Ancient
Settlement («House of the Handicraftsman»)**

A.M. Gubaidullin

Abstract (на английском языке)

Keywords: (на английском языке)

About the Author:

Gubaidullin Airat M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, к изданию в журнале не принимаются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 25.09.2017 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Печать цифровая. Бумага мелованная. Печ. л. 23,0. Усл. печ. л. 32,2.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20